

Л.Д.Троцкий.

Архив в 9 томах: Том 7

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский
Email: Yuri.Felshtinsky@verizon.net
Date: 29 Sep 2005

Архив Л. Д. Троцкого. Том 7

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Предисловие, примечания, указатели Ю.Г.Фельштинского и

Г.И.Чернявского

Предисловие

Седьмой тома "Архива Л.Д.Троцкого" включает документы 1933-1934 гг., то есть открывает второй этап как деятельности самого Троцкого в эмиграции, так и в истории возглавлявшегося им течения в международном революционно-коммунистическом движении.

В 1933 г. сторонникам Троцкого удалось добиться согласия французских властей принять его в качестве иммигранта и их решения отменить принятое в 1916 г. постановление о запрещении Троцкому въезда во Францию. Сравнительно длительное - почти четыре года - пребывание на острове Принкипо в Турции сменилось частыми переездами, сначала в пределах Франции, затем в Норвегию и, наконец, в Мексику.

1933 год был переломным и в истории международной коммунистической оппозиции.

Бурные события на европейском континенте, прежде всего приход нацистов к власти в Германии, означавший тягчайшее поражение германского рабочего движения на обоих его полюсах - коммунистическом и социал-демократическом, крах политической линии Коммунистического Интернационала, приведший к серьезной перестройке внешнеполитического курса советского руководства в сторону сближения с демократическими европейскими странами и США, предопределили окончательный разрыв Троцкого с Коминтерном и большевистской партией, происшедший на протяжении первой половины 1933 г.

Международная левая оппозиция только теперь перестала считать себя внутренней левой оппозицией в Коминтерне (хотя сам Коминтерн с подачи Сталина и его присных уже давно, в течение пяти-шести лет, сторонников Троцкого в качестве оппозиции не рассматривал, беспощадно изгоняя их из коммунистических партий). Троцкий взял курс на образование параллельных компартий и их международного объединения - Четвертого Интернационала. Официальное решение об этом было принято пленумом Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции 19 августа 1933 г. (курс на создание новой компартии в Германии был взят еще ранее - весной того же года).

При этом, однако, организационное состояние групп и объединений, следовавших за Троцким, отнюдь не улучшилось. Между ними продолжались дразги, часто по надуманным и личностным или даже просто фиктивным вопросам, расколы, перегруппировки, исключения неугодных лиц и тому подобные дестабилизационные процессы. В то же время эти объединения оставались весьма активными и шумными, стремились использовать любую возможность - предвыборные кампании, различные съезды, в частности антифашистский конгресс в Париже, - для пропаганды своих позиций или хотя бы для

напоминания о своем существовании.

Вместе с тем Троцкий и его сторонники попытались расширить свое влияние путем установления контактов с отколовшимися от социал-демократического движения партиями, взявшими более левый курс. Троцкий попытался установить союз с Социалистической рабочей партией Германии, действовавшей в эмиграции, призывал своих британских сторонников войти в Независимую рабочую партию Великобритании и т. д.

Все эти и многие другие проблемы оппозиционного коммунистического движения, его взаимоотношений с другими левыми политическими силами отражает документация данного тома.

Однако в центре внимания автора подавляющего большинства документов (в том включены также отдельные письма сына Троцкого Л.Л.Седова и его секретаря М.И.Певзнера) находилась ситуация в Германии и те изменения в Европе и во всем мире, которые, по мнению автора, германские события влекли за собой. Троцкий справедливо полагал, что "за последние год-два ключ к международному положению находится в Германии".

Оценка внутреннего положения в Германии после прихода нацистов к власти была более или менее объективной. Любопытно, что уже через неделю после образования правительства Гитлера, 6 февраля 1933 г., Троцкий высказал предположение, что под прикрытием подготовки к выборам (они были назначены на 5 марта) нацисты произведут государственный переворот. Именно так и произошло: воспользовавшись поджогом здания германского рейхстага 27 февраля (современные исследователи устанавливают, что рейхстаг поджег левый авантюрист Маринус ван дер Люббе, а не нацисты, как это утверждалось большинство авторов в течение десятилетий), Гитлер через послушного президента Гинденбурга ввел чрезвычайное положение и начал громить демократию.

Трезво оценивая ситуацию как тягчайшее поражение германского рабочего класса, Троцкий был далек от тех коммунистических крикунов, которые, сбежав из страны, продолжали повторять вслед за своими коминтерновско-кремлевскими опекунами, что Германия находится накануне революционного взрыва. В статье "Немецкие перспективы" в отношении рабочего класса Германии отмечалось: "Если несколько месяцев тому назад (то есть тогда, когда борьба за власть в Германии достигла апогея - Ю.Ф. и Г.Ч.) он оказался по вине своего руководства неспособен к обороне своих могущественных легальных позиций от наступления контрреволюции, то теперь, на другой день после разгрома, он неизмеримо менее подготовлен к наступлению на могущественные легальные позиции национал-социализма".

Троцкий отлично понимал, что "фашистские" репрессии (подобно официальным коммунистам, да и значительной части западных наблюдателей он часто именовал германских национал-социалистов фашистами, хотя никакой генетической связи между ними и итальянским фашистским режимом не было) не только не окажут "немедленного революционного действия", но, наоборот, приведут к подрыву рабочего класса в обществе. Иначе говоря, констатировал Троцкий в свойственном коммунистам лексиконе, в Германии сейчас происходит "не назревание пролетарской революции, а углубление фашистской контрреволюции".

Лидер альтернативного коммунистического движения вынужден был признать политический индифферентизм значительной части населения Германии, "озлобленную пассивность" масс, их вступление в нацистские организации. Троцкому нельзя отказать в мужестве: вопреки своим коммунистическим догмам по поводу авангардной революционной роли пролетариата, он пришел к выводу, что "факт массового перехода под знамя со свастикой является непрерываемым свидетельством чувства безысходности, охватившего пролетариат. Реакция проникла в кости революционного класса. Это не на один день".

В связи с приходом нацистов к власти в Германии Троцкий выносил весьма суровый приговор и официальному международному коммунистическому движению в целом. "Для мирового пролетариата германская катастрофа и роль в ней Коминтерна неизмеримо важнее, чем всякие организационные маневры, конгрессы, уклончивые заявления, дипломатические соглашения и проч. Исторический суд над Коминтерном произведен. Апелляции на приговор нет".

Собственно говоря, именно такая, до предела резкая и категорическая оценка, и была необходима для того, чтобы обосновать необходимость разрыва с Коммунистическим Интернационалом и образования нового Интернационала. По

существо же Троцкий бесспорно осознавал и в высказываниях по другим поводам приближался к обоснованию совершенно другой непосредственной главной причины постепенного загнивания и краха III Интернационала. Эту причину он начинал видеть в крахе мировой революции и в осуществлении в СССР того, что официально именовалось социализмом в одной стране, а фактически представляло собой сооружение здания зрелого тоталитаризма.

Внимательно следя за социально-политическими явлениями в Германии непосредственно после прихода к власти Гитлера, Троцкий в то же время понимал, что нацификация Германии не была одновременным актом, что она представляла собой процесс, отнюдь еще не predetermined, что в задаче оставалось еще много неизвестных величин.

Хотя в первой половине 1933 г. конфликт между нацистской верхушкой и отрядами штурмовиков не вышел еще на поверхность и призывы последних ко "второй революции", если и раздавались, то не очень громко, для внимательного аналитика, каковым был Л.Д.Троцкий, столкновение СА с правительством Гитлера представлялось неизбежным и близким (в действительности оно произошло через год и увенчалось кровавой расправой со штурмовыми отрядами в "ночь длинных ножей" 30 июня 1934 г.)

В то же время в оценке социальной базы Гитлера Троцкий не был последователен. В нее входили, по его мнению, чиновники, служащие, лавочники, роумейстеры. Он не видел, что Гитлера энергично поддерживают значительно более широкие слои населения. Поэтому весьма пессимистические оценки внезапно сменялись приливами оптимизма, отнюдь не соответствовавшего реалиям. "Слишком туго сжатая пружина начинает распрямляться", - утверждал он.

Сосредоточиваясь на сугубо классовом, биполярном подходе к событиям в Германии, Троцкий не видел, что острием своим нацистская власть направлена отнюдь не только против "зачатков пролетарско демократии", каковыми он именовал рабочие партии и их прессу, профсоюзы и т. п., а против "буржуазной" демократии, то есть против демократии как таковой. Осознание, что в Германии происходит установление тоталитарной системы, еще не проникло в комплекс взглядов и аргументации Троцкого.

Немало внимания в статьях и письмах 1933-1934 гг. уделялось перспективам внешней политики Германии. Предрекалось, и события подтвердили правоту этого прогноза, что "на интернациональной арене дальше жестов и фраз Гитлер в данный период пойти не сможет", что он будет всячески доказывать Франции и другим западным державам необходимость поддержать его в борьбе против большевизма.

Но вместе с тем, принимая во внимание перспективу не месяцев, а лет, Троцкий считал военную агрессию со стороны Германии неизбежной. "Срок новой военной катастрофы определяется временем, необходимым для вооружения Германии. Дело идет не о месяцах, но и не о десятилетиях". Несколько конкретизируя свои предположения, он высказывал мнение, что большая война в Европе может разразиться не ранее, чем через три-четыре года, что по своей кровопролитности и разрушительности эта "большая война" не будет иметь прецедентов, что в ней может погибнуть "не только фашизм, но и культура Европы", что прежние войны, в частности первая мировая война, "покажутся идиллической увертюрой по сравнению с той адской музыкой, которая надвигается на нас". При этом Троцкий предполагал, что одним из основных очагов войны, наряду с Европой, окажется Дальний Восток, что оба очага войны сольются воедино и что СССР неизбежно будет вовлечен в водоворот событий.

Все эти соображения и предположения давали лидеру альтернативного коммунистического движения все основания для оценки периода после первой мировой войны в качестве промежутка между двумя мировыми войнами.

Как видим, объективно политическое положение, которое занимал Троцкий, почти уже равно удаленное от основных субъектов мировой политики - нацистской Германии и милитаризовавшейся Японии, западных демократических держав, сталинского СССР, - давало ему возможность относительно трезво судить о состоянии и перспективах мирового развития и уже в 1933-1934 гг. высказывать такие прогнозы, которые через несколько лет начинали подтверждаться.

Интересно в связи с этим отметить, что оценки международного положения и его перспектив были более взвешенными и глубокими, нежели касавшиеся внутренней обстановки в Германии и в других странах.

Что же касается социально-экономического и политического положения СССР, то новая линия Троцкого не привела еще к каким-либо существенным сдвигам в его оценках. Более того, явное противоречие между суждениями о крахе Коминтерна и о создании социалистического (в смысле поставленной цели, а не достигнутого результата) строя в СССР Троцкий пытался преодолеть заявлениями по поводу того, что образование новых компартий и IV Интернационала как раз и необходимо, в частности, для "сохранения и возрождения СССР", ибо, "несмотря на все свои бюрократические извращения и ложную хозяйственную политику", СССР "остаётся и сегодня государством социализации земли, фабрик, заводов и коллективизации сельского хозяйства".

Подчас взгляды на внутреннюю ситуацию в СССР оказывались попросту нелепыми. Достаточно сказать, что, по мнению Троцкого, в виде колхозов крестьяне получили не то, что они называли "ВКП(б)" ("второе крепостное право большевиков"), как это было на самом деле, а "организацию сопротивления советскому государству".

В то же время Троцкий значительно лучше, чем Сталин и его группа, понимал, что СССР не отделен от остального мира непроницаемой стеной. В данном случае теория перманентной революции позволяла четче, чем теория социализма в одной стране, видеть зависимость развития СССР от того, что происходило в Европе и в остальном мире.

Троцкий продолжал идеализировать и извращать ленинский период в развитии России (СССР), то есть то время, когда он сам играл лидирующую роль в становлении тоталитарной системы. Особенно энергично он отстаивал необходимость и правильность "красного террора", ибо "мы были пионерами", обязательность "диктатуры пролетариата", необходимой, мол, для уничтожения эксплуатации, подавления сопротивления эксплуататоров, сосредоточения власти, средств производства и культуры в руках пролетариата и т. д. Разумеется, при этом неизменно повторялся все тот же спекулятивный логический ход подмены понятия, который был присущ всей коммунистической пропаганде: говорилось о пролетариате - имелось в виду всевластие компартии.

Правда, в документах Л.Д.Троцкого неизмеримо четче подчеркивались отличия условий стран Западной Европы и США по сравнению с Россией в смысле перспектив "социалистической революции". Собственно говоря, без подчеркивания этих отличий он не только никак не мог надеяться на установление союза с левосоциалистическими партиями или тем более на объединение своих организаций с ними в рамках нового Интернационала, он даже не мог рассчитывать на сохранение большинства западноевропейских или североамериканских сторонников.

В самой общей форме отличие ситуации в Западной Европе в отношении перспектив "социалистической революции" он выразил еще в 1933 г., заявив: "Без революции германский пролетариат не обойдется. Но в своей революции он будет говорить по-немецки, а не по-русски. Я не сомневаюсь, что он будет говорить гораздо лучше, чем говорили мы".

Более конкретно Троцкий возвратился к этому вопросу через полтора года, в августе 1934 г., применительно к Соединенным Штатам. Он рассуждал по поводу того, что Советы - "очень пластичная и гибкая правительственная форма", что на основе их возможна широкая борьба интересов и группировок, что монополизация печати не может считаться нормой и т. п. Все эти рассуждения в определенном смысле можно было бы рассматривать в качестве одной из идеологических предпосылок будущего еврокоммунизма. Но, разумеется, "мягкие" заявления отнюдь не исключали "жестких" принудительных мер в том случае, если бы в какой-то точке земного шара произошло весьма мало вероятное событие - приход сторонников Троцкого к власти.

Более того, можно почти безапелляционно утверждать, что их власть, если бы они вздумали начать "строить социализм", обернулась бы жесточайшими репрессиями, подавлением инакомыслия, возникновением сразу же или в конечном итоге тоталитарной системы. Иначе говоря, произошло бы примерно то же, что в странах "народной демократии" после второй мировой войны, где разговоры о демократии "нового" или "особого" типа вскоре сменились установлением всевластия компартий под фиктивной кличкой "диктатуры пролетариата"¹.

Имея в виду именно такую перспективу, Троцкий прежупреждал, что только безнадежные филистеры будут думать, будто социалистический переворот можно совершить конституционно. Отсюда и потиворечия, буквально в соседних абзацах его публицистики и переписки. С одной стороны, более благоприятное положение

приведет, мол, к тому, что германский пролетариат не будет нуждаться в репрессиях в области печати. Но вслед за этим: "...Я не хочу сказать, что рабочее государство потерпит хотя бы в течение одного дня режим буржуазной 'свободы' печати".

Относительно трезво оценивая ситуацию, перспективы внутреннего развития Германии и войны в Европе и на Дальнем Востоке, Троцкий сохранял утопическую убежденность в возможности революций в Европе в ближайшее время.

На некоторые классовые и политические столкновения он смотрел через увеличительное стекло, видя в них чуть ли ни начало революций. В 1934 г. особое его внимание в этом смысле привлекала Франция. Уличные выступления правозащитных сил в Париже 6 февраля 1934 г., контрдемонстрацию левых сил и политическую забастовку, происшедшую через несколько дней, он оценил с огромным преувеличением как "красные бои на улицах Парижа", высказав вскоре предположение о возможности появления "советской Франции"! Это, мол, имело бы самые радужные последствия: "Между СССР и Советской Францией диктатура наци не продержалась бы и двух недель. Муссолини не замедлил бы последовать в преисподнюю за Гитлером".

И уж во всяком случае Троцкий решительно отвергал поиск "изначальных ошибок" в марксистской догматике, вполне обоснованное мнение, что крах всех трех Интернационалов генетически и логически связан с ошибочными предположениями Маркса и Энгельса, а затем их главных последователей.

Отлично сознавая малочисленность, непрочность, гетерогенность организаций своих сторонников, непрерывные конфликты между ними, Троцкий безуспешно пытался посредничать между этими группами, в ряде случаев (например, в отношении британских последователей) отказывался поддерживать лишь одну из соперничавших групп, считая обе из них равноправными членами Интернациональной коммунистической лиги, как после взятия курса на создание нового Интернационала стала именовать себя Интернациональная левая оппозиция. По поводу столкновений друг с другом двух американских оппозиционных коммунистических групп он с досадой писал, что достаточно было бы сталинцам "опубликовать многочисленные декларации двух борющихся групп друг против друга, чтобы отравить все источники сочувствия к левой оппозиции".

Тем не менее лидер альтернативного коммунистического движения был весьма оптимистичен в отношении перспектив формирования нового Интернационала. Особые надежды внушал ему тот факт, что в августе 1933 г. удалось, наконец, созвать в Париже конференцию ряда левосоциалистических и коммунистических групп, не примыкавших ни к Социалистическому Рабочему Интернационалу, ни к Коминтерну. На этой конференции, однако, сторонникам Троцкого удалось договориться о совместных действиях и общей программе только с тремя мелкими организациями - Социалистической рабочей партией Германии (напомним, действовавшей в эмиграции) и голландскими Рабочей социалистической и Объединенной социалистической партиями.

Можно лишь поражаться тому, как ослеплен был Троцкий этим незначительным, более того, оказавшимся фиктивным успехом. Обычно более или менее трезвый политик, он на этот раз оказался во власти весьма радужных грезов. Комментируя декларацию своих сторонников, подписанную вместе с названными группами, он высказывал надежду, что "через некоторое время, скажем, через два месяца (!), Декларация будет заменена Манифестом нового Интернационала". Все эти надежды оставались втуне, ибо буквально на следующий день после установления единства действий между союзниками возникали новые острейшие споры, которые неизбежно вели и привели в разрыву. Мы уже не говорим о том, что малочисленность и слабая влияние этих организаций означали, что существенные изменения не произошли бы и в том случае, если бы союз оказался более прочным.

Публикуемые документы дают, на наш взгляд, широкое и разностороннее представление о деятельности организаций сторонников Троцкого в различных странах, его взаимоотношениях с ними, особенно с французской Коммунистической лигой и ее руководителями, с которыми наш герой с лета 1933 г., находясь во Франции, поддерживал постоянный личный контакт.

Предлагаемый том шире, чем предыдущие, вошедшие в данное издание, дает представление о перипетиях личной жизни Л.Д.Троцкого. Письменное свидетельство Л.Л.Седова позволяет воссоздать некоторые конкретные обстоятельства переезда из Турции во Францию. Письма Троцкого его жене

Н.И.Седовой в свою очередь богаты бытовыми деталями пребывания во французской провинции.

* * *

В седьмой том включены статьи, заявления, письма, заметки Л.Д.Троцкого, документы, подготовленные им для Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции (Интернациональной коммунистической лиги) и другие материалы. Переезды 1934 года и ухудшение состояния здоровья привели к тому, что документация этого года существенно беднее предыдущего.

Помимо документов, автором которых являлся Л.Д.Троцкий, в данный том, как уже отмечалось, вошли несколько писем и иных материалов его сына Л.Л.Седова и его секретаря М.И.Певзнер.

подавляющее большинство документов взято из Архива Л.Д.Троцкого, хранящегося в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (Harvard University, Haughton Library) в г. Кембридж (Массачусетс, США). Несколько писем извлечено из коллекции Б.И.Николаевского в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира (г. Пало-Алто, Калифорния, США). Поисковые данные указаны только в отношении документов из Гуверовского института.

Все документы публикуются на русском языке впервые. Некоторые из них ранее были опубликованы в изданиях "Writings of Leon Trotsky" (Нью-Йорк), "Oeuvres de L on Trotsky" (Париж) и др. Однако все эти документы публикуются в настоящем томе по архивным первоисточникам.

Предлагаемый том, как и предыдущие, подготовлен докторами исторических наук Ю.Г.Фельштинским и Г.И.Чернявским. Помощь в подготовке к печати документов, связанным с Китаем, оказал доктор исторических наук А.В.Панцов.

Публикаторы следовали в данном томе той же методике, которой они руководствовались в предыдущих томах и которая изложена в предисловии ко всему изданию.

Публикаторы вновь выражают свле сердечную благодарность администрациям Хогтонской библиотеки Гарвардского университета и Архива Гуверовского института за любезное разрешение на издание документов, хранящихся в их фондах.

1 См.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа: Становление политических режимов советского типа. 1949-1953. Очерки истории. - М.,: РОССПЭН, 2002. - 686 с.

1933

[Письмо в редакцию газеты "The Militant"]

Принкипо, 3 января 1933 г.

В редакцию "МИЛИТАНТ"

Дорогие товарищи!

За последнее время я имел случай несколько раз убедиться, что Макс Истмен ведет систематическую работу против материалистической диалектики, этой философской основы марксизма и научного коммунизма. По содержанию и теоретическим тенденциям эта борьба несколько не отличается от других разновидностей мелкобуржуазного ревизионизма, начиная с берштейнианства¹ (в его философско-теоретической части). Если Истмен сохраняет при этом свое горячее сочувствие Октябрьской революции и даже левой оппозиции, то субъективно эта вопиющая непоследовательность делает ему честь, ни на йоту, однако, не повышая теоретической ценности его критики марксизма.

Я мог бы молчаливо предоставить кротонскую разновидность ревизионизма² ее законной участи, если бы меня не связывала с самим Истменом довольно старая личная и литературная связь. Истмен перевел недавно на английский язык три тома моей "Истории революции". По общему признанию, он выполнил эту большую работу превосходно. Я ему высказал за это искреннюю благодарность, и здесь готов повторить ее. Но когда Истмен делает попытку перевести марксову диалектику на язык вульгарного эмпиризма, то его работа возбуждает во мне

чувства, прямо противоположные благодарности. Во избежание каких бы то ни было сомнений и недоразумений я считаю своим долгом заявить об этом во всеуслышание.

С коммунистическим приветом
Л.Троцкий

Опасность термидора

(К последней речи Сталина³)

Советский режим основан на союзе пролетариата и крестьянства. Пролетариат составляет меньшинство населения; крестьянство – подавляющее большинство. Зато в руках пролетариата – наиболее концентрированные средства производства. Крестьянство, наоборот, раздроблено условиями своего хозяйства. Кроме того, оно неоднородно. Пока не переделана в корне техника, экономика и культура деревни, – а на это при самых благоприятных условиях потребуется еще работа целого поколения, – крестьянство будет выделять из себя кулацкий слой, который неизбежно стремится к капитализму. Механический разгром наличных кулаков ничего не решает. После так называемой ликвидации кулачества как класса советская печать, перешедшая от материализма к идеализму (бюрократы – всегда идеалисты), непрерывно жалуется на силу кулацкой "идеологии", на "пережитки кулацкой идеологии" и пр. На самом деле под этими жалобами скрывается тот факт, что середняк, хотя бы и запертый в колхоз, не видит при нынешней технике и экономике другого выхода для себя, как подняться на уровень кулака.

В Октябрьском перевороте сошлись две революции: конец демократической и начало социалистической. Демократическая принесла крестьянству около полумиллиарда золотых рублей, освободив его от арендной платы. Плоды социалистической революции измеряются для мужика тем, сколько он может получить продуктов городской промышленности в обмен на центнер хлеба. Мужик не утопист, он не требует, чтоб ему построили социализм в отдельной стране, да еще в течение пяти лет. Но он хочет, чтобы социалистическая промышленность снабжала его товарами на условиях не худших, чем капиталистическая промышленность. При этом условии крестьянин готов оказать пролетариату и его партии неограниченный кредит политического доверия. Советское государство получило бы возможность маневрировать в зависимости от внутренних условий и мировой обстановки, постепенно втягивая крестьянство в социалистическое хозяйство.

Фундаментом массовой коллективизации может быть только эквивалентный обмен продуктов промышленности и сельского хозяйства. Не вдаваясь в теоретико-экономические тонкости, эквивалентным надо считать такой обмен, который побуждает крестьянина, индивидуального, как и коллективного, засеять как можно больше земли, собирать как можно больше зерна, продавать как можно больше его часть государству, чтобы получить как можно больше продуктов промышленности. Только такое экономическое взаимоотношение города и деревни – по Ленину "смычка" – может избавить рабочее государство от необходимости применения мер принудительного обмена с деревней. Только с того момента, когда добровольный товарообмен обеспечен, диктатура пролетариата становится незыблемой. Обеспеченная смычка означает теснейший политический союз деревенской бедноты с городскими рабочими, устойчивость главной массы середняков и, следовательно, политическую изолированность кулаков и всех вообще капиталистических элементов страны. Обеспеченная смычка означает незыблемую верность Красной армии пролетарской диктатуре, что, при успехах индустриализации и неограниченных людских, главным образом крестьянских, резервах, дало бы советскому государству возможность справиться с любой империалистической интервенцией.

Индустриализация, как разъясняла левая оппозиция с 1923 года, является основной предпосылкой движения к социализму. Без роста индустриализации нельзя дать крестьянину ни ситца, ни гвоздей, ни, тем более, трактора. Но индустриализация должна вестись таким темпом и по таким планам, чтоб систематически, хотя бы и медленно, улучшать взаимоотношение между товарными

массами города и деревни, повышая жизненный уровень как рабочих, так и крестьян. Это основное условие устойчивости всего режима ставит предел допустимым темпам индустриализации и коллективизации.

Спрашивать: уничтожила ли пятилетка классы, ввела ли социализм – бессмысленно. Но зато обязательно спрашивать: укрепила ли она экономическую смычку между промышленностью и сельским хозяйством. Ответ гласит: нет, ослабила и расшатала. В своей последней речи на пленуме ЦК Сталин хвалился тем, что план коллективизации превзойден в три раза. Но кому нужна эта цифра, кроме бюрократических хвастунов? Статистика коллективизации не заменяет хлеба. Колхозов много, а мяса и овощей нет. Городу нечего есть. Промышленность расстраивается, потому что рабочие голодают. В отношении к крестьянину государство от полудобровольного обмена повернуло полностью на путь продовольственного налога⁴, принудительного отчуждения, т. е. методов военного коммунизма.

Голодные рабочие недовольны политикой партии. Партия недовольна руководством. Крестьянство недовольно индустриализацией, коллективизацией, городом. Часть крестьянства недовольна режимом. Какая это часть? Измерить ее нельзя, но ясно, что при нынешних условиях она не может не расти.

"План коллективизации превзойден в три раза!" В этом-то и состоит несчастье. Принудительные колхозы не только не ведут к социализму, но, напротив, подрывают устой диктатуры пролетариата, становясь организационной формой стачки крестьян против государства. Скрывая от государства хлеб или преднамеренно сокращая посевы, крестьянство становится на кулацкий путь: дайте мне, говорит оно, свободно продавать и свободно покупать. Кому и у кого? Тому и у того, кто предложит сходную цену: государство ли, частник ли, иностранный ли капиталист. Крестьянская стачка в пользу свободы внутренней торговли автоматически ведет к требованию отмены монополии внешней торговли. Такова логика ошибок первой пятилетки.

Сталин давал в своей речи итоговые цифры. Мы к ним еще вернемся в особой статье. Но при плановом хозяйстве статистические итоги лишь в том случае совпадают с экономическими, если план правилен. Наоборот, ошибочный план может и величайшие достижения скомпрометировать, даже свести к нулю. Пятилетка дала огромные технические и производственные завоевания. Но ее экономические результаты крайне противоречивы. Что же касается политического баланса, то он сводится с явным и притом большим дефицитом. А политика есть концентрированная экономика. Политика решает. Такое социалистическое строительство, которое вгоняет клин между крестьянством и пролетариатом и сеет недовольство в пролетариате, есть ложное строительство. Никакие речи и цифры не могут изменить этой объективной жизненной оценки. Действительный баланс дается не на газетных страницах, а на крестьянских полях, в колхозных закромах, в сырьевых складах заводов, в рабочих столовках, наконец, в головах рабочих и крестьян.

Через все свои зигзаги, отставания и забегания вперед бюрократический центризм не укрепил диктатуру пролетариата, а, наоборот, чрезвычайно усилил опасность термидора. Только трусишки могут бояться назвать вслух этот результат. Факты сильнее слов. Чтобы бороться против враждебных фактов, надо назвать их по имени. По имени надо назвать также и виновников: Сталин и его клика.

Почему мы говорим именно о термидоре? Потому что это есть исторически наиболее известный, наиболее законченный образец замаскированной контрреволюции, которая сохраняет еще формы и обрядности революции, но уже меняет бесповоротно классовое содержание государств. Тут умники прервут нас, чтобы выложить свою премудрость: во Франции XVIII века дело-де шло о буржуазной революции, в России XX века – о пролетарской; социальные условия резко изменились, изменилась мировая обстановка и пр. и пр. Такими общими местами каждый филистер без труда придает себе вид исключительного глубокомыслия. Различие между Октябрьской и якобинской революциями не составляет тайны и для нас. Но это не довод за то, чтобы поворачиваться к истории спиной. В 1903 году Ленин писал, что большевик – это якобинец, неразрывно связанный с рабочим классом. Я возражал тогда Ленину, подробно разъясняя, чем марксист отличается от якобинца. Мои соображения, правильные сами по себе, били, однако, совершенно мимо цели. Ленин хорошо знал, что марксист и якобинец не одно и то же. Но ему необходимо было для определенной цели выделить их общие черты. Без такого метода нельзя вообще учиться у

истории.

В том самом смысле, в каком Ленин называл большевиков пролетарскими якобинцами, в реакции против пролетарской диктатуры можно выделить черты термидора. Не всякая контрреволюция может быть подведена под термидор: ни Корнилов, ни Колчак, ни Деникин, ни Врангель не имели ничего общего с термидором. Во всех этих случаях дело шло о вооруженной борьбе капиталистов и помещиков за восстановление своего господства. Эту опасность пролетарское государство отбило. Может ли она повториться? В качестве самостоятельного фактора – нет. Русская крупная буржуазия разгромлена радикально. Ее остатки могли бы снова появиться на сцену либо в хвосте иностранной военной интервенции, либо в хвосте термидора.

Из всех прежних контрреволюционных движений в Советском Союзе ближе всего к термидору подходило по своему типу Кронштадтское восстание в марте 1921 года⁵. Все пролетарские элементы из кронштадтского гарнизона были в течение трех предшествующих лет выкачаны для советского строительства и гражданской войны; лучшие успели погибнуть. На судах и в казармах оставался сырой крестьянский элемент, к тому же полуголодный. Многие из этих матросов считали себя большевиками, но они не хотели коммуны; они стояли за Советы, но без коммунистов. Это было восстание недовольного, обиженного, потерявшего терпение крестьянства против диктатуры пролетариата. Если бы мелкая буржуазия победила, она бы на другой же день обнаружила свою несостоятельность. На смену ей могла бы прийти только крупная буржуазия. В условиях нынешней эпохи, т. е. XX, а не XVIII века, для этого понадобились бы не годы, а месяцы, может быть, даже только недели. Мелкобуржуазная контрреволюция, которая искренне считает себя революцией, которая не хочет господства капитала, но неминуемо подготавливает его – это и есть термидор.

Силой термидора в Советском Союзе может стать только крестьянство. Для этого нужно, чтобы оно серьезно разошлось с пролетариатом. Разрушение нормальных взаимоотношений города и деревни, административная коллективизация, принудительное отчуждение сельскохозяйственных продуктов противопоставляют сейчас крестьянство советскому государству не менее остро, чем зимой 1920–1921 гг. Пролетариат сейчас, правда, несравненно многочисленнее: в этом – завоевание индустриализации. Но пролетариат совершенно лишен активной, бдительной, самостоятельной партии, а номинальная партия лишена марксистского руководства. С другой стороны, крестьянство получило в виде колхозов организацию сопротивления советскому государству. Разрушение начинавшей налаживаться экономической смычки грозит разрывом политического союза между пролетариатом и крестьянством. В этом и состоит источник опасности термидора.

Не надо представлять себе дело так, будто разрыв должен пройти по отчетливой социальной линии: здесь крестьяне, там рабочие. Крестьянские массы окружают и обволакивают пролетариат со всех сторон. В составе самого пролетариата имеются миллионы свежих выходцев из деревни. Наконец, явная ложность политики руководства, крушение бюрократического авантюризма, отсутствие ясной ориентировки, полное удушение рабочей демократии, – все это делает и коренных рабочих восприимчивыми к давлению мелкобуржуазной идеологии. В этом второй источник опасности термидора.

Не надо воображать, что линия разрыва должна пройти где-либо между партией, с одной стороны, крестьянством и частью рабочего класса, с другой. Нет, линия термидора должна была бы неизбежно пересечь самую партию. В своем "Завещании" Ленин писал: "Наша партия опирается на два класса, и поэтому возможна ее неустойчивость, и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашение... На какие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол (партии – Л. Т.). Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить"⁶. Ленин выражал в те дни уверенность в том, что десять–двадцать лет правильных взаимоотношений с крестьянством обеспечат победу пролетарской революции по всемирному масштабе. Именно поэтому он считал, и все мы вместе с ним, перспективу термидора не только отдаленной, но и маловероятной.

Из десяти–двадцати лет, условно намечавшихся Лениным, десять лет уже прошло. На поле международной революции Коминтерн знал за этот период только поражения. Сегодня коммунизм, а, следовательно, и международная революция, несмотря на исключительно благоприятные объективные условия, слабее, чем в

те дни, когда Ленин писал свое Завещание. В то же время опасность разрыва между двумя классами, на которые опирается диктатура в СССР, стала чрезвычайно реальной и острой.

В экономическом положении страны, как оно ни тяжело, нет ничего непоправимого. Нужно только, чтобы было кому поправлять. Нужна партия. Между тем партии в подлинном смысле этого слова сегодня нет. Есть организация, формально включающая в себя миллионы членов и кандидатов. И те и другие одинаково бесправны. В принудительных рамках организации уживаются терроризированные элементы двух партий: пролетарской и термидорианской. Над ними возвышается бюрократия. Она несет вину за ложную экономическую политику, подорвавшую смычку. Еще более тяжелую ответственность несет она за удушение партии. Восстановив своей политикой крестьянство, она политически разоружила и расплыла пролетариат. Рабочие не только физически бродят с завода на завод, они и политически не находят себе места.

Было бы неправильно представлять себе дело так, что линия термидорианского разрыва должна пройти между сталинским аппаратом и правым флангом партии. Нет, она пройдет через самый аппарат. Какой процент составляют в нем Беседовские и Агабековы? Этого не знают сами завтрашние предатели. Все зависит от соотношения сил вне аппарата. Нужен только достаточный толчок со стороны мелкой буржуазии, чтобы бюрократические термидорианцы осознали себя и перескочили через стену, отделяющую их от классового врага. В этом и состоит третий источник опасности термидора.

Но, смотрите, - скажет кто-нибудь из сталинцев или сталинских подголосков, - ведь ЦК собирается чистить партию от правых: это и значит, что Сталин принимает меры против термидора. Нет, отвечаем мы, бюрократическая чистка только облегчает дело термидора. Новая чистка, как и все старые за последние десять лет, направится прежде всего против левой оппозиции, против наиболее мыслящих, критических пролетарских элементов вообще. Несмотря на официальную формулу: "главная опасность справа", - эту формулу повторяет сейчас и Рыков, - тюрьмы и места ссылки заполняются прежде всего левыми оппозиционерами. Но и там, где удары падают на правое крыло, они не укрепляют, а ослабляют партию. Среди правых, наряду с подлинно термидорианскими элементами, есть сотни тысяч, может быть, миллионы, которые глубоко враждебны капиталистической реставрации, но требуют пересмотра всей политики под углом зрения трудящихся масс города и деревни. Программа этих правых смутна. Они могут стать временной опорой термидора; но они могут также поддержать и возрождение партии на революционном пути. Сталинская бюрократия мешает им понять обстановку. Своей чисткой она прежде всего стремится задушить их критическую мысль. Этим она только сплачивает правое крыло.

И кто будет чистить? В Париже Беседовский руководил комиссией, которая "чистила" Раковского. Не будем забывать этого. С того времени деморализация аппарата успела зайти еще дальше. Во всех письмах, которые мы получаем из СССР, наиболее трагическая нота такова: никто не верит друг другу, каждый боится, не стоит ли с ним рядом классовый враг с партийным билетом. Громче всего о необходимости чистки будут кричать карьеристы, проходимцы, Беседовские и Агабековы. Кто же очистит партию от чистильщиков? Не аппарат, а сознательные и непримиримые противники аппаратного абсолютизма.

Является ли положение безнадежным? Самые слова эти не из нашего словаря. Решит борьба. На стороне пролетарской революции много исторических шансов как негативного характера: ужасающий распад капитализма, бешеная свара империалистов, банкротство реформизма; так и позитивного характера: закаленные кадры большевиков-ленинцев, понимание хода развития, ясная перспектива. Решит борьба. Чт опасность выросла и приблизилась, совершенно неоспоримо. Но яд термидора несет с собой и элементы противоядия. Чем ближе и непосредственнее опасность, тем острее потребность отпора. Чем растеряннее становится бюрократия, чем более фальшивым оказывается всемогущество сталинской клики, тем громче передовые рабочие требуют большевистского руководства.

Последняя речь Сталина - мы к ней скоро вернемся - означает крутой поворот вправо. Каждая фраза бюрократического хвостовства есть замаскированное признание фальши всей "генеральной линии", близко подведшей диктатуру пролетариата к термидору. Сталин собирается лечить болезни новым бюрократическим зигзагом под удвоенным бюрократическим террором. Мы ответим

удвоенной борьбой против сталинизма.

Л. Троцкий

Принкипо

11 января 1933 г.

Советское хозяйство в опасности

(Письмо в редакцию "САЦ"7)

Уважаемые товарищи!

В двух номерах вашей газеты от 11 и 12 января помещена статья о моей брошюре "Советское хозяйство в опасности"⁸. Так как дело идет о крайне важном вопросе, о котором каждый революционный рабочий должен будет, если не сегодня, то завтра, составить себе ясное мнение, то я прошу вас дать мне возможность в настоящем письме выяснить вашим читателям в возможно коротких словах те стороны дела, которые нашли неправильное, по-моему, истолкование в вашей газете.

1. В статье несколько раз говорится, что вы "не во всем" и "далеко не во всем" согласны с взглядами Троцкого на советское хозяйство. Разногласия между нами тем более естественны, что мы принадлежим к разным организациям. Но я не могу не выразить своего сожаления по поводу того, что вы не указали - за одним единственным исключением, о котором ниже, - с какими именно взглядами вы не согласны. Вспомним, как Маркс, Энгельс, Ленин порицали и осуждали уклончивость в больших вопросах, которая чаще всего находит себе выражение в ничего не говорящей формуле: "далеко не во всем согласны". Чего каждый революционный рабочий может требовать от своей организации и своей газеты, это занятия определенной и ясной позиции по отношению к вопросам социалистического строительства в СССР.

2. В одном лишь пункте ваша статья пытается более конкретно отмежеваться от моих взглядов. "Мы думаем, - пишете вы, - что Троцкий оценивает вещи несколько слишком односторонне, когда он главную вину за это положение подсовывает (!) сталинской бюрократии"... Дальше статья поясняет, что главная вина не в бюрократии, а в том обстоятельстве, что перед хозяйством поставлены слишком большие задачи, для разрешения которых нет необходимых квалифицированных сил. Но кто же ставил эти преувеличенные задачи, как не бюрократия? И кто своевременно предупреждал об их преувеличенном масштабе, как не левая оппозиция? Выходит, таким образом, что как раз ваша статья "подсовывает" всю вину бюрократии.

Упрек ваш по моему адресу несправедлив и с более глубокой точки зрения. Возлагать на правящую фракцию ответственность за все трудности и все кризисные явления мог бы только тот, кто верит в возможность планомерного развития социалистического общества в национальных границах. Но это не моя позиция. Основные трудности в СССР вытекают: а) из экономической и культурной отсталости, которая вынуждает советское государство разрешать многие из тех задач, которые в передовых странах разрешил капитализм; б) из изолированности рабочего государства в такую эпоху, когда мировое разделение труда стало важнейшей предпосылкой развития национальных производительных сил.

3. Сталинской фракции мы вменяем в вину не объективные трудности, а непонимание природы этих трудностей, неумение предвидеть диалектику развития этих трудностей и вытекающие отсюда непрерывные ошибки руководства. От нас далека, разумеется, мысль объяснять это "непонимание" и "неумение" индивидуальными особенностями отдельных руководителей. Дело идет о системе мысли, о политическом направлении, о фракции, выросшей из старого большевизма. Одну и ту же методологию мы наблюдаем в хозяйственном руководстве Сталина, как и в политическом руководстве Тельмана. Нельзя с успехом бороться против зигзагов Тельмана, не поняв, что дело не в Тельмане, а в природе бюрократического централизма.

4. В другой связи ваша статья упоминает, что левая оппозиция, в частности и в особенности Раковский, своевременно предупреждала против преувеличенных темпов строительства. Но тут же рядом вы пишете об

аналогичных будто бы предупреждениях Бухарина, Рыкова и Томского. На пронизательность последних ваша статья ссылается дважды, ни словом не упоминая о непримиримых противоречиях между правой и левой оппозицией. Я считаю тем необходимее внести в этот пункт ясность, что именно сталинская фракция не щадит усилий, для того чтобы скрыть или смазать коренное противоречие между оппортунистическим и марксистским крылом в лагере большевизма.

С 1922 года левая оппозиция⁹, вернее ее будущий штаб, открыл кампанию за необходимость выработки пятилетнего плана, стержнем которого должна быть индустриализация страны. Мы доказывали уже тогда, что темп развития индустриализированной промышленности может уже в ближайшие годы превосходить темп русского капитализма (6% ежегодного прироста) "в два, три и более раза". Наши противники называли эту программу не иначе, как индустриальной фантазией. Если Бухарин, Томский, Рыков отличались чем-либо от Сталина-Молотова, то только тем, что еще более решительно боролись против нашего "сверхиндустриализаторства". Борьба против "троцкизма" теоретически питалась почти исключительно Бухариным. Его критика "троцкизма" и составила в дальнейшем платформу правого крыла.

В течение ряда лет Бухарин был, если воспользоваться его собственным выражением, проповедником "черепашьего темпа" индустриализации. Он оставался им как тогда, когда левая оппозиция требовала перехода к пятилетке и более высоким темпам индустриализации (1923-1928 гг.), так и в годы ультралевого зигзага сталинцев, когда левая оппозиция предупреждала против превращения пятилетки в четырехлетку и, особенно, против авантюристской коллективизации (1930-1932 гг.). Устами Бухарина говорила не диалектическая оценка советского хозяйства в его противоречивом развитии, а исходная оппортунистическая установка, экономический минимализм.

5. Насколько неосновательно ваша статья сближает критику Бухарина с критикой Раковского, видно из следующего обстоятельства: в те самые дни, когда ваша газета вспоминала о мнимой пронизательности Бухарина в прошлом, сам Бухарин на пленуме ЦК категорически и полностью отрекся от всей своей прошлой критики и от всех своих прошлых прогнозов, как в корне ложных ("Правда", 14 января 1933 г.). Раковский же на пленуме ни от чего не отрекся не потому, что в качестве ссыльного он прикован к Барнаулу, а потому что ему не от чего отрезаться.

6. Уже после выхода моей брошюры "Советское хозяйство в опасности" в советской хозяйственной политике произошел поворот, который бросает очень яркий свет на занимающую нас проблему и дает безошибочную проверку прогнозам разных фракций. История поворота в двух словах такова.

XVII конференция ВКП в январе 1932 года одобрила принципы второй пятилетки. Темп роста промышленности был намечен около 25%, причем Сталин заявил на конференции, что это лишь минимальная граница и что при разработке плана процент должен быть и будет повышен.

Левая оппозиция объявила всю эту перспективу плодом бюрократического авантюризма. Она была обвинена, само собой разумеется, в стремлении к контрреволюции, японской интервенции и капиталистической, если не феодальной, реставрации.

Прошел ровно год. На последнем пленуме ЦК Сталин докладывал новый проект второй пятилетки. Он ни единым словом не упомянул о темпах, одобренных год тому назад в качестве минимума. Никто не решился ему напомнить об этом. Сталин предложил теперь для второй пятилетки 13% ежегодного роста. Мы вовсе не делаем из этого вывод, будто Сталин стремится вызвать японскую интервенцию и реставрацию капитализма. Но мы делаем тот вывод, что бюрократия пришла к сокращению темпов не в результате марксистского предвидения, а лишь задним числом, упершись лбом в тягчайшие последствия своего собственного экономического авантюризма. Именно в этом мы ее обвиняем. И именно поэтому мы считаем, что ее новый эмпирический зигзаг не заключает в себе никаких гарантий относительно будущего.

Еще ярче различия трех концепций (правой, центристской и марксистской) раскрываются в аграрной области. Но эта проблема слишком сложна, для того чтобы хоть бегло коснуться ее в рамках письма в редакцию. В течение ближайших недель я надеюсь дать по поводу перспектив советского хозяйства новую брошюру.

Л. Троцкий

Принкипо
26 января 1933 г.

Привет немецким большевикам-ленинцам

Полученный нами только что No 4 "Перманентной революции"¹⁰ показывает, что немецкая левая оппозиция прекрасно выдержала испытание, которому ее подверг заговор небольшой клики капитулянтов, путаников и карьеристов со сталинской бюрократией. Особенно радует та твердость и решительность, с какою местные организации без колебаний, с поистине замечательным единодушием отсекали капитулянтов, несмотря на то, что в их среде были сравнительно влиятельные вчерашние оппозиционеры. Сейчас для всякого ясно: у немецких большевиков-ленинцев имеются серьезные, надежные и самостоятельные пролетарские кадры. Можно сказать без всякого преувеличения: капитулянтские заговорщики оказали крупную услугу левой оппозиции не только тем, что освободили ее от себя самих, но и тем, что помогли ей лучше проверить свои ряды, теснее сплотить их и поднять себя в своем собственном мнении. А это очень важное условие дальнейших успехов!

Фальшивый номер "Перманентной революции", выпущенный агентурой Сталина при техническом содействии капитулянтов, не очень отличается по своему морально-политическому уровню от поддельного "письма Зиновьева", пущенного в оборот британскими консерваторами. Слишком поспешные победные крики "Роте Фане", подхваченные злосчастной САЦ, только ярче обнаруживают страх сталинцев перед неутоимой критикой левой оппозиции.

Переступив через несколько политических трупов, немецкие большевики-ленинцы двинутся уверенно вперед.

С крепким революционным приветом

Л. Троцкий

Принкипо

2 февраля 1933 г.

Правлению левой оппозиции в Германии

Копия: Интернациональному Секретариату

Каковы возможные планы правительства Гитлера-Гугенберга в связи с выборами в рейхстаг¹²? Совершенно очевидно, что нынешнее правительство не может допустить рейхстага с враждебным ему большинством. Ввиду этого избирательная кампания и выборы должны так или иначе привести к развязке. Правительство понимает, что даже его полная избирательная победа, т. е. получение им в парламенте 51% мандатов, не только не будет означать мирного разрешения кризиса, но, наоборот, может явиться сигналом к решительному движению против фашизма. Вот почему правительство не может не готовиться к решительным действиям к тому моменту, когда станут известны результаты выборов.

Необходимая для этого предварительная мобилизация сил найдет не меньшее применение в том случае, если правительственные партии окажутся в меньшинстве и, следовательно, должны будут окончательно покинуть почву веймарской легальности. В обоих случаях, таким образом, и в случае парламентского поражения правительства (менее 50%), и в случае его победы (более 50%) приходится одинаково ждать, что новые выборы станут исходным моментом решающей борьбы.

Не исключен и третий вариант: под прикрытием подготовки к выборам национал-социалисты производят переворот, не дожидаясь выборов. Такого рода шаг тактически был бы, пожалуй, наиболее правильным с точки зрения нации. Но, принимая во внимание мелкобуржуазный характер этой партии¹³, отсутствие у нее самостоятельной инициативы действия и ее зависимость от недоверчивых союзников, приходится сделать вывод, что вряд ли Гитлер решится на такой шаг. Предположение, что такого рода переворот задуман Гитлером совместно с его союзниками, вряд ли было бы очень вероятным, так как второй задачей выборов как раз и является изменить доли участия союзников в правительстве.

Все же в агитации необходимо выдвинуть и эту третью возможность. Если бы страсти слишком разгорелись в предвыборный период, то государственный переворот мог бы стать для правительства необходимостью, даже если его практические планы сегодня не идут так далеко.

Во всяком случае, совершенно ясно, что пролетариату в своих тактических расчетах надо исходить из коротких сроков. Разумеется, ни правительственное большинство в рейхстаге, ни разгон нового рейхстага на неопределенный срок, ни фашистский переворот до выборов не будут еще означать окончательного решения вопроса в пользу фашизма. Но каждый из этих трех вариантов означал бы новый, очень важный этап в борьбе революции и контрреволюции.

Задача левой оппозиции во время избирательной кампании – дать рабочим анализ трех возможных ближайших вариантов в общей перспективе неизбежной борьбы пролетариата с фашизмом не на жизнь, а на смерть. Такая постановка вопроса придаст агитации за политику единого фронта необходимую конкретность.

Партия все время кричала: пролетариат находится в возрастающей офензиве. На это САП отвечает (речь Штернберга¹⁴): "Нет, пролетариат находится в дефензиве, мы лишь зовем его к офензиве"¹⁵. И та и другая формула показывают, что люди не понимают, что такое офензива и дефензива, т. е. наступление и оборона. На самом деле, несчастье состоит в том, что пролетариат находится не в обороне, а в отступлении, которое завтра может превратиться в паническое бегство. Мы зовем пролетариат не к офензиве, а к активной обороне. Именно этот оборонительный характер действий (защита пролетарских организаций, газет, собраний и пр.) и составляет исходную позицию единого фронта по отношению к социал-демократии. Перепрыгивать через формулу активной обороны значит заниматься звонкими фразами. Разумеется, в случае успеха активная оборона перейдет в наступление. Но это будет уже следующий этап, путь к которому лежит через единый фронт во имя обороны.

Чтобы раскрыть ярче историческое значение решений и действий партии в эти дни и недели, нужно, на мой взгляд, ставить перед коммунистами проблему без малейших смягчений, наоборот, со всей резкостью и непримиримостью: отказ партии от единого фронта, от создания местных комитетов обороны, т. е. завтрашних Советов, означает капитуляцию партии перед фашизмом, т. е. историческое преступление, которое равносильно ликвидации партии и Коммунистического Интернационала. В случае подобной катастрофы пролетариат через горы трупов, через годы невыносимых страданий и бедствий придет к IV Интернационалу.

Г. Гуров
6 февраля 1933 г.

Беседа с социал-демократическим рабочим¹⁶

О едином фронте обороны

Настоящая брошюра обращается к рабочим – социал-демократам, хотя автор лично принадлежит к другой партии. Разногласия между коммунизмом и социал-демократизмом очень глубоки. Я их считаю непримиримыми. Тем не менее ход событий нередко ставит перед рабочим классом такие задачи, которые властно требуют совместных действий обеих партий. Возможно ли это? Исторический опыт и теоретический смысл говорят, что вполне возможно: все зависит от условий и характера задач. Так, совместные действия гораздо легче осуществить, когда дело идет не о наступлении пролетариата во имя новых целей, а об обороне старых позиций.

Именно так сейчас обстоит дело в Германии. Немецкий пролетариат находится в состоянии отступления и сдачи позиций. Правда, немало есть пустозвонов, которые непрерывно кричат о происходящем будто бы революционном наступлении: эти люди явно не умеют отличать свою правую руку от левой. Пробьет, несомненно, час и для наступления. Но в настоящее время задача состоит в приостановке беспорядочного отступления и в перегруппировке сил для обороны. В политике, как и военном деле, ясно понять задачу значит облегчить ее разрешение. Опынять себя фразами значит помогать неприятелю.

Надо ясно видеть, что происходит: по всему фронту наступает классовый враг, т. е. монополистский капитал и полуфеодальное землевладение, пощажённые ноябрьской революцией. Враг пользуется при этом двумя средствами разного исторического происхождения: во-первых, военно-полицейским аппаратом, который подготовили все предшествующие правительства, действовавшие на основе Веймарской республики¹⁷; во-вторых, национал-социализмом, т. е. отрядами мелкобуржуазной контрреволюции, которую финансовый капитал вооружает и натравливает против рабочих.

Задача капитализма и юнкерства ясна: разгромить пролетарские организации, политически разоружить рабочих, лишить их возможности не только наступления, но и обороны. Два десятилетия сотрудничества социал-демократии с буржуазией, как видим, ни на иоту не смягчили сердца капиталистов. Эти люди знают один закон: борьбу за барыши. И они ведут ее твердо, настойчиво, беспощадно, не останавливаясь ни перед чем и меньше всего перед своими же собственными законами.

Класс эксплуататоров предпочел бы совершить разоружение и разложение пролетариата с наименьшими издержками, без гражданской войны, при помощи военно-полицейских средств Веймарской республики. Но он опасается, и с полным основанием, что одних "легальных" средств окажется недостаточно, чтобы отбросить рабочих в состояние полного бесправия. Для этого в качестве дополнительной силы нужен фашизм. Но партия Гитлера, вскормленная монополистским капиталом, хочет стать не дополнительной, а основной и единственной правящей силой Германии. На этот счет между правящими союзниками идут непрерывные споры, принимающие моменты острый характер. Роскошь взаимных интриг спасители могут позволить себе только потому, что пролетариат сдаёт позиции без боя и отступает – без плана, без системы, без руководства. Враги так разнуздались, что не стесняются обсуждать вслух, как и куда нанести ближайший удар: вести ли наступление прямо в лоб, отсечь ли прежде всего левый, коммунистический фланг; зайти ли глубоко в тыл профессиональным союзам и отрезать коммуникации и пр. и пр. О Веймарской республике спасённые ею эксплуататоры рассуждают так, как если бы дело шло о старой кастрюле: пользоваться ли ею еще некоторое время или сегодня уже выбросить в сорный ящик?

У буржуазии полная свобода маневрирования, т. е. выбора средств, времени и места. Ее вожди комбинируют орудия законов с орудиями бандитизма. Пролетариат ничего не комбинирует и не борется. Его отряды разъединены, а руководители пролетарских отрядов вяло рассуждают на тему о том, нужно ли вообще комбинировать силы пролетариата: в этом и состоит суть бесконечных споров о так называемом едином фронте. Если передовые рабочие не поймут положения и не вмешаются властно в спор, немецкий пролетариат окажется на годы распят на фашистском кресте.

Не слишком ли поздно?

Здесь мой собеседник – социал-демократ может прервать меня словами: не слишком ли поздно приходите вы с пропагандой единого фронта? Где вы были раньше?

Такое возражение будет несправедливо. Вопрос об едином оборонительном фронте против фашизма поднимается не впервые. Позволю себе сослаться на то, что мне самому пришлось говорить по этому поводу в сентябре 1930 года, после первого большого успеха национал-социалистов¹⁸. Обращаясь к рабочим-коммунистам, я писал:

"Компартия должна звать к обороне тех материальных и духовных позиций, которые успел завоевать для себя в германском государстве рабочий класс. Дело идет самым непосредственным образом о судьбе его политических организаций, его профессиональных союзов, газет и типографий, клубов, библиотек и проч. Рабочий-коммунист должен сказать рабочему социал-демократу: "Политика наших партий непримирима; но если фашисты придут этой ночью громить помещение твоей организации, то я явлюсь к тебе на помощь с оружием в руках. Обещаешь ли ты в случае, если опасность будет угрожать моей организации, поспешить на помощь?" Вот квинтэссенция политики настоящего периода. Вся агитация должна быть построена по этому камертону.

Чем настойчивее, серьезнее, вдумчивее... мы будем вести эту агитацию, чем более дельные организационные меры обороны мы будем предлагать в каждом заводе, в каждом рабочем квартале и районе, тем меньше опасности, что

наступление фашистов застигнет нас врасплох, тем больше уверенности, что наступление это сплотит, а не расколует рабочие ряды".

Брошюра, из которой я привожу эту цитату, написана два с половиной года тому назад. Сейчас не может быть ни малейшего сомнения в том, что если бы эта политика была усвоена своевременно, Гитлер не был бы сегодня канцлером, и позиции немецкого пролетариата были бы несокрушимы. Но прошлого вернуть нельзя. Вследствие совершенных ошибок и упущения времени задача обороны стала сегодня несравненно труднее; но задача остается целиком. Соотношение сил можно и сейчас еще резко изменить к выгоде пролетариата. Для этого нужен план обороны, система обороны, комбинация сил для обороны. Но прежде всего нужна воля к обороне. Прибавлю тут же: хорошо обороняется только тот, кто не собирается ограничиваться обороной, а намерен при первой возможности перейти в наступление.

Как же социал-демократия относится к этому вопросу?

"Пакт о взаимном ненападении"

Социал-демократические вожди предлагают коммунистической партии заключить "пакт о взаимном ненападении". Прочитав впервые такого рода фразу в "Форвертсе"¹⁹, я решил, что это случайная и не очень удачная шутка. Но нет, формула о ненападении вошла в оборот и стоит сейчас в центре всех споров. Среди социал-демократических вождей есть опытные и ловкие политики. Тем более приходится изумляться: как могли они выбрать такой негодный для их собственных целей лозунг?

Формула взаимного ненападения заимствована у дипломатии. Смысл подобных пактов состоит в том, что два государства, у которых достаточно поводов для войны, обязуются в течение такого-то периода не применять друг против друга оружия. Пакт с таким строго ограниченным содержанием Советский Союз заключил, например, с Польшей²⁰. Если бы, скажем, между Германией и Польшей возникла война, то пакт вовсе не обязывал бы Советский Союз прийти Польше на помощь. Ненападение есть ненападение, и только. Оно вовсе не предполагает совместных действий для обороны, наоборот, оно исключает их: иначе пакт носил бы другой характер и другое название. Какой же смысл имеет эта формула в устах социал-демократических вождей? Разве коммунисты угрожают разгромить социал-демократические организации? Или, наоборот, разве социал-демократия собирается объявить крестовый поход против коммунистов? Ведь дело идет совсем о другом. Если уж пользоваться языком дипломатии, то надо было бы говорить не о взаимном ненападении, а об оборонительном союзе против третьего, т. е. против фашизма. Задача состоит не в том, чтобы приостановить или предупредить вооруженную борьбу между коммунистами и социал-демократами - о такой опасности не может быть и речи, - а в том, чтобы сочетать силы социал-демократов и коммунистов против уже начавшегося вооруженного нападения на них со стороны национал-социалистов.

Как это ни невероятно, но социал-демократические вожди подменяют вопрос о реальной обороне против вооруженных действий фашизма вопросом о политической полемике между коммунистами и социал-демократами. Это все равно, что вопрос о том, как предупредить крушение поезда, подменить вопросом о необходимости взаимной вежливости между пассажирами второго и третьего класса.

Беда, однако, в том, что несчастная формула "взаимного ненападения" не годится и для той посторонней цели, ради которой она притянута за волосы. Обязательство ненападения между двумя государствами вовсе не устраняет между ними взаимной борьбы, полемики, интриг и подвохов. Польские официозные газеты, несмотря на пакт, пишут о Советском Союзе не иначе, как слюною бешеной собаки. В свою очередь, и советская печать далека от комплиментов по адресу польского режима. Нет, социал-демократические вожди явно попали впросак, попытавшись подменить задачи пролетарской политики условной формулой дипломатии.

Совместно обороняться, прошлого не забывать,
будущее подготавливать

Более осторожные социал-демократические журналисты выражаются так, [что] они-де не против "деловой критики", но они против заподозриваний, брани и травли. Очень похвальные правила! Но как найти границу, где дозволенная критика переходит в недозволенную травлю? И где беспристрастный

судья? Тому, кого критикуют, критика, по общему правилу, никогда не нравится, особенно, когда ему нечего возразить по существу. Хороша ли критика коммунистов или плоха, вопрос особый. Если бы у коммунистов и социал-демократов существовало на этот счет одинаковое мнение, не было бы на свете и двух независимых партий. Допустим, что полемика коммунистов плоха. Но разве это смягчает смертельную опасность фашизма или устраняет необходимость совместной обороны?

Возьмем, однако, оборотную сторону медали: полемику самой социал-демократии против коммунизма. В "Форвертсе" (беру номер, который лежит у меня на столе) приводится изложение речи Штампфера²¹ о взаимном ненападении. Тут же нарисована карикатура: большевик заключает договор о взаимном ненападении с Пилсудским, но отказывается от подобного же договора с социал-демократией. Карикатура есть ведь тоже полемическое "нападение", и к тому же на этот раз явно неудачное. "Форвертс" забывает попросту, что договор о взаимном ненападении существовал у Советов с Германией²² в то время, когда во главе немецкого правительства стоял социал-демократ Герман Мюллер²³!

В "Форвертсе" от 15 февраля, на одной и той же странице, на первой колонке защищается идея пакта о ненападении, а на четвертой колонке коммунисты обвиняются в том, что их завком у Ашингера²⁴ совершил предательство интересов рабочих при заключении тарифного договора. Так и сказано: "предательство". Секрет этой полемики (деловая критика или травля?) прост: у Ашингера предстояли тогда перевыборы завкома. Можно ли требовать, чтоб "Форвертс" в интересах единого фронта прекратил такого рода нападения? Для этого "Форвертс" должен был бы перестать быть самим собой, т. е. социал-демократической газетой. Если "Форвертс" верит тому, что он пишет о коммунистах, то его прямая обязанность раскрывать глаза рабочим на их ошибки, преступления и "предательства". Как же иначе? Необходимость боевого соглашения вытекает из существования двух партий, но не ликвидирует этого факта. Политическая жизнь продолжается. Каждая из партий, даже при самом честном отношении к единому фронту, не может не думать о своем завтрашнем дне.

Противники смыкают ряды при общей опасности

Представим себе на минуту, что коммунистический член завкома у Ашингера заявляет социал-демократическому члену: так как "Форвертс" назвал мои действия в вопросе о тарифе предательскими, то я не хочу совместно с тобой защищать мой висок и твой затылок от фашистской пули. При самой большой снисходительности, такой ответ нельзя было бы назвать иначе, как идиотским.

Разумный коммунист, серьезный большевик скажет социал-демократу: "Ты знаешь всю мою вражду к "Форвертсу". Я всеми силами стараюсь и буду стараться подорвать пагубное влияние этой газеты среди рабочих. Но я делал и буду делать это словом, критикой, убеждением. Фашисты же хотят физически уничтожить "Форвертс". Я обещаю тебе защищать вместе с тобой твою газету из последних сил, но я требую от тебя, чтобы и ты по первому призыву явился на защиту "Роте Фане", как бы ты к ней ни относился". Разве это не безупречная постановка вопроса? Разве она не отвечает элементарным интересам всего пролетариата?

Большевик не требует от социал-демократа, чтобы тот переменял свое мнение о большевизме и о большевистских газетах. Он не требует также, чтоб социал-демократ обязался на весь период соглашения замалчивать свое мнение о коммунизме. Такое требование было бы совершенно недостойным. "До тех пор, - говорит коммунист, - пока я не переубедил тебя или ты - меня, мы будем критиковать друг друга с полной свободой, употребляя те доводы и выражения, какие каждый из нас находит нужным. Но когда фашист захочет загнать каждому из нас кляп в глотку, мы совместно дадим ему отпор!" Может ли разумный социал-демократический рабочий ответить на такое предложение отказом?

Полемика социал-демократических и коммунистических газет, как бы остра она ни была, не может помешать наборщикам этих газет заключить между собою боевое соглашение о совместной обороне от нападения фашистских банд на типографии газет. Даже социал-демократические и коммунистические депутаты рейхстага и ландтагов, гласные городских дум и пр. вынуждены спешить друг другу на выручку, когда наци прибегают к палкам и стульям. Нужны ли еще примеры?

То, что верно в каждом частном случае, верно и в качестве общего правила: непримиримая борьба социал-демократии и коммунизма за руководство рабочим классом не может и не должна препятствовать им смыкать ряды, когда удар грозит рабочему классу в целом. Разве это не ясно?

Две мерки

"Форвертс" возмущается тем, что коммунисты обвиняют социал-демократов (Эберта, Шейдемана, Носке²⁵, Германа Мюллера, Гжезинского²⁶) в расчистке пути для Гитлера. Возмущаться – законное право "Форвертса". Но газета идет дальше: как же можно, восклицает она, заключить единый фронт с такими клеветниками! Что это: сентиментальность? нежная чувствительность? Нет, тут уж пахнет лицемерием. Ведь не могли же вожди немецкой социал-демократии забыть, что Вильгельм Либкнехт и Август Бебель не раз заявляли о готовности социал-демократии ради определенных практических целей заключить соглашение с чертом и его бабушкой. Основатели социал-демократии отнюдь не требовали при этом, чтобы черт сдал в музей свои рога, а бабушка его приняла лютеранское исповедание. Откуда же такая нежная чувствительность у нынешних социал-демократических политиков, прошедших с 1914 года через единый фронт с кайзером²⁷, Людендорфом²⁸, Гренером²⁹, Брюнингом, Гинденбургом? Откуда эти две мерки: одна – для буржуазных партий, другая – для коммунистической?

Вожди центра считают, что всякий нечестивец, отрицающий догматы единоспасающей католической церкви, представляет отродье человечества и обречен к тому же на вечные муки. Это не мешало Гильфердингу, который вряд ли верит в беспорочное зачатие, соблюдать единый фронт с католиками в правительстве и в парламенте. Вместе с центром социал-демократы создали "железный фронт"³⁰. Католики при этом ни на день не прекращали своей нетерпимой пропаганды и полемики во всех церквях. Почему же такая требовательность со стороны Гильфердинга по отношению к коммунистам? Либо полное прекращение взаимной критики, т. е. борьбы направлений в рабочем классе, либо отказ от каких бы то ни было совместных действий. "Все или ничего"! По отношению к буржуазному обществу и его партиям социал-демократия никогда не ставила таких ультиматумов. Каждый рабочий социал-демократ обязан задуматься над этими двумя мерками.

Пусть на массовом собрании кто-нибудь сегодня же спросит Вельса³¹: как это случилось, что социал-демократия, давшая республике первого канцлера и первого президента³², довела страну до Гитлера? Вельс непременно ответит, что главная доля вины за это ложится на большевизм. "Форвертс" повторяет это "объяснение" чуть [ли] ни каждый день. Неужели же ради единого фронта с коммунистами он откажется от своего права и своей обязанности говорить рабочим то, что они считают правдой? Но коммунистам этого совсем и не нужно. Единый фронт против фашизма есть только одна глава в книге пролетарской борьбы. Нельзя вычеркивать предшествующие главы. Нельзя забывать прошлое. Надо учиться у него. Мы помним о союзе Эберта с Гренером и о роли Носке. Мы помним, при каких условиях погибли Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Мы, большевики, учим рабочих не забывать ничего. Мы не требуем от черта, чтобы он отпил себе хвост: ему будет больно, а нам никакой выгоды. Мы берем черта таким, каким его создала природа. Нам нужны не покаяние социал-демократических вождей и не их верность марксизму, а готовность социал-демократии бороться против врага, который ей самой угрожает гибелью. С своей стороны, мы обязуемся соблюдать в совместной борьбе все принятые на себя обязательства. Мы обещаем хорошо драться и довести борьбу до конца. Этого вполне достаточно для боевого соглашения.

Ваши вожди не хотят бороться!

Но остается все же открытым вопрос: почему социал-демократические вожди разговаривают о чем угодно: о полемике, ненападении, плохих нравах коммунистов и пр., вместо того чтобы ответить на простой вопрос: как бороться с фашистами? По очень простой причине: социал-демократические вожди не хотят борьбы. Раньше они надеялись на то, что Гинденбург спасет их от Гитлера. Теперь они ждут какого-либо другого чуда. Бороться они не хотят. Бороться они давно отвыкли. Борьбы они боятся.

По поводу фашистского бандитизма в Эйслебене, Штампфер пишет: "Вера в право и справедливость в Германии еще не мертва" ("Форвертс", 14 февраля). Нельзя без возмущения читать такие строки. Вместо призыва к единому боевому

фронту – поповское утешение: "вера в справедливость еще не мертва". Но у буржуазии одна справедливость, у пролетариата – другая. Надклассовой справедливости нет. Вооруженная несправедливость всегда одерживает верх над безоружной справедливостью. Об этом свидетельствует вся история человечества. Кто апеллирует к бесспорному призраку, тот обманывает рабочих. Кто хочет победы пролетарской справедливости над фашистским насилием, тот должен звать к борьбе и создавать органы единого пролетарского фронта.

Во всей социал-демократической печати нельзя найти ни строчки, свидетельствующей о действительной подготовке к борьбе. Ничего, кроме общих фраз, ссылок на неопределенное будущее, туманных утешений. "Пусть наци попробуют, и тогда..." И наци пробуют. Они наступают шаг за шагом, спокойно завладевают одной позицией за другой. Эти злобные реакционные мелкие буржуа не любят рисковать. Но им и не приходится рисковать: они заранее уверены, что противник отступит без боя. И они не ошибаются в своих расчетах.

Иногда, конечно, борцу приходится отступить, чтоб лучше разбежаться и прыгнуть. Но социал-демократические вожди не собираются прыгнуть. Они не хотят прыгать. И все их рассуждения сводятся к тому, чтобы прикрыть этот факт. Сперва они заявляли, что, пока наци не сходят с почвы легальности, для борьбы нет оснований. Но мы ведь видели эту "легальность": государственный переворот производится в рассрочку. Это возможно только потому, что социал-демократические вожди усыпляют рабочих фразами о легальности переворота, утешают их надеждами на новый рейхстаг, еще более бессильный, чем предшествующие. Ничего лучшего фашисты не могут и желать.

Сейчас социал-демократия перестала уже говорить о боях даже в неопределенном будущем. По поводу начавшегося разгрома рабочих организаций и рабочей печати "Форвертс" "напоминает" правительству: не забывайте, что рабочие развитой капиталистической страны объединены условиями производства у себя на заводе. Эти слова означают, что правление социал-демократии уже заранее мирится с разгромом политических, экономических и культурных организаций, созданных тремя поколениями пролетариата. Рабочие "все равно" останутся объединены самими предприятиями. Тогда зачем же вообще пролетарские организации, если дело решается так просто?

Руководители социал-демократии и профессиональных союзов умывают руки, отходят к стороне, выжидают. Если сами рабочие, "объединенные предприятиями", прорвут сеть дисциплины и начнут борьбу, тогда вожди, конечно, вмешаются, как в 1918 году, в качестве умиротворителей и посредников, и попытаются на спине рабочих восстановить свои утерянные позиции.

Свой отказ от борьбы, свой страх перед борьбой вожди маскируют от масс пустыми разговорами насчет пакта о взаимном ненападении. Социал-демократические рабочие! Ваши вожди не хотят бороться.

Значит, это маневр?

Здесь социал-демократ снова прервет нас: "Но раз вы не верите в желание наших вождей бороться против фашизма, значит ваше предложение единого фронта есть простой маневр?" Дальше он повторит рассуждение "Форвертса" о том, что рабочим нужно единство, а не "маневр".

Такого рода довод звучит довольно убедительно. Но на самом деле, он совершенно пуст. Да, мы, коммунисты, не сомневаемся, что социал-демократические и профсоюзные чиновники будут и дальше изо всех сил уклоняться от борьбы. Значительная часть рабочей бюрократии в критический час прямо перебежит к фашистам. Другая часть, успевшая перевести свои безгрешные "сбережения" за границу, своевременно эмигрирует. Все эти действия уже начались и неизбежно получают свое дальнейшее развитие. Но мы совсем не отождествляем эту наиболее сейчас влиятельную часть реформистской бюрократии с социал-демократической партией или с профессиональными союзами в целом. Пролетарское ядро партии будет несомненно бороться и увлечет за собою значительную часть аппарата. Где пройдет разграничительная линия между перебежчиками, изменниками, дезертирами, с одной стороны, и теми, кто хочет бороться, с другой? Эту линию можно найти только на опыте. Вот почему, не питая ни малейшего доверия к социал-демократической бюрократии, коммунисты не могут не обращаться к партии в целом. Только так можно отделить желающих бороться от желающих дезертировать. Если мы ошибаемся в оценке Вельса, Брейтшейда³³, Гильфердинга, Криспина и прочих, пусть они опровергнут нас

делом. Мы на всех прощадях покаемся в своей ошибке. Если все это с нашей стороны "маневр", то правильный, нужный, служащий интересам дела.

Вы, социал-демократы, остаетесь в своей партии, потому что верите ее программе, ее тактике, ее руководству. Мы считаемся с этим фактом. Вы считаете нашу критику ложной. Это ваше право. Вы вовсе не обязаны доверять коммунистам на слово, и ни один разумный коммунист этого от вас не потребует. Но и коммунисты вправе не доверять чиновникам социал-демократии, не считать социал-демократов марксистами, революционерами, действительными социалистами. Иначе коммунисты не создали бы отдельной партии и отдельного Интернационала. Надо брать факты, как они есть. Единый фронт надо строить не в облаках, а на том фундаменте, какой создан всем прошлым развитием. Если вы действительно верите, что ваше правление поведет рабочих на борьбу с фашизмом, какого же коммунистического маневра вы боитесь? О каком маневре говорит неустанно "Форвертс"? Вдумайтесь как следует быть в обстановку: нет ли тут сознательного маневра со стороны ваших вождей, которые хотят запугать вас пустым словом "маневр" и тем оторвать вас от единого фронта с коммунистами?

Задачи и методы единого фронта

Единый фронт должен иметь свои органы. Выдумывать тут ничего не нужно: характер органов диктуется самой обстановкой. Во многих местах рабочие уже подсказали организационную форму единого фронта в виде оборонительных картелей, опирающихся на все местные пролетарские организации и предприятия. Эту инициативу надо подхватить, углубить, закрепить, расширить, покрыть картелями промышленные центры, связать картели между собой, подготовить общенемецкий рабочий конгресс обороны.

Возрастающее отчуждение безработных и работающих несет с собой смертельную опасность не только коллективным договорам, но и профессиональным союзам, даже и без крестового похода фашистов. Единый фронт между социал-демократами и коммунистами означает прежде всего единый фронт занятых рабочих и безработных. Без этого в Германии вообще немислима серьезная борьба.

Красная профсоюзная оппозиция (РГО)³⁴ должна выйти в свободные профессиональные союзы, в качестве коммунистической фракции. Это одно из важных условий успеха единого фронта. Коммунисты внутри союзов должны пользоваться правами рабочей демократии, прежде всего полной свободой критики. Со своей стороны, они должны соблюдать статуты профессиональных союзов и их дисциплину.

Оборона против фашизма не стоит особняком. Фашизм только дубина в руках финансового капитала. Цель разгрома пролетарской демократии – повысить норму эксплуатации рабочей силы. Здесь открывается широкая арена для единого пролетарского фронта: борьба за кусок хлеба, расширяясь и углубляясь, непосредственно ведет к в нынешних условиях к борьбе за рабочий контроль над производством.

Заводы, шахты, поместья выполняют свои общественные функции только благодаря труду рабочих. Неужели же рабочие не имеют права знать, куда собственник направляет предприятие, почему он сокращает производство и изгоняет рабочих, как он назначает цены и пр.? Нам отвечают на это: "коммерческая тайна". Что такое коммерческая тайна? Это заговор капиталистов против рабочих и против всего народа. Как производители и как потребители, рабочие должны завоевать право проверять все операции своего предприятия, вскрывать фальшь и обман, чтобы отстаивать свои интересы и интересы всего народа с фактами в руках. Борьба за рабочий контроль над производством может и должна будет стать лозунгом единого фронта.

Необходимые организационные формы сотрудничества социал-демократических рабочих с коммунистами найдутся без труда: нужно только от слов перейти к делу.

Непримиримость социал-демократической и коммунистической партий

Но если возможна совместная оборона против наступления капитала, нельзя ли пойти дальше этого и создать постоянный блок обеих рабочих партий по всем вопросам? Тогда и полемика между ними приняла бы чисто внутренний, мирный, товарищеский характер. Некоторые левые социал-демократы, вроде Зейдевица³⁵,

мечтают, как известно, даже о полном объединении социал-демократии с коммунистической партией. Все это, однако, праздные мечты! Коммунистов отделяют от социал-демократии противоречия по основным вопросам. Суть разногласий проще всего выразить короткой фразой: социал-демократия считает себя демократическим врачом капитализма; мы же являемся его революционным могильщиком. Как можно при таком различии исторических ролей думать об объединении?

Непримиримость обеих партий особенно ясна в свете новейшего развития Германии. Лейпарт³⁶ плачется по поводу того, что, призвав Гитлера к власти, буржуазные классы прервали "внедрение рабочих в государство", и предупреждает буржуазию о вытекающей отсюда для нее "опасности" ("Форвертс", 15 февраля 1933 г.). Значит, Лейпарт есть сторож буржуазного государства, охраняющий его от пролетарской революции. Можно ли думать об объединении с Лейпартом?

"Форвертс" каждый день хвалится тем, что сотни тысяч социал-демократов погибли в войне "за идею лучшей, более свободной Германии"... Газета забывает только объяснить, почему эта лучшая Германия оказалась Германией Гитлера-Гугенберга. На самом деле немецкие рабочие, как и рабочие других воюющих стран, погибали как пушечное мясо, как рабы капитала. Идеализировать этот факт значит продолжать измену 4 августа 1914 года³⁷.

"Форвертс" и сегодня ссылается на Маркса, Энгельса, Вильгельма Либкнехта, Бебеля, которые в 1848-1871 гг. говорили о борьбе за единство немецкой нации. Фальшивые ссылки! В ту эпоху дело шло о завершении буржуазной революции. Всякий пролетарский революционер должен был бороться против средневекового партикуляризма и провинциализма, во имя создания национального государства. Сейчас такого рода задача имеет прогрессивный характер только в Китае, Индокитае, Индии, Индонезии и других отсталых, колониальных и полуколониальных странах. Для передовых стран Европы национально-государственные границы стали такими же реакционными оковами, какими раньше были границы феодальных провинций.

"Нация и демократия - близнецы", - повторяет "Форвертс". Верно! Но эти близнецы состарились, одряхлели, выжили из ума. Нация, как хозяйственное целое, и демократия, как форма буржуазного господства, стали оковами производительных сил и культуры. Еще раз вспомним Гете: "Все возникающее достойно гибели".

Можно уложить еще несколько миллионов душ из-за "коридора", из-за Эльзаса-Логарингии³⁸, из-за Мальмеди³⁹. Можно эти спорные куски земли покрыть сплошь трупами в три, пять, десять рядов. Можно все это назвать национальной обороной. Но человечество будет при этом не двигаться вперед, а ползать на четвереньках назад, в варварство. Выход не в "национальном освобождении" Германии, а в освобождении Европы от государственных перегородок. Буржуазия этой задачи не может разрешить, как феодалы не могли в свое время покончить с партикуляризмом. Коалиция с буржуазией поэтому вдвойне преступна. Нужна пролетарская революция. Нужна федерация пролетарских республик Европы и всего мира.

Социал-патриотизм есть программа врачей капитализма; интернационализм - программа могильщиков буржуазного общества. Это противоречие непримиримо.

Демократия и диктатура

Социал-демократы считают, что демократическая конституция стоит над классовой борьбой. Для нас классовая борьба стоит над демократической конституцией. Неужели же опыт послевоенной Германии прошел бесследно, как и опыт войны? Ноябрьская революция поставила у власти социал-демократию. Социал-демократия перевела могущественное движение масс на путь "права" и "конституции". Вся дальнейшая политическая жизнь Германии развивалась на основах и в рамках Веймарской республики. Результаты налицо: буржуазная демократия, как и фашистская диктатура, являются инструментами одного и того же класса - эксплуататоров. Помешать замене одного инструмента другим посредством апелляции к конституции, - лейпцигский верховный суд⁴⁰, новые выборы и пр. - совершенно невозможно; необходимо мобилизовать революционные силы пролетариата. Конституционный фетишизм оказывает лучшую помощь фашизму. Сейчас это уже не прогноз, не теория, а живой факт. Я спрашиваю тебя, социал-демократический рабочий: если веймарская демократия проложила дорогу фашистской диктатуре, как же можно ждать, что она проложит дорогу

социализму?

- Но разве мы, рабочие, не можем завоевать большинства в демократическом рейхстаге?

- Не можете. Капитализм перестал развиваться, он загнивает. Число промышленных рабочих не растет. Значительная часть пролетариата разлагается в постоянной безработице. Уже одни эти социальные факты исключают возможность устойчивого и планомерного роста рабочей партии в парламенте, как было до войны. Но если бы даже, наперекор всем вероятностям, рабочее представительство быстро росло, разве буржуазия стала бы дожидаться мирной экспроприации? Ведь фактический аппарат власти в ее руках! Наконец, если бы даже буржуазия упустила время и позволила пролетариату захватить 51% представительства, разве рейхсвер, полиция, стальная каска вместе с фашистскими отрядами не разогнали бы этого парламента, как камарилья разгоняет ныне росчерком пера все те парламента, которые ей не нравятся?

- Значит, долой рейхстаг и долой выборы?

- Нет, не значит. Мы - марксисты, мы не анархисты. Мы стоим за использование парламента: это не орудие преобразования общества, но одно из средств сплочения рабочих. Однако в развитии классовой борьбы наступает момент, когда приходится решать вопрос о том, кто будет дальше хозяином в стране: финансовый капитал или пролетариат? Разговоры о нации вообще, о демократии вообще представляют в этих условиях самый бесчестный обман. На наших глазах маленькое меньшинство немецкой нации организует и вооружает чуть ли не половину нации. Вопрос идет сейчас не о второстепенных реформах, а о жизни и смерти буржуазного общества. Никогда еще такие вопросы не решались посредством голосования. Кто теперь отсылает к парламенту или к лейпцигскому верховному суду, тот обманывает рабочих и на деле помогает фашизму.

Другого пути нет

- Что же остается? - спросит социал-демократический собеседник.

- Пролетарская революция.

- А потом?

- Диктатура пролетариата.

- Как в России? Лишения и жертвы? Полное подавление свободы мнений? Нет, на это я не согласен.

- Поэтому-то и не может быть у нас единой партии, что ты не согласен стать на путь революции и диктатуры. Но позволь тебе все же сказать, что твое возражение недостойно сознательного пролетария. Да, лишения русских рабочих очень велики. Но, во-первых, русские рабочие знают, во имя чего они приносят жертвы. Даже если бы они потерпели поражение, человечество многому научилось бы на их опыте. А во имя чего немецкий рабочий класс приносил жертвы в годы империалистской войны? Или теперь, в годы безработицы? Куда ведут эти жертвы, что они дают, чему учат? Только те жертвы достойны человека, которые прокладывают путь лучшему будущему. Это первое мое возражение тебе. Первое оно, но не единственное.

Страдания русских трудящихся масс так велики потому, что в России в силу особых исторических условий возникло первое рабочее государство, которое вынуждено из чрезвычайной нищеты собственными силами подниматься вверх. Не забывай: Россия являлась самой отсталой страной в Европе. Пролетариат составлял в ней небольшое меньшинство населения. В такой стране диктатура пролетариата должна была принять самые суровые формы. Отсюда вытекали уже дальнейшие последствия: рост бюрократии, сосредоточивающей в своих руках власть, и цепь ошибок политического руководства, которое подпало под влияние бюрократии. Если бы немецкая социал-демократия в конце 1918 года, когда власть была целиком в ее руках, смело стала на путь социализма и заключила бы нерасторжимый союз с Советской Россией, вся история Европы получила бы другое направление и человечество пришло бы к социализму в гораздо более короткий срок и с неизмеримо меньшими жертвами. Не наша вина, что этого не произошло.

Да, диктатура в Советском Союзе имеет в настоящее время чрезвычайно бюрократический и уродливый характер. Я лично не раз критиковал в печати нынешний советский режим, который является извращением рабочего государства. Тысячи и тысячи моих друзей переполняют тюрьмы и места ссылки в наказание за свою борьбу против сталинской бюрократии. Но и в оценке отрицательных сторон

нынешнего советского режима нужно соблюдать правильную историческую перспективу. Если бы германский пролетариат, гораздо более многочисленный и культурный, чем пролетариат России, взял завтра в свои руки власть, это не только раскрыло бы необозримые экономические и культурные перспективы перед народами Европы, но и сразу же привело бы к решительному смягчению диктатуры в Советском Союзе.

Не надо думать, будто диктатура пролетариата непременно связана с теми методами красного террора, которые нам приходилось применять в России. Мы были пионерами. Запятнанные преступлениями, имущие классы России не верили тому, что новый режим продержится. Буржуазия Европы и Америки поддерживала русскую контрреволюцию. Устоять в этих условиях можно было только при страшном напряжении сил и при беспощадной расправе с классовыми врагами. Победа пролетариата в Германии имела бы совершенно отличный характер. Немецкая буржуазия, утерев власть, не имела бы никакой надежды вернуть ее. Союз советской Германии с советской Россией не удваивал, а удесятерил бы силы обеих стран. Во всей остальной Европе положение буржуазии так скомпрометировано, что ей вряд ли удалось бы двинуть свои армии против пролетарской Германии. Правда, гражданская борьба была бы неизбежна: для этого достаточно фашизма. Но вооруженный властью немецкий пролетариат, имея за своей спиной Советский Союз, очень скоро разложил бы фашизм, привлекая на свою сторону значительные массы мелкой буржуазии. Диктатура пролетариата в Германии имела бы несравненно более мягкие и культурные формы, чем диктатура пролетариата в России.

- Зачем же тогда вообще нужна диктатура?

- Чтобы уничтожить эксплуатацию и паразитизм; чтоб подавить сопротивление эксплуататоров; чтоб отучить их думать о восстановлении эксплуатации; чтоб обеспечить всю власть, все средства производства, все ресурсы культуры в руках пролетариата; чтоб дать пролетариату возможность использовать все силы и средства в интересах социалистического преобразования общества. Другого пути нет.

Немецкий пролетариат совершит революцию по-немецки, а не по-русски

- Однако же наши коммунисты нередко грозят нам, социал-демократам: стойте, придем к власти - сразу поставим вас к стенке.

- Швыряться такими угрозами могут только отдельные дураки, болтуны или хвастуны, которые, наверняка, разбегутся в минуту опасности. Серьезный революционер, признавая неизбежность революционного насилия и его творческую роль, понимает в то же время, что применению насилия в социалистическом преобразовании общества отведены определенные пределы. Готовиться к революции коммунисты могут, лишь ища взаимного понимания и сближения с социал-демократическими рабочими. Революционное единодушие подавляющего большинства немецкого пролетариата сведет к минимуму репрессии революционной диктатуры. Дело идет не о том, чтобы рабски копировать советскую Россию, превращая каждую ее нужду в добродетель. Это недостойно марксистов. Пользоваться опытом Октябрьской революции не значит слепо подражать ей. Надо учесть разницу в социальной структуре наций, прежде всего в удельном весе и культурном уровне пролетариата. Думать, будто социалистический переворот можно совершить конституционно, мирно, с согласия буржуазии и лейпцигского верховного суда, способны только безнадежные филистеры. Без революции германский пролетариат не обойдется. Но в своей революции он будет говорить по-немецки, а не по-русски. Я не сомневаюсь, что он будет говорить гораздо лучше, чем говорили мы.

Что мы будем оборонять?

- Хорошо. Но ведь мы, социал-демократы, собираемся все же прийти к социализму через демократию. Вы, коммунисты, считаете это нелепой утопией. Возможен ли в таком случае единый фронт обороны? Ведь надо ясно знать, что именно подлежит обороне. Если мы будем защищать одно, а вы - другое, то совместных действий никак не получится. Согласны ли вы, коммунисты, защищать веймарскую конституцию?

- Вопрос уместный, и я постараюсь на него ответить начистоту. Веймарская конституция представляет собою целую систему учреждений, прав и законов. Начнем сверху. Республика увенчивается президентом. Согласны ли мы, коммунисты, защищать Гинденбурга от фашистов? В этом, надеюсь, нет никакой надобности: Гинденбург сам призвал фашистов к власти. Дальше следует

правительство, возглавляемое Гитлером. В защите от фашизма оно не нуждается. Потом следует парламент. Когда эти строки появятся в печати, судьба парламента, вышедшего из выборов 5 марта, будет уже, вероятно, решена. Но и сейчас можно сказать с уверенностью: если состав рейхстага окажется враждебен правительству; если Гитлер попытается ликвидировать рейхстаг; если социал-демократия проявит решимость бороться за рейхстаг, - коммунисты поддержат в этом социал-демократию изо всех сил.

Осуществить диктатуру пролетариата против вас или без вас, рабочих социал-демократов, мы, коммунисты, не можем и не собираемся. К диктатуре пролетариата мы хотим прийти вместе с вами. Совместную оборону против фашизма мы рассматриваем как первый шаг на этом пути. Не рейхстаг, конечно, является в наших глазах важнейшим историческим завоеванием, которое пролетариат должен защищать от фашистских вандалов. Есть более высокие ценности. В рамках буржуазной демократии и в то же время в постоянной борьбе с нею сложились в течение ряда десятилетий элементы пролетарской демократии: политические партии, рабочая пресса, профессиональные союзы, заводские комитеты, клубы, кооперативы, спортивные общества и пр. Задача фашизма состоит не столько в том, чтобы добить остатки буржуазной демократии, сколько в том, чтобы разгромить зачатки пролетарской демократии. Наша же миссия состоит в том, чтобы положить уже созданные элементы пролетарской демократии в основу советской системы рабочего государства. Для этого надо разбить скорлупу буржуазной демократии и высвободить из-под нее ядро рабочей демократии: в этом и заключается суть пролетарской революции. Фашизм угрожает живому ядру рабочей демократии. Этим самым ясно продиктована программа единого фронта. Мы готовы оборонять ваши и наши типографии, но также и демократический принцип свободы печати; ваши и наши рабочие дома, но также и демократический принцип свободы собраний и союзов. Мы - материалисты, и потому не отделяем душу от тела. Пока мы еще не в силах осуществить советскую систему, мы стоим на почве буржуазной демократии. Но мы не делаем себе на ее счет никаких иллюзий.

О свободе печати

- А что вы сделаете с социал-демократической печатью в случае, если бы вам удалось завоевать власть: запретите наши газеты, как русские большевики запретили газеты меньшевиков?

- Вопрос поставлен плохо. Что значит "наши газеты"? В России диктатура пролетариата оказалась возможной лишь после того, как подавляющее большинство рабочих-меньшевиков перешло на сторону большевиков, а мелкобуржуазные остатки меньшевизма принялись помогать буржуазии бороться за восстановление "демократии", т. е. капитализма. Но и в России мы вовсе не писали на своем знамени запрещение меньшевистских газет. Мы были приведены к этому невероятно тяжкими условиями борьбы за спасение и сохранение революционной диктатуры. В советской Германии положение будет, как я уже сказал, неизмеримо более благоприятное, и это неизбежно отразится на режиме печати. Я вообще не думаю, что немецкий пролетариат будет нуждаться в этой области в репрессиях.

Разумеется, я не хочу сказать, что рабочее государство потерпит хотя бы в течение одного дня режим буржуазной "свободы печати", т. е. тот порядок, при котором издавать газеты и книги могут лишь те, кто сосредоточил в своих руках типографии, бумажные заводы, книжные склады и пр., т. е. капиталисты. Буржуазная "свобода печати" означает монополию финансового капитала навязывать народу капиталистические предрассудки при помощи сотен и тысяч газет, распространяющих яд лжи в наиболее совершенной технической форме. Пролетарская свобода печати будет означать национализацию типографий, бумажных фабрик и складов в интересах трудящихся. Мы не отделяем души от тела. Свобода печати без линотипов, ротационных машин и бумаги есть пустая фикция. В пролетарском государстве технические средства печати будут предоставляться группам граждан в зависимости от их действительной численности. Господину Гугенбергу придется при этом немножко потесниться, как и всем другим капиталистическим монополистам газетного дела. Но тут уж ничего не поделаешь. Социал-демократия получит в свое распоряжение типографские средства в соответствии с числом ее сторонников. Я не думаю, что это число будет к тому времени очень велико: в противном случае невозможен был бы и самый режим пролетарской диктатуры. Пусть, однако, этот

вопрос разрешит будущее. Но самый принцип: распределять технические средства печати в зависимости не от толщины чековой книжки, а от числа сторонников данной программы, данного течения, данной школы является, надеюсь, самым честным, самым демократическим, подлинно пролетарским принципом. Не так ли?

- Пожалуй.

- Тогда по рукам, что ли?

- Я еще подумаяю.

- Ничего другого, дружище, я и не хочу: цель всех моих рассуждений состоит в том, чтобы заставить тебя еще раз подумать над всеми большими вопросами пролетарской политики.

Л. Троцкий

Принкипо

24 февраля 1933 г.

Изъятые страницы из тезисов предконференции⁴¹, не вошедшие в русский "Бюллетень"⁴². Об испанской секции левой оппозиции

Испанская революция создала крайне благоприятные объективные условия для быстрого развития коммунизма. Но отсутствие сколько-нибудь подготовленных кадров чрезвычайно затруднило для левой оппозиции, как и для официальной партии, использование совершенно исключительной исторической обстановки. Несмотря на то, что численностью своих членов наша испанская секция превосходит ряд других секций, - это надо полностью отнести за счет революционного прилива, - идейная сплоченность организации и характер руководства раскрывают крайне неудовлетворительную картину.

Чтобы понять причины, необходимо установить хотя бы главнейшие ошибки руководящих кадров испанской оппозиции.

В Каталонии, пролетариат которой представляет естественную среду для быстрого роста влияния большевиков-ленинцев, руководящие товарищи непростительно упускали время; вместо того чтобы хотя бы в составе маленького ядра активно выступить под собственным знаменем, они в течение наиболее критических месяцев революции играли с принципами в прятки, дипломатничали и тянулись в хвосте мелкобуржуазного националиста и провинциального фразера Мауринана.

Немногим лучше обстояло дело и в других частях Испании, где левые оппозиционеры, игнорируя официальную кампанию и подменяя марксистское воспитание кадров революционным сентиментализмом, долго не проводили необходимой грани между собой и правыми группировками.

Не менее вредные последствия имел тот факт, что руководящие товарищи, поддаваясь влиянию худших сторон испанской революционной традиции, повернулись спиной к интернациональному опыту и, заявляя на словах о своей солидарности с левой оппозицией, фактически, прямо или косвенно, поддерживали всех путаников и перебежчиков (Ландау, Росмер, Милль и пр.).

В вопросе: фракция или самостоятельная партия? испанская секция заняла на своей последней конференции по меньшей мере двусмысленную позицию, высказавшись за самостоятельные списки на парламентских и иных выборах. Решение это, идущее вразрез с политикой левой оппозиции и практически ничем не подготовленное, осталось платонической, но вредной демонстрацией.

На пути своего отчуждения от большевиков-ленинцев руководители испанской оппозиции зашли так далеко, что сочли возможным переменить самое имя своей организации. Назвав себя "левыми коммунистами" - теоретически явно неправильным именем, - испанские товарищи противопоставили себя этим интернациональной левой оппозиции и в то же время приблизились по названию к Ленинбунду, группе Росмера и пр. Ни один серьезный революционер не поверит, что такой важный шаг сделан случайно, без политической цели. В то же время ни один марксист не одобрит политики, которая [не] заявляет о своих намерениях открыто, а прибегает к дипломатничанью и лавированью в принципиальных вопросах.

Требую привлечения на интернациональную конференцию всех причисляющих себя к левой оппозиции групп как отколовшихся, так и исключенных, испанская секция показывает, как далеко она стояла и стоит от действительного развития интернациональной левой и как мало она усвоила его внутреннюю логику.

Обвиняя остальные секции в неправильной организационной политике и не попытавшись хоть сколько-нибудь обосновать свои обвинения, испанские

товарищи успели в то же время обнаружить на деле всю ошибочность своих собственных методов. Внезапно вспыхнувшая в ЦК борьба двух групп привела испанскую секцию на грань раскола, причем организация оказалась застигнута врасплох, так как ни одна из борющихся групп не смогла до сих пор сформулировать принципиальные основы ожесточенной борьбы.

На нынешнем своем идеологическом фундаменте испанская секция не может развиваться. Отдавая себе ясный отчет в том, что исправление совершенных ошибок и создание в Испании принципиально выдержанной и революционно сплоченной организации может быть достигнуто лишь в процессе длительной систематической работы, предконференция выдвигает следующие, наиболее неотложные меры:

а) Все важнейшие интернациональные документы по спорным вопросам должны быть переведены на испанский язык и доведены до сведения всех членов секции. Надо перестать скрывать факты. Сказанное относится прежде всего к делу Милля, где руководители испанской секции не только поддержали явно беспринципного субъекта против интернациональной оппозиции, но позволяют себе и сейчас, в защиту совершенных ими ошибок, совершенно недопустимые инсинуации по адресу интернациональной оппозиции.

б) Обе борющиеся группы ЦК должны отказаться от беспринципного раскола организации, приняв все меры к тому, чтобы обсуждение спорных вопросов шло по нормальным каналам, с участием всех без исключения членов организации.

в) Внутренняя дискуссия должна вестись в "Бюллетене", состав редакции которого должен обеспечивать полное беспристрастие в отношении каждой из борющихся группировок (общий редакционный комитет).

г) В порядок дня поставить все принципиальные вопросы интернациональной левой, не допуская подмены ясных политических позиций личными симпатиями, антипатиями и инсинуациями.

д) Всесторонняя дискуссия должна подготовить новую национальную конференцию.

Предконференция поручает Секретариату с особым вниманием следить за внутренним развитием испанской секции, чтобы помочь ей провести намеченные выше и все другие целесообразные меры, в полном соответствии с задачами и методами интернациональной левой.

О кризисе в немецкой секции

Предконференция констатирует, что, несмотря на исключительно благоприятные условия и правильную исходную позицию, немецкая секция далеко не использовала открытых перед нею возможностей. Кризис, связанный с капитуляцией Веля и К°, показал, что кадры немецкой оппозиции нуждаются в серьезном обновлении. В то время как подавляющее большинство рядовых членов организации после первой серьезной информации о кризисе сразу занимали по отношению к клике Веля правильную позицию, выражавшуюся одним словом "вон!", правление и редакция, наоборот, проявили недопустимые колебания, упустили время, не информировали надлежащим образом ни свои собственные местные организации, ни иностранные секции. При таких методах руководства революционная организация победить не может. Большевики-ленинцы находятся под ожесточенным преследованием не только всех сил старого общества, включая и социал-демократию, но и сталинской бюрократии. Проложить себе дорогу к массам левая оппозиция может только при величайшей энергии, беззаветной преданности своим идеям, при постоянной готовности защищать свое знамя до конца. Допускать в состав руководства колеблющихся, пассивных, усталых или кандидатов в капитулянты есть прямое преступление. В руководстве необходимо обеспечить перевес революционных рабочих, тесно связанных с массами и насквозь проникнутых сознанием великой миссии, которую история возлагает на левую оппозицию. Под этим углом зрения должна быть проведена предстоящая конференция немецкой оппозиции.

[Л. Д. Троцкий]

[Февраль 1933 г.]

По поводу положения в Американской лиге

(Интернациональному Секретариату)

Дорогие товарищи!

Положение в Американской лиге, как вы уже указывали на это, требует быстрого и решительного вмешательства со стороны нашей интернациональной организации. Насколько я могу судить по протоколам Секретариата и по переписке, у нас с вами нет разногласий в оценке положения в Американской лиге. Считаю, во всяком случае, своим долгом изложить вам, по возможности точнее, как я представляю себе, на основании очень подробных бесед с тов. Свабеком⁴³ и на основании изучения документов, положение в Лиге и какие меры с нашей стороны представляются мне необходимыми.

1. В течение нескольких лет деятельность Лиги имела главным образом, если не исключительно, литературно-пропагандистский характер. Число членов колебалось вокруг одной и той же цифры в зависимости от улучшения или ухудшения работы центра. Отсутствие движения вперед пробуждало, как всегда, всякого рода личные, групповые и локальные антагонизмы. То же самое отсутствие движения вперед не позволяло этим антагонизмам принять политический характер. Это придавало и придает борьбе крайне отравленный характер при отсутствии явного для всех принципиального содержания. Члены организации из такой борьбы малому научаются. Они вынуждены группироваться по личным связям, симпатиям и антипатиям. Борьба группировок становится в свою очередь тормозом дальнейшего движения вперед.

2. Весьма вероятно, что в этой борьбе заложены в эмбриональном виде возможные принципиальные разногласия. Несчастье, однако, состоит в том, что обе группы чудовищно забегают вперед, обостряя групповую, личную, организационную борьбу вне всякого соответствия с ходом политической работы и выдвигаемыми ею вопросами. В нетерпеливом организационном мареврировании, которое действует разлагающе на Лигу в целом, подрывая каждую группу в отдельности, нельзя не видеть губительного влияния методов и приемов эпигонского Коминтерна, который приучил целое поколение выходить из всех трудностей мерами аппаратных комбинаций за счет интересов организации в целом. В этом и состоит одна из худших черт бюрократизма!

3. Действительный выход из внутренних затруднений может быть найден только на пути расширения массовой работы. Лига встала на этот путь. Она развертывает с замечательной энергией работу в трех направлениях: а) кампания по поводу успехов фашизма в Германии и капитуляции Коминтерна; б) участие в движении безработных; в) участие в независимом профессиональном союзе углекопов (Иллинойс). На всех этих поприщах Лига имеет уже моральные успехи. Но – и это важнейший пункт нынешней обстановки – эти первые успехи сопровождаются не ослаблением, а обострением внутренней борьбы. Что это значит?

4. Теоретически возможно, конечно, что с переходом к более широкой работе потенциальные разногласия должны принять открытый и активный политический характер. Но пока это еще решительно ни в чем не выразилось. Сколько-нибудь оформленных, серьезных, устойчивых разногласий не обнаружилось ни в одной из трех областей работы, которые названы выше. Остается другое объяснение: обострение кризиса вызывается механикой самого перехода от одной стадии работы к другой. Это не исключает возникновения серьезных разногласий в дальнейшем, но они вовсе не должны будут совпасть с линиями нынешних группировок, которые являются группировками застоя, а не движения. Во всяком случае, постоянные организационные маневры внутри ЦК, между ЦК и ньюйоркской группой и пр. несут сегодня, еще в большей мере чем вчера, все черты аппаратного фетишизма, свойственные не большевизму, а эпигонскому Коминтерну.

5. Выход возможен только через расширение и углубление массовой работы, привлечение в Лигу свежих пролетарских элементов, вовлечение всех членов Лиги в массовые организации. Начало этой работе положено. Но борьба группировок достигла такой остроты, при которой раскол сам собою становится в порядок дня. Раскол в этих условиях имел бы чисто априорный, так сказать превентивный, характер, непонятный никому, кроме, может быть, инициаторов раскола. Если нам, руководящим работникам интернациональной оппозиции, трудно усвоить себе мотивы ожесточенной борьбы, то тем менее способны будут понять причины раскола американские рабочие, в том числе и члены самой Лиги. Такого рода верхушечный раскол подорвал бы несказанно авторитет оппозиции в

Америке, уже и сегодня сталинской бюрократии достаточно было бы опубликовать многочисленные декларации двух борющихся групп друг против друга, чтоб отравить все источники сочувствия к левой оппозиции. В случае раскола положение стало бы во сто раз хуже.

Обе группы должны отдавать себе ясный отчет в том, что в случае их раскола ни одна из них не может быть и не будет признана секцией интернациональной левой оппозиции. Обе половины, обреченные на длительное бессилие, оказались бы на положении нынешних чехословацких групп, являющихся сейчас не полноправными членами интернациональной организации, а лишь сочувствующими группами.

6. Подготовка национальной конференции Лиги стоит под знаком борьбы двух групп. Уже сейчас можно себе до известной степени представить перспективы конференции: более или менее единогласное принятие основных политических решений при отравленной борьбе по вопросам проверки мандатов и состава будущего ЦК. Так как обе группы приблизительно уравнивают друг друга, то изменения на конференции могут свестись к тому, что группа, имевшая 49%, получит 51%, и наоборот; а это, при дальнейшем применении тех же методов, будет означать раскол.

7. Задача нашей интернациональной организации в этих условиях, мне кажется, совершенно очевидна: ни в каком случае не допустить раскола сейчас, на пороге перехода Лиги к массовой борьбе; разъяснить всем членам Лиги, что руководители обеих групп форсируют борьбу недопустимыми организационными мерами и призвать всех членов Лиги на защиту ее единства.

8. Независимо от возможных мнений каждого из нас в отдельности насчет того, какой из двух групп массовая работа Лиги обеспечит серьезное и действительное преобладание, решение вопроса мы как организация должны предоставить будущему (весьма возможно, что руководство сложится путем перегруппировки элементов нынешних двух групп). Но ближайшая конференция во всяком случае не может обеспечить господства одной из групп за полным отсутствием для этого подготовленной политической почвы и объективных критериев. Задача ближайшей конференции должна быть в том, чтобы оградить Лигу от превентивного раскола, навязанного сверху, и тем спасти авторитет Лиги и ее боеспособность на ближайшее время. Эту задачу надо в самой императивной форме поставить перед всеми местными группами Лиги, как и перед двумя борющимися группами ЦК.

9. Как можно судить на основании переписки, значительное число членов Лиги, может быть, даже большинство, не примыкает ни к одной из двух групп и с возмущением говорит об опасности раскола. Ввиду отсутствия, по крайней мере необнаружения, принципиальных основ под групповой борьбой, примиренчество является вполне законным и прогрессивным фактором внутренней жизни. Эту тенденцию надо сейчас, на данном этапе, поддержать всем авторитетом международной организации.

10. Подготовка конференции должна, мне кажется, вестись в духе высказанных выше соображений. Это значит:

а) все местные организации должны призвать руководителей обеих групп ввести свои столкновения в такие рамки, чтобы речи, декларации и пр. обеих сторон не могли стать орудием в руках противника;

б) все тезисы, контртезисы, поправки и пр. должны своевременно доставляться не только всем членам Лиги, но и Интернациональному Секретариату, дабы дискуссия во всех своих стадиях проходила на глазах всех секций и под их контролем;

в) окончательный срок конференции должен быть назначен по соглашению с Интернациональным Секретариатом, дабы последний имел возможность в случае надобности делегировать своего представителя;

г) до конференции остается, разумеется, в силе нынешний ЦК, который должен пользоваться безусловной поддержкой всех членов организации. В свою очередь, ЦК воздерживается от каких бы то ни было искусственных внутренних организационных перестроек фракционного характера;

д) при выборе делегатов на конференцию местные организации должны руководствоваться соображениями о достаточной стойкости и самостоятельности своих представителей в вопросе об охране единства Лиги; в соответственном духе должны быть вынесены наказания этим делегатам;

е) в состав будущего ЦК должны, разумеется, войти руководители обеих борющихся ныне групп, но рядом с ними надо поставить авторитетных и крепких

товарищей, не участвующих в борьбе двух групп и способных оздоровить атмосферу внутри ЦК. С этой целью следует значительно расширить состав ЦК;

ж) в случае надобности Секретариат созывает пленум, специально посвященный американским делам, с участием представителей обеих групп.

* * *

Историческое развитие ставит перед американской Лигой исключительные задачи и открывает ей неизмеримые возможности. Наши американские друзья должны знать, что все мы с величайшим вниманием следим за их работой, готовы оказать им поддержку всеми силами и средствами и твердо надеемся, что они справятся с внутренней болезнью организации и выйдут на широкую дорогу.

Г. Гуров

7 марта 1933 г.

Германский фашизм у власти, причины и перспективы

Довольно обычная ссылка на отсталость стран, давших место диктатуре, сейчас уже во всяком случае не годна: если с известной натяжкой ее можно было распространить на Италию, то никак не на Германию, наиболее развитую капиталистическую страну в самом сердце Европы.

Общая историческая причина крушения демократий состоит в том, что капиталистический строй пережил себя: скопившиеся в нем противоречия, национальные и интернациональные, прорывают оболочку демократии, как мировые противоречия взрывают декоративные сооружения Лиги Наций.

Где прогрессивный исторический класс оказывается неспособен овладеть властью, чтобы перестроить общество на основах социализма, агонизирующий капитализм может поддерживать свое существование лишь все более грубыми, антикультурными методами, крайним выражением которых является фашизм. Эта историческая концепция порождена не победой Гитлера. В феврале 1929 г. я писал в американском издании:

"По аналогии с электротехникой демократия может быть определена как система выключателей и предохранителей против слишком сильных токов национальной или социальной борьбы. Ни одна эпоха человеческой истории не была и в отдаленной степени так насыщена антагонизмами, как наша. Под слишком высоким напряжением классовых и международных противоречий выключатели демократии плавятся или взрываются. Такова суть короткого замыкания диктатуры". Оппонентам, ссылавшимся на то, что процесс захватил только периферию культурного мира, я возражал: "Сила внутренних и мировых противоречий не ослабевает, а растет... Подагра начинается с мизинца или с большого пальца ноги, но, раз начавшись, доходит до сердца"⁴⁴.

Американский писатель Скотт Ниринг⁴⁵ в брошюре, посвященной фашизму, дает очень простое и очень яркое графическое выражение историческим тенденциям капиталистического развития, которое с начала нынешнего столетия все больше упирается в альтернативу: коммунизм или фашизм? Я воспроизвожу здесь диаграмму Ниринга⁴⁶.

Для очень многих выбирать между большевизмом и фашизмом примерно то же, что между сатаной и Вельзевулом⁴⁷. Но на этот счет я затрудняюсь сказать что-нибудь утешительное. XX век войдет, очевидно, как самый беспокойный и беспощадный век в памятную книгу человечества. Кто из наших современников требует от истории прежде всего спокойствия и комфорта, тот выбрал себе плохое отечество во времени.

Движение Гитлера, поднявшее на ноги 17 миллионов отчаяний, выражает безнадежность капиталистической Германии в упадочной Европе, которую Версальский мир окончательно превратил в сумасшедший дом, забыв снабдить ее смирительными рубашками. Победа партии отчаяния оказалась возможной только потому, что социализм, партия надежды, оказался бессилем овладеть властью. Немецкий пролетариат достаточно многочислен и культурен, чтобы справиться с такой задачей. Но руководящие им партии оказались несостоятельны.

Социал-демократия с отличающей ее консервативной ограниченностью надеялась, в союзе с другими парламентскими партиями постепенно "воспитать" фашизм. Роль главного дрессировщика она поручила готенцоллернскому

фельдмаршалу Гинденбургу, отдав ему свои голоса. Движимые правильным инстинктом рабочие стремились к борьбе. Социал-демократия сдерживала их, обещая дать сигнал тревоги, когда Гитлер "окончательно" покинет легальный путь. Так социал-демократия не только сама призвала через посредство Гинденбурга фашистов к власти, но и позволила им произвести государственный переворот по частям.

Совершенно ложна была политика коммунистической партии. Ее руководство исходило из того абсурдного соображения, будто социал-демократия и национал-социализм представляют собою две "разновидности фашизма", будто они, по злополучной формуле Сталина, "не антиподы, а близнецы". Что социал-демократия, как и фашизм, стоит на защите буржуазного режима от пролетарской революции, совершенно бесспорно. Но методы, какими они разрешают эту задачу, совершенно несовместимы. Социал-демократия немислима без парламентаризма и массовых рабочих организаций, политических и профессиональных. Миссия же фашизма состоит в том, чтобы разгромить и то, и другое. На этом антагонизме надо было построить политику оборонительного союза между коммунистами и социал-демократами. Но слепые вожди отвергли такую политику. Рабочие оказались перед лицом наступающего врага расколоты, безоружны, без плана и без перспектив. Деморализуя пролетариат, такое положение повышало самоуверенность фашизма.

Два с половиной года тому назад, в сентябре 1930 г., мы писали:

"Фашизм стал в Германии реальной опасностью, как выражение острой безвыходности буржуазного режима, консервативной роли социал-демократии по отношению к этому режиму и накопленной неспособности коммунистической партии опрокинуть этот режим. Кто это отрицает, тот слепец или фанфарон"⁴⁸. Эту мысль мы развивали в ряде брошюр, вышедших в течение последних лет в Германии. Так, в октябре 1931 года мы писали: "Приход национал-социалистов к власти означал бы прежде всего истребление цвета германского пролетариата, разрушение его организаций, искоренение в нем веры в себя и свое будущее. В соответствии с гораздо большей зрелостью и остротой социальных противоречий в Германии, адская работа итальянского фашизма показалась бы, вероятно, бледным и почти гуманным опытом по сравнению с работой германского национал-социализма"⁴⁹.

Сталинская фракция объявила эту оценку "панической". Из необъятной политической литературы, посвященной этому вопросу, сошлюсь здесь только на речь официального вождя немецкой коммунистической партии⁵⁰, который на пленуме Исполнительного комитета Коминтерна в апреле 1931 года следующими словами разоблачал так называемых пессимистов, т. е. людей, умевших заглядывать вперед: "Мы не дали паническим настроениям сбить нас с пути... Мы трезво и твердо установили, что 14 сентября (1930 [г.]) было в известном смысле лучшим днем Гитлера и что дальше последуют не лучшие, а худшие дни. Та оценка, которую мы давали развитию этой партии, подтверждена событиями... Сегодня у фашистов уже нет поводов смеяться". Этой цитаты достаточно.

Так, при ничтожестве германской буржуазной демократии фашизм был приведен к власти совокупными усилиями руководителей двух рабочих партий.

Правительство Гитлера сразу взяло крайне энергичные темпы. Оно обещает подвергнуть коммунистов воспитательному действию концентрационных лагерей. Не успев еще приступить к этой задаче, которая окажется гораздо труднее при выполнении, чем в замысле, Гитлер обещает искоренить заодно и социал-демократию, т. е. разрешить в неизмеримо более трудных условиях ту задачу, которая оказалась некогда не по силам Бисмарку, а затем Вильгельму II.

Политическая армия Гитлера - это чиновники, служащие, лавочники, ремесленники, всякие вообще промежуточные и проблематические существования; в социальном смысле они представляют человеческую пыль.

Парадокс состоит в том, что Гитлер при всем своем "антипарламентаризме" неизменно сильнее в парламентской плоскости, чем в социальной. После каждого нового подсчета голосов фашистская пыль остается пылью. Между тем рабочие объединены в самом процессе производства. В их руках наиболее концентрированные производственные силы нации. Борьба Гитлера за овладение государством только начинается. Главные трудности еще впереди. Даже перелом торгово-промышленной конъюнктуры к лучшему изменит соотношение сил не в пользу Гитлера, а в пользу пролетариата. Уже простое сокращение безработицы создаст прилив самочувствия в рабочей среде. Слишком туго сжатая пружина

начнет расправляться. После чрезвычайного ухудшения положения рабочих за годы кризиса можно с уверенностью ждать широкого размаха экономических боев.

Главные трудности для Гитлера еще впереди, как и главные бои. Захватить вышку радиостанции легко. Стать хозяином на дне шахты гораздо труднее. Победа пролетариата еще вполне возможна. Но при непременном условии правильной стратегии.

На интернациональной арене дальше жестов и фраз Гитлер в ближайший период пойти не сможет. Ему придется вести слишком долгую и кровавую войну внутри Германии, чтобы он мог всерьез думать о войне против Франции. Наоборот, он будет изо всех сил доказывать Франции и другим капиталистическим государствам необходимость для них поддержать его в его провиденциальной миссии: борьбе против большевизма. Через те или другие колебания внешняя политика фашистской Германии целиком направится против Советского Союза. По этой линии внутренняя война может естественно перейти во внешнюю войну.

Л. Троцкий

Принкипо

10 марта 1933 г.

Германия и СССР

(В порядке информации секций ИЛО) 51

1. Полное отсутствие сопротивления со стороны немецких рабочих Гитлеру создало известное замешательство и в наших рядах. Мы рассчитывали на то, что приближение фашистской опасности преодолет не только предательскую политику реформистов, но и ультиматистский саботаж сталинцев. Это ожидание не подтвердилось. Были ли наши расчеты ошибочны? Так формально ставить вопрос нельзя. Мы обязаны были исходить из курса на сопротивление и сделать все возможное, для того чтобы оно было оказано. Признать априорно невозможность сопротивления значило бы не толкать пролетариат вперед, а вносить дополнительный элемент деморализации.

События принесли проверку. Первые итоги этой проверки подведены в статье Т[роцкого] "Трагедия немецкого пролетариата"⁵². Сейчас можно уже почти с уверенностью сказать, что толчок действительно массовой борьбе может дать только перелом конъюнктуры. До тех пор предстоит главным образом критическая и подготовительная работа. Режим фашистского террора будет серьезной проверкой для оппозиционных кадров в целом и для каждого в отдельности. Именно в такой период закаляются и воспитываются революционеры. Пока фашисты будут терпеть профсоюзы, левым оппозиционерам необходимо во что бы то ни стало проникнуть в союзы для ведения там строго законспирированной работы. Переход на нелегальное положение не значит просто уход в подполье (создание заграничной газеты, нелегального транспорта, нелегальных ячеек внутри страны и пр.), но и умение вести законспирированную работу в легальных массовых организациях, поскольку они существуют.

2. Вопрос о возможной роли Красной армии остро стоит перед многими товарищами. Наши принципиальные позиции нам, разумеется, пересматривать не приходится. Если бы внутреннее положение в СССР позволяло, советское правительство должно было бы при первом приближении Гитлера к власти мобилизовать пару корпусов в Белоруссии и Украине, разумеется, под знаменем обороны советских границ. Некоторые товарищи, исходя из той бесспорной мысли, что Красная армия может лишь помочь иностранной революции, но не может заменить ее, склонны делать тот вывод, что при отсутствии развернутой гражданской войны в Германии недопустимо было бы прибегать к мобилизации в СССР. Такая постановка вопроса слишком абстрактна. Красная армия не может сделать революцию за немецких рабочих. Но на разных стадиях эта помощь может выразиться различно: так, Красная армия может помочь немецким рабочим начать революцию.

То, что парализовало немецкий пролетариат, - это чувство раздробленности, изолированности, безнадежности. Одна перспектива возможной вооруженной помощи оказала бы на авангард огромное ободряющее воздействие.

Первые серьезные акты сопротивления немецких рабочих Гитлеру могли бы вызвать разрыв между фашистской Германией и СССР и привести к военной развязке. У советского правительства не может быть ни малейшего интереса выступать в качестве нападающей стороны: это не вопрос принципа, а вопрос политической целесообразности. Для крестьянских масс война с целью помочь немецкому пролетариату была бы мало понятна. Крестьян можно привести к такой войне, начав с защиты советской территории от угрожающей ей опасности. (Все, что на тему об обороне и нападении сказано в "Истории" Троцкого в применении к революции, не в меньшей степени относится и к войне.)

Формы воздействия Красной армии на события в Германии должны были бы, конечно, сообразоваться с ходом этих событий и с настроением немецких рабочих масс. Но именно потому, что немецкие рабочие оказались сами по себе не в силах вырваться из оков пассивности, инициатива борьбы, хотя бы в указанной выше "предварительной" форме, могла бы исходить от Красной армии. Препятствием для такой инициативы является сейчас не положение в Германии, а положение в СССР. На эту сторону дела иностранные товарищи обращают, по-видимому, недостаточное внимание. Свыше года тому назад мы говорили о необходимости вмешательства Красной армии в случае прихода фашизма к власти. Мы исходили при этом из надежды на то, что не только в Германии, но и в СССР успеет призойти необходимый перелом в политике, экономическое положение улучшится и советская власть получит необходимую свободу движений. На самом деле внутреннее развитие приняло за последний год крайне неблагоприятный характер. Хозяйственное положение в СССР, как и настроения масс, делают ведение войны до последней степени трудным. Все сообщения из СССР говорят, что даже передовым рабочим лозунг военной помощи немецкому пролетариату покажется в данных условиях неосуществимым, нереальным, фантастическим.

Мы не уступаем ни иоты из нашей принципиальной позиции. Но позиция активного интернационализма служит нам сейчас прежде всего для беспощадной критики сталинской бюрократии, которая парализовала рабочее государство в решающий исторический час. Однако не считаться с обстановкой мы не можем. Последствия ошибок превратились в объективные факторы. Требовать в нынешних условиях мобилизации Красной армии было бы явным авантюризмом. Тем более решительно надо требовать перемены политики в СССР во имя упрочения диктатуры пролетариата и активной роли Красной армии.

Г. Г[ур]ов
17 марта 1933 г.

[Письмо болгарским единомышленникам]

21 марта [1]933 [г.]

Дорогие товарищи!

Бесспорных сведений о судьбе Раковского у меня нет. В конце января жена его писала за границу о том, что оба они здоровы (насколько можно говорить о "здоровье" Раковского). Но в марте через Париж получены были сведения о том, что Раковский в тяжелом положении был в феврале увезен в Москву, где будто бы скончался. Сперва сообщали это вполне категорически, ссылаясь на хорошо известное мне лицо в Москве. Затем появились некоторые сомнения. На все запросы, исходившие со стороны видных политических деятелей во Франции, советское посольство отказывалось давать какой бы то ни было ответ. Уже одно это заставляет крайне тревожиться. Если бы с Раковским дело обстояло благополучно, то у советского посольства не было бы оснований отказывать в ответе. Остается предположить, что либо трагическое сообщение верно, либо Раковский арестован и увезен в Москву не для лечения, а для той или иной расправы. Незачем говорить, что мы предпринимаем все меры, чтобы открыть истину⁵³.

Я пишу сейчас большую работу о Раковском и очень прошу болгарских друзей помочь мне. Мне нужны всякие материалы, прямо или косвенно относящиеся к Раковскому. В особенности:

1. Данные о его семье, в частности, о его дяде, знаменитом национальном революционере Раковском⁵⁴ (если можно, то и стихи Ивана Вазова⁵⁵, посвященные Раковскому);
2. Книги, брошюры и отдельные статьи самого Раковского.

3. Статьи о Раковском, воспоминания о нем и пр. (в официальной коммунистической печати за первые годы советской власти, когда Раковский играл большую роль, печатались, несомненно, статьи о нем).

[Л.Д.Троцкий]

Экономическое наступление контрреволюции и профсоюзы.

Заявление делегатов, примыкающих к международной левой оппозиции (большевиков-ленинцев) на Пражском конгрессе против фашизма⁵⁶

Вся новейшая история свидетельствует, что пролетариат – ничто без своих классовых организаций. В то же время опыт показывает, как часто рабочие организации становятся тормозом для революционной борьбы. Об это противоречие пролетарское движение разбивалось не раз. Самым трагическим примером является германская катастрофа, в которой руководящие рабочие организации, каждая по-своему, парализовали пролетариат сверху и безоружным выдали его фашизму.

Коммунистическая партия имеет своей задачей привести пролетариат к власти. Выполнить свою революционную миссию она может не иначе, как завоевав большинство пролетариата и, следовательно, его массовые организации, прежде всего профессиональные союзы.

Борьба партии за влияние на профессиональные союзы должна вестись таким образом, чтобы не тормозить текущих задач массовой организации, не раскалывать ее и не порождать у рабочих представления, будто коммунисты дезорганизуют классовое движение. Принципы такой борьбы намечены еще "Коммунистическим Манифестом", развиты дальнейшей теорией и практикой рабочего движения и нашли наиболее высокое свое выражение в работе большевизма.

Партия означает цвет класса, его революционный отбор. Профессиональный союз охватывает широкие массы рабочих разного уровня. Чем шире эти массы, тем ближе профессиональный союз к выполнению своих задач. Но широта организации идет неизбежно за счет ее глубины. Оппортунистические, национальные, религиозные тенденции и в профессиональных союзах, и в их руководстве являются выражением того факта, что союзы охватывают не только авангард, но и тяжелые резервы. Слабые стороны союзов вытекают, таким образом, из сильных сторон. Борьба с оппортунизмом в профессиональных организациях означает в основе своей упорную и терпеливую работу над подтягиванием резервов к авангарду.

Кто отталкивает революционных рабочих от профессиональных союзов; кто наряду с массовыми организациями строит революционные "чистенькие", по ироническому выражению Ленина, но малочисленные и потому бессильные профсоюзы, тот не разрешает историческую задачу, а отказывается от ее разрешения; хуже того: создает прямые преграды на пути борьбы за влияние на рабочий класс.

Инициаторами настоящего конгресса являются организации Красной профессиональной оппозиции (РГО) Германии, Польши и Италии. История этих организаций есть история пагубного нарушения основных принципов марксистской политики в области профессионального движения. РГО есть та же коммунистическая партия, или часть коммунистической партии, лишь под другим названием. Эта организация не связывает партию с союзами, наоборот, отрывает партию от союза. Будучи по своей малочисленности совершенно неспособной заменить профессиональные союзы в области массового действия, РГО в то же время не способна и воздействовать на них извне, ибо враждебно противопоставляет себя им как конкурирующая организация. В оправдание политики РГО, как и в оправдание теории социал-фашизма, сталинская бюрократия ссылается теперь на то, что вожди немецких профсоюзов обнаружили свою готовность быть лакеями при Гитлере, как они были в свое время лакеями при Гогенцоллерне. Указывая пальцами на подлую роль Лейпарта и К°, французские сталинцы высказываются против слияния двух синдикальных организаций Франции. Единство они согласны принять лишь при одном условии: если во главе объединенных синдикатов будут стоять революционные борцы, а не предатели.

Сталинцы снова показывают этим, что, как французские Бурбоны⁵⁷, они не

способны ничего забыть и ничему научиться. Они требуют, чтобы кто-то преподнес им в готовом виде массовые организации с революционным руководством. В таких союзах они великодушно согласны принять участие. Они ждут, другими словами, что кто-то другой решит историческую задачу, которая должна была бы составить основное содержание их собственной работы.

Что вожди немецких профессиональных союзов, как и британских и американских трэд-юнионов, как и реформистских синдикатов Франции, являются "величайшими негодьями в мире", - это Роза Люксембург сказала много лет тому назад. Важнейшая задача при создании Коминтерна состояла в том, чтобы вытеснить этих негодяев из массовых союзов. Но как раз в области выполнения этой задачи сталинская бюрократия обнаружила полное банкротство.

Что РГО в Германии не перебежала на сторону Гитлера есть чисто отрицательная заслуга, которую в революционных рядах вообще неприлично выставлять напоказ. Но бессилие РГО, бессилие КПП, бессилие сталинского Коминтерна состоят в том, что негодяи, как Лейпарт и К°, остаются и сегодня хозяевами массовых профсоюзов. Что же касается РГО, то перед лицом больших событий она оказалась карточным домиком.

Место коммунистов - в массовых профессиональных союзах. Коммунисты должны входить туда с поднятым или со свернутым знаменем, работать там открыто или конспиративно, в зависимости от политических и полицейских условий страны. Но работать они должны, не покладая рук.

Для своего участия в профессиональном движении коммунисты не могут ставить никаких условий ни рабочему классу в целом, ни реформистской бюрократии. Если бы рабочий класс понимал заранее преимущества коммунистической политики, он не терпел бы реформистских изменников во главе своих организаций. Что касается реформистской бюрократии, то она сознательно заинтересована в том, чтобы коммунисты оставались вне профессиональных союзов, и потому отклонит всякие условия, которые способны были бы облегчить работу коммунистов. Пролетарский революционер не выдумывает гордых, но нелепых ультиматумов, которые должны служить оправданием его дезертирства из союза, а проникает в союз, несмотря на все препятствия и барьеры. Не из рук профсоюзной бюрократии получает коммунист выгодные условия для своей работы, а постепенно завоевывает их, поскольку завоевывает влияние внутри профсоюза.

То обстоятельство, что ответственными организаторами настоящего конгресса, призванного подготовить отпор наступлению капитализма и фашизма, являются сектантские, по самому своему принципу, организации РГО в трех странах, заставляет нас с удвоенной силой призвать всех подлинных коммунистов к борьбе против гибельных методов сталинской бюрократии, изолирующих авангард пролетариата и преграждающих ему путь к победе.

Товарищи-коммунисты, сознательные рабочие! Восстановите в силе марксистские принципы профсоюзной политики, формулируемые первыми четырьмя конгрессами Коминтерна. Отряхните от ваших ног прах сталинизма. Вернитесь на дорогу Маркса и Ленина. Только эта дорога ведет вперед!

[Л.Д.Троцкий]

[Март 1933 г.]

[Письмо А.Д.Кауну]

Каун

6 апреля [1]933 г.

Дорогой Александр Давыдович!

Я перед вами виноват: с большим запозданием отвечаю на ваше последнее письмо. Извинением служат большие события и потрясения, личные и не личные, последних месяцев.

Сейчас, конечно, в центре внимания стоят события в Германии. Как трагически подтвердились все прогнозы левой оппозиции! Германская коммунистическая партия сейчас ликвидирована не только организационно, но и политически: таких преступлений история не прощает. Строительство коммунистической партии начнется в Германии на новом месте и в значительной мере из новых материалов. К левой оппозиции сейчас серьезный приток.

Вы писали, что речь Сталина произвела большое впечатление. Наиболее необходимое об этой речи сказано в номере 33 "Бюллетеня"58. Речь Сталина

представляет собою бюрократическое издевательство над трагической хозяйственной деятельностью в СССР. Вы, вероятно, знаете из русского "Бюллетеня", что все те левые оппозиционеры, которые в период первых успехов пятилетнего плана "покаялись", сейчас - за самыми небольшими исключениями - вернулись снова в лагерь оппозиции, исключены снова и снова сосланы или заключены в тюрьмы. Крайне важный политически сам по себе, этот факт имеет в то же время огромное симптоматическое значение: то, что произошло на партийных верхах, является лишь отражением больших сдвигов в рабочих массах.

Я вам, помнится, говорил о своем плане провести параллель между гражданской войной в СССР и в С[оединенных] Штатах, но для этого мне надо было бы посетить Америку, поработать в архивах и даже посетить театры военных действий. Пустит ли меня новая администрация? Я бы твердо обязался не заниматься внутренней американской политикой и, разумеется, выполнил бы обязательство с полной лояльностью. Рузвельт, победу которого я все время предсказывал, должен был бы мне из благодарности дать визу. Но политика, как известно, не знает благодарности.

Я получил недавно большое письмо Кальвертона, из которого вытекает (из письма, разумеется), что автор значительно приблизился к нашим взглядам. Получил я также на днях книгу Сиднея Хука⁵⁹ о Марксе и его статью в "Нейшен". Книги его я еще не читал. Но статья, интересная сама по себе, заставляет меня опасаться, что в философской области у нас серьезные разногласия. Однако это лишь предварительное впечатление.

Сердечный привет вашей жене. Желаю вам всего хорошего и крепко жму руку.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо С. Хуку]

Professor Sidney Hook
Columbia University, Dep[artmen]t. of [...]
New York, N[ew] Y[ork] 60
Дорогой товарищ С. Хук!

Горячо благодарю вас за присылку вашей новой книги о К.Марксе⁶¹. Я еще, разумеется, не успел познакомиться с ней. Статью вашу в "Нейшен" прочитал с интересом, но она вызвала у меня ряд сомнений. Возможно, что ваша книга эти сомнения рассеет. Поэтому ограничиваюсь самыми краткими предварительными замечаниями.

1. Уже заглавие статьи возбуждает беспокойство: "Марксизм - догма или метод?" Эта альтернатива не исчерпывает вопроса. Марксизм - не догма, но он не только метод, а и доктрина. Материалистическая диалектика есть метод. Однако Маркс не только сформулировал этот метод, но и применил его в двух областях, создав теорию капиталистического хозяйства (наука) и теорию исторического процесса ("философия истории", точнее, наука).

2. Заключительная фраза вашей статьи гласит, что марксизм "не есть ни догма, ни объективная наука, а реалистический метод классового действия". Что означает здесь слово "реалистический"? Очевидно, основанный на правильном познании объективного (в данном случае социального) процесса. Познание объективного есть наука. Марксистская политика "реалистична" постольку, поскольку опирается на марксизм, как науку.

3. Вы говорите, что доктрина Маркса так же мало может быть понята независимо от революционных идей, как рецепт врача - независимо от заботы о здоровье. В известных границах можно принять это сравнение. Но только тот врач способен давать полезные рецепты, который опирается на анатомию, физиологию, патологию и ряд других позитивных наук. Как можно отрывать реалистическую практику от научной теории? В последнем счете все научное познание человечества - не только медицина - родилось из практических потребностей и служит им.

4. Вы пишете: "С точки зрения теоретических постулатов науки марксизма вытекало, что революционная оппозиция к мировой войне в 1914 году была утопической потому, что война и военная психология неизбежно вытекали из объективного сочетания социально-экономических сил того времени." Это

противопоставление мне кажется непонятным: борьба против войны "утопична", потому что (?) война неизбежно вытекает из объективных условий. Во-первых, и утопические идеи вытекают из объективных условий. Во-вторых, борьба против "неизбежных" явлений не является необходимо утопической, ибо неизбежные явления ограничены во времени и пространстве. В частности, война, будучи исторически "неизбежной", оказалась в то же время "утопической" в качестве пути выхода из империалистического тупика: после войны положение капитализма стало хуже, чем было до нее.

5. Вы утверждаете: "Самая тяжелая ошибка Маркса состояла в недооценке вторичных факторов процесса". Это замечание правильно по отношению к огромному числу вульгарных марксистов, особенно эпохи II Интернационала. Но оно абсолютно ложно по отношению к самому Марксу. Признаться, это место вашей статьи особенно поразило меня.

Если обстоятельства мне позволят, я еще вернусь к этим вопросам в менее беглой форме.

С товарищеским приветом

Л.Троцкий

10 апреля 1933 г.

Принкипо

По поводу проекта резолюции правления немецкой секции о новой партии

Проект резолюции (к сожалению, без даты) устраняет известные разногласия (действительные и мнимые, т. е. основанные на недоразумении), но в то же время оставляет в силе другие. Задача настоящей критики состоит в том, чтобы с возможной точностью определить действительный характер сегодняшних разногласий.

1. Резолюция устанавливает с самого начала, что "крушение КПП сделало лозунг реформы беспредметным", другими словами, КПП не может уже быть возрождена. Незачем говорить, что это заявление, означающее отказ от той позиции, которую все мы занимали до 5 марта, имеет огромное значение для всей нашей деятельности.

Параграф 3-й резолюции говорит: "Развитие идет в направлении новой партии". Это положение дополняет предшествующее и тем самым чрезвычайно сокращает поле разногласий. Руководящие товарищи немецкой секции признают, что сталинская партия в Германии политически ликвидирована и что немецкая социалистическая партия сложится как новая партия вне сталинской организации.

2. Приведем, однако, в более полном виде цитату из 3-го пункта: "Хотя развитие идет в направлении новой партии, лозунг этой последней был бы преждевременным и ложным..." Вся суть этой фразы в том содержании, какое дается слову "лозунг": оно может быть истолковано либо как открытое провозглашение нашей новой оппозиции в отношении официальной партии; либо как призыв немедленно создавать новую партию из наличных элементов. Что касается этого второго истолкования, то оно было бы смехотворным авантюризмом. В нашей среде никто такого предложения не делал. Если в момент открытия дискуссии на этот счет могли еще возникать недоразумения, то развернувшийся за последние недели обмен мнений создал здесь полную ясность. Дело идет для нас не о бюрократическом декретировании новой партии, а об открытом провозглашении нашей новой позиции по отношению к старой партии и новой перспективе для нашей работы. Преуменьшать или смазывать значение этого нового поворота было бы недопустимым. Мы берем курс на пропаганду и подготовку новой партии. Об этой перемене надо сказать ясно и открыто. Есть ли у нас на этот счет согласие? Проект резолюции не дает необходимой ясности.

3. Заняв правильную исходную позицию, резолюция впадает в дальнейшем в целый ряд противоречий, смазывает свои основные заявления и не дает практических директив. Лозунг "новой партии", говорит резолюция, оттолкнет от нас критических или полукритических коммунистов. Почему? Очевидно, потому, что они верят еще в реформу старой партии. Преданные, но близорукие революционеры, которые ценою больших жертв попытаются восстановить сталинскую партию в подполье, будут, конечно, с враждебностью относиться к

нашему утверждению, что "перспектива реформы КПГ стала беспредметной" и что "развитие идет в направлении новой партии". Но ведь как раз насчет этих двух решающих положений мы с немецким Правлением совершенно солидарны. Как же быть? Должны ли мы хранить эти мысли про себя, не высказывая их вслух, чтобы не восстанавливать против себя сторонников реформы? Такая позиция была бы совершенно недостойна марксистов, и я не сомневаюсь, что немецкие товарищи не имеют ее в виду. Под ударами опыта утописты реформы будут убеждаться в нашей правоте. Чем тверже и раньше мы займем позицию, тем выше будет наш политический авторитет.

4. Проект резолюции выдвигает лозунг создания кадров. Сам по себе лозунг совершенно бесспорный. Нужно только ответить: для чего кадры? Для реформы старой партии или для постройки новой? Если бы мы стали в этом вопросе на путь дипломатического умалчивания, сталинцы все равно потребовали бы от нас ответа, и мы оказались бы перед рядовыми коммунистами в положении жрецов, у которых есть два учения: одно для себя, другое - для непосвященных. Ясно, что такой двойственности авторы резолюции не могут хотеть и не хотят.

5. В проекте резолюции, как и в других документах, неоднократно повторяется мысль, что перспектива новой партии правильна, но что передовые рабочие к ней "психологически" не подготовлены. Если дело идет о немедленном учреждении новой партии, то рабочие к этому не подготовлены не только "психологически", но и политически, и теоретически: нет необходимых кадров, а наличным кадрам не хватает масс. Ссылка на "психологию" может быть понятна только так, что наши собственные единомышленники, а также сочувствующие и полусочувствующие "психологически" не готовы к резкой перемене перспективы. Авторы резолюции явно смешивают два вопроса: подготовленность пролетарского авангарда к созданию новой коммунистической партии и подготовленность нашей собственной организации к смелой и решительной перемене собственной ориентации в вопросе о старой и новой партии.

Речь у нас идет только об этой второй задаче. Она вытекает не из "психологии", т. е. сегодняшних настроений отдельных слоев пролетарского авангарда, а из всей совокупности объективных условий: из победы фашизма и из укреплений политики и организации сталинизма. Настроения передовых рабочих будут меняться - преимущественно в том направлении, что они все яснее и яснее будут понимать смысл этих исторических фактов. Но политическая установка (перспектива) левой оппозиции должна исходить не из колеблющихся настроений, а из объективных изменений обстановки.

6. Истолковывать лозунг новой партии как механическое объединение с элементами распада старой партии (брандлерианцы, САП, Ленинбунд и пр.) было бы не только нелепостью, но и прямым издевательством над всем нашим прошлым. По отношению к той или другой группе речь может идти лишь об отдельных совместных шагах, диктуемых обстановкой. Так, напр[имер], на антифашистском конгрессе мы должны были бы искать соглашения с представителями САП, группой Снивлита и пр. против блока Мюнценберга с Барбюссом и с индусскими буржуа. Смешивать такого рода тактические соглашения с вопросом о новой партии нет ни малейшего основания. Можно сказать лишь одно: умелые тактические соглашения на основе правильной стратегической линии могут ускорить процесс формирования кадров для коммунистической партии.

7. В немецких документах лозунг "новой партии" противопоставляется лозунгу "нового Циммервальда". Смысл этого противопоставления никак нельзя понять. Циммервальд представлял собою временный блок марксистов и центристов. Первые шли под лозунгом III Интернационала, вторые - под лозунгом реформы II Интернационала. Были, правда, отдельные участники, которые, уклоняясь от ответа на вопрос, стоят ли они за II или за III Интернационал, прятали свои колебания за знамя Циммервальда "вообще".

Соглашение оказалось эпизодом, тогда как лозунг III Интернационала определил революционную политику всей новой эпохи. Так же обстоит дело и сейчас. Соглашение, скажем, с САП может оказаться эпизодом (гораздо менее крупным, чем Циммервальд) на пути к новой партии; но это два разных вопроса.

8. Как стоит, однако, вопрос об САП? В борьбе за самосохранение вожди САП, не отвечая ни на один из программных вопросов, отмежевались от левой оппозиции ссылками на то, что мы все еще питаем иллюзии насчет КПГ. Сейчас этот основной аргумент снят ходом событий. Обращаясь к САП, мы говорим: "После 5 марта и для нас дело идет о создании новой партии. Но партию

создают на основе программы. Какова ваша программа?" Надо уметь использовать преимущества нашей новой позиции. Если вожди САП отвечают, что они только вырабатывают свою программу, мы можем совершенно открыто предложить им наше участие в их программной дискуссии, даже создание совместного дискуссионного теоретического органа, - при сохранении, разумеется, полной независимости нашей организации и нашей политической газеты. Вопрос об САП не есть, конечно, решающий вопрос. Но ведь мы его ставим не вместо других вопросов, а наряду с ними, как один из серьезных частных вопросов.

Резюмирую: Дискуссия дала уже тот результат, что устранила ряд очевидных недоразумений и тем сузила поле разногласий. Тем не менее, до ясного и отчетливого ответа руководящих немецких товарищей на поставленные выше вопросы было бы рано говорить, что разногласия преодолены. Нам нужны не только формальное признание перспективы новой партии, но и готовность сделать из этой перспективы все необходимые практические выводы и единодушно бороться за них.

Г. Г[уров]

21 апреля 1933 г.

Всем членам испанской левой оппозиции

Дорогие товарищи!

Я получил на днях копию письменного ответа барселонского Центрального Комитета Организационной комиссии по созыву национальной антифашистской конференции. Письмо это, датированное 5 апреля 1933 года, представляет собою документ, над которым должен задуматься каждый испанский оппозиционер, если ему дорого дело коммунизма.

В чем состоит смысл интернационального антифашистского конгресса, как и национальной антифашистской конференции? Левая оппозиция (большевики-ленинцы) всесторонне разъяснила этот вопрос в своих документах и статьях по поводу Амстердамского конгресса против войны и в ряде дальнейших своих заявлений. Сталинская бюрократия изолировала коммунистический авангард пролетариата при помощи ложной политики, делающей, в частности, невозможным единый фронт рабочих против фашизма, как и против войны. Чтобы замаскировать свою несостоятельность, Коминтерн устраивает время от времени фальшивые маскарады единого фронта. Он сочетает разрозненные группы коммунистических рабочих с бессильными одиночками, пацифистами, левыми демократами и пр., выдавая такие чисто театральные конгрессы, конференции и комитеты за "единый фронт масс". Мы приняли в свое время участие в Амстердамском конгрессе, чтобы разоблачить этот маскарад и тем направить внимание рабочих-коммунистов на правильный путь. Незачем говорить, что таково же наше отношение и к будущему антифашистскому конгрессу.

Барселонский ЦК занял и в этом вопросе позицию, прямо противоположную позиции большевиков-ленинцев. Письмо от 5 апреля торжественно извещает Организационную комиссию о присоединении левой оппозиции к "единому фронту", как если бы дело действительно шло об едином фронте, а не об издевательстве над политикой единого фронта.

Помогая сталинцам прикрашивать действительность, письмо барселонского ЦК повторяет общие фразы о том, что единый фронт против фашизма осуществим, несмотря на наличие разногласий. Но эта элементарная мысль, верная в отношении массовых пролетарских организаций, теряет всякий смысл по отношению к буржуазным одиночкам, пацифистам, демократическим литераторам и пр. Между тем, письмо барселонского ЦК гласит: "Пацифист может быть таким же врагом войны и больше, чем революционный коммунист. Вполне логично, что эти люди в едином фронте против тех, кто является их врагами". Трудно поверить, что эти слова могли быть написаны людьми, которые считают себя марксистами, которые имеют какое-либо понятие о политике Ленина, о решениях четырех конгрессов Коминтерна, не говоря уже о десятилетней работе международной левой оппозиции и, в частности, об ее декларации на Амстердамском конгрессе. Каким образом пацифист может быть лучшим врагом войны, чем революционный коммунист? Марксистская теория и политический опыт учат нас, что пацифизм является орудием империализма; что пацифисты декламируют против войны в мирное время, а когда наступает война под гнетом своей изолированности и

своего бессилия молча склоняются перед милитаризмом и чаще всего превращаются в его лакеев. То же самое относится и к борьбе с фашизмом.

Смысл политики единого фронта состоит в том, чтобы сблизить работу социал-демократов и синдикалистов с рабочими-коммунистами (и с коммунизмом) в процессе совместной борьбы с классовым врагом. Что касается тех или других одиночек из буржуазного лагеря, то это вопрос десятистепенного значения; лучшие из них тем вернее поддержат рабочих, чем правильнее будет проводиться политика единого пролетарского фронта, чем больше она будет спланирована массами. Игнорирование же массовой политики и погоня за одиночками со звонкими именами есть худший вид авантюризма и политического шарлатанства.

Вместо того чтобы разоблачать самую идею союза сталинской бюрократии с буржуазными одиночками, барселонский ЦК выражает уверенность, что организационная комиссия смотрит на задачи конгресса так же, как и он, ЦК, и потому "с радостью" примет его "лояльное сотрудничество". Что это: дипломатия? Если дипломатия, то такая, которая способна обмануть только наших друзей и единомышленников. Да и с какой целью марксисты стали бы пускаться в дипломатию в таком вопросе, где нужна максимальная ясность? Нет, приходится прийти к выводу, что барселонский ЦК в важнейшем вопросе пролетарской политики занимает позицию, прямо противоположную марксизму.

Борьба руководящих испанских товарищей против основных взглядов и принципов международной левой оппозиции (большевиков-ленинцев) началась не со вчерашнего дня. Можно сказать без преувеличения: за эти три года не было почти ни одного серьезного испанского или международного вопроса, по которому руководящие испанские товарищи заняли бы правильную позицию. Ошибки, разумеется, всегда возможны, а в молодой организации - неизбежны. Но надо, чтобы организация и прежде всего ее вожди учились на собственных ошибках: тогда можно идти вперед. Несчастье состоит в том, что товарищи, составляющие нынешний ЦК испанской оппозиции, не допускают организацию до обсуждения спорных вопросов, подменяя каждый раз принципиальные разногласия личными выпадами, мелкими и ничтожными обвинениями. Борьба между группой тов. Нина и тов. Лакруа имеет, разумеется, свое значение; но в сто раз важнее та борьба, которую группа товарищей Нина, Ферзенаб2 и др. ведет против интернациональной левой оппозиции в целом, нарушая на каждом шагу самые основные принципы марксизма.

При всякой фракционной борьбе бывают личные конфликты и взаимные обвинения: это неизбежно. Никуда, однако, не годится тот революционер, который определяет свою позицию в зависимости от чисто личных эпизодов, обвинений, симпатий и антипатий. Такой метод типичен для мелкобуржуазных радикалов, неспособных подняться на уровень марксистских принципов. Мелкобуржуазная склока отравляла до сих пор верхушку испанской оппозиции, мешала ей правильно ориентироваться и парализовала развитие всей организации, несмотря на исключительно благоприятные объективные условия. Если рядовые члены испанской организации, действительные большевики-ленинцы, хотят вырваться из тупика, они должны смахнуть мусор личных дрызг и рассмотреть политические разногласия по существу. Надо изучить всю историю этих разногласий. Но прежде всего надо поставить в центре обсуждения беспринципный документ ЦК от 5 апреля 1933 года. Надо, чтобы каждый испанский оппозиционер понял, что причина непрерывных конфликтов между Барселоной, с одной стороны, Парижем, Брюсселем, Берлином, Веной, Нью-Йорком и пр. и пр., с другой стороны, коренится в том, что барселонский ЦК занимает антимарксистскую позицию и упорно не хочет с нее сойти.

Я обращаюсь с этим письмом ко всем членам испанской секции, так как трехлетние попытки мои добиться взаимного понимания с руководящими испанскими товарищами ни к чему до сих пор не приводили.

С коммунистическим приветом

Г. Гуров

24 апреля 1933 г.

Левая оппозиция и САП

Дорогой друг!

Я получил ваше письмо от 20 апреля, где вы сообщаете о ваших

переговорах с руководящими товарищами из САП. Ваше сообщение очень хорошо дополняет резолюцию последней конференции САП в той ее части, где речь идет об отношении к нам. До 5 марта вожди САП упрекали нас в том, что мы все еще надеемся на возрождение КПП. Сейчас это разногласие снято ходом развития. Мы считаем сталинский аппарат в Германии обреченным на гибель и призываем собирать кадры для новой партии. В области взаимоотношений между нами и САП вопрос должен был бы, таким образом, свестись к тому, какова будет программа этой новой партии, ее политика, ее режим. Дело идет, конечно, не об общих абстрактных формулах, а о закреплении на бумаге того опыта, который прошел перед нами за последние годы и в котором обе организации, левая оппозиция и САП, принимали участие. Основные выводы этого опыта мы телеграфным языком закрепили на нашей предконференции в феврале этого года⁶³. (Сейчас мы должны внести к этим тезисам поправку в вопросе об нашем отношении к КПП). Со стороны вождей САП мы должны были бы ждать поправок, дополнений или контрпредложений программного характера.

На самом деле мы слышим с их стороны совершенно другой довод. Признаться, я испытываю некоторые затруднения, касаясь этого пункта, так как речь идет обо мне лично. Но задачи революционной политики стоят над личными соображениями. Надо брать доводы в том виде, в каком они предъявлены возможными союзниками или возможными противниками. Левая оппозиция, по словам вождей САП, слишком связана с "личностью Т[роцкого]", слишком зависит от него и пр. Немецкая секция ничего будто бы не предпринимала без указаний Т[роцкого] и т. д. Концентрация революционной организации вокруг одного лица представляет большие опасности и пр.

Прежде всего я хотел бы внести поправку в картину отношений внутри левой оппозиции. Не буду говорить о прошлом, когда немецкая секция переживала серьезные разногласия и острые внутренние кризисы, по отношению к которым мне лично приходилось в лучшем случае играть роль советника со стороны. Сейчас в порядке дня стоит вопрос о новой партии в Германии. Левая оппозиция является единственной организацией, которая открыто, на глазах у всех, обсуждает этот вопрос. Большинство правления немецкой секции расходится в этом вопросе с Интернациональным Секретариатом и со мной и энергично ведет свою кампанию, обвиняя меня и в "софизмах", и в "дипломатии", и во всяких других грехах, как полагается в боевой дискуссии. Я твердо надеюсь, что обсуждение закончится выработкой единой точки зрения. Но, во всяком случае, ни в САП, ни в КППО⁶⁴ не полемизируют сейчас столь открыто и решительно против Вальхера, Фрелиха или Брандлера-Тальгеймера, как в нашей немецкой секции полемизируют против меня и И[нтернационального] С[екретариата].

Может быть, это исключение? Так думать может лишь тот, кто не знает внутренней жизни всех наших секций. Поистине, мы не можем пожаловаться ни на отсутствие внутренней идейной борьбы, ни на избыток уважения к "авторитетам". Объясняется это, по-моему, тем, что мы строже других организаций относимся к программным вопросам и к учету международного стратегического опыта; отсюда вытекает и более критическое, более придирчивое отношение друг к другу.

Я вовсе не хочу идеализировать левую оппозицию, как она есть. Главный порок нашей организации в том, что она слаба. Слабость организации, недостаточная ее связь с массами создают условия, при которых возможно, даже неизбежно чрезмерное влияние отдельных лиц. Но здесь лекарство одно: строить более сильную, более массовую организацию. Если исходные позиции и методы левой оппозиции в основном правильны, то создание такой организации обеспечено или, по крайней мере, вполне достижимо. Мы возвращаемся, следовательно, все к тем же программным, стратегическим, тактическим и организационным вопросам.

Чего собственно опасаются товарищи из САП: влияния определенного лица или влияния определенных идей, с которыми это лицо связано? На этот счет все еще нет необходимой ясности. В резолюции конференции САП говорится о том, что САП сходится "во многих вопросах" с левой оппозицией и с КППО. Прежде всего бросается в глаза неопределенная формула: "во многих вопросах". Это не по-марксистски. Резолюция организации, ответственной перед передовыми рабочими, обязана ясно и точно сказать, в каких вопросах она сходится с другими организациями, в каких расходится. Без ясности и точности в области идей нет революционной политики. Дело осложняется тем, что резолюция говорит

одновременно о солидарности с нами, большевиками-ленинцами, и с брандлерианцами. Это чрезвычайно снижает ценность заявления о солидарности, ибо нас от брандлерианцев отделяют непримиримые разногласия.

За последние год-два ключ к международному положению находился в Германии. В рамках вопросов тактики (не стратегии) могло иногда казаться, что между нами и брандлерианцами разногласия не велики. Пролетарский авангард Германии выронил, однако, ключ из своих рук. На очереди сейчас стоит Австрия. Но проблема Австрии имеет все же эпизодический характер. Главный ключ к позициям международного пролетариата находится сейчас в СССР. Нашу оценку политики бюрократического централизма и порождаемых ею величайших опасностей товарищи из САП знают. Согласны они с нами? Если согласны хотя бы в основном, как могут они быть одновременно согласны с брандлерианцами, которые поддерживают сталинскую политику в СССР (практически это означает: во всем мире), и не раз объявляли нас "контрреволюционерами"? Получается такое впечатление, как если бы вожди САП, не высказываясь по существу самого большого и острого вопроса, хотели бы иметь слева от себя большевиков-ленинцев, справа от себя - брандлерианцев, чтобы, отталкиваясь от обоих флангов, сохранять свою самостоятельность (это не беда!) и свою... неопределенность (это очень плохо!).

Такая тактика может казаться очень "ловкой". На самом деле, она была бы гибельной. Она означала бы продолжение политики Зейдевица в новой обстановке. Я говорю это отнюдь не с полемическими целями. Я, с своей стороны, готов все сделать, чтобы облегчить взаимное понимание и сближение с товарищами из САП. Но первым условием для этого является честное политическое объяснение.

Вожди САП жалуются иногда на то, что левая оппозиция слишком "механически" ставит вопрос о политике централизма в Китае, об Англо-русском комитете, о курсе Коминтерна в Испании, о политике Сталина в СССР и пр. Дело не идет, однако, о каких-либо произвольных критериях с нашей стороны или о разрозненных символах веры. Дело идет об одном и том же вопросе: о политике правящей центристской фракции в разных странах и в разных условиях. Мы выделили наиболее крупные события последнего десятилетия, чтобы на их опыте ярче противопоставить политику марксизма политике централизма. В центре внимания мы ставим, конечно, живые политические факты и актуальные вопросы. Но для воспитания революционных кадров необходима преемственность политической мысли. От опыта с Гоминьданом, от кантонской авантюры⁶⁵, от блока с британскими штрейкбрехерами⁶⁶ и пр. и пр. ведет непрерывная линия централизма к немецкой катастрофе.

В САП, как и в других организациях, имеются тысячи рабочих, которым эта связь не ясна, которые никогда не изучали и не продумывали политику Сталина в Китае, Болгарии или в Испании. Требовать от этих товарищей, чтобы они чисто формально признали правоту нашей позиции в перечисленных выше вопросах, было бы, разумеется, неразумно: нельзя одним ударом заменить длительную пропагандистскую работу. Но от вождей, которые берут на себя инициативу и ответственность формирования самостоятельной пролетарской партии, мы вправе требовать, чтобы они теперь же определили свое отношение к основным вопросам пролетарской стратегии, притом не в общей абстрактной форме, а на фактах живого опыта, через который прошло нынешнее поколение мирового пролетариата. Но и в отношении вождей мы не ставим вопроса механически. Мы говорим: "Прежде чем решать окончательно о нашем возможном сотрудничестве, - мы желали бы, чтобы оно было как можно более тесным, - необходимо выяснить, одинаково ли с вами мы смотрим на основные вопросы пролетарской стратегии. Вот наши взгляды, сформулированные в огне борьбы в разных странах. Как вы смотрите на эти вопросы? Если вы еще не определили к ним своего отношения, попробуем обсуждать вместе, начиная с наиболее острых и неотложных политических задач". В такой постановке вопроса, смею думать, нет и тени сектанства. Для марксистов не может вообще быть иной постановки. К этому надо еще прибавить, что мы готовы, разумеется, к практическому сотрудничеству, отнюдь не дожидаясь окончательного разрешения всех спорных вопросов.

Товарищи из САП считают целесообразным скорейший созыв конференции из всех наличных коммунистических организаций и групп, которые откликнутся на призыв. Если такая конференция будет созвана, левая оппозиция, как я думаю, примет в ней участие, чтобы изложить свою точку зрения; но ждать от такой

конференции серьезных результатов для постановки коммунистической работы было бы неправильно. Если бы дело шло о помощи эмигрантам, о защите их интересов или о какой-либо отдельной политической кампании, конференция могла бы, может быть, во всех этих случаях иметь практическое значение. Но ведь дело идет о выработке основ революционной политики на длительный период. Такие вопросы никогда не разрешались резвошерстными конференциями в порядке импровизации. Наоборот, политически неподготовленная, поспешно созванная конференция в атмосфере растерянности рисковала бы только увеличить идейный хаос и взаимное ожесточение разных групп.

Центры руководства немецким революционным движением должны будут в ближайший период неизбежно осесть в эмиграции. Между тем, выброшенные за границу немецкие товарищи чувствуют себя еще, как на бивуаке. Даже те из них, которые теоретически понимают значение происшедшей катастрофы, психологически еще не приспособились к новой обстановке. И внутри Германии разные группы живут еще инерцией вчерашнего дня. Это относится и к САП, наиболее многочисленной, но наименее оформленной из всех оппозиционных коммунистических организаций. Левое крыло САП, несмотря на то, что вожди его не имели даже собственного органа, завоевало в партии большинство, вытеснив фракцию Зейдевица. Этот факт лучше всего показывает общую тенденцию развития САП, в которой мы с самого начала видели "живое течение". Но нельзя закрывать глаза на то, что САП в массе своей представляет и сейчас коммунистический полуфабрикат. Между тем обстановка резко изменилась: на очереди стоят не непосредственные боевые задачи, а длительная подготовительная работа, притом в условиях подполья. Чем неоформленнее организация в идейном отношении, тем меньшее сопротивление она способна оказать разрушающим факторам (разочарованию, усталости, репрессиям, агитации других групп и пр.). Только идеологически закаленные кадры смогут выдержать в ближайший период противодействие враждебных сил!

Левая оппозиция, в этом не может быть ни малейшего сомнения, готова решительно все сделать, для того чтоб облегчить взаимное понимание с САП. Технические формы обсуждения спорных или неразрешенных вопросов найти не трудно: дискуссионный "Бюллетень", совместный теоретический журнал, ряд конференций в центре и на местах и пр.

Я думаю, что эти вопросы нужно настойчиво ставить перед каждым членом САП.

Л. Троцкий
Принкипо
27 апреля 1933 г.

Ответ австрийским левым социал-демократам

Некоторые австрийские социал-демократы, находящиеся в оппозиции к своему правлению, сделали мне честь, обратившись ко мне за политическим советом или за ответами на некоторые определенные вопросы. Незачем говорить, что я с полной готовностью отвечаю на поставленные мне вопросы в тех границах, которые определяются моей отдаленностью от поля непосредственных действий.

1. Среди левых социал-демократов Австрии, по-видимому, широко распространена та мысль, что дело уже окончательно потеряно. Такого рода априорная пессимистическая оценка теоретически неправильна и политически недопустима. Несомненно, что наиболее благоприятный момент для борьбы упущен. Но можно сражаться и в менее благоприятных условиях и одержать все же победу. Пессимисты ссылаются на неблагоприятные настроения масс. Несомненно, сверху все сделано, для того чтобы обескуражить и деморализовать рабочих. Но настроение масс - переменчивая величина. Если внушительная левая фракция, способная к действию, своевременно поднимет свой голос, настроение масс может измениться. Конфликт между наци и правительством может создать благоприятную обстановку для вмешательства рабочих. Революционер не смеет объявлять позицию потерянной, когда она еще не находится в руках врага.

2. Социал-демократическое руководство, верное своей традиции, окончательно капитулировало перед Дольфусом⁶⁷, т. е. перед фашизмом. Резкий поворот в настроении рабочих масс могла бы вызвать только

социал-демократическая оппозиция. Но для этого она должна с самого начала оказаться на высоте своей исторической задачи. Возможно ли это? Гадать об этом бесполезно. Тут решает действие.

3. "Вы, вероятно, потребуете, - пишет мне один из корреспондентов, - чтобы мы примкнули к вашей организации". Нет, вопрос политически сегодня совсем не стоит так. Организация левой оппозиции (большевики-ленинцы) стоит на почве определенной интернациональной программы, проверенной в ряде стран на больших исторических событиях (СССР, Китай, Великобритания, Испания, Германия и пр.). Мы, разумеется, будем очень рады, если дальнейшая эволюция социал-демократической оппозиции приведет ее к тесному сближению с нами. С своей стороны, мы готовы сделать все, чтобы путем товарищеского обмена мнений, взаимной критики и пр. облегчить и ускорить такое сближение. Но здесь дело идет о сравнительно длительной перспективе. При оценке ближайших, неотложных задач австрийской с[оциал]-д[емократической] оппозиции, надо исходить прежде всего из сегодняшнего положения в Австрии и в австрийской социал-демократии.

4. С[оциал]-д[емократическая] оппозиция в том случае сможет вызвать поворот в настроении рабочих, если сразу покажет, что не думает ограничиться словесной критикой и не собирается капитулировать перед фашизмом. Другими словами, надо порвать с оппозиционной традицией Макса Адлера⁶⁸, который своей импотентной "левой" критикой только поддерживал и укреплял Отто Бауэра и К°. Нужна оппозиция, которая ставит себе задачей непосредственную мобилизацию масс для революционных действий и которая в разрешении этой задачи не собирается останавливаться перед соображениями дисциплины, устава и единства партии.

5. Оппозиция ставит себе задачей "спасти партию". Что под этим понимается: традиция австро-марксизма⁶⁹, его политический курс, его бюрократический аппарат? Но со всем этим надо, наоборот, покончить как можно скорее и как можно радикальнее. Спасти социал-демократическую массу от политического разложения, упадка, гниения невозможно без объявления непримиримой войны Бауэру и К°. Эта война неизбежно должна привести к расколу. Задача лишь в том, чтобы раскол произошел по линии, наиболее выгодной для пролетарской революции.

6. Значит ли это, что оппозиция должна немедленно выступить из партии и образовать новую партию? Нет, я этого не думаю. Сегодня, когда оппозиция еще почти не заявила себя перед рабочими массами, ее разрыв с официальной организацией только облегчил бы задачу Бауэра и К°. Первым шагом и здесь должно быть: сказать то, что есть.

7. Под этим углом зрения присланный мне проект декларации с[оциал]-д[емократической] оппозиции кажется мне совершенно недостаточным. Этот документ критикует партийное правление, вместо того чтобы перед лицом партийных масс объявить ему непримиримую борьбу. Надо произнести слово "измена". Пусть не говорят, что этим словом много злоупотребляли. Австрийские рабочие в новой обстановке по-новому воспримут это слово, особенно, если оно будет произнесено левыми социал-демократами. Надо заявить, что Бауэр, Даннеберг⁷⁰, Зейц⁷¹ и К° (их всех надо назвать по имени) предали австрийский пролетариат, как Вельс и К° предали пролетариат Германии. Только такое категорическое и бесповоротное заявление объяснит рабочим самостоятельное выступление оппозиции и вместе с тем внушит им доверие к серьезности ее намерений.

3. Основные политические формулировки декларации не ясны, компромиссны и потому рискуют вызвать в рядах рабочих замешательство:

а) декларация требует замены буржуазной республики рабочей демократией. Что такое "рабочая демократия"? Можно бороться либо за возрождение буржуазной демократии, либо за установление пролетарской диктатуры. Лозунг "рабочая демократия" есть загадка, недопустимая в революционной политике;

б) декларация ничего не говорит о том, что, каков бы ни был политический лозунг (демократия или диктатура), осуществить его в нынешних условиях можно только при помощи вооруженной силы рабочих;

в) декларация не выдвигает лозунга рабочих и солдатских Советов; между тем сломить саботаж официального аппарата с[оциал]-д[емократии] и профсоюзов могли бы только рабочие Советы; лозунг солдатских Советов прокладывал бы рабочим путь в армию.

Обстановка может быстро измениться. Кое-что из сказанного выше может

скоро устареть. Многие вопросы остаются не освещенными в этих белых строках. Одно можно сказать с уверенностью: всякая половинчатость, всякая недоговоренность со стороны с[оциал]-д[емократической] оппозиции неизбежно послужат на пользу партийному правлению, капитулянтскому реформизму, а следовательно, и фашизму.

Л.Троцкий

Принкипо

3 мая 1933 г.

[Письмо в редакцию "Бюллетеня оппозиции"]72

3 мая 1933 г.

При сем препровождается несколько копий секретного письма в Политбюро73. Так как законный срок прошел, то письмо перестает быть секретным, хотя и не предназначено для опубликования. Лучше рассылать его "избранным", в том числе и дипломатам (не забыть Коллонтай, Овсенко и пр.). Я считаю возможным предоставить иностранным товарищам цитировать это письмо на собраниях, если им это понадобится. Использованное в таком виде, оно произведет больше впечатления, чем в печатном виде.

Думаю также, что это письмо может служить некоторым инструментом издательства "Бюллетеня"...

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А.Конниковой74]

6 мая 1933 г.

Дорогая товарищ Конникова!

Я получил ваше письмо и две статьи т. Ванцлера75. Я откладывал вам ответ, надеясь вскоре ознакомиться со статьями. Тем временем пришла третья статья, и я опасаясь, что дело опять затянется. Я прошу вас принять во внимание, что я получаю сейчас очень большое количество рукописей из разных стран и у меня по необходимости образуется известного рода "очередь". Задержка ответа вызывается, таким образом, не неаккуратностью или невнимательностью, а объективными условиями. За переводы моих статей на хороший английский язык прошу передать т. Ванцлеру мою искреннюю благодарность.

Вы пишете, что надеетесь повидаться со мной. Незачем говорить, насколько я был бы этому рад. В Америку мне, пожалуй, попасть не удастся, так как новая администрация не спешит с визой. Но может быть, вам удастся при поездке в Европу побывать в Константинополе?

Дела Лиги очень беспокоят меня. Принципиальных разногласий, которые оправдывали бы нынешнюю остроту борьбы, нам отсюда не видно. Тем необходимее, на мой взгляд, чтобы товарищи, не участвующие непосредственно в острой борьбе, сделали все для ее смягчения. На помощь им придет расширение влияния Лиги, привлечение свежих элементов и пр.

Если не ошибаюсь, вы мне писали некогда о том, что Бородин уже в 1903 году примкнул к большевикам. Я ждал какого-либо повода, чтобы исправить ошибку, заимствованную мною из официального советского справочника. Такой повод найдется.

Крепко жму вашу руку и желаю всего хорошего.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Л.Франкелю76]

8 мая 1933 г.

Отвечаю на ваше письмо от 2 мая.

Я очень рад, что мы сходимся в вопросе о немецкой газете77. Это очень важный вопрос. Мы можем и должны поставить газету на высоту. Обстоятельства

таковы, что мы должны поставить себе целью превратить ее в еженедельную газету. Разумеется, предварительно газета должна быть обеспечена в финансовом смысле путем правильной постановки распространения.

Мне не ясно, зачем вы предлагаете изменить формат газеты. Условиями нынешнего транспорта это совсем не вызывается. "Искра" выходила примерно в таком формате, как "Наше слово": портативность зависит от характера бумаги, а не от формата.

То обстоятельство что немецкое Правление высказалось пока что против новой партии - беда небольшая: события будут работать за нас, а мы поможем событиям критикой. Гораздо хуже, что Э.78 и др[угие] ожесточились против Секретариата и вообще против заграницы. Нужно во что бы то ни стало рассеять накопившиеся недоразумения. Секретариат должен, на мой взгляд, проявить здесь величайшую уступчивость и полную свободу от личной амбиции. Этот опыт показывает, к слову сказать, какая нужна осторожность при самой постановке острых вопросов: часто весь дальнейший характер дискуссии зависит от того, как вопрос поставлен с самого начала.

Все недоразумения Э. ему надо спокойно и по-товарищески объяснить, приняв во внимание ту исключительно нервную обстановку, в которой ему приходится работать.

Ваше сообщение о лозунгах сталинцев⁷⁹ (всеобщая стачка с перспективой вооруженного восстания) крайне важно. Эти господа опять поют на похоронах свадебные песни. Для кантонского предприятия⁸⁰ у них не хватит сил. Но для софийского⁸¹, может быть, и хватит. Попытка, во всяком случае, не исключена. Пожалуй, придется написать об этом.

Рудольф⁸² втянулся уже полностью в работу. Он недурно переводит с русского. Пока еще, правда, медленно, но будет совершенствоваться с каждой новой неделей. Параллельно с этим Ван⁸³ совершенствуется в переводах с русского на французский. В обоих этих направлениях мы будем оказывать все большее содействие отсюда Секретариату.

Не знаете ли вы, почему не выходит второй том моей "Истории"?

Что касается копенгагенского конгресса⁸⁴, то никаких грандиозных расходов не нужно. Крайне важно было бы выяснить, есть ли у нас что-нибудь в Копенгагене и организовать передачу мандатов.

Необходимо было бы развернуть серьезную кампанию по поводу Чен Дусю. Об этом должен подробно написать Пьер⁸⁵.

Я считаю также, что наша печать должна была бы уделить внимание процессу Снивлита⁸⁶. Надо поддерживать с ними дружественные отношения, пока этому нет каких-либо политических препятствий непосредственного характера.

Не знаете ли вы, где Урбанс? Прибыли ли в Париж Маслов и Рут Фишер?

[Л.Д.Троцкий]

Селин⁸⁷ и Пуанкаре

Louis-Ferdinand Celine:

"Voyage au bout de la nuit".

Paris. Denoel et Steele.⁸⁸

Луи-Фердинанд Селин вошел в большую литературу, как другие входят в свой дом. Зрелый человек, с огромным запасом наблюдений врача и художника, с суверенным безразличием к академизму, с исключительным чувством интонаций жизни и языка, Селин написал книгу, которая останется независимо то того, напишет ли он другие и будут ли они на высоте первой. "Путешествие вглубь ночи" - роман пессимизма, книга, продиктованная скорее ужасом перед жизнью и усталостью от нее, чем возмущением. Активное возмущение связано с надеждой. В книге Селина надежды нет.

Парижский студент из семьи маленьких людей, резонер, антипатриот, полуанархист - такими типами кишат кафе Латинского квартала⁸⁹ - при первом звуке военной трубы записывается неожиданно для себя самого добровольцем в армию, попадает на фронт и в механизированной бойне начинает завидовать лошадям, которые гибнут, как и люди, но без фальшивых фраз; после ранения и медали проходит через госпитали, где преуспевающие врачи уговаривают его поскорее вернуться "на пламенное кладбище сражений"; увольняется как больной из армии; уезжает в африканскую колонию и изнывает от человеческой низости,

жары и тропической малярии; попадает украдкой в Америку, работает у Форда; находит нежную подругу в проститутке (подлинные нежные страницы книги!); возвращается во Францию, становится врачом для бедных и, душевно раненый, бродит в жизненной ночи среди больных и здоровых, одинаково жалких, порочных и несчастных.

Селин совсем не ставит себе целью обличение социальных условий Франции. Правда, он не щадит попутно ни священников, ни генералов, ни министров, ни президента республики. Но ткань повествования стелется все время значительно ниже уровня правящих классов, в среде маленьких людей, чиновников, студентов, торговцев, ремесленников, консьержек и к тому же дважды переносится за пределы Франции. Нынешний социальный строй так же плох, как и всякий другой, прошлый или будущий. Селин вообще не доволен людьми и их делами.

Роман задуман и выполнен как панорама жизненной бессмыслицы, ее жестокостей, коллизий, лжи, без выхода и просвета. Унтер-офицер, терзающий солдат прежде чем погибнуть вместе с ними; американская рантьерша, проветривающая свою пустоту по европейским отелям; французские колониальные чиновники, отупевшие от жадности и неудач; Нью-Йорк с его автоматическим безучастием к человечеству без чека, с технически совершенным высасыванием мозга из людских костей; снова Париж; мелочный и завистливый мирок ученых; долгое и покорное умирание семилетнего мальчика; истязания девочки; маленькие добродетельные рантье, из экономии убивающие мать; священник в Париже и священник в глубине Африки, одинаково готовые продать человека за несколько сот франков: один в союзе с цивилизованными рантье, другой в союзе с каннибалами... Из главы в главу, из страницы в страницу осколки жизни складываются в грязную, кровавую, кошмарную бессмыслицу. Пассивное воспитание с обнаженными нервами, без воли, устремлений к будущему – психологическая основа отчаяния, искреннего в конвульсиях своего цинизма.

Селин-моралист по пятам художника развенчивает шаг за шагом все, что привыкло пользоваться высоким призванием – социальные ценности, начиная с патриотизма, и личные связи, кончая любовью. Отечество в опасности? "Потеря не велика, когда горит дом владельца... Платить все равно придется..." Исторические критерии ему не нужны. Война Дантона 90 не выше войны Пуанкаре. Там и здесь за "патриотическую функцию" расплачивались кровью. Любовь отравлена корыстью и тщеславием. Все виды идеализма – лишь "мелкие инстинкты, облеченные в слова". Даже образ матери не находит пощады. При встрече с раненым сыном она "плакала, как сука, которой вернули ее детеныша. Она была ниже суки, потому что верила в те слова, которые ей говорили, чтобы отнять у нее сына".

Стиль Селина подчинен его ощущению мира. В этом, будто бы небрежном, неправильном, страстном в своей сжатости языке живет, бьется и трепещет действительное богатство французской культуры, весь опыт чувств и мыслей великой нации, в его живом содержании, в его тончайших оттенках. И в то же время Селин пишет так, как если бы он первый наткнулся на человеческое слово. Художник перетряхнул заново словарь французской литературы. Как мякина отлетели заношенные обороты. Зато слова, изгнанные из обихода академической эстетики или моралью, оказались незаменимы, чтобы выразить жизнь в ее грубости и подлости. Эротические термины служат Селину лишь для развенчания эротики. Он ими оперирует так же, как и названиями других физиологических отправления, которые не пользуются признанием искусства.

На первой же странице романа читатель неожиданно встречает имя Пуанкаре: президент республики, как сообщает свежий номер "Temps", отправился утром открывать выставку маленьких собак. Эта деталь не выдумана. Последний дошедший до Принкипо номер "Temps" приносит справку: "Г[осподин] Альбер Лебрен 91, президент республики, в сопровождении полковника Рюпье из своего военного штаба, посетил сегодня утром собачью выставку". Такова, очевидно, одна из функций президента республики, и мы не видим основания против нее возражать. Но злая газетная справка явно служит не для возвеличивания главы государства. Френологам 92 трудно было бы вообще открыть у нового писателя шишку почтительности.

Между тем бывший президент Пуанкаре, самый прозаичный, сухой и черствый из всех деятелей Республики, является самой авторитетной ее политической фигурой. Со времени болезни он стал иконой. Не только правые, но и радикалы не считают возможным назвать его имя без нескольких слов патетического

признания. Пуанкаре есть, бесспорно, наиболее чистая культура буржуа, как французская нация – наиболее буржуазная из всех наций, пропитанная сознанием своей буржуазности, гордящаяся ею, как источником своей провиденциальной роли по отношению к остальному человечеству.

Прикрытое изысканными формами, национальное высокомерие французской буржуазии представляет кристаллизованное отложение веков. Прошлое, когда у предков была большая историческая миссия, оставило потомкам богатый гардероб, который служит прикрытием самого упорного консерватизма. Вся политическая и культурная жизнь Франции разыгрывается в костюмах прошлого. Как в странах замкнутой валюты, фиктивные ценности имеют во французской жизни принудительный оборот. Формулы освободительного миссионизма, давно оторвавшиеся от паритета действительности, сохраняют высокий принудительный курс. Условности как бы материализовались, приобрели самостоятельную реальность. Румяна и белила на лице можно еще счесть фальшью; но маска перестает быть подделкой: это просто орудие техники. Она существует отдельно от тела и подчиняет себе его жесты и интонации.

Пуанкаре – почти социальный символ. Его высшая репрезентативность образует его личность. Другой у него нет. Как в юношеских стихах этого человека – у него была юность, так и в его старческих мемуарах нет ни одной индивидуальной ноты. Интересы буржуазии – его подлинный нравственный оплот, источник его холодного пафоса. Условные ценности французской политики вошли к нему в плоть и в кровь. "Я буржуа, и ничто буржуазное мне не чуждо". Политическая маска слилась с лицом. Лицемерие, приняв абсолютный характер, стало своего рода искренностью.

Французское правительство настолько миролюбиво, по утверждению Пуанкаре, что неспособно даже предполагать задних мыслей у противника. "Прекрасная доверчивость народа, который всегда наделяет своими добродетелями других". Это уже не лицемерие, не субъективная фальшь, а обязательный элемент ритуала, как заверение в преданности под вероломным письмом. Немецкий писатель Эмиль Людвиг⁹³ в эпоху Рурской оккупации⁹⁴ спрашивал Пуанкаре: "Думаете ли вы, что мы не желаем или не можем платить?" Пуанкаре отвечал: "Никто добровольно не платит". В июне 1931 года Брюнинг по телеграфу просил у Пуанкаре содействия и получил в ответ: "Умейте страдать". Неподкупный нотариус буржуазии не знает милосердия.

Но как личный эгоизм, переходя за известную черту, начинает пожирать себя, так и эгоизм консервативного класса. Пуанкаре хотел распять Германию, чтобы раз навсегда избавить Францию от тревоги. Между тем шовинистические испарения Версальского мира, преступно мягкого в глазах Пуанкаре, сгустились в Германии в злобный образ Гитлера. Без оккупации Рура наци не пришли бы так легко к власти. А Гитлер у власти открывает перспективу новых войн.

Национальная французская идеология построена на культуре ясности, т. е. логики. Но это не окрыленная смелостью логика XVIII века, которая ниспровергла целый мир, а скупая, осторожная, готовая на все компромиссы логика Третьей республики⁹⁵. С тем снисходительным чувством превосходства, с каким старый мастер разъясняет приемы своего мастерства, Пуанкаре говорит в своих мемуарах об "этих трудных операциях ума: выборе, классификации, координации". Операции, бесспорно, не легкие. Но сам Пуанкаре производит их не в трехмерном пространстве исторического процесса, а в двухмерной плоскости документов. Истина для него лишь продукт судопроизводства, "разумного" истолкования договоров и законов. Консервативный рационализм правящей Франции относится к Декарту⁹⁶ примерно так же, как средневековая схоластика – к Аристотелю.

Прославленное "чувство меры" стало чувством малой меры. Оно придает мысли мозаический уклон. С какой любовной тщательностью Пуанкаре описывает самые ничтожные эпизоды правительственного ремесла! Полученный от датского короля орден белого слона⁹⁷ он копирует, как драгоценную миниатюру: размеры, форма, узор и окраска нелепой побрякушки – ничто не упущено в его мемуарах. С добросовестностью самого лучшего полицейского протокола Пуанкаре изображает свое посещение конских скачек совместно с королевской великобританской четой: публика, "повернувшись к трибуне, забывает ставки, пренебрегает лошадьми и настойчиво лорнирует нас". Пренебрежение скаковыми лошадьми ради короля и президента должно характеризовать напряженность партиотизма!

Литературный стиль Пуанкаре мертв, как гробница старейшего из фараонов.

Слова служат ему лишь для определения размера репараций, либо для риторических украшений. Свое пребывание в Елисейском дворце⁹⁸ он сравнивает с заточением Сильвио Пеллико⁹⁹ в тюрьмах австрийской монархии! "В этих салонах позолоченной банальности ничто не говорит моему воображению". Но позолоченная банальность есть официальный стиль Третьей республики. А воображение Пуанкаре – сублимация этого стиля. Его речи и статьи похожи на каркас из колючей проволоки, украшенной бумажными цветами и золотыми блестками.

Перед лицом надвигающейся войны Пуанкаре совершил морской путь между Петербургом и Францией; он не упускает случая вставить в тревожную хронику путешествия олеографический пейзаж: "Бледное почти пустынное море, безразличное к людским конфликтам". Совершенно так же, слово в слово, он писал на выпускном экзамене в лицее! Когда Пуанкаре говорит о своих патриотических заботах, он перечисляет попутно все роды цветов, которые украшали его дачное уединение: между шифрованной телеграммой и беседой по телефону – добросовестный каталог цветочного магазина! В самые критические моменты на сцене появляется еще сиамская кошка как символ семейной интимности. Невозможно без удущья читать этот автобиографический протокол, без живого образа, без человеческого чувства, но зато с "безразличным" морем, платанами, вязами, гиацинтами, голубями и неотвязным запахом сиамской кошки.

Есть две сферы жизни, одна явная и официальная, выдаваемая за всю жизнь; другая скрытая и самая важная. Это раздвоение проходит через личные отношения, как и через общественные: через семью, школу, судебный зал, парламент, дипломатию. Оно заложено в условиях противоречивого развития человеческого общества и свойственно всем цивилизованным странам и народам. Но формы раздвоения, ширмы и маски ярко окрашены в национальные цвета. В англо-саксонских странах важным элементом в систему нравственной двойственности входит религия. Этого важного ресурса официальная Франция лишила себя. В то время как британское масонство¹⁰⁰ не способно понять вселенную без бога, как парламент – без короля, или собственность – без собственника, французские масоны вычеркнули "великого архитектора вселенной" из своих статуты. Для политических дел и делишек ложь тем выгоднее, чем они шире: нарушать земные интересы ради небесной проблематики значило бы идти в разрез с латинской ясностью. Однако же политику, как и Архимеду¹⁰¹, нужна точка опоры; волю архитектора пришлось заместить поскосторонними ценностями. Первая из них: Франция.

Нигде так охотно не говорят о "религии патриотизма", как в светской республике. Все атрибуты, которыми человеческое воображение одаряет отца, сына и святого духа, свободомыслящий французский буржуа переносит на собственную нацию. А так как Франция – женственный образ, то она наделяется заодно и чертами девы Марии. Политик выступает как светский жрец секуляризованного божества. Литургия патриотизма, разработанная с предельной законченностью, составляет обязательную часть политического ритуала. Есть слова и обороты, которые автоматически порождают в парламенте эхо аплодисментов, как определенные церковные возгласы вызывают коленопреклонение или слезы верующих.

Однако есть разница. Область подлинной религии собственным существом отделена от житейской практики; при надлежащем размежевании компетенций коллизии так же маловероятны, как столкновения автомобиля с аэропланом. Светская религия патриотизма, наоборот, соприкасается с повседневной политикой непосредственно. Личные аппетиты и классовые интересы на каждом шагу враждуют с формулами чистого патриотизма. К счастью, противники настолько воспитаны и, главное, связаны круговой порукой, что во всех щекотливых случаях отводят в сторону глаза. Правительственное большинство и ответственная оппозиция добровольно соблюдают правила политической игры. Главное из них гласит: как движение тел подчинено законам тяжести, так действия политиков подчинены любви к отечеству.

Однако и на солнце патриотизма есть пятна. Избыток взаимной снисходительности имеет то неудобство, что порождает чувство безнаказанности и стирает грань между похвальным и предосудительным. Так накапливаются политические газы, которые время от времени взрываются и отравляют атмосферу. Крах Юнион-Женераль¹⁰², Панама¹⁰³, процесс Дрейфуса¹⁰⁴, дело Рошетта, дело газеты "Франк"¹⁰⁵, крах Устрика – памятные всем вехи на пути

третьей Республики. Клемансо оказался задет Панамой. Пуанкаре лично оставался всегда в стороне. Но его политика питалась из тех же источников. Недаром своим учителем морали он объявляет Марка Аврелия¹⁰⁶, стоическая добродетель которого неплохо уживалась с нравами имперского трона в гниющем Риме.

"В первые шесть месяцев 1914 года... - жалуется в своих мемуарах Пуанкаре, - перед моими глазами проходило неизменное зрелище парламентских интриг и финансовых скандалов". Зато война одним взмахом смела, разумеется, корыстные побуждения. "Священное единение" очистило сердца. Это значит: интриги и плутни отодвинулись вглубь за патриотические кулисы, чтобы принять там небывалые размеры. Чем дальше отодвинулась развязка на фронте, тем порочнее, по Селину, становился тыл. Образ Парижа во время войны сделан в романе рукой беспощадного мастера. Политики почти нет. Но есть большее: тот жизненный субстрат, из которого она формулируется.

Во всех судебных парламентских и финансовых скандалах Франции бросается в глаза их органический характер. От трудолюбия и бережливости крестьянина и ремесленника, от осторожности купца и промышленника, от слепой жадности рантье, от куртуазности¹⁰⁷ парламентария, от патриотизма прессы бесчисленные нити ведут к узлам, которые носят нарицательное имя панамы. В переплете связей, услуг, посредничества, замаскированных полувзяток есть тысячи переходных формул между гражданской доблестью и уголовщиной. Как только несчастный случай надрезет безукоризненные покровы, вскрыв анатомию политики - в любом месте и в любое время, - сразу необходимо назначить парламентское или судебное следствие. Но здесь-то и обнаруживается трудность: с чего начать и где остановиться?

Только потому, что Устрик несвоевременно обанкротился, обнаружилось, что у аргоната¹⁰⁸ из мелких кабатчиков служили на побегушках депутаты и журналисты, бывшие министры и послы, под инициалами и под полными именами; что бумаги, выгодные для банкира, проходили по министерствам, как молнии, а вредные задерживались, пока не становились безвредными. Из ресурсов своего воображения, из салонной связи и печатной бумаги финансовый маг создавал богатства, ворочал судьбами тысяч людей, подкупал... - какое грубое, недопустимо точное слово! - вознаграждал, поддерживал, поощрял печать, чиновников, парламентариев. И всегда почти в неуловимой форме! Чем больше развертывались работы анкетной комиссии, тем очевиднее становилась безнадежность расследования. Тем, где собирались открыть преступление, обнаружили только обычные взаимоотношения между политикой и финансами. Где искали очаг заразы, нашли нормальную ткань организма.

В качестве адвоката Х. защищал интересы предприятий Устрика; в качестве журналиста отстаивал таможенную систему, совпадающую с интересами Устрика; в качестве таможенного представителя специализировался на пересмотре таможенных ставок. А в качестве министра? Комиссия без конца занималась вопросом, продолжал ли Х. на посту министра получать адвокатский гонорар или же в промежутке между двумя министерскими кризисами совесть его оставалась чиста, как кристалл. Сколько нравственного педантизма вносится в лицемерие! Рауль Пере, бывший председатель палаты депутатов, кандидат в президенты республики, оказался кандидатом в уголовные преступники. А между тем, по глубокому своему убеждению, он действовал "как все", может быть, только менее осторожно, во всяком случае, менее счастливо... "Спускайте скорее занавес!" - кричат потрясенные патриоты. Занавес спущен. Снова воцаряется культ добродетели, и слово "честь" вызывает взрывы аплодисментов на всех скамьях Бурбонского дворца¹⁰⁹.

На фоне "низменного зрелища парламентских интриг и финансовых скандалов", как выражается Пуанкаре, роман Селина получает двойную значительность. Недаром благомыслящая пресса, которая негодовала в свое время против публичной анкеты, сразу же обвинила Селина в клевете на "нацию". Парламентская комиссия вела, по крайней мере, свое расследование на куртуазном языке посвященных, от которого не отступали ни обвинители, ни обвиняемые (между ними не всегда оказывался ясный водораздел). Селин же свободен от условностей. Он грубо отбрасывает бесплотные краски патриотической палитры. У него свои краски. Он вырвал их у жизни по праву художника. Правда, жизнь он берет не в парламентском разрезе, не на правительственных высотах, а в наиболее ее обыденных проявлениях. Но от

этого не легче. Он обнажает корни. Под внешними покровами благопристойности он вскрывает грязь и кровь. Убийство из-за мелкой наживы теряет в его зловещей панораме свою исключительность: оно так же неотделимо от повседневной жизненной механики, движимой жадностью и корыстью, как дело Устрика - от более высокой механики современных финансистов. Селин показывает то, что есть. Поэтому он выглядит революционером.

Но Селин не революционер и не хочет им быть. Он не задается химерической, в его глазах, целью перестраивать общество. Он хочет только сорвать престиж со всего того, что пугает и угнетает его. Чтобы облегчить свое сознание от ужаса перед жизнью, этому врачу для бедных понадобились новые изобразительные приемы. Он оказался революционером романа. Таков вообще закон движения искусства: через взаимоотталкивание направлений.

Изнашиваются не только партии у власти, но и художественные школы. Приемы творчества опустошаются и перестают задевать человеческие чувства: верный признак того, что школа созрела для кладбища исчерпанных возможностей, т. е. для Академии¹⁰. Живое творчество не может идти вперед, не отталкиваясь от официальной традиции, от канонизированных идей и чувств, от образов и оборотов, покрытых лаком привычки. Каждое новое направление ищет более непосредственной и честной связи между словом и чувством. Борьба против притворства в искусстве всегда более или менее перерастает в борьбу против неправды человеческих отношений. Связь здесь дается сама собою: искусство, теряющее чувство социальной фальши, неизбежно само поражает манерностью.

Чем богаче и плотнее национальная культурная традиция, тем резче отталкивание от нее. Сила Селина в том, что он с предельным напряжением сбрасывает с себя все каноны, переступает через все условности, не только раздевает модель жизни, но сдирает с нее кожу. Отсюда обвинения в клевете. Но как раз в безудержном радикализме отрицания национальной традиции Селин глубоко национален. Как французские антимилитаристы до войны были чаще всего отчаявшимися патриотами, так Селин - до мозга костей француз, отпрыгнувший от официальных масок Третьей республики. Селинизм есть моральный и художественный антипуанкаризм. В этом его сила, но и его ограниченность.

Когда Пуанкаре сравнивает себя с Сильвио Пеллико, он способен вызвать содрогание холодным сочетанием самодовольства и безвкусицы. Но настоящий Пеллико, который был заперт не во дворце, в качестве главы государства, а в темницах Святой Маргариты и Шпильберга¹¹, в качестве патриота, разве он не открывает другую, более высокую сторону человеческой природы? Вместо верующего итальянского католика, который был все же скорее жертвой, чем борцом, Селин мог бы напомнить высокопоставленному узнику Елисейского дворца другого узника, который четыре десятилетия провел в тюрьмах Франции, прежде чем сыновья и внуки его тюремщиков дали одному из парижских бульваров его имя: Огюст Бланки. Значит, что-то заложено в человеке, что способно поднять его над самим собою?

Только потому, что за алтарями фальшивого альтруизма служат многочисленные и хорошо оплачиваемые жрецы, Селин отворачивается от великодушия и героизма, от больших замыслов и надежд, от всего, что выводит человека из тюремной ночи замкнутого "я". Кажется, будто беспощадный к себе моралист отталкивается от собственного отражения в зеркале, разбивает стекло, ранит руки. Такая борьба изнуряет его, но не открывает просвета. Бездна ведет к покорности. Примирение открывает дверь академии. Подрыватели литературных основ уже не раз кончали под куполом бессмертия.

В музыке книги есть многозначительный диссонанс. Отвергая не только настоящее, но и то, что должно прийти ему на смену, художник поддерживает то, что есть. Постольку Селин, хочет он или не хочет, союзник Пуанкаре. Но, обнажая ложь, он внушает потребность в более гармоническом будущем. Пусть сам Селин считает, что из человека вообще ничего хорошего не выйдет; самая напряженность его пессимизма заключает в себе дозу противоядия.

Селин, как он есть, вышел из французской действительности и французского романа. Ему не приходится стыдиться своей родословной. Французский гений нашел в романе непревзойденное выражение. Начиная с Рабле¹², тоже врача, разветвляется на протяжении четырех столетий великелепная генеалогия мастеров эпической прозы: от жизнерадостного утробного смеха до безжизненности и отчаяния, от яркого рассвета до глубин ночи. Второй книги с таким отвращением к лжи и с таким неверием в правду

Селин не напишет. Диссонанс должен разрешиться. Либо художник примирится с мраком, либо увидит зарю.

Л. Троцкий
Принкипо
10 мая 1933 г.

Письмо английской левой оппозиции

Дорогие товарищи!

Вы приступили к изданию маленького печатного ежемесячника "Красный флаг"¹¹³. Скромный шаг вперед сделан. Надо надеяться, что за ним последуют другие.

Состояние коммунизма в Британии не находится ни в каком соответствии со степенью разложения британского капитализма. Одни лишь консервативные традиции британской политики, в том числе и рабочей, явно недостаточны для объяснения этого факта. Мы выразим только бесспорную истину, если скажем: больше всего и, увы, успешнее всего препятствовало успехам коммунизма за последние годы руководство британской компартии. Правда, оно действовало не самостоятельно, а лишь слепо следуя указке верхушки Коминтерна. Но это обстоятельство не снимает ответственности с британской коммунистической бюрократии и, во всяком случае, не уменьшает причиненных ею бедствий.

Изучение и критическая проверка политики британской компартии за последние восемь-десять лет представляют в высшей степени важную задачу с точки зрения воспитания самой левой оппозиции. Надо внимательно просмотреть и проработать официальные издания партии за этот период и установить, чему партийное руководство учило в области главных стратегических проблем: отношение к лейбористам, к трэд-юнионам, к движению меньшинства; к колониальным революциям; политика единого фронта; отношение к независимой рабочей партии и пр. Один уже подбор наиболее ярких цитат в хронологическом порядке обнаружил бы не только вопиющие противоречия "генеральной линии", но и внутреннюю логику этих противоречий, т. е. метания центристской бюрократии между оппортунизмом и авантюризмом. Каждый из тактических зигзагов отталкивал коммунистов, сочувствующих и возможных друзей то вправо, то влево, то, наконец, в болото индифферентизма. Можно сказать без преувеличения, что британская компартия, превратившаяся политически в проходной двор, сохраняла свое влияние лишь на ту часть пролетариата, которую разложение капитализма и реформизма насильственно толкало в ее сторону.

Наряду с новым печатным органом, вы располагаете литографированным (и притом прекрасно литографированным) бюллетенем "Коммунист"¹¹⁴. Было бы чрезвычайно желательно отводить в этом издании как можно большее место освещению политики британской компартии в указанном выше направлении, как и дискуссии по поводу спорных вопросов внутри самой левой оппозиции. Упорно стремясь к расширению нашего воздействия на рабочих, нам необходимо в то же время заботиться о теоретическом и политическом вооружении наших собственных рядов. Впереди большая и трудная дорога. Нам нужны для нее первоклассные кадры.

От всей души желаю вам успеха.

Л. Троцкий
Принкипо
19 мая 1933 г.

Что с Раковским?

Вопрос о судьбе Раковского окутан трагической таинственностью. Можно считать установленным, что Раковский не находится более в Барнауле, в месте старой своей ссылки. На основании сведений из двух разных источников, оппозиционного и "официального", т. е. связанного со сталинцами, можно считать установленным, что большой Раковский был доставлен из Барнаула в Москву. Оппозиционный источник сообщал далее, будто Раковский умер в

кремлевской больнице. Согласно "официальному" источнику, Раковский подвергся операции и выздоровел. Через "Юманите" Сталин в глухой форме опроверг сообщение о смерти Раковского. О дальнейшей его судьбе правящие сферы не сообщают, однако, ничего. Известная телеграмма Ройтера из Москвы гласила, что Раковский "занимается медицинской практикой в Якутской области". Ройтер этого не мог выдумать: сообщение было ему, очевидно, подсказано в Москве. Как связать эти факты воедино? Доставка Раковского из Барнаула в кремлевскую больницу должна, как будто, свидетельствовать о чрезвычайном участии к Раковскому. Почему же, в таком случае, после операции Раковский не только не был отправлен на юг, чего давно уже требовали врачи, но и не возвращен в Барнаул, а выслан в убийственные для него условия Полярного Круга? Никаких сведений, объясняющих это противоречие, у нас нет. Мы вынуждены выдвинуть гипотезу, которая нуждается в проверке. Во всяком случае, она нам кажется сегодня вытекающей из всех обстоятельств.

Болезнь Раковского совпала по времени с новым приливом антитроцкистского бешенства, с одной стороны, и с теми закулисными переговорами, которые привели к новой капитуляции Зиновьева и Каменева, с другой стороны. Из текста заявлений Каменева и Зиновьева ясно видно, до какой степени Сталину необходимы авторитетные свидетельства против левой оппозиции. Можно вполне допустить, что сталинцы пытались использовать болезнь Раковского, чтобы вынудить у него то или другое заявление. С этой целью Раковский был, очевидно, доставлен в привилегированную больницу Кремля, т. е. поставлен в условия, о которых ссыльный не может и мечтать. Операция была произведена и, как сообщают, благополучно. После этого Сталин должен был - это вполне отвечает нравственному облику Сталина - предъявить Раковскому политический счет к уплате. Раковский должен был - это вполне отвечает нравственному облику Раковского - с негодованием отклонить предъявленный ему счет. Вот почему старый борец не вернулся в Барнаул, а оказался выброшен за Полярный Круг.

Мы не видим другого объяснения. У сталинцев есть все возможности опровергнуть нашу гипотезу. Мы будем нетерпеливо ждать опровержения. Или может быть наша гипотеза слишком... оптимистична, и сталинцы сочтут более выгодным для себя промолчать?

Л. Троцкий
Принкипо
25 мая 1933 г.

[Письмо Я.Франкелю¹⁵]

26 мая [1]933 г.
Дорогой Ян!

Итак, антифашистский конгресс перенесен в Париж¹⁶. Это большой подарок. Мы здесь надеемся, что у вас мобилизованы все силы и что ни один мандат не пропадет даром.

Самым важным теперь я считаю мобилизацию всякого рода сочувствующих и полусочувствующих организаций. Помимо делегатов конгресса, можно было бы организовать делегации по специальным вопросам. Боюсь только, что уже поздно... Так, например, организация Снивлита могла бы послать специальную делегацию по поводу Раковского, Виктора Сержа¹⁷ и других, с одной стороны, Чен Дусю, с другой. Я опасаясь, что Интернац[иональный] Секретариат не отдает себе достаточного отчета в том, насколько для нас важно на такого рода конгрессе выступать не изолированно, а иметь известное прикрытие, по крайней мере, в отдельных вопросах. По вопросу о Викторе Серже надо бы мобилизовать хоть небольшую группу французских писателей. Может быть, по вопросу о Раковском и Викторе Серже согласились бы выступить в той или другой форме Монатт, Шамбеллан и К°? Даже не принимая участия в работах съезда, они могут направить съезду делегацию или, в крайнем случае, письмо, которое затем можно публиковать в печати. Я думаю, что по вопросу о Раковском и Викторе Серже можно было бы обратиться также к Росмеру и его друзьям с предложением проявить инициативу. Незачем делать это официально. Шварц¹⁸ или кто-нибудь другой мог бы возбудить вопрос в частном порядке. Не надо ничего упускать из вида в таком остром положении: всякий лишний голос,

всякая связь, всякий документ, напоминающий о Раковском, упрочит наше положение на конгрессе и может облегчить судьбу Раковского.

Обращаю ваше внимание еще на следующее обстоятельство: какой-то из наемных негодяев опубликовал в "Рундшау"¹¹⁹, будто Т[роцкий] донес на Димитрова как на участника взрыва Софийского собора (что-то в этом роде). Даже противно говорить об этом. Я хотел было сперва написать полемическую заметку, но отвращение к этой сволочи помешало мне написать ее. Думаю все же, что надо в той или другой форме воспользоваться конгрессом, чтобы заклеить эту систему подлой клеветы, применяемой действительными доносчиками.

Я несколько раз писал о том, что терроризм и авантюризм не раз являлись на смену оппортунизму сталинской бюрократии. Мысль сама по себе не нова. Давно сказано, что анархизм является расплатой за грехи оппортунизма. Только оппортунистическая пассивная политика в 1923 году в Германии и в Болгарии привела в 1924 году к революционным авантюрам в Болгарии и Эстонии¹²⁰. Для политической оценки совершенно безразлично, кто руководил авантюристическими действиями. Делать из этого кляузу о доносе и связывать с арестом Димитрова в Берлине¹²¹ могут только отпетые негодяи.

Желая повредить мне, эти субъекты вредят на самом деле Димитрову. И немецкий, и болгарский прокуроры, разумеется, ухватятся обеими руками за кляузу сталинцев: смотрите, скажут они, Т[роцкий] признал в печати, что Димитров имеет отношение ко взрыву Софийского собора. Правда, я нигде и никогда об этом не говорил и говорить не мог, ибо никакого отношения Димитров к этому делу не имел. Но прокурорам незачем выуживать такое свидетельство из моих статей. Им достаточно того, что сообщают на этот счет сталинцы. Весьма вероятно, что подлая кляуза сталинцев именно и рассчитана на такой эффект: подсказать прокуратуре и белогвардейской печати ссылку на Т[роцкого] по делу о взрыве Софийского собора. Разумеется, ни один белогвардеец, если он захочет воспользоваться всем этим враньем, не скажет: "Т[роцкий], по словам сталинцев, признал то-то и то-то". Он просто скажет: "Т[роцкий] признал то-то и то-то", - ибо это выглядит гораздо убедительнее и выгоднее.

Разумеется, если сталинцы будут себя на конгрессе держать сколько-нибудь прилично, то нам незачем поднимать на конгрессе столь острый вопрос. Но вполне возможно, что вся эта штука специально подготовлена к конгрессу. Необходимо вооружиться заранее. Может быть, подготовить маленький листок и пр.

Оказывается, что мое письмо о САП¹²² до сих пор не переведено на немецкий язык. Может быть, оно было переведено в Париже? В таком случае пошлите его немедленно Отто¹²³ в Швейцарию (для них вопрос очень важен, в связи с Шафхаузенем)¹²⁴.

Ш[юсслер]¹²⁵ приехал сюда вот уже четвертый день. Ван¹²⁶ захворал и проф[ессор] Гассен предложил ему на несколько дней лечь в больницу для установления диагноза. Со вчерашнего для Ван во французской больнице.

[Л.Д.Троцкий]

Ответы на вопросы г. Сименона¹²⁷, представителя газеты "Пари-Суар"¹²⁸

1. Нет, я меньше всего думаю, что раса является решающим фактором эволюции ближайшей эпохи. Раса есть сырой антропологический материал, - неоднородный, нечистый, смешанный (микстум композиум)¹²⁹, - материал, из которого историческое развитие создало полуфабрикат наций... Классы, социальные группировки и вырастающие на их основе политические течения будут решать судьбу новой эпохи. Я не отрицаю, разумеется, значения расовых качеств и отличий, но в процессе эволюции они совершенно отступают на задний план перед техникой труда и техникой мысли. Раса есть статический и пассивный элемент, а история есть динамика. Каким образом сравнительно неподвижный элемент может определять собою движение и развитие? Все расовые отличия склоняются перед мотором внутреннего стгорания, не говоря уже о митральезе¹³⁰.

Когда Гитлер собирался устанавливать государственный строй, адекватный истинной северогерманской расе, он не нашел ничего лучшего, как совершить

плагиат у южнолатинской расы. В свою очередь Муссолини в борьбе за власть использовал – хотя и с другого конца – социальное учение немца, или немецкого еврея, Маркса, которого он за два-три года до того называл "нашим общим бессмертным учителем". Если наци предлагают ныне, в XX веке, от истории, от социальной динамики, от культуры вернуться к "расе", то почему не отойти еще глубже назад: ведь антропология есть только часть зоологии. Кто знает: может быть, в царстве антропитеков¹³¹ расисты нашли бы наиболее высокие и бесспорные внушения для своего творчества?

2. Я не думаю, что группировки государств будут идти по признаку диктатуры и демократии. Если изъять тонкий слой профессиональных политиков, нации, народы, классы не живут политикой. Государственные формы – только средство определенных, преимущественно экономических задач. Разумеется, известная однородность государственных режимов предрасполагает к сближению и облегчает его. Но решают в последней инстанции материальные соображения: экономические интересы и военные расчеты.

3. Считаю ли я полосу фашистских (Италия, Германия) и квазибонапартистских (Польша, Югославия, Австрия...) диктатур эпизодической и скоро проходящей? Увы, я не могу примкнуть к такому оптимистическому прогнозу. Фашизм порожден не "психозом" или "историей" (как утешают салонные теоретики, вроде графа Сфорца), а глубочайшим экономическим и социальным кризисом, который беспощаднее всего разъедает тело Европы. Нынешний конъюнктурный кризис только обострил органические болезненные процессы. Конъюнктурный кризис уступит неизбежно место конъюнктурному оживлению, – ждать этого осталось, во всяком случае, меньше, чем ждали. Но общее положение Европы не станет многим лучше. После каждого кризиса мелкие и слабые предприятия слабеют еще более или вовсе падают; сильные становятся еще сильнее. Раздробленная Европа представляет комбинацию мелких предприятий, враждующих между собою, по сравнению с экономическим гигантом С[оединенных] Штатов. Положение Америки сейчас очень тяжелое: даже доллар стал на одно колено. Тем не менее в результате нынешнего кризиса соотношение мировых сил изменилось в пользу Америки и в ущерб Европе.

То обстоятельство, что старый континент в целом теряет свое бывшее привилегированное положение, ведет к чрезвычайному обострению антагонизмов между европейскими государствами, а внутри государств – между классами. Разумеется, в разных странах эти процессы имеют разную силу напряжения. Но я говорю об общей исторической тенденции. Рост социальных и национальных противоречий и объясняет, на мой взгляд, происхождение и сравнительную устойчивость диктатур.

В пояснение свои мысли позволю себе сослаться на то, что мне довелось говорить несколько лет тому назад по вопросу о том, почему и надолго ли демократии уступают место диктатуре. Разрешите привести дословно цитату из статьи, написанной 25 февраля 1929 г.¹³²:

"Указывают иногда, что мы имеем тут дело с отсталыми и незрелыми государствами. Вряд ли это объяснение применимо к Италии. Но и в тех случаях, где оно верно, оно ничего не объясняет. В XIX веке считалось законом, что отсталые страны поднимаются по лестнице демократии. Почему же XX век толкает их на путь диктатуры? ...Демократические учреждения показали, что не выдерживают напора современных противоречий, то международных, то внутренних, чаще – тех и других вместе. Хорошо ли это или дурно, но это факт. По аналогии с электротехникой демократия может быть определена как система выключателей и предохранителей против слишком сильных токов национальной или социальной борьбы. Ни одна эпоха человеческой истории не была и в отдаленной степени так насыщена антагонизмами, как наша. Перегрузка тока все чаще обнаруживается в разных пунктах европейской сети. Под слишком высоким напряжением классовых и международных противоречий выключатели демократии плавятся или взрываются. Такова суть короткого замыкания диктатуры. Первыми поддаются, конечно, наиболее слабые выключатели".

Когда эти строки писались, во главе Германии стояло еще социал-демократическое правительство. Ясно, что дальнейший ход событий в Германии, которую никто не назовет отсталой страной, никак не мог поколебать моей оценки.

Правда, за это же время революционное движение снесло в Испании не только диктатуру Примо де Ривера¹³³, но и монархию. Такого рода встречные потоки неизбежны в историческом процессе. Но на Пиренейском полуострове

внутреннее равновесие еще далеко не достигнуто. Новому испанскому режиму еще только предстоит доказать свою устойчивость.

4. Фашизм, особенно германский национал-социализм, несет Европе несомненную опасность военных потрясений. Может быть, я, со стороны, ошибаюсь, но мне кажется, что эта опасность недооценивается в полном своем объеме. Если брать перспективу не месяцев, а лет - вряд ли десятилетий, - то я считаю военный взрыв со стороны фашистской Германии совершенно неизбежным. Именно этот вопрос может стать решающим для судьбы Европы. Я надеюсь, впрочем, на эту тему высказаться в ближайшее время в печати.

* * *

Вы находите, что я мрачно оцениваю положение? Я стараюсь лишь делать выводы из фактов, руководствуясь не логикой симпатий и антипатий, а логикой объективного процесса. Что наша эпоха не является временем мирного и спокойного процветания и политического комфорта, этого, надеюсь, не нужно доказывать. Но пессимистической моя оценка может показаться лишь в том случае, если мерить ход истории слишком коротким мериллом. Все большие эпохи выглядели вблизи очень мрачно. Механика прогресса, надо признать, весьма несовершенна. Но нет никакого основания думать, что Гитлеру или комбинации Гитлеров удастся навсегда или хотя бы на десятки лет дать этой механике задний ход. Они обломают много зубьев, перегнут много рычагов, могут на ряд лет отбросить Европу назад. Но я не сомневаюсь, что человечество найдет в конце концов свою дорогу. Порукой за это - все прошлое.

Л. Троцкий

Принкипо

6 июня 1933 г.

P. S. (Не для печати) - я позволю себе напомнить, что мои ответы на вопросы должны быть напечатаны дословно и полностью без всяких изменений, либо же не напечатаны вовсе. Разумеется, редакция вправе дать от себя любой комментарий.

Л. Т[роцкий]

[Письмо Р.Молинье]

M.R.Molinier

8 июня [1]933 г.

Дорогой товарищ!

Я не собираюсь вмешиваться во внутренние дела группы Милля. У меня нет ни времени, ни возможности заниматься организационными и личными конфликтами в каждый момент их зарождения и развития. Я тем менее склонен вмешиваться в последние конфликты, что к этому делу имеет отношение Ш.134 Охотно верю, что он был осторожен и прочее, но это не меняет дела: история имеет свою преемственность, начиная с Берлина. В ней под разным углом участвует ряд лиц, и я не вижу для себя никакого основания ввязываться в это дело, если не буду к этому вынужден объективными обстоятельствами.

Самое печальное, конечно, это увядание "Веритэ", которая вышла на двух страницах. Терять средства и силы на пленумы и пр., нарушая интересы "Веритэ", есть преступление. Но я и здесь крайне затрудняюсь высказаться и давать советы, так как с русским "Бюллетенем" происходит совершенно то же самое. Много времени тратится на игру в политику, а большое политическое дело остается без внимания. Между двумя номерами все связи теряются, все счета приходят в расстройство и каждый раз приходится начинать сначала. Так издание жить не может.

Я считаю также абсолютно невозможным злоупотреблять Бэмом. Если "Бюллетень" после четырех лет существования не может найти собственный источник, то он должен прекратить свое существование.

Жалобы на безразличие других групп и лиц мне кажутся совершенно неправильными. Издание, выходящее случайно и по вдохновению, не может рассчитывать на правильную поддержку. Только издание, выходящее правильно, в начале и конце каждого месяца, при правильной переписке и отчетности, может побуждать и других к тому или другому содействию.

У нас развился уже худший из бюрократизмов: бюрократизм вокруг пустого места. Сходятся и рассуждают по несколько часов насчет недостатков X. или грехов Y., и не заменить ли X. другим лицом, и как это устроить, и куда кого послать... и все это вокруг пустого места. Если бы каждый занимался своими национальными делами как следует, то и интернациональный организм был бы гораздо здоровее.

Досье Фишера не послано по небрежности, что очень досадно. Но практического значения это не должно было бы иметь, так как в добросовестности их счетов я не сомневаюсь. Во всяком случае, я попрошу досье немедленно разыскать и сегодня же важнейшие документы послать в оригинале или в копии.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову]135

10/VI/1933 [г.]

При сем посылаю следующие статьи и письма: "Что такое историческая объективность", "После 1 мая в Австрии", "Письмо Х.Г.Раковского" с маленьким предисловием, "4 августа", "Письмо англ[ийской] левой оппозиции", "Ответы на вопросы г. Сименона", "Левая оппозиция и САП", "Гитлер и разоружение", "Немецкая катастрофа". (Последние две статьи были написаны для бурж[уазной] прессы, но, вероятно, ко времени выхода "Бюл[летеня]" будут уже в печати). Посылаю вам все эти материалы заранее: через несколько дней я уйду и чтобы не было на первых порах затруднений, посылаю вам все те материалы, которые должны будут войти в "Бюллет[ень]" No 35, а также общий список материалов (и тех, которые вам были посланы заранее, и тех, которые посылаются сейчас), чтобы в случае нехватки или неясностей у вас было время запросить. Л.Д.[Троцкий] вам даст, конечно, своевременно точные указания насчет содержания номера и насчет печатания двух статей бурж[уазной] прессы. Советую вам, на всякий случай, в письме к Л.Д.[Троцкину] перечислить все материалы, которые у вас есть, и справиться, что именно может и что не должно войти в "Бюл[летень]". Я здесь оставляю список все посланного вам.

Надо приобрести книгу Романа Гуля136: "Ворошилов, Буденный137, Блюхер, Котовский138". Изд. "Парабола", Берлин, 1933 г.

М.П[евзнер]

[Письмо А.Д.Кауну]

18 июня 1933 г.

Дорогой Александр Давыдович!

С запозданием отвечаю на ваше письмо от 6 мая.

По соглашению с нью-йоркскими друзьями я обратился официально к здешнему американскому консульству с просьбой о визе в С[оединенные] Штаты на два-три месяца с научными целями. Прилагаю копию своего обращения139. Она не предназначена для печати, но она поможет вам ориентироваться в общем направлении дела. Истмен пишет, что он пустит мое письмо в газету лишь в том случае, если окажется, что без содействия "общественного мнения" администрация визы мне все равно не даст.

Соображения насчет того, что момент сейчас "неблагоприятный", кажутся мне неправильными. Нет никакого основания надеяться на то, что у властей не будет в дальнейшем хлопот. Между тем новая администрация окончательно утратит "свежесть", т. е. свое единственное преимущество перед старой администрацией.

Насчет русского "Бюллетеня" я написал своевременно в Париж. Надеюсь, что вы уже получили последние номера. "Бюллетень" сейчас выходит реже из-за денежных затруднений. На всякий случай посылаю вам одновременно с этим письмом последний номер "Бюллетеня".

Признаюсь, я не читал книги Вильямса140 о русской революции и не имел ее под руками во время своей работы. Весьма возможно, что я неполно осветил эпизод с телефонной станцией; несмотря на то, что я использовал все

доступные русские материалы, эпизод этот остался для меня самого несколько туманным. Я был бы очень рад уточнить его в новом издании.

Ваши замечания насчет рецензии Вернадского¹⁴¹ заинтересовали меня, и я достал оттиск из "Каррент Хистори". Должен сказать, что фактическая сторона рецензии вызвала у меня возмущение: с какой неряшливостью иные цеховые ученые пишут о событиях, фактах и датах революции! На нескольких страничках у Вернадского несчетное число ошибок!

[Л.Д.Троцкий]

Немецкие перспективы

1. Бюрократический оптимизм

После пожара трудно устраиваться заново. Еще труднее после большого политического поражения по-новому определять свой путь. Партии неохотно признают себя битыми, особенно если в поражении есть добрая доля их собственной вины. Чем больше размеры поражения, тем труднее политической мысли передвинуться на новые позиции, выработать новую перспективу и подчинить ей направление и темп дальнейшей работы.

История военного дела, как и история революционной борьбы, знают большое число дополнительных поражений, явившихся результатом того, что руководство, не оценив размеров основного поражения, пыталось прикрыть его несвоевременными наступлениями. В войне такого рода преступные попытки ведут к массовому истреблению живой силы, уже морально подорванной предшествующими неудачами. В революционной борьбе жертвой авантюры гибнут наиболее боевые элементы, уже оторванные предшествующими поражениями от массы.

Решимость доводить наступление до конца и способность вовремя признать поражение и ударить отбой составляют две нераздельные стороны зрелой стратегии. Такое сочетание встречается нечасто. Не бывало в сущности в истории большого революционного поражения, после которого, по крайней мере, часть вождей не пыталась бы звать вперед, наперекор изменившейся обстановке. После революции 1848 года Маркс и Энгельс сурово отмежевались от тех эмигрантов, которые хотели попросту перешагнуть через поражение, как через случайный эпизод. После победы царизма над революцией 1905 года Ленин оказался вынужден порвать с частью своих единомышленников, пытавшихся по-прежнему держать курс на вооруженное восстание. В способности быстро перевооружаться при каждом повороте событий состоит вообще важнейшее качество марксистской школы революционного реализма.

Образцы стратегической слепоты, выдающей себя за мужество, дает нам школа эпигонов большевизма. Если выбор примеров затруднителен, то только по причине их обилия. После того как осенью 1923 года немецкая коммунистическая партия очистила противникам поле боя и внесла этим глубокое замешательство в ряды пролетариата, руководство Коминтерна объявило в Германии курс на вооруженное восстание. В течение последовавших двух лет политика мелких авантур истрепала нервы пролетарского авангарда больше, чем крупное поражение. Когда Чан Кайши, в котором руководство Коминтерна упорно видело своего верного союзника, разгромил в апреле 1927 года рабочих Шанхая¹⁴², в второй "союзник", Ван Цзинвей, утопил в крови движение крестьян, президиум Коминтерна счел своевременным объявить, что китайская революция "поднялась на более высокую ступень". Вытекавший отсюда курс на восстание привел к героической авантуре в Кантоне в декабре 1927 года и к ряду менее крупных, но достаточно зловещих попыток, трагически завершивших собою китайскую революцию.

Нынешняя катастрофа в Германии является, несомненно, величайшим в истории поражением рабочего класса. Тем неотложнее сейчас крутой поворот стратегии; но тем упорнее, с другой стороны, сопротивление партийной бюрократии. Она называет "пораженцами" не тех, которые вызвали поражение, - ей пришлось бы назвать себя, - а тех, которые из факта поражения делают необходимые политические выводы. Борьба, которая разворачивается сейчас вокруг вопроса о перспективах политического развития Германии, имеет исключительное значение для судеб Европы и всего мира.

Социал-демократию мы в данной связи оставим в стороне: отвратительное гниение этой партии не оставляет ей никакой возможности даже для маневров

бюрократического престижа. Вожди и не пытаются притворяться, будто у них есть идеи или планы. После того как они окончательно потеряли головы политически, их забота направлена на то, чтобы спасти свои головы физически. Свое бесславное поражение эти люди подготовили всей своей политикой с начала империалистской войны. Попытка старого правления, эмигрировавшего за границу, спасти партию осуждена заранее: ни один революционер не пойдет на суровую борьбу в подполье под руководством заведомых банкротов. Раз пробудившись, политическая мысль в рядах социал-демократии проложит себе новый путь. Но это пока еще дело завтрашнего дня. Политический интерес представляет сейчас лишь ориентация коммунистической партии. Как массовая организация она разбита наголову. Но сохранился центральный аппарат, который издает нелегальную и эмигрантскую литературу, созывает антифашистские конгрессы и вырабатывает планы борьбы против диктатуры наци. Все пороки разбитых штабов находят ныне в этом аппарате свое непревзойденное выражение.

"Фашисты - калифы на час, - пишет официальный орган Коминтерна, - их победа - не прочная победа, за которой скоро последует пролетарская революция... Борьба за диктатуру пролетариата стоит в Германии в порядке дня". Непрерывно откатываясь, сдавая все позиции, теряя собственных сторонников, аппарат продолжает твердить, что антифашистская волна растет, что настроение поднимается, что нужно готовиться к восстанию если не завтра, то через несколько месяцев. Оптимистическая фразеология стала для разбитого командования средством политического самосохранения. Опасность фальшивого оптимизма тем больше, чем глубже внутренняя жизнь немецкого пролетариата погрузилась во тьму: нет ни профсоюзов, ни палатных выборов, ни членских взносов, ни тиража газет - никакие вообще цифры не контролируют последствий ошибочной политики и не смущают покоя вождей.

2. Созревание революции или углубление контрреволюции?

Главный довод в пользу утешительного прогноза состоит в том, что Гитлер "не выполнит обещаний". Как будто Муссолини нужно было выполнить свою фантастическую программу, чтобы продержаться свыше десяти лет у власти! Революция - не автоматическое наказание для обманщиков, а сложное социальное явление, которое возникает лишь при наличии ряда исторических условий. Напомним о них еще раз. Растерянность и расколотость господствующих классов; возмущение мелкой буржуазии, утрата ею веры в существующий порядок; возрастающая боевая активность рабочего класса, наконец, правильная политика революционной партии, - таковы непосредственные политические предпосылки революции. Налицо ли они?

Имущие классы Германии находились в течение последних лет в состоянии жесточайшей междоусобицы. Сейчас все они - пусть скрепя сердце, - подчиняются фашизму. Антагонизм между аграриями и промышленниками, как и между отдельными группами промышленников, не исчез; но есть инстанция, которая повелительно регулирует все антагонизмы.

Мелкая буржуазия Германии кипела в течение последнего периода котлом. Даже в ее националистическом бесновании был элемент социальной опасности. Сейчас она объединена вокруг правительства, поднявшегося на ее спине, и дисциплинирована чисто военной организацией, вышедшей из ее среды. Промежуточные классы стали главной опорой порядка. Вывод неоспорим: поскольку дело идет о крупной и мелкой буржуазии, предпосылки революционной развязки отошли в прошлое или, что то же, в неопределенное будущее.

В отношении рабочего класса дело обстоит не менее ясно. Если несколько месяцев тому назад он оказался по вине своего руководства неспособен к обороне своих могущественных легальных позиций от наступления контрреволюции, то теперь, на другой день после разгрома, он неизмеримо менее подготовлен к наступлению на могущественные легальные позиции национал-социализма. Материальные и моральные факторы резко и глубоко изменили соотношение сил к невыгоде пролетариата. Или это еще нужно доказывать? Не более благоприятно обстоит дело и в области руководства: коммунистическая партия не существует, ее аппарат, лишенный свежего воздуха критики, задыхается в глубокой внутренней борьбе. В каком же смысле можно говорить, что "борьба за диктатуру пролетариата стоит в Германии в порядке дня"? Что здесь понимается под "днем"?

Нетрудно предвидеть искренние и лицемерные обличения нашего пессимизма, неверия в творческие силы революции и пр. Дешевые упреки! Не хуже других мы

знаем, что фашизм защищает исторически проигранное дело. Методы его могут дать грандиозный, но неустойчивый результат. Смирить при помощи насилия можно лишь пережившие себя классы. Пролетариат же является главной производительной силой общества. Его можно на время разгромить, но закабалить его навсегда невозможно. Гитлер обещает "перевоспитать" рабочих. Но он вынужден применять педагогические приемы, которые не годятся даже для дрессировки собак. О непримиримую враждебность рабочих фашизм неминуемо разобьет себе голову. Но как и когда? Общее историческое предвидение не снимает жгучих вопросов политики: что нужно делать - и особенно чего не нужно делать - сейчас, чтоб подготовить и ускорить крушение национал-социализма?

Расчет на немедленное революционизирующее действие фашистских репрессий и материальных лишений представляет собой образец вульгарного материализма. Конечно, "бытие определяет сознание". Но это вовсе не означает механической и непосредственной зависимости сознания от внешних обстоятельств. Бытие переломляется в сознании по законам сознания. Одни и те же объективные факты могут оказывать различное, иногда противоположное, политическое действие в зависимости от общей обстановки и предшествующих событий. Так, в ходе развития человечества репрессии неоднократно вызывали революционное возмущение. Но после торжества контрреволюции репрессии не раз погашали последние вспышки протеста. Экономический кризис способен ускорить революционный взрыв, и это бывало в истории не раз; но, обрушившись на пролетариат после тяжкого политического поражения, кризис может лишь усилить явления распада. Скажем конкретнее: от дальнейшего углубления промышленного кризиса мы отнюдь не ждем для Германии непосредственных революционных последствий. Правда, длительное промышленное оживление не раз в истории давало перевес оппортунистическим течениям в пролетариате. Но после долгого периода кризиса и реакции повышающаяся конъюнктура может, наоборот, поднять активность рабочих и толкнуть их на путь борьбы. Мы считаем этот вариант во многих отношениях более вероятным.

Однако центр тяжести сейчас не в конъюнктурном прогнозе. Тяжеловесные психологические повороты многомиллионных масс требуют длительных сроков: из этого надо исходить. Перелом конъюнктуры, столкновения в среде имущих классов, международные осложнения могут оказать и окажут свое действие на рабочих. Но внешние события не могут отменить попросту внутренние закономерности массового сознания, не могут позволить пролетариату одним скачком перенестись через последствия поражения и открыть с размаху свежую страницу в книге революционной борьбы. Если бы даже, благодаря исключительно благоприятному сочетанию внешних и внутренних обстоятельств, начало поворота обнаружилось в исключительно короткий срок, скажем, через год-полтора, оставался бы еще полностью вопрос о нашей политике в течение ближайших двенадцати или двадцати четырех месяцев, когда контрреволюция будет еще делать дальнейшие завоевания. Нельзя развернуть реалистическую тактику без правильной перспективы. Нельзя иметь правильную перспективу, не поняв, что в Германии происходит сейчас не назревание пролетарской революции, а углубление фашистской контрреволюции. Поистине, это не одно и то же!

3. Критика ошибок как орудие возрождения

Бюрократия, в том числе и революционная, слишком легко забывает, что пролетариат - не только объект, но и субъект политики. Ударами по голове наци хотят превратить рабочих в гомункулов¹⁴³ расизма. Руководство Коминтерна рассчитывает, наоборот, что удары Гитлера сделают рабочих послушными коммунистами. Рабочие - не глина в руках горшочника. Они не начинают каждый раз историю сначала. Ненавидя и презирая наци, они меньше всего склонны, однако, вернуться к той политике, которая подвела их под петлю Гитлера. Рабочие чувствуют себя обманутыми и преданными собственным руководством. Они не знают, что нужно делать, но знают, чего не нужно повторять. Они невыразимо истерзаны и хотят вырваться из дьявольского круга путаницы, угроз, лжи и бахвальства, отойти в сторону, уклониться, выждать, отдохнуть от необходимости решать непосильные вопросы. Им нужно время, чтобы зажили раны разочарований. Обобщенное название этого состояния: политический индифферентизм. Массы впадают в озлобленную пассивность. Часть, притом немалочисленная, ищет укрытия в фашистских организациях. Недопустимо, конечно, ставить на одну доску рекламный переход на сторону фашизма

отдельных политиков и безымянное вступление рабочих в принудительные организации диктатуры: в первом случае дело идет о карьеризма; во втором - о защитной окраске, о подчинении "хозяину". Но все же факт массового перехода рабочих под знамя со свастикой является непререкаемым свидетельством чувства безвыходности, охватившего пролетариат. Реакция проникла в кости революционного класса. Это не на один день.

В этой общей обстановке крикливая партийная бюрократия, которая ничего не забыла и ничему не научилась, представляет явный политический анахронизм. От официальной непогрешимости рабочих тошнит. Вокруг аппарата растет пустота. Рабочий не хочет, чтобы его в дополнение к кнуту Гитлера подстегивали кнутом фальшивого оптимизма. Он хочет правды. Вопиющее несоответствие официальной перспективы и действительного хода вещей вносит лишь дополнительный элемент деморализации в ряды передовых рабочих.

То, что называют радикализацией масс, есть сложный молекулярный процесс коллективного сознания. Чтобы снова выбраться на дорогу, рабочим нужно прежде всего понять, что произошло. Радикализация немислима, если масса не ассимилировала собственное поражение, если, по крайней мере, ее авангард не переоценил критически прошлое и не поднялся над поражением на новую ступень.

Сейчас этот процесс еще на начинался. Сама аппаратная пресса вынуждена, меж двух оптимистических возгласов признавать, что не только в деревне наци продолжают укреплять свои позиции, изгоняя коммунистов и накаляя до бела ненависть крестьян к рабочим, но что и в промышленности идет, притом без всякого сопротивления, вытеснение последних еще оставшихся там рабочих-коммунистов. Во всем этом нет ничего неожиданного. Кто разбит, тот несет последствия.

Перед лицом этих фактов бюрократия в поисках опоры для оптимистической перспективы перебрасывается от свойственного ей субъективизма к законченному фатализму. Пусть настроение масс даже падает - национал-социализм все равно будет вскоре взорван на воздух собственными протворечиями. Вчера еще считалось, что все партии Германии, от наци до социал-демократии включительно, представляют лишь разновидности фашизма, выполняющие общую программу. Теперь все надежды направлены на противоречия в правящем лагере. Конфликт между Гитлером и Гугенбергом занял такое место, на какое тщетно претендовал в свое время антагонизм между Гитлером и Вельсом. Столкновение боевых отрядов наци (S. A.)¹⁴⁴ и их заводских комитетов с правительством Гитлера считается не только неизбежным, но и близким: расчет ведется на недели и месяцы. Реформист и фашист - близнецы; зато разочарованный фашист и фашист, добравшийся до власти, - антиподы.

Новые ошибки политического расчета не менее грубы, чем старые. "Оппозиция" старых партий капитала национал-социализму есть не более, как инстинктивное сопротивление больного, которому военный фельдшер рвет гнилой зуб. Только что полученные телеграммы говорят о занятии полицией всех помещений немецко-национальной партии¹⁴⁵. События идут по маршруту. Конфликт Гугенберга с Гитлером окажется лишь эпизодом в ходе сосредоточения всей власти в руках Гитлера. Чтобы выполнить свое назначение, фашизм должен слиться с государственным аппаратом.

Весьма вероятно, что многие из фашистских боевиков уже и сейчас недовольны: им не позволили даже пограбить, как следует. Но какие бы острые формы ни принимало такое недовольство, оно не может стать серьезным политическим фактором. Правительственный аппарат будет бить непокорных преторианцев¹⁴⁶ по частям, реформировать ненадежные отряды, подкупать верхушку. Отрезвление широких масс мелкой буржуазии, вообще говоря, совершенно неизбежно. Но оно будет происходить одновременно и в разных формах. Вспышки недовольства могут в отдельных случаях предшествовать возвращению обманутых фашизмом низших слоев в состояние маразма. Ждать отсюда самостоятельной революционной инициативы во всяком случае не приходится.

Национал-социалистические завкомы неизмеримо меньше зависят от рабочих, чем зависели в свое время реформистские завкомы. Правда, в атмосфере начинающегося оживления даже фашистские завкомы могли стать пунктами наступления рабочих: 9 (22) января 1905 года созданная царской охранкой рабочая организация стала на день рычагом революции¹⁴⁷. Но сейчас, когда немецкие рабочие проходят через мучительные разочарования и унижения, бессмысленно было бы ждать, что они ввяжутся в серьезную борьбу под

руководством фашистских чиновников. Завкомы будут подбираться сверху и дрессироваться в качестве агентуры по обману и усмирению рабочих.

Не надо самообольщений! Поражение, прикрытое иллюзиями, означает гибель. Спасение – в ясности. Лишь немилосердная критика собственных пороков и ошибок может подготовить великий реванш.

4. Правильная перспектива и реалистическая политика

Можно считать установленным на опыте, что немецкий фашизм работает ускоренными темпами по сравнению с итальянским: не только благодаря тому что Гитлер опирается на готовый опыт Муссолини, но прежде всего по причине более высокой социальной структуры Германии и большей остроты ее противоречий. Отсюда допустимо вывести заключение, что национал-социализм у власти будет скорее изнашиваться, чем его итальянский предтеча. Но перерождаясь и разлагаясь, национал-социализм сам собой не может свалиться. Его надо опрокинуть. Изменение политического режима нынешней Германии неосуществимо без восстания. Правда, к восстанию сейчас нет прямого и непосредственного подхода; но какими бы извилистыми путями ни пошло развитие, оно неизбежно приведет к восстанию.

На самостоятельную революционную политику мелкая буржуазия, как известно, не способна. Но политика и настроения мелкой буржуазии не безразличны для судьбы созданного при ее содействии режима. Разочарование и недовольство промежуточных классов превратят национал-социализм, как превратили уже фашизм, из народного движения в полицейский аппарат. Как бы ни был он силен сам по себе, он не может заменить живого потока контрреволюции, проникающего во все поры общества. Бюрократическое перерождение фашизма означает поэтому начало его конца.

На этой ступени должно, однако, обнаружиться новое затруднение: под действием поражений у пролетариата гипертрофируются задерживательные центры. Рабочие становятся осторожны, недоверчивы, выжидательны. Пусть вулканическое извержение реакции прекратилось. Но застывшая лава фашистского государства слишком грозно напоминает о пережитом. Таково политическое положение нынешней Италии. Заимствуя терминологию экономической конъюнктуры, можно сказать, что разочарование и недовольство мелкобуржуазной реакции подготавливают момент, когда острый кризис рабочего движения переходит в депрессию, которая должна будет затем на известном этапе уступить место оживлению. Пытаться предугадать сейчас, как, когда и под какими лозунгами оживление начнется, было бы пустым занятием: даже стадии экономического цикла имеют каждый раз "неожиданный" характер, тем более этапы политического развития.

Для организма, перенесшего тяжелую болезнь, особенно важен правильный уход. У рабочих, по которым прокатился каток фашизма, авантюристская тактика должна неизбежно вызвать рецидив апатии. Так преждевременный биржевой ажиотаж нередко влечет за собой рецидив кризиса. Пример Италии показывает, что состояние политической депрессии, особенно при ложном революционном руководстве, может затянуться на годы. Правильная политика требует не навязывать пролетариату искусственный маршрут, а выводить перспективу и лозунги борьбы из живой диалектики движения. Благоприятные внешние толчки могут чрезвычайно сократить отдельные стадии процесса: вовсе не обязательно, чтобы депрессия длилась годы, как в Италии! Однако перескочить через органические этапы массового подъема нельзя. Ускорить, не пытаясь перескочить, – здесь все искусство реалистического руководства! Раз вырвавшись из-под свинцовой плиты фашизма, рабочее движение может уже в сравнительно короткий срок принять широкий размах. Только после этого и только под руководством пролетариата недовольство мелкой буржуазии сможет получить прогрессивный политический характер и восстановить благоприятную обстановку для революционной борьбы.

Господствующим классам придется столкнуться с оборотной стороной этого процесса: потеряв опору в мелкой буржуазии, фашистское государство окажется крайне ненадежным аппаратом угнетения. Политикам капитала придется ориентироваться заново. Противоречия среди имущих классов станут прорываться наружу. Перед фронтом переходящих в наступление масс у Гитлера окажется ненадежный тыл. Так сложится непосредственно революционная ситуация, возвещающая последний час национал-социализма.

* * *

Прежде, однако, чем пролетариат снова сможет ставить перед собою большие задачи, он должен подвести баланс прошлому. Самая его общая формула: старые партии погибли. Небольшое меньшинство рабочих уже сейчас говорит: нужно готовить новую партию. Отвратительная дряблость социал-демократии и преступная безответственность официального лжебольшевизма будут выжжены в огне борьбы. Господа наци толковали о расе воинов. Пробьет час, когда фашизм столкнется с несокрушимой расой революционных борцов.

Л. Троцкий
Принкипо
22 июня 1933 г.

Ответы на вопросы Алис Юз, корреспондентки "Нью-Йорк Верлд Телеграмм" 148

1. Гитлер одержал над немецким пролетариатом большую победу. Обе руководящие партии, социал-демократическая и коммунистическая, потерпели крушение. Но пролетариат Германии по-прежнему остается главным фактором хозяйства и прогресса. Ни завоевать рабочих, ни истребить их Гитлер не сможет. Фашизм не устраняет социальных противоречий. Беря их под пресс, он накапливает их и тем подготавливает взрыв. Если на словах национал-социализм ставит себе задачей растворить все классы, партии и группы в нации, то практически он воспитывает народные массы в духе беспощадной гражданской войны. Фашистская реакция может затянуться на несколько лет, но реванш рабочего класса неизбежен.

2. Сегодня Гитлер воевать не может: Германия разоружена, а наци вооружены только для внутренней войны. Гитлер может вооружить Германию только при помощи Италии и Англии. Свое право на их помощь он надеется завоевать, выступая в качестве охранителя Европы от большевизма. В этом смысле вся политика Гитлера ориентирована против Советского Союза. Можно ли считать опасность войны непосредственной? Это зависит от того, в какой мере и в какой срок Гитлеру удастся заручиться помощью Лондона.

3. В июле 1914 года ключ к позиции был в руках Англии. Если бы ее правительство категорически заявило о своем нейтралитете или, наоборот, предупредило о своем вмешательстве на стороне Франции и России, война была бы если не избегнута, то отсрочена. Но правительство Великобритании предпочитало в критические дни не говорить ни да, ни нет и этим подтолкнуло обе стороны к войне.

Ключ к европейской ситуации и сейчас находится в значительной мере в руках лондонского кабинета. Отказ принять слишком "жесткое" определение нападающей стороны выражает и на этот раз стремление не говорить ни да, ни нет и сохранять, таким образом, в своих руках ключ к будущей войне.

4. Из этих общих условий вытекает, мне кажется, с полной ясностью значение политики Соединенных Штатов для ближайшего будущего Европы. Чем более открытую и категорическую позицию займет Вашингтон, тем сильнее сократится поле для двусмысленных и губительных по своим последствиям маневров Лондона. Немедленное восстановление нормальных связей между Соединенными Штатами и Советским Союзом будет, помимо всего прочего, означать тяжелую гирю на мирной чаше весов.

5. Вопросы советского хозяйства слишком сложны, чтобы на них можно было ответить в рамках интервью. Критика хозяйственной политики фракции Сталина дана в ряде работ левой оппозиции, в частности, в замечательных статьях моего друга Х.Г. Раковского, бывшего председателем Совета Народных Комиссаров Украины, затем советским послом в Лондоне и Париже. Несмотря на то, что статьи Раковского, написанные им в ссылке, где он находится сейчас, распространялись в отдельных рукописных экземплярах, они не раз оказывали большое влияние на официальную политику.

Основные ошибки правящей фракции (они очень тяжелы) вытекают из того, что она при помощи бюрократического аппарата пытается заменить инициативу, творчество и критику трудящихся масс. Коллективизация является единственным путем спасения для крестьянства, для сельского хозяйства, для страны. Но в области коллективизации, как и во всех других областях, неизбежное завоевание может дать лишь сознательное творчество самих масс, а не

бюрократическое командование. Разногласия между оппозицией и правящей фракцией очень важны и имеют исключительную практическую важность. Но они разворачиваются на тех основах, какие заложены Октябрьской революцией и советским режимом.

Вернуть Россию от советского режима назад, к капитализму, можно было бы не иначе, как путем грандиозной и кровавой контрреволюции, которая, в свою очередь, не осуществима без военной интервенции – разумеется, при том условии, что интервенция окажется победоносной. Интервенция означала бы страшный удар для экономики и культуры не только Советского Союза, но и всей Европы, даже всего мира. Этим и объясняется стремление советского правительства избежать войны на западе, как и на востоке, хотя бы и ценой очень далеко идущих уступок. Если бы, однако, Гитлер получил возможность произвести опыт интервенции, то – я лично ни на минуту не сомневаюсь в этом – она закончилась бы крушением национал-социализма.

Л. Троцкий

Принкипо

4 июля 1933 г.

Фашизм и лозунги демократии

1. Верно ли, что Гитлер разрушил "демократические предрассудки"?

Апрельская резолюция Президиума ИККИ "О современном положении в Германии"¹⁴⁹ войдет, надо думать, в историю как окончательное свидетельство несостоятельности Коминтерна эпигонов. Резолюция увенчивается прогнозом, в котором все пороки и предрассудки сталинской бюрократии достигают кульминации. "Установление открытой фашистской диктатуры, – гласит резолюция жирным шрифтом, – разбивая все демократические иллюзии в массах и освобождая массы из-под влияния социал-демократии, ускоряет темп развития в Германии пролетарской революции".

Фашизм, оказывается, неожиданно локомотивом истории: он разбивает демократические иллюзии, он освобождает массы из-под влияния социал-демократии, он ускоряет развитие пролетарской революции. Сталинская бюрократия возлагает на фашизм выполнение тех основных задач, справиться с которыми сама она оказалась совершенно не способна.

Теоретически победа фашизма несомненно является доказательством того, что демократия исчерпала себя; но практически фашистский режим консервирует демократические предрассудки, возрождает их вновь, прививает их молодежи и даже способен придать им на короткое время высшую силу. В этом и состоит одно из важнейших проявлений реакционной исторической роли фашизма.

Доктринеры мыслят схемами. Массы мыслят фактами. Рабочий класс воспринимает события не как эксперименты в пользу того или другого "тезиса", а как живые изменения в судьбе народа. Победа фашизма на весах политического развития весит в миллионы раз больше, чем тот прогноз, который из нее вытекает для неопределенного будущего. Если бы из несостоятельности демократии выросло господство пролетариата, то развитие общества, как и развитие массового сознания, сделало бы огромный прыжок вперед. Но так как на деле из несостоятельности демократии выросла победа фашизма, то сознание масс – на время, конечно, – откатывается далеко назад. Разгром веймарской конституции Гитлером так же мало может покончить с демократическими иллюзиями масс, как мало поджог Рейхстага Герингом¹⁵⁰ способен выжечь парламентский кретинизм.

2. Пример Испании и Италии

Фашизм и демократия, слышали мы четыре года подряд, не исключают, а дополняют друг друга. Каким же образом победа фашизма может раз навсегда ликвидировать демократию? Хорошо бы услышать на этот счет разъяснение Бухарина, Зиновьева или "самого" Мануильского.

Военно-полицейскую диктатуру Примо де Ривера Коминтерн объявил фашизмом. Но если победа фашизма означает окончательную ликвидацию демократических предрассудков, как же объяснить, что диктатура Примо де Ривера уступила место буржуазной республике? Правда, режим Ривера был далек от фашизма. Но он имел во всяком случае то общее с фашизмом, что возник в

результате банкротства парламентарного режима. Это не помешало ему, однако, когда обнаружилась его собственная несостоятельность, уступить место демократическому парламентаризму.

Можно попытаться возразить, что испанская революция по своим тенденциям является пролетарской революцией и что только социал-демократам в союзе с другими республиканцами удалось задержать ее развитие в стадии буржуазного парламентаризма. Но это соображение, правильное само по себе, только ярче подтверждает нашу мысль: если буржуазным демократам удалось парализовать революцию пролетариата, то именно благодаря тому, что под гнетом "фашистской" диктатуры демократические иллюзии не ослабели, а окрепли.

Исчезли ли в течение десяти лет деспотии Муссолини "демократические предрассудки" в Италии? Так склонны изображать дело сами фашисты. В действительности же демократические иллюзии приобрели новую силу. За этот период успело подняться новое поколение, которое политически никогда не жило в условиях свободы, но зато слишком хорошо знает, что такое фашизм: это сырой материал для вульгарной демократии. Организация "Справедливость и свобода"¹⁵¹ не без успеха распространяет в Италии нелегальную демократическую литературу. Идеи демократии находят, следовательно, сторонников, готовых жертвовать собою. Даже плоские общие места либерального монархиста графа Сфорца распространяются в виде нелегальных брошюр. Так далеко отброшена Италия за эти годы назад!

Почему в Германии фашизм призван сыграть роль, прямо противоположную той, какую он сыграл в Италии, остается непостижимым. Или "Германия не Италия"? Победоносный фашизм является на самом деле не локомотивом истории, а гигантским ее тормозом. Как политика социал-демократии подготовляла торжество Гитлера, так режим национал-социализма неизбежно ведет к подогреванию демократических иллюзий.

3. Может ли возродиться социал-демократия?

Немецкие товарищи свидетельствуют, что социал-демократические рабочие и даже многие социал-демократические бюрократы "разочаровались" в демократии. Из критических настроений реформистских рабочих мы должны извлечь все, что можно, в интересах их революционного воспитания. Но надо в то же время ясно понять действительный объем "разочарования" реформистов в демократии. Социал-демократические бонзы поругивают демократию, чтобы оправдать себя. Не желая признавать, что они оказались презренными трусами, не способными бороться даже за созданную ими демократию и за свои нагретые места в ней, эти господа перелаживают ответственность с себя на бесплотную демократию. Радикализм, как видим, не только дешевый, но и насквозь фальшивый! Стоит буржуазии поманить "разочарованных" завтра пальчиком, и они, сломя голову, бросятся в новую коалицию. В массе социал-демократических рабочих пробуждается, конечно, и действительное отвращение к обманам и миражам демократии. Но в каких размерах? Большая половина семи-восьми миллионов социал-демократических избирателей находится в состоянии растерянности, мрачной пассивности и капитуляции перед победителями. Тем временем под пятой фашизма будет формироваться новое пролетарское поколение, для которого веймарская демократия - историческое предание. По какой же линии пойдет политическая кристаллизация в рабочем классе? Это зависит от многих условий, в том числе, конечно, и от нашей политики.

Исторически не исключена прямая, непосредственная смена фашистского режима рабочим государством. Для осуществления этой возможности необходимо, чтобы в процессе борьбы против фашизма сложилась могущественная нелегальная коммунистическая партия, под руководством которой пролетариат мог бы захватить власть. Все, что можно сделать в направлении такого результата, должно быть сделано. Но надо все же сказать, что создание в подполье такого рода революционной партии мало вероятно, во всяком случае, заранее ничем не обеспечено. Недовольство, возмущение, брожение в массах будут с известного момента расти гораздо быстрее, чем подпольное формирование партийного авангарда. А всякая неясность в сознании масс пойдет неизбежно на пользу демократии.

Это вовсе не значит, что Германии после падения фашизма предстоит снова пройти долгую школу парламентаризма. Предшествующего политического опыта фашизм не сотрет, еще меньше он способен изменить социальную структуру нации. Ждать новой большой демократической эпохи в развитии Германии было бы

глубочайшим заблуждением. Но в революционном пробуждении масс демократические лозунги неизбежно составят первую главу. Даже если бы дальнейший ход борьбы вообще не дал возродиться демократическому государству и на один день, - это вполне возможно, - сама борьба не может развернуться в обход демократических лозунгов! Революционная партия, которая попыталась бы перескочить через эту стадию, сломала бы себе ноги.

С этой общей перспективой тесно связан вопрос о социал-демократии. Появится ли она снова на сцене? Старая организация погибла безвозвратно. Но это вовсе не значит, что социал-демократия не может возродиться под новой исторической маской. Оппортунистические партии так же легко падают и разваливаются под ударами реакции, как и легко восстанавливаются при первом политическом оживлении. В России мы это видели на примере меньшевиков и эсеров. Немецкая социал-демократия может не только возродиться, но и получить большое влияние, если революционная пролетарская партия вместо диалектического отношения к лозунгам демократии противопоставит им доктринерское "отрицание". Президиум Коминтерна в этой области, как и во всех других, остается бескорыстным помощником реформизма.

4. Брандлерианцы углубляют сталинцев

Путаница в вопросе о демократических лозунгах наиболее глубокомысленно проявилась в программных тезисах оппортунистической группы Брандлера-Тальгеймера (по вопросу о борьбе с фашизмом). Коммунистическая партия, гласят тезисы, "должна объединять проявления недовольства всех (!) классов против фашистской диктатуры". (Геген ден Штром 152, стр. 7, слово "всех" подчеркнуто в подлиннике.) В то же время тезисы настойчиво предупреждают: "Частичные лозунги не могут быть буржуазно-демократического рода". Между этими двумя положениями, из которых каждое ошибочно, есть непримиримое противоречие. Прежде всего совершенно невероятно звучит формула об объединении "недовольства всех классов". Русские марксисты злоупотребляли некогда такой формулой в борьбе с царизмом. Из этого злоупотребления выросла меньшевистская концепция революции, примененная впоследствии Сталиным в Китае. Но в России дело шло по крайней мере о столкновении буржуазной нации с сословной монархией. В каком же смысле можно говорить о борьбе "всех классов" буржуазной нации против фашизма, который является орудием крупной буржуазии против пролетариата? Поучительно было бы видеть, как Тальгеймер, фабрикант теоретических пошлостей, будет объединять недовольство Гугенберга, - а он тоже недоволен, - с недовольством безработного. Как, с другой стороны, возможно объединять движение "всех классов", не становясь на почву буржуазной демократии? Поистине классическое сочетание оппортунизма со словесным ультрарадикализмом!

Движение пролетариата против фашистского режима будет принимать все более массовый характер по мере того, как мелкая буржуазия будет разочаровываться в фашизме, изолируя имущие верхи и государственный аппарат. Задача пролетарской партии будет состоять в том, чтобы использовать ослабление гнета со стороны мелкобуржуазной реакции в целях повышения активности пролетариата и чтобы направить затем активность пролетариата на путь политического завоевания низших слоев мелкой буржуазии.

Правда, рост недовольства промежуточных слоев и рост сопротивления рабочих создаст трещину в блоке имущих классов и побудит их "левый фланг" искать связи с мелкой буржуазией. Задача пролетарской партии по отношению к "либеральному" флангу имущих будет, однако, состоять не в том, чтобы включить его в блок "всех классов" против фашизма, а наоборот, в том, чтобы сразу же объявить ему решительную борьбу за влияние на низы мелкой буржуазии.

Под какими политическими лозунгами пойдет эта борьба? Диктатура Гитлера непосредственно выросла из веймарской демократии. Представители мелкой буржуазии собственноручно передали Гитлеру мандат на диктатуру. Если допустить очень благоприятное и быстрое развитие фашистского кризиса, то требование созыва рейхстага со включением в него всех изгнанных депутатов может в известный момент объединить рабочих с широкими слоями мелкой буржуазии. Если кризис вспыхнет позже и память о рейхстаге успеет стереться, большую популярность может приобрести лозунг новых выборов. Мы не говорим, что развитие должно непременно пойти по этому пути. Достаточно того, что такой путь возможен. Связывать себе руки в отношении этапных демократических

лозунгов, которые могут быть навязаны нам мелкобуржуазными союзниками и отсталыми слоями самого пролетариата, было бы гибельным доктринерством.

Брандлер-Тальгеймер считают, однако, что мы должны выступать только "за демократические права для трудящихся: право собраний, союзов, свобода печати, право коалиции и стачек". Чтобы еще больше подчеркнуть свой радикализм, они прибавляют: "Эти требования надлежит строго (!) отличать от буржуазно-демократических требований всеобщих демократических прав". Нет фигуры более жалкой, чем оппортунист, который берет в зубы нож ультрарадикализма!

Свобода собраний и печати только для трудящихся мыслима не иначе, как при диктатуре пролетариата, т. е. при национализации зданий, типографий и проч. Возможно, что диктатуре пролетариата придется в Германии применять исключительные законы против эксплуататоров: это зависит от исторического момента, от международных условий, от соотношения внутренних сил. Но отнюдь не исключено, что, завоевав власть, рабочие Германии окажутся достаточно могущественными, чтобы представить свободу собраний и печати даже вчерашним эксплуататорам, разумеется, в соответствии с их действительным политическим влиянием, а не с размерами их кассы: касса будет экспроприрована. Таким образом, даже для периода диктатуры пролетариата нет основания заранее принципиально ограничивать свободу собраний и печати только трудящимися. К такому ограничению пролетариат может оказаться вынужденным; но это не вопрос принципа. Вдвойне нелепо выдвигать подобное требование в условиях нынешней Германии, когда свобода печати и собраний существует для всех, кроме трудящихся. Пробуждение пролетарской борьбы против фашистской каторги будет идти, по крайней мере на первых порах, под лозунгами: дайте и нам, рабочим, право собраний и печати. Коммунисты поведут, конечно, и на этой стадии пропаганду в пользу советского режима, но они будут в то же время поддерживать всякое действительно массовое движение под демократическими лозунгами и, где смогут, будут брать на себя инициативу такого движения.

Между режимом буржуазной демократии и режимом пролетарской диктатуры нет третьего режима, "демократии трудящихся". Правда, испанская республика назвала себя "республикой трудящихся" даже в тексте конституции. Но это есть формула политического шарлатанства. Брандлерианская формула демократии "только для трудящихся" да еще в соединении с тактикой объединения "всех классов" как бы специально рассчитана на то, чтобы спутать и сбить революционный авангард в важнейшем вопросе: как и в каких пределах приспособляться к движению мелкобуржуазных и отсталых рабочих масс, какие им делать уступки в вопросах о темпе движения и очередных лозунгах, чтобы тем успешнее сплачивать пролетариат под знаменем его собственной революционной диктатуры.

* * *

На Седьмом съезде РКП в марте 1918 г. Ленин при обсуждении программы партии, вел решительную борьбу против Бухарина, который считал, что на парламентаризме надо раз навсегда поставить крест, так как он исторически "исчерпан". "Мы должны... - отвечал ему Ленин, - писать новую программу советской власти, нисколько не отрекаясь от использования буржуазного парламентаризма. Думать, что нас не откинут назад - утопия... При всяком откидывании назад, если классовые враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, мы будем идти к тому, что опытом завоевано, - к советской власти..."153

Ленин выступал против доктринерского антипарламентаризма даже по отношению к стране, которая уже завоевала советский режим: нельзя связывать себе руки, - учил он Бухарина, - ибо нас могут отбросить назад, на уже покинутые нами позиции. В Германии не было и нет пролетарской диктатуры, зато есть диктатура фашизма; Германия отброшена назад даже от буржуазной демократии. Заранее отказываться в этих условиях от использования демократических лозунгов и буржуазного парламентаризма значит очищать поле для социал-демократии новой формации.

Л. Троцкий

Принкипо

14 июля 1933 г.

Набросок

Все мировое рабочее движение подошло к поворотному пункту. Разрушаются старые могущественные организации пролетариата. Совершенно очевидно, что этот объективный исторический поворот не может остаться без глубокого влияния на политику левой оппозиции. Дело идет, конечно, не об наших программных и стратегических принципах, которые остаются незыблемыми, а о наших тактических и организационных методах, и, в первую голову, о нашем отношении к Коминтерну.

Наше положение "фракции", исключенной из Коминтерна, не могло длиться вечно. В этом мы отдавали себе ясный отчет всегда. Либо изменение политики и режима Коминтерна должны были открыть нам возможность вернуться в состав его национальных секций, либо наоборот: дальнейшее перерождение Коминтерна должно было поставить нас перед задачей создания новых партий и нового Интернационала.

Мы всегда ставили этот вопрос в зависимость от больших исторических событий, которые должны были подвергнуть сталинский Коминтерн окончательной проверке. В качестве таких возможных событий не раз назывались в нашей литературе: новая империалистская война, в которой должна будет обнаружиться стойкость и боеспособность Коминтерна; попытка контрреволюционного переворота в СССР; открытая попытка фашизма овладеть властью в Германии и прочее. Разумеется, заранее никак нельзя было предвидеть, какое из этих событий наступит раньше, каковы будут размеры банкротства той или другой секции, какое влияние окажет это банкротство на другие секции и на Коминтерн и проч. и проч. Вот почему наш прогноз мог иметь только условный, факультативный, а не категорический характер.

Можно, конечно, не сомневаться, что если бы контрреволюции удалось опрокинуть советскую власть, сталинская бюрократия во всем мире рассыпалась бы в 24 часа. К счастью, до этого еще далеко. Сила сопротивления советского режима, несмотря на гибельную политику сталинской бюрократии, очень велика. И сегодня, как и вчера, было бы преступлением заранее отказываться от надежды на то, что советский режим продержится, несмотря на все трудности, до начала пролетарской революции на Западе. Во всяком случае, в этом направлении должны мы по-прежнему направлять все наши усилия.

Ход событий развернулся таким образом, что решающему испытанию Коминтерн подвергся не на вопросе о Советском Союзе или о войне, а на вопросе о способности Коминтерна оказать сопротивление фашизму. Проверка эта произошла в Германии, в стране с самым многочисленным пролетариатом и с самой сильной коммунистической партией. Не могло быть заранее никакого сомнения в том, что результаты этой проверки получат решающее значение, — притом не только для германской компартии, но и для Коминтерна в целом, ибо, во-первых, германская компартия действовала под непосредственным руководством Коминтерна; во-вторых, фашистская опасность имеет интернациональный характер, следовательно, судьба других секций, как и Коминтерна в целом, непосредственно зависит от тех выводов, какие они способны сделать из немецкого урока.

Наши немецкие единомышленники в первый момент воспротивились выдвиганию лозунга новой партии. Но уже очень скоро внутреннее состояние официальной партии, ее внутренний режим показали, что, несмотря на значительные силы и средства аппарата и на революционную преданность многих низовых работников, партия идет к неизбежному, полному и окончательному крушению, ибо, как показывает пример Италии, условия нелегальной работы беспощадно и сравнительно скоро карают ложную политику.

Признав необходимость и своевременность лозунга новой партии в Германии, наша немецкая секция в лице тов. Бауера¹⁵⁴ первой поставила вопрос о пересмотре нашего отношения к Коминтерну в целом. Голос тов. Бауера ни в каком случае не являлся одиноким. С того времени, как Президиум Коминтерна ответил на немецкую катастрофу постыдной резолюцией 5 апреля и маскарадным съездом Мюнценберга-Барбюса¹⁵⁵, во многих секциях, если не во всех, товарищи все решительнее начали ставить вопрос о необходимости пересмотра нашего отношения к Коминтерну в целом. Судьба сталинских партий в Австрии и Болгарии естественно снимала с порядка дня вопрос о "реформе" этих партий.

Некоторые швейцарские товарищи считали, что швейцарская компартия сойдет со сцены вместе с германской. Политбюро нашей греческой секции поставило вопрос о необходимости провозглашения самостоятельной партии. В том же направлении шли письма тов. Гурова.

Можно сказать с уверенностью, что пересмотр нашего отношения к Коминтерну назрел не только объективно, но и субъективно. Камнем преткновения оставался, однако, для многих товарищей вопрос об СССР. Так как мы во всей нашей предшествующей пропаганде тесно связывали судьбу Коминтерна с судьбой СССР, то наши противники могут попытаться истолковать наш организационный разрыв с Коминтерном как своего рода разрыв с советским государством. Выше уже сказано, почему такое толкование в корне ложно. Факт таков, что советское государство, несмотря на все свои бюрократические извращения и ложную хозяйственную политику, остается и сегодня государством социализации земли, фабрик, заводов и коллективизации крестьянского хозяйства. В то же время Коминтерн утратил всякую революционную силу и обнаружил полную неспособность возродиться. Не крушение советского государства увлекло за собой Коминтерн, а наоборот: крушение Коминтерна угрожает увлечь за собой советское государство. Таким образом, создание новых коммунистических партий и подлинного Коммунистического Интернационала становится все более неотложным не только с точки зрения революционных задач пролетариата в капиталистических странах, но и с точки зрения спасения, сохранения и возрождения СССР. В такой постановке вопроса нет решительно ничего надуманного или искусственного: она вытекает из действительной последовательности событий, которая никогда полностью не совпадает и не может совпадать с теоретическими прогнозами.

Чем скорее наши секции рассмотрят вопрос во всей его широте и чем полнее и решительнее объявят необходимость разрыва с бюрократией Коминтерна, тем шире мы сможем развернуть нашу работу. Последствия великой катастрофы развиваются очень быстро, выдвигают новые вопросы и требуют на них ясного ответа. Прежде всего это относится к развитию левых социалистических организаций. Они тоже стоят под давлением новейших событий и под напором масс, которые толкают их на путь политического самоопределения. Мы можем и должны занять в этом процессе крупное место и помочь левым социалистическим организациям стать на подлинно большевистские рельсы.

Двадцать седьмого августа в Париже собирается конференция левых социалистических организаций, на которой должен раздасться и наш голос. Было бы безнадежным, реакционным сектанством, если бы мы стали требовать от этих организаций, чтобы они признали себя фракцией гибнущего сталинского Коминтерна. Такая постановка вопроса дала бы только возможность наиболее консервативным вождям этих организаций скомпрометировать нас в глазах своих сторонников в качестве безнадежных сектантов. Наша политика должна иметь совершенно иной характер. В полном соответствии со всей обстановкой мы должны заявить этой конференции, что разногласие относительно Коминтерна ныне ликвидировано. Необходимость новой интернациональной организации совершенно очевидна. Мы вполне готовы дружно сотрудничать, даже объединиться со всеми теми организациями или группами, которые действительно хотят строить Интернационал на основах Маркса и Ленина. Сняв таким образом устаревшие разногласия, мы сможем поставить перед левыми социалистическими организациями на обсуждение принципы левой оппозиции в полном объеме. Это позволит нам несомненно сделать большой шаг вперед.

Ввиду исключительной ответственности предстоящих решений, секретариат считает необходимым созвать в возможно короткий срок пленум¹⁵⁶, который должен будет выработать, в частности, инструкции для поведения нашей делегации на конференции левых социалистических и коммунистических организаций. Разумеется, инструкции пленума будут иметь лишь предварительный характер, поскольку вся наша интернациональная организация еще не успеет к этому времени высказаться. Окончательное решение по поводу новой ориентации большевиков-ленинцев должна будет вынести наша интернациональная конференция.

[Л. Д. Троцкий]

7 августа 1933 г.

Со времени моего переезда во Францию¹⁵⁷ пресса не раз сообщала то о моих переговорах с Литвиновым¹⁵⁸ и другими агентами советского правительства, то о моих попытках в этом направлении, оставшихся безрезультатными. Все эти сообщения ложны с начала до конца. Не было и нет ничего, что могло бы дать хоть косвенное оправдание этим вымыслам.

Л. Т[роцкий]

[9 августа 1933 г.]

Правлению Независимой рабочей партии Великобритании

Уважаемые товарищи,

Вы опубликовали мой копенгагенский доклад о русской революции в виде брошюры. Я могу, разумеется, только радоваться тому, что вы сделали мой доклад доступным британским рабочим. Предисловие Джеймса Макстона¹⁵⁹ тепло рекомендует книжку вниманию социалистических читателей. Я могу быть только благодарным за эту рекомендацию.

В предисловии заключается, однако, мысль, против которой я считаю себя обязанным возразить. Макстон заранее отказывается входить в оценку тех разногласий, которые отделяют меня и моих единомышленников от правящей ныне в СССР фракции: "Это вопрос, - пишет он, - который только русские социалисты компетентны решать". Этими немногими словами ниспровергается начисто интернациональный характер социализма как научной доктрины и как революционного движения. Если социалисты (коммунисты) одной страны неспособны, не компетентны, следовательно, не в праве решать жизненные вопросы борьбы социалистов (коммунистов) других стран, то пролетарский Интернационал лишается прав и возможностей существования.

Я позволю себе сверх того утверждать, что, формально воздерживаясь от суждений по поводу борьбы, расколовшей русских большевиков, Макстон, может быть не желая этого, высказывается все же в прикрытом виде по существу спора, притом в пользу сталинской фракции, ибо в нашей борьбе с ней дело идет как раз о том, является ли социализм национальным или интернациональным делом. Признавая возможность теоретического и практического разрешения вопросов социализма в национальных рамках, Макстон признает правоту сталинской фракции, которая опирается на теорию "социализма в одной стране".

На самом деле споры между русскими большевиками не являются только русскими спорами, как конфликты между Рабочей партией, Независимой рабочей партией и Коммунистической партией Великобритании не являются только британскими конфликтами. Дело идет о судьбе не только нынешнего Коминтерна, но пролетарского интернационала вообще. По линии водораздела между "социализмом в одной стране" и интернациональным социализмом идет группировка сил не только в СССР, но и далеко за его пределами. Секции подлинных интернационалистов, исходящих из теории перманентной революции, имеются сейчас почти во всех странах мира. Число и влияние их растет. Я считаю, что по основным вопросам борьбы между нами и сталинистами каждый член НРП не только может, но и обязан выработать себе самостоятельное мнение. Со своей стороны я готов каждому британскому социалисту, каждому британскому рабочему оказать посильное содействие - печатно, письменно или устно - в изучении спорных вопросов Интернационала.

Я буду вам очень благодарен, если вы опубликуете это письмо в вашем органе.

С тов[арищеским] приветом

[Л.Д.Троцкий]

[9 августа 1933 г.]

В Интернациональный Секретариат:

О недопустимом образе действий тов. А. Нина

Дорогие товарищи,

Последние письма и документы, исходящие от руководимого тов. Нином ЦК испанской секции, вызывают чувство, которое трудно иначе назвать, как возмущением. Прежде всего поражает тон этих писем: самые острые обвинения, бросаемые направо и налево; оскорбительные выражения, употребляемые без тени основания и нередко переходящие в прямую брань. Один этот тон свидетельствует, насколько тов. Нин и его ближайшие друзья чужды духу революционного товарищества и элементарной личной ответственности. Так писать могут только люди, лишенные всякой внутренней дисциплины, притом по адресу организации, которую они считают в душе чужой и враждебной.

"Обвинения", выдвигавшиеся группой А. Нина, опровергались десятки раз. Представитель этой группы был на предконференции, где имел возможность изложить все свои претензии и обвинения. Каков был результат? Политика тов. Нина и его друзей была осуждена всеми без исключения секциями интернациональной левой оппозиции. Казалось бы, один этот факт должен был сделать тов. Нина и его друзей, по крайней мере, несколько осторожней. Вместо этого они удваивают и утраивают оскорбления и ругательства, направленные по существу против всей интернациональной левой оппозиции.

Я сейчас хочу коснуться только одного пункта: группа Нина отваживается обвинять интернациональную оппозицию в том, что она будто бы незаконно устранила из своих рядов Росмера, Ландау и проч. Между тем документы и факты свидетельствуют о прямо противоположном: Росмер хотел добиться удаления из Лиги неугодных ему товарищей, причем оказался в Лиге в маленьком меньшинстве; после этого он покинул Лигу. Я лично находился по поводу этого инцидента в постоянной переписке с Нином, сообщал ему обо всех шагах, которые предпринимал, чтобы удержать Росмера от явно ошибочного шага, продиктованного не революционными соображениями, а личной капризностью. Нин, несмотря на свою дружбу с Росмером, писал мне, что "право не на стороне Росмера". На мои неоднократные письменные вопросы Нину, нельзя ли предпринять какие-либо дополнительные шаги, чтоб удержать Росмера от ошибочного шага, Нин не предложил решительно ничего, признав тем, что все возможные меры были исчерпаны.

То же самое относится и к Ландау. Никто, как известно, не предлагал исключать его. От него лишь требовали, чтобы он принял участие в демократически созванной конференции немецкой секции. Мною была внесена по этому вопросу крайне примирительная по содержанию и тону резолюция, к которой Нин присоединился в письменной форме "полностью и целиком". Известно, что Ландау "исключил" после этого большинство немецкого ЦК и отказался от участия в конференции, где он должен был остаться в безнадежном меньшинстве.

В качестве члена тогдашнего Интернационального бюро Нин участвовал во всей нашей политике и нес за нее полную ответственность. Сейчас он, не приводя ни фактов, ни документов, перелагает ответственность с Росмера и Ландау на Интернациональную левую оппозицию, забывая или умалчивая о своей собственной ответственности. Как назвать такой образ действий?

Допустим на минуту, что Нин пришел позже к выводу об ошибочности нашего образа действий в отношении Росмера, Ландау и проч. Он должен был бы сказать: "Мы сделали такую-то и такую-то ошибку: мы должны ее так-то и так-то исправить". Это был бы вполне законный путь. Нужно только ясно сказать, как исправить "ошибку". Группы Росмера и Ландау имеют свои издания и развивают в них взгляды, которые в ряде существенных вопросов все больше расходятся с нашими взглядами. Если вопрос о Росмере и Ландау выдвигается не для интриги, а для практической цели: вернуть группы Росмера и Ландау в состав интернациональной левой оппозиции, то обязанность тов. Нина должна была бы состоять в том, чтобы подвергнуть оценке их взгляды и сделать определенный вывод: совместимы ли эти взгляды со взглядами большевиков-ленинцев; требуются ли с нашей стороны определенные уступки и какие именно, или же наоборот, Росмер и Ландау должны отказаться от определенных взглядов и методов, чтобы примкнуть к левой оппозиции. Такая серьезная, принципиальная и вместе [с тем] практическая постановка вопроса открывала бы возможность обсуждения и, может быть, тех или других практических шагов. Нынешний же образ действия Нина показывает, что он ни о каких практических результатах не заботится: ему нужен лишь искусственный

повод для инсинуаций по адресу интернациональной левой оппозиции.

Все это тем более печально, что такой нелояльный образ действий нужен тов. Нину для прикрытия собственных политических шатаний и целой серии ошибок, которые помешали испанской левой оппозиции завоевать то положение, возможность которого открывалась условиями революции. Сейчас в результате в корне неправильной политики тов. Нина испанская секция не растет, а слабеет. К несчастью, обсуждение политических вопросов с тов. Нином ни к чему не приводит: он всегда уклоняется, дипломатничает, не говорит ни да, ни нет или еще хуже, отвечает товарищам на политические доводы личными инсинуациями.

Я прошу вас довести настоящее мое письмо до сведения всех секций, начиная с испанской. Я очень хотел бы, чтобы письмо дошло до сведения всех наших друзей в Южной Америке; они тем теснее примкнут к нашей международной организации и тем с большим успехом будут работать на своей национальной почве, чем скорее убедятся в ложности и вредности политики тов. Нина.

С ком[мунистическим] приветом

Л. Троцкий

10 августа 1933 г.

Сталин подготавливает вероломный удар против большевиков-ленинцев

На съезде работников просвещения в Реймсе советские делегаты, не найдя доводов для оправдания насилий над товарищами Раковским, Виктором Сержем и многими другими, заявили: скоро в СССР будет процесс, который покажет участие троцкистов в саботаже и контрреволюционной работе. Таков запасный "аргумент", который делегат получил на дорогу из сталинской канцелярии. Ссылаясь на московское радио, буржуазные газеты сообщали после этого, что на Украине действительно арестовано несколько десятков "троцкистов" по обвинению в саботаже и государственной измене: все они предаются чрезвычайному суду.

Всякому мыслящему человеку ясно заранее, что большевики-ленинцы, именуемые "троцкистами", могут иметь к экономическому саботажу рабочего государства еще меньше отношения, чем германские коммунисты к поджогу рейхстага. Левая оппозиция всегда неизменно поддерживала индустриализацию страны не только теоретически, но и в практической работе. Хозяйственные успехи советского государства она считала и считает своими успехами. Она боролась и борется только против ложного экономического руководства бесконтрольной бюрократии.

Если на Украине арестованы действительно саботажники, то они не имеют и не могут иметь никакого отношения к левой оппозиции. Если на Украине арестованы сторонники левой оппозиции, то они не имеют и не могут иметь никакого отношения к саботажу. Обвинение "троцкистов" в контрреволюционных действиях может быть основано лишь на "амальгаме", т. е. на преступной комбинации лиц, не имеющих ничего общего между собой.

Уже в 1927 году агент ГПУ из бывших офицеров Врангеля предложил комсомольцу, сочувствующему левой оппозиции, свою "техническую помощь", - и на основании этой провокации большевики-ленинцы были обвинены в связи... не с агентами ГПУ, а с врангелевским офицером. Сейчас дело идет о преступлении гораздо более крупного масштаба. Сталину неотложно нужны расстрелы мнимых троцкистов за действительные преступления или действительных троцкистов за мнимые преступления, чтобы оправдать репрессии против безупречных революционеров, которые уже около шести лет содержатся им в тюрьмах и ссылке.

Даже по редким официальным сведениям о ходе чистки партии можно видеть, что левая оппозиция неискоренима: в разных местах страны, на глазах у ответственных партийных работников группируются и действуют "троцкисты". Своими скупыми разоблачениями "Правда" показывает, что левая оппозиция окружена атмосферой сочувствия, иначе местные коммунисты и местные контрольные комиссии не нуждались бы в понуканиях и угрозах для исключения "троцкистов". Не менее явны и очевидны успехи левой оппозиции на международной арене. Сталинцы знают не хуже нас о крупнейших завоеваниях большевиков-ленинцев в среде международного пролетарского авангарда.

Бюрократия в великой тревоге. Необходимо что-то предпринять, и притом немедленно! Но что именно? Пуститься в область дискуссий было бы заведомо безнадежным делом, от которого выиграли бы только большевики-ленинцы. Нет, нужны сильно действующие средства! Сталина не останавливает даже то, что своей новой амальгамой он чрезвычайно затрудняет мировому пролетариату борьбу против амальгамы Гитлера. В обоих случаях дело идет о головах пролетарских революционеров.

Задача левой оппозиции – своевременно предупредить передовых рабочих всего мира о готовящемся преступлении. Отравленное оружие надо повернуть против отравителей. Вместе с тем надо зорко следить, чтоб законное возмущение бонапартистскими методами не отвратило окончательно симпатий мирового пролетариата от советского государства. Защиту наследия Октябрьской революции пролетарский авангард должен взять на себя – против сталинской бюрократии!

Онкен160

[23 августа 1933 г.]

Строительство нового Интернационала и политика единого фронта. (К предстоящей конференции левосоциалистических

и коммунистических организаций в Париже)161

Конфиденциально

1. Строительство нового Интернационала предполагает совместную работу и все более тесную организационную связь революционных политических организаций (партий) на основе программы, отвечающей на все задачи нашей эпохи.

2. Политика единого фронта предполагает соглашение рабочих организаций, политических, профессиональных и проч[их], независимо от их принципиальной позиции, во имя определенной практической цели, следовательно, не постоянное сотрудничество, а стовор от случая к случаю, на известный срок, определяемый характером самой цели.

3. Никакая революционная пролетарская партия не сможет вести правильную политику на международной арене, если не будет строго различать систематическую работу по построению нового Интернационала и эпизодические, хотя бы и очень важные, соглашения "единого фронта".

4. Вести с успехом политику единого фронта в международном масштабе (борьба против фашизма, бойкот гитлеровской Германии, борьба против военной опасности вообще, против интервенции в СССР, в частности) можно лишь в том случае, если существует тесно сплоченное интернациональное ядро, т. е. союз нескольких пролетарских партий на прочной программной основе и с ясной политической перспективой. Только такого рода союз, представляющий первую стадию развития нового Интернационала, способен мобилизовать более массовые организации во имя тех или других боевых задач.

5. Предполагаемый состав парижской конференции основан несомненно на смешении двух задач: построения нового Интернационала и создания единого фронта. Идти дальше по этому пути с закрытыми глазами значило бы растворять революционные пролетарские партии в бесформенном конгломерате организаций, не знающих ясно, чего они хотят. Такой путь был бы одинаково губительным и для нового Интернационала и для задач единого фронта.

6. Чтобы внести ясность во взаимоотношения различных организаций, принимающих участие в парижской конференции или еще только подлежащих приглашению, ядро революционных организаций должно было немедленно объединиться на определенном программном документе, который формулирует общие им принципы и открыто ставит задачу создания нового Интернационала. Проект такой Декларации должен быть обсужден, переработан и подписан уже до открытия конференции. Есть все основания рассчитывать на то, что по крайней мере четыре организации: АСП, РСР, ОСП и ЛО162 могут объединиться на таком Заявлении.

7. Нет надобности гадать о том, присоединятся ли к такому Заявлению немедленно шведская коммунистическая партия (Кильбом163), норвежская

организация Мот Даг¹⁶⁴ и Независимая рабочая партия Великобритании. Если они не присоединятся сейчас, то Декларация станет могучим орудием воздействия на них в дальнейшем. Сфера влияния Декларации будет расти вместе с формированием нового Интернационала. Через некоторое время, скажем, через два месяца Декларация будет заменена Манифестом нового Интернационала.

8. Совершенно очевидно, что Норвежская рабочая партия ни в каком случае не может принять нашей Декларации, которая противоречит всей ее политике. Но это вовсе не значит, что мы должны отказаться от какого бы то ни было сотрудничества с Норвежской рабочей партией. Нужно лишь в основу отношений с ней положить не программу нового Интернационала, а общие методы единого фронта. Так, например, в борьбе за созыв мирового конгресса рабочих организаций НРП может, если захочет, занять свое место.

9. Если бы британская Независимая рабочая партия, шведская партия Кильбома и проч[ие] отказались ныне присоединиться к нашей Декларации, отношения с ними на данной стадии были бы так же отношениями единого фронта, что, конечно, не исключает присоединения этих организаций к новому Интернационалу на следующей стадии.

10. Ленинбунд, например, не мог бы присоединиться к нашей декларации ввиду непримиримого разногласия по вопросу о характере советского государства и наших обязанностей по отношению к нему. Делать в этой области уступки теории тов. Урбанса насчет "государственного капитализма" значило бы обесценивать всю нашу Декларацию и подготавливать внутренние взрывы в основном ядре нового Интернационала.

11. Можно не останавливаться здесь на оценке других организаций и групп, примыкающих или тяготеющих к парижской конференции. Некоторые из них не представляют никакого интереса, ни с точки зрения революционных кадров, ни с точки зрения массовых организаций. Так, пюписты¹⁶⁵ способны лишь скомпрометировать всякое объединение, которое стало бы их долго терпеть в своих рядах. Но эти второстепенные вопросы разрешатся сами собой без труда при усвоении правильной основной линии.

12. Итак, начать надо с Декларации четырех (или хотя бы трех) наиболее близких друг к другу организаций. Было бы ошибкой пытаться с самого начала согласовать текст Декларации с британской Независимой рабочей партией, партией Кильбома и проч.: такой образ действий привел бы лишь к бесчисленным заседаниям, поправкам, переговорам, колебаниям, - и инициатива передовых организаций растворилась бы в общей бесформенности. Важнейшее правило стратегии и тактики: чтоб одержать верх над нерешительностью других организаций, надо, чтобы собственная организация проявила решительность; чтобы победить чужие колебания, надо перестать колебаться самому. Если ИЛП¹⁶⁶ (НРП) или партия Кильбома будут согласны с нашей Декларацией не во всем, они смогут присоединиться к ней с определенными ограничениями, дополнениями и проч. за собственной подписью. Всякий передовой рабочий будет в таком случае иметь перед собой ясную карту наших политических отношений. Ничего лучшего мы не можем желать. Дипломатия и игра в прятки нам чужды. Новый Интернационал может строиться только на честном высказывании того, что есть.

Г. Гуров
24 августа 1933 г.

Заявление¹⁶⁷

Нижеподписавшиеся организации в полном сознании лежащей на них исторической ответственности решили объединить свои усилия для совместной работы над¹⁶⁸ возрождением революционного пролетарского движения в международном масштабе. В основу своей деятельности они полагают следующие принципы¹⁶⁹.

1) Смертельный кризис империалистического капитализма, не оставляя никакого места для политики реформизма (социал-демократия, второй Интернационал, профсоюзная бюрократия), ставит ребром¹⁷⁰ задачу революционной борьбы за завоевание власти и установление пролетарской диктатуры как единственного пути¹⁷¹ для¹⁷² преобразования капиталистического общества в социалистическое.

2) Задача пролетарской революции по самому существу своему имеет интернациональный характер. Переноса революцию из страны в страну¹⁷³, пролетариат может построить законченное социалистическое общество только на основах мирового разделения труда и мирового сотрудничества. Нижеподписавшиеся решительно отвергают теорию "социализма в одной стране", как подрывающую самые основы пролетарского интернационализма.

3) Третий¹⁷⁴ Интернационал, выросший из Октябрьской революции, заложивший основы революционной¹⁷⁵ политики в эпоху империализма и давший мировому пролетариату первые уроки революционной борьбы за власть, пал жертвой своей рабской зависимости от советской бюрократии, переродившейся в духе национализма и центризма.

4) Наступление фашизма в Германии явилось высшим испытанием для рабочего класса¹⁷⁶ в лице его организаций. Социал-демократия получила возможность еще раз подтвердить то определение, которая дала ей Роза Люксембург: "смердящий труп". Очищение рабочего движения от организаций, идей и методов реформизма является основным условием победы над капитализмом¹⁷⁷.

5) С не меньшей силой немецкие события обнаружили¹⁷⁸ крушение Третьего¹⁷⁹ Интернационала как результат ложной в корне политики сталинской бюрократии. Нынешний Коминтерн способен лишь помогать реформизму и тормозить революционный подъем пролетариата.

6) Положение мирового капитализма, ужасающий кризис, ввергающий народные массы в небывалую нищету, революционное движение революционных колониальных масс, перспектива¹⁸⁰ нового цикла¹⁸¹ войн, несущая с собой угрозу гибели всей человеческой культуры - таковы условия, повелительно требующие сплочения пролетарского авангарда в новый Интернационал. Нижеподписавшиеся обязуются приложить все свои силы к тому, чтобы этот Интернационал сложился в возможно короткий срок на незыблемом фундаменте теоретических и стратегических принципов, заложенных Марксом и Лениным.

7) Готовые к сотрудничеству со¹⁸² всеми теми организациями, группами, фракциями, которые на деле развиваются от реформизма или бюрократического центризма (сталинизма) в сторону революционной марксистской политики¹⁸³, нижеподписавшиеся категорически заявляют в то же время, что новый Интернационал должен исключать какое бы то ни было примиренчество по отношению к реформизму или центризму, какие бы то ни было планы насчет объединения 2-го и 3-го Интернационалов, какую бы то ни было уклончивость в вопросах о¹⁸⁴ восстании, пролетарской диктатуре, советской форме государства и пр.

8) По своим социальным основам, по безусловно господствующим формам собственности СССР¹⁸⁵ остается сегодня рабочим или социалистическим государством¹⁸⁶. Защиту советского государства от империализма и внутренней контрреволюции новый Интернационал напишет на своем знамени, как одну из важнейших задач.

Революционная¹⁸⁷ защита СССР¹⁸⁸ может быть успешной только при условии полной независимости самих пролетарских организаций от советской бюрократии¹⁸⁹, неутомимого¹⁹⁰ разоблачения ее ложных методов перед лицом рабочих масс.

10) Новый Интернационал, как и партии, входящие в него, должны построить всю свою внутреннюю жизнь на основах [...] ¹⁹¹ Нижеподписавшиеся создают путем делегирования своих представителей Постоянную комиссию, поручая ей:

- а) выработку программного манифеста как хартии нового Интернационала;
- б) подготовку критического обзора современного рабочего движения и лице всех его организаций и направлений;
- в) выработку тезисов по всем основным вопросам революционной стратегии пролетариата;
- г) представительство нижеподписавшихся организаций перед лицом внешнего мира.

[Л.Д.Троцкий]

[До 26 августа 1933 г.]

По поводу предполагаемого участия в Парижской конференции так называемой Партии "пролетарского единства" (пюписты)

В пригласительном циркуляре секретаря интернационального комитета тов. Джона Пэтона говорится о "полном банкротстве Второго и Третьего Интернационалов и примыкающих к ним партий". Отсюда совершенно ясно вытекает необходимость создания новых партий и нового Интернационала.

То же циркулярное письмо называет, однако, в числе участников парижской конференции "партию пролетарского единства" (пюписты), которая пишет на своем знамени "объединение Второго и Третьего Интернационалов", или, пользуясь выражением тов. Пэтона, объединение банкротов. Ясно, что из такого объединения ни в каком случае не может произойти оздоровление рабочего движения. Уже этого непримиримого противоречия в постановке задач (не говоря о других чертах пюпистов) достаточно, чтобы признать, что пюпистам ни в каком случае не место в наших рядах.

[Л.Д.Троцкий]

[26 августа 1933 г.]

Куда идет НРП Великобритании?

Из последних политических решений Национального Совета Независимой Рабочей Партии совершенно ясно вытекает, что после своего разрыва с реформистами партия продолжает двигаться влево. Родственные процессы наблюдаются во многих странах: внутри социал-демократических партий формируется левое крыло, которое на дальнейшей стадии откалывается от партии и пытается собственными силами проложить себе революционный путь. В этих процессах отражается, с одной стороны глубокий кризис капитализма и неразрывно связанного с ним реформизма и, с другой стороны, – неспособность Коминтерна группировать вокруг себя революционные течения пролетариата.

В Англии положение осложняется, однако, небывалой до сих пор комбинацией. В то время как в других странах Коминтерн продолжает третировать левосоциалистические организации как "левых социал-фашистов" и "наиболее опасных контрреволюционеров", между Независимой рабочей партией и компартией Британии установилось постоянное сотрудничество. Каким способом вожди Коминтерна связывают это сотрудничество с теорией "левого социал-фашизма" остается загадкой. В июльском номере теоретического органа Коминтерна Феннер Броквей192, вновь назначенный секретарь НРП, именуется по-прежнему "контрреволюционером". Почему британская компартия заключила на этот раз единый фронт не только с низами, но и с верхами, причем верхи эти оказываются к тому же "контрреволюционерами", а единый фронт заключен не для отдельного практического действия, а для совместной работы вообще, – распутать эти противоречия не дано ни одному смертному. Но если оставить принципы в стороне, то дело объясняется достаточно просто: в исключительно благоприятных условиях Великобритании Коминтерн при помощи губительной политики Англо-русского комитета, "третьего периода", "социал-фашизма" и проч. умудрился полностью изолировать и обессилить свою британскую секцию; с другой стороны, глубокий социальный кризис британского капитализма толкнул НРП резко влево; не заботясь ни о последовательности, ни о логике обескураженный вконец Коминтерн обеими руками ухватился на этот раз за предложенный ему союз.

Можно и должно было бы приветствовать и горячо поддерживать сотрудничество НРП и компартии, если бы оно не было основано на умолчаниях, недоговоренности и двусмысленности с обеих сторон.

О компартии Национальный Совет отзывается так: "Она революционна по взглядам, как и мы". Это все, что мы узнаем по части оценки компартии и ее политики. Каждый серьезный и вдумчивый рабочий неизбежно спросит: зачем же две партии, если они придерживаются одинаково революционных взглядов? Этот рабочий еще более удивится, когда узнает, что вожди одной из этих одинаково революционных партий считают вождей другой партии "контрреволюционерами" и "левыми социал-фашистами". Может быть, Национальный Совет НРП воздерживается от критической оценки своего союзника, чтобы не подорвать самого союза? Но союз революционных организаций, основанный не на открытой взаимной критике, а на дипломатии будет опрокинут первым порывом политической бури, как карточный домик.

Тезисы Национального Совета объясняют блок с компартией, во-первых, как

шаг на пути единого фронта, во-вторых, как этап на пути создания большой революционной партии. Каждый из этих двух доводов имеет свой вес; но поставленные механически рядом, они противоречат друг другу. Тезисы повторяют, что единый фронт должен охватить все и всякие организации пролетариата, поскольку они захотят принять участие в борьбе: Лейбор Парти, трэд-юнионы, даже "кооперативную партию"¹⁹³. Но мы хорошо знаем, притом не из литературы, а из трагического опыта германской катастрофы, что Коминтерн отвергает единый фронт с реформистскими ("социал-фашистскими") организациями. Как же НРП собирается в союзе с компартией строить единый фронт с реформистскими организациями: только снизу и под заранее гарантированным руководством коммунистической бюрократии? На этот вопрос ответа нет.

Упомянув вскользь о том, что блок с компартией уже оттолкнул вправо некоторые секции "официального движения", Национальный комитет выражает надежду на то, что такого рода предрассудки можно победить активным участием в повседневной борьбе. То обстоятельство, что реакционные предрассудки лидеров Лейбор Парти или Генерального совета трэд-юнионов не пугают вождей НРП, делает последним только честь. К несчастью, однако, дело идет не только о предрассудках. Когда коммунистическая бюрократия объявляет реформизм и фашизм близнецами, то она дает не только ложную критику реформистских вождей, но и законно возмущает реформистских рабочих. В тезисах говорится, правда, что критика реформизма должна отвечать реальным обстоятельствам и толкать реформистских рабочих вперед, а не отбрасывать их назад; но о компартии в этой связи не упоминается ни словом. Как же быть все-таки с теорией социал-фашизма? И как на этой теории строить политику единого фронта? Замолчать подобные вопросы в резолюции не значит устранить их из жизни. Открытая дискуссия могла бы, может быть, побудить компартию занять правильную позицию, дипломатическая же уклончивость только накапливает противоречия и подготавливает новую катастрофу при ближайшем массовом движении.

Не определяя своего принципиального отношения к официальному коммунизму (сталинизму), тезисы Национального совета останавливаются на полпути и в своем отношении к реформизму. Критиковать реформистов надо как консервативных демократов, а не как фашистов, но бороться с ними по этому поводу надо отнюдь не менее непримиримо, ибо британский реформизм есть сейчас главный тормоз на пути освобождения не только британского, но и европейского пролетариата. Политика единого фронта с реформистами обязательна, но пределы ее ограничены по необходимости частными задачами, особенно же оборонительными боями. Не может быть и речи о том, чтобы совершить социалистическую революцию путем единого фронта с реформистскими организациями. Основная задача революционной партии состоит в том, чтобы освободить рабочий класс от влияния реформистов. Ошибка бюрократии Коминтерна не в том, что важнейшее условие победы пролетариата она видит в руководстве революционной партии, — это безусловно правильно, — а в том, что, будучи неспособна завоевать доверие рабочих масс в повседневной борьбе, начиная в качестве меньшинства, со скромных ролей, она требует доверия авансом, предъявляет пролетариату ультиматумы и взрывает попытки единого фронта на том основании, что другие организации несогласны добровольно вручить ей маршалский жезл. Это не марксистская политика, а бюрократический саботаж. Надежная и устойчивая победа пролетарской революции — повторим еще раз — возможна лишь при том условии, если революционная, т. е. действительно коммунистическая, партия успеет до переворота завоевать прочное доверие большинства рабочего класса. Этот центральный вопрос почти совершенно не нашел освещения в тезисах. Почему? Из "такта" по отношению к союзнику? Не только. Есть более глубокие причины. Недостаточная ясность тезисов в отношении единого фронта вытекает из незаконченного представления о методах пролетарской революции. Тезисы говорят о необходимости "вырвать контроль над экономической системой и государством у капиталистического класса и передать его рабочему классу". Как разрешить эту грандиозную задачу? На этот центральный вопрос нашей эпохи тезисы отвечают голой фразой: "Это может быть достигнуто только посредством единого действия рабочего класса". Борьба за власть и диктатура пролетариата остаются абстракциями, которые без труда растворяются в бесформенных перспективах единого фронта...

В области готовых революционных формул бюрократия британской компартии

вооружена неизмеримо лучше. В этом сейчас и состоит ее перевес над руководством НРП. И надо прямо сказать: этот поверхностный, чисто формальный перевес может в данных условиях привести к ликвидации НРП без какой бы то ни было выгоды для компартии и революции. Объективные условия уже не раз толкали в сторону британской секции Коминтерна десятки и даже сотни тысяч рабочих; но руководство Коминтерна оказывалось способным лишь разочаровать их и отбросить назад. Если бы сегодня вся Независимая рабочая партия в целом вступила в ряды компартии, уже в течение ближайших месяцев треть новых членов вернулась бы в Лейбор Парти, другая треть была бы исключена за "примиренчество по отношению к троцкизму" и другие подобные же преступления, наконец, последняя треть, разочарованная во всех своих ожиданиях, впала бы в полный индифферентизм. В результате эксперимента компартия оказалась бы более слабой и изолированной, чем сейчас.

Чтобы предохранить рабочее движение Англии от этой новой опасности, у НРП есть только один способ: освободиться от всякой неясности и недоговоренности в отношении путей и методов социалистической революции и стать действительно революционной партией пролетариата. В этой области незачем изобретать новое: все основное сказано, и хорошо сказано, первыми четырьмя конгрессами Коминтерна. Вместо того чтобы кормиться бюрократическими суррогатами эпигонов, нужно засадить всех членов НРП за изучение резолюций первых четырех конгрессов Коминтерна. Этого одного, однако, мало. Надо открыть в партии дискуссию по поводу уроков последнего десятилетия, ознаменованного борьбой между сталинской бюрократией и левой оппозицией. Содержанием этой борьбы явились важнейшие этапы мирового революционного движения: экономические и политические задачи СССР; проблема китайской революции; политика Англо-русского комитета; методы "третьего периода"; теория социал-фашизма и политика единого фронта; вопросы партийной демократии; причины германской катастрофы. Мимо этого грандиозного цикла проблем нельзя пройти. Это не русские вопросы, а интернациональные¹⁹⁴.

Революционная партия в нашу эпоху не может не быть интернациональной. Каково же на этот счет положение НРП? Вступив в союз с компартией, НРП не определила своей интернациональной позиции. Она порвала со Вторым Интернационалом и заключила соглашение с Третьим, но она входит также в "Трудовое объединение" левых социалистических партий. Это объединение, в свою очередь, не однородно. В нем есть элементы, тяготеющие к большевизму, но есть и элементы, тянущие к Норвежской рабочей партии, т. е., по существу, к социал-демократии. Какую позицию во всех этих вопросах занимает НРП? Собирается ли она разделить судьбу исторически уже осужденной бюрократии Коминтерна; хочет ли попытаться удержаться на промежуточной позиции (это значило бы окольными путями вернуться к реформизму) или же намерена принять участие в построении нового Интернационала на основах, заложенных Марксом и Лениным?

Для серьезного читателя ясно, что наша критика меньше всего внушена враждебными чувствами к НРП. Наоборот, мы слишком ясно понимаем, что, если бы эта партия бесславно сошла со сцены, делу социализма нанесен был бы новый жестокий удар. Между тем такая опасность существует, и она не за горами. В нашу эпоху нельзя долго задерживаться на промежуточных позициях. Спасти НРП для пролетарской революции может только полная политическая ясность. Задача этих строк – помочь революционной ясности проложить себе дорогу.

Л. Троцкий

28 августа 1933 г.

Резолюция пленума Интернациональной левой оппозиции (большевики-ленинцы)¹⁹⁵ по поводу конференции левых социалистических и оппозиционных коммунистических организаций в Париже 27–28 авг[уста] 1933 г. Проект

1. Самый факт конференции 14 партий, организаций и групп крайне разнородного характера и направления явился результатом глубочайшего кризиса социалистического и коммунистического движения, точнее сказать, плодом крушения не только Второго, но – в другой исторической плоскости и по другим причинам – и Третьего Интернационала.

2. Не может быть, разумеется, и речи о том, чтобы новый Интернационал строился организациями, исходящими из глубоко различных и даже

противоположных принципиальных основ. Левая оппозиция принимала участие в конференции под собственным знаменем с целью содействия принципиальному размежеванию с реформистами и центристами и сближению действительно однородных революционных организаций.

3. Единственно реальным, но зато исключительно важным результатом конференции является Декларация, подписанная четырьмя организациями (левая оппозиция, САП, две голландские партии: РСР и ОСР) и представляющая собой первый открытый шаг на пути построения нового Интернационала на принципиальных основах Маркса и Ленина.

4. Пленум отдает себе ясный отчет в том, что четыре названные организации различного политического происхождения не могут в течение нескольких дней достигнуть полного единства в основных принципах, тактических методах и организационных приемах. Во всяком случае, достигнутый результат дает достаточные основания рассчитывать на то, что дальнейшая работа этих организаций над программным манифестом и тактическими документами даст возможность не только обеспечить необходимое единомыслие, но и привлечь под знамя нового Интернационала ряд других революционных организаций и фракций.

5. Пленум считает необходимым немедленно приступить к выработке программных документов и к созданию делового секретариата, который мог бы уже в процессе редактирования манифеста и резолюций вступать в сношения с сочувствующими организациями, дабы их мнения, предложения и критика могли найти свое отражение в тексте программных документов.

6. Своему представителю в программной комиссии пленум поручает руководствоваться теми основными соображениями, которые изложены в Декларации большевиков-ленинцев, оглашенной на парижской конференции 27-28 августа 1933 г.

* * *

7. Что касается решений, вынесенных разношерстным большинством конференции и насквозь проникнутых печатью этой разношерстности, то пленум большевиков-ленинцев не считает возможным брать на себя за эти решения политическую ответственность¹⁹⁷. Поскольку вынесенные решения могут привести к тем или другим практическим действиям (например, в деле бойкота гитлеровской Германии), левая оппозиция готова, в соответствии с обстоятельствами, принять в таких действиях активное участие, отвечающее ее общим принципиальным позициям.

На почве практических действий левая оппозиция будет неизменно стремиться к тесному сближению с наиболее родственными ей партиями и организациями. Только при этом условии широкая и смелая политика единого фронта во имя актуальных политических задач будет питать работу по построению нового Коммунистического Интернационала.

* * *

Пленум призывает все секции интернациональной левой оппозиции отдать себе ясный отчет в исторической важности сделанного шага.

Неотложная задача сейчас: придать "Декларации 4-х" как можно более широкое распространение в коммунистических, социалистических, профсоюзных и особенно юношеских рядах. Через газеты, прокламации, афиши, в речах и беседах надо популяризовать и истолковывать смысл Декларации. Не щадя усилий, надо поднимать пролетарский авангард на создание нового Интернационала.

Декларация большевиков-ленинцев, оглашенная на конференции, заканчивается словами: "Наша революционная ответственность неизмеримо велика. Пусть же наша творческая работа поднимется на уровень этой ответственности!" Отдадим себе ясный отчет в том, что эти слова относятся прежде всего к самим большевикам-ленинцам!

Пленум Интернационального Секретариата]
31 августа 1933 г.

24-го утром "Болгария" должна была прийти в Marseille¹⁹⁹. По соглашению (и за специальную плату)²⁰⁰ с пароходным обществом и властями друзьям Л.Д. [Троцкого] разоешили до прихода п[аро]х[ода] в порт снять Л.Д. [Троцкого] и Н.И. [Седову] с парохода на моторной лодке в открытом море. Капитан парохода был обществом предупрежден по радио. Местом высадки был выбран друзьями Л.Д. [Троцкого] Касис в 15 (?) приблизительно километрах от Marseilles. Моторную лодку друзья хотели снять в Сиота - еще дальше, в 6-8 километрах - с тем, чтобы не обращать на себя внимание в Касисе и дать ложный след. В Сиота не удалось найти подходящей лодки. Таковую нашли в Касис (владелец Panchetti...) Друзья совершили небольшую поездку по морю с тем, чтобы испробовать качества лодки, ознакомиться с местом и пр. Лодку сняли с 6-ти часов утра следующего дня. Не только о цели путешествия, но и о направлении хозяину ничего не было сказано. Сняли лодку на полдня, дали аванс (от него хозяин настойчиво отказывался), предложили запастись резервом горючего. Друзья Л.Д. [Троцкого] в другом месте и в половине шестого утра на двух автомобилях были уже в Касисе. Автомобили были поставлены в укромное место вблизи места предполагаемой высадки. Хозяин пришел одновременно с нами, не было матроса, но побежали будить. Между тем, мотор не хотел работать. Крутил ручку хозяин (без особых усилий), изо всех сил крутили друзья. Мотор не работал. Друзья начали волноваться. Один побежал искать другую лодку, другой начал проверять с хозяином мотор [...] ²⁰¹ Удалось обнаружить, что не действует зажигание. Поведение хозяина стало еще более подозрительным (он давал совсем другие объяснения). Видно было, что он не хочет ехать. По пристани взволнованно ходила его жена. Матрос также явно умышленно (?) опаздывал...

Что случилось?

Вместе с 2-мя друзьями на лодке должен был ехать представитель Сюрте Женераль²⁰²; задачей его было визировать паспорта приезжих и сообщить Л.Д. [Троцкому] отмену постановления о высылке (1916 г.)²⁰³. Он заявил хозяину о своем служебном положении. Тогда - и то не сразу, хозяин еще повозился минут десять с мотором. Он хватил себя кулаком по голове и громко выругался: "Эх, я, идиот, я... забыл дома угли (!) от динамо-машины". Тут же все выяснилось. В эти же дни в Тулоне шел нашумевший процесс убийц собственника моторной лодки, нанятый на прогулку, он был убит и лодка продана. Panchelli, запуганный под впечатлением этого процесса, не спал всю ночь и решил не ехать. Станный характер клиентов: 2 молодых человека, без дам; необычный час поездки; распросы о том, может ли лодка уйти далеко в море, ее ход и др[угие] вопросы не "туристического" характера - все это еще более усилило подозрительность хозяина и матроса. Друзья были приняты за возможных убийц. В этом он открыто признался.

[Л.Л.Седов]

[Август 1933 г.]

По поводу Парижской конференции 27-28 августа

Конференция закончилась. Мы не располагаем еще ни протоколами, ни даже окончательным текстом резолюции. Тем не менее основные итоги уже можно подвести. Итоги эти вполне благоприятны для левой оппозиции. Это лучше всего проверяется сопоставлением того, чего мы ждали, с тем, что получили. В предварительных обсуждениях и в переписке мы все сходились на том, что, если нам удастся собрать под ясным и отчетливым документом в пользу нового Интернационала четыре или хотя бы три подписи, это будет огромный шаг вперед. Мы получили четыре подписи, на которые рассчитывали, под документом, который составляет единственный реальный результат конференции и который может и должен получить историческое значение.

Этого крупнейшего результата мы добились не благодаря каким-либо случайным комбинациям или искусным маневрам (в этой области у нас были, наоборот, кое-какие ошибки), а благодаря тому, что сделанный нами шаг исторически назрел полностью. Несмотря на десять лет мировой травли и клеветы против левой оппозиции; несмотря на то, что эта клевета оставила

следы даже в сознании противников сталинизма, в том числе в рядах социал-демократических рабочих; несмотря на все это, три организации, ведущие за собой несколько десятков тысяч рабочих, не нашли другого пути, как объединиться с нами на общем документе, предлагающем долгую и упорную борьбу. В стене, которая окружала левую оппозицию, пробита широкая брешь. Мы можем с уверенностью ждать, что новые и новые организации и фракции, толкаемые на революционный путь всей обстановкой, будут с каждым месяцем все больше убеждаться, что единственное знамя, под которым может спланиваться пролетарский авангард, - это знамя большевизма-ленинизма.

Декларация четырех названа выше единственным серьезным плодом парижской конференции. Что касается расплывчатых решений большинства, то они не имеют будущего. Это не трудно понять, если остановиться на составе конференции. Если делегаты четырех организаций, подписавших декларацию, составляли левое крыло, то крайний правый фланг составляли представители Норвежской рабочей партии, которая стремится к созданию скандинавского "Интернационала" путем союза со шведской и датской социал-демократией и потому опасается скомпрометировать себя соседством с коммунистами. Нужно быть безнадежно наивным человеком или, еще хуже, беспринципным комбинатором, чтобы надеяться на союз и сотрудничество с такого рода насквозь оппортунистической партией или с теми мелкими группами, которые к ней тяготеют, как французские пюписты, итальянские максималисты, каталонская федерация Маурина, польская группа д-ра Крука²⁰⁴ или совсем юмористическая партия Штейнберга²⁰⁵ (бывшего "наркома").

Урбанс представлял на конференции то небольшое, что осталось от Ленинбунда. Если Урбанс при всех своих добрых революционных намерениях что-нибудь доказал за последние годы, так это свою полную неспособность к коллективной работе, с одной стороны, и к систематическому мышлению, с другой. Уже одна его смехотворная теория "государственного капитализма", берущая за одни скобки СССР, Соединенные Штаты, Германию Гитлера и Италию Муссолини, исключает возможность совместной работы с ним по созданию нового Интернационала.

Особняком стоят шведская Независимая коммунистическая партия (Кильбом) и британская Независимая рабочая партия. Обе эти организации находятся на перепутье. Шведская партия представляет собой слишком солидную рабочую организацию, чтоб она могла следовать политике Брандлера-Тальгеймера, основанной полностью на лакейской надежде: авось, Мануильский помилует и призовет к власти. С другой стороны, партия Кильбома, по-видимому, еще сильно заражена правыми тенденциями и особенно недоверием к левой оппозиции. Мы спокойно будем выжидать дальнейшего развития этой организации. Нынешней своей промежуточной позиции она удержать не может. Она должна будет сделать выбор. Мы должны помочь ей сделать правильный выбор.

То же самое, хотя и в других условиях, относится к британской НРП. Если партия Кильбома колеблется между правой и левой коммунистической оппозицией, то НРП колеблется между Коминтерном и новым Интернационалом. Может быть, и не сразу, но бюрократы Коминтерна неизбежно толкнут НРП на путь нового Интернационала. Раньше или позже мы встретимся с этой партией, по крайней мере, с ее революционным ядром.

Совершенно очевидно, что решения, вынесенные столь разношерстным большинством, могут иметь лишь платонический, декоративный характер. Сейчас есть немало охотников "осудить" Второй Интернационал и кричать о его банкротстве, чтобы на практике вести политику оппортунизма. Немало есть охотников кричать о банкротстве Третьего Интернационала, чтобы на деле вести политику закулисного комбинаторства, которая по духу очень близка бюрократическому центризму. Передовым рабочим не только недостаточно голых осуждений II и III Интернационалов, им мало и голого признания необходимости нового Интернационала. Нужно ясно сказать, о каком Интернационале идет речь: о реставрации жалкого "Интернационала" номер два с половиной или об объединении международного пролетарского авангарда на основе революционной программы, действительно отвечающей задачам нашей эпохи. Вырабатывать такую программу в обществе Транмеля²⁰⁶, Луи Селье, Маурина [и] прочих или хотя бы поддерживать фикцию общей с ними интернациональной организации значит вместо необходимой спасительной ясности сеять хаос и идейную деморализацию.

Нельзя пройти мимо того, что два наших союзника (немецкая САП и голландская ОСП) входят не только в блок четырех, подписавших Декларацию, но

и в Комитет большинства (наряду с двумя представителями британской НРП и одним представителем норвежской партии). Мы, левая оппозиция, не можем ждать и не ждем от этого комитета ничего положительного. Мы считаем явным противоречием участие двух наших союзников (САП и ОСП) в Комитете. РСР (партия тов. Снивлита) в Комитет не входит и считает крупной политической ошибкой голосование представителя ОСП и САП за резолюцию большинства, которая способна только сеять иллюзию и сбивать с пути. Но было бы совершенно неправильным, если бы мы на этом основании отказались от искренней попытки сотрудничества с названными двумя союзниками. Их участие в блоке с нами есть завтрашний день. Их участие в "Комитете" есть вчерашний день.

Революционная непримиримость состоит не в том, чтобы требовать априорного признания нашего "руководства", предъявляя по каждому поводу союзникам ультиматумы и грозя разрывом, снятием подписей и проч. Такие приемы мы предоставляем, с одной стороны, сталинским бюрократам, с другой - некоторым нетерпеливым союзникам. Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что разногласия между нами и нашими союзниками возникнут еще не раз. Но мы надеемся, более того, мы уверены, что ход событий обнаружит на деле невозможность участвовать одновременно в принципиальном блоке четырех и беспринципном блоке большинства. Не прибегая ни к каким неуместным "ультиматумам", мы сохраняем, однако, за собой полное право не только выступать под собственным знаменем, но и открыто высказывать нашим союзникам наше мнение по поводу того, что мы считаем их ошибками. От союзников мы ждем такой же прямоты. Наш союз от этого только окрепнет.

* * *

На очереди стоит сейчас выработка программного документа. Манифест нового Интернационала должен дать общую картину современного капиталистического мира (как и Советского Союза), его экономики, политики и международных отношений. Все потрясения нашей эпохи (войны, кризисы, припадки фашистского варварства) должны быть объяснены как результат запоздания пролетарской революции. Ответственность за запоздание должна быть возложена на Второй и на Третий Интернационалы. Особая глава манифеста должна быть посвящена картине упадка обоих Интернационалов. Вывод: задачи пролетарской революции, как и задачи спасения СССР требуют создания нового Интернационала. Заключительные главы должны наметить программу борьбы нового Интернационала.

Выработка такого документа есть задача ближайших двух-трех месяцев. Достоинственно разрешить столь ответственную задачу можно только коллективным путем. Необходимо, чтобы все секции левой оппозиции, прежде всего в лице своих правлений, высказались, какие идеи, принципы, лозунги, требования они считали бы необходимым включить в манифест. Хотя дело идет о документе интернационального характера, но в нем должны найти выражение и наиболее важные национальные задачи. Крайне желательна присылка различных политических документов и вообще письменных и печатных материалов, которые могут помочь при выработке тех или других частей манифеста.

* * *

Секции левой оппозиции приложат, разумеется, все свои силы к тому, чтобы как можно шире распространить и популяризировать Декларацию четырех. Десятки тысяч, сотни тысяч революционных рабочих вздохнут с облегчением, узнав, что есть выход из политического тупика. Надо ковать железо, пока горячо!

Г. Гуров
1 сентября 1933 г.

[Письмо Н.И.Седовой] 207

3 сент[ября] 1933 [г.]

Милая, родная Наталочка, как мне мучительно хочется иметь твою старую

карточку, нашу общую карточку, когда мы были молоды, но особенно твою... Милая, родная Наталочка, ты в Париже - Раймон [Молинье] привез мне письмо твое, я очень спешно прочитал его, так как Р[аймон] уезжает через полчаса к поезду, - я спешу написать тебе несколько строк... День твоего отъезда был неблагоприятный, нездоровилось, сильно потел... Заходил в твою комнату, искал тебя, трогал твои вещи... принял немного adalin'у на ночь, - второй день был тоже не очень хорош... Сегодня гораздо лучше... У меня Штернберг, три дня подряд, большие разговоры, много лишней болтовни, но в общем полезно, мы начали совместно писать Манифест, он написал здесь 10 стр[аниц], которые я разошлю: это начало, а главное связывает САП, втягивает их в "4 Инт[ернационал]". Был у меня сегодня Куродо208 - часа два говорили о политике, час - о рыбной ловле и об охоте (он знаток дела!).

Жанна209 и Вера210 очень ухаживают за мной, чересчур, готовят изысканные обеды и пр[очее]. С Левои211 был пока мало (Штернберг, Куродо, диктовка!).

Милая Наталочка, то, что у меня отмирает память на лица (и раньше слабая) очень остро иногда тревожит меня. Молодость давно отошла... но я неожиданно заметил, что и воспоминание о ней отошло: живое воспоминание о лицах... твой образ, Наталочка, молодой, мелькает и исчезает, я не могу его фиксировать, остановить... Очевидно, большое влияние на нервную систему и на память оказали все же годы травли... А в то же время умственно я не чувствую себя уставшим или ослабевшим. Очевидно, мозг стал скупым, экономным, - и вытесняет прошлое, чтобы справиться с новыми задачами. Я часто в постели, прежде чем уснуть... уже совсем засыпая... делаю усилие припомнить твое лицо на лестнице rue Lalando, 4212 - где я тебя первый раз увидел - первый раз, Наталочка - мелькнет чистое свежее нежное лицо с пушком, со внутренней духовной жизнью под кожей... страстное и целомудренное лицо - мелькнет, как радостное пятно, и исчезнет... Милая, милая моя.

Надо кончать... еще только 5 минут остается. Не беспокойся обо мне. Мне лучше. Надеюсь, скоро доктор придет. Погода стоит хорошая. Питаюсь хорошо, довольно много фруктов.

Обнимаю твою голову, целую твои ручки, лечи их, Наталочка, лечи хорошо, не спеши, милая, родная.

Твой [Л.Д.Троцкий]

Посылаю не перечитывая

Еще раз о британской НРП

После короткого промежутка я снова возвращаюсь к политике Независимой рабочей партии. Повод для этого дает Заявление делегации НРП на парижской конференции: оно позволяет вынести ясное представление, как об общем направлении НРП, так и о той стадии, на которой она ныне находится.

Делегация считает необходимым созвать мировой конгресс "всех" революционных партий, начиная с тех, которые примыкают к Третьему Интернационалу. "Если Третий Интернационал окажется неспособен изменить свою тактику и организацию, наступит время заняться образованием нового Интернационала". В этой фразе выражена самая суть нынешней политики НРП. Сдвинувшись решительно влево, в сторону коммунизма, члены этой партии не хотят верить, что Коммунистический Интернационал, располагающий многочисленными кадрами, материальными и техническими средствами, погиб для революционного движения. Надо сделать, говорят они, еще одну проверку того, способен или неспособен Коминтерн изменить свою политику.

Такая постановка вопроса неправильна, даже наивна. Способность или неспособность партии определяется не на конгрессе, где на один-два дня съезжаются разные группы и организации, а в повседневной борьбе, особенно же в дни больших опасностей, ответственных решений и массовых действий. После победы Гитлера, за которую Коминтерн несет прямую ответственность, руководство Коминтерна не только не исправило своей политики, наоборот, усугубило ее гибельные методы. Эта историческая проверка весит в тысячу раз больше, чем все те заявления, которые представители Коминтерна могли бы сделать на каком бы то ни было конгрессе. Нельзя забывать, что конгрессы представляют собой элементы "парламентаризма" в самом рабочем движении.

Будучи неизбежен и необходим парламентаризм не может дать ничего принципиально нового, сверх того, что реально завоевано в массовой борьбе. Это относится не только к парламентаризму буржуазного государства, но и к "парламентским" учреждениям самого пролетариата. Надо ориентироваться по реальной деятельности рабочих организаций и не ждать никаких чудес от проектируемого мирового конгресса.

Левая оппозиция в течение десяти лет (1923-1933) действовала как фракция Коминтерна, надеясь своей систематической критикой и своим активным участием в жизни Коминтерна и его секций добиться оздоровления его политики и его режима. У левой оппозиции имеется, таким образом, грандиозный опыт интернационального характера. Не было ни единого большого исторического события, которое не вынуждало бы левую оппозицию противопоставлять свои лозунги и методы лозунгам и методам бюрократии Коминтерна. Борьба вокруг вопросов советского хозяйства и режима ВКП по поводу китайской революции, Англо-русского комитета и проч. и проч. долго оставалась сравнительно малоизвестной рабочим партиям Запада²¹³. Но две главы борьбы прошли на глазах передовых рабочих всего мира: они относятся к теории и практике "третьего периода" и стратегии Коминтерна в Германии.

Если левую оппозицию можно в чем-либо обвинить, то никак не в нетерпеливом разрыве с Коминтерном. Только после того как германская партия, собиравшая миллионы голосов, оказалась неспособной противопоставить Гитлеру хотя бы малейшее сопротивление, а Коминтерн отказался признать не только ложность своей политики, но и самый факт поражения пролетариата (на самом деле победа Гитлера есть величайшее поражение пролетариата в мировой истории!) и заменил анализ собственных ошибок и преступлений новой кампанией травли и клеветы против действительных марксистов, - только после этого мы сказали: этих людей ничто уже больше не спасет. Для мирового пролетариата германская катастрофа и роль в ней Коминтерна неизмеримо важнее, чем всякие организационные маневры, конгрессы, уклончивые заявления, дипломатические соглашения и проч. Исторический суд над Коминтерном произнесен. Апелляции на приговор нет.

Членам НРП, которая только недавно стала на революционный путь, история Коминтерна почти незнакома. К тому же ни одна организация не учится только по книжкам и архивам. НРП хочет самостоятельно проделать опыт, который уже проделан другими в гораздо более широком масштабе. Если дело ограничилось только потерей нескольких месяцев, с этим можно было бы примириться, несмотря на то, что каждый месяц в наше время стоит иных годов. Опасность, однако, в том, что, стремясь "проверить" Коминтерн путем сближения с ним, НРП сама может незаметно для себя стать на путь Коминтерна и - погубить себя.

Важнейшим вопросом пролетарской политики в Великобритании, как и в большинстве других старых капиталистических стран, остается вопрос о профессиональных союзах. Ошибки Коминтерна в этой области неисчислимы. Немудрено: неспособность партии установить правильные отношения с классом ярче всего обнаруживаются в области профессионального движения. Вот почему я считаю необходимым подробнее остановиться на этом вопросе.

Профессиональные союзы сложились в период роста и подъема капитализма. Они имели своей задачей повышение материального и культурного уровня пролетариата и расширение его политических прав. Эта работа, насчитывающая за собой в Англии более столетия, придала трэд-юнионам в среде пролетариата огромный авторитет. Упадок британского капитализма в условиях заката мировой капиталистической системы подорвал почву под реформистской работой трэд-юнионов. Капитализм может дальше держаться, только снижая уровень жизни рабочих. Профессиональные союзы должны в этих условиях либо превратиться в революционные организации, либо стать помощниками капитала в усиленной эксплуатации рабочих. Трэд-юнионистская бюрократия, которая благополучно разрешила свой собственный социальный вопрос, стала на второй путь. Весь накопленный авторитет трэд-юнионов она направила против социалистической революции и даже против всяких попыток рабочих сопротивляться наступлению капитала и реакции.

Важнейшей задачей революционной партии стало отныне: освободить рабочих от реакционного влияния трэд-юнионистской бюрократии. В этой решающей области Коминтерн обнаружил полную несостоятельность. В 1926-1927 годах, прежде всего в период стачки углекопов и генеральной стачки, следовательно,

во время худших измен Генерального совета трэд-юнионов, Коминтерн униженно заискивал перед высокопоставленными штрейкбрехерами, прикрывал их своим авторитетом перед массами и помог им удержаться в седле: так был нанесен смертельный удар "движению меньшинства". Испугавшись плодов своей работы, бюрократия Коминтерна ударилась в крайность ультрарадикализма. Гибельные сумасбродства "третьего периода" порождены были стремлением маленького коммунистического меньшинства действовать так, как если бы за ним стояло большинство. Изолируя себя все более от рабочего класса, компартия противопоставила трэд-юнионам, охватывающим миллионы рабочих, свои собственные профорганизации, очень покорные руководству Коминтерна, но отделенные пропастью от рабочего класса. Лучшей услуги трэд-юнионистской бюрократии нельзя было оказать! Если бы она располагала Орденом Подвязки, она должна была бы украсить им всех вождей Профинтерна и Коминтерна.

Трэд-юнионы выполняют сейчас, как сказано, не прогрессивную, а реакционную роль. Но они все еще охватывают миллионы рабочих. Не надо думать, что рабочие слепы и не видят изменения исторической роли трэд-юнионов. Но что делать? Революционный выход жестоко скомпрометирован в глазах левого крыла рабочих зигзагами и авантюрами официального коммунизма. Рабочие говорят себе: трэд-юнионы плохи, но без них станет, пожалуй, еще хуже. Это психология тупика. Тем временем трэд-юнионная бюрократия все смелее преследует революционных рабочих, все более нагло заменяет внутреннюю демократию самоуправством клик, превращая по существу трэд-юнионы в своего рода концентрационные лагеря для рабочих при падающем капитализме.

В этих условиях легко возникает мысль: нельзя ли перескочить через трэд-юнионы? Нельзя ли заменить их какими-либо свежими, неподкупными организациями вроде революционных профсоюзов, заводских комитетов, Советов и прочего? Приципиальная ошибка подобных попыток состоит в том, что большую политическую проблему: как освободить рабочие массы от влияния бюрократии трэд-юнионов – они подменяют организационными экспериментами. Недостаточно указать массам новый адрес. Надо найти массы там, где они находятся, и повести их за собой.

Нетерпеливые "левые" говорят иногда: завоевать трэд-юнионы все равно невозможно, ибо бюрократия полностью подчиняет внутренний режим организации интересам своего самосохранения, прибегая к низменным уловкам, насилиям и прямым мошенничествам в духе парламентской олигархии в эпоху гнилых местечек²¹⁴. К чему же тратить напрасно время и силы? Рассуждение это сводится в сущности к отказу от действительной борьбы за массы под предлогом порочного характера трэд-юнионной бюрократии. По этому пути можно пойти и дальше: не отказаться ли в самом деле вообще от революционной работы ввиду репрессий и провокаций со стороны государственной бюрократии? Приципиальной разницы здесь нет, ибо бюрократия трэд-юнионов окончательно стала частью капиталистического аппарата, хозяйственного и государственного. Нелепо думать, что против трэд-юнионистской бюрократии удастся работать с ее собственной помощью или хотя бы с ее согласия. Поскольку она защищается травлей, преследованиями, исключениями, прибегая нередко к помощи государственной власти, надо уметь работать в трэд-юнионах конспиративно, находя общий язык с массой, но не выдавая себя преждевременно бюрократии. Как раз в нынешнюю эпоху, когда реформистская бюрократия пролетариата сама превратилась в экономическую полицию капитала, революционная работа в профсоюзах, разумно и систематически поставленная, может дать решающие результаты в сравнительно короткий срок.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что революционной партии обеспечено полное овладение трэд-юнионами для целей социалистического переворота. Вопрос стоит не так просто. Аппарат трэд-юнионов завоевал себе огромную независимость от масс. Бюрократия имеет возможность удерживать свои позиции долгое время после того, как настроение масс повернется против нее. Но именно такое положение, когда масса уже враждебна трэд-юнионной бюрократии, а бюрократия имеет еще возможность фальсифицировать мнение организации и саботировать переборы, как нельзя более благоприятно для создания заводских комитетов, Советов и других организаций *ad hoc*²¹⁵, т. е. для неотложных потребностей данного момента. Даже в России, где профессиональные союзы и в отдаленной степени не имели могущественной традиции британских трэд-юнионов, Октябрьский переворот произошел при преобладании меньшевиков в правлении профсоюзов. Потеряв массы, эти правления были еще способны

саботировать перевыборы аппарата, но уже бессильны саботировать пролетарскую революцию.

Подготавливать уже сейчас мысль передовых рабочих к созданию заводских комитетов и Советов в момент острого перелома обстановки совершенно необходимо. Но было бы величайшей ошибкой практически "играть" с лозунгом заводских Советов, утешая себя "этой идеей" за отсутствием реальной работы и реального влияния в трэд-юнионах. Противопоставить существующим трэд-юнионам абстракцию Советов значит восстановить против себя не только бюрократию, но и массы и тем лишить себя возможности подготовить почву для созданию Советов.

Коминтерн приобрел на этот счет немалый опыт: создавая послушные, т. е. чисто коммунистические, профсоюзы, он враждебно противопоставил свои секции рабочим массам и обрек себя на полное бессилие: такова одна из важнейших причин крушения германской компартии. Правда, британская компартия, насколько я осведомлен, возражает против лозунга рабочих Советов при настоящих условиях. Внешним образом это похоже на реалистическую оценку обстановки. На самом деле британская секция Коминтерна отрицает лишь одну форму политического авантюризма в пользу другой, более истерической. Теория и практика социл-фашизма и отрицание политики единого фронта создают непреодолимые препятствия для работы в трэд-юнионах, ибо каждый трэд-юнион есть, по самому существу своему, арена длительного единого фронта революционных партий с реформистскими и с беспартийными массами. Поскольку британская компартия, даже после германской трагедии, оказалась неспособной переучиться и перевооружиться, постольку союз с ней может потянуть на дно и НРП, которая только недавно вступила в период революционной учебы.

Лжекоммунисты сошлются, конечно, на последний конгресс трэд-юнионов, который заявил, что не может быть общего фронта с коммунистами против фашизма. Было бы, однако, величайшим легкомыслием принимать эту мудрость за последний вердикт истории. Трэд-юнионные бюрократы могут позволять себе такие хвастливые формулы только потому, что им непосредственно не угрожает сейчас ни фашизм, ни коммунизм. Когда над головой трэд-юнионов окажется занесен молот фашизма, то при правильной политике революционной партии массы трэд-юнионов проявят неудержимое стремление к союзу с революционным крылом и увлекут за собой на этот путь даже известную часть аппарата. Наоборот, если бы коммунизм превратился в решающую силу, угрожая Генеральному Совету потерей мест, почестей и доходов, то господа Ситрин и К^о заключили бы блок с Мосли и К^о против коммунистов. Так, русские меньшевики и эсеры в августе 1917 года совместно с большевиками дали отпор генералу Корнилову. Через два месяца, в октябре, они уже боролись рука об руку с корниловцами против большевиков. А в первые месяцы 1917 года, когда господа реформисты были еще сильны, они декламировали точь-в-точь, как Ситрин и К^о, - о невозможности для них союза ни с правой, ни с левой диктатурой.

Революционная пролетарская партия должна быть спаяна ясным пониманием своих исторических задач: это предполагает научно обоснованную программу. В то же время революционная партия должна уметь создать правильные отношения с классом: это предполагает политику революционного реализма, одинаково далекую от оппортунистической расплывчатости и от сектантской замкнутости. Под углом зрения этих двух критериев, внутренне связанных между собой, НРП должна пересмотреть свои отношения к Коминтерну, как и ко всем другим течениям и организациям рабочего класса. Дело идет прежде всего о судьбе самой НРП.

Л. Троцкий

4 сентября 1933 г.

[Письмо Н.И.Седовой]

6 сент[ября] 1933 [г.]

Милая моя Наталочка, второго письма нет от тебя, я жду, что скажут доктора... Наш доктор приехал сюда вчера, - сегодня он меня исследовал впервые, занялся всякими анализами и пр[очее]. Он очень, очень внимателен и, по-видимому, серьезный врач, знает свое дело, - а главное очень-очень хочет сделать все, что можно, крайне добросовестно организует дело всяких

анализов, все мои рассказы (о болезнях) стенографирует для себя. Мне приятно, что свой человек, преданный, бескорыстный... Он поселился в пансионе возле нас и собирается оставаться столько времени, сколько понадобится для наблюдения. Уже в Париже, по дороге сюда, он подготовил себе лабораторию для исследований... Таким образом, Наталочка, с этой стороны ты совершенно не должна беспокоиться: лучших условий вообще не может быть - хороший и преданный врач, который занят только мною. Это значит, что ты должна теперь в своих планах руководствоваться исключительно соображениями о твоём собственном здоровье, отнюдь не спешить приехать сюда. Самое лучшее было бы, если бы ты из Парижа переехала прямо на новую квартиру²¹⁶. Во всяком случае необходимо, чтоб ты оставила за собой последнее слово в отношении квартиры, то есть ты должна до подписания договора с хозяином одобрить выбор. Переедем мы прекрасно без тебя. Мне трудновато писать, так к[ак] у меня пальцы исколоты (для анализа крови)... (Сердце и легкие в хорошем состоянии!)

Я ограничиваюсь сегодня немногими строками. Поэтому все очень хорошо. Жанна и Вера очень внимательны. У Левы все хорошо. Саре²¹⁷ лучше.

Твой Л[ев] Очень крепко целую твои руки, пусть они поправляются и будь здорова, не спеши.

[Л.Д.Троцкий]

Успех или неудача?

1. Достижения и затруднения советского хозяйства

Дала ли хозяйственная работа советского правительства успех или, наоборот, привела к неудаче? За этим вопросом скрывается другой: действительны ли вообще экономические методы советского государства? Читатель ждет обычно односложного ответа: да или нет. Мы отказываемся дать такой ответ. Построение нового общества не есть разрешение изолированной статистической или технической задачи. Дало идет о плановом приспособлении всех отраслей хозяйства друг к другу и всех их вместе - к человеческим потребностям. Согласовывать приходится не статические, а динамические величины. Для такого рода задачи ни одна книжка, ни один человеческий мозг - ни даже "трест мозгов" - не заключает в себе готовых формул. Одной лишь творческой фантазии, хотя бы и вооруженной техническими расчетами специалистов, здесь недостаточно. Дело идет о жизни общества в целом, о самых глубоких его функциях, о самых элементарных его потребностях. Достигнуть государственной гармонии - хотя бы и на началах коллективной собственности и планового руководства, охватывающего все стороны хозяйства, - можно только в результате неопределенно долгого периода усилий, опыта, ошибок, кризисов, реформ и перестроек.

Как распределить живую рабочую силу нации между разными отраслями хозяйства? Какую единицу измерения принять для человеческих потребностей? Какую часть народного дохода предназначить на потребление и какую выделить для расширения производства? Как распределить потребительный фонд между городом и деревней; между разными категориями промышленного труда и администрации? Эти основные вопросы едва намекают на гигантские трудности системы планирования, которая в своем идеальном достижении должна представлять конвейер, охватывающий все производительные функции общества в бесконечной сложности их внутренних взаимоотношений.

Обозревая задачи планирования, нельзя оставлять в стороне вопрос, который имеет, в последнем счете, решающее значение: мировое распределение труда. Поскольку планирование есть дело рук правительственных органов, оно по необходимости ограничивается, по крайней мере на данной стадии, государственными границами. Между тем производительные силы человечества давно переросли национальные рамки. В пределах одного государства нельзя планировать экспорт и импорт. Повышение хозяйственного уровня СССР не ослабляет, а, наоборот, усиливает его связь с мировым рынком. Здесь система планирования упирается в альтернативу: автаркия²¹⁸ или расширение радиуса планирования на другие государства, на всю нашу планету. Идея автаркии во всех своих разновидностях, в том числе и идея замкнутого социализма в отдельной стране, является реакционной утопией. Человечество не откажется от

мирового разделения труда. Остается расширение планирования за пределы национальных границ путем соглашения национальных планов. Проблема исключительной трудности и длительности.

Было бы в корне ошибочно понимать наши слова как скептицизм в отношении планового начала. Нет, мы видим в нем единственный творческий принцип нашей эпохи. Но мы решительно отвергаем дилетантски-спортивное отношение к вопросу о построении социалистического хозяйства. В короткий, намеченный по произволу срок этой задачи разрешить нельзя: тут требуется работа поколений. Если в такой оценке и есть элемент скептицизма, то он направлен не против возможностей и способностей человечества, а против неумеренных претензий бюрократии.

Сказанным определяется до некоторой степени наше отношение к результатам первого пятилетнего плана и к перспективам второго. Трудно сказать, кто более насилует действительность: те ли, которые трубят о безукоризненном выполнении первой пятилетки, или те, которые кричат о ее полном провале. По самой сути дела не могло быть и речи о том, чтобы первая, еще крайне примитивная, гипотеза планового хозяйства на 5 лет вперед, — уравнение с огромным количеством неизвестных, — оказалась "выполнена" в буквальном смысле слова. Действительный процесс выполнения навсегда останется тайной как вследствие полной переделки плана в процессе его выполнения, так и вследствие отсутствия устойчивой денежной единицы для ценностного измерения достигнутых результатов. Отчасти под действием недоброжелательной критики противников, отчасти под влиянием внутренних политических потребностей, советские власти сделали для себя вопрос [ом] престижа утверждать, будто план выполнен почти на сто процентов. Но почему же, возражают злорадно — и к сожалению, не без основания — многочисленные противники, уровень жизни масс столь далеко отстоит от норм, намеченных планом? Откуда острые продовольственные и иные затруднения?

Если подходить к результатам первой пятилетки с точки зрения промышленно-технических достижений: новых заводов, энергетических станций и проч., то материальные результаты, даже независимо от статистических показателей, способны поразить воображение. В сущности, человечество впервые увидело, какие гигантские возможности таит в себе современная техника, даже по отношению к крайне отсталой стране, при условии централизованного и планового применения рабочей силы. Если, однако, подойти к делу с точки зрения повседневных потребностей населения, то не трудно прийти к пессимистическим выводам. Этот контраст свидетельствует о глубоких внутренних диспропорциях хозяйства, отчасти унаследованных от прошлого, отчасти явившихся результатом неправильного распределения сил и средств. Нельзя забывать ни на минуту, что плановое руководство является обоюдоострым оружием: оно может преодолевать диспропорции хозяйства, но способно и накапливать их. Сосредоточив в своих руках все рычаги хозяйственного управления, государство может достигать на одном полюсе головокружительных результатов, оставляя на другом полюсе без удовлетворения самые насущные нужды. Это не довод против планового начала. Но это довод в пользу критического отношения к плановому началу.

Степень успешности первой пятилетки определяется, в частности, тем, в какой мере она подготовила условия для нового плана. На этот счет было посеяно особенно много иллюзий. Вторая пятилетка была первоначально рассчитана на совершенно фантастические темпы (30-40%) ежегодного прироста национального дохода! Автор этих строк, начиная с 1929 года, предупреждал в печати, что преувеличенные ритмы первой пятилетки должны неизбежно накопить диспропорции, за которые придется расплачиваться резким снижением роста во второй пятилетке. В 1932 году мы предлагали отодвинуть приступ ко второй пятилетке, посвятив 1932 год генеральному ремонту советского хозяйства, т. е. заполнению пробелов, смягчению диспропорций, преодолению противоречий. Предложение формально не было принято Москвой. Но фактически второй пятилетний план не применяется, — вряд ли он существует сегодня даже на бумаге! Ритмы хозяйственного роста чрезвычайно снижены. Понадобятся серьезные реформы в советском хозяйстве и в самих методах планирования, чтобы сделать возможным дальнейший устойчивый рост при высоких коэффициентах. Только очень поверхностные или заведомо пристрастные критики могут в этих приливах и отливах хозяйственного процесса, как и в ошибочных расчетах советской бюрократии, открывать "банкротство" планового хозяйства.

Нельзя формирование нового общественного режима оценивать, как спортивный рекорд!

2. Политика СССР и Соединенные Штаты Америки

Самая реалистическая оценка результатов пятилетки и всего вообще советского хозяйства может быть выражена, по нашему мнению, в такой фразе: уже один тот факт, что первый опыт государственного планирования в отсталой и изолированной стране не закончился крушением, а открыл новые возможности, представляет собой несомненную историческую победу. Принципиальное значение победы будет тем неоспоримее, чем меньше мы будем преувеличивать размеры конкретных хозяйственных достижений.

Прежде всего надо помнить, что Советскому Союзу, наследнику нищеты и варварства, пришлось при помощи плановых методов бороться за тот материальный уровень, который в передовых капиталистических странах был превзойден уже в условиях свободной конкуренции. И сегодня еще Советские по размерам национального дохода на душу населения чрезвычайно отстают от передовых стран, особенно от Соединенных Штатов. Нет надобности пояснять, в какой мере экономическая и культурная отсталость затрудняет и замедляет применение планового начала.

Наибольшие трудности оказались, разумеется, в области сельского хозяйства. Здесь же совершены и наибольшие ошибки. Раздробленность и примитивность крестьянского производства открывали широкий простор для административных опытов и увлечений. Эпоха их далеко еще не закончилась и сегодня. Процент коллективизированных крестьянских хозяйств превосходит первоначальную плановую цифру (20%) по крайней мере в три раза; но о повышении крайне низкой производительности сельскохозяйственного труда, несмотря на далеко продвинувшуюся механизацию, пока еще говорить не приходится. Не разрешенной остается и задача распределения дохода, которая имеет решающее значение для производства вообще, для сельского хозяйства в особенности: именно способ распределения готовых продуктов должен давать стимул к повышению производительности труда. Коллективизация в целом не вышла еще из стадии первых опытов. Приходится пожалеть, что для этих опытов сразу взяты были слишком широкие масштабы.

По общему правилу можно, следовательно, сказать, что успехи планирования наиболее очевидны в тех областях, где решающую роль играет централизованная государственная инициатива при активной поддержке наиболее передовых частей рабочего класса. Наименьшие экономические эффекты пятилетка дала пока в тех областях, которые требуют участия больших человеческих масс, особенно крестьянских, и предполагают систематическое повышение их культурного и технического уровня. Противоречие между городом и деревней есть самая тяжкая часть наследия царизма, который сочетал в своей экономике кочевое варварство с новейшей техникой. Рост советской промышленности подготовил первые предпосылки для реорганизации замедления и оздоровления взаимоотношений города и деревни в будущем. Но самые успехи промышленности были приобретены ценой обострения взаимоотношений между городом и деревней в настоящем. Здесь приходится расплачиваться не только за историческое прошлое, но и за свежие грехи советской бюрократии, которая слишком торопливо замещает культурно-экономические факторы чисто административными.

По этой линии разворачиваются в течение последних лет глубокие разногласия между так называемой "оппозицией", к которой принадлежит автор этих строк, и правящей ныне фракцией. Новый общественный строй не может быть, по нашему несокрушимому убеждению, создан по готовым чертежам бюрократии. План есть только рабочая гипотеза. Выполнение плана означает неизбежно его радикальную переделку теми массами, жизненные интересы которых находят свое выражение в плане. Бесконтрольная бюрократия будет неизбежно накапливать противоречия и диспропорции. Только организованное трудящееся население, активно участвующее в выработке и проведении плана, способно своевременно сигнализировать об его недостатках и достигать их исправления. Плановое начало без действительной активной и гибкой советской демократии в городе и деревне таит в себе величайшие опасности административного авантюризма. Острые продовольственные и иные затруднения должны быть признаны непосредственным результатом происшедшей за последние годы бюрократизации советского режима. Но эта большая тема, в которой экономика

связывается тесным узлом с политикой, не входит непосредственно в рамки нашей статьи.

Ждать уже в ближайшие месяцы и годы осуществления экономической гармонии на территории бывшей царской России было бы наивнейшей утопией. Утверждать, что в СССР уже "осуществлен социализм" значит издеваться над фактами и идеями. Главная работа еще впереди. Противоречия и кризисы еще неизбежны. Чтобы не впасть в малодушие и уныние, нужно успехи и неудачи планового строительства рассматривать в большой исторической перспективе, измеряющейся не годами, а рядом десятилетий.

Либеральный капитализм в эпоху своего подъема и расцвета разрешил проблему хозяйственных пропорций посредством свободной игры спроса и предложения и периодических колебаний конъюнктуры. Современный, монополистский капитализм при всем могуществе своих технических средств беспомощно уперся в проблему пропорций, которая стоит перед ним как проблема "сбыта". Национализация средств производства и обращения создала в СССР предпосылки для планового разрешения проблемы пропорций. Автоматическая игра спроса и предложения заменяется учетом, статистическим предвидением, административным руководством. Материальные и психологические трудности не исчезли при этом, а оказались переведены на язык планового руководства. Если капитализм складывался и рос в течение столетий, то новое плановое хозяйство требует по крайней мере нескольких десятилетий, чтобы выработать и проверить свои основные методы и воспитать необходимые кадры руководителей и исполнителей. Задача вполне разрешима - не нужно только объявлять ее уже разрешенной.

Она тем менее может считаться разрешенной, что, несмотря на национализацию средств производства и монополию внешней торговли, Советский Союз отнюдь не отделен от остального мира непроницаемой стеной. Ход его экономического строительства в огромной степени зависит от того, что станет в течение ближайших десятилетий с хозяйством Европы и всего мира, которое бьется ныне в конвульсиях ужасающего кризиса. Здесь мы подходим вплотную к вопросу о возможных экономических взаимоотношениях Советского Союза и Соединенных Штатов С[еверной] Америки.

При коренном различии социальных систем американское хозяйство имеет с советским хозяйством две общие черты: грандиозность масштабов и концентрированный характер средств производства, по крайней мере в промышленности. При смелости и проницательности с обеих сторон экономическое сотрудничество может получить на этих основах небывалый в истории размах.

Новые хозяйственные методы, применяемые сейчас в Соед[иненных] Штатах, основаны на государственном планировании при сохранении частной собственности на средства производства²¹⁹. Входить в оценку этих методов здесь не место. Проверка будет дана опытом. Ясно, однако, что даже при самых благоприятных результатах опыта внутреннее планирование должно упереться в вопросы внешней торговли. Поддается ли она контролю разума? Лондонская конференция²²⁰ дала на этот счет красноречивый ответ. Отказаться от развития экспорта означало бы для Соед[иненных] Штатов отказаться от развития вообще. Между тем на карте мировой торговли есть сектор, который допускает планирование уже сейчас. Это торговля с СССР. С карандашом в руках можно наметить схему взаимоотношений между двумя гигантскими государствами, гипотетический план обмена, развертывающегося по системе спирали.

При всех недочетах и противоречиях советское хозяйство позволяет гораздо лучше заглядывать вперед, чем, скажем, насквозь больное хозяйство Германии. У американского правительства, которое силою вещей стало сейчас неизмеримо ближе к вопросам хозяйства, чем стояло какое-либо правительство заокеанской республики, имеются, при условии установления нормальных дипломатических отношений, достаточные возможности для правильного и систематического ознакомления со всеми процессами советского хозяйства, а следовательно, и для определения "коэффициентов риска", заложенных в американско-советских экономических отношениях. Если на нашей потрясенной неурядицами планете, в атмосфере новых военных опасностей и кровавых потрясений, остается еще хозяйственный опыт, который заслуживает того, чтоб его проделать до конца, так этот опыт советско-американского сотрудничества.

Л. Троцкий

7 сентября 1933 г.

[Письмо М.Либеру]221

New York

7 сент[ября] 1933 [г.]

Либеру

1. Чек на 1070 фр[анков] получен.

2. Посылаю вам книгу Николаевского²²² "Азеф" на немецком языке. Автор - серьезный исследователь революционного движения. Его книга основана на крайне добросовестном изучении архивов и материалов. В то же время она представляет собою своего рода уголовный роман. Я думаю, что книга может найти в Америке значительный сбыт. Может быть, вам удастся найти для нее издателя? Книга во всех отношениях заслуживает этого. Я готов со своей стороны оказать будущему издателю содействие в деле "рекламирования" книги. У меня есть также русский экземпляр книги, который я немедленно вышлю вам, если дело устроится и если перевод будет сделан с русского оригинала.

3. По поводу книги о Ленине²²³ вам вкратце уже написано. Предлагаемые Ф.В.²²⁴ условия значительно хуже условий, предлагаемых английским издателем, который хочет иметь также американские права. Я согласился бы отделить американские права от английских лишь при значительном улучшении предложенных вами условий. Именно: а) аванс должен быть повышен минимум до

5.000 долларов, б) ввиду полной неизвестности относительно судьбы доллара вся сумма должна быть выплачена одновременно при заключении договора или же, в случае рассрочки, автор должен быть застрахован от дальнейшего падения доллара, в) рассрочка мыслима в таком виде: при заключении договора и не позже 1 января издательство уплачивает 2500 долларов, первого июля 1934 г. издательство уплачивает 2500 дол[ларов].

4. Я начинаю сдавать рукопись переводчику по частям с 1 июля 1934 г. и заканчиваю сдачу 1 января 1935 г.

5. В качестве компенсации издателю (на случай смерти и проч.) я могу заранее предоставить все авторские права на будущие издания моей автобиографии и "Истории русской революции" в Америке.

6. Общий размер книги не менее 400 страниц и не более моей автобиографии.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

8 сент[ября] 1933 [г.]

Милая Наталочка, от тебя - после первого письма - ничего нет. Беспокоит меня, не пропало ли твое письмо (некоторые письма приходят со странными запозданиями). Возможно, конечно, что ты так "забегалась" - без квартиры? - что и написать не могла. У меня все довольно благополучно. Доктор делает мне по утрам уколы мышьяка со стрихнином: нашел, что у меня только 4.100 красн[ых] кров[яных] шариков вместо 5.000 (на опред[еленную] единицу объема - забыл какую). В отношении малярии и гриппа он исходит приблизительно из отрицания обоих и пытается доискаться, в чем дело. Подагру он также "отрицает": редкая болезнь, преимущественно английская; но здесь вопрос терминологии, - немцы, как и французы, не злоупотребляют именем подагры для разных, хотя и родственных процессов. Доктор разрешил мне персики и груши, сам принес хороших фруктов, принес Nijol (вместо Lactobil²²⁵), Nijol, по-видимому, действительно лучше... Темп[ература] около 37°, потю, но меньше, - чай днем перестал пить, чтобы не потеть. Сплю неплохо, диктую, с собаками провожу час-полтора, в четыре приема. Американск[ий] агент пишет, что статьи идут хорошо, требует продолжения. Я вчера послал две небольшие статьи. От анг[лийского] изд[ателя] ответа еще нет: возможно, что опять задержалось письмо, как в прошлый раз. Есть письмо от Фишера: ничего нового, ждет, боится.

Говорят, что 15 сент[ября] кончается лето. Куродо приезжал сюда и приглашал на охоту - он знаток дела. Но у меня охота к охоте как-то пропала: думаю, временно. Просто обильное потение смыло с меня всякие грешные страсти.

Из Лиги слухи не очень хороши; но дело не только в интригах: правление совершенно игнорирует организацию, аристократически-дворянский душок

(Навилль-Раймон). Придется им, по-видимому, на этот раз пострадать... Получил очень милое письмо от Анри [Молинье], но еще не ответил ему. Если увидишь его, передай ему мой горячий привет. Очень дельное письмо от Вана (о состоянии Лиги). Прерываю: надо мерить температуру. Может быть, сегодня и не удастся больше написать. Будь здорова, родненькая, пиши о себе, хоть немножко, но почаще. Очень хочется узнать о лечении.

Твой

Л. [Троцкий]

Еще раз о Парижской конференции

(Шаг вперед или шаг вправо)

Когда движение переходит на новую, более высокую стадию, всегда находятся элементы, которые отстаивают вчерашний день. Более широкая перспектива пугает их. Они не видят ничего, кроме трудностей и опасностей.

Товарищи, присутствовавшие на одном из собраний большевиков-ленинцев, передают мне такую примерно критику одного из участников: "На парижской конференции мы не сделали никаких завоеваний; дело свелось к переговорам и соглашениям между верхами; такая политика не может иметь революционного значения; совместный документ, подписанный "верхушками" четырех организаций, означает в сущности уклон в сторону социал-демократии..." Так как эта критика - правда в очень преувеличенной форме - лишь передает сомнения и тревогу известной части товарищей (по всем данным, небольшого меньшинства), то надо остановиться на приведенных выше доводах серьезно.

"Переговоры велись только между верхушками". Что означает этот аргумент? Конференции и съезды всегда состоят только из верхушек, т. е. из представителей. Свести в одно место всех членов левой оппозиции, САП, РСР, ОСП задача невыполнимая. Как можно достигать соглашения между организациями без переговоров между представителями, т. е. "верхами"? В этом пункте критика явно лишена какого бы то ни было смысла.

Или, может быть, автор критики хотел сказать, что представители организаций, подписавших общую декларацию, не выражали мнения низов? Разберем и этот довод. В отношении САП всем известно, что рядовые члены партии давно стремятся не только к сближению, но даже к полному слиянию с нами, тогда как верхи уклонялись до последнего времени и тормозили, боясь оторваться от возможных союзников справа. Что же означает в таком случае тот факт, что верхи увидели себя вынужденными подписать совместно с нами в высшей степени ответственный документ? Ответ ясен: давление низов влево, т. е. в нашу сторону, стало так сильно, что вождям САП пришлось повернуться лицом в нашу сторону. Кто умеет правильно толковать политические факты и симптомы, тот скажет: это огромная победа. Вывод этот сохраняет всю свою силу независимо от того, насколько умело и искусно велись переговоры между верхами. Не переговоры решили дело, а вся предшествующая работа левой оппозиции.

С ОСП (Голландия) дело обстоит приблизительно таким же образом. Эта организация совершенно не была связана с нами. Года два тому назад она находилась в блоке с Зейдевицем и Розенфельдом. Сегодня она сблизилась с ними. Ясно, что вожди этой организации никогда бы не пошли на такой шаг, если бы не было решительной тяги низов влево.

Несколько иначе обстоит дело с РСР (Снивлит). Здесь дружественные отношения существуют уже довольно давно. Многие товарищи знают, какую активную поддержку оказывали левой оппозиции Снивлит и его друзья во время копенгагенского совещания и особенно во время амстердамского конгресса против войны. Организационно оформить политическую близость мешал вопрос о Коминтерне 226. Когда мы высказались за новый Интернационал, разделявшая нас перегородка пала. Разве не очевидно, что наша ориентация сразу же дала в этом случае конкретный и ценный результат?

Месяца три тому назад (15 июня) мы писали гипотетически о том, что в среде левосоциалистических группировок мы могли бы, вероятно, при более широкой и решительной политике найти немало союзников. Месяц-полтора тому

назад мы высказывали предположение, что разрыв с Коминтерном должен будет чрезвычайно облегчить приток в нашу сторону революционных группировок социал-демократического происхождения. Неужели же не ясно, что парижская конференция подтвердила оба эти предположения, притом в таких размерах, каких мы два-три месяца тому назад сами не ожидали? Жаловаться в этих условиях на то, что все свелось будто бы к переговорам "верхов", и утверждать, что новый союз не имеет революционного значения, значит обнаруживать полное непонимание основных процессов, происходящих ныне в пролетарском авангарде.

Но особенно странно (говоря мягко) звучит довод о том, что мы делаем поворот в сторону... примирения с социал-демократией! Так клеветают на нас сталинцы, притом не первый день. Какие основания переносить эти "доводы" внутрь нашей собственной организации? Присмотримся, однако, ближе к делу. Парижская конференция была созвана не нами. За ее состав и порядок дня мы не несем ни малейшей ответственности. Мы явились на эту конференцию, чтобы изложить там нашу точку зрения. Может быть, наша Декларация заключала какие-нибудь уступки социал-демократии? Пусть кто-нибудь решится это сказать! Декларация, подписанная четырьмя организациями, не содержит в себе, разумеется, нашей программы. Но она ясно намечает путь Четвертого Интернационала на основе непримиримой борьбы с социал-демократией, полного разрыва с бюрократическим центризмом и решительного осуждения всяких попыток в духе Интернационала номер два с половиной. Где же тут уступка социал-демократии?

Декларация четырех не дает, и по обстоятельствам дела не могла дать, ответа на все вопросы программы и стратегии. Строить новый Интернационал на основе одной только этой Декларации, разумеется, невозможно. Но мы и не собираемся это делать. В самой Декларации ясно сказано, что подписавшиеся под ней организации обязуются в короткий срок выработать программный манифест, который должен будет стать основным документом нового Интернационала. К этой работе должны быть привлечены все наши секции, все три основные союзные организации, как и все сочувствующие группы и элементы. Собираемся ли мы в этом Манифесте делать уступки социал-демократии? Декларация большевиков-ленинцев, оглашенная на конференции, ясно говорит, на каких основах мы думаем строить Манифест: решения четырех конгрессов Коминтерна, "21 условие"²²⁷, "11 пунктов" левой оппозиции. Будут ли у нас на этой почве серьезные разногласия с союзниками, покажет будущее. Если разногласия обнаружатся, мы серьезно поборемся за свои взгляды. В принципиальных вопросах мы до сих пор не обнаруживали излишней уступчивости. Где же основание для разговоров о повороте в сторону социал-демократии?

Те же критики прибавляют еще и следующий аргумент: новый Интернационал можно строить только на волне революционного движения; ныне же, в атмосфере упадка, всякие попытки в этом направлении заранее обречены на крушение. Этот глубокомысленный исторический довод целиком заимствован у бесплодного схоласта Суварина (который, - увы! - насколько знаю, успел тем временем описать дугу в 180 градусов). Необходимость разрыва со Вторым Интернационалом и необходимость подготовки Третьего была провозглашена большевиками осенью 1914 года, т. е. в обстановке ужасающего распада социалистических партий. И тогда было не мало мудрецов, говоривших об "утопичности" (словом "бюрократизм" тогда еще не злоупотребляли) лозунга Третьего Интернационала. Каутский пошел даьше в своем знаменитом афоризме: "Интернационал есть орудие мира, а не войны". По существу дела, ту же мысль высказывают и цитированные выше критики: "Интернационал есть орудие подъема, а не упадка". Интернационал нужен пролетариату всегда и при всяких условиях. Если Интернационала сегодня нет, об этом надо сказать громко и немедленно же приступить к подготовке нового Интернационала. Как скоро удастся его поставить на ноги, зависит, конечно, от всего хода классовой борьбы, от упадка или подъема рабочего движения и проч. Но и во время самого тяжелого упадка надо готовиться к будущему подъему, давая собственным кадрам правильную ориентацию. Фаталистические жалобы на объективный упадок чаще всего отражают собственный субъективный упадок.

Возьмем для сравнения конференции в Циммервальде и Кинтале. Они вошли в историю, как необходимые ступени между Вторым Интернационалом и Третьим. Что представляли из себя эти конференции на деле? Они состояли по необходимости только из "верхов" (всякая конференция состоит из верхов). По количеству

непосредственно представленных рабочих они были слабее парижской конференции. Большинство в Циммервальде и Кинтале составляли правоцентристские элементы (Ледебур²²⁸, не решавшийся еще голосовать против военного бюджета, Гофман²²⁹, Бурдерон²³⁰, Мергейм, Гримм²³¹, Аксельрод, Мартов и проч.). Ленин считал возможным подписать манифест всей конференции, несмотря на всю неопределенность этого документа²³².

Что касается циммервальдской левой, то она была чрезвычайно слаба. После разгрома думской фракции большевиков и местных организаций большевистская партия во время войны не была сильнее нынешней левой оппозиции. Остальные левые группы были несравненно слабее трех наших нынешних союзников. Общее положение рабочего движения в условиях войны казалось совершенно безнадежным. Тем не менее большевики, как и группа "Нашего слова"²³³, с самого начала войны взяли курс на Третий Интернационал. Без этого курса невозможна была бы Октябрьская революция.

Повторяем: Ленин считал возможным в тогдашних условиях подписать вместе с Ледебуром, Бурдероном, Гриммом и Мартовым манифест против войны. Большевики-ленинцы не подписали сейчас резолюции большинства парижской конференции и не возьмут на себя, разумеется, никакой ответственности за это большинство. Уж не была ли политика Ленина в Циммервальде и Кинтале... поворотом в сторону социал-патриотизма? Можно возразить, что ныне, в условиях мира, нужен еще более строгий отбор, чем во время войны. Правильно! Ледебур и Бурдерон рисковали, подписывая манифест Циммервальда, а Транмель и К° занимаются своими маневрами (правую руку - скандинавской социал-демократии, мизинец левой руки - парижской конференции) без малейшего риска. Именно поэтому мы и отказались подписывать бессодержательную резолюцию парижского большинства. Где уж тут уступки социал-демократии?

Однако два наших союзника - возразит нам критик - подписали резолюцию большинства, показав тем, что они еще не сделали окончательного выбора. Совершенно верно! Но мы и не берем на себя ответственности за наших союзников, как и они не берут на себя ответственности за нас. Условия нашего соглашения формулированы точно и доступны ныне всем. В какую сторону сделают свой окончательный выбор наши союзники, покажет будущее. Мы хотим помочь им сделать правильный выбор. Одно из важнейших правил революционной стратегии гласит: следи за союзником так же, как и за противником. Такое же право мы даем, конечно, и союзникам по отношению к нам. Взаимная критика на началах полного равноправия. В этом нет и следа какой-либо закулисной дипломатии верхов; все делается и будет делаться на глазах масс, под их контролем, в целях воспитания масс и в целях воспитания верхов посредством контроля масс. Других путей и методов революционной политики вообще не существует.

* * *

Есть и другие правила революционной политики, о которых не мешает напомнить: не пугайся зря и не пугай без основания других; не выдумывай ложных обвинений; не ищи капитуляции там, где ее нет; не тащи организацию назад, когда она готовится двинуться вперед; не заменяй марксистское обсуждение беспринципной склокой. Долгий опыт показывает, что как раз в такие моменты, когда организация готовится из тесного закоулка выйти на более широкую арену, всегда находятся элементы, которые приросли к своему закоулку, знают всех соседей и соседок, привыкли передавать все закоулочные новости и слухи и заниматься страшно важными делами "низвержения министерств" в своем собственном закоулке. Эти консервативные и сектантские элементы страшно боятся, что на более широкой арене их искусство не найдет себе применения. Они хватают поэтому колесницу за колеса, пытаются повернуть их назад и оправдывают свою, по существу реакционную работу, страшно "революционными" и "принципиальными" доводами. Мы пытались выше взвесить эти доводы на весах марксистской диалектики. Пусть товарищи сами решают, каков оказался вес.

Г. Гуров

[10 сентября 1933 г.]

[Письмо Н.И.Седовой]

11 сент[ября] 1933 [г.]

Милая Наталочка, получил твое второе письмо, и обрадовало, и огорчило меня. Обрадовало тем, что ты в благополучных условиях, спокойна (физически), отдыхаешь. Огорчило тем, что ты собираешься уехать, не дождавшись врача. Ведь придется через 10 дней снова ехать в Париж? Стоит ли возвращаться? Вера и Жанна справляются, даже дежурят по очереди (приспособились), - так что успевают читать. Мое состояние без больших перемен (как осенью 1923 и затем 1924 года). Доктор здесь, он очень внимателен, продлил свой отпуск, выстукивает меня, исследует кровь и все прочее, носит мне лекарства и фрукты... но теряется в догадках, как и Гетье²³⁴, как и берлинские доктора. Не думаю, чтобы он открыл "секрет". Надо надеяться, что пройдет при более спокойном образе жизни. Надо уменьшить свидания, переговоры и пр. Я уж принял меры.

Сегодня Лева уезжает по делам (в Париж), и я хочу послать тебе это письмо. Мне кажется, тебе ни в коем случае не возвращаться сюда, если только не неудобно оставаться дольше. Но ведь вряд ли "неудобно"? Меня очень огорчает мысль, что ты вернешься преждевременно, и все будет по-старому. Если ты останешься там, я тоже за это время поправлюсь (наверняка!).

Погода здесь склоняется к осени. Кругом много стреляют: охотники! Есть пролетная дичь: перепела и пр[очее]. Меня совсем не тянет... Сейчас опять был доктор (он приходит 3-4 раза в день, фотографирует нас и пр[очее]). Его план: остаться для уколов (всего 11), - следовательно еще 3-4 дня, затем составить план дальнейшего лечения (он имеет в виду и клинику). Не знаю, удастся ли в клинике (со стороны "конспирации")²³⁵. Посмотрим...

Милая, милая моя, спокойнее было бы на Принкипо, сейчас уже недавнее прошлое кажется лучше, чем было, - а ведь мы так надеялись на Францию... "окончательная" ли это старость, или только временный чересчур крутой спуск, после которого еще будет подъем (некоторый...). Посмотрим...

Вчера приезжали ко мне двое пожилых рабочих и один учитель. Был и Навилль (он сегодня вечером уезжает). Я чувствовал себя усталым, и беседа была малозначительна. Но я с любопытством смотрел [на] пожилых провинциальных рабочих...

Надо кончать, Наталочка, так как перед отъездом Левы и Навилля еще предстоят разговоры.

Прилагаю письмо для А.К. [Клячко]²³⁶.

Наталочка, ты в сущности ничего не написала о своем физическом самочувствии: хоть немного отдохнула? Ты уехала очень усталой и ослабшей... Милая, милая... обнимаю крепко твою родную голову, плечи твои целую и руки...

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

12 сент[ября] 1933 [г.]

Ната, милая, сегодня получил твое третье письмо (заказное), где ты настаиваешь на своем возвращении 15-18-го. Не знаю, что и сказать. Доводы ты приводишь серьезные; с другой стороны, боюсь, что второй раз не скоро выберешься. Врач наш уезжает отсюда 16-го. Если ты хочешь его застать, то надо приехать к этому дню. Но это лишь в том случае, если ты решишь вообще не оставаться там до конца месяца. Доктор делает все, что может, - но он не может сделать больше того, что сделали Гетье, Александров²³⁷, немецкие профессора. У меня та самая история, к[о]т[о]рая была в 1923-1926 гг. и которая, если память меня не обманывает, совсем прекратилась в течение 1927-1933 гг. Я хочу - по согласованию с доктором - провести три дня в полном покое без свиданий, бесед, диктовок и пр[очее]. Не думайте, пожалуйста, Наталочка, что мое состояние "плохо", - но t° нет-нет и дает о себе знать. Надо прибегнуть к тому решительному средству, о к[о]т[о]ром мы с тобой говорили, т[о] е[сть] к абсолютному отдыху.

Сегодня у меня был американец, сочувствующий; он был у нас в прошлом году вместе с другом, Солоу...²³⁸ Разговаривали часа три. Сегодня вечером

придет, кажется, Гурбиль²³⁹. Но на этом - конец. Завтра с утра - покой.

Жанна и Вера ко мне очень внимательны, я ни в чем не нуждаюсь и не испытываю никаких неудобств... Только Вас нет, Наталочка, но я себя всегда, когда тоскливо без Вас, утешаю тем, что ты отдыхаешь и немножко набираешься сил... Навилль провел здесь два дня, мы поговорили и поспорили изрядно, но расстались друзьями: он стал, по-моему, гораздо лучше. Ты скажи Дениз [Навилль], что я был очень рад Навиллю и остался доволен результатами беседы...

Насчет предположения С. Конст.²⁴⁰, что у меня пот и пр[очее] от нервов, я с доктором говорил. Конечно, "нервы" поднимают t° -у и "бросают в пот". Но все же должен быть какой-то органический процесс: одни нервы не дают температуры, это было общее мнение всех врачей, и в Москве, и в Берлине...

Доброе утро, Наталочка, письмо вчера не ушло, слишком поздно было, уйдет сегодня утром. Я принял адалин, спал хорошо, отдохнул, сегодня буду лежать и читать... Будь здорова, Наталочка, крепко-крепко обнимаю тебя.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

[13 сент[ября] 1933 [г.]

Милая Наталочка,

только что получил письмецо от Левы, - он пишет, что ты замечательно поправилась, "никакого сравнения" с тем, что было... А.К.[Клячко] согласна оставаться с тобой дольше... При этих условиях было бы прямо-таки преступлением для тебя возвращаться сюда. Поскольку дело идет обо мне, о моем здоровье, - лучше ухаживать за мной невозможно (сегодня мне приготовили совсем "необыкновенный" обед, - я уж сердился, сердился...). Сегодня я целый день лежу, чувствую, что мне это полезно; полежу еще несколько дней (читаю). Не беспокойся обо мне нисколько, для моего душевного состояния неизмеримо лучше сознавать, что ты отдыхаешь и крепнешь. Мне было бы теперь неизмеримо тяжелее, если бы я видел тебя рядом, без сна, с больными руками. Оставайся, Наталочка, до новой квартиры, отдохни, ты должна упрочить свою поправку.

Ни о чем другом сейчас писать не могу. Крепко-крепко обнимаю тебя.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

15 сент[ября] 1933 г.]

Родненькая Наталочка, сегодня получил твое (четвертое) письмо от 12 сент[ября] с "разговором" С.К. по поводу необходимости для тебя поехать на 15 дней в Нормандию. Я отправил тебе телеграмму о своем самочувствии: гораздо лучше. Я переселился совсем в твою комнату и сейчас (8 ч[асов] вечера) пишу на маленьком столике у кровати, с той стороны, где я сплю. Три дня лежу (одетым), читаю, дремлю, выхожу только собак покормить, но и тут все готовят для меня Жанна, Вера, Крепо²⁴¹. 13-го самая высокая t° вечером - 37° , 14-го - $36,8^{\circ}$, сегодня, 15-го - $36,6^{\circ}$, я перестал потеть, аппетит хороший, кормят меня изысканно (они обе мастерицы и щеголяют своим искусством). Доктор по коже на животе определил, что я сильно исхудал и требует, чтобы я пополнил, рекомендует мучные блюда и пр[очее], это-де нужно для повышения сопротивляемости организма. Ем много фруктов, д[окто]р разрешил персики и груши... Уколы мышьяка и стрихнина заканчиваются (завтра, кажись, последний раз). Словом, все идет благополучно. Нужно будет лишь постепенно входить в работу, с перерывами для отдыха.

16 сент[ября]. Сегодня у меня день не очень хороший, но не в смысле температуры, пота и пр[очее] (этого совершенно нет), - скорее малярийное состояние: хуже спал, легкая головная боль, - сейчас лучше. Я себя совсем не принуждаю к работе, целый день почти лежал, отчасти в твоей комнате, отчасти в саду. Доктор собирается уезжать. Он уже пробыл здесь 12 дней.

Надо сдавать на почту. Крепко-крепко тебя обнимаю, Наталочка, будь здорова, поправляйся, набирайся сил.

Письмо тебя застигнет, очевидно, уже в Нормандии.

Твой, крепко твой, Наталочка.

[Л.Д.Троцкий]

Британской секции большевиков-ленинцев

Дорогие товарищи,

Я еще не имею вашего письма, в котором вы мотивируете ваше отрицательное отношение ко вступлению в НРП. Но я хочу, не откладывая дела, попытаться рассмотреть принципиальные соображения за и против вхождения. Если окажется, что письмо ваше дает дополнительные доводы, я напишу вам вторично.

НРП в нынешнем своем состоянии является левоцентристской партией. Она состоит из ряда фракций и оттенков, которые знаменуют разные этапы эволюции от реформизма к коммунизму. Могут ли большевики-ленинцы входить в состав центристской партии? На такой общий вопрос отрицательный ответ напрашивается сам собой. Между тем большевики-ленинцы входят в состав официальных компартий, которые мы давно уже, и с полным основанием, объявили центристскими организациями. В течение ряда лет мы считали себя марксистскими фракциями центристских партий. Категорический ответ: да, да - нет, нет, оказывается недостаточен и в данном случае. Марксистская партия должна, разумеется, стремиться к полной независимости и к высшей однородности. Но в процессе своего формирования марксистской партии приходится нередко действовать в качестве фракции центристской и даже реформистской партии. Так, большевики в течение ряда лет принадлежали к одной партии с меньшевиками. Так, Третий Интернационал лишь постепенно вышел из недр Второго.

Центризм, как мы уже не раз говорили, представляет собой общее наименование для крайне разнообразных течений и группировок, располагающихся между реформизмом и марксизмом. При каждой центристской группировке надо мысленно ставить стрелку, указывающую направление ее развития: справа налево или слева направо. Бюрократический центризм при всех своих зигзагах имеет крайне консервативный характер, отвечающий его социальной опоре: советской бюрократии. В течение десятилетнего опыта мы пришли к выводу, что бюрократический центризм не приближается и не способен приблизиться к марксизму, из рядов которого он вышел. Именно поэтому мы порвали с Коминтерном.

В то время как официальные компартии ослабевали и разлагались, от реформистского лагеря, численно чрезвычайно выросшего, отделились в ряде стран левые фланги. Они тоже имеют центристский характер, но они движутся влево и, как свидетельствует опыт, способны к развитию и поддаются марксистскому воздействию. Не забудем еще раз, что из такого рода организаций возник в свое время Третий Интернационал.

Ярким примером сказанного выше является история германской САП. Несколько сот коммунистов, отколовшихся от брандлерианской оппозиции и вступивших в САП, в течение сравнительно короткого времени оказались во главе этой организации, состоящей преимущественно из бывших социал-демократических рабочих. Мы критиковали в свое время группу Вальхера²⁴²-Фрелиха²⁴³, Томаса²⁴⁴ и других не за то, что они решились вступить в левоцентристскую партию, а за то, что они вступили в нее без законченной программы и без собственного органа. Наша критика была и остается правильной. САП и сейчас еще несет на себе следы неоформленности. Некоторые ее вожди и сейчас еще считают марксистскую непримиримость "сектантством". На самом деле, если бы рядом с САП не стояла левая оппозиция со своей принципиальной критикой, положение коммунистов внутри САП было бы несравненно более трудным: без постоянно действующей идеологической лаборатории ни одна революционная группа жить не может. Но факт все же остается фактом: движение центристской партии (САП) влево было настолько решительным, что коммунистическая группа, даже без законченной платформы и собственного органа, оказалась во главе партии.

История САП - не случайность и не исключение. В течение ряда лет Коминтерн всей своей политикой преграждал социал-демократическим рабочим выход на революционную дорогу. Ужасающий кризис капитализма и триумфальное шествие фашизма при абсолютном бессилии обоих Интернационалов дали толчок левоцентристским организациям в сторону коммунизма: это одна из важнейших предпосылок для создания новых партий и нового Интернационала.

НРП теоретически совершенно беспомощна. Это дает перевес официальной компартии. В этом опасность. Здесь открывается поле для вмешательства нашей британской секции. Мало иметь правильные идеи. Надо уметь в решительный момент показать их силу передовым рабочим. Насколько я могу судить отсюда, возможность воздействия на дальнейшее развитие НРП в целом еще не упущена. Но еще несколько месяцев - НРП окончательно попадет в зубчатые колеса сталинской бюрократии и погибнет, оставив тысячи разочарованных рабочих. Надо действовать, и притом немедленно!

Входить в НРП имеет смысл лишь в том случае, если поставить себе целью помочь этой партии, т. е. революционному большинству ее, превратиться в подлинно марксистскую партию. Разумеется, такое вхождение было бы недопустимым, если бы Центральный комитет НРП потребовал от наших друзей отречения то своих идей или от открытой борьбы за эти идеи в партии. Но вполне допустимо взять на себя обязательство бороться за свои взгляды на основе партийного устава и в рамках партийной дисциплины. Огромное преимущество левой оппозиции в том, что у нее есть теоретически разработанная платформа, мировой опыт и международный контроль. Опасаться, при этих условиях, что британские большевики-ленинцы растворятся бесследно в НРП нет ни малейшего основания.

Некоторые товарищи указывают на то, что НРП очень ослабела и что за старым фасадом скрывается полуразвалившееся здание. Это весьма возможно. Но это не довод против вхождения. В нынешнем своем виде НРП явно не жизнеспособна. Она слабеет и теряет членов, не только правых, но и левых, потому что руководство не имеет ясной политики и не способно воспитать в партии уверенность в своих силах. Удержать НРП от дальнейшего распада можно, только привив ей марксистские взгляды на задачи нашей эпохи, в частности марксистскую оценку сталинской бюрократии. Выполнить такую работу могут только большевики-ленинцы. Но для этого они должны смело опрокинуть перегородку, которая отделяет их сегодня от революционных рабочих НРП.

Если бы аппарат НРП не допустил все же нашу секцию в ряды партии, это было бы лучшим доказательством того, что руководство за спиной партии окончательно подчинилось сталинской бюрократии: в этом худшем случае мы получили бы в руки сильное оружие против верхушки и завоевали бы сочувствие рядовых членов НРП.

Можно возразить, что малочисленность нашей британской секции не позволит ей сыграть по отношению к НРП ту роль, которую группа Вальхера-Фрейлиха сыграла по отношению к САП. Возможно. Но если даже НРП суждено распасться, большевики-ленинцы могут спасти для революции значительное ядро партии. Не нужно к тому же забывать, что группа Вальхера-Фрейлиха стояла совершенно изолированно, тогда как наши британские друзья могут в своей работе рассчитывать на международную помощь.

Я очень опасаюсь, что наших британских друзей, по крайней мере некоторых из них, удерживает от вхождения в НРП опасение злорадной критики со стороны сталинцев. Нет ничего хуже в революционной политике, как руководствоваться чисто внешними, поверхностными критериями или страхом перед общественным мнением бюрократии, только потому что мы в прошлом были с ней связаны. Надо определять свой путь в зависимости от глубоких течений в пролетарском авангарде, больше надеяться на силу собственных идей и поменьше оглядываться на сталинскую бюрократию.

Г. Гуров

16 сентября 1933 г.

[Письмо Н.И.Седовой]

17 сент[ября 1933 г.]

Наталочка, родненькая, - сегодня Лева пишет, что ты уезжаешь в

Нормандию, - я очень рад, что это устроилось, у меня по этому случаю праздничное настроение, несмотря на кое-какие неприятные вести (Раймон [Молинье] ведет себя безобразно во внутренних делах Лиги). С другой стороны, хорошее письмо от I.L.P. (Нез[ависимой] раб[очей] п[артии] Англии), показывающее, что там для нас далеко не все упущено.

Сегодня вечером, - через 2 ч[аса] - уезжает доктор. Он оставил мне кучу медикаментов и письменных наставлений. Письмо это я посылаю через него Лева... Ты сюда уж не приедешь, Наталочка, как я надеюсь, - чем скорее найдут они новую квартиру, тем лучше. Хотелось бы книги свои получить и все прочее. Ты могла бы с Левой посмотреть то, что они найдут наиболее подходящее. Милая Наталочка, где ты теперь, - одна или с А.К.? - как тебе там? как спишь по ночам? Какое настроение? Обо мне не беспокойся, - я до твоего приезда обещаю окончательно и полностью стабилизироваться.

Погода здесь стоит хорошая, наши купаются, вода теплая...

Милая, милая, - (только что прервал письмо для ужина, Жанна позвала, скоро доктор придет за письмами, пора кончать... Еще ряд писем надо закончить). Крепко тебя обнимаю, мою родную Наталочку, мою единственную, мою вечную Наталочку.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

Совсем как в юности, не хочется запечатывать письмо, хочется найти особенно нежные слова, которые передали бы тебе хоть немножко, как мне хочется видеть, слышать и обнять тебя, Наталочка...

Твой

[Л.Д.Троцкий]

Пленуму Интернационального Секретариата

Дорогие товарищи!

Работа Интернационального Секретариата получает сейчас международное значение: помимо прежних задач объединения многочисленных секций и направления их революционной работы, Секретариат (пленум) становится сейчас представителем всей левой оппозиции в "четверном союзе", поднявшем знамя нового Интернационала. Секретариат должен отныне внимательно следить за деятельностью союзников, обмениваться с ними опытом и критикой, участвовать в выработке программы нового Интернационала, вести переговоры с сочувствующими организациями и проч., и т. д. Выполнить эти исторические задачи Секретариат может лишь при условии действительной сплоченности внутри и всесторонней поддержки со стороны всех секций. Всякий серьезный большевик-ленинец с негодованием отвергнет беспринципные инсинуации по адресу Секретариата, подрыв его авторитета и прямое нарушение его постановления. Сильные руководящие центры не падают с неба. Они складываются на опыте по мере роста и созревания самих организаций. Элементарным условием формирования сильного центра является марксистское отношение к принципу централизма, к авторитету руководства и к дисциплине.

Пленум (Секретариат) взял на себя ответственность за новый курс нашей политики и через особую делегацию принял участие в работах парижской конференции. Достаточно только серьезно вдуматься в смысл этого факта и в открытые им перспективы, чтобы понять, какое гигантское значение приобретает руководящий интернациональный орган большевиков-ленинцев в нынешних условиях! Тем беспощаднее должна быть осуждена и пресечена всякая попытка к ослаблению Интернационального Секретариата и к подрыву его авторитета, ибо это равносильно попытке разоружения большевиков-ленинцев перед лицом союзников, как и врагов.

Вы признали несовместимым с принадлежностью к Интернациональному Секретариату работу одного из его членов, направленную к дискредитированию Интернационального Секретариата и к прямому нарушению его постановлений²⁴⁵. Ни один серьезный революционер не оспорит правильности и необходимости вашего постановления. Руководить может только тот, кто сам умеет подчиняться. Члены Интернационального Секретариата должны подавать пример дисциплины, а не брать на себя преступную инициативу ее нарушения.

Интернациональный Секретариат выбран на полномочном собрании представителей секций. Правления секций выбраны демократическим путем. Ни у кого нет ни малейшего права отрицать, что пленум (Интернациональный Секретариат) выражает действительную волю нашей интернациональной организации.

В случае сомнений насчет правомочности Секретариата и его большинства у Секретариата есть простой способ разрешить вопрос: изложить положение, как оно есть, всем секциям и запросить их мнения. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что подавляющее большинство секций поддержит большинство нынешнего Секретариата и призовет к порядку дезорганизаторов. Если бы и этого оказалось мало, остается еще один путь: созвать представителей всех наших секций для рассмотрения спорных вопросов и для вынесения решений, которые сделали бы в дальнейшем невозможным злостный саботаж центральной, т. е. наиболее ответственной работы отдельными группами и лицами.

Если те и другие группы, предпочитающие анархическую федерацию демократическому централизму, останутся при этом за порогом нашей организации, это не мешает нам развиваться, расти и идти вперед. Все те группы, которые откалывались от большевиков-ленинцев, влечат жалкое существование, без надежд и перспектив. Пусть это послужит предостережением тем, которые слишком легко относятся к проблемам организационной дисциплины!

Прошу вас верить, что моя поддержка всецело и полностью обеспечена Интернациональному Секретариату в лице его законного большинства.

С коммунистическим приветом

Г. Гуров

18 сентября 1933 г.

Пора кончать!

19 августа пленум вынес решение огромной политической ответственности: о разрыве с Коминтерном и о курсе на Четвертый Интернационал. Первым результатом новой ориентации явился принципиальный документ четырех организаций, открывающий эру подготовки нового Интернационала. Следующим результатом явилось присоединение к интернациональной организации большевиков-ленинцев голландской Революционной социалистической партии, насчитывающей около тысячи членов и опирающейся на профессиональную организацию с 25-ю тысячами членов. В ряде стран (Англия, Швеция, Чехословакия, Швейцария...) новая ориентация открывает широкие перспективы. Вся наша предшествующая работа имела только подготовительный характер. Мы в полном смысле слова вступаем в новую эпоху, чтобы из кружков пропаганды стать боевыми политическими организациями пролетариата.

В этих условиях открылась дискуссия во французской Лиге. Ряд причин: затяжной характер распада французской компартии, обилие элементов революционного разложения (групп, сект и клик без идей и без будущего), многочисленность национальных эмигрантских групп, на которых разложение коммунизма отразилось особенно тяжело - все эти причины, наряду с недостатком последовательного и выдержанного руководства, привели к тому, что внутренняя жизнь в Лиге почти с самого ее возникновения представляла ряд кризисов, которые ни разу не поднимались до принципиального уровня, но отличались крайней ожесточенностью, отравляли атмосферу организации и отталкивали серьезных рабочих, несмотря на их сочувствие идеям оппозиции.

Нынешний кризис Лиги, несмотря на свое внешнее сходство с предшествующими кризисами, по крайней мере на первой стадии, глубоко отличается от них тем, что совпадает с большим поворотом во всей политике нашей интернациональной организации. Неизмеримое прогрессивное значение новой ориентации состоит, в частности, в том, что она позволяет проверить старые группировки, тенденции и отдельных работников не случайным, субъективным методом, а безошибочным объективным критерием, вытекающим из всего хода нашего развития. Каковы бы ни были источники недовольства, конфликтов, личных трений и проч., все старые разногласия по необходимости вынуждены группироваться ныне вокруг основной альтернативы: вперед, на широкую арену IV Интернационала, - или назад, к мелким кружкам, варящимся в собственном соку.

Нежизнеспособные, сектантские элементы Лиги, как и других секций, чувствуют, что почва уходит у них из-под ног. Выход на широкую арену пугает их, ибо вся их психология приспособлена к атмосфере замкнутых кружков. Одни из этих защитников кружковщины открыто восстают против новой ориентации, открывая в ней тенденцию ко Второму Интернационалу: под прикрытием формул ультрарадикализма, заимствованных у сталинцев, скрывается капитуляция перед лицом новых задач, новых трудностей и новых перспектив. Другие признают новую ориентацию на словах, но определяют свою политику совершенно независимо от новой ориентации, вступают в блок с ее противниками или выдвигают мелкие критерии вчерашнего дня, как если бы во внешнем мире и в нашей политике ничего не изменилось. Колеблющиеся говорят: "Новая ориентация ничего практически не изменит во Франции". Глубочайшая ошибка! Несмотря на большую медленность и отсталость внутренней дифференциации, во французском рабочем движении накопились многочисленные революционные элементы, которые ждут нового знамени и новой организации. Нынешняя борьба на социалистических верхах отражает лишь глубокие перегруппировки в самом рабочем классе. Знамя нового Интернационала станет огромной притягательной силой и для революционных рабочих Франции: нужно только крепко и уверенно взять это знамя в свои руки!

Неоценимое значение новой ориентации для Лиги, - повторим снова, - состоит в том, что она позволяет сразу отбросить в сторону все случайное, личное, второстепенное, поставить ребром принципиальные вопросы и отделить безошибочно жизнеспособные и творческие элементы от безнадежных продуктов кружковщины.

Вопросы внутреннего режима Лиги, методов работы и состава руководства не отпадают, конечно, и теперь; наоборот, получают еще большее значение, чем раньше. Но отныне все эти вопросы неотделимы от вопроса о новой ориентации. Было бы жалкой реакционной попыткой строить или перестраивать внутреннюю организацию Лиги в стороне и независимо от основных задач нового периода. К руководству Лигой, как и всякой другой секцией, могут и должны быть отныне допущены только такие элементы, которые поняли смысл новой ориентации, положили ее в основу всей своей деятельности, готовы сломить все препятствия на новом пути и воодушевленным стремлением вести организацию вперед, не позволяя внутренним реакционерам тащить ее назад.

В тесной связи с новой ориентацией надо по-новому поставить вопросы организации, дисциплины и руководства.

Несомненно, что руководство Лиги, как и ряда других секций, не усвоило себе необходимых методов постоянной идейной связи с организацией, постоянной и своевременной информации всех членов организации о намечающихся крупных шагах, тактических изменениях и проч. Этот крупный недостаток в работе ведет неизбежно к отрыву правления от организации, порождает излишние недоразумения и конфликты и задерживает политическое воспитание членов. Правильная и своевременная информация есть основа партийной демократии.

Не менее вредное влияние в развитии Лиги имела другая черта руководства: пассивная терпимость в отношении заведомо чужеродных элементов и дезорганизаторских актов. Революционная организация не может развиваться, не очищая себя, особенно в условиях легальной работы, где под знамя революции становятся нередко случайные, чуждые или разложившиеся элементы. Так как левая оппозиция развивалась к тому же в борьбе с чудовищным бюрократизмом, то многие квазиоппозиционеры пришли к мысли, что внутри оппозиции "все позволено". В Лиге и на ее периферии сложились нравы, не имеющие ничего общего с нравами революционной пролетарской организации. Отдельные группы и лица легко меняют свою политическую позицию или вообще не заботятся о ней, посвящая свое время и силы дискредитации левой оппозиции, личным дрязгам, инсинуациям и организационному саботажу. Еврейская группа является в течение трех лет образцом такой "политики". Безнаказанность этой группы и сходных с ней элементов должна быть поставлена в тяжелую вину правлению французской Лиги, как проявление недопустимой слабости и организационной расплывчатости.

Всякую меру обороны организации от разлагающих влияний, всякий призыв к дисциплине, всякую репрессию некоторые члены наших собственных организаций именуют "сталинизмом". Этим они лишь показывают, насколько им чуждо понимание как сталинизма, так и духа подлинно революционной организации. История большевизма есть с первых его шагов история воспитания организации в

духе железной дисциплины. Большевики первоначально именовались "твердыми", меньшевики - "мягкими", ибо первые стояли за суровую революционную дисциплину, вторые заменяли ее взаимной снисходительностью, попустительством, расплывчатостью. Организационные методы меньшевизма враждебны пролетарской организации не менее, чем сталинский бюрократизм. Еврейская группа и связанные с нею элементы проповедают и насаждают чисто меньшевистское представление об организации, о дисциплине и руководстве. Подобные нравы к лицу клубу Суварина и другим "демократическим" (по духу - социал-демократическим) организациям. Большевики-ленинцы отвергают демократию без централизма, как выражение мелкобуржуазной сущности. Чтобы справиться с новыми задачами, нужно каленым железом выжечь анархистские и меньшевистские методы из организации большевиков-ленинцев.

Мы делаем большой революционный поворот. В такие моменты внутренние кризисы и отколы совершенно неизбежны. Пугаться этого значило бы заменять революционную политику мелкобуржуазным сентиментализмом и личным комбинаторством. Лига проходит через первый кризис под знаменем больших и ясных революционных критериев. Откол части Лиги в этих условиях будет большим шагом вперед. Он отметет все больное, искалеченное и негодное, он даст урок шатающимся и бесхарактерным элементам, он закалит лучшую часть молодежи, он оздоровит внутреннюю атмосферу, он откроет перед Лигой новые большие возможности. То, что будет потеряно - отчасти лишь временно, - будет уже на ближайшем этапе возмещено сторицей. Лига получит, наконец, возможность превратиться в боевую организацию передовых рабочих.

[Л.Д.Троцкий]

18 сентября 1933 г.

[Письмо Н.И.Седовой]

19 сент[ября] 1933 [г.]

Это письмо Лева забыл (я ему напоминал!) 246.

19 сент[ября]. Милая моя Наталочка, сегодня у меня был трудный день, но хороший: острые и горячие споры с Р.М[олинье] в присутствии и при участии Левы, Бласко, Эрвина²⁴⁷, Лезуаля и всех наших, здешних. Я много говорил, моментами очень резко, но не обидно, а по-отечески, и это всеми чувствовалось. Настроение создалось слитности, внимания, - и я почувствовал себя... стариком-учителем. Позже Левусятка²⁴⁸ пришел ко мне в спальню, сперва несколько незначительных фраз, потом я сказал что-то о себе, он припал головой к моему плечу, обнял: "Папочка, я крепко люблю тебя". Совсем маленький. Я крепко обнял его и прижался щекой к его голове. Он почувствовал, что я взволнован, и на цыпочках вышел из комнаты... Потом опять была внизу, в столовой, беседа, но уже совсем не политическая, наоборот, спокойная и "задушевная" по тону. Все глаза так хорошо смотрели на меня, и я опять почувствовал себя "старцем", - но без горечи, а с теплотой, слегка разве с грустью. Во время этой беседы я часто ловил на себе горящие глаза Левусятки. Выглядит он не очень хорошо: бледен, землистый цвет лица. Сейчас Лезуаль и Бласко уехали (поездом), Раймон, Лева и Бауэр уезжают завтра утром в автомобиле. Мне жаль, что Лева уезжает: ко мне здесь очень хорошо относятся, но все-таки нет никого совсем своего.

Устал все же от сегодняшнего дня и хочу лечь спать: сейчас половина десятого. Спокойной ночи, Наталочка моя, родненькая, хорошо ли спишь ты? С адалином или без? Будь здорова, будь спокойна.

Твой

Л. [Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

20 [сентября] 1933 г.]

Ночью просыпаясь, часто звал тебя вслух: Наталочка, где ты? Гете говорит, что старость не возвращает нас в детство, а застаёт еще настоящими детьми. После того, как я днем чувствовал себя вроде "мудрого старца", я

ночью чувствовал себя покинутым мальчиком, который зовет свою маму.

Будьте здоровы, Наталочки милые.

[Л.Д.Троцкий]

В Интернациональный Секретариат

ОЧЕНЬ СПЕШНО

Дорогие товарищи!

Прилагаю проект циркулярного письма по вопросу о работе в профсоюзах²⁴⁹. Было бы хорошо, если бы вы с теми или другими изменениями, если они окажутся необходимыми, разослали это письмо секциям от вашего собственнoго имени. Если вы сочтете полезным устроить расширенное совещание для обсуждения этого письма, то я советовал бы привлечь на такое совещание тов. Шваба²⁵⁰, как знатока этого вопроса (он может подать несколько полезных практических советов). Если почему-то окажется неудобным разослать письмо от имени Интернационального Секретариата, прошу разослать за подписью Г.Г[урова].

[Л.Д.Троцкий]

22/9/[19]33 [г.]

[Письмо Н.И.Седовой]

22 сент[ября] 1933 г.]

Милая Наталочка, со слов Левы я понял, что ты живешь сейчас "кое-как", вернее сказать, плохо: без хорошего стола и без ванны. Очень это огорчительно. Одним отдыхом не поправишься. Слевой и Раймоном [Молинье] мы тут обсуждали такой план: не устроиться ли нам вместе с тобой (мне предварительно "обновиться") в хорошем пансионе, без "свиты", - только Henri²⁵¹ жил бы в этом же пансионе (ему нужно отдохнуть) - недели на две, на время розысков новой квартиры и пр[очее]. Меня эта мысль очень привлекает... Отдохнуть нам обоим было бы хорошо, в двух маленьких комнатах, тихо-тихо. Хорошо. если бы это удалось!..

Сотрудничество в "Neue Weltbuhre"²⁵² я прекратил или, вернее, приостановил, - ввиду двусмысленного поведения редакции. Послать Севушке²⁵³ деньги придется отсюда.

От англ[ийского] изд[ателя] окончательного ответа все еще нет. Я пока еще не беспокоюсь: он должен переписываться с Америкой, может быть и на дачу уехал, - вся предшествующая переписка, ведшаяся по его инициативе, исключает разрыв. Но все-таки я предпочел бы иметь контракт в руках. Параллельно америк[анский] агент ведет переговоры насчет книги о Кр[асной] Армии (резерв).

Океан светит и шумит в окно, как и на Принкипо, но только там море было свое, домашнее, а с Атл[антическим] океаном не вышло у меня ни малейшей дружбы.

Только что Сара принесла мне письмо, к[от]о[р]ое я дал Леве для тебя и которое он забыл здесь. Я перед его отъездом спрашивал его: "Ты не забудь мое письмо маме." Он ударил себя по карману и сказал: "Нет, нет, не забуду". Письмо пролежало у меня три дня.

Милая, Наталочка, крепко тебя обнимаю.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

23 сент[ября] 1933 г.]

Милая Наталочка, я тебе действительно не ответил на записку с "просьбами". Крем Жанна взяла уже до записки, только халата в чемодане нет, но я отлично обхожусь без теплого халата, заменяя его купальным цветным халатом. Теплые туфли я извлек из чемодана. Жанна мне говорила, что Сара много говорит о своем отъезде, и ставила вопрос, кем заменить ее. Жанна называла дочь Парижанина. Но та в советском учреждении получает, несомненно, довольно высокое жалованье и имеет устойчивое положение: какой ей смысл

переходить к нам?

Боюсь, что инструкция твоя насчет "огорода" свяжет поиски и ограничит число подходящих домов. Лучше хорошую квартиру без огорода, чем плохую - с огородом. Лева и Раймон могут инструкцию насчет огорода принять слишком категорически.

Сейчас 8.30 вечера. Я сижу один, в кресле, в углу твоей комнаты, на ночном столике лампа стоячая из моей комнаты, окно приоткрыто, океан шумит, хотя ветер утих, вся молодежь, в том числе и новый, Шмидт254, внизу. Сегодня написал Henry о Раймоне, написал довольно сурово, предупреждая, что это - "последний раз". Сегодня начал новое лечение против малярии - новый немецкий препарат - лечение длится пять дней. От этого лечения пить хочется.

У Веры, в сущности, милый характер: несмотря на тяжелую работу, она всегда весела, слегка кокетлива, ко мне чрезвычайно внимательна. Жанна посуровее, хотя в последнее время разговаривает, даже слегка "калякает" со мной (я ее немножко приучил). Обе очень хорошо кормят меня.

24 [сентября.] Снова пишу в кресле, в углу спальни, на колене... Новый наш охранитель, немецкий студент255, хорошо играет на рояле. Это вносит в дом новую струю. Я сквозь пол слушал, хоть смутно, но приятно. В газетах ("Возрождение"256 из советск[ой] печати) было вчера сообщение, что троцкисты "вместе с правыми и всякими мошенниками" овладели Свердловским советом; 24 человека исключено. Очень интересное сообщение; но что за ним скрывается в действительности?

Океан шумит за окном, дождь сегодня выпадал раза три в течение дня, осень... Как странно, что мы с тобой во Франции живем в разных концах. Вот чего мы с тобой не представляли, когда ехали сюда. Соскучился я по тебе, очень-очень соскучился, много "мечтаю" о тебе. Но теперь уж недолго. Пора мне ложиться, Наталочка, - пока засну, поговорю мысленно с тобой. Стар я становлюсь, Наталочка...

Надо отправить. Крепко-крепко обнимаю.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

СССР и Коминтерн

Французские телеграммы сообщают, будто Вашингтон собирается признать советское правительство только де факто. Другие сведения говорят о предстоящем вскоре признании де юре. Очевидно, имеются еще колебания. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что идея полупризнания или признания в рассрочку связана, главным образом, с вопросом о Коминтерне. Америка вступила в период глубоких социальных сдвигов. В этих условиях вмешательство Коминтерна должно казаться особенно опасным. Между тем в известных кругах считается незыблемым и сейчас, что признать СССР значит, в сущности, признать Коминтерн. Мы считаем себе вправе сказать, что такой взгляд является глубочайшим анахронизмом, который держится только потому, что люди, особенно профессиональные политики, неохотно вдумываются в новые факты, раз последние противоречат их предрассудкам.

Советское правительство с первых дней своего существования протестовало против попыток отождествлять его с Коминтерном. Юридически эти протесты были безупречны: несмотря на общность идеалов, две организации имели под собой различные национальные и интернациональные основы и формально оставались в своей деятельности независимы друг от друга. Но государственных деятелей Европы и Америки это юридическое разграничение не успокаивало. Они ссылались на фактическую связь между советским правительством и Третьим Интернационалом. Во главе обеих этих организаций стояли одни и те же лица. Ни Ленин, ни его ближайшие сотрудники не скрывали и не хотели скрывать своего руководящего участия в жизни Коммунистического Интернационала. Если советское правительство того времени считало возможным идти на очень большие материальные жертвы в интересах сохранения мирных отношений с капиталистическими государствами, то советская дипломатия имела строжайшую директиву: не вступать ни в какие разговоры относительно Коммунистического Интернационала, нахождения его центра в Москве, участия в нем руководящих членов правительства и проч. В этой области уступки считались столь же, если

не еще более недопустимыми, чем в области основных принципов советского режима: системы правления, национализации средств производства, монополии внешней торговли и проч. Когда Чичерин заикнулся в письме на имя Ленина о возможности сделать Вильсону некоторые уступки в отношении избирательного права советской республики, то Ленин письменно же ответил контрпредложением: отправить Чичерина на время в санаторию ввиду явного нарушения его политического равновесия²⁵⁷. Нетрудно представить себе, как ответил бы Ленин, если бы кто-либо из советских дипломатов решился предложить те или другие уступки капиталистическим партнерам за счет Коминтерна! Насколько помню, таких предложений, хотя бы и в замаскированном виде, никто никогда не делал.

Отстаивая в период Брест-Литовских переговоров необходимость принятия немецкого ультиматума в интересах сохранения советской республики, Ленин неоднократно повторял: "ставить на карту завоевания Октябрьской революции в явно безнадежной войне неразумно: другое дело, если бы речь шла о спасении немецкой революции, - там мы, в случае нужды, должны были бы рискнуть судьбой советской республики, ибо немецкая революция неизмеримо важнее нашей". Так же, в основном, смотрели на дело и другие деятели советской республики. Их речи и статьи достаточно цитировались в свое время в доказательство органической связи между советским правительством и Коминтерном. Доводы де юре не действовали поэтому на консервативных политиков Европы и Америки: они ссылались на положение де факто.

Однако с того времени, когда идеи Ленина и его ближайших соратников были определяющими идеями советской республики и Коминтерна, утекло много воды. Изменились обстоятельства, изменились люди: полностью обновился правящий слой СССР, старые идеи и лозунги вытеснены новыми. То, что составляло некогда существо дела, превратилось почти что в безобидную обрядность. Зато прочно сохранились основанные на воспоминаниях убеждения кое-каких государственных людей Запада насчет нерасторжимой связи между советским правительством и Коминтерном. Пора пересмотреть этот взгляд. В нынешнем раздираемом противоречиями мире есть слишком много реальных оснований для вражды, чтобы искать искусственные поводы для ее разжигания. Пора понять, что, несмотря на употребляемые в торжественных случаях ритуальные фразы, советское правительство и Коминтерн живут сейчас в различных плоскостях. Нынешние вожди СССР не только не собираются приносить национальные жертвы в пользу германской и вообще мировой революции, но не останавливаются ни на минуту перед такими действиями и заявлениями, которые наносят тягчайшие удары Коминтерну и рабочему движению в целом. Чем больше СССР упрочивает свое международное положение, тем глубже становится разрыв между советским правительством и международной революционной борьбой.

Наиболее яркими моментами в жизни Коминтерна являлись его конгрессы, неизменно происходившие в Москве. Здесь, в обмене международного опыта и в столкновении разных тенденций, формировались основные программные воззрения и тактические методы. Определяющее участие советских вождей в политике Коминтерна убедительнее всего обнаруживалось именно на этих конгрессах. Ленин открыл и закрыл Первый конгресс Коминтерна. Ему принадлежали наиболее ответственные доклады на Втором конгрессе. На Третьем конгрессе он возглавлял борьбу против ошибочной политики Зиновьева, Бела Куна и других. Едва оправившись от первого приступа болезни, Ленин читал на Четвертом конгрессе доклад о новой экономической политике Советов²⁵⁸. Его мысль была так же ясна, как всегда, но моментами кровеносные сосуды изменяли ему, и он делал томительные перерывы... Может быть, позволено будет для полноты картины отметить, что программные манифесты первых двух конгрессов написаны автором этих строк и что докладчиком по основным тактическим вопросам на Третьем и Четвертом конгрессах был народный комиссар по военным и морским делам.

К сказанному надо еще прибавить, что конгрессы Коминтерна происходили в те времена ежегодно. За первые четыре года существования Третьего Интернационала (1919-1922) произошло четыре конгресса. Это и есть эпоха Ленина. Со времени Четвертого конгресса прошло одиннадцать лет. За весь этот период имели место всего два конгресса: один в 1924, другой в 1928 г. Вот уже пять с половиной лет, как конгрессы Коминтерна не собираются вовсе. Одна эта голая хронологическая справка лучше всяких рассуждений освещает действительное положение вещей. В годы гражданской войны, когда советская

республика была со всех сторон окружена колючей проволокой блокады и поездка в советскую Россию связана была не только с трудностями, но и с прямыми опасностями для жизни, конгрессы собирались ежегодно. За последние же годы, когда поездки в СССР стали совершенно прозаическим делом, Коминтерну пришлось совсем отказаться от конгрессов. Им на смену пришли тесные совещания бюрократических верхов, лишённые и тени того значения, которое имели многолюдные, демократически выбиравшиеся конгрессы. Но и в этих закрытых совещаниях чиновников ни один из ответственных руководителей Советского Союза не принимает более участия. Работами Коминтерна Кремль интересуется лишь в той мере, какая необходима, чтобы оградить интересы СССР от каких-либо компрометирующих действий и заявлений. Дело идет уже не об юридическом разграничении компетенций, а о политическом разрыве.

Ту же мысль можно было бы очень убедительно проследить на эволюции внешней политики Кремля. Ограничимся противопоставлением исходного момента советской дипломатии и ее сегодняшнего дня. Брест-Литовский мир Ленин назвал "передышкой", т. е. короткой паузой в борьбе советского государства с мировым капитализмом. Красная армия официально и открыто признавалась таким же орудием этой борьбы, как и Коммунистический Интернационал. Нынешняя внешняя политика Советского Союза не имеет ничего общего с этими принципами. Высшим достижением советской дипломатии является женеvская формула, дающая определение нападения и нападающей стороны²⁵⁹, причем формула эта распространяется не только на взаимоотношения Советского Союза и его соседей, но и на взаимоотношения капиталистических государств между собой. Советское правительство официально стало, таким образом, на охране политической карты Европы, какой она вышла из Версальской лаборатории. Ленин считал, что исторический характер войны определяется теми социальными силами, которые противостоят друг другу на полях сражений, и теми политическими целями, которые они преследуют. Нынешняя советская дипломатия исходит полностью из консервативного принципа охраны статус кво. Ее отношение к войне и воюющим сторонам определяется не революционным критерием, а юридическим признаком: кто первый преступил чужие границы. Защита национальной территории против нападающей стороны санкционируется, таким образом, советской формулой и для капиталистических стран. Хорошо ли это или плохо, мы разбираться не станем. Задача этой статьи вообще не в том, чтобы критиковать политику нынешнего Кремля, а в том, чтобы показать глубокую принципиальную перемену всей международной ориентации советского правительства и этим устранить фиктивные препятствия к признанию СССР.

Перспектива построения социализма в отдельной стране отнюдь не голая фраза: это практическая программа, в одинаковой степени захватывающая экономику, внутреннюю политику и дипломатию. Вопросы международной революции, а с ними и Коминтерн, отходили тем более на задний план, чем решительнее советская бюрократия укреплялась на позициях национального социализма. Всякая новая революция есть уравнение со многими неизвестными, следовательно, включает в себе элемент большого политического риска. Нынешнее советское правительство из всех сил стремится застраховать свое внутреннее строительство от риска, связанного не только с войнами, но и с революциями. Его международная политика из интернационально-революционной превратилась в национально-консервативную.

Правда, ни перед лицом своих, ни перед лицом иностранных рабочих советское руководство не может открыто провозгласить то, что есть. Оно связано идейным наследием Октябрьской революции, которое составляет источник его авторитета в рабочих массах. Но если покровы традиции сохранились, то содержание ее выветрилось. Советское правительство разрешает рудиментарным органам Коминтерна сохранять свою резиденцию в Москве. Но оно не позволяет им более собирать международные конгрессы. Не рассчитывая больше на помощь иностранных коммунистических партий, оно ни в малейшей степени не считается с их интересами в своей внешней политике. Достаточно сослаться на характер недавнего приема, оказанного французским политическим деятелям в Москве, чтобы противоречие между эпохой Сталина и эпохой Ленина ударило в глаза!

Как раз в тот час, когда пишутся эти строки, свежий номер французского офицоза "Temps" (24 сентября) приносит в высшей степени знаменательную корреспонденцию из Москвы. "Платонические надежды на мировую революцию выражаются (в правящих кругах СССР) тем более энергично, чем более от них отказываются на практике". Газета уточняет: "Со времени устранения Троцкого,

который со своей теорией перманентной революции представлял подлинную интернациональную опасность, советские правители примкнули со Сталиным к политике построения социализма в отдельной стране, не ожидая проблематической революции в остальном мире". Газета настойчиво предостерегает от ошибки ту часть французских политиков, которые все еще склонны подменять сегодняшние реальности призраками прошлого. Не забудем, что дело идет не о случайном издании, а о самом влиятельном и насквозь консервативном органе правящего класса Франции. Жорес метко сказал некогда о "Temps": "это буржуазия, ставшая газетой".

Из всех мировых правительств американское непримиримее всего отстаивало до сих пор в отношении Советов принцип капиталистического "легитимизма". Вопрос о Коминтерне играл при этом решающую роль: достаточно вспомнить о комиссии сенатора Гамильтона Фиша²⁶⁰. Если, однако, почтенный сенатор следит за живыми фактами, которые не требуют никаких свидетельских показаний, ибо говорят сами за себя, то он должен по примеру "Temps" прийти к выводу, что внешняя политика советского правительства не создает более ни малейших препятствий для признания его не только де факто, но и де юро.

Л. Троцкий

24 сентября 1933 г.

Американской секции

Копии: другим секциям

Дорогие товарищи,

Вопрос о работе в профессиональных союзах сохраняет во всех странах исключительное значение. В Соединенных Штатах он становится впервые во весь рост, когда вся экономическая и политическая жизнь страны потрясена и когда правительственная политика дает толчок росту профессиональных союзов. Вряд ли правительственный либерализм по отношению к союзам продержится долго (как и вся вообще нынешняя "плановая" политика)²⁶¹; но, во всяком случае, можно наверняка сказать, что либерализм государственной администрации по отношению к трэд-юнионам ни на минуту не превратится в либерализм трэд-юнионной бюрократии по отношению к коммунистам. Наоборот, не только реакционная банда Грина и К°, но и бюрократия "прогрессивных" трэд-юнионов удвоит преследования революционного крыла, чтобы показать Белому Дому, что она вполне заслуживает доверия и поддержки. Величайшая опасность состоит в том, что в нынешний период великого брожения масс и роста трэд-юнионов коммунисты снова дадут себя изолировать от рабочих организаций. Трэд-юнионной бюрократии тем легче осуществить эту задачу, что своей нелепой политикой ультиматизма, командования и бессилия сталинская бюрократия жестоко скомпрометировала коммунизм в глазах рабочих, - и эта компрометация распространяется неизбежно и на нас.

Там, где коммунистов выбрасывают или могут начать завтра выбрасывать из союзов, не только допустимо, но и обязательно не разворачивать преждевременно коммунистического знамени и вести революционную работу "анонимно". Можно возразить, что такой образ действий заключает в себе известные опасности: скрывая свое знамя от масс, организация может сама незаметно отвыкнуть от собственного знамени. Приспособление к врагу и к предрассудкам массы заключает в себе опасность оппортунистического перерождения. Все это совершенно правильно. Партия в целом должна действовать с развернутым знаменем и все вещи называть своими именами. Но мы говорим в данном случае не о партии (Лиге), а об определенных ее отрядах, работающих внутри враждебных профсоюзов. Это не одно и то же. Коммунисты в профсоюзах не могут, разумеется, ни в каком случае дезавуировать партию, т. е. делать заявления, противоречащие ее программе и ее решениям. Но коммунист в профсоюзе вовсе не обязан говорить всегда все, что говорит партия в целом. Коммунист в профсоюзе не обязан называть себя вслух коммунистом. Партия (Лига) может и должна в своей печати, на народных собраниях, на митингах стачечников и вообще трэд-юнионных рабочих договорить то, чего не могут сказать в данное время коммунисты внутри трэд-юнионов. Необходимо провести разумное разделение труда, при котором разные части партийной организации дополняют друг друга.

Не может быть, конечно, и речи о том, чтобы коммунисты в трэд-юнионах по собственному произволу определяли свою политику внутри трэд-юнионов; партийная организация в целом должна решать, какие формы приспособления к обстановке трэд-юнионов допустимы и целесообразны. Чем более стеснена революционная работа в трэд-юнионах, тем строже и систематичнее должен быть контроль партии над своими членами в трэд-юнионах. Но этот контроль может и в большинстве случаев должен быть при нынешних условиях строго секретным.

Правда, и при условии такого контроля урезанная работа в трэд-юнионах может вести к сужению кругозора и снижению революционного уровня. Противодействовать этому можно только одним способом: коммунисты не должны быть только трэд-юнионистами, но должны одновременно выполнять вне трэд-юнионов партийную работу, хотя бы секретно, чтобы не скомпрометировать себя в трэд-юнионах.

Сталинцы во многих случаях заявляли, что "согласны" работать в трэд-юнионах лишь при том условии, если им дадут предварительно права коммунистических фракций. Смешное "условие"! Требовать от трэд-юнионной бюрократии, которая изгоняет коммунистов, чтобы она добровольно обставила их работу с необходимым комфортом, угрожая ей в противном случае стачкой, т. е. отказом от революционной работы - явная бессмыслица! Нужно уметь работать в профсоюзах без комфорта и без разрешения бюрократии.

Разумеется, коммунисты должны быть объединены во фракцию, но эта фракция, работающая на основании строгой внутренней дисциплины, вовсе не должна выступать открыто как фракция, если условия для этого не благоприятны (а в подавляющем большинстве случаев дело обстоит именно так).

Партия (Лига) должна иметь, разумеется, платформу трэд-юнионной работы для данного периода. Эту платформу надо уметь переводить на язык трэд-юнионных масс, чтобы тем вернее вести эти массы вперед. Опасность так называемого "хвостизма" (серьезная и большая опасность!) будет устранена тем лучше, чем полнее и решительнее партия в целом будет дополнять работу своих трэд-юнионных фракций.

Совершенно ясно, с другой стороны, что столь осторожный характер работа в трэд-юнионах будет нести до тех пор, пока коммунистам не удастся показать рабочим, что они не сталинские бюрократы, не тупые ультиматисты, а дельные, серьезные классовые борцы, на которых можно положиться, которым следует доверять. Чем больше будет расти влияние коммунистической фракции в профсоюзах, тем смелее и открытее она будет разворачивать свое партийное знамя.

Мы твердо надеемся на то, что эти основные соображения встретят полное сочувствие с вашей стороны.

[Л.Д.Троцкий]

25 сентября 1933 г.

[Письмо британским сторонникам]

Копия

Британской секции

25 сентября 1933 г.

Дорогие товарищи,

Тов. Пэтон предложил мне поместить мои статьи о НРП в журнале "Аделфи"262. Мой ответ будет ясен из прилагаемой копии.

Вы получили, наверное, выписку из протокола Пленума И[нтернационального] С[екретариата], из которой ясно, что предложение о вступлении в НРП было принято Пленумом единогласно. Мне непонятно, кто мог доставить вам столь ложную информацию. Во всяком случае, не тов. Витте263, который принимал активное участие в заседании Пленума и голосовал за общее предложение. Само собой разумеется, я далек от той мысли, что единогласное мнение Пленума обязывает вас подчиниться. Пленум вынес не готовое решение, а предложение, но предложение было серьезно обдуманно и обсуждено, и вынесено единогласно.

Тов. Феннер Броквей просил моего разрешения на напечатание в "Нью Лидер"264 статьи тов. Смита265. Представляю изложение моей беседы с ним266. Я, разумеется, изъявил согласие. Таким образом вы получите представление об

общем характере беседы, которая, впрочем, почти на сто процентов совпадала с содержанием посланных вам моих статей.

Я продолжаю думать, что судьба нашей британской секции на ближайшие годы зависит от правильного отношения к НРП. Еще Шекспир советовал вовремя пользоваться приливом, чтобы не оставаться на всю жизнь на отмели. Я с большим нетерпением и беспокойством ожидаю вашего окончательного решения по этому вопросу.

С товарищеским приветом

Л.Т[роцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

25 сент[ября] 1933 г.]

Где ты, Наташа? Опять горит лампа на ночном столике, вся комната во мраке, снизу звуки пианино, через окно шумит океан. Сегодня с утра дождь, потом яркое солнце, я гулял во дворе, лежал на скамье...

Третий день лечения против малярии, - без хинина: никакого шума в ушах, никаких вообще субъективных признаков того, что я "лечусь". Appetit прекрасный. Через два дня это лечение кончается.

Где ты, Наталочка? Ужасно далеко. Мне кажется моментами, что я забыл твое лицо. Эта мысль вообще ужасно преследует меня за последние месяцы, со смерти З[ины]. Очень-очень хочу видеть тебя. Скоро, может быть, нам удастся поселиться вместе.

26-го. Наталочка, я получил от Лух'а Фуртмюллера²⁶⁷ замечательное письмо: очень-очень умное, прекрасно написанное литературно, и страшно меня растрогавшее и напряженным изысканием молодой мысли, и отношением ко мне лично. Я лежал (в виде исключения) в своей комнате на диване и читал письмо в чрезвычайном волнении, в котором сочетались и высшая отрада, и острая грусть: письмо внушало уверенность, что дело наше будет продолжено, и в то же время навевало мысль, что оно будет продолжено без нас. Письмо это было им послано в конце июля и случайно открыто в куче бумаг в комнате Жанны (не по ее, по-видимому, вине, конечно). Где и как письмо пространствовало 2 м[е]с[я]ца, не могу понять. А он, бедняга, волновался. Я ему даже послал телеграмму сегодня о том, что письмо прочитал только теперь и что немедленно отвечаю.

27-го. Получил от тебя письмо (вместе с письмом для Веры, хорошо, что ты ей написала). Вчера приехал неожиданно Анри: условиться об отдыхе в благоприятном месте. Сегодня в 10 1/2 часа утра он уже уехал. Это прекрасный человек, умный и дельный. Я сейчас занят по уши: готовлю всякие проекты постановлений и решений, хочу непременно сегодня вечером все это отправить.

Напрасно ты, Наталочка, милая, беспокоишься: я ни разу не озяб. Полутеплое белье я нашел в шкафу; к тому же здесь вовсе не холодно, я сижу сейчас в парусиновой куртке при обоих настеш открытых окнах, и мне жарко.

И Лева, и Жанна, видимо, очень рассеянные люди. Лева необходимо все же хоть немного упорядочить свои приемы. У него нет даже записной книжки (к[о]т[о]рая должна лежать всегда в одном и том же кармане), он записывает на клочках, сует в разные карманы, теряет, нервничает.

Письмо я дал ему из рук в руки и попросил: "не забудь, пожалуйста". Потом перед отъездом спросил: "Не забудешь передать письмо?" Он хлопнул себя рассеянно по карману: "Нет, нет, что ты..." Он, видимо, переоделся. Я не сержусь, Наталочка, но ему необходимо дисциплинировать себя... Не огорчайся...

Крепко, крепко обнимаю и целую тебя, моя родненькая.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

По поводу попыток гальванизировать труп Контрольной Комиссии. (Проект постановления Исполнительной комиссии Лиги)

Исполнительная комиссия назначила в свое время Контрольную Комиссию ad hoc, исключительно для рассмотрения сплетен, распространявшихся против некоторых товарищей врагами Лиги и проникших даже внутрь Лиги. В состав

Комиссии были избраны три товарища, которым был хорошо известен бесчестный характер инсинуаций. Во главе Комиссии был поставлен тов. Витте, который не только не порицал действия оклеветанных товарищей, но официально взял на себя ответственность за эти действия в качестве члена Пленума.

Назначенная Контрольная Комиссия оказалась, однако, неработоспособной. В течение нескольких месяцев она ни разу не собралась. Никакого расследования сплетен и инсинуаций она не производила.

Ввиду обнаружившейся несостоятельности временной Контрольной Комиссии Пленум как высший орган большевиков-ленинцев вынес по вопросу о сплетнях категорическое постановление. Тем самым Контрольная Комиссия, не существовавшая фактически, была ликвидирована и формально.

Однако после того как члены Комиссии, и прежде всего тов. Витте, оказались вовлечены в беспринципную борьбу против Лиги и Пленума И[нтернационального] С[екретариата], они сделали попытку [...]268

Исполнительная комиссия с негодованием и отвращением осуждает такой недостойный образ действий и предупреждает, что будет каленым железом выжигать подобные нравы мелкобуржуазной и люмпенпролетарской коррупции из своих рядов.

[Л.Д.Троцкий]

27 сентября 1933 г.

Проект устава пленума Интернационального Секретариата

1. Пленум получает свой мандат от расширенного Пленума или от интернациональной конференции и действует на основе общих директив.

2. Все вопросы разрешаются в Пленуме большинством голосов и обязательны для всех нижестоящих организаций и прежде всего для членов самого Пленума.

3. Члены Пленума, оставшиеся в меньшинстве, имеют право довести свое особое мнение до сведения правлений всех секций. Разумеется, вынесенное решение приводится в действие немедленно, причем члены меньшинства обязаны подавать пример несокрушимой дисциплины.

4. В отношении вопросов исключительной важности члены меньшинства Пленума могут потребовать созыва расширенного Пленума. В случае, если большинство Пленума считает созыв расширенного Пленума нецелесообразным или неосуществимым по материальным причинам, меньшинство Пленума может потребовать опроса правлений всех секций. Решение большинства правлений секций является обязательным.

Приложение

Ввиду того что представитель бельгийской секции²⁶⁹ проживает в другом городе, представляется необходимым урегулировать взаимоотношения таким образом, чтобы, с одной стороны, обеспечить участие представителя бельгийской секции в разрешении важнейших вопросов, с другой стороны, чтобы из-за переписки не задерживать текущей работы и наиболее неотложных решений. Ввиду этого Пленум постановляет:

1. Все документы по подлежащим разрешению вопросам должны своевременно сообщаться представителю бельгийской секции.

2. Раз (два раза) в месяц происходят заседания с участием бельгийского делегата, на которых подлежат разрешению наиболее важные принципиальные вопросы.

3. В промежутках между двумя такими заседаниями голос бельгийского представителя учитывается по наиболее важным и не терпящим отлагательства вопросам.

4. Вся текущая работа ведется парижской коллегией Пленума.

5. Во всех вопросах, требующих немедленного решения, независимо от их важности, парижская коллегия может выносить решения за собственной ответственностью.

[Л.Д.Троцкий]

27 сентября 1933 г.

По поводу нарушений тов. Витте основных организационных принципов большевизма (демократического централизма)

Проект

(После точного перечисления всех незаконных действий Витте)

Представляется совершенно невероятным, что в своей деятельности тов. Витте ссылается на демократию. Оставим даже в стороне характер "демократии" в его собственной секции. Во всяком случае один из основных принципов демократии есть подчинение решению большинства. И[нтернациональный] С[екретариат], хорош ли он или плох, избран представителями важнейших секций и отражает, следовательно, точку зрения большинства нашей интернациональной организации. Оставшись в меньшинстве в Пленуме, Витте имел право довести свою точку зрения до правления всех секций, чтобы таким образом подготовить на будущей интернациональной конференции или новом расширенном Пленуме изменение состава И[нтернационального] С[екретариата] или его политики. Такое поведение было бы вполне совместимо с принципами демократического централизма. Вместо этого Витте обратился к Лиге с призывом не выполнять решений демократически выбранного Центра. Такой образ действий есть одновременно и нарушение демократии и попрание централизма. Другими словами, поведение тов. Витте абсолютно не совместимо с большевистскими принципами организации.

На заседании Пленума Витте прямо говорил: "господа, секция вас покидает, секция - это я". Одни эти слова достаточно характеризуют политические и организационные методы В[итте] и установленный им режим в г[реческой] секции. Однако В[итте] явно переоценивает свои возможности и силы, игнорируя объективное положение вещей. Если бы даже ему удалось на основании принципа: "секция - это я" (принципа бонапартского, а не марксистского) временно оторвать г[реческую] секцию, этот акт не мог бы не привести к глубокому брожению внутри секции. Рабочие хотели бы узнать, как и почему их оторвали от интернациональной оппозиции, которая до сих пор давала им основные идеи и политические директивы. Уже и в предшествующие годы произошло не мало отколов от г[реческой] секции, причем весьма вероятно, что одной из важнейших причин этих отколов являлся принцип "секция - это я". Можно не сомневаться, что идеи марксизма-ленинизма, противопоставленные методам Витте, вызовут в г[реческой] секции новую дифференциацию. Вокруг Витте останется лишь небольшая чисто национальная секта, которая, подобно секте Ландау и К°, будет влачить безнадежное существование в стороне от тех больших перспектив, которые сейчас открываются перед нами.

Анализируя историю конфликта Витте с нашей интернациональной организацией, можно установить следующий момент: Витте явно привык командовать своей национальной секцией, сводя элементы демократии к минимуму. С этими навыками он прибыл для центральной работы. Обстоятельства скоро выяснили, однако, что его национального опыта совершенно недостаточно для задач самостоятельного интернационального руководства. Само по себе это не составляет непоправимого бедствия, И[нтернациональный] С[екретариат] в целом состоит из сравнительно молодых работников, которым приходится учиться на опыте. Условием такого учения является дружная коллективная работа. Но тов. Витте привез с собой готовый принцип: "И[нтернациональный] С[екретариат] - это я". Когда он наткнулся на естественное сопротивление, он поставил себе задачей овладеть И[нтернациональным] С[екретариатом] в целом при помощи закулисных организационных действий. Так, он стал систематически и планомерно за спиной Интернационального Секретариата и Исполнительной комиссии Лиги, раздувать все виды недовольства, компрометировать И[нтернациональный] С[екретариат], не останавливаясь перед сообщением заведомо неправильных сведений и проч.

В этой работе Витте объединился с наиболее беспринципными и недисциплинированными элементами, которые по существу имеют очень мало общего с идеями большевиков-ленинцев и только потому оставались в нашей среде, что их дезорганизаторская и в значительной мере деморализующая работа слишком долго оставалась безнаказанной. Даже во время своей кратковременной поездки в Лондон Витте сделал попытку противопоставить британскую секцию нашей интернациональной организации и ее руководящему центру. С этой целью он заявил, в частности, британским товарищам, будто предложение о вступлении

в НРП исходит от отдельных лиц, а вовсе не от Пленума. Между тем Пленум при активном участии Витте принял единогласное заключение по этому вопросу (соответственная выписка из протокола прилагается)²⁷⁰. Не помнись этого постановления тов. Витте не мог, ибо он официально взял на себя его проведение, т. е. его защиту перед британскими товарищами.

Один этот пример, наряду с приведенными выше, дает достаточное представление о тех методах, к каким прибегает тов. Витте. Во имя какой цели? Он заявляет, что его не отделяют никакие политические разногласия от левой оппозиции. Такие заявления мы слышали десятки раз от Росмера, Ландау, Фрея, Милля и проч. Все они согласны были принять "идеи" левой оппозиции с тем, чтобы это не обязывало их на практике ни к последовательной политике, ни к искренней коллективной работе, ни к революционной дисциплине. Такого рода отношение к идеям левой оппозиции характеризует не большевика-ленинца, а мелкобуржуазного попутчика. Присутствие подобных элементов в нашей организации, вообще говоря, до известного времени неизбежно; лучшие из них постепенно перевоспитаются в пролетарской среде, худшие будут извергнуты. Но совершенно очевидно, что мелкобуржуазным попутчикам, притом проникнутым мыслью: "организация - это я", не место в руководящем органе нашей интернациональной организации.

Товарищ Витте ведет широкую агитацию против Пленума И[нтернационального] С[екретариата], обвиняя его в неработоспособности и проч. Мы отнюдь не склонны закрывать глаза на недостатки и прорехи в нашей работе. Мы намерены сделать все, чтобы улучшить работу И[нтернационального] С[екретариата] во всех отношениях. Мы просим, однако, товарищей не забывать, что в составе Пленума нет ни одного платного работника, который мог бы посвящать делам И[нтернационального] С[екретариата] все свое время. Нет также и технических работников для переписки или размножения документов.

Как ни велики, однако, недочеты в нашей работе, Витте меньше, чем кто бы то ни было, имеет право бросать нам упреки. До сентября тов. Витте был в течение [нескольких] месяцев платным перманентным секретарем. По признанию всех товарищей, именно в этот период И[нтернациональный] С[екретариат] почти совершенно не существовал, письма оставались без ответа, большинство секций жаловалось на отсутствие каких бы то ни было директив. Мы не считаем оправданием Витте то обстоятельство, что он все свое время посвящал закулисной агитации.

Пленум И[нтернационального] С[екретариата] неоднократно обращался к тов. Витте с напоминанием о его обязанностях и с предложением ввести свою оппозицию в легальные рамки. Витте отвечал на такие товарищеские напоминания и призывы только усилением своей дезорганизаторской деятельности. Дальше такое состояние не может быть терпимо. Пленум не может допустить того, чтобы один из его членов систематически и сознательно нарушал дисциплину и призывал к этому же подчиненные организации.

Пленум постановляет: считать невозможным дальнейшее сотрудничество с Витте; возложить на тов. Витте всю ответственность за такой результат; осудить тов. Витте перед лицом всей интернациональной оппозиции; призвать нашу г[реческую] секцию заменить Витте другим товарищем, действительно стоящим на основе организационных принципов большевизма.

[Л.Д.Троцкий]

28 сентября 1933 г.

[Письмо Н.И.Седовой]

28 сент[ября] 1933 г.]

Наталочек, Наталочек, мой далекий. Сегодня целый день буря, казалось, снесет дом. Я додиктовал наконец большую статью для "Бюллетеня" и вообще для нашей печати, завтра закончу обработку и пошлю Лева. Кажется, вышло неплохо - по вопросу, к[о]т[о]рый очень волнует теперь нашу публику: остается ли еще СССР рабочим государством?²⁷¹

Получил кучу писем от лиц, желающих видеть меня: американская журналистка, сочувствующая коммунизму, швейцарский товар[ищ] Ост, нем[ецкий] писатель Толлер²⁷², страсбургский редактор, 2 бельгийских т[овари]ща (Вареен²⁷³ - он тебе кланяется - и еще один). Чи-жа-ло²⁷⁴ становится, а

отказывать невозможно. Большинство визитов придется, однако, на время после отдыха. Ван завтра уезжает на конференцию, письмо это передам, вероятно, через него, авось не потеряет. Неровность моего почерка объясняется тем, что я пишу на колене, в угловом кресле, которое возлюбил. Сара очень хорошо поправилась, рожица почти цветущая. У Веры прекрасный характер: работает, как невольница, но всегда весела и приветлива, Жанна работает не меньше, но она как-то рассеянное и угрюмое, хотя за последнее время стала относиться ко мне не совсем, как к учреждению, а немножко как к старшему члену семьи, что ли... Мальчишки обносились и заработались до чертиков, особенно Ван, "технократ". Обыкновенно по вечерам я читаю в углу газеты, но сегодня их не принесли: газетчик ликвидировался за отсутствием публики, придется ездить, очевидно, на вокзал. Еще присовокупляю, милая Наталочка, что я сижу в теплых туфлях и ни разу еще здесь не озяб, чего и Вам желаю.

Малярийное свое лечение я закончил, завтра начинаю принимать укрепляющее средство: фосфор со стрихнином. Чувствую себя удовлетворительно, голова вполне ясная, только сплю не очень хорошо. Но отдых, надеюсь, вернет и сон.

Хочу сейчас написать еще несколько слов Лине Сем[еновне Клячко] об ее сыне: ей приятно будет услышать хороший отзыв.

Только что сошел вниз, снес газеты, - Шмидт как раз садился за пианино, я остался в столовой со всеми... *Passionata*...²⁷⁵ стыдно, я чуть-чуть там не расплакался, нет выше этой музыки, - хотя, что я знаю о музыке, Наталочка. Удастся ли тебе в Париже послушать настоящую музыку? Боюсь только, что не засну, очень меня взволновала музыка. Какой мир носил в себе Бетховен, - и какое оставил наследство! Эррио написал книгу о Бетховене²⁷⁶, мне кажется, такой филистер не может понять фигуру Бетховена (хотя что, собственно, я знаю о Бетховене?..)

29 сент[ября]. Вот я опять проснулся, еще открылся новый день, хочу сейчас работать над статьей, а после нее написать (до отъезда) о романе Мальро²⁷⁷. Будь здорова, Наталочка, не будь такой грустной, по письмам твоим (и по редкости их) вижу, что ты чувствуешь себя физически скорее плохо и вообще как будто угнетена. Милая моя, милая, будь здорова.

Твой

Л. [Троцкий]

Британской секции большевиков-ленинцев

2 октября 1933

Дорогие товарищи,

Я получил копию вашего письма от [...] ²⁷⁸ сентября. Позволяю себе высказать по вопросу о вступлении в НРП некоторые дополнительные соображения.

1. Мы не преувеличиваем значения НРП. В политике, как и в физическом мире, все относительно. По сравнению с вашей маленькой группой НРП - большая организация. Ваш маленький рычаг недостаточен для воздействия на Лейбор Парти, но может произвести большой эффект в отношении НРП.

2. Мне кажется, что Вы склонны немножко смотреть на НРП глазами сталинской партии, т. е. преувеличивать число мелкобуржуазных элементов и преуменьшать пролетарскую часть партии. Но если даже считать, что рабочих всего 10% (явное преуменьшение, ибо вы игнорируете провинцию), то и тогда окажется 1000 революционно настроенных рабочих. На самом деле гораздо больше.

3. Скачок от тысячи до 10000 гораздо легче, чем скачок от сорока до тысячи.

4. Вы говорите о преимуществах воздействия на НРП извне. Взятые в широком историческом масштабе, ваши доводы бесспорны, но бывают исключительные, повторяющиеся положения, которые надо уметь использовать при помощи исключительных мер. Революционные рабочие НРП сегодня еще держатся за свою партию. Их ни в каком случае не может привлекать перспектива примкнуть к группе в 40 человек, принципы которой им малоизвестны. Если они разочаруются в течение ближайшего года в НРП, они пойдут не к вам, а к сталинцам, которые сломают им позвоночник.

Если вы вступаете в НРП, чтобы работать над большевистским преобразованием партии (т. е. ее революционного ядра), то рабочие отнесутся к вам как к товарищам, сотрудникам, а не как к противникам, которые хотят извне расколоть партию.

5. Если бы дело шло к сложившейся однородной партии с устойчивым аппаратом, вхождение было бы не только бесцельно, но и пагубно. Но состояние НРП совсем иное: аппарат неоднороден и потому предоставляет разным течениям большую свободу. Революционная часть партии жадно ищет ответов. Оставаясь самостоятельной, группа ваша является в глазах рабочих только маленьким конкурентом сталинцев. Внутри партии вы гораздо успешнее можете сделать рабочим прививку против сталинизма.

6. Я думаю (это мое личное мнение), что даже отказавшись от собственного органа, вы с успехом сможете использовать орган НРП, как "Нью Лидер", так и дискуссионный орган. Американский "Милитант" может с успехом дополнить вашу работу, как и интернациональный "Бюллетень".

7. Должны ли все члены группы войти в НРП? Это вопрос чисто практический. (Если товарищи, работающие в компартии Великобритании, имеют широкое поле деятельности, они могут и дальше оставаться в ней. Хотя я лично думаю, что полезный эффект их работы был бы в несколько раз выше в НРП в настоящих условиях).

8. Войдете ли вы в НРП как фракция или индивидуально, это вопрос чисто формальный. По существу вы, конечно, будете фракцией, подчиняющейся общей дисциплине. Перед вступлением вы делаете открытое заявление: "Наши взгляды известны, мы основываемся на принципах большевизма-ленинизма и сложились как часть Интернациональнойлевой Оппозиции. Ее идеи мы считаем единственной основой, на которой может быть воздвигнут новый Интернационал. Мы вступаем в НРП, чтобы убедить членов партии на повседневной практической работе в правильности наших идей и в необходимости для НРП примкнуть к инициаторам нового Интернационала".

9. В каком смысле такое заявление может уменьшить престиж вашей группы? Мне это непонятно.

Разумеется, наш Интернациональный Секретариат не имел и не имеет в виду заставить вас голым приказом войти в НРП. Если вы сами не убедитесь в полезности такого шага, то ваше вхождение не принесет никакой пользы. Шаг исключительно ответственный, и его надо хорошо обдумать и взвесить. Цель настоящего письма, как и предшествующих моих писем, помочь вашей дискуссии.

С крепким товарищеским приветом

[Л.Д.Троцкий]

Редакции "Нью Лидер"

2 октября 1933 г.

Дорогие товарищи,

В номере "Дейли Уоркер" 279 от 14 сентября я нашел письмо тов. С.А.Смита, который защищает НРП от обвинения в том, будто ее делегация в Париже участвовала в построении Интернационала 2 1/2. У меня нет никакого основания вмешиваться в эту полемику по существу. Но я не могу не отметить того, что из письма тов. Смита можно сделать вывод, будто в Париже действительно было положено основание Интернационалу 2 1/2, хотя и без участия НРП. Я считаю необходимым рассеять перед аудиторией "Нью Лидер" всякие недоразумения на этот счет.

На Парижской конференции действительно участвовали некоторые организации, занимающие промежуточное положение между 2-м и 3-м Интернационалами. Таковы: Норвежская рабочая партия, французская ПЮП, итальянские максималисты и проч. Но как раз все эти организации высказались против нового Интернационала. В пользу создания нового Интернационала, но не 2 1/2, а Четвертого, высказались четыре организации: Интернациональная левая оппозиция, Социалистическая рабочая партия Германии и две голландские социалистические партии: Независимая и Революционная.

Я горячо советую читателям "Нью Лидер", как впрочем, и читателям "Дейли Уоркер", ознакомиться с Декларацией названных организаций "О необходимости нового Интернационала и его принципах" 281. Здесь я приведу только один

параграф из одиннадцати.

Пар[аграф] 8. "Готовые к сотрудничеству со всеми теми организациями, группами, фракциями, которые на деле развиваются от реформизма или бюрократического централизма (сталинизма) в сторону революционной марксистской политики, ниже подписавшиеся категорически заявляют в то же время, что новый Интернационал должен исключать какое бы то ни было примиренчество по отношению к реформизму или централизму. Необходимое единство рабочего движения не может быть достигнуто смешением революционных и реформистских взглядов или приспособлением к сталинской политике, но только через преодоление политики обоих обанкротившихся Интернационалов. Чтобы новый Интернационал был достоин своих задач, он не должен допускать никаких уклонов от революционных принципов в вопросах восстания, пролетарской диктатуры, советской формы государства и т. д."

В заключение позволяю себе сказать, что Интернациональная левая оппозиция (большевики-ленинцы) стоит гораздо дальше от принципов централизма (номер 2 1/2), чем нынешний барбюксированный Коминтерн.

С революционным приветом

Л.Троцкий

[Письмо Н.И.Седовой]

3 окт[ября] 1933 г.]

Наталочка, я не писал тебе дня три, отчасти ожидая писем от тебя, отчасти ожидая тебя самое, отчасти из-за статьи, к[о]т[о]рую заканчивал. Не знаю, что скажет молодежь (они в большинстве своем слишком беглые читатели), а мне кажется, что статья удалась...

Сегодня после завтрака (час дня) получил от тебя сразу два письма, от 29 и 1 окт[ября] с приложением двух открыток. Спасибо, Наталочка! Чтобы не забыть: Отто привез из Чехосл[овакии] в Париж фотограф[ические] карточки и медикамент для меня. Не растащили бы карточки и не потеряли бы медикамент (очень важный!!). Я еще, впрочем, Леве напишу.

В П[ачука] к врачу я нисколько не стремлюсь, совсем наоборот. Забота моя одна: ликвидировать как можно скорее [дела] здесь, чтобы освободить Ж[анну] и В[еру]!

Если Анри приедет раньше, тем лучше!

Погода здесь стоит великолепная: теплая (я в парусине при откр[ытых] окнах), тихая. Время от времени пробежит совсем летний дождь... Хочу еще здесь написать статью о романе Мальро (до отъезда).

Последние дни отвечал на письма, много написал, а все еще остается много писем неотвеченных. Корреспонденция пугает меня своими размерами. А ведь только начинается...

Я раньше просил Анри привезти сюда парикмахера, потом отменил это, сейчас колеблюсь. Во всяком случае, хорошо бы иметь краску для волос. Может быть ты, Наталочка, что-нибудь присоветуешь на этот счет Леве или Анри?..

Завтра как будто гости будут: Вареекен, один или с кем-нибудь. И швейцарский товарищ (не то мужчина, не то женщина) собирался приехать в самом начале окт[ября]. Остальные - позже. Хочу сейчас продиктовать еще циркуляр для пленума.

Оказывается, скоро едут на почту, а я хочу еще продиктовать письмо Леве. Прости, родненькая, что письмо вышло такое беглое, я хотел просто дать о себе знать - ввиду перерыва в три дня, - а написать лучше не мог, т[ак] к[ак] писал днем, с перерывами.

Будь здорова, скоро-скоро увидимся.

Обнимаю. Твой

Л. [Троцкий]

О предстоящей конференции революционно-социалистической и коммунистической молодежи (в Амстердаме 9-10 декабря 1933 г.) 282

Очень важно и спешно!

Всем секциям и юношеским организациям большевиков-ленинцев

Проект

Дорогие товарищи!

Мы прилагаем при сем копию циркулярного письма, разосланного голландским Социалистическим союзом молодежи, примыкающим к дружественной нам партии ОСП. Дело идет о созыве через два месяца международной конференции революционно-социалистической и коммунистической молодежи. Мы придаем этой инициативе исключительное значение. Крушение обоих Интернационалов тяжелее всего отражается на молодежи, как на слабейшем звене пролетарской армии. Возрождение интернационального рабочего движения и создание нового Интернационала немислимо без пробуждения, сплочения, интернационального объединения, революционно-теоретического и боевого воспитания пролетарской молодежи. Конференция в Амстердаме может и должна стать важным этапом на этом пути.

Из приложенного циркулярного письма явствует, что в конференции должны принять участие очень разнообразные по своей политической физиономии организации и группы революционной молодежи. Мы считаем такого рода состав на данной стадии не только неизбежным, но и политически правильным. Дело идет не о каких-либо сложившихся партиях с окостеневшей бюрократией. Все организации молодежи, перечисленные в циркулярном письме, или, по крайней мере, подавляющее большинство их, находятся в процессе формирования, прodelывают эволюцию в сторону коммунизма и еще только ищут своего теоретического и политического самоопределения. На такого рода юношеской конференции молодые большевики-ленинцы могут выполнить работу неизмеримой важности.

Два месяца срок небольшой. Необходимо немедленно же приступить к подготовке достойного участия в конференции наших секций. Интернациональный секретариат создал при себе с этой целью особую Центральную комиссию под председательством одного из членов Секретариата с участием представителей коммунистической молодежи трех национальных секций: в руках этой комиссии будет сосредоточена вся подготовительная работа под общим руководством Интернационального секретариата.

Мы рекомендуем правлениям национальных секций создать при себе подобного же рода национальные комиссии, с тем чтобы они немедленно же приступили к работе.

Первая задача состоит в серьезной проработке предложенного голландскими товарищами порядка дня, в подготовке проектов резолюций, в дополнении порядка дня новыми вопросами, в выработке политических и организационных предложений и проч. Все такого рода предложения, хотя бы и очень кратко, должны немедленно посылаться Центральной комиссии по указанному ниже адресу. Желательно в то же время, ввиду краткости времени, чтобы каждая секция немедленно рассылала свои предложения другим секциям, что, конечно, не освободит Центральную комиссию от рассылки необходимых материалов.

Желательно, чтобы как можно большее число наших секций и групп послали своих представителей на конференцию. Мы вынуждены, однако, заранее предупредить, что каждая секция должна будет сама покрыть расходы по поездке. Некоторые секции могут соединять свои усилия для посылки одного общего делегата. Вполне допустима, разумеется, передача мандата товарищу, живущему за границей, если он близко знаком с жизнью данной секции и выражает ее точку зрения.

В тех случаях, где материальные трудности помешают посылке делегата, необходимо выработать собственное приветствие конференции с кратким отчетом о работе среди молодежи и с кратким изложением общей принципиальной позиции.

Мы не сомневаемся, что в разных странах существуют организации, группы и фракции молодежи, которые еще не вошли в перечень голландских товарищей, но которые с полным успехом могут быть приглашены к участию в конференции. Мы предлагаем вам немедленно установить такие организации в вашей стране, сообщить о них голландской организации для официального их приглашения и в то же время уже немедленно начать с ними предварительные переговоры об их участии в конференции.

Когда первые подготовительные шаги будут сделаны и национальная комиссия достаточно овладеет вопросом, крайне желательно созвать, где возможно, открытые собрания революционной молодежи на тему: "Интернациональная конференция молодежи в Амстердаме". На таких собраниях желательно проводить краткие резолюции, указывающие на необходимость сплочения пролетарской молодежи на революционных основах марксизма.

Важнейшим пунктом порядка дня является 4-й: "Основные принципы и формы интернационального сотрудничества". По этому вопросу должен быть выработан проект программной декларации, которая должна будет в своем дальнейшем развитии стать хартией нового Интернационала молодежи. Мы приглашаем все секции без исключения внести те или другие предложения по этому вопросу. Со своей стороны, мы считаем совершенно необходимым вынести особую резолюцию по вопросу "Революционная молодежь и теория марксизма". Важнейшей задачей большевиков-ленинцев на данной, первоначальной, стадии интернационального движения молодежи будет поставить со всей решительностью вопрос о том, что Четвертый Интернационал, если он хочет стоять на высоте задач нашей эпохи, должен быть построен на гранитном фундаменте марксистской теории. Именно молодежи должно быть привито понимание неопределимого значения марксистской теории как орудия революционной практики. Недооценке значения теории, тем более пренебрежительному отношению к теории в рядах молодежи (такие настроения характерны для организаций в духе "Двухполовинного" [Интернационала]) должен быть дан товарищеский по форме, но непримиримый по существу отпор.

Вопрос о борьбе с фашизмом и с войной займет по необходимости важное место в работах конференции. Здесь мы должны с особой отчетливостью выдвинуть ленинские принципы революционной стратегии в противовес реформистскому и австро-марксистскому капитулянтству, центристской половинчатости всех видов и маскарадной "политике" Барбюса-Мюнценберга, которая своей ложью и фальшью, внешними эффектами и пустотой особенно губительна для революционного движения молодежи.

Таковы важнейшие соображения и указания, которые мы можем дать вам в настоящий момент. Мы твердо рассчитываем на вашу инициативу и настойчивость в подготовительной работе. Дело идет о вопросе - это можно сказать без преувеличения - исторической важности! Большевики-ленинцы могут и, следовательно, обязаны сыграть крупную роль в создании нового Интернационала молодежи.

Мы надеемся, что не позже, как через три дня по получении настоящего письма вы пришлете нам краткое сообщение о ваших планах, возможностях и об уже предпринятых вами практических шагах по подготовке к конференции.

Интернациональный Секретариат
6 октября 1933 г.

Что такое национал-социализм?

Наивные умы полагают, что королевское звание сидит в самом короле, в его горностаевой мантии и короне, в его костях и жилах. На самом деле королевское звание есть взаимоотношение между людьми. Король только потому король, что через его особу преломляются интересы и предрассудки миллионов людей. Когда эти взаимоотношения размываются потоком развития, король оказывается лишь поношенным мужчиной с отвислой нижней губой. Об этом мог бы, по свежим впечатлениям, порассказать тот, кто назывался некогда Альфонсом XIII.

От вождя божьей милостью вождь милостью народа отличается тем, что вынужден сам проложить себе дорогу, по крайней мере, помочь обстоятельствам открыть себя. Но все же вождь есть всегда отношение между людьми, индивидуальное предложение в ответ на коллективный спрос. Споры насчет личности Гитлера тем острее, чем больше ищут тайну его успеха в нем самом. Между тем трудно найти другую политическую фигуру, которая в такой мере была бы узлом безличных исторических сил. Не всякий ожесточенный мелкий буржуа мог бы стать Гилером, но частица Гитлера сидит в каждом ожесточенном мелком буржуа.

Быстрый рост германского капитализма до войны отнюдь не означал простого уничтожения промежуточных классов; разоряя одни слои мелкой буржуазии, он заново создавал другие: ремесленников и лавочников - вокруг заводов, техников и администраторов - внутри заводов. Но, сохраняясь и даже возрастая численно - старая и новая мелкая буржуазия составляет не многим менее половины германского народа, - промежуточные классы лишились последней тени самостоятельности, жили на периферии крупной индустрии и банковской

системы, питались крохами со стола монопольных трестов и картелей и идейными подачками их традиционных теоретиков и политиков.

Поражение воздвигло на пути германского империализма стену. Внешняя динамика превратилась во внутреннюю. Война перешла в революцию. Социал-демократия, помогавшая Гогенцоллерну довести войну до ее трагического конца, не дала пролетариату довести до конца революцию. 14 лет ушли на постоянные извинения веймарской демократии в собственном существовании. Коммунистическая партия звала рабочих на новую революцию, но оказалась неспособной руководить ею. Немецкий пролетариат прошел через подъемы и крушения войны, революции, парламентаризма и псевдобольшевизма. Одновременно с тем как старые партии буржуазии исчерпали себя вконец, динамическая сила рабочего класса оказалась подорвана.

Послевоенный хаос бил по ремесленникам, торговцам и служащим не менее жестоко, чем по рабочим. Сельскохозяйственный кризис разорял крестьян. Упадок средних слоев не мог означать их пролетаризацию, поскольку пролетариат сам выделял гигантскую армию хронических безработных. Пауперизация мелкой буржуазии, чуть прикрытая галстуком и чулками искусственного шелка, разъедала все официальные верования и прежде всего доктрину демократического парламентаризма.

Множественность партий, холодная горячка выборов, непрерывные смены министерств осложняли социальный кризис калейдоскопом бесплодных политических комбинаций. В атмосфере, накаленной войной, поражением, репарациями, инфляцией, рурской оккупацией, кризисом, нуждой и ожесточением, мелкая буржуазия поднялась против всех старых партий, которые обманули ее. Острые обиды маленьких собственников, не выходящих из банкротства, их академических сыновей без должности и клиентов, их дочерей без приданого и женихов, требовали порядка и железной руки.

Знамя национал-социализма было поднято выходцами из низшего и среднего командного слоя старой армии. Украшенные знаками отличия офицеры и унтерофицеры не могли поверить, что их героизм и страдания не только пропали даром для отечества, но и не дадут им самим особых прав на благодарность. Отсюда их ненависть к революции и пролетариату. Они не хотели в то же время мириться с тем, что банкиры, промышленники, министры снова возвращают их на скромные места бухгалтеров, инженеров, почтовых чиновников и народных учителей. Отсюда их "социализм". На Изере²⁸³ и под Верденом²⁸⁴ они научились рисковать собою и другими и разговаривать языком команды, который сильно импонировал тыловому мелкому буржуа. Так эти люди стали вождями.

В начале своей политической карьеры Гитлер выделялся, может быть, только большим темпераментом, более громким голосом, более уверенной в себе умственной ограниченностью. Он не внес в движение никакой готовой программы, если не считать жажды мести оскорбленного солдата. Гитлер начал с обид и жалоб – на условия Версаля, на дороговизну жизни, на отсутствие почтения к заслуженному унтер-офицеру, на происки банкиров и журналистов моисеева закона²⁸⁵. Разоряющихся, утопающих, людей с рубцами и свежими синяками в стране нашлось достаточно. Каждый из них хотел стучать кулаками по столу. Гитлер умел это делать лучше других. Правда, он не знал, как поправить беду. Но его обличения звучали то как команда, то как мольба, обращенная к немилостивой судьбе. Обреченные классы, подобно безнадежно больным, не устают варьировать свои жалобы и выслушивать утешения. Все речи Гитлера были настроены по этому камертону. Сентиментальная бесформенность, отсутствие дисциплины мысли, невежество при пестрой начитанности – все эти минусы превращались в плюсы. Они давали ему возможность объединять в нищенской суме национал-социализма все виды недовольства и вести массу туда, куда она его толкала. Из собственных первоначальных импровизаций в памяти агитатора сохранялось то, что встречало одобрение. Его политические мысли являлись плодом ораторской акустики. Так происходил отбор лозунгов. Так уплотнялась программа. Так из сырого материала формировался "вождь".

Муссолини с самого начала сознательнее относился к социальной материи, чем Гитлер, которому полицейский мистицизм какого-нибудь Меттерниха²⁸⁶ ближе, чем политическая алгебра Макиавелли²⁸⁷. Муссолини умственнее смелее и циничнее. Достаточно того, что римский атеист лишь пользуется религией как полицией или юстицией, тогда как его берлинский коллега действительно верит в особое покровительство Провидения. Еще в то время, когда будущий итальянский диктатор считал Маркса "нашим общим бессмертным учителем", он не

без искусства защищал теорию, которая видит в жизни современного общества прежде всего взаимодействие двух основных классов: буржуазии и пролетариата. Правда, писал Муссолини в 1914 г., между нами пролегают очень многочисленные промежуточные слои, которые образуют как бы "соединительную ткань человеческого коллектива"; но "в периоды кризиса промежуточные классы притягиваются, смотря по их интересам и их идеям, к одному или другому из основных классов". Очень важное обобщение! Как научная медицина вооружает возможностью не только лечить больного, но и кратчайшим путем отправить здорового к праотцам, так научный анализ классовых отношений, предназначенный его творцом для мобилизации пролетариата, дал возможность Муссолини, когда он перекинулся в противоположный лагерь, мобилизовать промежуточные классы против пролетариата. Гитлер совершил ту же работу, переведя методологию фашизма на язык немецкой мистики.

Костры, на которых сгорают нечестивая литература марксизма, ярко освещают классовую природу национал-социализма. Пока наци действовали как партия, а не [как] государственная власть, они почти не находили подступа к рабочему классу. С другой стороны, крупная буржуазия, даже та, которая поддерживала Гитлера деньгами, не считала его партию своей. Национальное "возрождение" полностью опиралось на промежуточные классы, наиболее отсталую часть нации, тяжелый балласт истории. Политическое искусство состояло в том, чтобы спаять мелкую буржуазию единством враждебности к пролетариату. Что нужно сделать, чтобы стало лучше? Прежде всего придавить тех, которые внизу. Бессильная перед крупным капиталом мелкая буржуазия надеется отныне разгромом рабочих вернуть себе социальное достоинство.

Наци называют свой переворот узурпированным именем революции. На самом деле в Германии, как и в Италии, фашизм оставляет социальную систему нетронутой. Взятый сам по себе переворот Гитлера не имеет права даже на имя контрреволюции. Но его нельзя рассматривать изолированно: он является завершением цикла потрясений, которые начались в Германии в 1918 году. Ноябрьская революция, передавшая власть рабочим и солдатским Советам, была, по своей основной тенденции, пролетарской. Но стоявшая во главе пролетариата партия вернула власть буржуазии. В этом смысле социал-демократия открыла эру контрреволюции, прежде чем революция успела довести свою работу до конца. Однако до тех пор пока буржуазия зависела от социал-демократии, следовательно, от рабочих, режим сохранял элементы компромисса. Между тем международное и внутреннее положение немецкого капитализма не оставляло больше места для уступок. Если социал-демократия спасла буржуазию от пролетарской революции, то пришла очередь фашизма освободить буржуазию от социал-демократии. Переворот Гитлера - только заключительное звено цепи контрреволюционных сдвигов.

Мелкий буржуа враждебен идее развития, ибо развитие идет неизменно против него: прогресс не принес ему ничего, кроме неоплатных долгов. Национал-социализм отвергает не только марксизм, но и дарвинизм²⁸⁸. Наци проклинают материализм, ибо победы техники над природой означали победу крупного капитализма над мелким. Вожди движения ликвидируют "интеллектуализм" не столько потому, что сами обладают интеллектами второго и третьего сорта, но прежде всего потому, что их историческая роль не допускает доведения ни одной мысли до конца. Мелкому буржуа нужна высшая инстанция, стоящая над материей и над историей и огражденная от конкуренции, инфляции, кризиса и продажи с молотка. Эволюции, экономическому мышлению, рационализму - двадцатому, девятнадцатому и восемнадцатому векам - противопоставляется национальный идеализм как источник героического начала. Нация Гитлера есть мифологическая тень самой мелкой буржуазии, ее патетический бред о тысячелетнем царстве на земле.

Чтобы поднять нацию над историей, ей дается опора расы. История рассматривается как эманация расы. Качества расы конструируются безотносительно к изменяющимся социальным условиям. Отвергая "экономическое мышление" как низменное, национал-социализм спускается этажом ниже: от экономического материализма он апеллирует к зоологическому материализму.

Теория расы, как бы специально созданная для претенциозного самоучки, ищущего универсальный ключ ко всем тайнам жизни, выглядит особенно плачевно в свете истории идей. Чтобы создать религию истинно германской крови, Гитлеру пришлось из вторых рук позаимствовать идеи расизма у француза, дипломата и писателя-дилетанта графа Гобино²⁸⁹. Политическую методологию

Гитлер нашел готовой у итальянцев. Муссолини широко использовал марксову теорию классовой борьбы. Сам марксизм явился плодом сочетания немецкой философии, французской истории и английской экономики. Проследить ретроспективно генеалогию идей, даже наиболее реакционных и тупоумных значит не оставить от расизма ни следа.

Безмерная скудность национал-социалистической философии не помешала, разумеется, университетской науке вступить на всех парусах в фарватер Гитлера, когда его победа достаточно определилась. Годы веймарского режима были для большинства профессорской черни временем смуты и тревоги. Историки, экономисты, юристы и философы терялись в догадках о том, какой из борющихся критериев истины настоящий, т. е. какой из лагерей окажется в конце концов хозяином положения. Фашистская диктатура устраняет сомнения Фаустов²⁹⁰ и колебания Гамлетов²⁹¹ университетской кафедры. Из сумерек парламентской относительности наука снова вступает в царство абсолютов. Эйнштейну²⁹² пришлось разбить свой шатер за пределами Германии.

В плане политики расизм есть надутая и хвастливая разновидность шовинизма в союзе с френологией. Как разорявшееся дворянство находило утешение в благородстве своей крови, так пауперизованная мелкая буржуазия упивается сказками об особых преимуществах своей расы. Достоинно внимания то, что вождями национал-социализма являются не германские немцы, а выходцы из Австрии, как сам Гитлер, из бывших балтийских провинций царской империи, как Розенберг²⁹³, из колониальных стран, как нынешний заместитель Гитлера по управлению партией Гесс²⁹⁴. Нужна была школа варварской национальной возни на культурных окраинах, чтобы внушить "вождям" те идеи, которые нашли впоследствии отклик в сердцах наиболее варварских классов Германии.

Личность и класс - либерализм и марксизм - зло. Нация - добро. Но у порога собственности эта философия выворачивается наизнанку. Только в личной собственности - спасение. Идея национальной собственности - исчадие большевизма. Обогащая нацию, мелкий буржуа ничего не хочет отдавать ей. Наоборот, он ждет, чтобы нация его самого наделила собственностью и оградила ее от рабочего и от судебного пристава. К несчастью, третий рейх не даст мелкому буржуа ничего, кроме новых налогов.

В области современного хозяйства, международного по связям, безличного по методам, принцип расы кажется выходцем со средневекового кладбища. Наци заранее идут на уступки: чистота расы, которая в царстве духа удостоверяется паспортом, в области хозяйства должна доказываться главным образом деловитостью. В современных условиях это значит: конкурентоспособностью. Через заднюю дверь расизм возвращается к экономическому либерализму, освобожденному от политических свобод.

Практически национализм в хозяйстве сводится к бессильным при всей своей грубости взрывом антисемитизма. От современной экономической системы наци отвлекают в качестве нечистой силы ростовщический или банковский капитал: как раз в этой сфере еврейская буржуазия занимает, как известно, крупное место. Склоняясь перед капитализмом в целом, мелкий буржуа объявляет войну злему духу наживы в образе польского еврея в длинном кафтане и нередко, без гроша в кармане. Погром становится высшим доказательством расового превосходства.

Программа, с которой национал-социализм пришел к власти, - увы, - весьма напоминает еврейский "универсальный" магазин в глухой провинции: чего тут нет - по низким ценам и еще более низкого качества! Воспоминания о "счастливых" временах свободной конкуренции и смутные предания об устойчивости сословного общества; надежды на возрождение колониальной империи и мечты о замкнутом хозяйстве; фразы о возвращении от римского права к старонемецкому и ходатайства об американском моратории; завистливая вражда к неравенству в виде особняка и автомобиля и животный страх перед равенством в виде рабочего в кепке и без воротника; беснование национализма и страх перед мировыми кредиторами... Все отбросы интернациональной политической мысли пошли на пополнение духовной сокровищницы новонемецкого мессианизма.

Фашизм открыл для политики дно общества. Не только в крестьянских домах, но и в небоскребах городов рядом с XX веком живет и сегодня X или XIII. Сотни миллионов людей пользуются электрическим током, не переставая верить в магическую силу жестов и заклинаний. Римский папа по радио проповедует о чуде превращения воды в вино. Звезды кинематографа гадают у гадалок. Авиаторы, управляющие чудесными механизмами, созданными гением

человека, носят под свитером амулеты. Какие неисчерпаемые резервы тьмы, невежества и дикости! Отчаяние подняло их на ноги, фашизм дал им знамя. Все то, что при беспрепятственном развитии общества должно было бы быть выброшено из национального организма в виде экскрементов культуры, сейчас прорвалось через горло: капиталистическую цивилизацию рвет непереваренным варварством. Такова физиология национал-социализма.

Немецкий фашизм, как и итальянский, поднялся к власти на спине мелкой буржуазии, которую он превратил в таран против рабочего класса и учрежденной демократии. Но фашизм у власти - меньше всего правительство мелкой буржуазии. Наоборот, это самая беспощадная диктатура монополистского капитала. Муссолини прав: промежуточные классы не способны на самостоятельную политику. В периоды великих кризисов они призваны доводить до абсурда политику одного из двух основных классов. Фашизму удалось двинуть их на службу капитала. Такие лозунги как огосударствление трестов и упразднение нетрудовых доходов, по приходе к власти сразу оказались за бортом. Наоборот, партикуляризм немецких "земель", опиравшийся на особенности мелкой буржуазии, очистил место капиталистически-полицейскому централизму. Каждый успех внутренней и внешней политики национал-социализма будет неминуемо означать дальнейшее подавление мелкого капитала крупным.

Программа мелкобуржуазных иллюзий не отменяется; она просто отрывается от действительности и растворяется в ритуальных действиях. Объединение всех классов сводится к полусимволике трудовой повинности и к конфискации "в пользу народа" рабочего праздника 1 мая. Охранение готического шрифта в противовес латинскому есть символический реванш за гнет мирового рынка. Зависимость от интернациональных, в том числе и еврейских, банкиров, не смягчается ни на иоту; зато запрещено резать животных по ритуалу талмуда. Если дно ада вымощено добрыми намерениями, то мостовые третьего рейха выстилаются символами.

Сводя программу мелкобуржуазных иллюзий к голому бюрократическому маскараду, национал-социализм поднимается над нацией, как наиболее чистая форма империализма. Надежды на то, что правительство Гитлера не сегодня-завтра падет жертвой своей внутренней несостоятельности, совершенно ложны. Программа необходима была наци, чтоб прийти к власти; но власть служит Гитлеру вовсе не для того, чтоб выполнять программу. Задания ставит ему монополистский капитал. Насильственная концентрация всех сил и средств народа в интересах империализма - подлинная историческая миссия фашистской диктатуры, - означает подготовку войны, а эта задача в свою очередь не терпит никакого внутреннего сопротивления и ведет к дальнейшей механической концентрации власти. Фашизм нельзя ни реформировать, ни уволить в отставку. Его можно только опрокинуть. Политическая орбита режима наци упитается в альтернативу: война или революция?

Л. Троцкий

Принкипо, 10 июня 1933 г.

P. S. Влится первая годовщина диктатуры наци. Все тенденции режима успели принять явный и отчетливый характер. "Социалистическая революция", которая рисовалась мелкобуржуазным массам как необходимое дополнение к национальной революции, официально ликвидирована и осуждена. Братство классов нашло свою кульминацию в том, что имущие в особо назначенный правительством день отказываются в пользу неимущих от ор-девра²⁹⁵ и десерта. Борьба с безработицей свелась к тому, что полуголодную порцию делят на две части. Остальное есть задача унифицированной статистики. Плановая автаркия является просто новой стадией экономического распада.

Чем бессильнее полицейский режим наци в области хозяйства, тем более он вынужден переносить свои усилия в область внешней политики. Это вполне отвечает внутренней динамике германского капитализма, агрессивного насквозь. Внезапный поворот наци в сторону миролюбивых заявлений мог удивить только совершенных простаков. Какой другой метод остается в распоряжении Гитлера, чтобы перенести ответственность за внутренние бедствия на внешних врагов и накопить под прессом диктатуры взрывчатую силу империализма? Эта часть программы, открыто намеченная еще до прихода наци к власти, выполняется сейчас с железной последовательностью на глазах всего мира. Срок новой европейской катастрофы определяется временем, необходимым для вооружения Германии. Дело идет не о месяцах, но и не о десятилетиях. Немногих лет

достаточно, чтоб Европа оказалась вновь ввергнута в войну, если Гитлеру не помешают своевременно внутренние силы самой Германии.

[Л.Д.Троцкий]

2 ноября 1933 г.

Вместо предисловия

Наши бельгийские друзья обратились ко мне с просьбой дать предисловие для брошюры, характеризующей политическое положение в Бельгии и задачи пролетариата. Я должен признать, что не имел возможности за последние годы следить изо дня в день за внутренней жизнью Бельгии. Я постараюсь, конечно, восполнить этот пробел. Но сегодня я во всяком случае не счел бы себя вправе высказаться с необходимой конкретностью по поводу актуальных, практических вопросов борьбы бельгийского пролетариата. В этом нет, однако, и надобности. Наши бельгийские товарищи, как показывает настоящая брошюра, умеют без помощи извне определять свой путь.

Вместо предисловия я хочу высказать несколько общих соображений о политическом положении Европы и вытекающих отсюда задачах пролетарского авангарда. Сказанное ниже относится и к Бельгии, поскольку общий кризис капитализма, рост фашизма и опасность войны накладывают решающую печать на внутреннюю жизнь всех стран Европы.

Победа национал-социализма в Германии привела в других европейских странах к усилению в пролетариате не коммунистических, а демократических тенденций. В особо яркой форме мы видим это на примере Англии и Норвегии. Но тот же процесс происходит несомненно и в ряде других стран. Весьма вероятно, в частности, что социал-демократия Бельгии пройдет в ближайший период через новый политический подъем. Что реформизм является худшим тормозом исторического развития и что социал-демократия обречена на крушение, - это для нас азбука. Но одной азбуки мало. Надо уметь различать конкретные этапы политического процесса. В общем историческом упадке реформизма, как и капитализма, неизбежны периоды временного подъема. Лампа, прежде чем потухнет, вспыхивает всегда очень ярко. Формула: либо фашизм, либо коммунизм - совершенно верна, но лишь в последнем историческом счете. Пагубная политика Коминтерна, поддержанная авторитетом рабочего государства, не только скомпрометировала революционные методы, но и дала возможность социал-демократии, запятнанной преступлениями и изменами, снова поднять над рабочим классом знамя демократии как знамя спасения.

Десятки миллионов рабочих до глубины души встревожены опасностью фашизма. Гитлер показал им снова, что значит разгром рабочих организаций и элементарных демократических прав. Сталинцы утверждали в течение последних лет, что между демократией и фашизмом нет разницы, что фашизм и социал-демократия - близнецы. Рабочие всего мира на трагическом опыте Германии убедились в преступной нелепости таких речей. Отсюда дальнейший упадок сталинских партий в условиях исключительно благоприятных для революционного крыла. Отсюда же стремление рабочих держаться за свои массовые организации и за свои демократические права. Благодаря десятилетней преступной политике сталинизированного Коминтерна политическая проблема стоит перед сознанием миллионных рабочих масс не в виде решающей антитезы: диктатура фашизма или диктатура пролетариата, а в виде гораздо более примитивной и расплывчатой альтернативы: фашизм или демократия.

Надо брать исходное политическое положение, как оно есть, не делая себе никаких иллюзий. Разумеется, мы всегда остаемся верны себе и своему знамени; мы всегда и при всяких условиях открыто говорим, кто мы, чего хотим, куда идем. Но мы не можем механически навязать массам нашу программу. Опыт сталинцев на этот счет достаточно красноречив. Вместо того, чтобы сцепить свой паровоз с поездом рабочего класса и ускорить его движение вперед, сталинцы пускают свой паровоз с громким свистом навстречу поезду пролетариата, задерживают его движение вперед, а иногда сшибаются с ним, причем от маленького паровоза остается один лом. Результат такой политики налицо: в одних странах пролетариат стал беззащитной жертвой фашизма, в других странах он отброшен назад, на позиции реформизма.

О серьезном и длительном возрождении реформизма не может быть,

разумеется, и речи. Дело идет, собственно, не о реформизме в широком смысле слова, а об инстинктивном стремлении рабочих охранять свои организации и свои "права". От этих часто оборонительных и консервативных позиций рабочий класс может и должен в процессе борьбы перейти в революционное наступление по всей линии. Наступление должно, в свою очередь, сделать массу восприимчивой к большим революционным задачам и, следовательно, к нашей программе. Но, чтобы достигнуть этого, надо уметь пройти открывающийся ныне период обороны вместе с массой, в ее первых рядах, не растворяясь в ней, но и не отрываясь от нее.

Сталинцы (и их жалкие подражатели, брандлерманцы) объявили демократические лозунги под запретом для всех стран мира: для Индии, которая не совершила еще своей освободительной национальной революции; для Испании, где пролетарскому авангарду еще только предстоит найти пути превращения ползучей буржуазной революции в социалистическую; для Германии, где разбитый и распыленный пролетариат лишен всего, что он завоевал за последнее столетие; для Бельгии, пролетариат которой не сводит глаз со своей восточной границы и, подавляя глубокое недоверие в душе, поддерживает партию демократического "пацифизма" (Вандервельде²⁹⁶ и К°). Голое отрицание демократических лозунгов сталинцы выводят абстрактным путем из общей характеристики нашей эпохи как эпохи империализма и социалистических революций. В такой постановке вопроса нет и грана диалектики! Демократические лозунги и иллюзии не отменяются декретом. Надо, чтобы масса прошла через них и изжила их в опыте боев. Задача авангарда состоит в том, чтобы сцепить свой паровоз с поездом массы. В нынешней оборонительной позиции рабочего класса нужно найти динамические элементы; нужно заставить массу делать выводы из ее собственных демократических посылок; нужно углублять и расширять русло борьбы. И на этом пути количество переходит в качество.

Напомним еще раз, что в 1917 году, когда большевики были уже неизмеримо сильнее каждой из нынешних секций Коминтерна, они продолжали требовать скорейшего созыва Учредительного собрания, снижения возрастного ценза, избирательных прав для солдат, выборности чиновников и проч. и проч. Главный лозунг большевиков "Вся власть Советам" означал с апреля до сентября 1917 года: вся власть социал-демократии (меньшевикам и эсерам). Когда реформисты заключили правительственную коалицию с буржуазией, большевики выдвинули лозунг "Долой министров-капиталистов". Это опять означало: рабочие, заставьте меньшевиков и эсеров взять в свои руки всю власть! Политический опыт единственной победоносной пролетарской революции искажен и оболган сталинцами до неузнаваемости. Наша задача и здесь состоит в том, чтобы восстановить факты и сделать необходимые выводы для сегодняшнего дня.

Мы, большевики, считаем, что действительным спасением от фашизма и войны является революционное завоевание власти и установление пролетарской диктатуры. Вы, рабочие-социалисты, не согласны встать на этот путь. Вы надеетесь не только спасти завоеванное, но и продвинуться вперед на путях демократии. Хорошо! Пока мы не убедили вас и не привлекли на нашу сторону, мы готовы пройти с вами этот путь до конца. Но мы требуем, чтобы борьбу за демократию вы вели не на словах, а на деле. Все признают - каждый по-своему, - что в нынешних условиях необходимо "сильное правительство". Заставьте же вашу партию открыть действительную борьбу за сильное демократическое государство. Для этого надо прежде всего смести вон все остатки феодального государства. Избирательное право надо дать всем мужчинам и женщинам, достигшим 18-ти лет, в том числе и солдатам армии. Полное сосредоточение законодательной и исполнительной власти в одних руках одной палаты! Пусть ваша партия откроет серьезную кампанию под этими лозунгами, пусть поднимет на ноги миллионы рабочих, пусть через натиск масс овладеет властью. Это было бы, во всяком случае, серьезной попыткой борьбы с фашизмом и войной. Мы, большевики, сохранили бы за собой право разъяснять рабочим недостаточность демократических лозунгов; мы не могли бы взять на себя политической ответственности за социал-демократическое правительство, но мы честно помогли бы вам в борьбе за такое правительство; вместе с вами мы отбивали бы все атаки буржуазной реакции. Более того, мы обязались бы перед вами не предпринимать революционных действий, выходящих за пределы демократии (действительной демократии), пока большинство рабочих не стало бы сознательно на сторону революционной диктатуры.

Таково должно быть в ближайший период наше отношение к социалистическим и беспартийным рабочим. Заняв вместе с ними исходные позиции демократической обороны, мы должны сразу же придать этой обороне серьезный пролетарский характер. Надо твердо сказать себе: мы не допустим того, что произошло в Германии. Надо, чтобы каждый передовой рабочий насквозь проникся мыслью: не позволить фашизму поднять голову. Надо постепенно и настойчиво окружать рабочие дома, редакции и клубы кольцом пролетарской защиты. Надо столь же настойчиво окружать все очаги фашизма (редакции газет, клубы, фашистские казармы и проч.) кольцом пролетарской блокады. Надо заключать боевые соглашения политических, профессиональных, культурных, спортивных, кооперативных и иных рабочих организаций о совместных действиях по обороне всех учреждений пролетарской демократии. Чем более серьезный и вдумчивый, чем менее крикливый и хвастливый характер будет иметь эта работа, тем скорее она завоеует доверие пролетарских масс, начиная с молодежи, и тем вернее она приведет к победе.

Такими представляются мне основные черты действительно марксистской политики в ближайший период. В разных странах Европы эта политика примет, конечно, различную форму в зависимости от национальных обстоятельств. Внимательно следить за изменением обстановки и за сдвигами в сознании масс и выдвигать на каждом новом этапе лозунги, вытекающие из всей обстановки, - в этом и состоит задача революционного руководства!

Л. Троцкий

7 ноября 1933 г.

[Письмо американским издателям Саймону и Шустеру]297

Саймон и Шустер

Вы спрашиваете, какие книги, по моему мнению, заслуживают издания в Америке. Первым делом, хочу назвать молодого французского писателя Мальро...298

Этот роман не хочет быть только произведением словесного мастерства299. Он ставит большие проблемы человеческой судьбы. В300 условиях социального и культурного кризиса, охватившего весь мир, вопросы301, всегда волновавшие человека и большое искусство: жизнь и смерть, любовь и героизм, личность и общество - с новой остротой встают перед творческим сознанием302. Из этого источника только и может обновиться современное искусство, истощившее себя в поисках чисто формальных достижений.

Мальро в последнем счете индивидуалист и пессимист. Подобное303 ощущение мира и жизни мне психологически304 чуждо, чтобы не сказать305 враждебно. Но в306 пессимизме Мальро, поднимающемся до отчаяния, заложено героическое начало. Мальро берет своих интерн[ациональных] героев на фоне революции. Театром личных драм является Шанхай 1927 года. Автор близко знает китайскую революцию по собственному опыту. Но в романе нет ни этнографии, ни истории. Это роман человеческих судеб307 и личных страстей, которым революция сообщает308 предельную силу309 напряжения. Индивидуалист и пессимист310 поднимается в конце концов над индивидуализмом311 и пессимизмом. Только большая сверхличная цель, за которую человек готов заплатить ценою своей жизни, придает смысл личному существованию. Таков последний смысл312 романа, чуждого философской дидактичности и остающегося с начала до конца подлинным произведением искусства.

[...]313

Именно в Соединенных Штатах, где грозный кризис привычных условий существования безжалостно подкапывает чисто эмпирическое отношение к жизни, роман Мальро должен, мне кажется, найти многочисленных читателей.

Л. Троцкий

9 ноября 1933 г.

Замечания по поводу декларации "Активно-социалистического фронта"314

1. Совершенно не ясно, что должен представлять собой по мысли

инициаторов активно-социалистический фронт: постоянный блок существующих рабочих партий или новую партию? По-видимому, это не вполне ясно и самим инициаторам. Если дело идет о новой партии, то какова ее программа, каковы принципы стратегии и тактики? Если дело идет о соглашении существующих партий, то каких именно и на почве каких конкретных задач? Из некоторых мест декларации можно сделать вывод, что дело идет о постоянном соглашении всех существующих рабочих организаций для разрешения всех задач классовой борьбы. Но такой постоянный блок, неизбежно лишаящий самостоятельности всех участников, ничем по существу не отличается от партии, хотя бы и "сверхпартийной". Снова возникает вопрос: где же программа?

2. Причину поражения германского пролетариата декларация видит в негодном руководстве. Само по себе это бесспорно, но негодность декларация сводит к недостаточной "активности". Всякая сила характеризуется также и своим направлением. Об этом в декларации ни слова. Активность - по какой линии, во имя каких целей, какими методами?

Масса и аппарат, - гласит декларация, - были в Германии превосходны, несостоятельным оказалось только руководство. Это неправильная, чисто механическая постановка вопроса. Аппарат есть группировка людей на основе определенных идей и методов (программа и тактика). Каким образом аппарат мог быть "превосходен", если идеи и методы руководства оказались никуда не годны? Между массой и аппаратом, между аппаратом и руководством не механическая, а диалектическая связь: они воздействуют друг на друга и воспитывают друг друга: при негодном руководстве аппарат не может быть превосходным; при плохом аппарате масса не может быть подготовлена к революционной борьбе.

3. Декларация говорит о "злосчастном расколе" рабочего движения. Здесь опять обнаруживается непонимание значения программы и тактики партии. Раскол есть продукт непримиримости программ. Может ли быть речь о нашем единстве с фашистскими рабочими организациями? Авторы декларации признают, надеемся, что нет. Но разногласие между марксистской и реформистской политикой не менее непримиримо, хотя и располагается в другой плоскости. Вся политика социал-демократии как партии направлена на сохранение, упрочение, лечение, оздоровление капиталистического государства. Политика революционной партии направлена на ниспровержение капиталистического государства. Каким же образом эти две партии могут объединиться?

Противоположность программ не исключает, однако, возможности временного единого фронта там, где дело идет об обороне от общего врага, угрожающего непосредственно обеим партиям. Задачи и методы совместных действий должны быть совершенно ясно и точно определены.

4. Совершенно нельзя согласиться с декларацией в отношении той решающей роли, которая отводится психотехнике, заменяющей по существу политику. Единственный пример успешного завоевания власти пролетариатом дала Россия. Между тем большевистская партия руководилась не психотехникой, а марксистскими принципами политики. Декларация много говорит о мужестве, энтузиазме, самопожертвовании, противопоставляя их экономическим интересам пролетариата. Противопоставление это совершенно не научно. Энтузиазм масс вызывается не психотехническими приемами, а ясной постановкой революционных задач. При наличии правильной политики технические методы и формы агитации имеют, конечно, свое значение. Но и относительно психотехники декларация не дает сколько-нибудь серьезных новых или ценных указаний. В конце концов все сводится к нескольким символам. Этого мало для побед.

Крайне любопытно, что для общего фронта декларация предлагает "три стрелки" и возглас "свобода". Но ведь эта социал-демократическая символика не помешала ни партии, ни железному фронту обнаружить полную свою внутреннюю гнилость. Три стрелки есть сейчас знак политического банкротства. Было бы наивно думать, что под этим знаком пролетарская революция будет собирать свои батальоны.

5. Вместо политической программы действий декларация предлагает "психологическое перемирие" в рабочем классе. Кто нарушит перемирие, кто позволит себе оскорбительные выражения по адресу другого "социалиста", тот будет объявлен предателем. Замечательное решение вопроса! Предателем можно отныне объявлять лишь того, кто невежливо выражается; если же Гильфердинг служит капиталистическим министром финансов или Гжезинский расстреливает рабочих, то их надо называть не предателями, а многоуважаемыми товарищами.

6. Свою психотехнику авторы пытаются обосновать на рефлексологии Павлова³¹⁵. Что Павлов является гениальным психофизиологом, совершенно бесспорно. Но попытки самого Павлова механически переносить свои выводы в область политики не давали ничего, кроме реакционной путаницы. Подменять законы массовой борьбы законами индивидуальных рефлексов и ставить на место Маркса Павлова никуда не годится. (Позволю себе сослаться на свою полемику против Павлова в этом именно вопросе)³¹⁶.

7. Величайшая ошибка думать, что социал-демократия и компартия выживут и останутся во главе пролетариата. Исторический опыт и наблюдения величайших учителей пролетариата (Маркса, Энгельса, Ленина) одинаково свидетельствуют о том, что политическая катастрофа, ответственность за которую ложится на революционную партию, убивает данную партию и навсегда сводит ее со сцены.

Никакими вспрыскиваниями психотехники нельзя спасти социал-демократию. Нужна новая партия на основах Маркса и Ленина, с учетом всего международного опыта за последние десятилетия. Нужен новый, Четвертый Интернационал!

Л. Троцкий

13 ноября 1933 г.

Ответы на вопросы Аниты Бреннер³¹⁷, "New York Times"

1. Я считаю совершенно ложными всякого рода теории, которые пытаются объяснить кризис временными или случайными причинами, вроде последствий войны, националистического поветрия, ложной таможенной или валютной политики и проч. Все эти факты и процессы могут, конечно, обострить кризис, но они сами имеют производный характер. Сама война явилась попыткой (прежде всего со стороны германского капитала) предотвратить надвигающийся грандиозный кризис. Основная причина нынешнего кризиса в том, что производительные силы современного общества вступили в непримиримое противоречие как с частной собственностью на средства производства, так и с национальными границами государств. Производительные силы требуют плановой организации в общеевропейском, а затем и в мировом масштабе. Без этого и до этого возможны и неизбежны, конечно, конъюнктурные колебания; ближайшее же ухудшение конъюнктуры скоро приведет к новому, может быть, еще более болезненному кризису. Вся суть в том, что мы имеем сейчас не просто один из конъюнктурных кризисов нормального капиталистического цикла, нет, мы вступили в социальный кризис капитализма как системы. Все попытки опровергнуть или затушевать этот факт являются безнадежными.

2. Нет³¹⁸.

3. Нет.

4. Дело идет непосредственно не о "демократии", а о частной собственности на средства производства. Система планового хозяйства несовместима с системой частной собственности.

5. При помощи таких и подобных мер можно, может быть, продолжить конвульсии капиталистической системы, но нельзя вернуть ей жизнеспособность.

6. Ответ вытекает из сказанного выше.

7. О полном успехе говорить нельзя. Противоречия советского хозяйства еще очень велики и в некоторых отношениях даже обострились. Но только слепой может не видеть грандиозной силы планового метода, опирающегося на национализированную собственность.

8. СССР не есть еще ни коммунистическое, ни социалистическое государство. Это переходная система от капитализма к социализму, причем до социализма остается еще долгий и трудный исторический путь.

9. Практическое доказательство того, что возможна успешная хозяйственная работа без капиталистического класса.

10. Ошибки советского правительства многочисленны. Я их многократно критиковал в печати и затруднился бы здесь выделить самую крупную. Но несмотря на эти ошибки, СССР остается провозвестником новой общественной системы и серьезным фактором мира.

11. Гитлера надо опрокинуть. Этого нельзя сделать без революции. Нужно, чтобы массы оправились от поражения. Нужно, чтобы во главе масс стала новая революционная партия. Все это требует известного времени.

12. Это единственное, что ему остается в смысле "разрешения" внутренних

вопросов. Охраняя капитализм, который он обещал разрушить, Гитлер вынужден отвлекать внимание масс от социальных вопросов к национальным и расовым.

13. Безусловно.

14. Большая война (я не говорю о превентивной малой войне) вряд ли возможна в Европе ранее трех-четырёх лет, необходимых для полного вооружения Германии. Но зато по истечении этого срока война станет неизбежной. На Дальнем Востоке, где японская военная камарилья совершенно потеряла голову, война возможна в любой час. Я считаю, что сближение между Соединенными Штатами и Советским Союзом должно образумить милитаристов Токио и в этом смысле является фактором мира.

15. Вся история человечества подошла к поворотному пункту, в том числе и история Соединенных Штатов. Впереди предстоят великие потрясения и трудности, может быть, даже временный упадок культуры. Но я не сомневаюсь, что человечество поднимется в конце концов на новую высоту.

16. Поколений.

Л. Троцкий

13 ноября 1933 г.

Ответы на вопросы Берлина, "Jewish Periodical" 319, New York

Что нужно для успешной борьбы с гитлеризмом? Прежде всего надо понять, что это большая и трудная задача, которой нельзя разрешить одними лишь средствами коммерческого бойкота. Вопрос разрешится внутри Германии. Внутренние противоречия гитлеровского режима велики, но они могут найти два разных выхода: война или революция.

В случае войны, которую Гитлер упорно и систематически подготавливает, судьба режима будет связана с судьбой войны. Но всякому мыслящему человеку ясно сейчас, что в новой войне может погибнуть не только фашизм, но и культура Европы. А это была бы слишком дорогая цена!

Предотвратить войну может только революционное низвержение режима наци. В этом смысле я и говорю, что вопрос о Гитлере будет решен внутри Германии. В противоположность легкомысленным чиновникам Коминтерна, я не жду скорой революции в Германии. Катастрофа, которая обрушилась на германский пролетариат, слишком грандиозна. Разбиты не только его организации, но и его политические надежды. После таких страшных поражений народные массы нуждаются в значительном сроке, чтобы снова собраться с силами.

Одновременно пойдет создание новой пролетарской партии. Вы спрашиваете, не могут ли сохранить свое историческое место социал-демократия и компартия? Нет, не могут. Рабочий класс прощает своим вождям многие ошибки, но он не может простить и не простит чудовищных преступлений социал-демократии и позорного банкротства так называемой компартии. Вся история свидетельствует, что революционная партия, оказавшаяся несостоятельной в большом историческом испытании, сходит со сцены или, по крайней мере, теряет руководящую роль. Немецкий пролетариат будет собирать свои ряды под новым знаменем. Он будет строить новую партию и участвовать в строительстве нового Интернационала.

Этим я вовсе не хочу сказать, что вся предшествующая работа социал-демократии и компартии попросту вычеркивается из истории. Миллионы и миллионы рабочих социал-демократов и коммунистов мучительно размышляют сейчас над всем, что произошло, и вырабатывают себе, опираясь на свои старые знания, новый образ мыслей. Эта невидимая подпольная работа происходит на заводах, в тюрьмах и в концентрационных лагерях. Не случайно же три миллиона голосов под небывалым еще в мировой истории политическим террором ответили вчера Гитлеру: нет! Число это будет расти. Революционные борцы будут крепнуть и закаляться. Не так быстро, как мы бы хотели, но с железной необходимостью Германия идет навстречу величайшей революции.

Чем могут - спрашиваете вы - американские рабочие помочь борьбе немецкого пролетариата с фашизмом? Главная помощь может и должна состоять в борьбе с фашизмом на почве самой Америки. Немцы составляют значительную часть населения Соединенных Штатов. Гитлер хочет превратить их в закваску для американского фашизма. Трудящиеся массы Америки должны с величайшим вниманием следить за этим процессом. Надо, чтобы каждый американский рабочий сказал себе: мы не дадим фашистам поднять голову! Мало сказать - надо

сделать. Надо окружить кольцом оборонительных боевых организаций каждый очаг фашистской заразы. Надо беспощадно пресекать в корне каждую попытку фашистов завладеть улицей, разгромить газету или разогнать собрание.

Национал-социализм неразрывно связан с погромным антисемитизмом. Для еврейской части населения США вопрос о развитии фашизма в Америке имеет, таким образом, кровное значение. Надеяться на то, что американская "конституция" является сама по себе гарантией против фашизма, было бы чистейшим ребячеством. Пример Италии и особенно Германии должен же чему-нибудь научить взрослых людей. Только массовая борьба против фашизма способна приостановить его развитие. В этом смысле еврейское трудящееся население Америки может ждать действительной защиты только от мощного развития рабочего движения в Соединенных Штатах.

[Л.Д.Троцкий]

13 ноября 1933 г.

Проект [письма Интернационального Секретариата британской секции
Левой оппозиции]

Британской секции

Дорогие товарищи,

Муниципальные выборы в Англии имеют крайне важное симптоматическое значение. Они показывают громадный рост Лейбор партии и упадок влияния, по крайней мере относительного, как НРП, так и компартии. В условиях исключительно благоприятных для революционного крыла Коминтерн не крепнет, а слабеет. Это явление имеет не национальный, а интернациональный характер. Выборы в Норвегии и в Швейцарии обнаруживают ту же тенденцию. Эти факты полностью подтверждают диагноз, поставленный нами после победы фашизма в Германии. Крушение Коминтерна происходит гораздо быстрее, чем крушение партий Второго Интернационала. Это вполне понятно, если принять во внимание, что в Германии оказался скомпрометированным непосредственно революционный выход из положения. Социал-демократия временно получает даже новый прилив сил. В последнем счете эти свежие массы взорвут социал-демократию и создадут основу для построения действительно революционной партии. Но для этого необходима правильная политика левого крыла, начиная с большевиков-ленинцев.

Так называемая Британская компартия есть труп. Связывать себя с этим трупом значит обрекать себя на гниение. Эта опасность, насколько мы можем судить, все более угрожает НРП. Вместо того чтобы повернуться лицом к Лейбор партии, НРП повернулась лицом к Коминтерну.

Можно, правда, возразить, что НРП совсем недавно еще оторвалась от Лейбор партии и что мы оценивали это как шаг вперед. Совершенно правильно! Мы и сейчас очень далеки, разумеется, от того, чтоб предлагать НРП вернуться в состав Лейбор партии и подчиняться ее дисциплине.

Такая политика была бы полной изменой по отношению к революционным задачам, стоящим перед британским пролетариатом. Но совершенно очевидно, что НРП может выполнить серьезную работу лишь в том случае, если она станет рычагом революционного воздействия на массы Лейбор партии и трейд-юнионов.

Надо ясно понять, что в нынешних условиях связь НРП с компартией не спасет последнюю, но зато наверняка погубит первую. Руководство Коминтерна абсолютно не поняло и не способно понять урока последних больших событий. Сталинская бюрократия уже и не ставит перед собой по существу больших исторических задач, требующих завоевания большинства пролетариата. В борьбе за свои посты и свое жалование эти чиновники заботятся лишь о том, чтобы кое-как поддержать свое существование, перехватив сотню или тысячу рабочих у НРП. Прямая обязанность большевиков-ленинцев повернуть НРП спиной к Коминтерну и лицом к Лейбор партии. Этого нельзя, однако, достигнуть, не заняв самым ясной и отчетливой позиции в вопросе о компартии. Мы ждем поэтому от вас сообщения о том, какие выводы сделала ваша организация для своей собственной деятельности из последних муниципальных выборов.

Интернациональный Секретариат

14 ноября 1933 г.

В Интерн[ациональный] Секретариат

15 ноября 1933 [г.]

Дорогие товарищи,

В письме ко мне, копию которого, как и копию моего ответа, я при сем прилагаю³²¹, тов. Вальхер изображает дело так, будто я единолично, вопреки "коллективному" мнению всех остальных требую, чтобы дискуссионный орган опирался на декларацию четырех. У меня нет, разумеется, ни малейшего желания действовать в этом вопросе, как и в других, от личного моего имени. Вы знаете историю вопроса. По вашему общему желанию я беседовал подробно с тов. Г.³²² Я со всей настойчивостью доказывал ему, что немыслимо приступить к изданию без предварительной платформы. Тов. Г. в принципе согласился со мной и готов был (таково мое твердое впечатление) принять декларацию четырех, как основу издания. Он хотел лишь посоветоваться со своими друзьями. Противником декларации четырех выступил, таким образом, не Г., стоявший ранее в стороне от нас, а Вальхер, один из подписавших декларацию четырех. Вся политика Вальхера состоит из такого рода экивоков. Я думаю, что по этому вопросу Секретариат должен вынести свое решение. Совершенно очевидно, что без нас журнал не осуществится, ибо ни Г., ни Вальхер не захотят все же передать журнал Брандлеру-Тальгеймеру. Надо заставить Вальхера сделать выбор между нами и брандлерианцами. Это единственный способ сдвинуть вообще дело с мертвой точки. Нам надо здесь проявить полную твердость, так как уступчивостью мы до сих пор только усиливали колебания Вальхера. Решение вытекает, мне кажется, совершенно ясно из всех обстоятельств дела.

а) Интернациональный Секретариат не считает возможным связать себя заранее участием в органе, платформа которого и состав редакции не определены заранее.

б) В качестве минимальной платформы И[нтернациональный] С[екретариат] предлагает декларацию четырех.

в) Состав редакции должен обеспечить действительное и систематическое проведение этой платформы, что не исключает, разумеется, самых широких рамок для дискуссии.

г) Так как издание должно служить подготовке Четвертого Интернационала, то с момента создания устойчивого интернационального центра журнал должен стать его официальным органом.

С ком[мунистическим] приветом

[Л.Д.Троцкий]

Бельгийской секции большевиков-ленинцев

Дорогие товарищи!

С большим интересом прочитал я № 10 вашего внутреннего бюллетеня, заключающий в себе протокол переговоров с "коммунистами-интернационалистами". Я радовался тому, как правильно ставили наши друзья вопросы. С другой стороны, речи тов. Энно³²³ (Hennaut) производили на меня самое плачевное впечатление. Он представляет собою, по крайней мере в нынешнем своем состоянии, законченный образец теоретической и политической растерянности. Ни по одному вопросу он не вносит ничего, кроме сомнений, колебаний и опасений. Самое убийственное состояние для человека, который хочет быть революционером!

Четыре конгресса Коминтерна? Но в них было "что-то" неправильное, раз результаты получились столь плачевные. Что же именно было неправильно? Энно этого не знает. Он предлагает искать какую-то неведомую ему "ошибку". На самом деле ошибка целиком на стороне самого Энно. Он думает, что судьба Коминтерна определялась не борьбой живых социальных сил, а какой-то первоначальной "ошибкой", которую нужно открыть - точно дело идет о математическом расчете. Почему не пойти дальше и не сказать: три Интернационала исходили из учения Маркса и все три потерпели крушение; надо, следовательно, найти "основную ошибку" у Маркса. Можно пойти еще дальше этого и сказать, что, несмотря на науку, люди продолжают страдать и бедствовать; ясно: в науке заложена какая-то "основная ошибка". Вопрос берется не исторически, не диалектически, а догматически, в духе католической церкви, которая все бедствия человечества объясняет первородным

грехом. Теория Суварина в отношении Коминтерна и есть теория первородного греха. А Энно – увы – стал учеником бесплодного схоласта Суварина.

По словам того же Энно (т. е. Суварина), наша политическая линия в Германии была ошибочна с начала до конца. Нужна порядочная... смелость, чтоб сделать такое утверждение! В чем же состояла наша ошибка? Не в нашем анализе, не в нашем прогнозе, не в наших директивах, а в том, что мы призывали коммунистов-рабочих давить на свою партию, чтобы заставить ее встать на путь правильной политики. Вместо этого мы должны были бы сказать рабочим: не тратьте усилий, Коминтерн все равно погиб. В то же время Энно считает, что для создания нового Интернационала время не созрело. Что же надо было предложить практически немецким рабочим? Махнуть рукой на старый Интернационал, но и не строить нового. Оставалось отправиться домой спать. Нашу ошибку эти безжизненные педанты видят в том, что мы, не скрывая от рабочих ничего, в то же время не обескураживали их, а старались помочь им извлечь из обстановки все, что можно было из нее извлечь. Каждый вождь стачки поступает таким образом. Иначе он не вождь, а презренный капитулянт!

Путь спасения для Энно состоит в открытии "дискуссии" с Сувариним, бордигистами, Урбансом и прочими безнадежными трупами. Как будто эта дискуссия не ведется уже в течение последних лет; как будто она не подверглась проверке событиями; как будто эти события не развели нас в разные стороны; как будто принципиальная дискуссия за столом "конференции" может что-нибудь прибавить к политическому опыту, освещенному долгой теоретической борьбой!

Надо посмотреть, говорит Энно, нет ли "чего-нибудь" правильного у Суварина и у всех других "коммунистических" групп и группочек. Сам Энно не решается ясно и точно сказать, что именно он у них нашел правильного. Он рекомендует "искать". Но вся наша работа из дня в день и состоит в том, что мы ищем для каждого вопроса наиболее правильный ответ. У нас выработались свои методы, у нас есть свои ответы, у нас есть своя критика чужих взглядов. Энно не подвергает всей этой огромной коллективной работы своей собственной оценке, он проходит мимо всего того, что нами сделано, и предлагает заняться "поисками" и "дискуссией", как будто мы сегодня только родились на свет. Бесплодная позиция, насквозь пропитанная духом суваринизма!

Особенно наивны речи о том, что наше участие в парижской конференции, где мы "сидели за одним столом" с пюкистами и проч., представляет собой "оппортунистическую ошибку". Критерием Энно является, таким образом, не единство марксистских принципов, а... единство стола! Он ни словом не говорит о содержании нашей Декларации и о нашей резолюции, которая собрала четыре подписи. Он забывает или не умеет понять, что мы сохранили полную независимость действий и полную свободу критики по отношению к нашим союзникам. То обстоятельство, что САП и ОСП голосовали за бессодержательную и потому насквозь фальшивую резолюцию семи, показывает, конечно, что наши союзники не достигли необходимой марксистской ясности. Но ведь мы первые указали на этот факт открыто в печати и – совместной работой, как и критикой – поможем нашим союзникам достигнуть необходимой ясности.

Доводы Энно против борьбы за Четвертый Интернационал не менее ошибочны и безжизненны, чем все остальные его рассуждения. "Для создания Третьего Интернационала, – говорит он, – понадобилась война и русская революция". Многие повторяют эту формулу, не вдумываясь в ее содержание. Война не облегчила, а наоборот, чудовищно затруднила революционную работу, особенно интернационального характера. Все скептики а'la324 Энно считали поэтому "несвоевременным" и даже "бесмысленным" лозунг Третьего Интернационала во время войны. Сейчас фашизм играет до известной степени ту роль, какую в 1914–1918 гг. играла война, тем более, что фашизм подготавливает новую войну. Но – говорит Энно – для создания Коминтерна понадобилась еще и русская революция. Замечательное откровение! А разве русская революция упала с неба? Для пролетарской победы в Октябре нужна была партия большевиков, проникнутая не духом Сталина-Каменева (март 1917 года)325, а духом Ленина. Другими словами, нужно было, чтобы Ленин в самом начале войны, в самых трудных и неблагоприятных условиях открыл борьбу за Третий Интернационал, не считаясь со скептиками, нытиками и путаниками. Создание Коммунистического Интернационала произошло не на Первом конгрессе 1919 года (это чисто формальный акт), а в процессе предшествующей подготовительной работы, под открытым знаменем Третьего Интернационала. Из этой исторической аналогии

выводы для нашей нынешней работы вытекают сами собой.

Этим письмом я ни в малейшей степени не собираюсь вторгаться в ваши переговоры. Если группа Энно или часть ее примкнет к нашей секции, я буду только радоваться. Но в корне ложна мысль Энно, будто условием дальнейших успехов является объединение всех оппозиционных осколков Третьего Интернационала. Эти осколки надо взвешивать и оценивать не по их имени и не по их претензиям, а по их действительному теоретическому и политическому содержанию. У кого есть что сказать, тот не дожидается неведомой всеобщей конференции, а излагает свои мысли в виде программы, тезисов, статей и речей. Кто апеллирует к будущей спасительной конференции, которая должна "что-то" найти, "что-то" открыть, тот показывает лишь, что у него никаких мыслей нет. Я не сомневаюсь, что это для вас так же ясно, как и для меня.

С горячим пожеланием успеха

Г. Гуров

16 ноября 1933 г.

Послесловие к французскому изданию книги "Моя жизнь" 326

Эта книга была написана около четырех лет назад. С того времени немало воды утекло. Необходимо посвятить хоть несколько строк последнему периоду моей жизни. Четыре с половиной года моей третьей эмиграции, до последнего переселения во Францию, протекли в Турции, на острове Принкипо. Это были годы теоретической и литературной работы, главным образом над историей русской революции. Связь с друзьями по родине оказалась, разумеется, нарушенной, хотя далеко не в такой степени, как хотели и надеялись вожди правящей фракции. Для достижения полной моей изоляции в Турции они не останавливались ни перед какими средствами. Блюмкин, убивший в 1918 году германского посла Мирбаха и ставший впоследствии одним из работников моего военного секретариата, посетил меня тайно в Константинополе с целью наладить доставку в СССР издаваемого мною "Бюллетеня оппозиции". По возвращении в Москву он имел неосторожность или несчастье довериться лицу, которое выдало его. Блюмкин был расстрелян. Это не единственная жертва.

11 января 1933 г. я отправил из Турции Центральному комитету партии письмо³²⁷, из которого привожу здесь несколько строк:

"Я считаю необходимым сообщить вам, как и почему моя дочь покончила самубийством. В конце 1930 года вы, по моей просьбе, разрешили моей туберкулезной дочери Зинаиде Волковой временно выехать в Турцию для лечения. Я тогда не предполагал, что за этим либерализмом скрывается задняя мысль. В январе 1931 года дочь моя прибыла сюда с пневмотораксом на обоих легких. После ее десятимесячного пребывания в Турции удалось - при постоянном сопротивлении советских заграничных представительств - добиться для нее разрешения выехать на лечение в Германию. Больная поправлялась и мечтала о том, чтобы вместе с мальчиком вернуться в СССР, где у нее остались ее девочка и муж, которого Сталин держит в ссылке, как большевика-ленинца.

20 февраля 1932 года вы опубликовали декрет, которым не только я, моя жена и наш сын, но также и дочь моя, Зинаида Волкова, лишались прав гражданства СССР. За границей, куда вы отпустили ее с советским паспортом, моя дочь только лечилась. Она не принимала и по состоянию здоровья не могла принимать никакого участия в политической борьбе. Лишение ее гражданства было голым и бессмысленным актом мести по отношению ко мне. Для нее же лично этот акт означал разрыв с маленькой дочерью, мужем, всеми друзьями, всей привычной жизнью. Ее психика, и без того потрясенная - сперва смертью младшей сестры, затем собственной болезнью - потерпела новый удар, тем более тяжкий, что совершенно неожиданный и решительно ничем с ее стороны не вызванный. Врачи-психиатры заявили единодушно, что только скорейшее возвращение в обычные условия, к семье, к труду могут спасти ее. Но именно эту возможность спасения отнимал ваш декрет от февраля 1932 года. Удар оказался для больной невыносимым. 5 января она отравила себя газом. Ей было 32 года.

В 1928 году моя младшая дочь, Нина, мужа которой Сталин заключил в изолятор и держит там уже в течение пяти лет, слегла вскоре после моей высылки в Алма-Ату, в больницу. У нее обнаружилась скоротечная чахотка.

Чисто личное письмо ее ко мне без малейшего отношения к политике вы продержали свыше 70 дней, так что мой ответ уже не застал ее в живых. Она скончалась 28 лет... Я ограничиваюсь этим сообщением, без дальнейших выводов. Для выводов время наступит. Их сделает возрожденная партия."

Несмотря на все преимущества Турции как места ссылки изоляция в более широком смысле все же не удалась. Сосланных и заточенных русских друзей заменили иностранные, не менее верные. Из разных стран приезжали на Принкипо молодые товарищи, чтобы провести в нашей семье несколько месяцев, иногда год и более. Среди них были французы, немцы, чехословаки, англичане, американцы, китайцы, индусы. Новые личные связи и дружба, облегчавшие наше существование на маленьком острове, явились частным выражением новой политической группировки в рабочем движении. Русская левая оппозиция получила постепенно международный характер. Возникли десятки национальных секций и изданий. Выросла большая литература на всех языках цивилизованного человечества. К тому моменту, как пишутся эти строки, движение левой оппозиции окончательно порвало с Коминтерном и выдвинуло задачу подготовки нового, Четвертого Интернационала...

Здесь скептик неизбежно прервет меня.

- Сколько лет вы принадлежали ко Второму Интернационалу?

- С 1897 по 1914 год, следовательно, свыше 17-ти лет.

- А затем?

- Затем разрыв со Вторым Интернационалом в самом начале войны и около пяти лет борьбы за новый Интернационал, учрежденный в 1918 году.

- К Третьему Интернационалу вы принадлежали, следовательно 14 лет?

- Примерно так.

- Теперь собираетесь строить Четвертый? Не похоже ли это на верчение белки в колесе?

- Нет, не похоже. Все развитие человечества идет не по прямой, а по сложной кривой, ибо путь определяется не циркулем и линейкой, а борьбой живых сил, которые тянут в разные стороны. Историческая орбита рабочего класса не составляет исключения. За каждый большой успех пролетариат, единственно прогрессивный класс современного человечества, платит ценою новых поражений, разочарований и отступлений. Второй Интернационал выполнил в свое время большую воспитательную работу. Но он погубил себя ограниченным духом национализма и реформизма. Когда капитализм из эпохи подъема вошел в эпоху стагнации, из-под политики реформ оказалась вырвана почва. С другой стороны, национальные границы стали тесны для хозяйственного развития: социал-патриотизм получил насквозь реакционный характер. На смену Второму Интернационалу пришел Третий. Октябрьская революция была его историческим крещением. Но и революция есть глубоко противоречивый процесс, этапы которого обусловлены обстоятельствами времени и места. Из революции вышел новый правящий слой, который защищает и в то же время искажает созданную революцией общественную систему при помощи мер самого близорукого, ограниченного и консервативного бюрократизма. Авторитетом Октябрьской революции советская бюрократия подчинила себе Коммунистический Интернационал, обезличила и обессилила его. За последние годы он не принес пролетариату ничего, кроме удушающего полицейского режима, убийственных ошибок и тяжких поражений. В результате он вопреки своей воле помог временному возрождению осужденных историей социал-демократических партий. Неистово борясь против них на словах и уступая им поле не деле, он открыл ворота небывалой в истории реакции. Победа немецкого фашизма обусловлена комбинированными капитуляциями Второго и Третьего Интернационалов.

Такие преступления не прощаются. Партии, виновные в политической катастрофе, обречены на слом. Из нынешней страшной реакции пролетариат раньше или позже снова выйдет на революционную дорогу. Но он будет собирать свои фаланги под новым знаменем. В этом исторический смысл подготовки Четвертого Интернационала. Пусть господа скептики злорадствуют и издеваются. История не делается скептиками. Во всяком случае, не для скептиков написана эта книга.

[Л.Д.Троцкий]

16 ноября 1933 г.

Дорогие товарищи,

Посылаю вам проект письма ко всем партиям и рабочим организациям по поводу единого фронта против фашизма³²⁸. Я избегаю выражения "единый фронт" как слишком скомпрометированного разными толкованиями. Прежде всего нам необходимо стовориться в своей собственной среде и с союзниками. Сделать это надо без всякой огласки. Когда предварительное соглашение будет достигнуто, письмо надо выпустить от какой-либо "нейтральной" организации, пожалуй, лучше всего от НАС³²⁹. При такой инициативе можно собрать во Франции некоторое количество синдикальных подписей. После этого могут начать присоединяться партии и другие организации.

Если вы согласны с планом, перешлите предложение Снивлиту, чтобы выяснить прежде всего, можно ли надеяться на подпись НАСа.

Важность этого дела не требует пояснений. Мы таким путем подвергнем новому испытанию НРП в Англии, шведов, организацию Шафхаузен и пр. Нужно только, чтобы дело не исходило официально от нас. Мы появимся на сцену на следующей стадии.

[Л.Д.Троцкий]

22 ноября 1933 г.

[Письмо В.Буриану]³³⁰

22 ноября 1933 г.

Дорогой тов[арищ] Буриан,

В отношении чешского издания моей "Истории" я повинен в непростительной путанице. Распоряжение всеми иностранными изданиями моей "Истории" я передал в свое время издательству Пфемферта в Берлине, которое прекрасно справилось со своей задачей. Пфемферт вел давно уже переговоры и с чешскими издательствами. Но все это происходило в столь давние времена и, главное, отделено от сегодняшнего дня такими грандиозными событиями, что я, признаться, совершенно забыл обо всех этих обстоятельствах и в суматохе, в числе многих других писем, подписал полномочие для вас. Разумеется, у меня нет и не может быть ни малейшего мотива сожалеть об этом, поскольку дело идет лично о вас. Но я совершил явную, хотя и несознательную нелояльность по отношению к тов. Пфемферту.

Как исправить дело? Положение облегчается тем, что в обоих случаях дело идет, по-видимому, об одном и том же издателе Войовом. Разумеется, издательство должно принять ваш перевод, который должен быть оплачен в первую голову. Но договор должен быть подписан Пфемфертом, если это еще не поздно. Очень, очень прошу вас достигнуть на этот счет необходимого согласования с Александрой Ильиничной Пфемферт.

Крепко жму руку.

[Л.Д.Троцкий]

Чего хочет Гитлер?

Гитлер хочет мира. Его речи и интервью на эту тему построены по не новой схеме: война не способна разрешить ни одного вопроса, война грозит истреблением лучших рас, война несет с собой гибель культуры. Классическая аргументация пацифизма, насчитывающая не одну сотню лет! Тем утешительнее, если рейхсканцлеру удалось уже убедить кое-каких иностранных журналистов в своей безусловной искренности. Правда, другой пацифист, в искренности которого во всяком случае не может быть сомнения, Карл Осецкий³³¹, мог бы спросить, почему, собственно, он продолжает пребывать в концентрационном лагере, если его основную тему старательно, хотя и не очень талантливо, развивает нынешний глава правительства? Но Осецкий для того и изолирован, чтобы не задавать неудобных вопросов.

Убедительность доводов Гитлера - в их массивности. Все министры, все ораторы, все газеты клянутся в том, что Третья Империя призвана осуществить

братство народов. Если национал-социалистическая Германия сплошь обучится владеть оружием, то только для того, чтобы закалить свою ненависть к нему. Даже фон Папен, который еще только 13 мая нынешнего года проповедовал, что истинному немцу полагается умирать молодым на поле брани, а не от старческого склероза, не устает ныне повторять, что нет ничего достойнее, как мирно испустить дух среди внуков и правнуков.

Народы Европы страстно хотят сохранения мира. Неудивительно, если они пытаются с надеждой прислушиваться к массивной аргументации Берлина. Преодолеть сомнения, однако, не легко. Многие спрашивают: а как же быть, например, с автобиографией Гитлера³³², которая целиком построена на идее непримиримости интересов Германии и Франции? Успокоительное объяснение гласит: автобиография писалась в тюрьме, когда нервы автора были не в порядке, и лишь по явной оплошности министра пропаганды³³³ эта неуравновешенная книга продолжает служить основой национального воспитания до сего дня. После того как вопрос о "равноправии" будет разрешен в пользу Третьей Империи, Гитлер подготовит к печати новое, более удовлетворительное издание. Если книга называлась до сих пор "Моя борьба", причем главным объектом "моей борьбы" был Версальский договор, то в будущем автобиография будет называться, очевидно, "мой мир" и к ней будет приложена экспертиза национал-социалистических врачей в том, что нервы Гитлера в полном порядке. А Лейпцигский процесс³³⁴ показывает, что судебно-медицинская экспертиза наци имеет право на неограниченное доверие.

Если бы на свете существовали только искренность и миролюбие, то жизнь была бы, вероятно, сплошной отрадой. К несчастью, рядом с этими добродетелями живут еще глупость и доверчивость. И читая ежедневно мировую прессу, подчас говоришь себе, что перевес как-будто начинает склоняться в сторону доверчивой глупости. Кому придется за нее расплачиваться?

Автор этих строк уже попытался однажды привлечь внимание читателей к замечательному политическому документу, именно к "Открытому письму" Гитлера рейхсканцлеру фон Папену³³⁵. К сожалению, наш слабый голос явно не дошел по назначению. "Открытое письмо" не стало, как мы того желали, настольной книгой каждой редакции и дипломатической канцелярии. А между тем оно этого вполне заслуживает. Опубликованные недавно секретные документы немецкой пропаганды тоже очень поучительны, нет спора. Но они имеют неудобства секретности. Всегда можно заподозрить подделку. "Открытое письмо" не секретный документ. Это брошюра, официально выпущенная партией наци 16 октября 1932 года, за три месяца до прихода Гитлера к власти. Его нервная система успела к тому времени, надо думать, вполне восстановиться после испытаний 1923 года. Гитлер уже чувствовал себя почти у руля. Ему оставалось еще только свалить последнее препятствие. Правящие классы смотрели на него с надеждой, но не без боязни. Больше всего они опасались авантур "романтического" шовинизма. Цель "Открытого письма" состояла в том, чтобы заверить верхи имущих классов, бюрократию, генералитет, ближайшее окружение Гинденбурга, что он, Гитлер, в противовес легкомысленному реваншарду Папену, будет идти к своей цели с величайшей осторожностью. "Открытое письмо" заключало в себе законченную систему внешней политики, которая только сейчас получает все свое значение. Выход Германии из Лиги Наций был встречен во всем мире как неожиданная и неразумная импровизация; между тем в "Открытом письме" совершенно точно указано, почему Германия должна будет покинуть Женеву и как надо будет обставить этот разрыв. Исключительная ценность письма состоит в том, что Гитлер, еще вынужденный в те дни бороться и полемизировать, неосторожно обнажил секретные пружины своей будущей внешней политики. Исходная позиция письма та же, что и в автобиографии: интересы Германии и Франции совершенно непримиримы; Франция не может добровольно согласиться на изменение соотношения сил в пользу Германии; Германия не может добиться "равноправия" путем дискуссий на международных конференциях, чтобы международная дипломатия признала право Германии на вооружение, надо, чтобы немцы предварительно вооружились. Но именно поэтому нельзя, подобно Папену, требовать вслух вооружения Германии. Это лозунг "народного движения", но ни в каком случае не дипломатии. Ответственное правительство, - т. е. правительство Гитлера, а не Папена, - должно требовать только разоружения Франции. А так как Франция ни в каком случае не сможет на это пойти, то Германия должна будет покинуть Лигу Наций, чтобы тем самым развязать себе руки. Для войны? Нет. Германия пока еще слишком слаба,

чтоб правительство ее могло говорить в ближайшее время другим языком, кроме языка пацифизма. Ссылаясь на "опасность", грозящую ей с востока, и используя антагонизмы между государствами Запада, Германия должна воссоздавать базу своего милитаризма постепенно, переходя от общего к частному и специальному. Для этой работы нужен национальный заговор молчания: Осецких прежде всего под замок! Ответственное правительство само должно взять в руки инструмент пацифизма. Таким путем удастся в течение нескольких лет подготовить коренное изменение в соотношении сил. После этого можно будет от "моего мира" снова перейти к "моей борьбе" и даже к "моей войне".

Таков план Гитлера. Этот план вытекает из всей обстановки как международной, так и внутренней. Гитлер сам позаботился дать человечеству ключ - или, употребляя более подходящее выражение, отмычку - к своей будущей международной политике. При всем уважении к свидетельским показаниям двух растроганных журналистов, мы предпочитаем опираться на показание самого Гитлера, подкрепленное внушительной системой прямых и косвенных улик.

Из фактов, даже неизбежно установленных, можно делать разные практические выводы. На политику Гитлера можно ответить по-разному. В задачу настоящей статьи меньше всего входит намерение давать вершителям судеб Европы какие бы то ни было советы: они, вероятно, сами знают, что им нужно делать. Но предпосылкой реалистической политики, каковы бы ни были ее цели и методы, является ясное понимание обстановки и ее движущих сил. Надо видеть то, что есть. Гитлер покинул Женеву не в порядке нервной импровизации, в точном соответствии с холодно взвешенным планом. Гитлер обеспечил себе "национальный" заговор молчания. Он ведет работу в направлении радикального изменения соотношения военных сил. Именно сейчас, когда эта работа уже начата, но еще далеко не дала решающих результатов, Гитлеру необходима величайшая осторожность на европейской арене. Никого не пугать, никого не раздражать, наоборот, широко раскрывать объятия. Гитлер готов все заборы военных заводов оклеить пацифистскими речами и пактами о ненападении. Париж стоит мессы³³⁶! Если нужна ясная, простая, не дипломатическая формула пацифического наступления германского правительства, то она такова: на ближайшие два-три года Гитлеру необходимо во что бы то ни стало, какую угодно ценой избежать превентивной войны со стороны своих противников. В этих пределах его пацифизм вполне искренен. Но только в этих пределах.

Л. Троцкий

23 ноября 1933 г.

Политический процесс без политической оси

Процесс о поджоге рейхстага подвигается к развязке. Какое решение будет указано судьям сверху? Положение правительства не легкое. Если искать политических прецедентов, то естественнее всего остановиться на деле Дрейфуса во Франции, процессе Бейлиса³³⁷ в царской России. Благодаря закрытым дверям военного суда, капитана Дрейфуса, несмотря на отсутствие доказательств, удалось отправить на Чертов остров. В процессе Бейлиса, шедшем при открытых дверях и при активном участии прессы, власти оказались бессильны добиться обвинения случайного еврейского приказчика в убийстве христианского мальчика. Но суд вынес решение в том смысле, что убийство могло быть произведено с ритуальными целями. Не окажется ли Гитлер вынужден вдохновиться классическим постановлением киевской юстиции? За невозможностью хоть чем-нибудь подкрепить обвинение против случайно захваченных коммунистов лейпцигский суд может объявить доказанным, что преступление совершено коммунистической партией через нераскрытых преступников. Конечно, Гитлеру очень хотелось бы повесить Димитрова. Но правительству, которое спекло свои каштаны в пламени рейхстага, важнее всего доказать, что пожар был делом коммунистов, если не этих, то других. Такова задача. Однако именно в своем политическом аспекте лейпцигский процесс слабее всего. Обвинение не только фальшиво юридически, но и абсурдно политически.

С какой целью коммунистическая партия подожгла рейхстаг? Официальный ответ гласит: она подала сигнал к восстанию. От многократного употребления эта формула как бы приобрела подобие содержания. На самом деле она пуста. Сигнал только в том случае является сигналом, если смысл его ясен тем, для

которых сигнал предназначен. Так, во время Октябрьского восстания в Петрограде руководителями условлено было заранее, что крейсер "Аврора" даст холостой выстрел, когда на шпице Петропавловской крепости появится красный фонарь. Если Зимний дворец не сдастся в ответ на холостой выстрел, то откроет боевую стрельбу артиллерия Петропавловской крепости. Красный фонарь был сигналом для артиллеристов "Авроры", холостой выстрел "Авроры" - для артиллеристов крепости. Здесь сигнализация имела совершенно определенное техническое назначение, понятное тем, для кого она предназначалась.

Из самого существа дела ясно, что подача сигнала должна быть как можно более проста, технически легко осуществима. Орудие сигнала должно быть тут же, под рукой руководителей. Одно дело - фонарь, другое дело - поджог рейхстага. Мыслимо ли рассчитывать на то, что удастся в любой момент, когда это понадобится, поджечь рейхстаг и что пожар не будет тут же потушен, а успеет развиться? Подобное предприятие связано с слишком большим числом неизвестных, чтобы его можно было избрать в качестве простого "сигнала"!

Допустим, однако, что по причинам, которые нам не приходят в голову и которых никто до сих пор даже не пытался объяснить, коммунистическое командование решило гигантским костром в центре столицы возвестить час наступления. Чтобы достигнуть поставленной себе цели, центральный штаб должен был, во всяком случае, заранее предписать районным штабам немедленно выступить на улицу с оружием в руках, как только купол рейхстага окажется охвачен пламенем. В тайну поджога должны были быть заранее посвящены очень многие лица. Да и вообще, столь могучая сигнализация, как горящее здание парламента, могла быть рассчитана не на единицы, - для них достаточно телефона, - а на тысячи, если не на десятки и сотни тысяч. Каким же образом эта важнейшая сторона дела полностью потонула в судебном мраке? Из рядов коммунистической партии десятки тысяч успели со времени пожара перебежать к наци, спасаясь от террора. Такие перебежчики фигурировали и на процессе в качестве главных свидетелей обвинения. В некоторых концентрационных лагерях большинство заключенных голосовало за Гитлера. Если среди "раскаявшихся" не нашлось не только сотен и тысяч, но даже единиц, чтобы раскрыть перед судом тайну сигнала, то это неопровержимо свидетельствует о том, что такой тайны не было. Вывод ясен: сигнал, о котором никто не знает, не есть сигнал. Горящий купол рейхстага ничего не возвещал и ни к чему не призывал.

Но, может быть, дело шло не о техническом, а так сказать о "моральном" сигнале? Задача поджигателей, скажет прокурор, состояла в том, чтобы дерзким боевым актом поднять настроение масс и толкнуть их на путь восстания. Другими словами, поджог был не сигналом в собственном смысле слова, а актом революционного терроризма. Однако и эта версия не выдерживает дуновения критики. Если бы дело еще шло о штабе наци или, скажем, о полицейской префектуре, поджог здания мог бы иметь подобие политического смысла при условии, разумеется, если бы он сопровождался другими заранее обеспеченными наступательными действиями. Но пожар рейхстага, как "нейтрального" здания, открытого всем партиям, решительно ничего не мог сказать массам. Огонь мог ведь возникнуть и по случайным причинам. Каким образом и почему зарево над куполом парламента должно было вызвать у масс самопроизвольную ассоциацию о немедленном восстании?

Подготавливая то или другое покушение, террористическая партия, как, например, русские социалисты-революционеры в эпоху царизма, больше всего озабочена тем, чтоб сделать свой удар наиболее ясным и притягательным для народных масс. Уже до террористического акта партия выпускала воззвания, в которых стремилась сосредоточить ненависть населения на данном лице или учреждении. Самый акт сопровождался изданием прокламаций, разъясняющих его революционный смысл. Ни одного из этих необходимых условий политического террора мы не находим в конце февраля в Берлине. Коммунисты занимались в те дни агитацией в пользу выборов в рейхстаг, а никак не в пользу сожжения рейхстага. Ни в ночь пожара, ни после того не появилось в Германии ни одной прокламации, которая объясняла бы массам смысл загадочного события. Не мудрено, если кроме Геринга и его агентов, никто не истолковал пожар в качестве сигнала к восстанию.

Игнорируя самую суть политического террора, прокурор утверждает, что коммунистическая партия, как и все вообще преступники, естественно стремится скрыть свое участие в преступлении. С таким же успехом можно было бы сказать, что Герострат³³⁸, вознамерившись прославить себя сожжением храма в

Эфесе, пытался в то же время скрыть свое имя, чтобы не нести ответственности за поджог. Раз нет организации, берущей на себя открыто ответственность за акт разрушения, объясняющей его смысл и призывающий массы к действию, остается только обгоревший зал заседаний, но исчезает политический акт. Не по разуму усердная прокуратура выдергивает из политического процесса его политическую ось. Штаб восстания так же мало может подать народным массам анонимный сигнал к восстанию, как не может правительство анонимно объявить войну. С другой стороны, революционная партия, которая выходит на улицу, чтобы с оружием в руках опрокинуть существующий строй, не побоится взять на себя ответственность за сожженные пюпитры и ковры, если это нужно по ходу восстания.

Здесь открывается естественный переход к личному составу "поджигателей". Их пять: безработный голландец³³⁹, председатель коммунистической фракции рейхстага³⁴⁰ и три болгарских коммуниста³⁴¹. Прежде всего навязывается вопрос: почему сигнал к восстанию немецких рабочих дали четыре иностранца? Свидетель обвинения пытался дать объяснение этой загадке: выдвинув вперед иностранцев, коммунистическая партия хотела таким образом "отвлечь внимание". Мы возвращаемся к тому же абсурду: партия, которая должна была в целях восстания сосредоточить на себе внимание масс, занималась тем, что "отводила от себя внимание". Но если задача состояла в том, чтобы, совершив политически анонимный и потому бесцельный поджог, скрыть свое участие в нем, то зачем и почему в деле оказался замешан председатель коммунистической фракции, т. е. наиболее видный и ответственный представитель партии в стенах рейхстага, – притом не в качестве одного из политических руководителей террора, а в качестве прямого поджигателя?

Еще более поразительным, если возможно, является участие в поджоге Димитрова, старого революционера, который был генеральным секретарем болгарских профессиональных союзов уже в 1910 году, когда автор этих строк впервые встретился с ним в Софии. Димитров, по его заявлению на суде, поселился в Берлине, чтобы с бóльшим удобством заниматься болгарскими делами и именно поэтому избегал какого бы то ни было касательства к деятельности германской партии. Даже у врагов нет основания сомневаться в его словах. Не трудно понять, что ответственный политик, направлявший из Берлина работу своей партии в Болгарии, не стал бы подвергать себя риску ареста и высылки из-за второстепенного участия в немецких делах. Для Болгарии Димитров был единственным, для Германии он мог быть лишь одним из многих. Но если даже оставить в стороне это неопровержимое само по себе соображение, остается вопрос: неужели же немецкая коммунистическая партия не могла найти в помощники Люббе никого, кроме члена президиума Коммунистического Интернационала? Участие Димитрова было бы, может быть, еще объяснимым, если бы целью ставилось не "отвлечь внимание от партии", а, наоборот, показать, что пожар есть дело всего Коммунистического Интернационала в целом. А так как Димитров, как и два других болгарина, прибыли в Германию из Москвы, то их участие в поджоге рейхстага должно было заодно уж обнаружить перед всем миром руку Советов. Если такая демонстрация кому-либо и нужна была, то во всяком случае не германским коммунистам и не Москве. Почему же выбор пал на Димитрова? И чей это выбор? Надо признать, что с точки зрения политических целей процесса это самый несчастный из всех возможных выборов.

В руках организаторов судебного процесса имелись совершенно исключительные средства инсценировки: неограниченное число свидетелей обвинения, готовых показать все, что им прикажут; панический страх потенциальных свидетелей защиты; полное отсутствие критики со стороны печати; полное подчинение полиции, прокуратуры, судей и даже адвокатуры директивам власти. Казалось бы, при таких условиях успех любого обвинения обеспечен заранее. И, однако же, вопрос вошел в свою третью, "политическую" стадию как заведомо проигранное Гитлером дело. Разгадка очень проста: коммунистическая партия Германии не шла к восстанию. Она потерпела крушение не в бою, как Парижская Коммуна в 1871 году³⁴², как русский пролетариат в 1905 году, – она оказалась неспособной к бою. Если не считать чисто символического призыва ко "всеобщей стачке", печатного клочка бумаги, на который не откликнулся ни один человек, компартия была и осталась пассивным объектом в трагических событиях, изменивших лицо Германии. Кто еще сомневается в этом, пусть прочтет письмо Марии Реезе³⁴³, популярной коммунистической депутатки рейхстага: она порвала со своей партией именно

потому, что та оказалась бессильной не только на наступление, но и на оборону, ничего не предвидела, ничего не подготовила и не имела ни возможности, ни повода подавать массам революционные сигналы.

Если бы на месте этой партии была другая, способная к обороне, она могла бы выбрать разные пути и методы борьбы, но никакой из них не вел бы через поджог рейхстага. Если бы революционная партия решила, вопреки всем доводам политического смысла, поджечь рейхстаг, она не привлекла бы к этому делу таинственного голландского безработного, с которым трудно объяснить и на которого нельзя положиться; председателя парламентской фракции, всегда находящегося на виду у всех; члена президиума Коммунистического Интернационала, олицетворяющего "Москву" и двух молодых болгар, не знающих немецкого языка. Наконец, если бы коммунистическая партия подожгла рейхстаг через посредство такой фантастической группы поджигателей, она должна была бы по крайней мере объяснить рабочим политический смысл поджога. Никакие свидетельские показания, никакие "улики", никакая брань Геринга не способны помочь внутренней политической несостоятельности обвинения. Пусть прокурор с бесстыдством, которое его отличает в этом бесстыдном процессе, утверждает: это было. Несокрушимая политическая логика возражает: этого не могло быть!

Л. Троцкий

26 ноября 1933 г.

Всем членам греческой секции Международной лиги

большевиков-ленинцев

Уважаемые товарищи!

Конфликт, который противопоставил греческую секцию всем остальным секциям международной Лиги коммунистов, привел затем с железной необходимостью к острой внутренней борьбе в самой греческой секции. Ввиду огромной важности этого вопроса я считаю своим долгом высказать вам с полной откровенностью свою точку зрения.

Меня поразило прежде всего, что ваш ЦК в течение ряда месяцев не отвечал на письма Интернационального Секретариата, игнорировал все его запросы и предложения, т. е. держал себя так, как если бы он фактически и юридически порвал уже с Интернациональной Лигой. Незачем говорить, что я очень обрадовался письму большинства вашего ЦК от 10 марта, видя в нем выражение желаний товарищей Витте, Маноса344 и др. восстановить прерванную ими международную связь. К сожалению, содержание письма разочаровывает в высшей степени. Письмо написано в духе неслыханной вражды и крайнего ожесточения. Интернациональный Секретариат, который состоит из представителей важнейших секций, третируется в письме как враг и злоумышленник. Чем объяснить это? Если есть разногласия, нужно их добросовестно обсудить, устно и печатно, с соблюдением товарищеских отношений. На это в письме нет и намека. Насквозь отравленный тон письма мог быть объясним лишь в том случае, если большинство вашего ЦК решило порвать с Международной Лигой большевиков-ленинцев. Но я отказываюсь этому верить. Попытка большинства ЦК представить дело так, будто его удары направляются только против И[нтернационального] С[екретариата], совершенно несостоятельна. И[нтернациональный] С[екретариат] состоит из представителей важнейших европейских секций. Если греческая секция там не представлена, о чем я лично очень жалею, то только потому, что финансовые трудности не позволяют вашей секции содержать ее представителя за границей. Мы имеем такой И[нтернациональный] С[екретариат], какой отвечает нашей силе. Наши важнейшие секции сделали за последний период в ряде стран крупные успехи. Перед нами открываются великие перспективы. Разумеется, И[нтернациональный] С[екретариат] не претендует на непогрешимость, но критика может быть дружеская, которая имеет своей задачей улучшение общей работы, может быть критика враждебная, стремящаяся разрушить организацию. Письмо большинства вашего ЦК насквозь проникнуто духом враждебности. Оно направлено не против И[нтернационального] С[екретариата], а против всей нашей международной организации, против всех наших секций.

Откуда этот дух вражды? Первоначально конфликт возник, как известно, внутри Интернационального Секретариата и французской секции. Греческая секция этим конфликтом непосредственно не была затронута. Ход событий не замедлил принести проверку конфликта как в Интернациональном Секретариате, так и во французской Лиге. После того как французская Лига очистилась от разложившихся элементов, она получила возможность развернуть широкую работу. Именно после исключения беспринципного меньшинства Лига стала лицом к массовой работе. Ее успехи в этой области очень значительны, ее влияние на широкие круги передовых рабочих непрерывно растет. Наоборот, отколовшаяся под влиянием тов. Витте группа уже раскололась и продолжает распадаться. Никакой политической деятельности она не ведет. Таковы факты. Против фактов бессильны отвлеченные рассуждения.

Как обстоит дело в отношении Интернационального Секретариата? В течение долгого времени все секции без исключения жаловались на пассивность Секретариата, который, несмотря на наличие перманентного секретаря, не вел даже текущей переписки. За последние месяцы, несмотря на усилившиеся материальные трудности и отсутствие перманентного секретаря, работа ведется систематически. Интернациональный Секретариат не только поддерживает правильную переписку со всеми секциями, но он издал ряд номеров "Бюллетеня", выработал проект программных тезисов по вопросу о войне, издал Манифест³⁴⁵, провел международную юношескую конференцию и пр. Таковы факты. Если подходить к этим фактам добросовестно, без фракционной предвзятости, без личного ожесточения, то невозможно не признать, что Интернациональный Секретариат сделал за последнее полугодие огромный шаг вперед.

То обстоятельство, что тов. Витте занял внутри Интернационального Секретариата и внутри французской Лиги ошибочную позицию, само по себе еще не составляет, конечно, преступления. Кто не ошибался в политической работе? Но после того как ошибочная позиция оказалась опровергнутой несомненными и бесспорными фактами, настаивать на ней дальше и пытаться перенести ее на другие секции значит уже ставить личную амбицию выше интересов революции и социализма. Это совершенно недопустимо. В таких случаях рядовые члены должны поправить своих вождей.

Вторая стадия борьбы развернулась уже внутри греческой секции. Здесь мне трудно судить, ибо я не читаю, к сожалению, по-гречески. Но большинство вашего ЦК пишет, что дело в Греции идет о защите тех самых "принципов", которые тов. Витте проводил в И[нтернациональном] С[екретариате] и во французской Лиге. Если так, то для меня не может быть сомнения в том, что это ложные принципы, которые уже потерпели крушение. Я говорю, конечно, не о том периоде, когда тов. Витте был согласен с нашим международным руководством по всем основным вопросам и не претендовал ни на какую особую личную политику. Если в тот период были те или другие частные разногласия (а они, несомненно, были), то это общие ошибки нашего руководства. Я имею в виду последний период, когда тов. Витте, начав с мелких и второстепенных вопросов, неожиданно противопоставил себя нашему общему руководству и всем нашим важнейшим секциям. Здесь дело шло уже не о частных ошибках, а о принципиальной ошибке линии тов. Витте. После опыта с французской Лигой ни для одного марксиста, знакомого с фактами, не может быть на этот счет ни малейшего сомнения.

С целью найти объяснение своей враждебной политике по отношению к международной Лиге, большинство вашего ЦК ссылается на раскол 1903 года (!!) между большевиками и меньшевиками³⁴⁶. Разношерстная группа, отколовшаяся под руководством тов. Витте от французской Лиги, в своей Декларации тоже ссылается на 1903 год (см. No 1 "Интернационала"³⁴⁷ от 11/XI, 1933). Таким образом, мы имеем здесь своего рода систему, которую нельзя иначе назвать, как системой превентивного раскола, ибо, кто ссылается на 1903 год, тот тем самым признает, что дело идет о непримиримых разногласиях и что единственным выходом является раскол. Согласны ли с этим выводом члены нашей греческой фракции?

Большинство вашего ЦК говорит, что борьба идет из-за организационных принципов. Каковы же эти принципы? Во Франции тов. Витте защищал на деле право каждого члена не подчиняться дисциплине своей организации; право члена Секретариата вести за спиной Секретариата политику, направленную против Секретариата; право меньшинства организации не подчиняться решению подавляющего большинства конференции, словом, худшие принципы индивидуализма

и анархизма. В Греции, насколько я могу судить, большинство ЦК отстаивает и проводит сейчас принципы прямо противоположные, отказывая меньшинству в правах и в возможностях свободно защищать свою политику перед лицом всех членов организации. Таким образом, индивидуалистический анархизм превратился в свою противоположность, т. е. в бюрократический централизм. Но обе эти крайности, вообще легко переходящие одна в другую, не имеют ничего общего с большевизмом, который строит организацию на принципах демократического централизма, притом не только в национальном, но и в интернациональном масштабе.

В истолковании опыта 1903 года большинство вашего ЦК полностью ошибается. Организационные принципы не являются самостоятельными. Через организационные формы проявляется политика; через политику раскрывается программа; через программу находит свое выражение наша теория. Бывает, притом нередко, что еще не развившиеся, еще бесформенные политические и программные разногласия обнаруживаются сначала только в организационной области. Так было в 1903 году. Но именно поэтому большевики не считали тогда допустимым раскол. Наоборот, они требовали сохранения единства, дисциплины и честно созванного съезда. Только после того как глубокие разногласия обнаружались в области политики и программы, началось действительное формирование двух фракций, приведшее к их окончательному расколу в 1912 г.348, т. е. через 9 лет после съезда 1903 года!

Какой отсюда вывод? Он совершенно ясен: одних организационных конфликтов недостаточно для определения глубины разногласий; долг каждого революционера сохранять единство организации на основе демократического централизма. Именно этого требует Интернациональный Секретариат. Ссылка на 1903 год, прибавлю еще, совершенно невыгодна для большинства вашего ЦК. Меншевики начали в 1903 г. с отстаивания архидемократических принципов, приближавших порою к анархизму. Я лично написал в ту пору ряд ошибочных статей против централизма, хотя никогда все же не заходил так далеко, как, например, тов. Витте в отношении к французской Лиге. Когда те же меньшевики захватили в следующем году при помощи Плеханова большинство в центральных учреждениях партии³⁴⁹, они сразу переменили курс, начали командовать партией сверху и всеми средствами противодействовали созыву нового партийного съезда. После нескольких месяцев борьбы большевики оказались вынуждены создать, помимо ЦК и против ЦК, свой собственный центр для созыва съезда. Я твердо надеюсь, что большинство вашего ЦК не пойдет по пути меньшевиков и обеспечит единый съезд.

Мы видим, следовательно, что если правильно и серьезно истолковать уроки 1903 года, то придется прийти к следующим заключениям:

а) При данной стадии разногласий, т. е. пока они не вышли из области организационных конфликтов, нельзя еще сделать вывод ни о глубине разногласий, ни об их дальнейшей судьбе.

б) Необходимо поэтому, с одной стороны, сохранять единство организации, с другой – принять все меры к серьезной и честной проверке разногласий в области не только организации, но политики и программы.

в) Достигнуть обеих этих целей можно только методом демократического централизма, т. е. посредством широкой дискуссии честно созванного съезда, подчинения меньшинства большинству.

г) Лояльная партийная дискуссия предполагает, что обе группировки на равных правах доводят до сведения всей партии свои взгляды на спорные вопросы как печатно, так и устно; каждая ячейка должна иметь возможность выслушать как представителя большинства ЦК, так и представителя меньшинства ЦК. Эту возможность должен обеспечить ЦК партии. Так всегда и неизменно делалось в большевистской партии до ее бюрократического вырождения.

д) Съезд партии должен быть зеркалом партии. Это значит: раз в организации возникла дискуссия по платформам, съезд должен быть созван на основах пропорционального представительства. Это азбука рабочей демократии, которую обязан соблюдать каждый честный революционер.

е) Наша организация не только по имени, но и по существу своему является интернациональной. Это значит, она ставит не только национальную дисциплину выше местной, но и интернациональную дисциплину выше национальной. Отсюда вытекает, в частности, необходимость своевременно доставить тезисы обеих борющихся групп всем нашим секциям, дабы они до съезда имели возможность высказать свое мнение. Так наша организация

поступала всегда.

Насколько я могу судить по письмам, таково же мнение Интернационального Секретариата.

Я не сомневаюсь, что подавляющее большинство членов вашей секции дорожит своей связью с Интернациональной Лигой. Разрыв этой связи означал бы возвращение в национальные рамки, утрату международного горизонта, отказ от международного разделения труда в области революционной теории и революционной практики. Вы не допустите вашу секцию до такой катастрофы, за которой открылась бы полная гибель. Вы призовете ваш ЦК восстановить правильные товарищеские отношения с И[нтернациональным] С[екретариатом] и при его содействии подготовить демократически организованный съезд. Только так можно выйти из кризиса. В этой работе вы можете без сомнения рассчитывать на горячую поддержку всех наших секций. На этом пути желаю вам успеха от всей души.

/Нам поистине незачем возвращаться к 1903 году. С того времени наш опыт стал неизмеримо богаче. В развитии самой левой оппозиции можно найти ряд конфликтов, которые начинались с организационных обвинений по адресу нашей международной организации, приводили к разрыву с ней, несмотря на все наши усилия сохранить единство, и обнаруживали, что острое организационное недовольство чаще всего было выражением национальной ограниченности, непонимания международного сотрудничества. Я не буду, однако, настаивать на этих примерах, так как я хочу надеяться, что никто из ваших руководителей не захочет пойти по безнадежному пути Ландау, Веля, Миля, Лакруа и т. п./350

Да здравствуют греческие большевики-ленинцы!

Да здравствует наша Международная Лига!

Да здравствует Четвертый Интернационал!

Ваш Г. Гуров

[Ноябрь 1933 г.]

О боевом соглашении пролетарских организаций против фашизма³⁵¹

Нижеподписавшиеся организации обращаются ко всем рабочим партиям, профессиональным союзам, спортивным, образовательным и иным организациям рабочего класса с нижеследующим предложением.

Опыт Германии показал, какую судьбу готовит европейскому и мировому пролетариату дальнейшее развитие фашизма. Между тем в политике рабочих организаций не произошло никаких изменений со времени разгрома германского пролетариата. Одинаковые причины вызывают неизбежно одинаковые следствия. Если рабочие организации не сделают необходимых практических выводов из опыта германской катастрофы, ближайшие годы будут годами окончательного разгрома мирового пролетариата.

Мы далеки от мысли предлагать слияние пролетарских партий, отказ от внутренней борьбы в рабочем классе и проч. Такие предложения явно утопичны. При наличии глубоких принципиальных разногласий, расколы и внутренняя борьба в рядах пролетариата совершенно неизбежны. Практически дело может идти только о соглашении разных организаций [о борьбе] против общего врага. Не поступаясь ни своей самостоятельностью, ни правом взаимной критики, рабочие организации должны заключить друг с другом боевое соглашение против фашизма. Дело идет при этом прежде всего о защите основного орудия пролетариата: его организаций. Эта задача одинаково ясна и близка каждому организованному рабочему, независимо от общего политического направления его организации.

Не позволить фашистам проникнуть на заводы и фабрики; не дать им выходить на улицы с целью подготовительных маневров; пресечь в корне всякие попытки с их стороны взрывать рабочие собрания, громить рабочие газеты, клубы и проч., - такова простейшая и вместе с тем повелительнейшая программа соглашения организаций рабочего класса.

Боевое соглашение предполагает, разумеется, со стороны всех участников соблюдения боевой дисциплины; но это будет дисциплина лишь в отношении определенных практических действий, притом в тех рамках, какие каждая из организаций заранее согласится добровольно признать.

Организационные формы, как и практические методы боевого соглашения, неизбежно весьма разнообразны в зависимости от национальных и локальных

условий. Уже создание общего информационного бюро в качестве первого шага может представить значительные выгоды. В борьбе с фашизмом, как и всякой вообще борьбе, крайне важно знать своевременно действительные силы, средства и планы противника. Только таким путем будут воспитаны боевые штабы, способные мобилизовать массы для обороны, а затем и для наступления. Нет никакого сомнения в том, что широкое боевое объединение, опирающееся на партии и профессиональные союзы разных направлений, привлечет к себе доверие и сочувствие неорганизованных рабочих и трудящихся вообще и уже этим одним затруднит проникновение фашистской отравы в среду угнетенных классов.

Мы призываем каждую рабочую организацию, местную, национальную или интернациональную, которая в принципе согласна с основной мыслью настоящего письма, подписаться под ним, сопроводив в случае желанья свою подпись критическими замечаниями, поправками или дополнительными предложениями. Таким образом получится анкета среди рабочих организаций, которая сама по себе будет иметь большое значение для взаимной ориентировки. На основании данных этой анкеты можно будет предпринять необходимые дальнейшие шаги.

[Л.Д.Троцкий]

[Ноябрь 1933 г.]

Замечания по поводу тезисов тов. Ладислауса Порцсольда³⁵²

1. Совершенно неоспоримо, что старые споры "между Лениным и Троцким" о перспективах русской революции имеют лишь исторический интерес и что принадлежность к левой оппозиции ни в каком случае не связана с тем или другим отношением к этим спорам. Кто хочет, однако, занять в этих спорах определенную позицию, тот должен изучить их в связи с конкретным ходом классовой борьбы и тогдашними революционными группировками в России.

2. Эпигоны извлекли из старых споров, проходивших через разные стадии, некоторые общие правила революционной стратегии и формулировали их в виде антитезы ленинизма и троцкизма. Здесь дело идет уж не об истории, а сегодняшнем и завтрашнем дне. Тов. Порцсольд заявляет о своей солидарности (по крайней мере, в основном) с теми стратегическими принципами, которые сталинцы объявили "троцкизмом", но которые на деле являются применением марксизма к условиям нашей эпохи. Эта солидарность, поскольку она проверена опытом, гораздо важнее разногласий по поводу давно ликвидированного спора.

3. Поскольку, однако, тов. Порцсольд возвращается в своих тезисах к историческому спору, он делает в этой части ряд ошибок. "В действительности, - пишет он, - падение царизма было фактически делом рабочих и крестьянских масс". В этом Порцсольд видит правоту Ленина против меня. Но на этот счет у нас и спора не было. Уже в полемике с Радеком я пытался разъяснить, что всякая "великая", т. е. истинно народная революция, была и остается делом пролетарских (предпролетарских) и крестьянских (мелкобуржуазных) масс. Этот тезис представлял общую почву в споре. Вопрос был в том, какой класс займет руководящее положение и, следовательно, окажется у власти.

Порцсольд признает, что русский пролетариат действительно оказался у власти раньше, чем пролетариат Западной Европы, но напоминает, что это произошло не "в революции против царизма, а во второй революции против буржуазии". Что это значит? Под буржуазной революцией русские марксисты, заслуживающие этого имени, понимали прежде всего разрешение аграрного вопроса. Эта мысль - в отличие от либералов и меньшевиков - составляла общую основу позиции Ленина и Троцкого. (См. Протоколы IV съезда партии)³⁵³. То обстоятельство, что имущие классы, в том числе и феодальные, до великих князей включительно, в целях самосохранения отказались в феврале (провизорно) от монархии, являлось одним из таких эпизодов, которых не может предвидеть никакой прогноз. После отречения Николая II³⁵⁴ в центре политической жизни, наряду с войной, стоял вопрос о земле, т. е. о буржуазно-демократической революции. Именно на основе этой революции пролетариат пришел к власти.

4. Из сказанного вытекает, что в таких странах, где, несмотря на отсталость, расчленение на три основных класса (буржуазия, мелкая буржуазия, пролетариат) прошло через всю нацию (Китай, Индия),

национально-освободительная и буржуазно-демократическая революция не может быть доведена до конца без диктатуры пролетариата. Тем самым между буржуазной и социалистической революцией устанавливается непрерывность (перманентность). Революция в Китае проходила через ряд этапов; не менее сложным и извилистым будет ее путь и в Индии. Мы будем, конечно, следить за каждым этапом и анализировать его. Но стратегический прогноз имеет своей задачей не предугадывать конкретные этапы и эпизоды, а выделить основную тенденцию революционного развития. Эту основную тенденцию дает формула перманентной революции. Она опирается на три положения:

а) национальная буржуазия, пытающаяся эксплуатировать революцию на первых ее шагах (Гоминьдан, Ганди), при дальнейшем развитии революции неизбежно окажется по другую сторону баррикады, вместе с феодальными классами и империалистическими угнетателями;

б) мелкая буржуазия (крестьянство) не способна более играть руководящую роль в буржуазной революции и, следовательно, стать у власти. Отсюда вытекает отказ от концепции буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства;

в) под диктатурой пролетариата буржуазно-демократическая революция перерастает в социалистическую, которая может окончательно победить только как звено международной революции.

Нарушение этих принципов принесло уже величайшие бедствия в Китае, Индии, Японии и др[угих] странах.

5. Теория перманентной революции опровергнута, по мнению тов. Порцсольда, тем фактом, что крестьянство не опрокинуло диктатуру пролетариата в течение 16 лет, вопреки старым опасениям Троцкого. И этот довод бьет мимо цели. Не только до Октябрьской революции, но и после нее Ленин десятки раз высказывал ту мысль, что без скорой поддержки западного пролетариата советская власть будет опрокинута. Дело шло об эмпирической оценке многочисленных и противоречивых факторов: календарные прогнозы тут невозможны. Если, благодаря целому ряду сопутствующих обстоятельств, советская власть продержалась 16 лет в отдельной стране, то это так же мало говорит против международного характера пролетарской революции, как и против того, что устойчивость пролетарской диктатуры тем меньше, чем многочисленнее крестьянство.

6. Тов. Порцсольд очень близко подходит к давно уже опровергнутому доводу Бухарина, что в международном масштабе соотношение рабочих и крестьян не более благоприятно, чем в границах СССР. Это схоластика! Вопрос решается не социальной статикой, а динамикой, не средним процентом рабочих для всего мира, а той последовательностью, в какой отдельные страны втягиваются в революцию. Если бы, например, брандлеровское руководство в 1923 году не сорвало революцию в Германии, статистическое соотношение пролетариата и крестьянства в мировом масштабе не изменилось бы, конечно; но силы пролетарской революции возросли бы в несколько раз. Советская Германия втянула бы в революцию Европу. Превращение Европы в социалистическую крепость изменило бы соотношение сил во всем мире. Отсталые страны втягивались бы в революцию в наиболее благоприятных условиях, контрреволюционные потрясения были бы неизмеримо менее опасны.

7. По вопросу о социализме в отдельной стране тов. Порцсольд дает ряд двусмысленных формулировок. Начать с того, что он приводит без комментариев знаменитую цитату из статьи Ленина 1915 года о возможности "победы социализма сперва в некоторых или даже в одной единственной стране"³⁵⁵. Из этой цитаты выросла, как известно, вся теория Сталина. Между тем в литературе левой оппозиции неопровержимо доказано, что под "победой социализма" Ленин понимал в данном случае, как и во многих других, завоевание власти рабочим классом, т. е. создание социалистического государства, а не построение социалистического общества. Или у тов. Порцсольда есть на этот счет малейшее сомнение? Пусть вчитается в цитату: она их рассеет.

8. Тов. Порцсольд пытается свести вопрос о социализме в отдельной стране к чистой абстракции. Без интервенции извне и без контрреволюции внутри техника Советов продолжала бы расти, благосостояние и культура масс поднимались бы непрерывно, и социализм был бы осуществлен. Но, признает тов. Порцсольд, эта абстрактная возможность... неосуществима ввиду крайнего обострения классовых противоречий в мировом масштабе. "Отсталость" России,

по его мнению, здесь не при чем: национальную отсталость можно было бы преодолеть, если бы не обострение классовой борьбы во всем мире.

Но в том ведь и дело, что преодоление отсталости требует больших сроков, а развитие мировой классовой борьбы вовсе не предоставляет СССР какие-либо неограниченные сроки. Преодоление отсталости налагает к тому же страшные тяготы на трудящиеся массы; тот факт, что русские рабочие не едят досыта через 16 лет после революции, пугает рабочих других стран, затрудняет развитие мировой революции и увеличивает опасности для СССР.

9. Как вообще понимать абстрактную "возможность" построения социализма в отдельной стране? Если бы на свете существовала только одна Россия, то она в 1917 году не совершила бы Октябрьской революции. Если мысленно устранить мировое хозяйство после Октябрьского переворота, то предоставленная самой себе Россия вернулась бы к капитализму, ибо в рамках Советского Союза капитализм далеко еще не исчерпал своих возможностей: в области производства советский режим ведь только "догоняет" капиталистические страны. Диктатура пролетариата в СССР поддерживается тем, что мировое хозяйство, частью которого является русский капитализм, уперлось в тупик. Но отсюда же грозят диктатуре и смертельные опасности (фашизм).

10. "Не возможность социализма в 'одной' стране составляет действительный вопрос, а интернациональное единство революционной классовой борьбы". В этой формуле Порцсольд превращает интернациональное единство в такую же абстракцию, в какую раньше превратил построение социализма в одной стране. Если внушать рабочим, что - при отсутствии военной интервенции - обеспечена полная и окончательная победа социализма в СССР, то вопрос о мировой революции теряет свое значение, а внешняя политика сводится к тому, чтоб избежать интервенции. На этом пути сталинская бюрократия погубила Коминтерн и может погубить советское государство. Теория социализма в отдельной стране и интернациональное единство пролетарской борьбы на деле исключают друг друга.

11. Бюрократизм в СССР есть не моральный и не технический, а социальный, т. е. классовый, факт. Борьба социалистических и капиталистических тенденций приняла главным образом характер борьбы между общими интересами, представленными государством, и личными, потребительскими интересами крестьян, чиновников, самих рабочих. Преодоление классовых противоречий означает в данных условиях согласование общих производственных интересов с личными потребительскими интересами, причем, на данной стадии развития, личный интерес остается еще основной движущей силой хозяйства.

Удалось ли это согласование? Нет! Рост бюрократизма отражает собой рост противоречия между частным и общим интересом. Представляя "общие" интересы, бюрократия отождествляет их в значительной мере со своими собственными интересами. Разграничительную линию между общим и частным она проводит под углом зрения своих частных интересов. Это создает еще большее напряжение антагонизмов и, следовательно, ведет к дальнейшему росту бюрократизма. В основе этих процессов лежит отсталость СССР и его изолированность в капиталистическом окружении.

12. Эмпирики говорят: за 16 лет советская власть сделала большие успехи; если и дальше пойдет так, то социализм будет наверняка построен. На это мы отвечаем: если "и дальше пойдет так", то процесс неизбежно приведет ко внутреннему взрыву, вероятнее всего при помощи внешнего толчка, но, может быть, и без него. Военная интервенция, вообще говоря, опасна лишь постольку, поскольку, во-первых, найдет внутри СССР крайнее напряжение противоречий и поскольку, во-вторых, военная интервенция может пробить брешь для интервенции дешевых капиталистических товаров. Оба эти обстоятельства показывают, что проблема социализма не разрешена и, поскольку дело идет не о царстве абстракции, а о царстве действительности, без интернациональной революции не будет разрешена.

13. Из этих соображений некоторые мудрецы делают тот вывод, будто мы отнимаем у русских рабочих "перспективу". Иные идут еще дальше и обвиняют нас в том, что мы отрицаем полезность и необходимость социалистического строительства в СССР: к чему, в самом деле, раз из строительства все равно (!) ничего (!!) не выйдет. Вряд ли стоит отвечать на такого рода пошлости. Если я говорю, что человеческий организм не может долго продержаться без притока свежего воздуха, то этим я не отрицаю ни пользы пищи, ни важности желудка, как органа пищеварения.

14. СССР и Коминтерн. То, что тов. Порцсольд говорит о зависимости Коминтерна от политических интересов советской бюрократии, в общем правильно, и, вопреки утверждению тов. Порцсольда, неоднократно высказывалось в литературе левой оппозиции. Однако и в этой области тов. Порцсольд допускает если не ошибки, то двусмысленные формулировки. Так, он говорит о том, что советская бюрократия искусственно переносила свои внутренние споры на Коминтерн. Если оставить в стороне преступные методы бюрократии (удушение критики, обман, фальсификации, уголовные амальгамы, подкупы), то остается все же тот факт, что фракционные группировки внутри ВКП имели по самой своей сути интернациональное значение. Особенно это относится к левой оппозиции. Она возникла, правда, непосредственно на почве русских вопросов: темпы индустриализации и партийный режим. Но и эти вопросы не могли не получить сразу интернационального значения. Проблема бюрократизма прямо и непосредственно затрагивала Коминтерн. В 1924-1925 гг. борьба развернулась уже целиком по вопросу о немецкой революции ("Уроки Октября")³⁵⁶. В 1926 году борьба обостряется вокруг вопросов об Англо-русском комитете и перевороте Пилсудского в Польше³⁵⁷. 1927 год стоит целиком под знаком китайской революции. Через все эти годы проходит борьба вокруг вопросов о "рабоче-крестьянских партиях" для Востока, о Крестинтерне (куда он, к слову сказать, девался?) и проч.

1928 год - борьба вокруг программы Коминтерна. 1929-1933: ультралевизна в хозяйственной политике СССР, "третий период", испанская революция, проблемы фашизма. КПГО прошла мимо важнейших вопросов интернациональной революционной стратегии, и это, к сожалению, до сих пор крайне отрицательно отражается на руководстве САП.

15. Центризм. Тов. Порцсольд делает большую методологическую ошибку, когда отказывается признавать "русское" будто бы деление коммунистического лагеря на левых, центристов и правых. В России, по его мнению, правые действительно ликвидированы, на Западе же процент ликвидаторов среди правых не велик: "об этом красноречиво говорит тот факт, что лучшие элементы КПГО приблизились через посредство САП к левой оппозиции". Все эти соображения, независимо от того, верны ли они или не верны по существу, не опровергают, а подтверждают нашу классификацию и, в частности, деление центристов на правых и левых. Чтобы САП могла приблизиться к идеям левой оппозиции, ее рядовым членам нужно было отколоться от левого крыла социал-демократии, а ее вождам нужно было порвать с брандлериянцами. Идеологически этот процесс, однако, еще не завершен.

Если тов. Порцсольд хочет сказать, что не все брандлериянцы погибли для революции, то мы это охотно допускаем. Но чтобы стать на путь революции (в данных исторических условиях - на путь нового Интернационала), им надо порвать с правоцентристскими и вообще центристскими чертами и методами (пренебрежительное отношение к теории; недостаточное внимание к интернациональной организации; игнорирование проблем революционной стратегии или их подмена вопросами тактики и проч. и проч.).

Как общее правило можно установить: антипатию к термину центризм и ко всяким дальнейшим подразделениям центризма питают те течения, которые либо сами принадлежат к центризму, либо не освободились еще окончательно от его идейной расплывчатости.

16. Крушение германской социал-демократии и германской компартии открыло целую эпоху распада, брожения и новой кристаллизации в пролетарском авангарде. Но "брожение" означает в данном случае не что иное, как прохождение через промежуточные или центристские стадии развития. Идет ли дело в каждом данном случае о распаде или о новой революционной кристаллизации, определяется направлением данного движения: слева направо, справа налево и пр. Отсюда необходимость различения левого центризма, правого центризма и т. д. Эти определения не имеют в себе, разумеется, ничего абсолютного. Но при всей своей относительности они совершенно необходимы для марксистской, а не вульгарно-эмпирической ориентации. Отказываться от них пролетарский политик может так же мало, как моряк - от карты и компаса.

17. Возьмем два примера: Норвежскую рабочую партию и Шведскую независимую коммунистическую партию.

НРП продельвает курс от центризма к реформизму. Чтобы совершить эту эволюцию без внутренних потрясений, Транмель нуждался в маскировке и

прикрытии. Такое прикрытие давала ему связь с независимыми социалистическими партиями других стран. Сейчас, когда он чувствует себя более прочно в седле, он собирается, по-видимому, поблагодарить своих стремленных пинком ноги: эту историю мы наблюдали не раз.

Подписание вождями САП и ОСП совместно с Транмелем резолюции об общей борьбе за возрождение революционного (!) движения есть тяжелая оппортунистическая ошибка, которая вызвана вульгарно-эмпирическим, комбинаторским подходом к задаче собирания сил, без марксистской оценки тенденций и направления их развития.

Шведская независимая коммунистическая партия эволюционирует, насколько я могу судить на основании крайне недостаточных данных, от брандлерианской позиции влево. Разумеется, каждый революционер-интернационалист будет всеми силами стремиться к тому, чтобы эта эволюция привела к сближению и объединению на принципиальном фундаменте нового Интернационала. Но недопустимо выдавать пожелания за факты, отождествляя возможный завтрашний день с сегодняшним. Шведская партия не только голосовала за общую с Транмелем резолюцию, но и отказалась подписать декларацию в пользу Четвертого Интернационала. Правда, вожди партии заявляют, что, будучи в принципе согласны с необходимостью нового Интернационала, они считают "преждевременным" его провозглашение. На самом деле за этой позицией скрывается центристская половинчатость. Дело сейчас идет не о провозглашении нового Интернационала, а о провозглашении необходимости нового Интернационала и о формулировке его основных принципов пред лицом мирового рабочего класса.

В этих условиях САП и ОСП, подписывая левой рукой декларацию нового Интернационала, а правой – совместную декларацию с Транмелем, Балабановой, Полем Луи358 и пр., препятствуют установлению необходимой ясности, подают колеблющимся новый пример колебания, задерживают революционное развитие Шведской компартии, как и ряда других организаций. Нельзя руководствоваться одним лишь стремлением захватить как можно шире. Надо иметь перед собой политическую карту и компас. Массовое количество явится только в результате принципиального качества.

18. Тов. Порцсольд совершенно прав, когда настаивает на том, чтобы секции бывшей левой оппозиции перестали себя чувствовать только оппозицией или только вспомогательными отрядами русской оппозиции. Они должны действовать как кадры (часть кадров) новых национальных партий и нового Интернационала. Тов. Порцсольд выгодно отличается в этом вопросе от тех эмпириков, которые не понимают авангардной роли левой оппозиции, ибо руководствуются по существу трэд-юнионистским критерием (критерием голого числа), а не марксистским критерием, который исходит из решающей роли теории, принципов, методов.

19. Ошибочна мысль тов. П[орцсольда], будто мы должны составить особый каталог мертвых и живых секций Коминтерна. Этот вопрос освещен в нашей дискуссии достаточно. Если в той или другой стране мы сможем в дальнейшем завоевать большинство национальной секции Коминтерна, то не идеей "реформы", а открытым строительством нового Интернационала. Так, Третий Интернационал завоевал в свое время большинство французской социал-демократии.

20. Совершенно верно, что в литературе левой оппозиции не разработан ряд важнейших вопросов новейшей экономики и политики. Такая разработка предполагает рост кадров, привлечение новых сил, более широкое разделение труда, в том числе и теоретического.

С другой стороны, не надо упускать из виду, что теоретическая работа других направлений, как и непосредственное развитие мировой экономики и политики, не принесли за последнее десятилетие ничего, что находилось бы в противоречии с основными программными и стратегическими положениями левой оппозиции и с ее революционной перспективой. В этом величайшая гарантия успешности дальнейшего строительства.

Л. Троцкий

4 декабря 1933 г.

[Письмо Коммунистической лиге США]

5 дек[абря] 1933 г.

Ам[ериканская] Лига

Дорогие товарищи,

Тов. Вейсборд извещает нас, что переговоры об объединении не дали положительного результата и требует допущения его в ряды нашей интернациональной организации. Мы понимаем, разумеется, что у вас должны были быть серьезные причины для отклонения включения группы Вейсборда в состав вашей секции. С другой стороны, мы не можем с интернациональной точки зрения оттолкнуть группу, которая за последний год значительно приблизилась к нам. Единственным выходом, который резервирует будущее, является признать группу В[ейсборда] сочувствующей организацией и дать ей совещательный голос. При этом мы считаем необходимым поставить группе В[ейсборда] два условия: 1) Она должна отказаться от открытых нападений (в печати, на собраниях) на Лигу. Это не исключает, разумеется, товарищеской критики в дискуссионном бюллетене с обеих сторон. 2) Она должна условиться с Лигой о разделении труда во избежание излишних конфликтов.

Вообще же обе организации сохраняют полную независимость, Лига остается по-прежнему секцией большевиков-ленинцев для Америки. Дальнейший опыт подскажет будущие шаги. Мы не сомневаемся, что с вашей стороны не встретится возражений против такого решения.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Интернациональному секретариату]

5 декабря 1933 [г.]

Интернац[иональный] Секретариат

Из переговоров между американской Лигой и группой Вейсборда, по-видимому, ничего не выйдет. Вейсборд считает переговоры законченными и настаивает на том, чтоб его организация была принята в состав Интернациональной Лиги. Я думаю, что нам необходимо ввести категорию сочувствующих организаций и допускать их с совещательным голосом. Действительно ли вина за несостоявшееся объединение ложится целиком на группу Вейсборда, мы отсюда судить не можем. Провал переговоров может объясняться до некоторой степени, по крайней мере, и внутренними отношениями в американской Лиге. Вейсборд развивает известную деятельность, выпустил печатную брошюру в пользу нового Интернационала, ведет пропаганду в пользу наших принципов. При этих условиях было бы неправильно отталкивать организацию, которая в течение последнего года приблизилась к нам. Я думаю, что надо признать группу Вейсборда сочувствующей под условием: не вести против Лиги открытой борьбы (в печати, на собраниях) и стовариваться с Лигой по возможности о разделении труда во избежание ненужных конфликтов. Разумеется, такой режим может иметь лишь временный характер. Окончательное решение будет вынесено на основе опыта.

Во всяком случае, американскую Лигу надо предупредить об этом проекте заранее (в случае вашего согласия).

Прилагаю проект письма для американской Лиги³⁵⁹.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо В.Буриану] 360

8-го декабря 1933 г.

Дорогой тов[арищ] Буриан,

Только что получил ваши два письма (русское и немецкое). Я полностью согласен с вашим предложением относительно издания "1905 года"³⁶¹. Книгу на русском языке постараюсь вам послать как можно скорее с указанием, что надо выбросить (я думаю, придется исключить олень многое), чтобы избежать повторения.

Очень спешу и ограничиваюсь этими немногими словами.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Натану]

12 декабря 1933 г.

Дорогой тов. Натан,

Я не ответил вам на ваше последнее письмо. С того времени много воды утекло... и Палестина была за это время ареной крупных событий. И фашистский переворот в Германии, и арабско-еврейская борьба в Палестине представляют собой новые очень яркие подтверждения того, что еврейский вопрос неразрешим в рамках капитализма. Я не знаю, восстановится ли еврейство как нация. Но несомненно, что материальные условия для существования еврейства в качестве самостоятельной нации может создать только пролетарская революция. "Ничьей" земли на нашей планете нет или почти нет. Создание территориальной основы для еврейства мыслимо только - в Палестине или в другом месте - посредством передвижки больших человеческих масс. Такие задачи будут по силам только победоносному социализму на основах добровольного соглашения или интернационального третейского суда. Тупик немецкого еврейства, как и тупик сионизма, неразрывно связан с тупиком капитализма. Только в ясном сознании этой связи еврейские рабочие могут найти страховку от пессимизма и отчаяния...

Вы знаете, вероятно, что наша группировка (бывшая левая оппозиция) стала на путь новых пролетарских партий и нового Интернационала. Надеюсь, вы читали последний номер "Бюллетеня". На всякий случай посылаю вам экземпляр. Как настроена в этом вопросе ваша организация?

Не знаю, известно ли вам, что организация молодежи голландской Независимой социалистической партии созывает в конце января или в феврале международную конференцию революционной молодежи. Участие примут главным образом организации, стремящиеся к созданию нового Интернационала молодежи. Но доступ на конференцию открыт и таким организациям, которые не стали еще на путь нового Интернационала. Не думаете ли вы, что ваша молодежь могла бы принять участие в этой конференции? Я попрошу во всяком случае переслать вам соответственные документы.

Верно ли, что на Палестину кризис почти не распространяется?

Буду очень рад получить от вас несколько строк и узнать о настроении палестинских рабочих.

С крепким товарищеским приветом

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо В.Буриану] 362

19 декабря 1933 г.

Дорогой тов[арищ] Буриан

В силу несчастных обстоятельств я непростительно запоздал с высылкой вам книги "1905". Если бы я знал заранее, что предполагается издание "1905" вместе с "Историей русской революции", я бы в обеих книгах произвел некоторую перегруппировку материала. Сейчас я несколько связан и вынужден предложить очень значительные сокращения. Нужно выпустить все теоретическое вступление (стр. 17-61), кроме того, надрю выпустить все теоретические "приложения" (стр. 247-309). Кроме того, надо исключить кое-что из предисловия 1922 года. Впрочем, предисловие я несколько переработаю и приспособлю его к чешскому изданию. Вы переводите лишь предисловие к первому изданию (1909 года) 363 - стр. 10-14.

Описание побега (туда и обратно) 364 мало подходит для исторического труда, но решение вопроса об этом я предоставляю вам и издателю совместно. Мне кажется, лучше выкинуть эту часть (стр. 361-422). В крайнем случае, издательство могло бы сделать дополнительные выпуски, отметив, что это не часть истории революции, а литературная иллюстрация или исторический документ. Вот, кажется, и все.

[Л.Д.Троцкий]

Предисловие к чешскому изданию

Издательство выразило пожелание выпустить для чешской читающей публики мою "Историю русской революции" (1917 г.) вместе с моей старой работой о революции 1905 года. Я не мог не приветствовать этот замысел, благодаря которому преемственность исторического развития, как и единство политической мысли, должны выступить с наибольшей отчетливостью.

Считаю, однако, долгом заранее предупредить, что две книги, отделенные промежутком в четверть века, при всем единстве сходной теоретической позиции весьма различны по характеру изложения. История 1905 года представляет собой скорее набросок, в котором личные наблюдения и воспоминания занимают доминирующее место. История 1917 года представляет собой результат длительного и кропотливого исследования. Но так как революция 1905 года сама по себе была лишь эскизом революции 1917 года, то эскизный характер изложения как бы находит в этом свое объективное оправдание.

Моей обязанностью перед читателем было устранить повторения. Я исключил из "Истории 1905 года" всю вступительную социологическую часть, так как вопросы, которым она была посвящена, более полно и, позволю себе сказать, более зрело разработаны в "Истории 1917 года".

Книга о 1905 годе впервые появилась на немецком языке в 1909 году. По-русски она была напечатана лишь в 1922 году. Я сохраняю в этом издании - правда, со значительными сокращениями - оба старых предисловия, которые помогут чешскому читателю найти для настоящей книги необходимую историческую перспективу.

Л. Троцкий
Франция,
19 декабря 1933 г.

Четвертый Интернационал и война

Подготовка новой войны

1. Историческая безвыходность капитализма находит на международной арене не менее яркое выражение, чем внутри каждой из капиталистических стран.

Те причины, которые вызвали последнюю империалистическую войну, достигли сейчас неизмеримо большего напряжения, чем в середине 1914 года. Страх перед последствиями новой войны есть единственный фактор, который сдерживает волю империализма. Но сила этого тормоза ограничена. Напряжение внутренних противоречий толкает одну страну за другой на путь фашизма, который, в свою очередь, не может держаться у власти иначе, как подготавливая новые международные взрывы. Все правительства боятся войны. Но ни у одного из правительств нет свободы выбора. Без пролетарской революции новая мировая война неизбежна.

2. Европа, арена величайшей из войн, непрерывно идет к упадку. Распад Лиги Наций³⁶⁵ явился выражением неспособности капиталистической Европы сомкнуть свои ряды ни против СССР, ни против Америки.

Официальный пацифизм Лиги Наций являлся прикрытием, главным образом, французской политики: лучший военный теоретик Клаузевиц³⁶⁶ давно знал, что победитель всегда за мир. Пацифизм Франции означает попросту стремление охранить награбленное. Преимущества победы и большой добычи выражаются в том, что французский империализм, прикрывая себя во внешней политике пацифизмом, во внутренней мог позволить себе роскошь сохранения демократии.

3. Толкаемый своими невыносимыми противоречиями и последствиями поражения, немецкий капитализм оказался вынужден сорвать с себя смирительную рубашку демократического пацифизма и выступает сейчас как главная угроза версальской системе. Группировка государств на европейском континенте идет пока еще главным образом по линии победителей и побежденных. Италия занимает положение вероломного посредника, чтобы в решающий момент продать свою дружбу более сильной стороне, как она это сделала во время прошлой войны. Англия пытается сохранить свою "независимость" - тень былой "блестящей изолированности"³⁶⁷ - в надежде использовать антагонизмы в Европе и

противоречия между Европой и Америкой. Но правящей Англии все менее удаются ее замыслы. Запуганная распадом своей империи, революционным движением в Индии, неустойчивостью своих позиций в Китае, британская буржуазия является сейчас, пожалуй, самым ожесточенным врагом Советского Союза.

4. Наибольшие изменения война и послевоенный период произвели во внутреннем и международном положении Соединенных Штатов Северной Америки. Гигантский экономический перевес над Европой и, следовательно, над миром позволял буржуазии Соединенных Штатов выступать в первый период после войны в качестве беспристрастной "умиротворительницы", охранительницы "свободы морей" и "открытых дверей". Торгово-промышленный кризис обнаружил, однако, со страшной силой нарушение старого равновесия и потребность в новом, которое не может быть достигнуто иначе, как путем передела мира, подрыва гегемонии Франции в Европе, оттеснении Великобритании, разгрома Японии, закабаления Советского Союза.

Экономический перевес Соединенных Штатов не исчез, разумеется, и сейчас, наоборот, потенциально он даже возрос вследствие дальнейшего распада Европы; но старые формы, в которых этот перевес выражался (промышленная техника, торговый баланс, незыблемый доллар, задолженность Европы) утратили свою действительность: высокая техника не находит применения, баланс неблагоприятен, доллар в упадке, долгов не платят. Перевес Соединенных Штатов должен найти свое выражение в новых формах, путь к которым может открыть только война.

Лозунг "открытых дверей" в Китае оказывается бессильным против нескольких японских дивизий. Продолжая по инерции дискуссию об освобождении Филиппин, американские империалисты на самом деле готовятся создать себе территориальную базу в Китае, чтобы на следующем этапе поставить вопрос об Индии. Капитализм Соединенных Штатов вплотную упирается в те задачи, которые толкнули Германию 1914 года на путь войны. Мир уже поделен? Надо переделить его. Для Германии дело шло о том, чтобы "организовать Европу". Соединенным Штатам надо "организовать мир". История вплотную подводит человечество к вулканическому извержению американского империализма.

5. Запоздалый японский капитализм, питающийся соками отсталости, нищеты и варварства, толкается невыносимыми внутренними язвами и болячками на путь непрерывных разбойничьих захватов. Отсутствие собственной промышленной базы и крайняя шаткость всей социальной системы делают японский капитализм наиболее агрессивным и необузданным. Но будущее покажет, что за этой жадной агрессивностью слишком мало реальных сил. Япония первой способна подать сигнал войны; но из Японии же может раньше, чем из других стран, прозвучать сигнал революции.

6. Было бы, однако, слишком рискованным делом гадать, откуда и когда именно раздастся первый выстрел. Под влиянием советско-американского соглашения³⁶⁸, как и внутренних трудностей, Япония может временно отступить; но те же обстоятельства могут, наоборот, заставить японскую камарилью поспешить с ударом, пока не поздно. Решится ли французское правительство на "превентивную" войну, и не превратится ли она при содействии Италии во всеобщую свалку? Или же, наоборот, выжидая и лавируя, не даст ли Франция Гитлеру достаточный срок для полного вооружения, после чего война станет механической неизбежностью? Не окажется ли снова зачинщиком войны Балканский полуостров? Или, может быть, инициативу перехватят на этот раз придунайские страны?

Множественность факторов и переплет враждующих сил исключают возможность конкретного прогноза. Но общая тенденция развития совершенно ясная – послевоенный период превратился в простой промежуток между двумя войнами, и этот промежуток исчезает на наших глазах. Разговоры о разоружении сменились практикой бешеного вооружения. Новая великая война стучится в двери. Она будет более ожесточенной, более истребительной, чем ее предшественница. Отношение к надвигающейся войне становится тем самым центральным вопросом пролетарской политики.

СССР и империалистская война

7. Взятое в историческом масштабе противоречие между мировым империализмом и Советским Союзом неизмеримо глубже антагонизмов, противопоставляющих отдельные капиталистические страны друг другу. Но классовое противоречие между рабочим государством и государствами капитала

изменяет свою остроту в зависимости от эволюции рабочего государства и ряда других обстоятельств. Чудовищное развитие советского бюрократизма и тяжелые условия жизни трудящихся чрезвычайно понизили притягательную силу СССР в отношении мирового рабочего класса. Жестокие поражения Коминтерна и национально-пацифистская внешняя политика советского правительства не могли, в свою очередь, не ослабить опасений мировой буржуазии. Наконец, новое обострение внутренних противоречий капиталистического мира вынуждает правительства Европы и Америки подходить на данном этапе к СССР не с точки зрения основного вопроса: капитализм или социализм? - а с точки зрения конъюнктурной роли советского государства в борьбе империалистических сил.

Выражением этой международной обстановки и явились договоры о взаимном ненападении, признание СССР Вашингтонским правительством и проч. Настойчивые усилия Гитлера легализовать вооружение Германии ссылаясь на "восточную опасность" не находят пока сочувствия, особенно со стороны Франции и ее сателлитов именно потому, что революционная опасность коммунизма, несмотря на чудовищный кризис, потеряла свою остроту. Дипломатические успехи Советского Союза объясняются, таким образом, - по крайней мере, наполовину - чрезвычайным ослаблением международной революции.

8. Гибельной ошибкой было бы, однако, считать, что военная интервенция против Советского Союза вообще снята с повестки дня. Если конъюнктурная острота отношений смягчилась, то остается во всей силе противоречие социальных систем. Безостановочный упадок капитализма будет толкать буржуазные правительства на путь радикальных решений. Каждая большая война, независимо от ее исходных мотивов, поставит ребром вопрос о военной интервенции в СССР с целью переливания свежей крови в склеротические жилы капитализма.

Охрана Советского Союза от ударов со стороны капиталистических врагов, независимо от условий и непосредственных причин столкновения, есть элементарный и повелительный долг каждой честной рабочей организации.

"Национальная оборона"

9. Классической ареной капитализма стало созданное им в борьбе со средневековым партикуляризмом национальное государство. Но едва успев сложиться, оно уже начало превращаться в тормоз для экономического и культурного развития. Противоречие между производительными силами и рамками национального государства, в сочетании с основным противоречием - между производительными силами и частной собственностью на средства производства - и образуют кризис капитализма как мировой социальной системы.

10. Если бы можно было одним ударом смести все государственные границы, то производительные силы, даже при капитализме, могли бы еще в течение известного периода - правда, ценой неисчислимых жертв - подниматься на более высокий уровень. При уничтожении частной собственности на средства производства производительные силы, как показывает опыт СССР, могут даже в рамках одного государства достигнуть более высокого развития. Но только уничтожение как частной собственности, так и барьеров между нациями способно создать условия для новой экономической системы: социалистического общества.

11. Защита национального государства, прежде всего в балканизированной Европе, родине национального государства, является в полном смысле реакционной работой. Национальное государство со своими границами, паспортами, денежной системой, таможенными и армией на защите таможен стало чудовищной помехой на пути экономического и культурного развития человечества. Задачей пролетариата является не защита национального государства, а его полная и окончательная ликвидация.

12. Заповедь национальной обороны исходит из того догмата, что национальная солидарность классов стоит выше классовой борьбы. На самом деле ни один имущий класс никогда не признавал защиты отечества как такового, т. е. при всех и всяких условиях, а лишь прикрывал этой формулой защиту своего привилегированного положения в отечестве. Свергнутые господствующие классы всегда становились "пораженцами", т. е. всегда готовы были восстанавливать свое привилегированное положение при помощи иностранного оружия.

13. Если бы нынешнее национальное государство представляло собой прогрессивный фактор, то его надо было бы защищать независимо от политической формы и уже независимо от того, кто первый "начал" войну. Бессмысленно смешивать вопрос об исторической функции национального

государства с вопросом о "виновности" данного правительства. Можно ли отказаться спасти пригодный для жизни дом только потому, что пожар возник по неосторожности или по злему умыслу владельца? Но в том-то и дело, что данный дом пригоден не для жизни, а только для умирания. Чтобы народы могли жить, дом национального государства нужно снести до основания.

14. "Социалист", проповедующий национальную оборону, представляет собой мелкобуржуазного реакционера на службе загнивающего капитализма. Не связывать себя с национальным государством во время войны, руководствоваться не военной картой, а картой классовой борьбы может лишь та партия, которая объявила национальному государству непримиримую войну уже во время мира. Только поняв до конца объективно-реакционную роль империалистического государства, пролетарский авангард может стать неуязвимым для всех видов социал-патриотизма. Это значит: действительный разрыв с идеологией и политикой "национальной обороны" возможен только под углом зрения международной пролетарской революции.

15. Рабочий класс не относится безразлично к своей нации. Наоборот, именно потому, что история поручает ему взять в свои руки ее судьбу, он отказывается доверить дело ее свободы и независимости империализму, который "спасает" нацию только для того, чтобы завтра же подвергнуть ее новым смертельным опасностям во имя интересов ничтожного эксплуататорского меньшинства.

16. Используя нацию для своего развития, капитализм нигде, ни в одном углу мира, не разрешил полностью национального вопроса. Границы версальской Европы проведены по живому телу наций. Чистейшей утопией является мысль о такой перекройке капиталистической Европы, чтобы границы государств совпадали с границами наций. Мирным путем ни одно из государств не уступит ни пяти своей земли. А новая война заново перекроила бы Европу в зависимости от военной карты, а не в соответствии с границами наций. Задача полного национального самоопределения и мирного сотрудничества всех народов Европы может быть разрешена лишь на основе экономического объединения Европы, очищенной от буржуазного господства. Лозунг Советских Соединенных Штатов Европы есть лозунг спасения не только для балканских и придунайских народов, но и для народов Германии и Франции.

17. Особое и притом большое место занимает вопрос о колониальных и полуколониальных странах Востока, которые только еще борются за независимое национальное государство. Их борьба прогрессивна вдвойне: вырывая отсталые народы из азиатчины, партикуляризма и иностранной кабалы, она наносит могучие удары государствам империализма. Но нужно заранее отдать себе ясный отчет в том, что запоздалые революции в Азии, Африке и Южной Америке не способны открыть новую эпоху процветания национального государства. Освобождение колоний окажется только грандиозным эпизодом в мировой социалистической революции, как запоздалый демократический переворот в России, которая тоже была полуколониальной страной, оказался лишь вступлением к социалистическому перевороту.

Национальная проблема сливается с социальной. Только завоевание власти мировым пролетариатом может обеспечить действительную и неизбежную свободу развития для всех наций нашей планеты.

Защита демократии

18. Ложь национальной обороны прикрывается во всех случаях, где это возможно, дополнительной ложью защиты демократии. Раз марксисты и сейчас, в империалистическую эпоху, не отождествляют демократию с фашизмом и готовы в любой момент дать отпор фашизму, наступающему на демократию, не должен ли пролетариат и в случае войны поддерживать демократические правительства против фашистских?

Грубый софизм! Демократию от фашизма мы защищаем при помощи организаций и методов пролетариата. В противовес социал-демократии мы не передоверяем этой защите государству буржуазии ("Staat, greif zu!"³⁶⁹). Но если мы останемся в непримиримой оппозиции к самому "демократическому" правительству во время мира, можем ли мы брать на себя хотя бы тень ответственности за него во время войны, когда все подлости и преступления капитализма получают наиболее зверское и кровавое выражение?

19. Современная война между великими державами означает не столкновение между демократией и фашизмом, а борьбу двух империализмов за передел мира.

Война неизбежно должна к тому же принять интернациональный характер, причем в обоих лагерях окажутся как фашистские (полуфашистские, бонапартистские и проч.), так и "демократические" государства. Республиканская форма французского империализма не мешает ему в мирное время опираться на военно-буржуазную диктатуру в Польше, Югославии и Румынии, как не помешает в случае надобности восстановить Австро-Венгерскую монархию в качестве барьера против соединения Австрии с Германией.

Поддержка рабочей партией "своего" национального империализма ради его демократической формы означала бы отказ от самостоятельной политики и шовинистическую деморализацию рабочих, т. е. разрушение того единственного фактора, который способен спасти человечество от гибели.

20. Борьба за демократию во время войны будет означать прежде всего борьбу за сохранение рабочей печати и рабочих организаций против разнузданности военной цензуры и военных властей. На почве этих задач революционный авангард будет искать единый фронт с другими рабочими организациями – против собственного "демократического" правительства, но ни в каком случае не единения со своим правительством против враждебной страны.

21. Империалистическая война стоит над вопросом о форме государственной власти капитала. Она ставит перед каждой национальной буржуазией вопрос о судьбе национального капитализма и перед буржуазией всех стран – вопрос о судьбе капитализма вообще. Только так должен ставить вопрос и пролетариат: капитализм или социализм, торжество одного из империалистических лагерей или пролетарская революция.

Оборона мелких и нейтральных государств

22. Идея национальной обороны, особенно если она совпадает с идеей защиты демократии, легче всего может обмануть рабочих мелких и нейтральных стран (Швейцария, отчасти Бельгия, скандинавские страны...), которые, будучи неспособны к самостоятельной политике захватов, придадут защите своих национальных границ характер неоспоримого и абсолютного догмата. Как раз на примере Бельгии мы видим, однако, как естественно формальный нейтралитет сменяется системой империалистических соглашений и как неизбежно война за "национальную оборону" приводит к аннексионистскому миру. Характер войны определяется не ее исходным моментом, изолированно взятым ("нарушение нейтралитета", "вторжение врага" и проч.), а главными движущими силами войны, всем ее развитием и теми результатами, к которым она в конце концов приводит.

23. Можно легко поверить, что швейцарская буржуазия не возьмет на себя инициативу войны. В этом смысле она имеет больше формальных прав, чем какая-либо другая буржуазия, говорить о своей оборонительной позиции. Но с того момента, как Швейцария окажется ходом событий вовлеченной в войну, она включится в борьбу мировых сил, одинаково преследующих империалистические цели. Если нейтралитет окажется нарушен с двух сторон, швейцарская буржуазия объединится с более сильной из двух нападающих сторон, независимо от того, на ком лежит большая ответственность за нарушение нейтралитета и в каком лагере больше "демократии". Так, в последней войне Бельгия, союзница царизма, отнюдь не покинула лагеря Антанты, когда та по ходу войны нашла выгодным нарушить нейтралитет Греции.

Только совсем тупой мелкий буржуа швейцарского захолустья может серьезно воображать, будто мировая война, в которую он втянут, есть средство для защиты независимости Швейцарии. Война не оставит никаких следов от швейцарского нейтралитета, как предшествующая война смела нейтралитет Бельгии. Сохранится ли после войны Швейцария как государственное целое, хотя бы утратившее свою самостоятельность, или же будет поделена между Германией, Францией и Италией, это зависит от ряда европейских и мировых факторов, в ряду которых "национальная оборона" швейцарцев занимает ничтожное место.

Мы видим, таким образом, что и для нейтральной, демократической, лишенной колоний Швейцарии, где идея национальной обороны предстает перед нами в наиболее своем чистом виде, законы империалистической эпохи не делают исключения. На требование буржуазии: примкнуть к политике национальной обороны, швейцарский пролетариат должен ответить политикой классовой обороны, чтобы перейти затем в революционное наступление.

24. Угнетенные классы, не сознавшие своих интересов и привыкшие к жертвам, принимают лозунг "национальной обороны" за чистую монету, т. е. за абсолютный долг, стоящий будто бы над классами. Основное историческое преступление партий Второго Интернационала состоит в том, что они питают и закрепляют рабские инстинкты угнетенных при помощи идей патриотизма.

Если европейский пролетариат не опрокинет бжуазию на исходе великой войны; если человечество извивается ныне в муках кризиса; если новая война грозит превратить города и деревни в груды развалин, то главная вина за эти преступления и бедствия лежит на Втором Интернационале.

25. Политика национал-патриотизма сделала массы идеологически беззащитными перед лицом фашизма. Если во время войны надо отречься от классовой борьбы во имя интересов нации, то надо отказаться от "марксизма" и в эпоху великого хозяйственного кризиса, который грозит "нации" не менее, чем война. Монополизировав идею нации, фашизм объявил классовую борьбу преступной даже и во второстепенных случаях. Идею национального единства он превратил в ручные и ножные кандалы для пролетариата.

26. Немецкая социал-демократия поддерживала внешнюю политику Гитлера до тех пор, пока Гитлер не выгнал ее. Окончательная замена демократии фашизмом обнаружила, что социал-демократия остается патриотической лишь до тех пор, пока политический режим обеспечивает ей барыши и привилегии. Оказавшись в эмиграции, бывшие гогенцоллернские патриоты сразу выворачиваются наизнанку и готовы приветствовать превентивную войну французской буржуазии против Гитлера. Второй Интернационал без всякого затруднения амнистировал Вельса и К°, которые завтра же, если немецкая буржуазия поманит их пальцем, снова обернутся пламенными патриотами.

27. Французские, бельгийские и проч[ие] социалисты ответили на немецкие события откровенным союзом со своей буржуазией в деле "национальной обороны". В то время как официальная Франция вела "маленькую", "незаметную", но исключительную по подлости войну против Марокко³⁷⁰, французская социал-демократия и реформистские синдикаты рассуждали на своих съездах о негуманности войн вообще, понимая под этим преимущественно войну реванша со стороны Германии. Партии, которые поддерживают зверства колониального разбоя, где дело идет лишь о новых барышах, поддержат с закрытыми глазами всякое национальное правительство в большой войне, где дело будет идти о судьбе буржуазной республики.

28. Несовместимость социал-демократической политики с историческими задачами пролетариата в настоящее время несравненно глубже и острее, чем накануне империалистической войны. Борьба с рабскими инстинктами и патриотическими суевериями масс означает прежде всего непримиримую борьбу против Второго Интернационала как организации, как партии, как программы, как знамени.

Советская дипломатия и Коминтерн

29. После завоевания власти пролетариат сам становится на позицию "защиты отечества". Но под этой формулой скрывается совершенно новое историческое содержание. Изолированное рабочее государство - не самодавляющее целое, а лишь плацдарм мировой революции. В лице СССР пролетариат защищает не национальные границы, а социалистическую диктатуру, временно сдавленную национальными границами. Только глубокое понимание того, что пролетарская революция не может найти завершение в национальных рамках; что без победы пролетариата в важнейших странах все успехи социалистического строительства в СССР обречены на крушение; что ни для одной из стран нет спасения вне международной революции; что социалистическое общество может быть воздвигнуто только на основе международного сотрудничества, - только это несокрушимое, в плоть и кровь перешедшее убеждение способно создать надежную основу для революционной пролетарской политики во время войны.

30. Внешняя политика Советов, исходящая из теории социализма в отдельной стране, построена на двух идеях: всеобщего разоружения и взаимного отказа от нападения. Что советскому правительству в поисках дипломатических гарантий приходится прибегать к чисто формалистической постановке вопроса войны и мира, это вытекает из условий капиталистического окружения. Но эти методы приспособления к врагу, навязанные слабостью международной революции и в значительной мере предшествующими ошибками самой советской власти, никак нельзя возводить в универсальную систему. Между тем, действия и речи

советской дипломатии, давно переступившей черту допустимого практического оппортунизма, составили священную и неприкосновенную основу международной политики Коминтерна и стали источником грубейших пацифистских иллюзий и социал-патриотических заблуждений.

31. Разоружение не есть средство против войны, ибо, как мы видим на опыте той же Германии, эпизодическое разоружение есть только этап на пути к новому вооружению. Возможность нового, притом очень быстрого, вооружения заложена в современной промышленной технике. "Всеобщее" разоружение, даже если бы оно было осуществимо, означало бы только усиление военного перевеса наиболее могущественных промышленных стран. "Разоружение на 50%" есть путь не к полному разоружению, а к более совершенному вооружению на 100%. Выдвигать разоружение как "единственное действительное средство предотвращения войны" значит обманывать рабочих во имя общего фронта с мелкобуржуазными пацифистами.

32. Нельзя ни на минуту оспаривать право советского государства в тех или других договорах с империалистами определять с наивозможной точностью понятие нападения. Но попытаться превратить эту условную юридическую формулу в верховный регулятор международных отношений значит подменять революционный критерий консервативным, сводя международную политику пролетариата к защите капиталистического статус кво³⁷¹.

Мы не пацифисты. Революционную войну мы считаем таким же средством пролетарской политики как и восстание. Наше отношение к войне определяется не юридической формулой "нападения", а тем, какой класс ведет войну и во имя каких целей. В столкновениях государства, как и в борьбе классов, "нападение" и "оборона" составляют вопрос практической целесообразности, а не юридической или этической нормы. Голый критерий нападения создает опору для предательской политики гг. Леона Блюма, Вальдериуса и проч., которые, благодаря Версалю, имеют возможность охранять империалистическую добычу под видом охранения мира.

33. Пресловутая формула Сталина: "Ни одной пяди чужой земли не хотим, ни одного вершка своей земли не отдадим", представляет консервативную политику status quo, в корне противоречащую наступательному характеру пролетарской революции. Идеология социализма в отдельной стране ведет неотвратимо к затушевыванию реакционной роли национального государства, к примирению с ним, к идеализации его, к принижению значения революционного интернационализма.

34. Вожди Коминтерна оправдывают политику советской дипломатии тем, что рабочее государство должно использовать противоречия в лагере империалистов. Это само по себе бесспорное положение нуждается, однако, в конкретизации.

Внешняя политика каждого класса есть продолжение и развитие его внутренней политики. Если пролетариат у власти должен различать и использовать противоречия в лагере своих внешних врагов, то пролетариат, борющийся за власть, должен уметь различать и использовать противоречия в лагере своих внутренних врагов. То обстоятельство, что Коминтерн оказался абсолютно неспособен понять и использовать противоречие между реформистской демократией и фашизмом, привело непосредственно к величайшему поражению пролетариата и вплотную придвинуло опасность новой войны.

Использование противоречий в среде империалистических правительств должно, с одной стороны, совершаться не иначе, как под углом зрения международной революции. Защита СССР мыслима только при полной независимости международного пролетарского авангарда от политики советской дипломатии, при полной свободе разоблачения ее национально-консервативных методов, которые направляются против интересов международной революции, а тем самым и против интересов Советского Союза.

35А. Советское правительство меняет нынешний свой курс в отношении Лиги Наций³⁷². Коминтерн, как всегда, рабски повторяет слова и жесты советской дипломатии. Всякого рода "ультра-левые" пользуются этим поворотом, чтоб лишний раз причислить СССР к буржуазным государствам. Социал-демократия в зависимости от национальных соображений истолковывает "примирение" СССР с Лигой Наций то для доказательства буржуазно-национального характера политики Москвы, то, наоборот, для реабилитации Лиги Наций и всей вообще идеологии пацифизма. Марксистская точка зрения и в данном вопросе не имеет ничего общего ни с одной из мелкобуржуазных оценок.

Наше принципиальное отношение к Лиге Наций не отличается от отношения к

данному отдельному империалистскому государству, входящему или не входящему в Лигу Наций. Маневрирование советского государства между антагонистическими группировками империализма предполагает маневренную политику и по отношению к Лиге Наций. Пока Япония и Германия входили в состав Лиги, эта последняя грозила стать ареной соглашения важнейших империалистических хищников за счет СССР. С выступлением из Лиги Наций Японии и Германии, главных и наиболее непосредственных врагов Советского Союза, Лига превратилась отчасти в блок союзников и вассалов французского империализма, отчасти в арену борьбы между Францией, Англией и Италией. И при данных условиях у правительства СССР вряд ли есть практические основания вступать в Лигу Наций и связывать себе руки на завтрашний день. Но та или другая комбинация с Лигой Наций может оказаться навязанной рабочему государству, лавирующему между одинаково враждебными ему, по существу империалистическими, государствами.

Отдавая себе вполне реалистический отчет в сложившейся обстановке, пролетарский авангард должен вместе с тем выдвигать на первый план следующие соображения:

а) необходимость [для] СССР через 16 с лишком лет после Октябрьского переворота искать сближения с Лигой Наций и прикрывать это сближение абстрактными формулами пацифизма есть результат крайнего ослабления международной пролетарской революции и тем самым международных позиций СССР;

б) абстрактные пацифистские формулировки советской дипломатии и ее комплименты по адресу Лиги Наций не имеют ничего общего с политикой международной пролетарской партии, которая не берет на себя за них никакой ответственности, наоборот, вскрывает их пустоту и фальшь, чтобы тем вернее мобилизовать пролетариат на основе ясного понимания реальных сил и реальных антагонизмов.

35В. Было бы бесплодной задачей пытаться заранее определить "пределы" лавирования СССР между разными группировками империализма: практически вопрос зависит от силы самого СССР, следовательно, от его внутренней и внешней политики, и еще более – от силы мирового пролетариата. При том положении, которое сложилось сейчас, совершенно нельзя считать исключенным в случае войны союз СССР с империалистическим государством или с империалистической группировкой против другой группировки. Давлением обстоятельств такого рода союз может стать железной необходимостью, не переставая, однако, от этого быть величайшей опасностью как для самого СССР, так и для мировой революции.

Международный пролетариат не откажется от защиты СССР и в том случае, если последний окажется вынужден к военному союзу с одними империалистами против других. Но в этом случае еще более, чем во всяком другом, международный пролетариат обеспечит свою полную политическую независимость от советской дипломатии и тем самым от бюрократии Коминтерна. Оставаясь решительным и беззаветным защитником рабочего государства в борьбе с империализмом, международный пролетариат не станет, однако, союзником империалистических союзников СССР. Такого рода политика должна будет неизбежно столкнуться с рядом трудных задач и противоречивых положений. Исчерпать их заранее одной какой-либо формулой невозможно. Победить противоречия можно будет только согласованными действиями интернационального масштаба.

35В. Пролетариат страны, находящейся в союзе с СССР, сохранит полностью и целиком свою непримиримую враждебность по отношению к империалистическому правительству собственной страны. В этом смысле не будет разницы с политикой пролетариата страны, воюющей против СССР. Но в характере практических действий могут оказаться значительные различия, вызываемые конкретной обстановкой войны. Было бы, например, абсурдно и преступно, если бы в случае войны между СССР и Японией американский пролетариат саботировал отправку американского оружия для СССР или для союзных с СССР частей Китая. Между тем такого рода действия – стачки, саботаж и проч. – были бы совершенно обязательными для пролетариата страны, воюющей против СССР.

Непримиримая пролетарская оппозиция против империалистского союзника СССР должна была бы развиваться на почве, с одной стороны, классовой внутренней политики, с другой стороны, империалистических целей данного правительства, вероломного характера его "союза", его спекуляций на буржуазный переворот в СССР³⁷³ и проч. Политика пролетарской партии в

"союзной", как и во враждебной, империалистической стране должна, следовательно, направляться на революционное низвержение буржуазии и овладение властью. Только таким путем можно создать действительный союз с СССР и спасти первое рабочее государство от крушения.

35Г. Внутри СССР война против империалистической интервенции породит несомненно взрывы подлинного боевого энтузиазма. Все противоречия и антагонизмы окажутся как бы преодоленными или, по крайней мере, отодвинутыми. Вышедшие из революции молодые поколения рабочих и крестьян обнаружат на полях сражений огромную динамическую силу. Централизованная промышленность, несмотря на все свои прорехи и недочеты, обнаружит крупные преимущества в деле обслуживания войны. Правительство СССР создало несомненно значительные продовольственные запасы, которых хватит на первый период войны. В генеральных штабах империалистических государств отдают себе, конечно, ясный отчет в том, что в лице Красной армии они встретят могущественного противника, борьба с которым потребует долгих сроков и страшного напряжения сил.

35Д. Но именно затяжной характер войны раскроет неизбежно противоречия переходного хозяйства СССР с его бюрократическим планированием. Грандиозные новые предприятия могут во многих случаях оказаться мертвым капиталом. Под влиянием острой потребности государства в предметах первой необходимости империалистические тенденции крестьянского хозяйства получают значительное подкрепление, и центробежные силы внутри колхозов будут расти с каждым месяцем войны. Господство бесконтрольной бюрократии превратится в военную диктатуру. Отсутствие живой партии как политического контролера и регулятора приведет к чрезвычайному накоплению и обострению противоречий. В раскаленной атмосфере войны можно ждать резких сдвигов в сторону индивидуалистических принципов в сельском хозяйстве и в кустарной промышленности, привлечения иностранных "союзных" капиталов, брешей в монополии внешней торговли, ослабления государственного контроля над трестами, обострения конкуренции между трестами, их столкновения с рабочими и проч. По линии государственной эти процессы могут означать завершение бонапартизма с соответственным переворотом или рядом переворотов в отношениях собственности. Другими словами, в случае долгой войны, при пассивности мирового пролетариата, внутренние социальные противоречия в СССР не только могли бы, но должны были бы привести к буржуазно-бонапартистской контрреволюции.

Вытекающие отсюда политические выводы совершенно очевидны:

а) спасти СССР, как рабочее государство, в случае долгой затяжной войны может только пролетарская революция на Западе;

б) подготовка пролетарской революции в "союзных", как и во враждебных странах, мыслима только при полной независимости мирового пролетарского авангарда от советской бюрократии;

в) беззаветная поддержка СССР против империалистических армий должна идти рядом с революционной марксистской критикой военной и дипломатической политики советского правительства и с формированием внутри СССР подлинно революционной партии коммунистов-интернационалистов.

Коминтерн и война

36. Утратив в вопросе о войне принципиальную линию, Коминтерн колеблется между пораженчеством и социал-патриотизмом. В Германии борьба с фашизмом превратилась в базарную конкуренцию на почве национализма. Лозунг "национального освобождения", поставленный рядом с лозунгом "социального освобождения", грубо искажает революционную перспективу и во всяком случае исключает пораженчество. В вопросе о Саарской области³⁷⁴ компартия начала с рабочего пресмыкательства перед идеологией национал-социализма и лишь путем внутренних расколов отодвинулась от нее.

Какой лозунг выдвигает германская секция Коминтерна в случае войны: "поражение Гитлера - меньше зло?" Но если лозунг национального освобождения был верен и при "фашистах" Мюллере и Брюнинге, каким образом мог он утратить свою силу при Гитлере? Или же национальные лозунги годны только для мирного времени, а не для войны? Поистине, Коминтерн сделал все, чтобы запутать себя и рабочих до конца.

37. Революционное бессилие Коминтерна есть прямое последствие его пагубной политики. После германской катастрофы политическое ничтожество компартий успело обнаружиться во всех странах, где они подвергались

какому-нибудь испытанию. Нужно ли доказывать, что французская секция, которая оказалась совершенно неспособна поднять на ноги хотя бы несколько десятков тысяч рабочих против колониального разбоя в Африке, окажется еще более несостоятельной в минуту так называемой "национальной опасности"?

38. Борьба против войны, немислимая без революционной мобилизации широких рабочих масс города и деревни, требует в то же время непосредственного влияния на армию и флот, с одной стороны, на транспорт, с другой. Но влияние на солдат немисливо без влияния на рабочую молодежь. Влияние в области транспорта предполагает крепкие позиции в профессиональных союзах. Между тем Коминтерн при содействии Профинтерна утратил все позиции в профессиональном движении и отрезал себе доступ к рабочей молодежи. Говорить при этих условиях о борьбе против войны значит заниматься пусканием мыльных пузырей. Иллюзиям не должно быть места: в случае империалистского наступления на СССР Коминтерн обнаружит себя как круглый нуль.

"Революционный" пацифизм и война

39. Мелкобуржуазный ("левый") пацифизм как самостоятельное явление исходит из того, будто можно особыми, специальными средствами обеспечить мир вне классовой борьбы пролетариата. Пацифисты внушают статьями и речами "отвращение к войне", поддерживают индивидуальный отказ от военной службы, проповедуют бойкот и всеобщую стачку (вернее: миф о всеобщей стачке) против войны. Особо "революционные" пацифисты не прочь даже говорить о восстании против войны. Но, все вместе и каждый в отдельности, они понятия не имеют о неразрывной связи восстания с классовой борьбой и с политикой революционной партии. Восстание для них не задача долгих и систематических усилий, а литературная угроза по адресу правящего класса.

Эксплуатируя естественное миролюбие народных масс и не давая ему правильного выхода, мелкобуржуазные пацифисты превращаются в конце концов в бессознательную опору империализма. В случае войны пацифистские "союзники" в подавляющем большинстве своем окажутся в лагере буржуазии и используют тот авторитет, который создала им реклама Коминтерна, в целях патриотической дезорганизации пролетарского авангарда.

40. Организованный Коминтерном Амстердамский конгресс против войны, как и Парижский конгресс против фашизма, являются классическими примерами подмены революционной классовой борьбы мелкобуржуазной политикой показательных демонстраций, эффектных парадов, потемкинских деревень³⁷⁵. На другой день после шумных протестов против войны вообще разношерстные элементы, искусственно соединенные закулисной режиссурой, рассыпаются в разные стороны и оказываются неспособными ударить пальцем о палец против данной войны.

41. Подмена единого пролетарского фронта, т. е. боевого соглашения рабочих организаций, блоком коммунистической бюрократии с мелкобуржуазными пацифистами, где на одного честного путаника приходится десяток карьеристов, приводит к полному эклектизму в вопросах тактики. Конгрессы Барбюса-Мюнценберга вменяют себе в особую заслугу сочетание всех видов "борьбы" против войны: гуманитарных протестов, индивидуального отказа от военной службы, воспитания "общественного мнения", всеобщей стачки и даже восстания. Методы, которые в жизни находятся в непримиримом противоречии и могут практически проводиться только в борьбе друг с другом, изображаются как элементы гармонического целого. Русские "социалисты-революционеры", проповедовавшие в борьбе против царизма "синтетическую тактику": союз с либералами, индивидуальный террор и массовую борьбу, представляли собой образчик серьезной группировки по сравнению с вдохновителями амстердамского блока. Рабочие должны, однако, твердо помнить, что большевизм вырос на борьбе против народнической эклектики!

Мелкая буржуазия и война

42. Борьба с опасностью войны может легче всего приблизить к рабочим крестьян и низы городского населения, для которых война не менее губельна, чем для пролетариата. Только на этом пути и можно, вообще говоря, предупредить войну посредством восстания. Но крестьяне еще неизмеримо менее, чем рабочие, дадут привлечь себя на революционный путь при помощи абстракций, готовых шаблонов и голой команды. Эпигоны ленинизма, которые в 1923-1924 годах произвели переворот в Коминтерне под лозунгом "лицом к крестьянству", обнаружили полную неспособность привлечь под знамя коммунизма

не только крестьян, но и сельских рабочих. Крестинтерн незаметно скончался даже без надгробного слова. Столь хвастливо возвещавшееся "завоевание" крестьянских масс в отдельных странах оказывалось каждый раз эфемерным, если не просто выдуманным. Именно в области крестьянской политики банкротство Коминтерна приняло особенно убедительный характер, хотя по существу дела оно явилось лишь неизбежным результатом разрыва между Коминтерном и пролетариатом.

Крестьянство встанет на путь революционной борьбы против войны только в том случае, если убедится на деле в способности рабочих руководить этой борьбой. Ключ к победе находится, следовательно, на фабриках и заводах. Революционный пролетариат должен стать действительной силой, прежде чем крестьянство и городской мелкий люд сомкнут свои ряды.

43. Мелкая буржуазия города и деревни не однородна. Привлечь на свою сторону пролетариат может только ее низшие слои, беднейших крестьян, полупролетариев, маленьких чиновников, уличных торговцев, угнетенный и рассеянный люд, который в силу всех условий своего существования лишен возможности вести самостоятельную борьбу. Над этим широким пластом мелкой буржуазии поднимаются ее верхи, тяготеющие к средней и крупной буржуазии и выделяющие из себя политических карьеристов, то демократического и пацифистского, то фашистского типа. Эти "дурные пастыри" прибегают к самой разнузданной демагогии как к наиболее верному средству набить себе позже цену в глазах крупной буржуазии.

44. Преступление Коминтерна состоит в том, что борьбу за революционное влияние на действительную мелкую буржуазия, т. е. на ее плебейские массы, он подменяет театральными блоками с ее фальшивыми пацифистскими вождями. Вместо того чтобы дискредитировать последних, он укрепляет их авторитетом Октябрьской революции и делает угнетенные низы мелкой буржуазии политической жертвой ее изменнических верхов.

Революционный путь к крестьянству лежит через рабочих. Чтобы завоевать доверие деревни, надо, чтобы передовые рабочие вернули себе самим доверие к знамени пролетарской революции. Достигнуть этого можно только правильной политикой вообще, правильной антиимпериалистской политикой, в частности.

Революционная политика против войны

45А. Первым условием успеха является воспитание кадров партии в правильном понимании всех условий империалистской войны и всех политических процессов, ей сопутствующих. Горе той партии, которая ограничивается в этом жгучем вопросе общими фразами и абстрактными лозунгами! Кровавые события обрушатся ей на голову и раздавят ее.

Необходимо создание специальных кружков для изучения политического опыта войны 1914-1918 годов (идеологическая подготовка войны империализмом; дезинформация общественного мнения штабами через патриотическую прессу; роль антитезы: оборона-нападение; группировки в пролетарском лагере, изоляция марксистских элементов, необходимость плыть "против течения" и проч. и проч.).

45Б. Для революционной партии особенно критическим является самый момент возникновения войны. Буржуазная и социалистическая пресса в союзе с радио и кинематографом обрушат на трудящихся потоки шовинистической отравы. Самая революционная и закаленная партия не сможет в такой момент устоять полностью. Нынешняя насквозь фальсифицированная история большевистской партии служит не для того, чтобы реалистически подготовить передовых рабочих к испытанию, а для того чтобы усыпить их вымышленной идеальной схемой.

Несмотря на то, что царская Россия не могла быть причислена ни к демократиям, ни к носительницам культуры, ни, наконец, к обороняющейся стороне, большевистская фракция Думы совместно с меньшевистской фракцией огласила в начале войны социал-патриотическую декларацию, разбавленную розовым пацифизмом-интернационализмом³⁷⁶. На судебном процессе фракции³⁷⁷ все обвиняемые депутаты, кроме Муранова³⁷⁸, как и их теоретический руководитель Каменев, категорически отмежевались от пораженческой теории Ленина³⁷⁹. Нелегальная работа партии почти замерла. Лишь постепенно стали появляться революционные прокламации, которые, отнюдь не выдвигая пораженческих лозунгов, призывали рабочих под знамя интернационализма. Первые два года войны изрядно подкопали патриотизм масс и сдвинули партию влево. Но Февральская революция, превратив Россию в демократию, породила

новую могущественную волну "революционного" патриотизма. В подавляющем большинстве своем верхи большевистской партии не устояли и на этот раз. Сталин и Каменев дали в марте 1917 г. центральному органу партии социал-демократическое направление. На этой основе во всей стране произошло сближение, а в большинстве городов и прямое слияние большевистских и меньшевистских организаций. Понадобились протесты наиболее закаленных и чутких революционеров, главным образом передовых рабочих Петрограда, понадобился приезд Ленина в Россию и его непримиримая борьба против социал-патриотизма, чтобы партия выравняла свой интернациональный фронт.

Изучение этого исторического опыта имеет незаменимое воспитательное значение для передовых рабочих: оно показывает им страшный напор буржуазного общественного мнения, который им придется преодолевать, и учит их в то же время не поддаваться, не складывать оружия, не терять духа, несмотря на полную изолированность в начале войны. Не менее тщательно надлежит изучать борьбу политических группировок в пролетариате других стран как воевавших, так и нейтральных. Особенно важен опыт борьбы Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Германии, где события развивались по другому направлению, чем в России, но в конечном счете приводят к тому же выводу: надо учиться плыть против течения.

46. Необходимо тщательно следить за происходящей ныне патриотической подготовкой пушечного мяса; за дипломатическим фехтованием, которое имеет задачей перебросить ответственность на противную сторону; за вероломными формулами социал-патриотов, подготавливающих себе мост от пацифизма к милитаризму; за пустыми лозунгами "коммунистических" вождей, которые в первый же день войны окажутся не менее растеряны, чем немецкие "вожди" в ночь поджога рейхстага.

Необходимо внимательно подбирать наиболее характерные вырезки из правительственных и оппозиционных статей и речей, сопоставляя их с опытом прошлой войны; предугадывать, в каком направлении пойдет дальнейшая работа по обману народа; подкреплять затем свои предвидения свидетельством фактов; приучать пролетарский авангард самостоятельно ориентироваться в событиях, чтобы не дать застигнуть себя врасплох.

47. Необходимо через хорошо подготовленных рабочих поднять вопрос о военной опасности и борьбе против нее во всех без исключения организациях пролетариата и в рабочей печати, требуя ясных и конкретных ответов на вопрос: что делать?

48. Чтобы завоевать доверие молодежи, надо не только объявить смертельную борьбу растлению душ социал-демократией и тупому бюрократизму Коминтерна, но и создать на деле международную организацию, действительно опирающуюся на критическую мысль и революционную самостоятельность пролетарской молодежи.

Чтобы завоевать революционные позиции в профессиональных союзах и других массовых рабочих организациях, надо беспощадно порвать с бюрократическим ультиматизмом, брать рабочих, где они есть и как они есть, и вести их вперед от частных задач к общим, от обороны к наступлению.

Только таким путем можно действительно объединить вокруг революционного знамени рабочий класс, начиная с его молодежи, проложить себе путь в капиталистические казармы и поднять на ноги всех угнетенных.

49. Борьба против войны может лишь в том случае получить подлинно широкий, массовый, народный характер, если в ней примет участие работница, крестьянка, трудящаяся женщина. Буржуазное перерождение социал-демократии, как и бюрократическое вырождение Коминтерна, тяжелее всего ударили по наиболее угнетенным и бесправным слоям пролетариата, т. е. прежде всего по работницам. Пробудить их, завоевать их доверие, указать им верную дорогу значит мобилизовать против милитаризма революционные страсти наиболее угнетенной части человечества.

50. Поскольку пролетариат оказывается неспособным помешать войне посредством революции - а это единственный способ помешать войне, - рабочие вместе со всем народом вынуждены участвовать в армии и войне. (Индивидуалистические и анархические лозунги отказа от военной службы, дезертирства, саботажа в корне противоречат методам пролетарской революции). Но, как на фабрике передовой рабочий чувствует себя рабом капитала, готовящим свое освобождение, так и в капиталистической армии он сознает себя рабом империализма. Вынужденный сегодня отдавать свои мышцы и даже жизнь, он

не отдает своего революционного сознания. Он остается борцом, учится владеть оружием, разъясняет и в окопах классовый смысл войны, группирует недовольных, связывает их в ячейки, является проводником идей и лозунгов партии, внимательно следит за изменениями настроения масс, за упадком патриотической волны, за ростом возмущения, чтобы в критический момент поднять солдат на поддержку рабочих.

51. В тех случаях, когда дело идет о борьбе капиталистических стран, пролетариат каждой из них решительно отказывается жертвовать во имя военной победы буржуазии своими историческими интересами, которые совпадают в последнем счете с интересами нации. Формула Ленина: "поражение есть меньшее зло" означает не то, что поражение собственной страны есть меньшее зло по сравнению с поражением противной стороны, а то, что военное поражение, вызванное развитием революционного движения, неизмеримо выгоднее для пролетариата, чем военная победа, обеспеченная "гражданским миром". Победоносная пролетарская революция не только исправит причиненные поражением бедствия, но и создаст окончательную гарантию от дальнейших войн и поражений. Это диалектическое отношение к войне является важнейшим элементом революционного воспитания, а, следовательно, и борьбы против войны.

52. Превращение империалистской войны в гражданскую является той общей стратегической задачей, которой должна быть подчинена вся работа пролетарской партии во время войны.

Последствия Франко-прусской войны 1870-1871 гг. 380, как и империалистской бойни 1914-1918 гг. (Парижская коммуна, Февральская и Октябрьская революции в России, революции в Германии и Австро-Венгрии, восстания в ряде воюющих стран) непрерываемо свидетельствуют о том, что современная война между капиталистическими нациями ведет за собой войну классов внутри каждой нации и что задача революционной партии состоит в том, чтобы подготовить в этой последней войне победу пролетариата.

Опыт 1914-1918 годов свидетельствует, что лозунг мира отнюдь не противоречит стратегической формуле Ленина, наоборот, развивает огромную революционную силу, особенно при затяжке войны. Пацифистский, т. е. обманывающий, усыпляющий, расслабляющий характер лозунг мира имеет лишь в том случае, когда им жонглируют демократические и иные политики; когда попы возносят молебствия в пользу скорейшего прекращения бойни; когда "друзья человечества", в том числе и социал-патриоты, слезливо убеждают свои правительства поскорее заключить мир "на началах справедливости". Но лозунг мира не имеет ничего общего с пацифизмом, когда он поднимается из рабочих кварталов и траншей, переплетается с лозунгом братания солдат неприятельских армий и объединяет угнетенных против угнетателей. Революционная борьба за мир, принимающая все более массовые и смелые формы, является одним из важнейших путей "превращения империалистской войны в гражданскую".

Четвертый Интернационал и война

53. Борьба против войны предполагает революционное оружие борьбы, т. е. партию. Ее теперь нет ни в национальном, ни в интернациональном масштабе. Революционную партию надо создать, опираясь на весь опыт прошлого, в том числе и на опыт Второго и Третьего Интернационалов. Отказ от прямой и открытой борьбы за новый Интернационал означает сознательную или бессознательную поддержку двух существующих Интернационалов, из которых один активно поддерживает войну, а другой способен только разлагать и ослаблять пролетарский авангард.

54. В рядах компартий остается, правда, немало честных революционных рабочих. Упорство, с каким они цепляются за Коминтерн, объясняется во многих случаях революционной преданностью, не нашедшей правильного пути. Привлечь их под знамя нового Интернационала можно, однако, не уступками, не приспособлением к привитым им предрассудкам, а, наоборот, последовательным разоблачением губительной международной роли сталинизма (бюрократического централизма). Особенно ярко и непримиримо надо ставить ныне вопросы войны.

55. Необходимо в то же время внимательно следить за внутренней борьбой в реформистском лагере и своевременно привлекать левосоциалистические группировки, развивающиеся в сторону революции, к борьбе против войны. Важнейшим критерием для определения тенденций данной организации является ее отношение к национальной обороне и к колониям, особенно в тех случаях, когда

буржуазия данной страны владеет колониальными рабами. Только полный разрыв с официальным общественным мнением в наиболее жгучем вопросе о "защите отечества" означает переход или, по крайней мере, начало перехода с буржуазной позиции на пролетарскую. Сближение с такого рода левыми организациями должно сопровождаться дружественной критикой всякой половинчатости в их политике и совместной разработкой всех теоретических и практических проблем войны.

56. В лагере рабочего движения подвизается немало политиков, которые признают, по крайней мере на словах, крушение Второго и Третьего Интернационалов, но в то же время считают, что "сейчас не время" приступить к строительству нового Интернационала. Такая позиция характеризует не революционного марксиста, а размагниченного сталинца или разочарованного реформиста. Революционная борьба не терпит перерыва. Условия для нее могут быть сегодня неблагоприятны; но революционер, который не умеет плыть против течения, не революционер. Сказать, что строительство нового Интернационала "несвоевременно", то же самое, что объявить несвоевременной классовую борьбу, в частности борьбу против войны. Пролетарская политика не может не ставить себе в нынешнюю эпоху интернациональных задач. Интернациональные задачи не могут не требовать сплочения интернациональных кадров. Откладывать эту работу нельзя ни на один день, не капитулируя перед империализмом.

57. Когда именно разразится война и в какой стадии она достигнет строительство новых партий и Четвертого Интернационала, этого, разумеется, никто не предскажет. Надо все сделать, чтобы подготовка пролетарской революции шла быстрее, чем подготовка новой войны. Весьма возможно, однако, что милитаризм и на этот раз обгонит революцию. Но и такой путь, сулящий великие жертвы и бедствия, ни в каком случае не снимает с нас обязанности немедленно строить новый Интернационал. Превращение империалистской войны в пролетарскую революцию пойдет тем быстрее, чем дальше продвинется наша подготовительная работа, чем более прочные революционные кадры окажутся в начале войны, чем более планомерно они поведут работу во всех воюющих странах, чем увереннее их работа будет опираться на правильные стратегические, тактические и организационные принципы.

58. Империалистская война первым же своим ударом раздробит старческий хребет Второго Интернационала и расколется на части его национальные секции. Она окончательно обнаружит пустоту и бессилие Коминтерна. Но она не пощадит и все те половинчатые, центристские группировки, которые уклоняются от проблемы Интернационала, ищут чисто национальных корней, не доводят ни одного вопроса до конца, лишены перспективы и лишь временно питаются брожением и растерянностью в рабочем классе.

Глубокие корни в национальную почву может пустить в нашу эпоху только та организация, которая опирается на интернациональные принципы и входит в состав мировой партии пролетариата. Борьба против войны означает ныне борьбу за Четвертый Интернационал!

[Л.Д.Троцкий]

27 декабря 1933 г.

[Письмо британским сторонникам]

27 декабря 1933 [г.]

Большинству Британской секции.

Меньшинству Британской секции.

Дорогие товарищи!

Присланные вами документы, прежде всего протоколы собрания членов 17 декабря, показывают нам, что вопрос о вхождении в НРП привел к расколу вашей секции. Что касается существа вопроса, то мы высказывались в течение последних месяцев неоднократно и не считаем нужным повторять наши соображения. Несмотря на полное единодушие, которое царило по вопросу о необходимости вашего вступления в НРП, как в самом Интернациональном Секретариате, так и в руководящих органах большинства наших секций, мы избегали в этом важном вопросе прибегать к доводам формальной дисциплины. Ответственность за вынесенное большинством решение, как и за раскол, лежит, таким образом, на самой британской секции.

Мы не считаем возможным в настоящий момент рвать ни с одной из двух расколовшихся частей. Мы хотим и впредь помогать каждой из них в работе, чтобы ускорить проверку разногласий на опыте, и тем подготовить новое объединение.

Мы категорически требуем от обеих групп сосредоточить все свои усилия в той работе, какую каждая добровольно признала наиболее плодотворной, и строжайше воздерживаться от нетоварищеской полемики и от таких действий, которые могут повредить работе другой группы.

Ненормальный факт параллельного существования двух групп может иметь, конечно, лишь временный характер. Мы будем внимательно следить за деятельностью каждой из них, чтобы подготовить окончательное решение о дальнейшей судьбе британской секции, которое будет вынесено либо интернациональной конференцией, либо одним из расширенных пленумов.

С полным пожеланием успеха в работе обеим группам
[Л.Д.Троцкий]

Предложение делегации коммунистов-интернационалистов 381

На августовской конференции в Париже сложился блок четырех организаций (трех национальных и одной интернациональной) с целью подготовки сплочения международного пролетарского авангарда в новый Интернационал. Общая резолюция четырех организаций гласила:

"Нижеподписавшиеся обязуются приложить все свои силы к тому, чтобы этот Интернационал сложился в возможно короткий срок на незыблемом фундаменте теоретических и стратегических принципов, заложенных Марксом и Лениным".

Той же резолюцией четыре организации обязывались создать Постоянную комиссию и приступить к выработке программных документов нового Интернационала.

Уже вскоре после парижской конференции сделаны были попытки, не ограничиваясь блоком, перейти на путь слияния соответственных организаций: между САП и секцией коммунистов-интернационалистов - в Германии, между ОСП и РСР - в Голландии. Обе эти попытки не привели на данной стадии к поставленной цели. Сам по себе этот факт не заключает в себе ничего обескураживающего. Если оказалось невозможным осуществить объединение сразу, то его надо добросовестно подготовить путем принципиальной дискуссии, с одной стороны, практических соглашений - с другой. Было бы, разумеется, совершенно непростительно, чтобы не сказать преступно, становиться на путь отчужденности и враждебности только потому, что полное слияние оказалось недостижимым в данный момент.

Создание Постоянной комиссии оказалось до сих пор не достигнуто в значительной мере вследствие указанных выше причин: внимание сосредоточивалось, главным образом, на вопросе о полном объединении. Мы считаем, однако, что именно теперь, когда перспектива полного объединения приняла более затяжной характер, создание Постоянной комиссии становится совершенно неотложным. На данной стадии нашей совместной работы комиссия не могла бы еще претендовать на роль руководящего политического центра, но она могла бы и должна была бы обеспечить постоянный обмен информацией, статьями и проч.; готовить совещания, подобные настоящему; облегчать практическую совместную работу во всех случаях, где это возможно, наконец, следить за тем, чтобы дискуссия велась в лояльных, товарищеских формах.

В области выработки программных документов сделаны до сих пор существенные подготовительные работы.

Помимо Резолюции четырех, которую мы считаем документом первостепенной политической важности, до настоящего времени в нашем портфеле имеются:

а) набросок, посвященный вопросу об экономических и социальных причинах крушения реформизма (представлен членом САП);

б) тезисы об эволюции американского капитализма (правление американской Лиги коммунистов-интернационалистов);

в) "Четвертый Интернационал и СССР" (русская секция большевиков-ленинцев);

г) ряд работ, посвященных отдельным проблемам революции или положению в отдельных странах (фашизм и демократия - итальянская секция

коммунистов-интернационалистов; "положение в Бельгии" - бельгийская секция коммунистов-интернационалистов и проч.).

д) проект платформы слияния ОСП и РСР, хотя этот документ и не привел непосредственно к практической цели, но он сохраняет все свое принципиальное значение, намечая будущий путь.

Если выработка программных документов будущего Интернационала идет медленнее, чем мы первоначально предполагали и хотели, то она все [же] непрерывно идет вперед. Во всяком случае, мы можем с полной уверенностью сказать себе, что ведущиеся нами работы программно-технического характера являются единственными принципиальными работами, подготовляющими новое международное сплочение пролетариата. Все, что дали за этот период Второй и Третий Интернационалы, представляет собой документы бюрократического самооправдания, лишенные какой бы то ни было теоретической или революционной ценности.

Мы считаем, что дальнейшую работу над программными документами надо организовать более правильно. С этой целью надо создать "Бюллетень" четырех организаций, посвященный информации и дискуссии. Этот "Бюллетень" должен проложить дорогу будущему теоретическому органу.

Мы придаем очень большое значение инициативе, которую проявила ОСП в лице своей организации молодежи в деле созыва интернациональной конференции молодежи. Факты свидетельствуют, что рабочая молодежь в разных странах гораздо сочувственнее относится к идее Четвертого Интернационала, чем те официальные партии, к которым эта молодежь примыкает. Не нужно пояснять, что это обстоятельство в самом себе заключает важный залог наших будущих успехов. Одной из важнейших задач блока четырех, в частности данного совещания, является помочь нашим организациям молодежи созвать как можно более широкую интернациональную конференцию, которая должна стать важным этапом на пути создания нового Интернационала молодежи.

Таковы те задачи, которые мы, со своей стороны, ставим перед настоящим совещанием.

Делегация Интернациональной Лиги коммунистов-интернационалистов (б[ольшевиков]-л[енинцев])
30 декабря 1933 г.

Всем секциям Лиги коммунистов-интернационалистов (большевиков-ленинцев)

Интернациональный Секретариат принял в одном из последних заседаний тезисы "Четвертый Интернационал и война"³⁸². Незачем пояснять всю важность того вопроса, которому посвящены тезисы. Все основные принципы большевиков-ленинцев заново освещены здесь под углом зрения надвигающейся военной опасности.

Мы не рассматриваем этот документ как окончательный. В ближайшем номере нашего Бюллетеня будут напечатаны проекты или наброски тезисов, относящихся к вопросу о войне, и разрабатывающих, в частности, более конкретно вопрос о связи войны с фашизмом. Одобрив тезисы "Четвертый Интернационал и война", Интернациональный Секретариат прежде всего имел в виду установить незыблемо нашу собственную позицию в вопросах о "национальной обороне", "защите демократии" и проч. Последние недели показали, что даже в наши ряды (Швейцария) проникли социал-патриотические тенденции. Незачем говорить, что в области этого коренного вопроса организация большевиков-ленинцев не допустит не только принципиальной неясности, но и малейшей снисходительности.

Мы выражаем твердую уверенность в том, что все секции издадут эти тезисы на соответственных языках. Отнестись к программным тезисам, как к простой политической статье, было бы совершенно недопустимо и свидетельствовало бы только о поверхностном отношении к вопросам программы и стратегии. Нужно тщательно изучать тезисы, подвергать их обсуждению пункт за пунктом, указывать пробелы, неправильные или недостаточно ясные формулировки, требовать конкретизации, выдвигать дополнительные вопросы. Только те наши сторонники, которые внимательно изучат и критически продумают тезисы, окажутся достаточно вооружены для дальнейшей политической работы в связи с опасностью войны.

Мы твердо рассчитываем на то, что, опираясь на эти тезисы, наши секции смогут с возрастающим успехом воздействовать на внутреннюю жизнь секций Второго и Третьего Интернационалов, подвергая их позиции ясной и продуманной критике и требуя точных ответов на вопрос, что делать.

Интернациональный Секретариат
30 декабря 1933 г.

[Письмо Л.Л.Седова Л.Д.Троцкому] 383

Из полученного мною письма:

"Вчера я встретил знакомую, приехавшую недавно из М[оск]вы. Она мне очень интересно рассказывала, как она до поездки в СССР ничего о троц[кис]тах не знала, считала их ренегатами, контрреволюционерами и т. д. Только там она столкнулась с партийцами, которые ее в этом разубедили! Ей приходилось часто сталкиваться с людьми этого лагеря - у нее получилось впечатление, что их (тр[оцкист]ов) там должно быть очень много. Узнав, что она приехала из-за границы, многие спрашивали, что она знает о Л.Д.[Троцком], что он пишет, правда ли, что он хворает, и т. д. У нее было впечатление, что на нее смотрят с упреком, потому что она ничего рассказать не смогла. Хочу подчеркнуть, что эта знакомая ничего не знает о моих настроениях"...

(Она возвращается и хочет связаться со мною).

Л.[Седов]

При сем список книг Бернштейна³⁸⁴. Большинство дорого и, думаю, не интересно. Жду ответа.

Л.[Седов]

[Не датировано]1934

[Письмо В.Буриану]385

1-го января 1934 г.

Дорогой тов. Буриан,

Отвечаю на ваше письмо от 27 декабря.

1. Я вполне понимаю, что путаница с переговорами, происшедшая по моей вине, создала затруднения и задержку. Надеюсь все же, что вам удастся в скором времени заключить договор. Если издатель согласится уплатить некоторый аванс, то было бы хорошо получить его поскорее для покрытия январского "дефицита". Но если это неосуществимо или трудно осуществимо, то я найду другие пути.

2. Посылаю вам некролог Луначарского³⁸⁶ для помещения в чешской печати. Желательно, однако, чтобы статья появилась не ранее, чем в "Вельтбюне".

3. Что касается издательства брошюры, то здесь есть известные затруднения. Такое издательство уже организовалось, насколько я знаю, в Праге (как для немецких, так и для чешских брошюр), и уже получило санкцию Интернационального секретариата. Как тут быть? Я отсюда не могу в это дело вмешаться, чтобы не вышло новой путаницы.

4. В случае выдачи издательством книги каких-либо сумм для меня, прошу 15% переслать Пфемферту.

Крепко жму руку и желаю всего хорошего.

[Л.Д.Троцкий]

Национализм и хозяйство

Итальянский фашизм провозгласил священный эгоизм нации единственным творческим фактором. Сведя человеческую историю к нации, германский национал-социализм свел вдобавок нацию к расе, расу к крови. Но и в тех странах, которые в политике не поднялись или не упали до фашизма, проблемы хозяйства все более приурочиваются к рамкам нации. Не все решаются написать

открыто на своем знамени автаркию. Но практическая политика везде направлена на то, чтобы как можно более герметически отгородиться от мирового хозяйства. Всего каких-нибудь два десятилетия тому назад школьные учебники внушали, что мировое разделение труда, заложенное в естественных и исторических условиях развития человечества, является могущественным фактором богатства и культуры. Теперь мировой обмен оказывается источником всех бедствий и опасностей. Назад, домой, к национальному очагу! Надо исправить не только ошибку адмирала Перри³⁸⁷, который пробил брешь в японской "автаркии", но и более значительную ошибку Христофора Колумба³⁸⁸, которая так неумеренно раздвинула арену человеческой культуры.

Непреходящая ценность нации, открытая Муссолини и Гитлером, противопоставляется ложным ценностям девятнадцатого века: демократии и социализму. Мы здесь опять попадаем в непримиримое противоречие со старыми учебниками и, что еще хуже, с незыблемыми фактами истории. Только злонамеренное невежество может оперировать голым противопоставлением нации и либеральной демократии. На самом деле, все освободительные движения новой истории, начиная хотя бы с борьбы Голландии за независимость³⁸⁹, имели одновременно национальный и демократический характер. Пробуждение угнетенных и раздробленных наций, их борьба за объединение своих разрозненных частей и за независимость от чужого ига были невозможны без борьбы за политическую свободу. На переломе от XVIII века к XIX, в грозе и буре демократической революции, сложилась французская нация. В ряде войн и революций XIX века сложились итальянская и германская нации. Мощное развитие североамериканской нации, получившей свое крещение в освободительном восстании XVIII века³⁹⁰, было окончательно обеспечено победой северных штатов на южными в гражданской войне³⁹¹. Не Муссолини и не Гитлер открыли нацию. Патриотизм в его новом, точнее буржуазном, смысле есть продукт XIX века. Национальное сознание французского народа, пожалуй, наиболее консервативное и устойчивое, и сегодня еще питается из источников демократической традиции.

Но экономическое развитие человечества, опрокинувшее средневековый партикуляризм, не остановилось на национальных рамках. Параллельно с формированием национального хозяйства рос мировой обмен. Тенденция развития выражалась в том, что центр тяжести, по крайней мере для передовых стран, передвигался от внутреннего рынка к внешнему. Если для XIX века было знаменательно слияние судьбы нации и судьбы хозяйства, то основной тенденцией нашего века является возрастающее противоречие между хозяйством и нацией. В Европе это противоречие приняло совершенно невыносимую остроту.

Наиболее динамический характер имело развитие германского капитализма. Если в середине XIX столетия немецкому народу стало тесно в клетках нескольких десятков феодальных отечеств, то уже через четыре десятилетия после создания империи германская промышленность задыхалась в рамках национального государства. Одной из главных причин мировой войны явилось стремление германского капитала вырваться на более широкую арену. В качестве ефрейтора Гитлер сражался в 1914-1918 годах не во имя объединения немецкой нации, а во имя сверхнациональной, империалистической программы, которая выражалась знаменитой формулой: "организовать Европу". Объединенная под властью германского милитаризма Европа должна была стать плацдармом для более широкой задачи: организовать планету.

Германия не составляла, однако, исключения. Она лишь в более напряженной и агрессивной форме выражала тенденцию каждого национального капиталистического хозяйства. Результатом столкновения этих тенденций и явилась война. Правда, как всякое грандиозное историческое потрясение, война подняла различные исторические вопросы и дала мимоходом толчок национальным революциям в более отсталых частях Европы (царская Россия, Австро-Венгрия). Но это были лишь запоздалые отголоски эпохи, отошедшей в прошлое. По сути своей война имела империалистский характер. Истребительными, разрушительными, варварскими методами она пыталась разрешить прогрессивную историческую задачу: организацию хозяйства на всей той арене, которая подготовлена мировым разделением труда.

Незачем говорить, что война не разрешила этой задачи. Наоборот, она еще больше раздробила Европу. Она углубила взаимозависимость Европы и Америки и вместе с тем их антагонизм. Она дала толчок самостоятельному развитию колоний и в то же время обострила зависимость метрополий от колониальных рынков. Все противоречия прошлого оказались в результате войны еще более

обостренными. На это можно было полужакрывать глаза в те первые годы, когда Европа при содействии Америки производила генеральный ремонт своего разгромленного хозяйства. Но восстановление производительных сил неминуемо означало потенцирование всех тех бедствий, которые привели к войне. Нынешний кризис, синтезируя в себе все капиталистические кризисы прошлого, означает прежде всего кризис национального хозяйства.

Лига Наций пыталась не разрешенную войной задачу перевести с языка милитаризма на язык дипломатических соглашений. Если Людендорфу не удалось "организовать Европу" мечом, то Бриан сделал попытку создать "Соединенные Штаты Европы" при помощи вкрадчивого дипломатического красноречия. Но непрерывный ряд политических, экономических, финансовых, таможенных и валютных конференций лишь развернул панораму несостоятельности правящих классов пред неотложной и жгучей задачей нашей эпохи.

Теоретически задача формулируется так: каким образом обеспечить экономическое единство европейской территории при полной свободе культурного развития населяющих ее народов? Каким образом включить объединенную Европу в согласованное хозяйство всего мира? Решение этого вопроса лежит не на пути обожествления нации, а, наоборот, на пути полного освобождения производительных сил от оков, налагаемых на них национальным государством. Между тем правящие классы Европы, деморализованные банкротством как военных, так и дипломатических методов, подходят ныне к задаче с противоположного конца, т. е. пытаются насильственно подчинить хозяйство пережившему себя национальному государству. Миф о ложе Прокруста³⁹² воспроизводится в грандиозных размерах. Вместо того чтобы расчистить перед новой техникой достойную ее арену, правители рубят и режут живой организм хозяйства по частям.

Муссолини провозгласил в недавней программной речи смерть "экономического либерализма", т. е. царства свободной конкуренции. Сама по себе мысль не нова. Эпоха трестов, синдикатов, консорциумов давно уже оттеснила свободную конкуренцию на черный двор. Но тресты еще менее мирятся с ограниченным национальным рынком, чем предприятия либерального капитализма. Новая монополия пожирала конкуренцию по мере того, как мировое хозяйство подчиняло себе национальный рынок. Экономический либерализм пережил себя одновременно с экономическим национализмом. Попытки спасти хозяйство, привив ему трупный яд национализма, приводят к тому заражению крови, которое носит название фашизма.

Исторический подъем человечества направляется стремлением с наименьшей затратой труда достигать возможно большего количества благ. Эта материальная основа культурного роста дает вместе с тем самый глубокий критерий для оценки социальных режимов и политических программ. Закон производительности труда имеет такое же значение в сфере человеческого общества, как закон тяготения - в сфере механики. Исчезновение переживших себя социальных формаций прошлого было ничем иным, как проявлением этого безжалостного закона, который обусловил победу рабства над каннибализмом, крепостного труда - над рабским, вольнонаемного - над крепостным. Закон производительности труда пролагает себе дорогу не прямолинейно, а противоречиво, порывами и толчками, скачками и зигзагами, преодолевая географические, антропологические и социальные преграды. Оттого в истории так много "исключений", которые являются в действительности лишь специфическими преломлениями "правила".

В течение XIX века борьба за высшую производительность труда шла преимущественно в форме свободной конкуренции, которая поддерживала динамическое равновесие капиталистического хозяйства через циклические колебания конъюнктуры. Но конкуренция, именно благодаря своей прогрессивной исторической роли привела к чудовищной концентрации трестов, синдикатов, консорциумов, которая означает в то же время концентрацию всех экономических и социальных противоречий. Свободная конкуренция похожа на курицу, высижившую не утенка, а крокодила. Не мудрено, если ей не под силу справиться со своим детенышем.

Экономический либерализм пережил себя окончательно. Его могикане все менее уверенно взывают к автоматической игре сил. Нужны новые методы, чтобы установить соответствие между небоскребами трестов и человеческими потребностями. Нужны коренные изменения в структуре хозяйства и общества. Но новые методы приходят в столкновение со старыми навыками и, что неизмеримо

важнее, со старыми интересами. Закон производительности труда конвульсивно бьется о им же созданные преграды. В этом и состоит сущность грандиозного кризиса современной хозяйственной системы.

Застигнутые врасплох разрушительными тенденциями национального и интернационального хозяйства, консервативные политики и теоретики начинают склоняться к тому выводу, что главной причиной бедствий является слишком высокое развитие техники. Трудно придумать более трагический парадокс! Французский политик и финансист Кайо видит спасение в искусственных ограничениях машинизма. Так, просвещеннейшие представители либеральной доктрины неожиданно вдохновляются настроениями тех темных рабочих, которые сто лет тому назад громили ткацкие станки. Прогрессивная задача: как приспособить арену хозяйства и социальные отношения к новой технике, выворачивается наизнанку: как обуздать и обкарнать производительные силы, чтобы приспособить их к старой национальной арене и старым социальным отношениям. По сю, как и по ту сторону океана тратится немало умственной энергии на разрешение фантастической задачи: как снова загнать крокодила в куриное яйцо. Новейший экономический национализм безоговорочно осужден своей ретроградностью: он задерживает и снижает производительную силу человека.

Политика замкнутого хозяйства означает искусственное сжатие тех отраслей промышленности, которые могли бы с успехом оплодотворять хозяйство и культуру других стран. Одновременно тенденция к автаркии означает искусственное насаждение таких отраслей, которые не находят для себя благоприятных условий в национальной почве. Фикция экономической независимости порождает, таким образом, тяжелые накладные расходы в двух направлениях.

Сюда присоединяется инфляция. В качестве космополитического эквивалента золото стало в течение XIX века основой всех денежных систем, заслуживающих этого имени. Отказ от золотого размена разрывает мировое хозяйство на части еще с большим успехом, чем таможенные стены. Как выражение расстройств внутренних пропорций хозяйства и его международных связей, инфляция усиливает в свою очередь это расстройство, помогая ему из функционального стать органическим. Так, "национальная" денежная система увенчивает пагубную работу экономического национализма.

Наиболее бесстрашные представители этой школы утешают себя тем, что, став при замкнутом хозяйстве беднее, нация станет "дружнее" (Гитлер) или что подводы к внешним конфликтам уменьшатся вместе с упадком значения мирового рынка. Такие надежды показывают лишь, что доктрина автаркии не только реакционна, но и насквозь утопична. Очаги национализма являются на самом деле лабораториями грозных столкновений: империализм, как голодный тигр, отступил в свое национальное логово перед новым гигантским прыжком.

Теории экономического национализма, даже опирающиеся будто бы на "вечные" законы расы, на самом деле отражают только отчаянную обстановку мирового кризиса. Классический пример того, как из горькой нужды делается добродетель! Пассажиры потерпевшего крушение поезда, ежась на скамьях захолустной станции, стоически заверяют друг друга, что комфорт деморализует тело и душу. Но все вместе и каждый в отдельности мечтают о паровозе, который доставит их туда, где можно расправить члены меж двух свежих простынь. Непосредственная забота делового мира во всех странах состоит сейчас в том, чтоб как-нибудь продержаться, выжить, хотя бы и в состоянии анабиоза³⁹³, на жестком ложе национального рынка. Но все эти невольные стоики³⁹⁴ мечтают о мощном паровозе новой мировой конъюнктуры.

Придет ли он? Конъюнктурные прогнозы затруднены сейчас, если не невозможны, вследствие структурных нарушений всей экономической системы. Старые промышленные циклы, подобно биениям сердца в здоровом организме, отличались устойчивыми ритмами. После войны мы уже не наблюдали правильной смены конъюнктур: старое сердце дает перебои.

К этому надо присоединить политику так называемого "государственного капитализма". Толкаемая нетерпеливыми интересами и социальными опасностями, государственная власть вторгается в хозяйственную жизнь при помощи исключительных мероприятий, последствий которых она сама в большинстве случаев не способна предвидеть. Но если оставить в стороне перспективу взрыва новой войны, которая должна была бы опрокинуть надолго как стихийную работу экономических сил, так и сознательные попытки планового регулирования, то можно с полной уверенностью предвидеть перелом от кризиса

и депрессии к оживлению, даже если бы нынешние благоприятные симптомы в Англии, отчасти в Соединенных Штатах, оказались на поверку той ранней ласточкой, которая еще не делает весны.

Разрушительная работа кризиса должна достигнуть, если уже не достигла, того пункта, когда обедневшему человечеству необходима новая масса товаров. Задымят трубы, завертятся колеса. И когда оживление обнаружится с достаточной очевидностью, деловой мир быстро стряхнет с себя оцепенение, забудет немедленно уроки вчерашнего дня и во всяком случае с презрением отбросит прочь аскетические теории вместе с их авторами.

Было бы, однако, величайшей иллюзией надеяться на то, что размах предстоящего оживления будет соответствовать глубине нынешнего кризиса. Мы уже знаем: в детстве, зрелости и старости сердце бьется по-разному. Во времена подъема капитализма кризисы имели мимолетный характер, и временное снижение производства с избытком возмещалось уже на ближайшей стадии. Не то теперь! Мы вошли в эпоху, когда конъюнктурные подъемы мимолетны, а кризисы приобретают все большую и большую глубину. Тощие коровы поглощают без остатка тучных³⁹⁵ и все же режут от голода.

Тем больше наступательного нетерпения обнаружат все капиталистические государства, как только барометр мирового хозяйства станет подниматься вверх. Борьба за внешние рынки получит небывалую остроту. Благочестивые соображения о преимуществах автаркии будут сразу же отброшены, мудрые планы национальной гармонии полетят под стол. Это относится не только к германскому капитализму с его взрывчатой динамикой или к запоздалому, нетерпеливому и жадному капитализму Японии, но и к могущественному в своих новых противоречиях капитализму Америки.

Соединенные Штаты представляли собой наиболее совершенный тип капиталистического развития. Относительное равновесие внутреннего рынка, казавшегося неисчерпаемым, обеспечило им огромный технический и экономический перевес над Европой. Но самый факт вмешательства Америки в войну явился выражением уже нарушенного внутреннего равновесия. В свою очередь, те изменения, которые война внесла в структуру Соед[иненных] Штатов, сделали для американского капитализма вопросом жизни и смерти выход на мировую арену. Многие говорят за то, что этот выход должен принять исключительно драматические формы.

Закон производительности труда имеет решающее значение для взаимоотношений Америки и Европы, вообще для определения дальнейшего места Соед[иненных] Штатов в мире. Та высшая форма, которую янки дали закону производительности труда, называется: конвейер, стандарт, серийное производство. Найдена, казалось, архимедова точка, которая дает возможность перевернуть мир. Но старая планета не хочет, чтобы ее переворачивали. Все защищается против всех, ограждаясь барьерами таможен и штыков. Европа не покупает товаров, не платит долгов и к тому же вооружается. Голодная Япония при помощи жалких пяти дивизий захватывает целое государство³⁹⁶. Самая высокая в мире техника оказывается вдруг бессильной против препятствий, опирающихся на гораздо более низкую технику. Закон производительности труда как бы теряет силу.

Но это только так кажется. Основной закон человеческой истории неминуемо возьмет реванш над производными и второстепенными явлениями. Американский капитализм должен будет раньше или позже сделать попытку проложить себе дорогу на протяжении всей нашей планеты. Какими методами? Всеми методами. Высокий коэффициент производительности означает также и высокий коэффициент разрушительного действия. Проповедь войны? Меньше всего. Мы ничего не проповедуем. Мы лишь пытаемся анализировать мировую обстановку и делать выводы из законов экономической механики. Нет ничего хуже умственной трусости, которая поворачивается спиной к фактам и тенденциям, раз они противоречат нашим идеалам или предрассудкам.

Только в исторических рамках мирового развития можно найти для фашизма надлежащее место. Он не заключает в себе ничего творческого, ничего самостоятельного. Его историческая миссия - довести до абсурда теорию и практику экономического тупика. Демократический национализм вел в свое время человечество вперед. Он и сейчас еще способен играть прогрессивную роль в колониальных странах Востока. Но фашистский национализм упадка не несет ничего, кроме гибели. Он подготавливает не умиротворение хозяйства в национальных рамках, а вулканические взрывы и грандиозные столкновения на

мировой арене. Все, что наблюдалось по этой части за последние 25-30 лет, покажется идиллической увертюрой по сравнению с той адской музыкой, которая надвигается на нас. Дело идет на этот раз не о временном снижении хозяйства, а о полном его разгроме и о крушении всей нашей культуры, если только трудящееся и мыслящее человечество окажется неспособным своевременно овладеть своими собственными производительными силами и дать им правильную организацию в европейском и мировом масштабе.

Л. Троцкий

4 января 1934 г.

За Четвертый Интернационал!

(Письмо члену британской Независимой рабочей партии)

Мне сообщают, что НРП за последний период значительно ослабела. Число членов ее упало будто до четырех тысяч. Возможно, даже весьма вероятно, что эти сведения преувеличены. Но общая тенденция их не кажется мне невероятной. Скажу более: руководство НРП несет значительную долю ответственности за ослабление организации, перед которой все условия открывали и - хочу надеяться - открывают еще и сейчас широкую перспективу.

Если рабочий, едва пробудившийся для политической жизни, ищет массовой организации, не различая еще ни программы, ни тактики, он естественно примкнет к Лейбор Парти. Рабочий, который разочарован в реформизме и возмущен предательствами его политических и тред-юнионистских вождей, пытался не раз - пытается отчасти и сейчас - примкнуть к компартии, за спиной которой он видит образ Советского Союза. Где же тот рабочий, который примкнет к НРП? И какие именно политические побуждения заставят его сделать этот шаг?

Мне кажется, что вожди НРП сами себе до сих пор не ответили ясно на этот кардинальный вопрос. Рабочая масса интересуется не оттенками, не деталями, а большими событиями, ясными лозунгами, далеко видимым знаменем. Как же на счет знамени обстоит дело у НРП? Неблагополучно. Я говорю это с большим сожалением. Но это надо сказать. Было бы плохой услугой по отношению к вашей партии замалчивать или приукрашивать факты.

НРП оторвалась от Лейбор Парти. Это было правильно. Если НРП хотела стать революционным рычагом, то нельзя было допустить, чтобы рукоятка этого рычага находилась в руках прожженных оппортунистов и буржуазных карьеристов. Полная и безусловная политическая и организационная независимость революционной партии есть первое условие ее успеха.

Но, оторвавшись от Лейбор Парти, необходимо было сейчас же повернуться к ней лицом. Не для того, конечно, чтобы ухаживать за ее вождями, делать им кисло-сладкие комплименты или хотя бы замалчивать их преступные действия, - нет, только бесхарактерные центристы, воображающие себя революционерами, ищут дорогу к массе, приспособляясь к ее вождям, подлаживаясь к ним и заверяя их на каждом шагу в своей дружбе и преданности. Такого рода политика есть покатая дорожка в болото оппортунизма. К реформистским массам надо искать пути не через благосклонность их вождей, а против вождей. Ибо оппортунистические вожди представляют не массу, а лишь ее отсталость, ее рабские инстинкты, наконец, ее растерянность. Но у массы есть и другие, прогрессивные, революционные черты, которые стремятся найти себе политическое выражение. Завтрашний день массы ярче всего противопоставляется ее вчерашнему дню в борьбе программ, партий, лозунгов вождей. Инстинктивно рабочая масса всегда за "единство". Но кроме классового инстинкта есть политический разум. Тяжелый опыт учит рабочих, что разрыв с реформистами есть предпосылка действительного единства, которое возможно только в революционном действии. Политический опыт учит тем лучше и скорее, чем тверже, последовательнее, увереннее, ярче революционная партия истолковывает его массам.

Ленинский метод единого фронта и политическое братание с реформистами исключают друг друга. Временные практические боевые соглашения с массовыми организациями, хотя бы во главе их и стояли наихудшие реформисты, неизбежны

и обязательны для революционной партии. Длительные политические союзы с реформистскими вождями под неопределенной программой, без конкретных обязательств, без участия самих масс в боевых действиях представляют худший вид оппортунизма. Классическим образцом такого деморализующего союза навсегда останется Англо-русский комитет.

Одним из важнейших мостов к массам являются тред-юнионы, где можно и должно работать, нисколько не подлаживаясь к вождям, наоборот, непримиримо борясь с ними, открыто или конспиративно, смотря по обстоятельствам. Но и помимо тред-юнионов есть бесчисленные пути для участия в повседневной жизни масс - на заводе, на улице, в спортивной организации, даже в церкви и кабаке, при условии внимательнейшего отношения к тому, как масса чувствует и мыслит, как реагирует на события, чего ждет, на что надеется, как и почему дает обманывать себя реформистским вождям. Внимательнейшее и неутомимое прислушивание к массе требует, однако, со стороны революционной партии не пассивного подлаживания к ней ("хвостизм"), а, наоборот, противопоставления на каждом шагу ее рассудка ее предрассудку.

Было бы неправильно, в частности, игнорировать или преуменьшать значение парламентской работы. Парламент не может, разумеется, превратить капитализм в социализм, как и улучшить положение пролетариата в гниющем капиталистическом обществе. Но революционная работа в парламенте и в связи с парламентом может, особенно в Англии, оказать большое содействие делу подготовки и воспитания масс. Одно мужественное восклицание Макговерна³⁹⁷ сразу освежило и встряхнуло одураченных или усыпленных благочестивыми, ханжескими, плоскими речами Леенсбери³⁹⁸, Гендерсона и других господ из лакейской "оппозиции его величества".

К несчастью, НРП, став самостоятельной партией, повернулась лицом не к тред-юнионам и Лейбор Парти, вообще не к массе, а к компартии, которая в течение ряда лет доказала полностью и целиком свое бюрократическое тупоумие и абсолютную неспособность подойти к классу. Если даже немецкая катастрофа ничему не научила этих людей, то на дверях Коминтерна надо поместить ту же надпись, что и над входом в ад: "Lasciate ogni speranza"³⁹⁹ ("Оставь надежду"...).

НРП далеко не освободилась еще от недостатков левого крыла Лейбор Парти (теоретическая бесформенность, отсутствие ясной программы, революционных методов, крепкой организации) и в то же время поспешила взять на себя ответственность за неизлечимые пороки компартии. Ясно, что новые революционные рабочие не примкнут при таком положении к НРП, скорее уже многие из ее старых членов, потеряв терпение, покинут ее. Если уходят полуреформисты, мелкобуржуазные радикалы, пацифисты, остается только пожелать им счастливого пути. Но иное дело, если уходят неудовлетворенные революционные рабочие.

* * *

Особенно ярко и отчетливо причины ослабления НРП представляются нам, если подойдем к вопросу под интернациональным углом зрения, который в нашу эпоху имеет решающее значение. Порвав со Вторым Интернационалом, НРП приблизилась к Третьему, но не примкнула к нему. НРП повисла попросту в воздухе. Между тем каждый мыслящий рабочий хочет принадлежать к такой партии, которая занимает определенную международную позицию: в нерасторжимой связи с единомышленниками в других странах он видит подтверждение правильности собственной позиции. НРП входит, правда, в так называемое лондонское Бюро⁴⁰⁰. Но основная черта этого Бюро состоит, к несчастью, в отсутствии всякой позиции. Достаточно сказать, что к Бюро примыкает Норвежская рабочая партия, которая под руководством вероломного оппортуниста Транмеля все более явно идет по социал-демократическому пути. Транмелю и К^о временный союз с НРП и другими левыми организациями нужен был только для того, чтобы усыплять свое собственное левое крыло и постепенно подготовить себе дорогу во Второй Интернационал. Сейчас Транмель приблизился к пристани.

К лондонскому Бюро примыкают, с другой стороны, Социалистическая рабочая партия Германии и Независимая соц[иалистическая] партия Голландии. Обе эти организации стоят на точке зрения Четвертого Интернационала. Их принадлежность к лондонскому Бюро отражает лишь их вчерашний день. Мы, коммунисты-интернационалисты (левая оппозиция), считали и считаем крупной

ошибкой наших союзников, САП и ОСП, тот факт, что они до сих пор не порвали открыто и решительно с Транмелем и вообще с лондонским Бюро. Мы не сомневаемся, однако, что час такого разрыва близок.

В каком же положении находится НРП? Входя в лондонское Бюро, она тем самым является союзницей Транмеля, т. е., по существу дела, Второго Интернационала. Через САП и ОСП она является как бы союзницей или полусоюзницей Четвертого Интернационала. Не слишком ли много Интернационалов для одной партии? Может ли английский рабочий разобраться в этой путанице?

На парижской конференции делегаты НРП говорили, что они еще не отказались от надежды привлечь Коминтерн к участию в создании более широкого революционного Интернационала. Неужели ответ до сих пор еще не получен? Сколько же времени нужно руководящим товарищам НРП, чтобы понять, что Коминтерн не способен сделать ни шагу вперед, что он окончательно окостенел, что как революционная партия он мертв. Если НРП хочет и дальше ждать чудес, т. е. жить надеждами на Коминтерн или оставаться в стороне от основных исторических течений, то ее собственные члены неизбежно утратят к ней доверие.

Та же судьба ожидает и шведскую Независимую коммунистическую партию. Боясь ошибиться, она воздерживается от всякого решения, не понимая, что это и есть самая большая ошибка. Есть немало вообще политиков, которые высшей мудростью считают выжидание и уклончивость. "Не спешите с Четвертым Интернационалом, говорят они: теперь еще не время". Но ведь дело идет не о бюрократическом "провозглашении" нового Интернационала, а о непрерывной борьбе за его подготовку и создание. "Не спешить" значит практически терять время. "Авось, новый Интернационал не понадобится, авось, случится чудо. Авось..." Эта политика, которая кажется кое-кому очень реалистической, является худшим видом утопизма, сотканным из пассивности, косности и надежд на чудеса. Если шведская Независимая партия не стряхнет с себя своих мнимореалистических суеверий, то она будет чахнуть, слабеть и в конце концов окажется разорвана между тремя Интернационалами.

"Но ведь массы, - так возражают нам некоторые мнимые реалисты, - пугаются нового Интернационала, как нового раскола!" Это вполне естественно. Испуг масс перед новой партией и новым Интернационалом есть отражение (одно из отражений) великой катастрофы, страшного поражения, разочарования масс, их растерянности, их неуверенности в себе. Как долго будут длиться эти настроения зависит, главным образом, от хода событий; но до некоторой степени и от нас самих. За ход событий мы не несем ответственности, но за собственное поведение отвечаем целиком. Преимущество авангарда над массами в том, что мы теоретически осветили ход событий и предвидим дальнейшие его этапы. Бесформенная, пассивная тоска по "единству" будет получать удар за ударом. Гнилость Второго и Третьего Интернационалов будет обнаруживаться на каждом шагу. События будут подтверждать наш прогноз и наши лозунги. Но надо, чтобы мы сами не боялись открыто развернуть свое знамя уже сейчас.

Лассаль говорил, что революционеру нужна "физическая сила мысли". Ленин любил повторять эти слова, хотя вообще не очень любил Лассаля. Физическая сила мысли состоит в том, чтоб продумать обстановку и перспективу до конца и, сделав необходимые практические выводы, защищать их уже решительно, смело, непримиримо, не пугаясь чужого испуга, не склоняясь перед предрассудками, хотя бы и массовыми, а опираясь на объективный ход развития.

НРП Великобритании должна теперь же стать под знамя Четвертого Интернационала, - иначе она сойдет со сцены, не оставив следа.

Л. Троцкий

5 января 1934 г.

Письмо в редакцию "Пэпл" 401

В редакцию "Пэпл"

В номере вашей газеты от 16 декабря 1933 г. приводится мой отзыв о перспективах, открывающихся перед бельгийской рабочей партией, и о той позиции, которую должны занять по отношению к ней другие политические группировки пролетариата.

В речи де Мана 402 на конгрессе вашей партии приводится мой отзыв о

"Плане труда" со ссылкой на мой призыв поддерживать этот план ("Пэпл", 25 декабря). Ни в том, ни в другом случае не приводятся мои подлинные слова и не указано, где и когда они были мною произнесены или написаны. Насколько ссылки ошибочны, видно хотя бы из того, что в момент, когда де Ман произносил свою речь, я не имел еще случая где бы то ни было сказать ни слова о "Плане труда".

Если редакция считает, что мое мнение об этом "плане" может представить интерес для бельгийских рабочих, читателей "Пэпл", - а двукратная ссылка на меня дает мне некоторое право так думать, - то я готов высказать на столбцах "Пэпл" свою оценку "Плана труда" и связанных с ним экономических и политических проблем. Я думаю, что мог бы это сделать с необходимой полнотой в рамках двух или трех статей. Поскольку пролетарских читателей может интересовать лишь такая критика, которая высказана с полной откровенностью, мое предложение предполагает готовность с вашей стороны предоставить мне полную свободу изложения.

Так как мы принадлежим к двум непримиримым течениям политической мысли, то вы, разумеется, нисколько не обязаны предоставлять место моим статьям. Но и советское правительство, в состав которого я в то время входил, не было обязано предоставить Вандервельде право защиты на советской территории, в Москве, террористов, совершавших покушения на представителей советской власти⁴⁰³. Мы предоставили, однако, такое право по соображениям политической целесообразности. Может быть, и вы сочтете целесообразным вместо неправильных ссылок на меня дать возможность мне самому высказаться перед вашей аудиторией.

Л. Троцкий
9 января 1934 г.

"План труда".

Бельгийской секции коммунистов-интернационалистов

(большевиков-ленинцев)

Дорогие товарищи!

Нет надобности говорить вам, что я с величайшим вниманием изучал в течение последних дней присланные вами газеты, журналы, протоколы, письма и проч. Благодаря прекрасному подбору материала я имел возможность в сравнительно короткий срок ознакомиться как с вопросом в целом, так и с существом разногласий, возникших в вашей организации. Строго принципиальный и свободный от всяких личных заострений характер вашей дискуссии дает самое выгодное представление об общем духе вашей организации, об ее морально-политическом уровне. Остается выразить горячее пожелание, чтобы этот дух не только сохранился и укрепился в бельгийской секции, но стал бы господствующим во всех наших секциях без изъятия.

Те соображения, которые я хочу высказать дальше по существу спорного вопроса, не могут претендовать ни на полноту, ни на законченность. Я удален от театра действий. Такой важный фактор, как настроение масс, нельзя уяснить себе по одним газетам и документам: нужно пощупать пульс рабочих собраний, что мне, увы, недоступно. Однако, поскольку дело идет [об] общих принципиальных советах, положение наблюдателя со стороны имеет, может быть, некоторые преимущества, так как дает возможность отвлечься от деталей и сосредоточиться на главном.

Перехожу теперь к существу дела.

Прежде всего - это я считаю центральным пунктом - я не вижу оснований, которые заставляли бы нас отказаться от лозунга: "Пусть бельгийская рабочая партия берет власть!" Когда мы выдвигали впервые этот лозунг, мы все, конечно, отдавали себе ясный отчет в характере бельгийской социал-демократии, которая не хочет и не умеет бороться, которая привыкла в течение десятилетий играть роль буржуазного тормоза при пролетарском паровозе, которая боится власти вне коалиции, ибо буржуазный союзник ей

необходим, чтобы иметь возможность отклонять требования рабочих. Все это мы знали. Но мы знали также, что не только капиталистический режим в целом, но и его парламентская государственная машина вошла в стадию острого кризиса, который заключает в себе возможность как быстрых (сравнительно) смен настроений народных масс, так и быстрое чередование парламентских и правительственных комбинаций. Если принять во внимание, что бельгийская социал-демократия вместе с реформистскими синдикатами безусловно господствует в пролетариате при полном ничтожестве бельгийской секции Коминтерна и при крайней слабости революционного крыла, то совершенно ясно, что вся политическая обстановка должна подсказывать пролетариату мысль о социал-демократическом правительстве. Мы заранее считали, что создание такого правительства было бы несомненным шагом вперед. Не в том, разумеется, смысле, что правительство Вандервельде, де Мана и К° способно сыграть прогрессивную роль в деле смены капитализма социализмом, а в том смысле, что опыт социал-демократического правительства имел бы в данных условиях весьма прогрессивное значение для развития революционного сознания пролетариата. Лозунг социал-демократического правительства рассчитан, таким образом, не на какую-либо исключительную конъюнктуру, а на более или менее длительный политический период. Отказаться от этого лозунга мы могли бы лишь в том случае, если бы социал-демократия - до своего прихода к власти - начала быстро ослабевать, уступая свое влияние революционной партии; но, увы, сегодня такая перспектива является чисто теоретической. Ни общая политическая обстановка, ни соотношение сил внутри пролетариата ни в каком случае не оправдывают отказ от лозунга - власть социал-демократии!

Во всяком случае, не план де Мана, высокопарно называемый "Планом труда" (вернее бы назвать: план обмана тружеников), может нас побудить отказаться от центрального политического лозунга данного периода. "План труда" должен явиться новым (или подновленным) орудием буржуазно-демократического (или хотя бы полудемократического) консерватизма. Но вся суть в том, что исключительная острота обстановки, крайнее приближение опасностей, угрожающих самому существованию социал-демократии, вынуждают ее против ее воли хвататься за обоюдоострое оружие, весьма рискованное с точки зрения демократического консерватизма.

Потеряно навсегда динамическое равновесие капитализма. Трещит и рушится равновесие парламентской системы. И наконец - это звено той же цепи - начинает шататься консервативное равновесие реформизма, который для спасения буржуазного режима вынужден публично отречься от него. Такая обстановка таит в себе большие революционные возможности (наряду с опасностями). Мы не должны отказываться от лозунга власти социал-демократии, а, наоборот, придать этому лозунгу как можно более боевой и острый характер.

Незачем в нашей среде говорить, что в агитации за этот лозунг не должно быть и тени фальши, притворства, смягчения противоречий, дипломатничания, фальшивого или условного доверия. Предоставим левым социал-демократам пускать в дело масло и мед (в духе Спаака404). Мы будем по-прежнему применять уксус и перец.

В присланных мне материалах встречается то мнение, что рабочие массы относятся к "Плану труда" с полным безразличием, вообще находятся в стадии угнетенности и что в этих условиях лозунг "власть социал-демократам" способен только породить иллюзии, чтобы затем вызвать разочарование. Не имея возможности составить себе отсюда ясное представление о настроении бельгийского пролетариата в лице разных его слоев и групп, я вполне допускаю, однако, возможность известной нервной усталости и пассивности рабочих. Но, во-первых, само это настроение не является окончательным: оно должно иметь скорее выжидательный, чем безнадежный характер. Никто, конечно, в нашей среде не думает, что бельгийский пролетариат уже на годы не способен к борьбе. Настроений горечи, ненависти, ожесточения накопилось в его среде очень много, и они ищут выхода. Чтобы спастись от гибели, самой социал-демократии необходимо некоторое движение рабочих. Ей нужно поугагать буржуа, чтоб сделать их сговорчивей. Она, конечно, смертельно боится того, что движение перерастет через ее голову. Но при полном ничтожестве Коминтерна, слабости революционных групп, социал-демократия под свежим влиянием немецкого опыта ждет непосредственной опасности справа, а не слева. Без этих предпосылок лозунг "власть социал-демократии" вообще не имел бы никакого смысла.

Что план де Мана и связанная с ним агитация социал-демократии сеют иллюзии и вызовут разочарования, в этом ни для кого из нас не может быть сомнения. Но социал-демократия, ее влияние в пролетариате и ее план, ее рождественский съезд, ее агитация являются объективными фактами: ни устранить их, ни перескочить через них мы не можем. Наша задача двойная: во-первых, разъяснить передовым рабочим политический смысл "плана", т. е. расшифровывать маневры социал-демократии на всех этапах; во-вторых, показывать как можно более широким кругам рабочих на деле, что, поскольку буржуазия пытается препятствовать осуществлению плана, мы боремся рука об руку с ними, чтобы помочь им проделать опыт. Мы разделяем все трудности борьбы, но не ее иллюзии. Наша критика иллюзий должна, однако, не закреплять пассивность рабочих, не давать ей мнимое теоретическое оправдание, а, наоборот, толкать рабочих вперед. При этих условиях неизбежное разочарование в "Плане труда" будет означать не углубление пассивности, а, наоборот, переход рабочих на революционный путь.

Самому "плану" я хочу в ближайшие дни посвятить особую статью. Здесь ввиду крайне спешного характера этого письма я вынужден ограничиться немногими словами. Прежде всего, я считаю неправильным сближение этого плана с экономической политикой фашизма. Национализация кредита и известных отраслей тяжелой и энергетической промышленности не включает в себе ничего фашистского. Поскольку фашизм выдвигает (до завоевания власти!) лозунги национализации в целях борьбы со "сверхкапитализмом", он просто обкрадывает фразеологию социалистической программы. В плане де Мана мы имеем - при буржуазном характере социал-демократии - программу государственного капитализма, которую сама социал-демократия выдает, однако, за начало социализма и которая действительно может превратиться в начало социализма - против социал-демократии.

В пределах самой экономической программы ("План труда") мы должны, по моему мнению, выдвинуть на первое место три пункта:

а) О выкупе. Абстрактно рассуждая, социалистическая революция не исключает всех и всяких видов выкупа капиталистической собственности. Маркс высказывался некогда в том смысле, что хорошо было бы "откупиться от этой банды" (от капиталистов). До мировой войны это было еще более или менее возможно. Но если принять во внимание нынешнее расстройство экономической системы, национальной и мировой, и обеднение народных масс, то выкуп представляется пагубной операцией, которая должна была бы на первых же порах создать для нового режима совершенно непосильные тяготы. Это мы можем и должны - с цифрами в руках - сделать понятным каждому рабочему.

б) Наряду с экспроприацией без выкупа мы должны выдвинуть лозунг рабочего контроля. Вопреки де Ману (см. *Le mouvement syndicale belge* 405, 1933, No 11, стр. 297), национализация и рабочий контроль вовсе не исключают друг друга. Даже если бы правительство было архилевое и преисполненное лучших намерений, мы будем стоять за контроль рабочих над производством и обращением: мы не хотим бюрократического управления национализированной промышленностью, мы требуем прямого участия в контроле и управлении самих рабочих через заводские комитеты, профессиональные союзы и проч. Только так мы заложим в рамках государственного капитализма опорные базы пролетарской диктатуры в хозяйстве.

в) План ничего не говорит о земельной собственности как таковой. Здесь необходим лозунг, рассчитанный на сельскохозяйственных рабочих и беднейших крестьян. По этому сложному вопросу я постараюсь, однако, высказаться особо.

Теперь необходимо перейти к политической стороне плана. Здесь, естественно, выдвигаются два вопроса: а) методы борьбы за осуществление плана (в частности, вопрос о легальности и нелегальности) и б) отношение к мелкой буржуазии города и деревни.

В своей программной речи, напечатанной в органе синдикатов, де Ман категорически отвергает революционную борьбу (всеобщую стачку и восстание). Да и можно ли ждать от этих людей иного? Каковы бы ни были отдельные оговорки и поправки, предназначенные, главным образом, для утешения левых простачков, официальная позиция партии остается позицией парламентарного кретинизма. По этой линии должны направляться главные удары нашей критики, - не только против партии в целом, но и против ее левого крыла (смотри ниже). Эта сторона вопроса - о методах борьбы за национализацию - одинаково резко и правильно подчеркивается обеими сторонами в вашей дискуссии, так что мне

незачем на ней дольше останавливаться.

Отмечу только один "маленький" пункт. Могут ли эти люди всерьез думать о революционной борьбе, когда они в душе являются... монархистами? Большая ошибка думать, будто королевская власть в Бельгии есть фикция. Во-первых, эта "фикция" стоит денег и должна была бы быть устранена уже по соображениям экономии. Но не в этом главная сторона дела. В эпоху социального кризиса призраки нередко обрастают плотью и наливаются кровью. Ту самую роль, которую в Германии на наших глазах сыграл Гинденбург, стремительный Гитлера, в Бельгии может сыграть король - по примеру и образцу своего итальянского коллеги. Ряд жестов бельгийского короля за последний период явно намечают этот путь. Кто хочет бороться против фашизма, должен начать с борьбы за ликвидацию монархии. Нельзя позволять социал-демократии в этом вопросе прятаться за всякими уловками и оговорками.

Революционная постановка вопросов стратегии и тактики вовсе не значит, однако, что наша критика не должна проникнуть вслед за социал-демократией и в ее парламентское убежище. Новые выборы предстоят лишь в 1936 году: до этого времени капиталистическая реакция, в союзе с голодом, может трижды свернуть шею рабочему классу. Этот вопрос необходимо со всей резкостью ставить перед рабочими социал-демократами. Чтобы ускорить новые выборы, есть только один путь: сделать невозможным функционирование нынешнего парламента посредством резкой оппозиции, переходящей в парламентскую obstruction. Вандервельде, де Ман и К° надо бичевать не только за то, что они не развивают революционной внепарламентской борьбы, но и за то, что их парламентская деятельность ни в какой мере не служит подготовке, приближению и осуществлению их собственного "Плана труда". Противоречие и фальшь в этой области будут наиболее понятны среднему социал-демократическому рабочему, который не дорос еще до понимания методов пролетарской революции.

Вопрос об отношении к промежуточным классам имеет не меньшее значение. Смешно было бы обвинять реформистов за то, что они хотят завоевать мелкую буржуазию и как бы становятся тем "на путь фашизма". И мы хотим завоевать мелкую буржуазию. Это одно из важных условий полного успеха пролетарской революции. Но... il y a fagots et fagots⁴⁰⁶, как говорит Мольер⁴⁰⁷. Уличный разносчик или бедный крестьянин есть мелкий буржуа. Но и профессор, средний чиновник с орденом, средний инженер - тоже мелкий буржуа. Между ними надо выбирать. Капиталистический парламентаризм (а другого парламентаризма не существует) привел к тому, что господа адвокаты, чиновники, журналисты выступают как патентованные представители голодающих ремесленников, уличных торговцев, маленьких чиновников и полупролетарских крестьян. А финансовый капитал водит за нос или просто подкупает парламентариев из среды мелкобуржуазных адвокатов, чиновников и журналистов.

Когда Вандервельде, де Ман и К° говорят о привлечении на сторону плана мелкой буржуазии, то они имеют в виду не ее массы, а ее патентованных "представителей", т. е. развращенных агентов финансового капитала. Когда мы говорим о завоевании мелкой буржуазии, то мы имеем в виду освобождение эксплуатируемых низов народа от его патентованных политических предателей. Ввиду отчаянного положения мелкобуржуазных масс населения старые мелкобуржуазные партии (демократические, католические и проч.) трещат по всем швам. Фашизм понял это. Он не искал и не ищет коалиции с обанкротившимися "вождями" мелкой буржуазии, а вырывает из-под их влияния массы, т. е. выполняет по-своему, в интересах реакции, ту работу, которую в России выполняли большевики в интересах революции. Именно так стоит сейчас вопрос и в Бельгии. Мелкобуржуазные партии или мелкобуржуазные фланги крупнокапиталистических партий обречены на исчезновение вместе с парламентаризмом, который создает для них необходимые подмости. Весь вопрос в том, кто поведет за собой угнетенные и обманутые мелкобуржуазные массы: пролетариат под революционным руководством или фашистская агентура финансового капитала.

Подобно тому, как де Ман не хочет революционной борьбы пролетариата и боится смелой оппозиционной политики в парламенте, которая могла бы привести к революционной борьбе, - точно так же он не хочет и боится действительной борьбы за мелкобуржуазную массу. Он понимает, что в ее толще кроются огромные запасы протеста, ожесточения, ненависти, могущие превратиться в революционную страсть, в грозные "эксцессы", т. е. в революцию. Вместо этого де Ман ищет парламентских союзников, потрепанных демократов, католиков,

кумовьев справа, которые нужны ему как опора против возможных революционных "эксцессов" пролетариата. Эту сторону вопроса мы должны уметь разъяснять реформистским рабочим на повседневном опыте фактов. За тесный революционный союз пролетариата с угнетенными мелкобуржуазными массами города и деревни, но против правительственной коалиции с политическими "представителями" и предателями мелкой буржуазии!

Некоторые товарищи высказываются в том смысле, что самое выступление социал-демократии с "Планом труда" должно встряхнуть промежуточные классы и при пассивности пролетариата облегчить работу фашизма. Разумеется, если пролетариат не будет бороться, то фашизм победит. Эта опасность вытекает, однако, не из плана, а из большого влияния социал-демократии и слабости революционной партии. Длительное участие немецкой социал-демократии в буржуазном правительстве проложило дорогу Гитлеру. Чисто пассивное воздержание Блума от участия в правительстве тоже создаст предпосылки для роста фашизма. Наконец, провозглашение наступления на финансовый капитал без соответственной массовой революционной борьбы неизбежно ускорит работу бельгийского фашизма. Дело, следовательно, не в плане, а в предательской функции социал-демократии и в гибельной роли Коминтерна. Но поскольку общее положение и, в частности, судьба германской социал-демократии навязали младшей бельгийской сестре политику "национализации", постольку наряду со старыми опасностями открываются новые революционные возможности. Было бы величайшей ошибкой не видеть их. Надо уметь поразить врага его же собственным оружием.

Использовать новые возможности можно только при условии, если неутомимо выдвигать перед рабочими фашистскую опасность. Чтобы осуществить какой бы то ни было план, надо сохранить и укрепить рабочие организации. Надо, следовательно, прежде всего оградить их от фашистских банд. Худшей глупостью является надежда на то, что демократическое государство, хотя бы и возглавляемое социал-демократией, спасет от фашизма, запретив ему декретом организоваться, вооружаться и проч. Никакие полицейские запрещения не помогут делу, если сами рабочие не научатся справляться с фашизмом. Организация пролетарской обороны, создание дружин рабочей милиции является неотложной и первейшей задачей. Кто не поддерживает этого лозунга и не проводит его на деле, тот не заслуживает имени пролетарского революционера.

* * *

Теперь еще остается сказать о нашем отношении к левым социал-демократам. Здесь я меньше всего хочу сказать что-нибудь окончательное, ибо я не имел возможности следить до сих пор за эволюцией этой группировки. Но то, что я прочитал за последние дни (серия статей Спаака, его речь на съезде партии и проч.), произвело на меня неблагоприятное впечатление.

Когда Спааку надо охарактеризовать взаимоотношение между легальной и нелегальной борьбой, он в качестве авторитета цитирует... Отто Бауера, т. е. теоретика легальной и нелегальной импотенции. "Скажи мне, кто твой учителя, и я тебе скажу, кто ты". Но оставим область теории, обратимся к актуальным политическим вопросам.

Спаак принял за основу кампании план де Мана и голосовал за него без всяких оговорок. Можно сказать: Спаак не хотел дать Вандервельде и К^о возможности довести сейчас дело до раскола, т. е. выбросить из партии слабое, еще не организованное левое крыло; Спаак отступил, чтобы лучше прыгнуть. Может быть, таковы намерения Спаака, но судят политика не по намерениям, а по действиям. Осторожное поведение Спаака на конгрессе, его обязательство со всей решительностью бороться за выполнение плана, его заявление о соблюдении дисциплины были бы сами по себе вполне понятны, если принять во внимание место левой оппозиции в партии. Но Спаак сделал нечто другое: он выразил моральное доверие Вандервельде и политически солидаризировался с де Маном в отношении не только абстрактных целей плана, но и конкретных методов борьбы.

Особенно недопустимый характер имели слова Спаака о том, что мы-де не можем требовать от вождей партии, чтобы они открыто сказали нам о своем плане действий, о своих силах и проч. Почему не можем? Из-за конспирации? Но если у Вандервельде и де Мана и есть конспирация, то не с революционными

рабочими против буржуазии, а с буржуазными политиками против рабочих. Да никто и не требует оглашения конспиративных тайн на съезде! Нужно дать общий план мобилизации масс и перспективу борьбы. Своим заявлением Спаак прямо-таки помог Вандервельде и де Ману уклониться от ответа на важнейшие вопросы стратегии. Здесь уже можно по праву говорить о конспирации вождя оппозиции с вождями большинства против революционных рабочих. Тот факт, что Спаак увлек на путь центристской доверчивости и "Социалистическую гвардию молодежи", еще более отягощает его вину.

Брюссельская федерация внесла на съезде "левую" резолюцию по поводу конституционной и революционной борьбы. Резолюция очень слаба, имеет юридический, а не политический характер, написана адвокатом, а не революционером (если де буржуазия нарушит конституцию, то и мы...). Вместо серьезной постановки вопроса о подготовке революционной борьбы, "левая" резолюция преподносит литературную угрозу по адресу буржуазии. Но что произошло на конгрессе? После пустейших заявлений де Мана, который, как мы знаем, считает революционную борьбу вредным мифом, брюссельская федерация покорно сняла свою резолюцию. Люди, которые так легко удовлетворяются пустыми и лживыми фразами, не могут почитаться серьезными революционерами. Наказание не замедлило. На другой же день "Пэпл" комментировал резолюцию съезда в том смысле, что партия будет строго придерживаться конституционных рамок, т. е. будет "бороться" в тех пределах, какие ей укажет финансовый капитал при содействии короля, судей и полиции. Орган левых "Аксион Социалист"⁴⁰⁸ буквально ударился поэтому в слезы: ведь вчера же, только вчера, "все" были единодушны на счет брюссельской резолюции, почему же сегодня?... Смешные причитания! "Вчера" левых обманули, чтобы побудить их снять резолюцию. А "сегодня" тертые бюрократические ловкачи дали злополучной оппозиции щелчок по носу. Поделом! Так всегда делаются эти дела. Но это только цветочки - ягодки будут впереди.

Не раз уже бывало, что социал-демократическая оппозиция развивала чрезвычайно левую критику, пока это ее ни к чему серьезному не обязывало. Но когда наступали ответственные часы (массовое стачечное движение, угроза войны, опасность государственного переворота и проч.), так оппозиция немедленно же спускала знамя, открывала запятымным вождям партии новый кредит доверия и доказывала тем, что она сама - плоть от плоти реформизма. Сейчас социалистическая оппозиция в Бельгии подвергается первому серьезному испытанию. Приходится сказать, что она сразу же сильно поскользнулась. Мы должны внимательно и без предвзятости следить за ее дальнейшими шагами, не преувеличивая в критике, не сбиваясь на нелепую трескотню о "социал-фашизме", но и не делая себе никаких иллюзий насчет действительного теоретического и боевого закала этой группировки. Чтобы помочь лучшим элементам левой оппозиции продвинуться вперед, надо открыто высказывать то, что есть.

* * *

Я очень спешу с этим письмом, дабы оно могло оказаться в ваших руках еще до совещания 14 января: отсюда неполнота и, может быть, недостаточная систематичность изложения. В заключение позволю себе выразить горячую уверенность в том, что ваша дискуссия закончится дружным решением, которое обеспечит полное единство действий. Вся обстановка предопределяет в ближайший период серьезный рост вашей организации. Если вожди социал-демократической оппозиции капитулируют окончательно, руководство революционным крылом пролетариата ляжет целиком на вас. Если, наоборот, левое крыло реформистской партии продвинется вперед, в сторону марксизма, вы найдете в его лице боевого союзника и мост к массам. При условии ясной и единодушной политики ваш успех полностью обеспечен. Да здравствует бельгийская секция большевиков-ленинцев!

Г. Г[уров]

9 января 1934 г.

Дорогие товарищи,

Ваше письмо от 27 декабря затрагивает несколько вопросов как частных, так и общих. Я постараюсь на них ответить с возможной полнотой.

Вам известна история возникновения и развития САП. Оппозиционное крыло социал-демократии после раскола с партией получило возможность прогрессивного развития. Меньшинство брандлерянцев, отколовшись от своей организации, получило возможность движения вперед. Эти две группы сбилизались как своими положительными (разрыв со старой бюрократией), так и своими отрицательными сторонами (теоретическая неоформленность, отсутствие ясной стратегической концепции и проч.). Эволюция САП была, однако, механически оборвана переворотом наци. Отсюда у некоторых вождей САП сложилось совершенно неправильное представление как о политическом значении их собственного опыта, так и об условиях формирования революционной партии вообще.

Борьба САП против Коммунистической лиги имеет уже не прогрессивный, а консервативный характер: это борьба за сохранение своей неоформленности, за свое право не додумывать политические идеи до конца. Как всегда бывает в таких случаях, в сознании товарищей из САП эта борьба переломляется, как борьба против нашего "сектантства". Революционная организация, кадры которой не впитали в плоть и в кровь стратегические уроки последнего десятилетия, не будет в нынешних условиях обладать необходимой силой сопротивления разрушительным тенденциям и во всяком случае окажется неспособной вести за собой действительные массы.

Для определения сектантства вожди САП пользуются не марксистским, а тред-юнионистским критерием, т. е. мерилем голого числа, "массы". Им чуждо понимание законов перехода принципиального качества в массовое количество; они не задумывались над необходимыми для такого перехода объективными и субъективными предпосылками.

Почему - так говорят нередко товарищи из САП - левая оппозиция при правильных принципах, марксистском анализе событий и проч[ем] так изолирована? Ясно: ей не хватает искусства помолчать о собственных принципах и приспособиться к чужим. Эта аргументация до конца разоблачает антиисторическое, антидиалектическое, вульгарное мышление самих критиков. Наши великие учителя Маркс и Энгельс были с 1850 до 1864 года в условиях ужасающей политической изоляции. Русские революционеры с Лениным во главе были жестоко изолированы с 1907 до 1912 года, и уже в начале 1914 года изоляция приняла почти герметический характер. Наши маловдумчивые критики упускают следующие немаловажные факты:

а) русская левая оппозиция, которая выражала наиболее последовательно динамические тенденции русского пролетариата, должна была ослабевать по мере того как из революции выросла бюрократия, которая оттесняла пролетариат на задний план;

б) левая оппозиция, которая выражала связь Октябрьской революции с международной, должна была ослабевать по мере того как обнаруживалась слабость международной революции;

в) левая оппозиция получила первый жестокий удар сейчас же вслед за капитуляцией германской компартии в 1923 году; поражение польского пролетариата и английской всеобщей стачки в 1926 году, ослабляя мировой пролетарский авангард, ослабляло левую оппозицию, авангард этого авангарда; крушение китайской революции в 1927 году окончательно склонило чашу весов в пользу теории и практики "социализма в отдельной стране"; наконец, если не останавливаться на целом ряде промежуточных событий того же типа, германская катастрофа 1933 года нанесла жесточайший удар мировому пролетариату. На фоне этих небывалых исторических поражений оппозиция могла своим теоретическим анализом воспитывать немногочисленные кадры, но не вести за собою массы.

г) Упадок и деморализация Коминтерна не могли не компрометировать в глазах широких рабочих масс все революционные группировки, особенно связанные с Коминтерном своим происхождением.

д) Наконец, надо присоединить одиннадцатилетнюю кампанию клеветы, организованную сталинской бюрократией во всем мире. Вряд ли во всей политической истории человечества можно найти травлю столь богатую финансовыми средствами и аппаратом, столь систематическую и упорную, столь отравленную по содержанию и в то же время прикрытую авторитетом первого рабочего государства.

На все эти "мелочи" вожди САП закрывают глаза. Они забывают к тому же указать, где та другая революционная группировка, рядом с нами, которая за этот период обнаружила способность вести за собой массы? Если те или другие организации, в частности и сама САП, имели частные, часто эмпирические, по сути дела, эпизодические и поэтому крайне неустойчивые "успехи", то они в этом в огромной степени обязаны критической и политической работе левой оппозиции.

Наконец - практически сейчас это самое важное, - сотни и тысячи фактов показывают тому, кто умеет разбираться в политических симптомах, что левая оппозиция уже прорвала кольцо блокады, что ее идеи самыми различными путями проникают в самые разнообразные круги рабочего класса и готовят торжество революционного марксизма на новой исторической ступени. К числу таких симптомов относится и поведение самой САП. Если правой рукой она вместе с Транмелем подписала двусмысленную дипломатическую и потому вредную резолюцию, то левой рукой она сочла себя вынужденной подписать вместе с нами декларацию в пользу Четвертого Интернационала - единственный прогрессивный революционный документ последнего периода. Разумеется, этот документ не произвел сразу чудес: но он проложит себе дорогу, несмотря даже на колебания тех или других из числа подписавших его.

Чтобы обосновать свое право на идейную неоформленность, вожди САП изобрели особую теорию, которую можно формулировать словами: "не высказывать то, что есть". Этот принцип, противоречащий всему тому, чему нас учили Маркс, Энгельс, Ленин и чему нас учит наш собственный опыт, основан на бессознательном или полубессознательном смешении педагогически-агитаторского подхода к данной группе, в данном частном случае, с принципиальной позицией партии по отношению к пролетариату, другим партиям, историческим событиям. На собрании рабочих монархистов и католиков я буду с осторожностью подходить к алтарю и трону. Но в программе партии и во всей ее политике отношение к религии и монархии должно быть сформулировано с полной отчетливостью. На собрании реформистского профессионального союза я, как член союза, могу быть вынужден не все договаривать; но партия в целом в своих газетах, публичных собраниях, брошюрах, воззваниях обязана договорить все. Если полицейские условия вынуждают легальную печать к осторожным формулировкам, партия обязана иметь также и нелегальную прессу. Когда марксисты требуют "высказывать то, что есть", то они имеют в виду не каждую отдельную речь в той или иной специальной обстановке, а политику партии в целом. Партия, которая по "тактическим" соображениям скрывает свою позицию, не есть революционная партия, ибо она отталкивает передовых рабочих, приспособляясь к предрассудкам отсталых. Между тем перевоспитать отсталых можно только через передовых.

Даже и на отдельном собрании, при всем необходимом такте в подходе к данной группе, нельзя забывать, что в ее среде имеются рабочие разных уровней и что если необходимо приспособляться к отсталым в способе изложения, то недопустимо приспособлять к ним политическую позицию. Так, например, не может быть сейчас ни одного массового политического собрания, где революционный марксист не обязан был бы в той или другой форме выдвинуть идею Четвертого Интернационала. Даже если сегодня этот лозунг захватит всего несколько единиц, это все же неизмеримо важнее и плодотворнее, чем повторять общие фразы или давать хотя бы и правильную критику, но без ясных и обязывающих выводов. Во всяком случае никакие "тактические" соображения не могут позволить брататься и лобызаться пред лицом рабочих с политическими мошенниками и предателями.

Важнейшие стратегические уроки десятилетия мы формулировали в виде известных вам 11 пунктов. Эти конспективные тезисы опираются на долгую коллективную работу международной левой оппозиции. Прежде чем рассуждать о "сектантстве", надо определить свое отношение к основным проблемам, сформулированным в 11 пунктах. Именно этого мы всегда требовали от товарищей из САП и продолжаем требовать сегодня. Без точной критики нашей принципиальной позиции и вытекающих из нее методов, обвинение в "сектантстве" остается пустым звуком.

Если бы вожди САП изучили по документам, продумали, продискутировали трагический опыт Англо-русского комитета, имевший историческое значение, они не прodelывали бы теперь опыт своего "немецко-норвежского комитета", бледной копии печального оригинала. Можно было бы без труда показать, что все доводы

в защиту беспринципного и безнадёжного блока с Транмелем представляют собой лишь повторение, почти дословное, доводов Сталина, Бухарина, Лозовского в защиту блока с Перселем и Ситриным. Невнимание к теории, которая есть только обобщенная практика прошлого, мстит за себя жестоко и в данном случае.

От некоторых наших союзников можно иногда слышать такой упрек: левая оппозиция достаточно реалистически анализирует обстановку и выдвигает правильные лозунги; но почему же она с такой "сектантской" непримиримостью относится к организациям, стоящим вне Второго и Третьего Интернационалов? Почему она требует от них "стопроцентного" марксизма? За этим очень характерным упреком скрывается целое мирозерцание, в котором вряд ли найдется хотя бы 51% марксизма. Революционная партия должна, конечно, самым внимательным образом изучать объективную обстановку, чтобы не принимать собственных желаний за настроения массы. Но партия может использовать объективные условия и завоевать руководство массой лишь при условии собственной принципиальной сплоченности, боевого единодушия, несокрушимой дисциплины. Партия пролетариата есть главнейший исторический инструмент нашей эпохи. Инструмент должен быть сделан из лучшей стали, хорошо закален, остро наточен. Только при наличии такого инструмента можно с успехом работать над сырым историческим материалом. Реалистическое изучение объективных условий, с одной стороны, непримиримая строгость в отношении собственной партии, с другой, представляют собой две органически нераздельные стороны марксизма. Без научной ориентировки, без учета состояния масс, без внимания к внешним препятствиям возможна лишь политика сектантства и авантюризма. Без повседневной борьбы за принципиальную чистоту и непримиримость партии возможно только мелкобуржуазное барахтанье в волнах истории.

Вы знаете, вероятно, что вместе с моими ближайшими немецкими друзьями я стоял за скорейшее слияние с САП, надеясь на то, что совместный опыт, наряду со взаимной критикой, ускорит воспитание объединенной организации. Но вожди САП, после первых колебаний, уклонились от слияния. Ближайшим поводом послужил для них вопрос о Норвежской рабочей партии (или о Лондонском бюро, что практически одно и то же). Для того чтобы иметь возможность продолжать свой безрадостный роман с Транмелем, они отказались от слияния с нами.

Чтобы прикрасить эту неприглядную действительность, выдвинута была особая "теория": чрезмерное влияние отдельного "лица", опасность "личного" режима и проч. С точки зрения марксизма, лица вредны или полезны в зависимости от того, какие идеи и методы они представляют. К несчастью или к счастью ни у кого из нас нет в распоряжении других средств, кроме средств идейного воздействия: т. е. ни государственной власти, ни связанной с ней кассы, ни наемной агентуры. В этих условиях мнимый страх перед "лицом" есть на самом деле страх перед определенными идеями. Полувраждебность по отношению к принципам левой оппозиции идет рука об руку со стремлением сохранить свое право на бесформенность, которая будто бы способна развить большую притягательную силу для "масс".

Для оправдания тяги к Транмелю, Маурину и им подобным (разумеется, о, разумеется, в интересах "масс") была пущена в оборот легенда, будто мы ставим себе целью "скомпрометировать" вождей САП и оторвать от них их сторонников. Разумеется, всякая идеологическая и политическая борьба включает в себе опасность понижения авторитета тех вождей, которые упорствуют в ошибках и прикрывают доводами *ad hominem*⁴¹⁰ (от личности) свою половинчатость. Именно потому я и настаивал на слиянии, чтобы необходимая дискуссия могла развиваться спокойно и дружественно в рамках одной организации. Мысль о каких-либо искусственных мерах для "компрометирования" и "устранения" вождей САП настолько нелепа, что на ней не стоит и останавливаться. Мы слишком хорошо знаем, как мы сейчас бедны квалифицированными революционными работниками и меньше всего склонны поэтому искусственно уменьшать их число. Да и какие к этому могут быть мотивы? На самом деле, те товарищи, которые не хотят расстаться со своей половинчатостью, ощущают критику половинчатости как злонамеренную личную критику. Так бывает всегда.

Так или иначе, но слияние на данной стадии оказалось неосуществимым. Наша немецкая секция должна, разумеется, вернуть себе полную организационную свободу. Означает ли это разрыв с САП в области подготовки Четвертого Интернационала? Нет, это было бы очень неправильным. Формирование нового

Интернационала есть очень сложный процесс, в котором деятельность Международной коммунистической лиги займет, как я надеюсь, большое место, но все же не единственное. Вы выражаете пожелание, чтобы Лига стала осью кристаллизации всех тех революционных элементов, которые порвали со Вторым и Третьим Интернационалами. Эта формулировка правильна, но, как вы понимаете сами, не полна. Надо еще прибавить молодежь, не принадлежащую ни к одному из Интернационалов и составляющую великий резерв будущего. Но и присоединение групп, откалывающихся от старых Интернационалов, нельзя себе представлять слишком прямолинейно. Ведь и члены САП откололись от двух старых Интернационалов, приблизились к нам, но остановились нерешительно на известном расстоянии от нас. Значит ли это, что мы должны отказаться от попыток совместной работы с ними? Это было бы действительно сектантством, в духе бордигистов, которые думают так долго сосать свой собственный палец, пока история не одумается и не призвет их руководить ею. Пропаганда идей левой оппозиции, рекрутирование новых и новых сторонников, лиц и групп в ряды Коммунистической лиги, агитация в массах под лозунгом Четвертого Интернационала, воспитание собственных кадров, углубление теоретических позиций, – такова наша основная работа в ближайший исторический период. Но эта работа не исключает сближения, соглашения, блока с приближающимися к нам организациями, которые хотят работать над созданием нового Интернационала.

Правда, вожди САП за последнее время все больше проявляют дружелюбие направо, по отношению к центристам и даже реформистам, и недружелюбие по отношению к нам. Если бы эволюция и дальше пошла по тому же направлению, то это означало бы, конечно, разрыв САП с нами, а вместе с тем и неизбежное крушение самой САП, ибо, как уже сказано выше, силой сопротивления разлагающим тенденциям нашей эпохи может обладать только принципиально закаленная организация, стоящая под международным контролем. Я не думаю, однако, что дело с САП обстоит безнадежно. Если не помогли или не достаточно помогли наши доводы, то спасительное действие должны оказать действия "друзей" справа. Можно не сомневаться, что Транмель и К° дадут в ближайшее время несколько предметных уроков утопистам, которые думают, что искусным лавированием можно превратить врагов в друзей.

Объявить уже сегодня новый Интернационал созданным было бы незаконной претензией, чтобы не сказать авантюризмом. Вы этого, конечно, и не требуете. Мы лишь воздвигаем фундамент и строим леса. Но над этими лесами мы теперь же, немедленно поднимаем знамя Четвертого Интернационала, дабы все знали, какое именно здание возводится. Если кто-нибудь из участников строительства придет завтра к выводу, что работа ему не по силам или не по вкусу, мы пожалеем и – продолжим воздвигать стены. Мы готовы во всех практических вопросах идти на разумные уступки в интересах согласованной работы: но судьбу Четвертого Интернационала мы нисколько не ставим в зависимость от доброй воли тех или других союзников.

Сейчас мы вырабатываем документы по основным вопросам пролетарской стратегии, в первую голову – об отношении к войне. Мы приложим все усилия к тому, чтобы добиться в этом вопросе единодушия с нашими союзниками. Если это не удастся, мы выпустим документы от собственного имени. Жизнь не ждет. Давать своевременно марксистские ответы на события это значит строить новый Интернационал.

Какова должна была бы быть ваша позиция в местных условиях? Я думаю надо начать с принципиального самоопределения. Так как дела стоят сегодня (не по нашей вине), вам надо выбирать между лигой и САП. Из вашего письма видно, что ваша группа не определила своей позиции в вопросе о Норвежской рабочей партии, Лондонском бюро и проч. Между тем эти и аналогичные им вопросы будут в течение ближайших месяцев служить пробным камнем для определения правильной марксистской линии. Вы обязаны определить свою позицию. Разумеется, не непременно в 24 часа: нужно изучить документы, собрать необходимую информацию, сопоставить сегодняшний вопрос с опытом Англо-русского комитета и проч. Если всего этого окажется мало, придется отложить окончательное решение до новых событий, которые принесут проверку. В том, что новые события будут в этом вопросе, как и во всех больших вопросах, работать за коммунистов-интернационалистов, у меня лично нет ни малейшего сомнения. Незачем говорить, что я хотел бы заразить этой уверенностью и вас, чтобы привлечь вас полностью в наши ряды.

С интернациональным коммунистическим приветом

Л. Троцкий
11 января 1934 г.

Резолюция И[нтернационального] С[екретариата] по поводу постановления Национального Комитета большинства британской секции от 17 декабря 1933 года⁴¹¹

Большинство британской секции выразило пожелание, чтобы его постановление было разослано всем секциям. Так как это постановление заключает в себе ряд серьезных ошибок, то мы считаем необходимым снабдить его нижеследующими критическими замечаниями.

Нац[иональный] комитет развивает главным образом ту мысль, что в организации должна соблюдаться дисциплина, основанная на подчинении меньшинства большинству. В таком общем виде мысль эта настолько же бесспорна, как и бессодержательна. Дисциплина не падает с неба. Ее надо воспитать. Подлинная дисциплина возможна лишь при условии авторитетного руководства, которое на ряде важных этапов доказало свою способность правильно оценивать обстановку и делать необходимые практические выводы. Британская секция одна из самых молодых секций; число членов ее не достигло сорока. Работа ее сводилась, главным образом, к индивидуальной пропаганде. При этих условиях не могло быть и речи о создании крепкого авторитетного руководства; путь к нему еще очень долгий путь.

Выдвигая на первый план вопрос формальной дисциплины, очень важный и сам по себе, Нац[иональный] комитет забывает, что дисциплина не ограничивается национальными рамками. И[нтернациональный] С[екретариат], представляющий все наши секции, которые насчитывают сейчас несколько тысяч членов, высказался единогласно за вхождение британской секции в НРП. Опираясь на поддержку всех секций в этом вопросе, И[нтернациональный] С[екретариат] мог поставить вопрос с самого начала в плоскости формальной дисциплины. Почему он этого не сделал? Именно потому, что, оценивая заранее малую политическую опытность британской секции, он хотел избежать всего, что могло бы вызвать острый конфликт и поставить британскую секцию вне нашей организации. Наоборот, И[нтернациональный] С[екретариат] хотел дать возможность британской секции с наименьшими потрясениями перейти от чисто кружкового, пропагандистского периода к более широкой политической деятельности. К сожалению, Нац[иональный] комитет не понял британской обстановки, проявил сектантский консерватизм и довел дело до раскола. Политическая ответственность за раскол лежит полностью на большинстве, которое пренебрегло единодушными указаниями нашей интернациональной организации. К этому надо прибавить, что поведение Нац[ионального] комитета затрудняет сейчас выполнение своей задачи и меньшинству, солидарному в спорном вопросе с подавляющим большинством нашей интернациональной организации.

Особенно неприятно поражает тот тон, каким Нац[иональный] комитет говорит о других секциях и о нашей интернациональной организации в целом. Везде наблюдается будто бы непонимание принципов большевизма, отсюда – фракционные столкновения и проч. В противоположность этому один лишь Нац[иональный] комитет британской секции проводит правильную организационную политику. Непонимание реальных политических пропорций, характеризующее всякую консервативную группу, чрезвычайно опасно для дальнейшего развития группы большинства. Устранять фракционную борьбу посредством раскола – очень простое искусство, которое, однако, не имеет ничего общего с большевизмом и с марксизмом вообще, а является продуктом эпигонской карикатуры на большевизм. Именно такими методами Коминтерн погубил все секции и себя. Британская компартия была всегда самой слабой частью Коминтерна; наши британские товарищи не имели другого опыта, кроме опыта британской компартии, с тем большим вниманием они должны относиться к голосу других секций, которые работают на более широкой арене и накопили гораздо более значительный опыт.

Так или иначе, раскол есть факт. Раскол означает, что между двумя группами нет никаких организационных отношений. Не может быть и речи о том, чтобы Нац[иональный] комитет контролировал работу меньшинства, ибо такой контроль сделал бы эту работу невозможной. Обе группы примыкают отныне к интернациональной левой оппозиции на равных правах, при полной независимости

друг от друга. Судьба каждой из групп определится ее дальнейшей работой. И[нтернациональный] С[екретариат] будет тщательно следить за деятельностью каждой из групп, с тем чтобы подготовить, если окажется возможным, их объединение на новой политической ступени.

Интернациональный Секретариат
23 января 1934 г.

[Письмо В.Буриану]412

23 января 1934 г.

Дорогой тов. Буриан,

Получил ваше письмо от 17-го января и сейчас же отвечаю на него. Я считаю заключенный договор вполне приемлемым и очень рад, что дело с успехом доведено до конца.

Что касается первого гонорара, то отчисленные⁴¹³ 15% А.И.Пфемферт должны быть посланы по следующему адресу: [...]414

Что касается фотографий, то, к сожалению, весь наш запас сторел во время пожара на Принкипо. Много фотографий из эпохи русской революции имеется здесь у одного любителя-француза, но я не знаю, согласится ли он предоставить их в распоряжение издательства. Я еще наведу об этом справки.

Что касается назначения денег за статьи, то я предоставляю вопрос решить [...]415, который уже не раз протестовал против личных соглашений в этом вопросе. Я должен признать, что эти протесты с организационной точки зрения вполне основательны. Решение Секретариата вам будет сообщено немедленно.

Седьмой том Ленина вам будет послан завтра же, т. е. одновременно с этим письмом.

Ваш

Л.Троцкий

Комитету меньшинства британской секции

На ваше письмо от 7 января

Я полностью согласен с предложением И[нтернационального] С[екретариата], которое вы подвергаете критике в вашем письме от 5 января.

Мы все были согласны в том, что британская секция как таковая должна прекратить самостоятельное организационное существование после своего вхождения в НРП. Но вы раскололись. Вопрос сейчас идет не о секции, а о ее части. Существование организации большевиков-ленинцев вне НРП ни в каком случае не может вам мешать, раз вы открыто заявляете, что раскололись с этой организацией и вообще не связаны с ней и не подчиняетесь ее дисциплине. Такое заявление, вполне отвечающее действительному положению вещей, должно тем ярче показать всякому члену НРП лояльность ваших намерений.

Вы пишете, что вам неясны ваши будущие взаимоотношения с большинством секции. Из письма секретариата совершенно ясно, что не предполагается никаких организационных взаимоотношений.

Вы до сих пор еще не вошли в НРП, и, по-видимому, не сделали даже попытки в этом направлении. Это показывает, что вы теряете время из-за совершенно фиктивных соображений. Можете ли вы требовать от И[нтернационального] С[екретариата], чтобы он порвал с большинством секции, когда вы еще совсем не доказали делом, что можете действительно войти в НРП и развернуть там полезную работу? А если НРП вас почему-либо не примет? Тогда вам необходимо будет снова объединиться с большинством секции. Совершенно неправильно поэтому требовать разрыва с той группой, которая остается вне НРП.

Ваша критика проекта декларации, предложенного И[нтернациональным] С[екретариатом], не кажется мне правильной. Прежде всего, И[нтернациональный] С[екретариат] вовсе не хотел, разумеется, связывать вас в каждом слове. Вместо того, чтобы затевать переписку и терять время, вы должны были бы сами внести в декларацию те или другие изменения. Но и по существу ваша критика пунктов "б" и "ф" не кажется мне правильной. Вы

утверждаете, что у вас есть и другие разногласия с большинством, кроме отношения к НРП. Возможно. Но другие разногласия ни в каком случае не вызывали раскола. Только вопрос о НРП придавал разногласиям чрезвычайную остроту. Для самой НРП важнее всего именно это разногласие. Наконец, И[нтернациональный] С[екретариат], разумеется, не стал бы возражать, если бы вы прибавили: "а также разногласия по некоторым другим вопросам". Нецелесообразно заводить переписку из-за таких деталей.

Еще менее серьезны возражение по пункту "ф". Никакого обязательства за большинство вы на себя не берете. Утверждать заранее, что они неспособны учиться на опыте, неправильно. Если не все научатся, то, может быть, часть, и проч.

Раскол может быть оправдан только вашим реальным успехом внутри НРП, иначе раскол окажется крупнейшей ошибкой, ответственность за которую ляжет на вас. В этом вы себе должны отдать совершенно ясный отчет. Вы должны в данный момент забыть о существовании большинства секции, войти в НРП и развернуть энергичную работу. Тогда все затруднения разрешатся сами собой.

С горячим пожеланием успешной работы

[Л.Д.Троцкий]

23 января 1934 [г.]

Серьезный успех!

Превращение "Нашего слова" в еженедельник есть крупный успех не только революционного крыла немецкой эмиграции, не только строящейся новой партии немецкого пролетариата, но и Четвертого Интернационала. Сила "Нашего слова" в том, что оно одновременно служит национальной и интернациональной задаче.

Некоторые мудрецы, ничего не понявшие в характере нашего века и ничему не научившиеся из побед и поражений пролетариата, пробуют рассуждать так: сперва построим национальную партию, а потом на твердом надежном фундаменте воздвигнем Интернационал. Это звучит чрезвычайно осторожно, серьезно, солидно, но на самом деле свидетельствует о филистерской близорукости. Возрождающееся революционное рабочее движение не начинает историю сначала, у него грандиозное прошлое, в основных своих чертах одинаковое для всех стран. Пролетариат всего мира был в течение десятилетий объединен Вторым Интернационалом и профессиональными союзами. После войны мировой пролетарский авангард объединился под знаменем Третьего Интернационала. Не только мировой кризис, фашизм, опасность войны, но и упадок Коминтерна имеют международный характер. Ясно, что передовые пролетарские элементы во всех странах должны под действием одних и тех же общих причин искать выхода в одном и том же направлении. Могут ли они в таком случае отказываться от установления международных связей, от совместной разработки программных и стратегических вопросов, от обмена политическим опытом, наконец, от взаимной практической поддержки уже на первых шагах своей работы?

Некоторые мудрые тихоходы идут еще дальше и говорят: "Мы не хотим раскалывать свои ряды из-за вопросов о характере советского государства, о стратегии Коминтерна в китайской революции, о политике Англо-русского комитета и проч. и проч.; мы хотим "просто" помочь рабочим нашей страны вести классовую борьбу". Так рассуждают, например, инициаторы новой рабочей партии в Соед[иненных] Штатах (СПЛА416 - Мосте417 и К°). Подобных же взглядов придерживаются вожди шведской Независимой коммунистической партии (Кильбом и др.), британской Независимой партии (Феннер Броквей и др.) и пр. Еще ниже, пожалуй, стоят в этом вопросе авторы немецкой брошюры "Начать заново". Можно ли представить себе врача, который сказал бы, что ему нет дела до основных теорий анатомии, физиологии, патологии, что он не хочет спорить и ссориться из-за новейших теорий рака или малярии, предпочитая "просто" лечить окружающих его больных. Такому жалкому тупице ни один мыслящий рабочий не вручил бы жизнь своего ребенка или свою собственную. Ни один капиталист, с другой стороны, не поручит строить большой завод инженеру, который не впитал в плоть и кровь основные теории технологии. Только в области политики, даже "революционной" политики, невежественное знахарство продолжает претенциозно выступать против научного метода. Трудно подчас бывает поверить, что "Манифест коммунистической партии" написан 85

лет тому назад!

Спорные вопросы, раскалывающие сейчас мировое рабочее движение, имеют не эпизодический, не тактический, а принципиальный, стратегический и тем самым интернациональный характер. Как бы ни были велики национальные особенности той или иной страны, но они определяют в нашу эпоху лишь тактику, а не стратегию рабочего класса. Значение тактики, разумеется, огромное; в последнем счете, вся стратегия разлагается на тактику. Но нельзя сделать ни одного правильного тактического шага, не имея стратегического компаса в руках. Нельзя ориентироваться в национальной обстановке, не оценив теоретически мировую обстановку, не сделав выводов из интернационального опыта рабочего класса, не наметив интернациональной перспективы, т. е. программы нового Интернационала.

Когда глубокомысленные люди говорят: "не спешите, теперь еще не время для Четвертого Интернационала", они с таким же успехом могли бы сказать: "не спешите, теперь еще не время для классовой борьбы". Ибо дело идет не о формальном моменте "провозглашения" нового Интернационала, а о строительстве новой партии не как изолированного национального целого, а как составной части Интернационала.

Маленькое "Наше слово" есть сейчас единственный орган на всем поле немецкого рабочего движения, который правильно, серьезно, по-марксистски понял взаимозависимость тактики и стратегии национальной партии и нового Интернационала. Именно в этом лежит основной залог его успеха. В эпоху распада, брожения, растерянности политическая половинчатость может иногда одерживать крупные успехи, которые больше всего удивляют и ослепляют ее самое; но эти успехи не надежны, они исчезают вместе с политической конъюнктурой, которая их породила. Успехи "Нашего слова" другого порядка: это успехи метода, системы, марксистской ясности. Эти успехи крепки.

Друзья "Нашего слова" обязаны приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить еженедельный выход газеты, обогатить ее содержание, увеличить формат, расширить распространение, облегчить проникновение в Германию и подготовить, наряду с "Нашим словом", издание теоретического ежемесячника для разработки основных вопросов нашей эпохи, т. е. программы Четвертого Интернационала.

Горячий привет редакции, сотрудникам, администрации, читателям и друзьям "Нашего слова"!

Л.Троцкий

23 января 1934 г.

[Письмо В.Буриану] 418

26-го января 1934 г.

Дорогой тов. Буриан,

Посылаю вам рукопись двух статей, которые на-днях будут напечатаны в ближайшем номере русского "Бюллетеня". Обе эти статьи не годятся для буржасной печати. Но, может быть, они в том или другом виде пригодятся чешским товарищам. В качестве брошюры статья о XIII-ом пленуме⁴¹⁹, пожалуй, слишком коротка.

Не можете ли вы мне сказать, что случилось с товарищем Шкандера⁴²⁰ и его группой? Одно время Шкандера находился со мной в активной переписке, переводил и издавал статьи и проч., а затем совершенно исчез с горизонта. Не случилось ли с ним чего-нибудь плохого?

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Л.Клингу]

28 января 1934 г.

Дорогой тов. Клинг,

Я был очень рад узнать из Вашего письма, что вы за последний год стали активным работником американской Лиги и членом редакционной коллегии "Унзер Камф".

В Париже сейчас находится один из наиболее активных представителей нашей польской еврейской организации. Я с ним виделся один раз. Подробно говорил с ним о положении в Польше, а также о работе среди еврейских рабочих, и, в частности, передал ему вашу мысль об известной централизации пропаганды среди еврейских рабочих. Я говорю о пропаганде, так как активной политической деятельности в разных странах централизовать, разумеется, нельзя. Варшавский товарищ обещал подумать над этим вопросом и внести свои предложения в И[нтернациональный] С[екретариат]. О дальнейшем ходе этого дела вы будете, разумеется, извещены.

Что касается еврейского вопроса в целом, то он сейчас меньше, чем какой бы то ни было другой вопрос, может быть решен в порядке "реформ". Еврейский вопрос стал сейчас, как никогда, составной частью мировой пролетарской революции.

Что касается Биробиджана⁴²¹, то судьба его связана со всей дальнейшей судьбой Советского Союза. Дело здесь идет, во всяком случае, не о разрешении еврейского вопроса в целом, а лишь о попытке его разрешения для известной части евреев, живущих в СССР. Еврейский вопрос, вследствие всей исторической судьбы еврейства, интернационален. Он не может быть разрешен посредством "социализма в отдельной стране". Еврейские рабочие могут и должны в условиях нынешних гнуснейших и подлейших антисемитских преследований и погромов почерпать⁴²² революционную гордость в сознании того, что судьба еврейского народа может быть разрешена только полной и окончательной победой пролетариата.

С коммунистическим приветом

Ваш

Л.Троцкий

[Письмо Ф.Глассу]⁴²³

29 янв[аря] 1934 [г.]

Глассу

Дорогой товарищ,

Ваше письмо от 20 декабря и ваш доклад о положении в Китае представляют для нас огромный интерес. Я постараюсь использовать ваш доклад в том или другом виде для нашей интернациональной печати. Может быть, также для немецкого еженедельника "Ди Нейе Вельтбюне", редакция которого сочувствует нам.

О том, что тов. Гарольд Айзекс⁴²⁴, редактор "Чайна Форум"⁴²⁵, сочувствует левой оппозиции, я слышал уже раньше от приезжавших летом американцев, но только от вас я получил вполне определенные сведения.

Как ни трудно себе создать мнение по практическим вопросам издали, но я думаю все же, что вы правы, поскольку стремитесь как можно дольше продержаться в "Чайна Форум". До каких пределов можно, однако, идти в области компромиссов? Это очень деликатный вопрос. Если у вас есть серьезные надежды на создание собственной базы, то допустимо, мне кажется, идти и на очень значительные уступки сталинцам, чтобы не сдать им преждевременно важные позиции, но если на собственную базу надежд нет, а сталинцы нажимают и повышают требования, то было бы политически неразумно держаться за жизнь ценой утраты смысла жизни.

В таком случае можно было бы, может быть, "покинуть с честью", т. е. выпустить последний боевой номер в духе левой оппозиции. Таковы самые общие соображения, кот[орые] я могу высказать отсюда и которые, вероятно, окажутся запоздавшими, пока дойдут до вас.

Я с благодарностью принимаю ваше в высшей степени ценное для меня предложение держать меня в курсе дел. Я пишу сейчас книгу о Ленине, в которой будет отведено значительное место влиянию личности и идей Ленина на Востоке. Может быть, вы или ваши друзья могли бы сообщить мне на этот счет какие-нибудь архивные факты и вообще материалы.

Мы разрабатываем сейчас программу Четвертого Интернационала, первоначально в виде тезисов по отдельным важнейшим вопросам. Незачем говорить, что вопросы Дальнего Востока, включая и империалистические антагонизмы на Тихом океане, должны занять в нашей программе важнейшее

место. Ваш доклад о Китае я рассматриваю как первый вклад в эту работу. Крайне желательно, чтобы вы и тов. Айзекс дали в форме тезисов характеристику империалистических противоречий на Дальнем Востоке. Если вы посетите Японию и Манчжурию, как сообщает тов. Аберн426, то крайне важно иметь от вас фактические данные и принципиальную оценку положения в этих странах.

Без вашего согласия мы не назовем вашего имени ни в одном из наших изданий, дабы не помешать "Чайна Форум".

Горячий привет вам и пожелание всяких успехов.

[Л.Д.Троцкий]

Красная Армия

Так называемый "ход событий", т. е. безличный фактор, в нужных случаях помогающий ответственным политикам установить свое алиби, явно ведет человечество навстречу новой войне. Два ее возможных очага обозначились уже с грозной отчетливостью: Дальний Восток и Центральная Европа. В обоих вариантах, которые могут, впрочем, легко слиться воедино, Советский Союз будет неизбежно вовлечен в водоворот событий. Эта перспектива ставит перед каждым мыслящим человеком, независимо от его симпатий и антипатий, вопрос: что представляет собою Красная Армия? Между тем политические страсти и тенденциозная информация слишком часто превращают этот вопрос в неразрешимую загадку.

Автор настоящих строк имел ближайшее отношение к строительству и воспитанию Красной Армии в первые семь лет ее существования; он наблюдал живым глазом и по первоисточникам за ее развитием в следующие четыре года; за последний период, т. е. за пять лет эмиграции, он мог следить за ее эволюцией уже только в качестве внимательного читателя. Незачем напоминать, что факт вынужденной эмиграции связан с резко критическим отношением автора к политике нынешнего правящего слоя советской бюрократии. Отнюдь не уклоняясь от собственных выводов и оценок, автор хочет прежде всего дать читателю в немногих строках основные материальные и психические элементы проблемы и вооружить его некоторыми общими критериями, которые дали бы ему увидеть реальность Красной Армии под покровом "загадки".

Структура и численность

Не считая двух допризывных возрастов (19-20 лет), Красная Армия включает в себя 19 призывов, с 21 года до 40 лет: 5 лет действительной службы и 14 лет запаса первой и второй очереди. Это значит, что сегодня еще в состав военнообязанных входят 4 младших возраста империалистической войны, 3 младших возраста гражданской войны - на самом деле больше, ибо призывались нередко двадцати и даже девятнадцатилетние - и 12 возрастов, прошедших или проходящих военное обучение в условиях мирного времени.

Население СССР, вырастая почти на 3 миллиона душ в год, приближается сейчас к 170 миллионам. Один призывной возраст составляет уже около

1.300.000 человек. Самая строгая браковка, физическая и политическая, оставляет за бортом не более 400.000 душ. Постоянная армия с 2-летним сроком службы должна была бы, следовательно, значительно превышать 2 миллиона! Такой ноши не выдержит, однако, при нынешней военной технике никакое хозяйство. Мысль советского правительства с самого начала направлялась в сторону территориально-милиционной системы. Уже на 8-ом съезде большевистской партии весной 1919 г. в постановлении, принятом по военному докладу автора настоящей статьи, говорилось: "Самую лучшую армию мы получили бы, создавая ее на основе обязательного военного обучения рабочих и крестьян в условиях, близких к повседневному труду. Общее оздоровление промышленности, повышение коллективности и производительности сельскохозяйственного труда создавало бы самую здоровую основу для армии, полки и дивизии которой совпадали бы с заводами, уездами и пр. ... К такой именно армии мы идем, и раньше или позже мы к ней придем".

Но у милиции в ее чистом виде есть своя ахиллесова пята. Чтобы поднять территориальную армию на ноги, нужно определенное число недель и даже месяцев на мобилизацию. В течение этого критического периода границы страны

нуждаются в прикрытии. Сочетание территориально-милиционной системы с постоянной армией продиктовано, таким образом, положением страны, имеющей необъятные открытые границы на расстоянии 10.000 километров одна от другой. Пропорции, в каких осуществляется ныне взаимодополнение двух систем, дались не сразу, и продолжают изменяться под влиянием роста техники и опыта.

Царская постоянная армия, заключавшая 1.300.000 неграмотных в большинстве и плохо вооруженных солдат, во время войны совершенно растворилась в 18 миллионах мобилизованных. Цепь поражений, затем две революции 1917 г. смели эту армию с лица земли. Советам пришлось строить заново. Начав со 100 тысяч, Красная Армия выросла в ходе гражданской войны до 5 миллионов. Именно на этой полевой армии путем последовательных сокращений формировалась постоянная, или "кадровая" Красная Армия. Она насчитывает сейчас всего 562.000, а с войсками ГПУ 620.000 солдат при 40.000 офицеров. Сокращения производились с таким расчетом, чтобы армия, сохраняя все свое значение в качестве боевого прикрытия, была способна к максимальному дальнейшему развертыванию. Так, пехотная дивизия насчитывает в мирное время всего 6-7 тысяч солдат, т. е. около трети состава военного времени. Но именно поэтому Красная Армия может ежегодно принимать в свои ряды не более 260.000 новых солдат, которые, в зависимости от рода войск, обязаны прослужить от 2 лет в пехоте до 4 лет во флоте. Остальные новобранцы, свыше 600 тысяч, должны были бы вливаться полностью в территориальные войска, где срок обучения длится 8-11 месяцев. Но и для чисто милиционных частей нужны постоянные кадры: около 1.500 человек на стрелковую дивизию, т. е. меньше 10% состава военного времени. Чтобы охватить весь наличный человеческий материал, одни лишь кадры территориальных дивизий должны были бы превысить нынешнюю численность армии (620.000), причем страна опять-таки оказалась бы без боевого прикрытия. По этой причине кадры территориальных частей рассчитаны на то, чтобы ежегодно принять в себя немногим более 200.000 душ. Избыток, 300-400 тысяч молодых людей каждый год, должен обучаться военному делу под руководством тех же кадров, но вне штатных воинских частей, в импровизированных учебных батальонах и полках. Эта последняя категория военнообязанных до сих пор далеко не целиком подверглась положенной шестимесячной военной обработке и лишь за самое последнее время охватывается с большей полнотой. Юноши 19 и 20 лет проходят, опять-таки вне армии, так называемую допризывную подготовку в общем в течение двух месяцев. Остается упомянуть повторительные сборы, военно-химическое обучение гражданского населения, в том числе и женщин, и быстро развивающийся военный спорт. Исключительное место в этой области занимает общественная организация "Друзей обороны" (Осоавиахим) 427, насчитывающая 12 миллионов человек. Допризывная подготовка, учебные сборы, вневойсковое обучение, территориальные части, казарменная армия - таковы основные элементы сложной, в известном смысле "эклектической" системы. В осенние месяцы, когда созывается переменный состав территориальных дивизий и производится повторительный сбор, под знаменами оказывается до полутора миллиона человек.

Давать детальную характеристику Красной Армии по родам войск значило бы загромождать работу теми приблизительными цифрами, которые можно без труда найти в общедоступных справочниках. Общая структура войсковых частей определяется более непосредственно военной техникой, чем социальным режимом. Советская дивизия приближается к тому среднему типу, который сложился после войны в передовых армиях всего мира. Нелишне, пожалуй, отметить, что общая численность Красной Армии мирного времени до известной степени эластична. Военный комиссариат имеет право задерживать в случае надобности солдат дополнительно на 4 месяца. "Эклектический" характер системы вообще открывает возможность уплотнять наиболее угрожаемые участки, не выходя из рамок мирного времени. Так, не было бы ничего неожиданного, если бы оказалось, что, укрепляя бетоном Амурскую границу и подступы к Уссурийской железной дороге, военное ведомство создавало для защиты укрепленных позиций специальные новые боевые единицы.

О возможных размерах армии военного времени можно дать лишь самые общие ориентировочные данные. Недавние расчеты советского штаба исходили из безоружной и более или менее "дружественной" Германии. Появление французских или английских войск на русском военном театре было и остается, уже по географическим причинам, маловероятным. Удар с Запада мог, следовательно,

быть нанесен лишь через посредство непосредственных соседей СССР: Румынии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии при материальной поддержке более могущественных противников. В первый период войны пограничные страны могли бы выставить в совокупности около 120 пехотных дивизий. Исходя из общей гипотетической численности вражеских армий в 3.500.000 человек, мобилизационный план Красной Армии должен был обеспечить на западной границе армию первой очереди примерно в 4 миллиона душ. На каждую тысячу воюющих необходимо в течение года войны посылать 750 на заполнение брешей. Два года войны должны были бы извлечь из страны, если не принимать во внимание возвращающихся из лазаретов в строй, около 10 миллионов человек.

Расчеты эти, крайне условные и раньше, сейчас в значительной мере повисают в воздухе: Германия лихорадочно вооружается и притом в первую очередь – против СССР; наоборот, промежуточные государства второй и третьей величины, сохраняя в общем свои колеблющиеся позиции, стремятся перестраховаться путем сближения с восточным соседом. Но так как в основу новых расчетов может пока что быть положен лишь большой вопросительный знак, то старые данные сохраняют интерес и сейчас. Что касается Дальневосточного фронта, то там, по всем условиям военного театра, дело может идти, по крайней мере в ближайшие 2–3 года, о сотнях тысяч, а не о миллионах бойцов.

Комбинированный характер военной системы имеет своим последствием качественную разнородность составных элементов Красной Армии и ее многомиллионного запаса. Однако сам по себе этот факт не заключает в себе какой-либо особой опасности: действующая армия представляет собою конвейер, который постепенно втягивает полуобработанный материал и доделывает его на ходу. Одно несомненно во всяком случае: мобилизационная способность СССР ограничивается не людскими, а техническими ресурсами.

Военная техника

С 1928 по 1933 г. официальный военно-морской бюджет поднялся с 744 миллионов до 1450, т. е. ровно вдвое. Расходы, ложащиеся на местные советские органы и на общественные организации (Осоавиахим и пр.), сюда не включены. Что касается капитальных вложений в военную промышленность, то они проходят по сметам ВСНХ, а не военного ведомства.

Индексы советской промышленности стали сейчас общим достоянием цивилизованного мира. Правда, поражающие воображение цифры роста наталкивались не раз на то возражение, что диспропорции между разными отраслями хозяйства чрезвычайно поражают коэффициент полезного действия новых промышленных гигантов. Автор тем менее склонен недооценивать такую критику, что сам он неоднократно выдвигал ее против излишне оптимистических официальных отчетов. Но применительно к интересующему нас вопросу этот аргумент требует серьезных ограничений. Во-первых, глубокое нарушение всех пропорций, внутренних и интернациональных, есть сейчас закон всей мировой экономики. Во-вторых, именно под углом зрения военных надобностей общий вопрос о равновесии мирного хозяйства теряет добрую долю своей остроты. Мобилизация, вторгающаяся в хозяйство сверху и насильственно подчиняющая его себе, есть сама по себе организованное нарушение всех пропорций мирного времени. Для целей войны государственная централизация представит, во всяком случае, громадные преимущества, которые должны далеко перевесить конъюнктурные и даже органические диспропорции хозяйства. Сосредоточивая в своих руках экономические и военные планы, советская власть имеет к тому же полную возможность своевременно заложить предпосылки будущей милитаризации в само оборудование важнейших предприятий.

Некоторую опору для оценки военно-промышленных усилий советской власти за последние годы можно почерпнуть в заявлении Сталина о том, что первый пятилетний план был выполнен не на 100%, а на 94%, главным образом вследствие вынужденного перевода значительного числа заводов с мирного производства на военное. Официальный баланс пятилетки ("94% плана") может быть оспорен и был оспорен автором этих строк. Но нас интересует здесь другая сторона дела. Сталин считает возможным гласно оценивать в 6% валовой продукции тот ущерб, который получился в результате приспособления мирных заводов к военным нуждам. Мы получаем косвенную, но яркую характеристику дополнительных жертв на оборону: 6% составляют примерно 6 миллиардов, что в 4 раза превосходит самостоятельный годовой бюджет Красной Армии!

В отношении артиллерийского переоборудования решающие успехи были

достигнуты уже до 1932 года. Главные усилия последних 2 лет направлялись на производство грузовых и броневых автомобилей, танков и самолетов. В отношении строительства танков точкой отправления могут служить данные о производстве тракторов, которые к тому же и сами по себе достаточно важны для армии. Тракторостроение, исходившее почти от нуля, сделало в течение первой пятилетки гигантский скачок вперед. К началу этого года в стране имелось уже свыше 200 тысяч тракторов; годовая производительность заводов превышает сейчас 40.000. Строительство танков идет параллельно, достигая, как показывают одни официальные смотры и маневры, очень внушительных размеров. Мобилизационные расчеты Красной Армии исходят из необходимости 30-45 танков на километр активного фронта. По словам народного комиссара по военным и морским делам Ворошилова, "вполне современные танки имеются в достаточном количестве". Мы не видим оснований сомневаться в правильности этого заявления.

Тот же Ворошилов в докладе на недавнем съезде партии⁴²⁸ счел возможным огласить одну черту, ярко характеризующую рост советской военной техники: в 1929 году на каждого солдата приходилось в среднем 2,6 механических лошадиных сил, в 1933 году - 7,74, т. е. в три раза больше. На возможное возражение, что речь здесь идет о кадровой армии мирного времени, последует ответ, что речь здесь идет также и о промышленности мирного времени. Мобилизация людей будет происходить параллельно и в соответствии с мобилизацией машин. Соотношение между живой и механической силой Красной Армии, по крайней мере в количественном отношении, можно считать стоящим на уровне передовых армий Запада.

В результате большой войны морской флот оказался, как известно, сведен к более чем скромным размерам: от 548.000 тоннажа в 1917 г. осталось в 1923 г. всего 82.000. И сейчас еще флот, успевший, правда, подняться до 140.000 тонн, может претендовать лишь на вспомогательную роль в области сохранения морских границ. Военная промышленность делает, однако, значительные усилия к укреплению материальной части флота, в частности, подводными лодками.

Несравненно более выдающееся место занимает авиация. В течение гражданской войны на службе Красной Армии имелось до 300 самолетов, в большинстве устаревших и потрепанных. Строительство авиации приходилось начинать почти на пустом месте при содействии преимущественно немецкой техники и немецких инженеров. Сеть гражданской авиации, в которую за период первой пятилетки было вложено до 300 миллионов рублей, развернулась до

50.000 километров, на протяжении которых было переброшено в 1932 г. 40.000 пассажиров и свыше 2.000 тонн грузов. Сами по себе эти цифры, конечно, невысоки, но важен коэффициент роста. Вторая пятилетка рассчитана на тысячи самолетов и миллионы пассажиров. В 1932 г. было произведено около 2.300 самолетов и 4.000 моторов, как для военной, так и для гражданской авиации. В 1933 году число это было, несомненно, значительно превзойдено. Делегация французских техников, сопровождавшая в СССР осенью прошлого года министра авиации Кота⁴²⁹, была, по словам официоза "Le Temps", весьма скупого на похвалы по адресу СССР, "изумлена и восхищена" достигнутыми успехами. Французские специалисты имели, в частности, возможность убедиться, что Красная Армия производит тяжелые бомбовозы, способные действовать без посадки по радиусу в 1.200 километров: в случае войны на Дальнем Востоке все политические и военные центры Японии оказываются под ударом из Приморья. В начале марта лондонская "Daily Mail"⁴³⁰ сообщала, что в СССР выпускается по одному тяжелому бомбардировщику в день и что принятыми мерами обеспечено строительство в год до десяти тысяч аэропланов. Нет надобности разъяснять, что демонстративный характер сообщения продиктован соображениями внутренней британской политики. Но в цифрах "Daily Mail" мы не видим ничего фантастического. Более отсталым участком остается морская авиация, где все еще господствуют иностранные образцы. Но и здесь за последний период отмечаются большие достижения.

В своем отчете Комиссии разоружения Лиги Наций правительство СССР показало на 1 января 1932 года 750 самолетов в армии. Если принять эту цифру как минимальную, - а она во всяком случае не преувеличена, - и если исходить из того, что коэффициент роста авиации значительно превосходил за последние три года средний коэффициент, указанный Ворошиловым для военной техники в целом (200%), - а в этом вряд ли может быть сомнение, - то нетрудно прийти к выводу, что в армии и флоте состоит ныне свыше 2500 действующих самолетов.

Ту же примерно цифру мы получим и другим путем. По проникшим уже в печать данным, пятилетний план Красной Армии предусматривает на 1935 год 63 авиационных полка, способных одновременно выдвинуть на линию огня 5.000 самолетов. Так как этот план выполняется с особенной настойчивостью, в частности и при помощи покупок за границей, то нетрудно нанести на бумагу кривую роста, которая покажет для 1934 г. примерно 2500-3000 самолетов. Во всяком случае, потенциальная производительная мощность авиационной промышленности на стороне Советов неизмеримо выше, чем на стороне Японии.

Авиация неразрывно связана с химией, следовательно, с той отраслью промышленности, которая в царской России почти отсутствовала. В течение первой пятилетки в химическую промышленность вложено было полтора миллиарда рублей. Общий размер валовой химической продукции составил в прошлом году 1 3/4 миллиарда. Производство серной кислоты выросло по сравнению с временами царизма в 5 раз, производство суперфосфатов - в 25 раз.

Не секрет, что советское правительство, как, впрочем, и все правительства мира, не верило ни на минуту повторным "запрещениям" химической войны⁴³¹. Уже с 1921 года первые советские лаборатории удушливых и иных веществ работали систематически на основе все более обширной международной информации и с привлечением квалифицированных специалистов. Работа эта не приостанавливалась ни на один день. В этой наиболее таинственной и злобещей из областей предсказывать труднее всего. Не греша против осторожности, можно все же, думается, сказать одно: против каких-либо катастрофических сюрпризов со стороны военной химии (прибавим к ней и военную бактериологию) Красная Армия вооружена если не лучше, то и не хуже передовых армий Запада.

Данные о выдающихся количественных достижениях в области производства пушек, пулеметов, автомобилей, танков, самолетов требуют, однако, ответа на дополнительный вопрос: как обстоит дело с качеством военной продукции? Общеизвестно, что рекордные промышленные цифры достигались нередко путем резкого ухудшения советских изделий. Тухачевский⁴³², один из тех командиров Красной Армии, которые с наибольшим вниманием относятся к сложным требованиям научной техники, выступил на последнем съезде партии с осторожной по тону, но очень решительной по существу критикой дефектов серийного производства. Утверждение "Daily Mail", будто боевые советские аэропланы превосходят английские, находится в прямом противоречии с недавними заявлениями не только Тухачевского, но и Ворошилова. Можно считать бесспорным, что советский авиационный мотор отстает еще от лучших западных типов.

Чтобы в вопросе о качестве советской техники устранить преувеличения, со знаком минус, как и со знаком плюс, необходимо не упускать из виду некоторые соображения общего характера. В течение первой пятилетки, в значительной степени и сейчас, главное внимание правящих сфер было и остается сосредоточено на тех отраслях промышленности, которые вырабатывают средства производства. Здесь не только количественные, но и качественные достижения значительно выше, чем в области производства предметов потребления. Как это ни невероятно, но турбина или трансформатор делаются в СССР лучше, чем сапог или деревянный стол. Ткацкий станок по общему правилу лучше того ситца, который на нем выделяется. В капиталистическом режиме качество обиходных изделий обеспечивается давлением потребителей на предпринимателей через рынок. При плановом хозяйстве конкуренция может быть заменена только организованным контролем потребителей. Фактическая диктатура советской бюрократии, в том числе и трестовской, чрезвычайно ослабляет функцию массового контроля. Крайне низкое качество предметов обихода показывает, как далек еще советский режим от осуществления тех социальных задач, которые он себе ставит. Раньше или позже борьба населения за доброкачественные товары направится против господства бесконтрольной администрации. Но там, где заказчиками, если не потребителями, являются влиятельные группировки самой правящей бюрократии, где трест работает не на распыленного потребителя, а на другие тресты, где приемка заказа обставлена, следовательно, известными гарантиями, качество продукции и сейчас уже является удовлетворительным. Самый влиятельный заказчик - несомненно, военное ведомство. Немудрено, если машины истребления выше по качеству не только чем предметы потребления, но и чем средства производства.

* * *

Может показаться поразительным, но на самом деле это так: слабым пунктом в снабжении Красной Армии являются в настоящее время не пушки и снаряды, не танки, не самолеты, не газы, а лошади. Параллельно с бурной индустриализацией и лихорадочным строительством тракторов число лошадей в стране упало с 33,5 миллионов в 1928 году до 16,6 миллионов в настоящий момент – ровно в два раза. Вина за этот удар по народному хозяйству ложится целиком на непродуманную и неподготовленную политику в области коллективизации крестьянских хозяйств. 200 с лишним тысяч тракторов с общей мощностью в 3,1 миллиона лошадиных сил, еще далеко не покрыли убыль 17 миллионов лошадей. Между тем, несмотря на моторизацию транспортных и боевых средств, потребность современной армии в лошадях почти не изменилась: как и во времена Наполеона⁴³³, на трех солдат нужна одна лошадь. Научившись производить у себя дома авиамоторы и магнето, советское правительство оказалось вынуждено за последние годы прикупать для армии лошадей за границей.

Но как ни тяжело для хозяйства падение коневодства, было бы неправильно переоценивать значение этого обстоятельства для хода возможной войны, особенно на Востоке. Полевая армия в миллион солдат потребовала бы трехсот тысяч лошадей. Это количество, как и дальнейшее пополнение убыли конского состава, во всяком случае, обеспечены. Нужно прибавить, что правительство, хоть и со значительным запозданием, приняло ряд мер к восстановлению конского хозяйства.

Вопрос о лошади не стоит, однако, особняком. За тот же период и по той же причине страна потерпела не менее тяжкий уклон в крупном и мелком скоте и прошла через чрезвычайные продовольственные затруднения. В мировой печати не раз делались отсюда поспешные выводы о полной невозможности для Советов вести даже и оборонительную войну. Нельзя оспаривать того, что чрезвычайная уступчивость, проявленная советской дипломатией по отношению к Японии до осени прошлого года, продиктована была в числе других причин продовольственными затруднениями. Последний год показал, однако, что острота этого кризиса определялась преходящими обстоятельствами. Один хороший урожай сразу повысил продовольственный уровень страны. Но даже и при неудовлетворительном урожае правительство страны со 170-миллионным населением и фактической монополией хлебной торговли всегда будет иметь возможность произвести мобилизацию необходимых для фронта продовольственных ресурсов, – разумеется, в ущерб остальному населению; но гражданское население всех стран в случае новой большой войны, не может вообще надеяться ни на что, кроме как на голод и отравленные газы. В нынешнем году, благодаря обильному урожаю, военно-продовольственные базы на Дальнем Востоке во всяком случае значительно пополнены. Нет никаких оснований думать, что в отношении какого-либо из видов снабжения Красная Армия могла бы оказаться застигнутой врасплох.

Красная Армия как продукт революции

Начиная с 1918 года, Красная Армия вобрала в себя 50.000 царских офицеров, составлявших 40% командного состава, и около 200.000 унтер-офицеров, игравших в гражданской войне огромную роль. После победоносного завершения гражданской войны уволено было в запас около 80.000 командиров. Бывшие царские офицеры не составляют ныне в Красной Армии и 10%. Их вытеснили красные командиры, прошедшие через революцию и советские военные школы. Тысячи новых офицеров формируются ежегодно в нескольких десятках средних военных школ и академий.

Партия, комсомол, профессиональные союзы, администрация национализированной промышленности, кооперации, колхозов, совхозов воспитывают неисчислимые кадры молодых администраторов, привыкающих оперировать людскими и товарными массами и отождествлять себя с государством: они являются неоценимым резервуаром командного состава. Высшая допризывная подготовка учащейся молодежи создает другой самостоятельный резервуар. Студенчество группируется в особые учебные батальоны, иногда полки, не входящие в штаты армии. В случае мобилизации эти учебные части могут с успехом развернуться в ускоренные школы командного состава. Окончивший высшее учебное заведение должен прослужить в кадровых войсках 9

месяцев (в морском и воздушном флотах - 1 год), после чего подвергается испытанию на звание командира запаса. Лица со средним образованием допускаются к аналогичным экзаменам после 12 месяцев службы (во флоте - через 2 года). Чтобы оценить размеры этого резервуара, надо пояснить, что число студентов обоюбого пола доходит сейчас до полумиллиона при ежегодном выпуске около 40.000, а число учащихся средних учебных заведений достигает 7 миллионов.

Младших командиров ("унтерофицеров") приходится готовить в числе 100.000, из красноармейской массы в течение действительной службы при помощи особого 9-месячного курса в полковых школах. Воспитание унтерофицеров в территориальных частях представляет известные затруднения. Но помимо сохранения в кадровой армии добровольцев-сверхсрочных, в распоряжении военного комиссариата, опирающегося на ряд вспомогательных организаций, есть достаточно средств для широкого и интенсивного воспитания унтерофицерских кадров, в том числе и из учащейся молодежи.

В литературе русского эмигрантского офицерства, а отчасти и в военной иностранной литературе принято не без пренебрежения говорить о стратегии гражданской войны. У автора, которому в течение трех лет приходилось изо дня в день вести борьбу против недисциплинированности, дилетантизма и всех видов анархии, сопровождавших гражданскую войну, нет никаких побуждений идеализировать организационный или оперативный уровень Красной Армии в те суровые годы. Нельзя, однако, не видеть, что они были для армии годами великого исторического крещения. Отдельные рядовые солдаты, унтерофицеры, прапорщики и поручики сразу поднимались над массой, обнаруживая таланты организаторов или военачальников, и закаляли свою волю в борьбе большого размаха. Этим самоучкам приходилось наступать и отступать, бить и быть битыми, и в конце концов удалось победить. Лучшие из них затем много и прилежно учились. Среди высших начальников, прошедших сплошь через гражданскую войну, 80% окончили академии или специальные курсы усовершенствования. Среди старшего командного состава около 50% получили высшее военное образование, остальные - среднее. Военная теория дала им дисциплину мысли, но не убила дерзания, закаленного бурными маневрами гражданской войны. Этому поколению сейчас от 35 до 45 лет, - возраст равновесия физических и душевных сил, когда смелая инициатива опирается на опыт, но еще не подавляется им.

Красный командир может получить батальон после 8 лет службы, полк - на 13 году, дивизию - после 17 лет. Для военных академиков сроки еще более сокращены. Французскую делегацию поражала молодость командного состава советской авиации: среди генералов воздуха немало лиц, едва переваливших за 30 лет. Служебные продвижения производятся лишь за отличия по службе: повышение в порядке очереди совершенно устранено. Эта система обеспечивает не только самый молодой командный состав в мире, но и отбор наиболее активных и способных среди молодежи.

Половина красноармейцев и 70% командиров состоят в партии или комсомоле. Высший командный состав почти сплошь партийный. В случае мобилизации процент коммунистов, правда, сильно понизится, но все же не настолько, чтобы расшатать политический костяк армии. В какой мере правящая ныне партия может быть названа большевистской или коммунистической - вопрос особый. Но эта партия, как она есть, придает несомненное политическое единство армии.

Пока царские офицеры занимали в командном слое главное место, они дублировались политическими комиссарами с неограниченными полномочиями. Вытекавшую отсюда систему двоевластия приходилось терпеть как меньшее зло, ибо прежде всего необходимо было завоевать доверие революционной армии к командному составу и спаять ее единством новой доктрины. Кромвель⁴³⁴ отвечал в свое время педантам, пренебрежительно отзывавшимся о военной подготовке большинства его офицеров: "Зато они хорошие проповедники!" И при помощи командиров из ремесленников и торговцев Кромвель разбил блестящее королевское офицерство. Красная Армия при системе двоевластия справилась с врагами не хуже Кромвеля. Сейчас, благодаря тому, что командиры стали коммунистами, а коммунисты - командирами, проведен столь необходимый в армии принцип единоначалия. Офицер и "проповедник" сливаются в одном лице.

Характер красного командного состава, как и армии в целом, нельзя понять вне тех больших исторических событий, которые преобразовали психику

всего народа, вернее целой семьи народов. Старого русского солдата, воспитанного в патриархальных условиях деревенского "мира", отличала больше всего слепая стадность. То, что полухвалебно, полупрезрительно называлось на Западе "славянской душой", было отражением бесформенного и варварского русского средневековья. "Христолюбивая" армия, которая создала некогда вокруг царизма ореол могущества, была до костей пропитана традициями рабства. В давно прошедшие времена, в обстановке полуфеодальной Европы, эта армия могла иметь свои преимущества как наиболее законченный образец господствовавшего везде типа. Суворов⁴³⁵, генералиссимус Екатерины II⁴³⁶ и Павла⁴³⁷, был неоспоримым мастером армии крепостных рабов. Великая французская революция навсегда ликвидировала военное искусство старой Европы и царской России. С того времени царизм записал еще, правда, в свою историю гигантские территориальные хищения, но побед над армиями цивилизованных наций он уже больше не знал. Нужна была цепь великих поражений и потрясений, чтобы переплавить в их огне национальный характер. Только на этой новой социальной и психологической основе могла сложиться Красная Армия. Ее боец отличается от царского солдата несравненно резче, чем наполеоновский гвардеец – от солдата Бурбонов. Культ пассивности и примиренной капитуляции перед препятствиями сменился культом политического и социального дерзания и технического американизма. От "славянской души" осталось лишь литературное воспоминание.

Пробужденная народная энергия сказывается в большом и малом, прежде всего в росте культурности. Незначительный процент неграмотных новобранцев систематически убывает; из своих рядов Красная Армия не выпускает ни одного неграмотного. В армии и вне ее наблюдается бурное развитие всех видов спорта. В одной Москве в этом году 50.000 рабочих, служащих и учащихся получили значок отличия за хорошую стрельбу. Армия все более становится на лыжи, что по условиям климата имеет неограниченное военное значение. В области парашютизма, безмоторного планирования, авиации молодежь достигает больших успехов. Советские рекордные полеты в стратосферу в памяти у всех. Эти вершины характеризуют всю горную цепь достижений.

Чтобы оценить всю силу Красной Армии, нет надобности ни в малейшей идеализации того, что есть. Говорить о благоденствии народов Советского Союза по меньшей мере рано. Еще слишком много нужды, горя, несправедливости, а, следовательно, и недовольства. Но мысль о том, будто советские народные массы склонны ждать помощи от армий Микадо или Гитлера, не может быть оценена иначе, как бред. Несмотря на все трудности переходного режима, политическая и нравственная спайка народов СССР достаточно крепка, во всяком случае крепче, чем у вероятных врагов. Сказанное вовсе не означает, что война, хотя бы и победоносная, была бы в интересах Советского Союза. Наоборот, она далеко отбросила бы его назад. Но сохранение мира зависит по крайней мере от двух сторон. Надо брать факты как они есть: война не только не исключена, она почти неизбежна. Кто умеет и хочет читать в книге истории, тот поймет заранее, что если русскую революцию, делящуюся с приливами и отливами уже почти тридцать лет (с 1905 г.!), заставят направить свой поток в русло войны, она развернет грозную и сокрушительную силу.

Дальний Восток

Военные силы, сосредоточенные на Дальнем Востоке в месяцы крайнего обострения японо-советских отношений, поражают на первый взгляд своей незначительностью. Японский военный министр Хаяси⁴³⁸ говорил 3 февраля, что его правительство содержит в Маньчжурии лишь 50.000 солдат, тогда как Советы сосредоточили на своей ближайшей границе 100.000 человек и 300 аэропланов. Опровергая Хаяси, Блюхер, командующий Особой Дальневосточной армией⁴⁵⁹, утверждал, что японцы сосредоточили в Маньчжурии на самом деле 130.000, больше трети своей активной армии, плюс 115.000 солдат Манчжоу-Го, итого 245.000 при 500 самолетах. В то же время Блюхер заверял, что советские вооруженные силы не уступают японским. По масштабам великой войны дело идет почти что о партизанских отрядах.

Свойства дальневосточного театра (необъятные и крайне пересеченные пространства, редкость населения, плохие пути сообщения, отдаленность от основных баз) исключают сосредоточение миллионных масс, сплошной и глубокий фронт, позиционную войну. В русско-японской войне 1904–[19]05 гг. 440 участвовало с русской стороны 320.000 солдат, а к концу, т. е. к полному

разгрому царской армии, - 500.000. Японцы едва достигли этого числа. Царской армии не хватало не транспорта, не численности, а умения. Военная техника с того времени неузнаваемо изменилась. Но основные свойства военного театра на Востоке остались те же. Маньчжурия является для Японии промежуточной базой, которая отделена от основных баз морем. Японский флот господствует на море, но не под водой и не в воздухе. Морской транспорт связан с опасностями. Китайское население Маньчжурии враждебно японцам. Миллионных масс Япония не сможет сосредоточить на дальневосточном театре, как и Советы. Новейшая техника будет по необходимости сочетаться с тактическими методами прошлого. Для Забайкалья и Приморья стратегия Наполеона, пожалуй, даже Аннибала⁴⁴¹, сохраняет добрую долю своей силы. Рейды крупных кавалерийских соединений будут вносить решительные изменения в военную карту. Японские железные дороги в Маньчжурии будут подвергаться бóльшим опасностям, чем советская линия, идущая вдоль Амура. При действии разрозненных отрядов, при конных рейдах в тылу противника громадная работа выпадет на долю новой техники в лице авиации как средства разведки, связи, транспорта и бомбардировки. Поскольку вообще война в Приморье и Приамурье будет носить подвижной и маневренный характер, исход ее будет в решающей степени зависеть от способности отдельных отрядов к самостоятельным действиям, от инициативы низших начальников, от находчивости каждого отдельного солдата, предоставленного самому себе. Во всех этих отношениях Красная Армия должна, на наш взгляд, превосходить японскую по крайней мере настолько же, насколько в 1904-[19]05 годах японская превосходила царскую.

Как показали события истекшего года, Токио не решается сейчас начать. Между тем каждый новый год будет менять соотношение сил к невыгоде Японии. Уже развитие Кузнецкой военно-промышленной базы⁴⁴² освобождает дальневосточный фронт от необходимости опираться на европейский тыл. Радикальная реконструкция пропускной способности дороги Москва-Хабаровск путем проведения второй колеи поставлена советским правительством в качестве первостепенной задачи на 1934 год. Наряду с этим приступили к строительству железнодорожной линии от Байкальского озера к низовьям Амура⁴⁴³, на протяжении 1,400 километров. Новая магистраль должна пройти через богатейший район углей Буреи и руды Хингана⁴⁴⁴. Программа нового промышленного строительства должна превратить область Буреи, отстоящую всего на 500 километров от Хабаровска, т. е. в десять раз ближе Кузнецкого района, в самостоятельную промышленную военно-техническую базу Дальнего Востока. Гигантские работы транспортного и промышленного характера в сочетании со значительными экономическими льготами, предоставленными населению Дальнего Востока, должны привести к быстрому заселению этого края, что окончательно вырвет почву из-под сибирских планов японского империализма.

И тем не менее внутреннее положение Японии делает войну почти неизбежной, как она, несмотря на все предостерегающие голоса, оказалась неотвратимой для царизма тридцать лет тому назад. Не будет парадоксом сказать, что, возникнув, война на Дальнем Востоке окажется либо очень короткой, почти молниеносной, либо весьма затяжной. Цель Японии - захват Дальнего Востока и по возможности значительной части Забайкалья - сама по себе требует очень больших сроков. Война могла бы кончиться скоро только при том условии, если бы Советскому Союзу удалось решительно и надолго сокрушить японское наступление в самом начале. Для разрешения этой оборонительной задачи авиация дает Советам оружие неocenимой силы.

Нет надобности быть адептом "интегральной" авиационной войны, т. е. верить в перенесение решающих боевых операций в воздух, чтобы признавать, что при известных условиях авиация несомненно способна разрешить проблему войны, радикально парализовав наступательные операции противника. Именно такова обстановка на Дальнем Востоке. Когда Хаяси жаловался на сосредоточение советской авиации в Приморье, он этим выдал вполне объяснимую тревогу правящих кругов Японии, политические центры которой, военно-промышленные конгломераты, важнейшие военные базы открыты ударам красных воздушных флотилий. Имея Приморье как базу, можно при помощи авиации дальнего действия внести величайшие разрушения в жизненные центры островной империи. Даже если сделать маловероятное допущение, что Япония выдвинет воздушный флот равной или превосходящей силы, опасность для островов окажется только ослабленной, но не устраненной. Нельзя создать непроходимый воздушный барьер, прорывы будут слишком часты, а каждый прорыв чреват

большими последствиями.

Решающее значение в этой дуэли будет иметь не материально-технический перевес, который несомненно существует на стороне советской авиации и который в ближайшее время может только возрастать, а относительное географическое расположение сторон. В то время, как почти все японские центры открыты нападению с воздуха, японская авиация не может ответить сколько-нибудь равносильными ударами: не только до Москвы, но и до Кузнецкого бассейна (6-7.000 километров!) нельзя долететь без посадки. Между тем ни в Приморской области, ни в Восточной Сибири нет таких жизненных центров, разгром которых мог бы оказать решающее или хотя бы существенное влияние на ход войны. Преимущества положения, помноженные на более могущественную технику, дадут Красной Армии перевес, который трудно выразить в каком-либо точном коэффициенте, но который может приобрести решающее значение.

Если бы, однако, советская авиация оказалась неподготовленной для разрешения грандиозной задачи третьего измерения, центр тяжести операций был бы перенесен на плоскость, причем вступили бы в силу законы дальневосточного театра; главный из этих законов именуется: медленность. Для внезапного захвата Приморья срок явно упущен. Сейчас Владивосток представляет собою серьезно укрепленную позицию, которая может стать Верденем тихоокеанского побережья. Пытаться взять крепость можно только с суши, для чего понадобилась бы, пожалуй, дюжина дивизий, в 2 1/2 - 3 раза больше, чем для обороны. Даже в случае окончательной удачи эта операция может отнять месяцы и тем предоставить неопределимый дополнительный срок в распоряжение Красной Армии. Продвижение японцев на Запад требовало бы огромных подготовительных работ: сооружения промежуточных баз, прокладки железных дорог и подъездных путей. Сами успехи Японии на этом пути создавали бы возрастающие затруднения, ибо Красная Армия отступала бы на свои базы, а японцы растекались бы в негостеприимном пространстве, имея за своей спиной поработанную Маньчжурию, задавленную Корею и враждебный Китай. Затяжная война открывала бы возможность формирования в глубоком тылу у японцев Китайской армии при содействии советской техники и советских инструкторов.

Но здесь мы входим уже в область мировых отношений в подлинном смысле слова, со всеми таящимися в них возможностями, опасностями и неизвестными величинами. Многие из приведенных выше соображений и расчетов оказались бы, конечно, опровергнуты, если бы война продлилась ряд лет и вынудила советские поставки под ружье 20 миллионов душ. Слабейшим звеном после транспорта или наряду с транспортом, оказалось бы в этом случае, вероятно, советское сельское хозяйство, основные проблемы которого еще далеки от разрешения. Однако как раз в перспективе большой войны совершенно недопустимо брать вопрос об СССР изолированно, т. е. вне прямой связи со всей мировой обстановкой. Каковы будут группировки стран на Востоке и на Западе? Окажется ли осуществимой военная коалиция Японии и Германии? Найдет ли СССР союзников, и кого именно? Что станется со свободой морских путей? Каково будет продовольственное и вообще экономическое положение Японии? Очутится ли Германия в новом кольце блокады? Какою окажется относительная устойчивость режимов воюющих стран? Число этих вопросов можно было бы умножить. Все они неотвратимо вытекут из обстановки мировой войны, но ответить на них априорно никому не дано. Ответ будет найден в самом ходе взаимного истребления народов, и этот ответ может оказаться беспощадным приговором для всей нашей цивилизации.

Л.Троцкий

13 марта 1934 г.

Большевики-ленинцы - мировому пролетариату. За Четвертый Интернационал! 445

Мы, представители коммунистов-интернационалистов (большевиков-ленинцев) СССР, Германии, Франции, Англии, Италии, Испании, Голландии, Бельгии, Соединенных Штатов, Южной Америки, Китая и ряда других государств, обращаемся к вам, пролетарии всех стран, в час грозной исторической опасности с настоящим призывом.

После разгрома австрийского пролетариата⁴⁴⁶ и кровавых боев на улицах Парижа⁴⁴⁷ стало ясным и слепым: старые методы борьбы, рассчитанные на мирное

развитие, исчерпали себя до конца. Загнивающему капитализму не остается ничего другого, как разгромить пролетариат, разрушить его организации, растоптать его волю, превратить его в безропотного раба. Буржуазия не хочет и не может ждать того часа, когда у пролетариата окажется 51% парламентских мандатов. Вопрос решается силой. Финансовый капитал организует и вооружает фашистские банды. Муссолинизм – не итальянское, а мировое явление. Гангрена варварской реакции охватывает одну страну за другой. На очереди стоит ныне Франция. 6 февраля было первой репетицией фашистского бандитизма. В Англии готовятся те же явления. В Америке условий для фашизма меньше, чем в Европе.

Какое чудовищное унижение!

Пролетариат – единственный творческий класс современного общества. От него зависит вся жизнь страны, ее хозяйство и культура. Вместе с полупролетарскими массами, вождем которых он призван стать, пролетариат составляет подавляющее большинство цивилизованного человечества. Он воодушевлен великим социальным идеалом. На протяжении всей новой истории, и в последние дни снова в Австрии, он показал, что способен на великий бескорыстный героизм. И тем не менее фашизм, опирающийся на худшие, наиболее деморализованные элементы мелкой буржуазии, на человеческую пыль, на отрепья нации, одерживает одну победу за другой.

Где причина?

Вот вопрос, который сверлит сознание каждого рабочего. Ответ написан огненным языком самих событий: причина в негодности руководства. Пролетариат предан, разрознен и обессилен сверху. Основная вина лежит на социал-демократии, на Втором Интернационале. Пока дело ограничивалось мирными парламентскими и профсоюзными стычками и сделками, рабочим массам незаметно было, что в штабах сидят ограниченные чиновники, бывшие реформисты и полуреволюционеры, ставшие консервативными мелкими буржуа, наконец, прямые изменники. Этим вождям (Вельсу и Гильфердингу, Вандервельде и де Ману, Леону Блюму и Реноделю⁴⁴⁸, Ленсбэри и Гендерсону, Роберту Гримму и пр.) мысли и чувства буржуазных министров, банкиров, журналистов, профессоров неизмеримо ближе, чем мысли и чувства пролетариев, безработных, бедняков-крестьян, голодных подростков, вырастающих на мостовой.

Но тяжкая вина лежит также и на Третьем Интернационале, который высоко поднялся под знаменем Октябрьской Революции, но, падая со ступеньки на ступеньку, превратился из революционного пролетарского авангарда в окостеневший бюрократический аппарат. Сталинский Коминтерн руководил революцией в Китае и погубил ее. Коминтерн вывел революционных рабочих во всем мире из профессиональных союзов, изолировал левое крыло и спас тем консервативную профсоюзную бюрократию от крушения. Коминтерн заключает блоки с отдельными буржуазными пацифистами, болтунами и карьеристами и отказывается от совместных действий с массовыми пролетарскими организациями. Сталинское руководство Коминтерна говорит мировому пролетариату: "Признай заранее и без возражений мое командование, иначе я буду взрывать боевое единство твоих рядов и саботировать оборону против фашизма". Такова была в течение 1929–1932 гг. политика самой могущественной секции Коминтерна, германской компартии, и эта политика привела к победе Гитлера. В Австрии компартия благодаря цепи преступлений и ошибок Коминтерна так и не сумела поднять головы. Наконец, сейчас, несмотря на все трагические уроки, компартии во Франции, Англии и других странах продолжают рабски повторять преступную политику германских сталинцев. Марсель Кашен в сочетании с Леоном Блюмом дадут неизбежно тот же результат, какой дал Тельман в сочетании с Вельсом. На этом пути рабочих ожидает полная, окончательная катастрофа.

Плодом великого Октябрьского переворота в России явилось Советское государство. Оно показало, какие силы и возможности таятся в пролетариате. Советское государство остается и сегодня плотью от нашей плоти и костью от наших костей. На защиту Советского государства в трудный час мы призываем стать грудью каждого честного рабочего!

Но под гнетом мирового империализма, внутренних трудностей и ошибок руководства над рабочими и крестьянскими советами поднялась могущественная бюрократия, которая создала религию своей непогрешимости. Самовластие бесконтрольной бюрократии представляет ныне величайшую угрозу для дальнейшего развития братских народов СССР и для торжества мирового социализма. Созданный Лениным Коммунистический Интернационал погиб жертвой своей рабской зависимости от переродившейся советской бюрократии.

Где же выход?

Надо строить новую партию и новый Интернационал. Эти слова сегодня звучат еще для многих, как голос "сектантства" или "отчаяния". Между тем лозунг нового Интернационала диктуется всей обстановкой, как на мировой арене, так и в каждой отдельной стране. Другого пути нет. Можно ли в самом деле исправить и возродить разъединенную насквозь преступлениями и изменами социал-демократию? Война и все события после войны отвечают: нет! Не лучше обстоит дело и с Третьим Интернационалом. Мы, большевики-ленинцы, называвшиеся ранее левой оппозицией, свыше 10 лет пытались возродить Коминтерн, вернуть его на путь Маркса и Ленина. Грандиозные события во всех частях света подтвердили наши предостережения и наши призывы. Тщетно! Консервативные идеи и сплоченные интересы привилегированного бюрократического строя оказались сильнее всех уроков истории. Перестроить аппарат Коминтерна через посредство масс невозможно, ибо этот аппарат не зависит от масс.

Второй и Третий Интернационалы исчерпали себя.

Сейчас они являются только помехами на пути пролетариата. Нужно создавать революционную организацию, отвечающую характеру новой исторической эпохи и ее задачам. Нужно новое вино вливать в новые меха. Нужно строить подлинно революционную партию в каждой стране и новый Интернационал.

* * *

Мыслящий рабочий не может не признавать железной логики этого вывода. Но его точат сомнения, порожденные еще слишком свежими разочарованиями. Новая партия? Это значит - новый раскол. Между тем пролетариату больше всего необходимо единство. Таков самый простой довод, чаще всего нашептываемый робостью мысли перед великими трудностями.

Неверно, - отвечаем мы, - будто пролетариату нужно единство само по себе. Ему нужно революционное единство классовой борьбы. В Австрии почти весь пролетариат был объединен под знаменем социал-демократии; но эта партия учила рабочих капитуляции, а не борьбе. Австрийские рабочие показали, что умеют драться. С ними [вместе] храбро дралась и часть старых вождей. Но за поражение несет ответственность партия в целом. Оппортунистическое "единство" оказалось путем к гибели. В Бельгии партия Вандервельде, де Мана и К° ведет за собой подавляющее большинство рабочего класса. Но какая цена этому "единству", если насквозь развращенный генеральный штаб пролетарской армии ползает на животе перед королевской властью, перед патриотическим епископом, перед либеральным бургомистром, перед всеми представителями классового врага! В маленькой Норвегии руководимая Транмелем оппортунистическая партия, объединившая на выборах 45% голосов, повторяет все преступления австрийской социал-демократии, парализует пролетариат и расчищает, таким образом, дорогу для норвежского фашизма. Такого рода единство означает петлю на шее рабочего класса.

Нам нужно действительное, боевое, революционное единство: для отпора фашизму, для защиты нашего права на существование, для непримиримой борьбы с господством буржуазии, - за полное завоевание власти, за диктатуру пролетариата, за рабочее господство, за Соединенные Штаты советской Европы, за Мировую социалистическую республику. Социал-демократия душой и телом предана буржуазному режиму. Коминтерн доказал делом свою полную неспособность объединять массы во имя революционных задач. Пролетариату остается либо навсегда протянуть шею в рабское ярмо, более страшное, чем ярмо средневековья, либо выковать новое орудие для своего революционного освобождения.

"Где гарантия, что новый Интернационал не потерпит в свою очередь крушения?"

Жалкий, филистерский вопрос! Заранее данных гарантий в революционной борьбе нет и быть не может. Рабочий класс поднимается вверх по ступеням, которые он сам рубит в горной породе. Нередко он срывается на несколько ступеней вниз, нередко динамит противника взрывает готовые ступени или сами они рушатся, потому что сделаны из рыхлого материала. После каждого падения надо вставать; после каждого спуска надо подниматься; каждую разрушенную ступень надо заменять двумя новыми.

Гарантия успеха - если уж говорить о "гарантиях" - в том, что мы

обогащены опытом Второго и Третьего Интернационалов, которые, прежде чем потерпеть крушение, сослужили большую службу пролетариату. Мы стоим на плечах наших предшественников. В этом наше великое преимущество. Мы собираем всех тех, кто уже сегодня понял гибельность политики двух переживших себя бюрократических аппаратов. Правильность наших методов, наших прогнозов и наших лозунгов неопровержимо доказана всем ходом исторического развития за последние 10 лет, т. е. за период перерождения и распада Коммунистического Интернационала. Правильная теория и правильная политика неизбежно проложат себе дорогу и соберут под своим знаменем большинство мирового пролетариата. Только так выковывается революционное единство.

Но здесь мы слышим новое возражение, на первый взгляд наиболее убедительное: "Четвертый Интернационал сложится нескоро, между тем фашистская чума надвигается во всех странах семимильными шагами; время ли теперь разъединять рабочие ряды?" На это мы отвечаем: для объединения рядов в непосредственной борьбе существует ленинская политика единого фронта. Только благодаря правильному применению этой политики большевизм победил в октябре 1917 года. Маркс и Ленин не боялись раскалывать бюрократические и оппортунистические партии, сплачивая подлинных революционеров в независимую партию авангарда, - и в то же время Маркс и Ленин готовы были для защиты сегодняшних интересов пролетариата вступить в практическое соглашение с любой массовой организацией. Мудрость и сила ленинизма - в теоретической и политической непримиримости партии, с одной стороны, в реалистическом отношении к классу со всеми его организациями и группировками, с другой стороны. Ленинизм не пытался командовать пролетариатом сверху, но и никогда не растворялся в массе, - именно поэтому он завоевал руководство пролетариатом.

Да, фашизм сейчас во всем мире надвигается семимильными шагами. Но в чем его сила? В растерянности рабочих организаций, в панике рабочей бюрократии, в вероломстве вождей. Достаточно пролетариату одной страны дать реакционной сволочи беспощадный отпор и, перейдя в наступление, завладеть властью, как наступление фашизма сменится паническим отступлением и распадом. Между СССР и Советской Францией диктатура наци не продержалась бы и двух недель. Муссолини не замедлил бы последовать в преисподнюю за Гитлером. Отпор возможен и необходим, из активной обороны родится наступление. Надо отбросить колебания и отодвинуть в сторону колеблющихся, - они присоединятся позже, - надо, чтобы авангард авангарда уже сегодня сплотил на международной арене свои ряды. Потрясенные и взбудораженные неслыханными бедствиями и опасностями массы жаждут ответа и требуют руководства. Это руководство надо создать!

Величайшая из опасностей - опасность новой войны.

Все слышат глухой подземный шум близкого нового столкновения народов. Вожди социал-демократии и профсоюзные бюрократы в качестве патриотов, т. е. наемников империализма, готовятся снова стать поставщиками пушечного мяса для своих капиталистических господ. Под видом "защиты отечества" они готовят истребление народов. Тем временем Коминтерн пустыми выкриками и ругательствами заменяет революционную мобилизацию масс города и деревни и при помощи маскарадных съездов тщетно пытается прикрыть свое бессилие. Предотвратить новую войну или опрокинуть ее последствия на голову эксплуататоров пролетариат может не иначе, как радикально перегруппировав свои ряды на новых основах, под знаменем нового Интернационала. Небольшое инициативное меньшинство может сыграть в условиях войны решающую роль. Вспомним Либкнехта, вспомним Розу Люксембург, вспомним Ленина!

Только жалкие филистеры могут говорить о нашем "сектантстве". Готовить завтрашний день - не сектантство, а революционный реализм. Всем рабочим организациям мы предлагаем конкретную программу действий на основе единого пролетарского фронта. Активную самооборону пролетариата мы ставим как центральную задачу сегодняшнего дня. Сила против силы! Рабочая милиция есть единственное орудие в борьбе с бандами фашизма, к которым официальная полиция раньше или позже придет на помощь.

Но рабочая милиция - не для парадов и театральных забав, а для суровой борьбы. Рабочая милиция - вооруженный кулак пролетариата. Двумя ударами отвечать на удар. Вести войну на истощение и на истребление. Не давать фашистскому врагу поднять голову. Преследовать его по пятам.

Всеобщая стачка во Франции 12 февраля была внушительным

предостережением, но не более того. Почувяв опасность, враг удвоил, утроил, удесятирил усилия. Отстоять свои позиции и завоевать новые рабочие Франции, как и всего мира, смогут не иначе, как путем героических боев. Революционная оборона должна стать великой школой наступления. Рабочие Франции показали, что в их крови не потухло пламя революций, завершившихся Парижской Коммуной. Но одной готовности к борьбе, как свидетельствует Австрия, недостаточно. Нужно умение, нужна организация, нужен план, нужен штаб.

12 февраля, в день всеобщей стачки и мощных демонстраций, рабочие Франции навязали на 24 часа единый фронт двум бюрократическим аппаратам. Но это была импровизация, а для победы нужна организация. Естественным аппаратом единого фронта в боевые дни является пролетарское представительство, депутаты от заводов и цехов, от рабочих кварталов и профессиональных союзов: советы. задолго до того, как стать органами власти, советы являются революционными аппаратами единого фронта. В честно избранных советах меньшинство подчиняется большинству. В эту сторону ведет властная логика борьбы. В эту сторону надо направить сознательные усилия.

Франция пролетариата стоит сейчас на исторической очереди. Во Франции снова решаются судьбы не только Франции, но и Европы, в последнем счете всего мира. Если бы фашизму удалось сломить французский пролетариат, вся Европа окрасилась бы в черную краску. И, наоборот, победа французского пролетариата в нынешних условиях далеко превзошла бы по своему историческому значению даже Октябрьскую победу пролетариата в России.

Рабочие всего мира!

Лучше и вернее всего вы можете помочь французскому пролетариату непримиримой борьбой против вашей собственной буржуазии. Отбирайте под огнем неприятеля самых бесстрашных, самых дальнзорких, самых преданных и сплывайте их в отряды Четвертого Интернационала. Зовите и ведите трудящиеся, угнетенные и безработные массы на борьбу. Проникайте во все организации! Разъясняйте, будьте, сплывайте. Не теряйте ни дня, ни часа.

ЗА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПРОЛЕТАРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРОЛЕТАРСКОЙ ПЕЧАТИ!
ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАВА И СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА!
ЗА ОСНОВНОЕ ПРАВО – НА КУСОК ХЛЕБА!
ПРОТИВ РЕАКЦИИ! ПРОТИВ БОНАПАРТИСТСКОЙ ПОЛИЦЕЙЩИНЫ! ПРОТИВ ФАШИЗМА!
ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ МИЛИЦИЮ!
ЗА ВООРУЖЕНИЕ РАБОЧИХ!
ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ РЕАКЦИИ!
ПРОТИВ ВОЙНЫ – ЗА МИР И БРАТСТВО НАРОДОВ!
ЗА НИЗВЕРЖЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА!
ЗА ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА!
ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО!

* * *

ПРОЛЕТАРИИ ОБОИХ ПОЛУШАРИЙ!

Первый Интернационал дал вам программу и знамя. Второй Интернационал поднял на ноги великие массы. Третий Интернационал показал пример смелого революционного действия. Четвертый Интернационал даст мировую победу!

ПЛЕНУМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СЕКРЕТАРИАТА

МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИГИ КОММУНИСТОВ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ
(большевиков-ленинцев)
Женева, март 1934 года
(Переведено с французского,
В е р н о : Сер.)

/Dictated by L.T[rotsky] directly. Note about translation from French inserted because of security reasons/

/This information is from JvH/449

Милая Наталочка, пишу страшно спешно. Раймон решил более не заезжать сюда, ехать прямо в Париж. В четверг, надеюсь, ты будешь уже здесь. Природа и климат очень хороши. Не знаю, как быть насчет моей одежды: парусина здесь не в ходу, буду выделяться, летнее пальто мое и шляпа тоже чрезмерно выделяются (у пальто подкладка сечется совсем), – пожалуй, нужно захватить и тяжелые ботинки для прогулок – или не стоит?

Ты сама решишь, да можно и позже, по почте, разрешить кое-какие из этих трудностей.

Обнимаю тебя крепко.

Привет и поцелуй Ж[анне] и Л[еве].

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Апрель 1934 г.]

[Письмо М.Парижанину]451

9 июля 1934 [г.]

Дорогой тов. Парижанин,

Спасибо за последнюю книжку "Humbles"452 и приложение "Superbes"453. Под вой шакалов дружеские голоса вдвойне отраднее. Наталье Ивановне статьи вашего журнала доставляют нравственное удовлетворение и это радует меня.

Я работаю над своей книгой о Ленине, не отрываясь. Мне надо было бы сидеть в Национальной библиотеке454 и наводить бесчисленные справки, – увы, это недоступно. Друзья доставляют книги в мое уединение большими пакетами, это создает затруднения и промедление. Далеко не всегда можно достать то, что нужно. Но я надеюсь все же, что серьезных пробелов не будет.

Посылаю через Ридера для вас первые две главы: вы, ведь, надеюсь, попрежнему согласны переводить эту работу?

Горячий привет вам и вашим друзьям.

[Л.Д.Троцкий]

Советы в Америке?

– Не думаете ли вы, что наша NRA455 готовит почву для ваших советов?

Вопрос из уст Купера прозвучал для Трошина неожиданно. Пароход сильно покачивало, и Трошин чувствовал себя не на высоте. Чуть заметная ирония в тоне Купера слегка задела его. Он ответил не без раздражения:

– Когда вы решите заводить советы, рекомендую вам вырабатывать для них собственный стандарт: Наш вам не подойдет.

Оба были инженеры, связанные если не дружбой, то приятельскими отношениями еще со времени войны, когда Трошин, чистокровный москвич, работал в качестве эмигранта на заводах Чикаго. Купер, чистокровный янки, уже четвертый год состоял на советской службе. Сейчас оба ехали в Америку в составе миссии по заказам. Каждый уважал в другом знания, опыт и талант, но и видел изъян: Трошин представлялся Куперу техническим мечтателем и немножко дилетантом; Купер казался Трошину упрямым эмпириком. Спорили они нередко, но никогда не переходили в область политики – отчасти из такта, отчасти по осторожности. Разговоры первых трех дней совместной езды на пароходе прошли в старых тонах: вперемежку с обменом пароходными впечатлениями рассуждали о предстоящих в Америке заказах. Купер в сотый раз обвинил Трошина в варварском пристрастии к "гигантизму", Трошин отвечал в тон, что крылья американской технической мысли изрядно подсечены кризисом. Только на четвертый день, прочитав захваченную с собой в дорогу книжку о NRA, Купер задал неожиданный вопрос насчет американских советов. Может быть, приближение к родным берегам развязало ему язык.

– Американские советы, – продолжал Трошин уже более благожелательно, – будут отличаться от русских советов не менее, чем Соединенные Штаты Рузвельта отличаются от России Николая II. Если, конечно, вообще допустить,

с вашего позволения, что советы когда-либо возникнут в Америке.

- Сделаем совместно такое фантастическое допущение. Как вы, Трошин, представляете себе возникновение у нас советов? И как они будут выглядеть? И как мы, янки, - поглядите, пожалуйста, на меня, - уложимся на это прокрустово ложе?

- Советская Америка не могла бы появиться на свет иначе, чем появилась независимая и демократическая Америка: путем революции. При этом вы побили бы изрядное количество посуды: это в вашем темпераменте. Я думаю, Купер, что вы лично приняли бы весьма энергичное участие в драке, хотя я и не вполне уверен, на какой стороне.

- Ваше замечание, Трошин, есть неслыханный по дерзости намек на то, что я - человек без принципов?

- О, к чему же так строго... Вы, конечно, считаете себя непоколебимым индивидуалистом. Но вы с бешеной энергией (о таланте я умалчиваю) работали в советской промышленности, не как спец, а как спортсмен; я не хочу, как видите, обидеть вас именем энтузиаста. Никогда нельзя знать, какую шутку сыграет с вами при наступлении больших событий ваш темперамент и ваш эмпиризм. Одно несомненно: вместе с другими вы будете бить посуду. Однако накладные издержки вашей революции, если не в абсолютных цифрах, то в процентах, будут совершенно ничтожны по сравнению с тем, что было у нас. Вы удивлены? Но гражданскую войну, дружище, ведут не верхние 5-10%, которые сосредоточивают в своих руках 90% национальной собственности, - для этого они слишком малочисленны и слишком любят комфорт, - свою армию контрреволюция может составить лишь из мелких собственников. Однако ваши фермеры и мелкий люд городов могут поддержать и революцию, если только она окажется способна открыть им перспективу спасения. Нынешний кризис внес чрезвычайные опустошения во все промежуточные слои и нанес сокрушительный удар фермерству, уже достаточно ослабленному в предшествующее десятилетие. Трудно было бы ждать со стороны этих классов, которым, увы, нечего терять, большого политического сопротивления революции, при условии, разумеется, что новый режим поведет по отношению к ним разумную и дальновидную экономическую политику. Прочно овладев командными высотами - банками и основными отраслями промышленности и транспорта - советское правительство предоставит фермерам, а также мелким промышленникам и торговцам неопределенно долгий срок на размышление и принятие окончательного решения. Дальнейшее будет зависеть от успехов национализированной промышленности. Здесь я жду от вас настоящих чудес, Купер. "Технократия" осуществима только при советском режиме, когда будут сняты перегородки частной собственности. Самые смелые проекты комиссии Гувера по стандартизации и рационализации покажутся детской забавой по сравнению с новыми возможностями. Национальная промышленность будет построена по схеме конвейера: это и есть план, перенесенный с отдельного предприятия на все хозяйство. Издержки производства окажутся сокращены не в два, а в пять и более раз. Покупательная сила фермерского доллара быстро возрастет. Для начала этого достаточно. Но советы не преминут создать и свои собственные образцовые сельскохозяйственные предприятия гигантского масштаба как школу добровольной коллективизации. Ваши фермеры - отличные калькуляторы, если не статистики. Каждый из них выведет в свое время нужный ему сравнительный баланс: оставаться ли ему и дальше изолированным звеном или включиться в общую цепь? Одновременно с этим советы отведут в своем промышленном плане достаточно широкое место для всех жизнеспособных средних и мелких предприятий: эти последние будут получать от государства, от местных советов, от кооперативов обеспеченные заказы, необходимые кредиты и сырье. Постепенно и без всякого принуждения они будут втягиваться в круговорот обобществленного хозяйства. Те педагогические методы воздействия на мелкую буржуазию, которые оказались не по плечу советам нашей отсталой страны с преобладанием полунищего и неграмотного крестьянства, окажутся вполне применимы в Соединенных Штатах. Незачем пояснять вытекающие отсюда выгоды: развитие получит более плавный характер, сократятся накладные расходы социальных конфликтов, повысится коэффициент культурного роста.

- Вы забываете нашу англосаксонскую религиозность, важнейшую опору социального консерватизма?

- Нельзя, Купер, задавать задачу с противоречащими друг другу данными. Если вы хотите представить себе перспективу американских советов, вы должны исходить из того, что давление социального кризиса, как не раз бывало в

истории, окажется сильнее всех психологических тормозов: одни из них быстро перегорят, другие будут перестроены в соответствии с обстоятельствами... Не забывайте, что в самом Евангелии⁴⁵⁷ есть афоризмы, похожие на динамит.

- А что вы сделаете, позвольте осведомиться, с верхами нашего капиталистического мира?

- Я надеюсь на вашу изобретательность, Купер. В распоряжении тех, которые на захотят мириться с новым режимом, вы, вероятно, представите живописный остров, пожизненную ренту и право устраиваться, как желают сами.

- Вы очень великодушны, Трошин!

- Это моя слабость, Купер.

- Но вы как будто не принимаете в расчет возможности военной интервенции, которая способна весьма повысить "накладные расходы" советской революции. Не воображаете ли вы, оптимистический Трошин, что Япония, Великобритания и другие капиталистические страны молча примут советский переворот в Америке?

- Им ничего другого не останется, Купер. Раз вы допускаете, по крайней мере в теории, такое углубление социального кризиса, которое приведет к установлению советов в Соединенных Штатах, самой могущественной крепости капитала, то вы обязаны допустить однородные процессы и в других странах. Полуфеодалная Япония выйдет из строя, по всей вероятности, еще до того, как в Америке установятся советы. Тот же прогноз надо распространить и на Великобританию... Во всяком случае безумием была бы самая мысль об отправке королевского британского флота против советской Америки! Какой-нибудь десант в южной половине континента? Безнадежное предприятие, которое не вышло бы за пределы второстепенного военного эпизода! Через несколько месяцев, может быть, уже недель после установления у нас советского режима - заметьте себе это твердо, Купер - государства центральной и южной Америки оказались бы притянуты нашей федерацией, как опилки - магнитом. Та же участь постигла бы и Канаду. Движение народных масс в этих странах было бы настолько непреодолимым, что величайший объединительный процесс совершился бы в короткий срок и с ничтожными жертвами. Я готов держать пари, что к первой годовщине возникновения первого американского совета ваш континент превратится в Советские Соединенные Штаты Северной, Центральной и Южной Америки. Доктрина Монро⁴⁵⁸ впервые получила бы вполне законченное, хотя и непредвиденное ее автором выражение. Что касается столицы, Купер, то ее придется перенести в Панаму.

- Вот как?... Но вы мне не ответили: готовит ли Рузвельт пришествие советов или нет?

- Вы слишком проникательны, Купер, чтоб задавать такой вопрос. NRA хочет справиться с трудностями не для разрушения, а, наоборот, для укрепления капиталистического строя. Советы могут возникнуть не из голубого орла⁴⁵⁹, а из непобежденных им трудностей. Самые "левые" профессора вашего brains trust⁴⁶⁰ - не революционеры (revolutionists), а лишь встревоженные консерваторы. Ваш президент ненавидит "системы" и "общие идеи". Между тем, советский режим есть воплощенная система, общая идея в действии.

- Хорошо. Вы благополучно преобразовали конституцию нового света от Аляски до мыса Горн, обеспечили наше международное положение и переместили нашу столицу. Прежде чем поблагодарить вас за этот геркулесов труд, я хотел бы все-таки знать, не придется ли после всего этого мне, инженеру Куперу, с привычками к ростбифу, сигаре и автомобилю сесть на голодный паек, носить два башмака разной формы, читать в одной и той же навязанной мне газете одни и те же стандартные фразы, выбирать в совет тех, кого мне укажут сверху, голосовать за решения, уже принятые без меня, держать свои действительные мысли про себя и под страхом ссылки хвалить каждодневно посланного мне судьбою вождя. Если так, то я заранее возвращаю билет на право входа в этот рай, чтоб укрыться на одном из тихоокеанских островов, который вы милостиво предоставите вырождающейся расе индивидуалистов.

- Не спешите укрываться на острове, Купер, вы там погибнете с тоски. Каким образом можете вы очутиться на голодном пайке, если сегодня вы вынуждены искусственно ограничивать площадь посева и размеры производства? В России приходится в течение вот уже скоро двух десятилетий почти заново создавать основные отрасли производства. У вас в Америке, наоборот, могущественные технические средства парализованы кризисом и требуют применения. Успехи планового начала достигались и достигаются у нас за счет

повседневного потребления масс; у вас, наоборот, сам план возрождения хозяйства должен с первых шагов исходить из быстрого роста потребления народа. Нигде изучение внутреннего рынка – банками, трестами, отдельными предпринимателями, купцами, коммерческими агентами, фермерами – не достигло такого развития, как в Соединенных Штатах. Советское правительство начнет с уничтожения коммерческой тайны; оно объединит и обобщит методы капиталистической калькуляции, превратив их в методы хозяйственного учета и плана. С другой стороны, культурный и требовательный потребитель не допустит невнимания к себе. Сочетание демократической кооперации, государственной торговой сети и частной торговли обеспечит гибкую систему обслуживания потребностей населения. Ваш ростбиф вам обеспечен, Купер, без перебоев.

– Под квитанцию за тремя подписями?

– Нет, в обмен на звонкую монету. Вашему доллару, заметьте себе, предстоит в регулировании советского хозяйства решающая роль. В корне неверно противопоставлять плановое хозяйство денежному. "Регулируемые" деньги – да простят меня ваши радикальные профессора – есть академическая фикция, которая неминуемо ведет к расшатыванию внутренних пропорций во всех отраслях хозяйства, причем расстройство принимает молекулярный характер, деформируя самые глубокие и интимные процессы обращения и производства.

– Но в Советском Союзе?..

– У нас, увы, из горькой нужды делают официальную добродетель. Отсутствие устойчивого, т. е. золотого, рубля является важной причиной многих бедствий и болезней нашего хозяйства. Действительное регулирование заработной платы, цен на жизненные продукты и качество товаров немислимо без твердой денежной системы. Шаткий рубль в плановом хозяйстве – то же, что изменчивые лекала в серийном производстве. Конечно, когда социалистический режим на основе большого опыта научится мерами одной лишь административной техники обеспечивать свое экономическое равновесие, деньги потеряют значение измерителя и регулятора, они превратятся в простые квитанции, вроде трамвайных или театральных билетов; при дальнейшем росте социалистического богатства отпадает необходимость даже и в этих квитанциях: когда всего будет хватать с избытком для всех, не понадобится больше контроль над индивидуальным потреблением. Америка достигнет такого уровня, несомненно, раньше всех. Но прийти к безденежному хозяйству можно не иначе, как обеспечив предварительно динамическую гармонию всех социальных функций. Нельзя разрешить такую грандиозную задачу посредством одного лишь административного наития и поощрительных речей по радио. Плановое хозяйство на первых своих стадиях, т. е. в течение ряда лет, еще более нуждается в твердой денежной единице, чем либеральный капитализм. Кто начинает с регулирования денежной единицы в целях регулирования всего хозяйства, тот очень похож на человека, пытающегося поднять в воздух обе ноги...

– Вы намекаете, Трошин, на нашу современную денежную политику?

– Я ни на что не намекаю. Я хочу только сказать, что Советская Америка будет располагать достаточно могущественным золотым фундаментом для незыблемого доллара. Какое неопределимое преимущество! Вы знаете, Купер, наши коэффициенты роста: 20–30 % в год! Но вы знаете и слабую сторону этой небывалой динамики: технически-производственным результатам далеко не соответствует полезный экономический эффект. Одной из причин диспропорции является вынужденное подчинение нашей денежной системы административному субъективизму. Вы будете избавлены от этого зла. Доллар американских советов окажется подкован на все четыре ноги. Ваши коэффициенты роста будут не только технически, но и экономически далеко превосходить наши. Последствия ясны: материальный, а следовательно, и культурный уровень населения станет повышаться на десятки процентов в год.

– Трошин, если вы хотите меня осчастливить тремя, даже четырьмя парами стандартных штанов не по мерке и принудительной подпиской на полное собрание сочинений Фостера...

– Вы снова намекаете, Купер, на незавидное положение нашего массового потребителя. Мне ли против этого спорить? Причины недостатка и плохого качества предметов потребления мною уже отмечены: нищее наследство старого режима, низкий культурный уровень крестьянства, необходимость создавать средства производства за счет фондов потребления, хроническая денежная инфляция и наконец – last but not least – бюрократизм.

– Скажите: чудовищный бюрократизм, Трошин.

- Да, чудовищный бюрократизм, Купер. Но вы вовсе не обязаны воспроизводить его. Недостаток насущных жизненных благ порождает у нас борьбу всех против всех из-за лишнего фунта хлеба, из-за метра ситца. Бюрократия выступает как примирительница, как всесильный третейский судья. Но вы неизмеримо богаче и без труда сможете обеспечить страну всем необходимым. Потребности, вкусы и привычки вашего населения не таковы, чтоб бюрократия могла бесконтрольно распоряжаться национальным доходом. Организация социалистического хозяйства как средство для наилучшего удовлетворения человеческих потребностей захватит за живое все наше население и вызовет в нем группировку новых течений и партий, со страстной борьбой между ними...

- Вы плохой большевик, Трошин. Вы говорите о борьбе партий при советском режиме. На вас вредно действует приближение к капиталистическим берегам. Вы перерождаетесь на моих глазах. Вы за демократию или за диктатуру?

- Я за советскую демократию, Купер. Советы - очень пластичная и гибкая правительственная форма, и в этом одно из их преимуществ; но именно поэтому советы не могут совершать чудес, они лишь преломляют через себя давление социальной среды. Бюрократизация наших советов как результат политической монополии одной партии, тоже превратившейся в бюрократический аппарат, есть результат исключительных трудностей развития социалистических пионеров в бедной и отсталой стране. В свою очередь бюрократизация режима пагубно отражается на нашем хозяйстве, на нашей литературе, на нашем искусстве, на всей нашей культуре. Американские советы я представляю себе в высшей степени полнокровными. Диктатура? Конечно, сторонники капиталистического режима не найдут себе места в советах. Нелегко, признаюсь, представить себе Генри Форда председателем совета в Детройте. Но на основах советского режима не только возможна, но и неизбежна широкая борьба интересов, программ и группировок. Годовой, пятилетний, десятилетний планы хозяйства; системы народного образования; проведение великих магистралей; преобразование фермерского хозяйства; приобщение Южной Америки к высшим техническим и культурным достижениям; проблема стратосферических сообщений; проблема улучшения расы - каждая из этих задач будет создавать соревнование доктрин и школ, борьбу группировок при выборах в советы, страстную полемику в газетах и на собраниях.

- Пахнет свободой печати, Трошин. Берегитесь!

- Неужели же вы думаете, Купер, что монополизация печати в руках правящей бюрократической верхушки СССР есть норма? Нет, это только временное уродство, какими бы историческими обстоятельствами оно не вызывалось.

- Но сосредоточение всех типографий, всех фабрик бумаги, всех средств транспорта в руках государства автоматически передаст и у нас всю прессу в руки правительства, которое не преминет, конечно, установить догмат своей непогрешимости.

- Национализация средств печатания есть чисто отрицательная мера. Она означает лишь, что частный капитал не может больше решать, какое издание надо поставить: прогрессивное или реакционное, "сухое" или "мокрое", пуританское или порнографическое. Как распределять и применять обобществленные средства печати, - этот важный вопрос вашим советам придется решать заново. Отправным критерием может служить распределение голосов при выборах в советы. Каждая группировка граждан будет иметь право на печатные средства, соответствующие ее численности. Тот же принцип будет применен к залам для собраний, к радио и пр. Идеиные коллективы, а не индивидуальные чековые книжки будут решать вопрос о направлении и духе изданий. Вы скажете, что при таком порядке новое идейное течение, новая философская или эстетическая школа, еще не имеющие за собой поддержки числа, не найдут для себя ни бумаги, ни лино типа. Аргумент, не лишенный интереса! Но он означает лишь, что новой идее при всяком режиме приходится и придется доказывать свои права на существование. При советском режиме это будет во всяком случае легче, чем ныне. Богатая советская Америка сможет выделять грандиозные фонды для открытий, изобретений, экспериментов во всех областях человеческого творчества, материального и духовного. Ни смелые архитекторы и скульпторы, ни новаторы-поэты, ни дерзкие философы не окажутся в обиде. А я думаю, не скрою от вас, Купер, что янки призваны в ближайшую эпоху сказать новые слова также и в тех областях, в которых они оставались до последнего времени

учениками Европы. Я не даром провел четыре года в вашей стране, главным образом на ваших заводах, чтоб суметь понять, какой сдвиг ваша техника произвела в судьбах человечества. Не иначе как с презрением я могу относиться к тому фальшиво высокомерному тону, в каком принято в известных кругах Европы говорить об "американизме", особенно со времени нынешнего кризиса. В известном смысле я готов даже сказать, что только американизм положил окончательный водораздел между средневековьем и новой историей человечества. Но вы покоряли природу так бурно и страстно, что не имели времени ни обновить методы вашей теоретической мысли, ни выработать собственное искусство. Вы росли и богатели по законам простого силлогизма. Непрерывные материальные успехи создали у вас на старых пуританских дрожжах религию практического рационализма. Оттого вы остались невосприимчивы к Гегелю, к Марксу, в сущности, и к Дарвину. Вы удивляетесь, Купер? Между тем сожжение дарвиновских лжеучений баптистскими жрецами Теннесси (Tennessee) только в грубой форме выразило отвращение большинства американцев к доктрине эволюции. Дело здесь не в одних религиозных предубеждениях, а в общем складе мысли. Атеистические янки проникнуты рационализмом не менее, чем квакеры⁴⁶². Правда, ваш рационализм не имеет в себе ничего беспощадного, картезианского⁴⁶³, якобинского: он ограничен и смягчен вашим эмпиризмом и вашим морализмом. Но в таком виде ваш философский метод еще более отстаёт от вашей техники и от вашего исторического призвания. Вы в сущности впервые сталкиваетесь ныне по-настоящему с теми социальными противоречиями, которые складываются за спиной людей. Вы победили природу при помощи орудий, созданных вашим гением; но вы поставлены на колени вашими собственными орудиями. Невыносимые бедствия, выросшие, наперекор всем предвидениям, из невиданного богатства, учат вас той истине, что силлогизм Аристотеля⁴⁶⁴ не охватывает законов развития общества. Вы вошли, наконец, в школу диалектики, и вошли крепко; возврата назад, к методологии XVII и XVIII веков, для вас уже нет. Не жалеете об этом, Купер! Прививка диалектики к крепкому стволу вашей мысли обещает превосходные плоды. Я заранее предвкушаю их. В области обобщающей мысли, поэзии, всех вообще искусств вы призваны в ближайшие десятилетия сделать большой вклад. Он будет стоять на уровне вашей техники, которая, впрочем, сама еще не осознала полностью заложенные в ней неизмеримые возможности... В то время как романтические тупицы национал-социализма мечтают восстановить расу Тевтобургского Леса⁴⁶⁵ во всей ее первобытной чистоте, или, вернее, грязи, вы, американцы, овладев своим хозяйством и культурой, примените истинно научные методы также и в области воспроизводства человеческих поколений; из вашего тигеля рас выйдет через сотню лет новый человек, достойный, наконец, этого имени.

- Вы серьезно надеетесь на это, Трошин?

- Я надеюсь на большее: на третьем году советской власти вы перестанете жевать chewing gum⁴⁶⁶. Истинно говорю вам: Andrew Jackson⁴⁶⁷ войдет в царство небесное, если этого захочет. А он не может этого не хотеть.

- Вы очень великодушны к нашему завтрашнему дню, Трошин. Но не воображайте в своем высокомерии, что вы убедили меня. В вас сидит поэт, испорченный хорошим инженером. Вы слишком легко справились на словах с опасностью советского бюрократизма, Трошин... Но чу! Гонг зовет нас обедать. Я уничтожу вас завтра. От вашей хваленой диалектики посыплется пух и перья.

Л.Троцкий

17 августа 1934 [г.]

По поводу письма т. Икслагора⁴⁶⁸ из Капштадта⁴⁶⁹

Утверждение, что Биробиджан есть "левый сионизм" кажется мне совершенно неправильным. Сионизм отвлекает рабочих от классовой борьбы несбыточными надеждами на еврейское государство при капиталистических условиях. Но рабочее государство обязано создать для евреев, как и для всякой другой нации, наиболее выгодные условия культурного развития. Это значит, в частности: предоставить всем⁴⁷⁰ тем евреям, которые пожелают иметь свои школы, свою печать, свои театры и пр., особую область для самоуправления и развития. Так же точно поступит и международный пролетариат, когда он станет хозяином всего земного шара. Никакого спасения в национальной области - наоборот,

всестороннее материальное содействие культурным потребностям всех национальностей и этнических групп. Если тем или другим национальным группам суждено сойти со сцены (в национальном смысле), то это должно произойти в порядке естественного процесса, а не в результате тех или других территориальных, экономических или административных затруднений и препятствий.

Л.Троцкий

22 сент[ября] 1934 г.

Куда идет Франция?

На этих страницах мы хотим объяснить с передовыми рабочими о том, какая судьба ждет Францию в ближайшие годы. Под Францией мы подразумеваем не биржу, не банки, не тресты, не правительство, не генералитет, не духовенство, - это все угнетатели Франции, - а рабочий класс и эксплуатируемое крестьянство.

Крушение буржуазной демократии

После войны произошел ряд революций, одержавших блестящие победы: в России, в Германии, Австро-Венгрии, позже - в Испании. Но только в одной России пролетариат полностью захватил власть в свои руки, экспроприровал своих эксплуататоров и сумел благодаря этому создать и сохранить рабочее государство. Во всех других случаях пролетариат, несмотря на победу, останавливался по вине своего руководства на полдороге. В результате этого власть ускользала из его рук и, передвигаясь слева направо, становилась добычей фашизма. В ряде других стран власть попала в руки военной диктатуры. Ни в одной из этих стран парламент не оказался в силах примирить классовые противоречия и обеспечить мирный ход развития. Спор разрешался с оружием в руках.

Правда, у нас, во Франции, долго думали, что фашизм не может иметь к нам никакого отношения. У нас ведь республика, все вопросы решает суверенный народ посредством всеобщего голосования. Но 6 февраля несколько тысяч фашистов и роялистов, вооруженных револьверами, кастетами и бритвами, навязали стране реакционное правительство Думерга, под покровительством которого фашистские банды продолжают расти и вооружаться. Что готовит нам завтрашний день?

Правда, во Франции, как и в некоторых других странах Европы (в Англии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Скандинавских государствах) существуют еще парламенты, выборы, демократические свободы или их остатки. Но во всех этих странах классовая борьба обостряется в том же направлении, в каком она развивалась раньше в Италии и Германии. Кто утешает себя фразой: "Франция - не Германия", тот безнадежен. Во всех странах действуют ныне одни и те же исторические законы: это законы капиталистического упадка. При дальнейшем сохранении средств производства в руках кучки капиталистов обществу спасения нет. Оно осуждено идти от кризиса к кризису, от нужды к нищете. В разных странах последствия одряхления и распада капитализма оказываются в разной форме и развиваются неодинаковым темпом. Но суть процесса не одна и та же везде. Буржуазия довела свое общество до полного банкротства. Она не способна обеспечить народу ни хлеб, ни мир. Именно поэтому она не может больше терпеть демократический порядок. Она вынуждена подавлять рабочих при помощи физического насилия. Но справиться с недовольными рабочими и крестьянами одной полицией невозможно. Пускать армию в ход против народа слишком часто нельзя: она начнет разлагаться и кончит тем, что большая часть солдат перейдет на сторону народа. Крупный капитал вынужден поэтому создавать особые вооруженные банды, специально дрессированные против рабочих, как известные породы собак дрессируются против дичи. Историческое назначение фашизма состоит в том, чтобы подавить рабочий класс, разгромить его организации, задушить политическую свободу в тот час, когда капиталисты оказываются уже неспособны править и господствовать при помощи демократической механики.

Человеческий материал фашисты находят главным образом в среде мелкой буржуазии. Она вконец разорена крупным капиталом. При нынешнем общественном

строе спасенья для нее нет. Но она не знает и другого выхода. Ее недовольство, возмущенье, отчаянье фашисты отвращают от крупного капитала и направляют на рабочих. Можно сказать, что фашизм есть операция вывиха мозгов мелкой буржуазии в интересах ее злейших врагов. Так крупный капитал сперва разоряет средние классы, затем при помощи наемной агентуры фашистских демагогов натравливает впавшую в отчаяние мелкую буржуазию на пролетариат. Только такими разбойничьими средствами буржуазный режим и способен еще держаться. До каких пор? До тех пор, пока его не опрокинет пролетарская революция.

Начало бонапартизма во Франции

Во Франции движение от демократии к фашизму задержалось пока на первом этапе. Парламент еще существует, но прежней власти он не имеет и никогда больше не вернет ее себе. Перепуганное насмерть большинство парламента призвало после 6 февраля к власти Думерга, спасителя, третейского судью. Его правительство стоит над парламентом. Оно опирается не на "демократически" избранное большинство, а прямо и непосредственно на бюрократический аппарат, на полицию и армию. Именно поэтому Думерг не может терпеть никакой свободы для чиновников и вообще служащих государства. Ему нужен покорный и дисциплинированный бюрократический аппарат, на вершине которого он мог бы стоять без опасения свалиться. Парламентское большинство вынуждено склоняться перед Думергом из страха перед фашистами и перед "общим фронтом". Сейчас много пишут о предстоящей "реформе" конституции, о праве роспуска палаты депутатов и прочее. Все эти вопросы имеют лишь юридический интерес. В политическом смысле вопрос уже разрешен. Реформа совершилась без поездки в Версаль. Появление на открытой арене вооруженных фашистских банд дало возможность агентам крупного капитала подняться над парламентом. В этом и состоит сейчас сущность французской конституции. Все остальное - иллюзии, фразы или сознательный обман.

Нынешняя роль Думерга (как и его возможных преемников, вроде Тардые) не нова. Сходную роль при других условиях играли Наполеон I и Наполеон III. В этом состоит суть бонапартизма: опираясь на борьбу двух лагерей, он при помощи бюрократически-военной диктатуры спасал "нацию". Наполеон I представлял бонапартизм буйной молодости буржуазного общества. Бонапартизм Наполеона III относится к тому времени, когда у буржуазии уже появилась лысина. В лице Думерга мы видим синильный⁴⁷¹ бонапартизм буржуазного заката. Правительство Думерга означает первую ступень перехода от парламентаризма к бонапартизму. Для поддержания равновесия Думергу необходимы справа от него фашистские и иные банды, которые доставили ему власть. Требовать от него, чтоб он распустил - не на бумаге, а в действительности - Лигу патриотов⁴⁷², Огненный крест⁴⁷³, королевских громил⁴⁷⁴ и прочее, значит требовать, чтоб он подрубил сук, на котором сидит. Временные колебания в ту или другую сторону, разумеется, возможны. Так, преждевременное выступление фашизма могло бы вызвать на правительственных верхах некоторый сдвиг "влево". Думерга сменил бы на время не Тардые, а Эррио. Но, во-первых, нигде не сказано, что фашисты произведут преждевременную попытку переворота. Во-вторых, кратковременный сдвиг влево на верхах не изменит общего направления развития, а разве лишь отодвинет несколько развязку. Назад, к мирной демократии дороги уже нет. Развитие ведет неминуемо, неотвратимо, к столкновению между пролетариатом и фашизмом.

Долговечен ли бонапартизм?

Сколько времени может продержаться нынешний переходный, бонапартистский режим? Или иначе сказать: сколько времени останется еще у пролетариата для подготовки к решающему бою? На этот вопрос нельзя, конечно, ответить точно. Но некоторые данные можно все же установить для оценки быстроты развития всего процесса. Важнейшим элементом для суждения является вопрос о дальнейшей судьбе радикальной партии⁴⁷⁵.

Возникновением своим нынешний бонапартизм обязан, как сказано, началу гражданской войны между крайними политическими лагерями. Свою главную материальную опору он находит в полиции и армии. Но у него есть и политическая опора слева: это партия радикал-социалистов. Базу этой массовой партии составляет мелкая буржуазия города и деревни. Верхушку партии образуют "демократические" агенты крупной буржуазии, которые изредка давали

народу мелкие реформы, а чаще всего – демократические фразы, спасали его каждый день (на словах) от реакции и клерикализма, а во всех важных вопросах вели политику крупного капитала. Под угрозой фашизма, а еще больше пролетариата радикал-социалисты оказались вынуждены перебежать из лагеря парламентской "демократии" в лагерь бонапартизма. Как верблюд под бичом погонщика, радикализм стал на все четыре колена, чтобы дать капиталистической реакции усесться меж его горбов. Без политической поддержки радикалов правительство Думерга было бы в настоящее время еще невозможно.

Если сравнивать французское развитие с германским, то правительство Думерга (и его возможных преемников) будет соответствовать правительствам Брюннинга-Папена-Шлейхера, которые заполнили промежуток между веймарской демократией и Гитлером. Есть однако и разница, которая политически может получить огромное значение. Германский бонапартизм выступил на сцену, когда демократические партии растаяли, а наци успели вырасти в громадную силу. Три "бонапартистских" правительства в Германии, имея очень слабую собственную политическую опору, балансировали на веревке, протянутой над пропастью меж двумя враждебными лагерями: пролетарским и фашистским. Все три правительства скоро свалились. Лагерь пролетариата оказался к тому времени расколот, неподготовлен к борьбе, обманут и предан вождями. Наци почти без боя захватили власть.

Французский фашизм еще не представляет сейчас массовой силы. Наоборот, у бонапартизма есть хоть и не очень надежная и устойчивая, но массовая опора в лице радикалов. Между этими двумя фактами существует внутренняя связь. По социальному характеру своей опоры радикализм есть партия мелкой буржуазии. А фашизм может стать массовой силой, только завоевав мелкую буржуазию. Другими словами: во Франции фашизм может развиваться прежде всего за счет радикалов. Процесс этот происходит уже и сейчас, но он находится еще в первоначальной стадии.

Роль партии радикалов

Последние кантональные выборы дали те результаты, каких можно и должно было ждать заранее: выиграла фланги, т. е. радикалы и рабочий блок, потерял центр, т. е. радикалы⁴⁷⁶. И выиграла, и потери пока невелики. Если бы дело шло о парламентских выборах, те же явления приняли бы, несомненно, более значительные размеры. Наметившиеся сдвиги имеют для нас значение не сами по себе, а лишь как симптомы изменения в настроении масс. Они показывают, что мелкобуржуазный центр уже начал таять в пользу двух крайних лагерей. Это значит, что остатки парламентского режима будут все более и более подмываться; крайние лагеря будут расти; столкновение между ними приближаться. Нетрудно понять, почему этот процесс совершенно неотвратим.

Партия радикалов есть та партия, при помощи которой крупная буржуазия поддерживала надежды мелкой буржуазии на постепенное и мирное улучшение ее положения. Такая роль радикалов была возможна лишь до тех пор, пока экономическое положение мелкой буржуазии оставалось сносным, терпимым, пока она не подвергалась массовому разорению, пока у ней сохранялась надежда на будущее. Правда, программа радикалов всегда оставалась пустой бумажкой. Никаких серьезных социальных реформ в пользу трудящихся радикалы не проводили и не могли проводить – этого не позволила бы им крупная буржуазия, в руках которой все действительные рычаги власти: банки и биржа, большая пресса, верхи бюрократии, дипломатия, генералитет. Но кое-какие мелкие подачки, особенно в провинциальном масштабе, радикалы время от времени отторговывали в пользу своих клиентов и этим поддерживали иллюзии народных масс. Так продолжалось до последнего кризиса. Сейчас для самого отсталого крестьянина становится ясно, что дело идет не об обычном скоро проходящем кризисе, как бывало не раз до войны, а о кризисе всей социальной системы. Нужны какие-то смелые и решительные меры. Какие? Этого крестьянин не знает. Никто этого ему как следует не сказал.

Капитализм довел средства производства до такой высоты, что они оказались парализованы нищетой народных масс, разоренных тем же капитализмом. Тем самым вся система вошла в эпоху упадка, разложения, гниения. Капитализм не только не может давать трудящимся новые социальные реформы или хотя бы мелкие подачки, он вынужден отнимать и старые. Вся Европа вступила в эпоху экономических и политических контрреформ. Политика

грабежа и удушения масс вызывается не капризами реакции, а разложением капиталистической системы. Это есть основной факт, который должен быть усвоен каждым рабочим, если он не хочет, чтоб его дурачили словесными побрякушками. Именно поэтому реформистские, демократические партии распадаются и хиреют одна за другой во всей Европе. Такая же судьба ожидает и французских радикалов. Только совсем пустые люди могут думать, будто капитуляция Даладьё⁴⁷⁷ или прислужничество Эррио перед крайней реакцией являются результатом случайных, временных причин или недостатков характера у этих плачевных вождей. Нет! Большие политические явления должны всегда иметь глубокие социальные причины. Распад демократических партий есть универсальное явление, которое коренится в распаде самого капитализма. Крупная буржуазия говорит радикалам: "Мне теперь не до шуток! Если вы не перестанете кокетничать с социалистами и заигрывать с народом, обещая ему всякие небылицы, то я призову фашистов. Помните, что 6 февраля - только первое предупреждение!" И после этого радикальный верблюд становится на все четыре колена. Ничего другого ему и не остается.

Но радикализм не спасется таким путем. Связывая на глазах всего народа свою судьбу с судьбой реакции, он неизбежно ускоряет свою гибель. Утрата голосов и мандатов при кантональных выборах есть только начало. Дальше процесс крушения радикальной партии пойдет все быстрее и быстрее. Весь вопрос в том, кому на пользу пойдет это неудержимое и неизбежное крушение: пролетарской революции или фашизму? Кто раньше, шире, смелее предъявит средним классам более убедительную программу, и - это важнее всего - кто завоюет их доверие, доказав им словом и делом, что он способен сломить все препятствия на пути к лучшему будущему: революционный социализм или фашистская реакция? От этого вопроса зависит судьба Франции на много лет. Не только Франции, но и всей Европы. Не только Европы, но и всего мира.

"Средние классы", радикальная партия и фашизм

Со времени победы наци в Германии во французских "левых" партиях и группах много разглагольствуют о необходимости держаться поближе к "средним классам", чтобы преградить дорогу фашистам. Фракция Реноделя и К^о отделилась от социалистической партии со специальной целью ближе держаться к радикалам. Но в тот самый час, когда Ренодель, живущий идеями 1848 года⁴⁷⁸, протянул обе руки Эррио, у последнего руки оказались заняты: одну держал Тардьё, другую - Луи Марен⁴⁷⁹.

Из этого, однако, меньше всего следует, будто рабочий класс может повернуться спиной к мелкой буржуазии, предоставив ее своей участи. О нет! Сближение с крестьянством и с мелким городским людом, привлечение их на нашу сторону есть необходимое условие успешной борьбы с фашизмом, не говоря уж о завоевании власти. Надо только правильно поставить задачу. А для этого надо ясно понять, какова природа "средних классов". Нет ничего опаснее в политике, особенно в критические периоды, как повторять общие формулы, не исследуя, какое под ними социальное содержание.

Современное общество состоит из трех классов: крупной буржуазии, пролетариата и "средних классов", или мелкой буржуазии. Взаимоотношение этих трех классов и определяет в последнем счете политическое положение в стране. Основными классами общества являются крупная буржуазия и пролетариат. Только у этих двух классов может быть ясная и последовательная самостоятельная политика. Мелкая буржуазия отличается экономической несамостоятельностью и социальной неоднородностью. Верхние слои ее непосредственно переходят в крупную буржуазию. Нижние слои сливаются с пролетариатом и падают даже до положения люмпен-пролетариата. Сообразно своему экономическому положению мелкая буржуазия не может иметь самостоятельной политики. Она всегда колеблется между капиталистами и рабочими. Ее собственный верхний слой толкает ее вправо; ее нижние, угнетенные и эксплуатируемые слои способны в известных условиях резко повернуть влево. Этими противоречивыми взаимоотношениями разных слоев "средних классов" определялась всегда путаная и насквозь несостоятельная политика радикалов, их колебания между картелем⁴⁸⁰ и социалистами, чтобы успокоить низы, и национальным блоком⁴⁸¹ с капиталистической реакцией, чтобы спасти буржуазию. Окончательное разложение радикализма начинается с того момента, когда крупная буржуазия, сама в тупике, не позволяет ему больше колебаться. Мелкая буржуазия в лице разоряемых масс города и деревни начинает терять терпение. Она становится во

все более враждебные отношения к своим собственным верхним слоям; она убеждается на деле в несостоятельности и вероломстве своего политического руководства. Бедный крестьянин, ремесленник, мелкий торговец убеждаются на деле, что их отделяет пропасть от всех этих мэров, адвокатов, политических дельцов вроде Эррио, Даладье, Шотана⁴⁸² и К°, которые по условиям жизни и взглядам являются крупными буржуа. Этим разочарованием мелкой буржуазии, ее нетерпением, ее отчаянием и пользуется фашизм. Его агитаторы клеймят и проклинают парламентскую демократию, которая помогает карьеристам и взяточникам, но ничего не дает мелким труженикам. Они, эти демагоги, грозят кулаками по адресу банкиров, крупных торговцев, капиталистов. Эти слова и жесты вполне отвечают чувствам мелкого собственника, попавшего в безвыходное положение. Фашисты проявляют смелость, выходят на улицу, наступают на полицию, пытаются силой разогнать парламент. Это импонирует мелкому буржуа, впавшему в отчаяние. Он говорит себе: "Радикалы, среди которых слишком много мошенников, окончательно продались банкирам; социалисты давно обещают уничтожить эксплуатацию, но от слов никогда не переходят к делу; коммунистов и вовсе понять нельзя: сегодня одно, завтра другое; надо попробовать, не помогут ли фашисты".

Неизбежен ли переход средних классов в лагерь фашизма?

Ренодель, Фроссар⁴⁸³ и им подобные возражают, будто мелкая буржуазия предана больше всего демократии и именно поэтому будет держаться за радикалов. Какое чудовищное заблуждение! Демократия есть лишь политическая форма. Мелкая буржуазия заботится не о скорлупе ореха, а об его ядре. Она ищет спасения от нищеты и гибели. Раз демократия оказалась бессильна - к черту демократию! Так рассуждает или чувствует каждый мелкий буржуа. В растущем возмущении низших слоев мелкой буржуазии ее собственными верхними, "образованными", муниципальными, кантональными и парламентскими слоями, заключается основной социальный и политический источник фашизма. К этому надо прибавить зависть академической молодежи, придавленной кризисом, к преуспевающим адвокатам, профессорам, депутатам и министрам. И здесь, следовательно, низы мелкобуржуазной интеллигенции восстают против ее верхов.

Значит, переход мелкой буржуазии на путь фашизма неизбежен, неотвратим? Нет, такой вывод был бы постыдным фатализмом. Что действительно неизбежно, неотвратимо, так это гибель радикализма и всех тех политических группировок, которые свяжут с ними свою судьбу. В условиях капиталистического упадка не остается больше места партии демократических реформ и мирного "прогресса". Каким бы путем ни пошло дальнейшее развитие Франции, радикализм все равно сойдет со сцены, отвергнутый и оплеванный мелкой буржуазией, которую он окончательно предал. Что наше предсказание отвечает действительности, в этом каждый мыслящий рабочий будет отныне убеждаться на основании фактов и опыта каждого дня. Новые выборы будут приносить радикалам поражения. От них будут отходить слой за слоем народные массы снизу, группы перепуганных карьеристов - сверху. Отколы, расколы, измены будут следовать непрерывной чередой. Никакие маневры и блоки не спасут радикальной партии. Она потянет за собой на дно и "партию" Реноделя-Деа⁴⁸⁴ и К°. Гибель радикальной партии есть неотвратимый результат того факта, что буржуазное общество не может больше справляться со своими затруднениями при помощи так называемых демократических методов. Раскол между низами мелкой буржуазии и ее верхами неотвратим.

Но это вовсе не значит, что следовавшие за радикализмом массы должны неминуемо перенести свои надежды на фашизм. Правда, наиболее развращенная, деклассированная и жадная часть молодежи средних классов уже сделала свой выбор в этом направлении. Из этого резервуара формируются главным образом фашистские банды. Но тяжелые мелкобуржуазные массы города и деревни еще не сделали выбора. Они колеблются перед великим решением. Именно потому, что они колеблются, они пока еще продолжают, но уже без доверия, голосовать за радикалов. Это состояние колебания и раздумья будет, однако, длиться не годы, а месяцы. Политическое развитие получит в ближайший период лихорадочный темп. Мелкая буржуазия только в том случае отвергнет демагогию фашизма, если поверит в действительность другого пути. Но другой путь есть путь пролетарской революции.

Верно ли, что мелкая буржуазия боится революции?

Парламентские рутинеры, считающие себя знатоками народа, любят повторять: "Не надо пугать средние классы революцией, они не любят крайностей". В таком общем виде это утверждение совершенно ложно. Конечно, мелкий собственник стоит за порядок, пока дела его идут сносно и пока он надеется, что завтра они пойдут лучше. Но когда эта надежда утеряна, он легко приходит в бешенство и готов пуститься на самые крайние меры. Иначе как он мог бы опрокинуть демократическое государство и привести фашизм к победе в Италии и Германии? Отчаявшийся мелкий люд видит в фашизме прежде всего боевую силу против крупного капитала и верит, что, в отличие от рабочих партий, которые работают только языком, фашизм пустит в ход кулак, чтобы установить больше "справедливости". А крестьянин и ремесленник по-своему реалисты: они понимают, что без кулака дело не обойдется. Неверно, трижды неверно, будто нынешняя мелкая буржуазия потому не идет за рабочими партиями, что боится "крайних мер". Как раз наоборот. Низы мелкой буржуазии, ее главные массы, видят в рабочих партиях только парламентские машины, не верят силе рабочих партий, их способности к борьбе, их готовности довести на этот раз борьбу до конца. А если так, то стоит ли сменять радикализм на его левых парламентских собратьев? Вот как рассуждает или чувствует разоренный и возмущенный полусобственник. Без понимания этой психологии крестьян, ремесленников, служащих, маленьких чиновников и пр. - психологии, вытекающей из социального кризиса - невозможно выработать правильную политику.

Мелкая буржуазия экономически зависима и политически раздроблена. Она не может поэтому иметь самостоятельную политику. Она нуждается в "вожде", который внушал бы ей доверие. Этого вождя - индивидуального или коллективного, т. е. лицо или партию - может ей дать один из основных классов, т. е. либо крупная буржуазия, либо пролетариат. Фашизм объединяет и вооружает раздробленные массы, из "человеческой пыли" - мы пользуемся выражением Троцкого⁴⁸⁵ - он создает боевые отряды. Этим он дает мелкой буржуазии иллюзию ее самостоятельной силы. Ей начинает казаться, что она действительно будет командовать государством. Немудрено, если эти надежды и иллюзии ударяют ей в голову!

Но мелкая буржуазия может найти вождя и в лице пролетариата. Она показала это в России, отчасти в Испании. Она тяготела к этому в Италии, Германии, Австрии. Но партии пролетариата оказались там не на высоте исторической задачи. Чтобы повести за собой мелкую буржуазию, пролетариат должен завоевать ее доверие. А для этого он должен сам доверять своим силам. Ему нужна ясная программа действия и готовность бороться за власть всеми доступными ему средствами. Сплоченной революционной партией для решительной и беспощадной борьбы пролетариат говорит крестьянству и мелкому люду городов: "Я борюсь за власть; вот моя программа; я готов договориться с вами насчет изменений в этой программе; силу я буду применять только против крупного капитала и его лакеев, а с вами, тружениками, я хочу заключить союз на основе определенной программы". Такой язык крестьянин поймет. Нужно только, чтобы он поверил в способность пролетариата овладеть властью. А для этого нужно очистить единый фронт от всякой половинчатости, нерешительности, от веры в фразу; нужно понять обстановку и серьезно встать на путь революционной борьбы.

Союз с радикалами был бы союзом против средних классов

Ренодель, Фроссар и им подобные всерьез воображают, что союз с радикалами есть союз со "средними классами" и, следовательно, барьер против фашизма. Эти люди ничего не видят, кроме парламентских теней. Они игнорируют реальную эволюцию масс и гонятся за пережившей себя радикальной партией, которая тем временем поворачивается к ним задом. Они думают, что в эпоху великого социального кризиса союз пришедших в движение классов можно заменить блоком со скомпрометированной и обреченной на гибель парламентской кликой. Действительный союз пролетариата и средних классов есть вопрос не парламентской статичности, а революционной динамики. Этот союз надо создать, выковать в борьбе.

Вся суть нынешнего политического положения состоит в том, что отчаявшаяся мелкая буржуазия начинает сбрасывать с себя иго парламентской дисциплины и опеку консервативной "радикальной" клики, которая всегда обманывала народ, а ныне окончательно предала его. Связываться в этой обстановке с радикалами значит осуждать себя на презрение масс и толкать

мелкую буржуазию в объятия фашизма, как единственного спасителя.

Рабочая партия должна заниматься не безнадежными попытками спасти партию банкротов; наоборот, она должна всеми силами ускорять процесс освобождения масс от радикального влияния. Чем ревностнее и смелее она будет выполнять эту работу, тем вернее и скорее она подготовит союз рабочего класса с мелкой буржуазией. Надо брать классы в их движении. Надо равняться по их голове, а не по их хвосту. История сейчас работает быстро. Горе тому, кто отстанет!

Когда Фроссар отказывает социалистической партии в праве разоблачать, ослаблять, разлагать радикальную партию, то он выступает как консервативный радикал, а не как социалист. Только та партия имеет права на историческое существование, которая верит в свою программу и стремится весь народ объединить под своим знаменем. Иначе это не историческая партия, а парламентская котерия⁴⁸⁶, клика карьеристов. Не только право, но элементарный долг партии пролетариата состоит в том, чтобы освободить трудящиеся массы от губительного влияния буржуазии. Эта историческая задача получает сейчас особую остроту, ибо радикалы более, чем когда-либо, стремятся прикрыть работу реакции, убаюкивают и обманывают народ и тем готовят победу фашизма. Левые радикалы? Но они так же фатально капитулируют перед Эррио, как Эррио перед Тардые.

Фроссару хочется надеяться на то, что союз социалистов с радикалами приведет к "левому" правительству, которое разоружит фашистские организации и спасет республику. Трудно придумать более уродливую смесь демократических иллюзий и полицейского цинизма. Когда мы говорим, - об этом подробно ниже, - что нужна рабочая милиция, Фроссары и их подголоски возражают: "С фашизмом нужно бороться не физическими, а идеологическими мерами." Когда мы говорим: только смелая революционная мобилизация масс, возможная не иначе, как в борьбе с радикализмом, способна вырвать почву из-под ног у фашизма, те же люди нам возражают: "Нет, спасти нас может только полиция правительства Даладье-Фроссара".

Жалкий лепет! Ведь радикалы имели власть, и если они добровольно уступили ее Думергу, то не потому, что им не хватало помощи Фроссара, а потому, что они испугались фашизма, испугались крупной буржуазии, которая погрозила им роялистской бритвой, а еще больше испугались пролетариата, который начал подниматься против фашизма. В довершение скандала сам Фроссар, испугавшийся испуга радикалов, советовал Даладье капитулировать! Если допустить на минуту, - допущение явно невероятное! - что радикалы согласились бы порвать союз с Думергом для союза с Фроссаром, фашистские банды, на этот раз при явном содействии полиции, выступили бы в тройном числе на улицу, а радикалы вместе с Фроссаром немедленно же полезли бы под столы или спрятались бы в министерских уборных.

Но сделаем еще одно фантастическое допущение: полиция Даладье-Фроссара "разоружает" фашистов. Разве это решает вопрос? А кто разоружит саму полицию, которая правой рукой будет отдавать фашистам то, что отберет у них левой? Комедия полицейского разоружения только поднимет авторитет фашистов, как борцов против капиталистического государства. Удары по фашистским бандам могут быть действительны лишь постольку, поскольку эти банды одновременно изолируются политически. Между тем гипотетическое правительство Даладье-Фроссара ничего не даст ни рабочим, ни мелкобуржуазным массам, ибо не сможет посягнуть на основы частной собственности. А без экспроприации банков, крупных торговых предприятий, ключевых отраслей промышленности, транспорта, без монополии внешней торговли и ряда других глубоких мер ничем невозможно помочь ни крестьянину, ни ремесленнику, ни мелкому торговцу. Своей пассивностью, своим бессилием, своей лживостью правительство Даладье-Фроссара вызвало бы бури возмущения в мелкой буржуазии и окончательно толкнуло бы ее на путь фашизма, если бы... если бы такое правительство было возможно.

Надо, однако, признать, что Фроссар не одинок. В тот самый день (24 октября), когда умеренный Жиромский выступил в "Populaire"⁴⁸⁷ против попытки Фроссара возродить картель, Кашен выступил в "Humanit" с защитой идеи блока с радикал-социалистами. Он, Кашен, восторженно приветствует тот факт, что радикалы высказались за "разоружение" фашистов. Правда, радикалы высказываются за разоружение всех и всяких, в том числе и рабочих организаций. Правда, в руках бонапартистского государства такая мера

направилась бы главным образом против рабочих. Правда, "разоруженные" фашисты на другой же день получили бы двойное количество оружия, не без помощи полиции. Но к чему огорчать себя мрачными размышлениями? Каждый человек нуждается в надежде. И вот Кашен идет по стопам Вельса и Отто Бауэра, которые тоже ждали в свое время спасения от разоружения, произведенного полицией Брюнинга и Дольфуса. Совершив очередной поворот на 180°, Кашен отождествляет радикал-социалистов со средними классами. Угнетенных крестьян он видит не иначе, как сквозь призму радикализма. Союз с мелкими трудящимися собственниками он представляет себе не иначе, как в виде блока с теми парламентскими дельцами, которые начинают, наконец, терять доверие мелких собственников. Вместо того, чтоб питать и разжигать начавшееся возмущение крестьянина и ремесленника на путь союза с пролетариатом, Кашен собирается подпереть радикальных банкротов авторитетом "общего фронта" и тем толкнуть возмущение мелкобуржуазных низов на путь фашизма.

Теоретическая неряшливость всегда жестоко мстит за себя в революционной политике. "Антифашизм", как и "фашизм" - это у сталинцев не конкретные понятия, а два больших пустых мешка, куда они суют все что попало. Думерг для них "фашист", как раньше "фашистом" был Даладье. На самом деле Думерг есть капиталистический эксплуататор фашистского крыла мелкой буржуазии, как Эррио - эксплуататор радикальной мелкой буржуазии. Сейчас эти две системы сочетались в бонапартистском режиме. Думерг тоже по-своему "антифашист", ибо он предпочитает военно-полицейскую диктатуру крупного капитала гражданской войне с неизвестным исходом. Из страха перед фашизмом и еще больше перед пролетариатом "антифашист" Даладье примкнул к Думергу. Но режим Думерга немислим без существования фашистских банд. Элементарный марксистский анализ показывает таким образом полную несостоятельность мысли о союзе с радикалами против фашизма! Сами радикалы позаботятся доказать на деле фантастичность и реакционность политических мечтаний Фроссара и Кашена.

Рабочая милиция и ее противники

Чтобы бороться, надо сохранять и укреплять орудия и средства борьбы: организации, прессу, собрания и пр. Всему этому фашизм грозит прямо и непосредственно. Он еще слишком слаб, чтобы приступить к прямой борьбе за власть; но он достаточно силен, чтобы попытаться бить пролетарские организации по частям, закалять в этих нападениях свои банды и сеять в рабочих рядах уныние и недоверие к своим силам. При этом фашизм находил себе бессознательных помощников в лице всех тех, которые говорят о недопустимости или безнадежности "физической борьбы" и требуют от Думерга разоружения его фашистской гвардии. Ничто так не опасно пролетариату, особенно в нынешних условиях, как сладкая отравка ложных надежд. Ничто так не повышает наглости фашистов, как дряблый "пацифизм" рабочих организаций. Ничто так не подрывает доверия к пролетариату со стороны средних классов, как выжидательная пассивность, как отсутствие воли к борьбе.

"Populaire" и особенно "Humanit" каждый день пишут: "Единый фронт - барьер против фашизма", "Единый фронт не допустит...", "Фашисты не посмеют...", и так без конца. Это фразы. Надо прямо сказать рабочим, социалистам и коммунистам: не позволяйте легкомысленным, безответственным журналистам и ораторам убаюкивать вас фразами. Дело идет о наших головах и о будущем социализма. Не нам отрицать значение единого фронта. Мы проповедовали его тогда, когда вожди обеих партий были против него. Единый фронт открывает огромные возможности. Но не более того. Сам по себе единый фронт ничего не решает. Решает только борьба масс. Единый фронт окажется великолепной вещью, если коммунистические отряды прибегут на помощь социалистическим - и наоборот - в случае нападения фашистских банд на "Populaire" или "Humanit". Но для этого пролетарские боевые отряды должны существовать, обучаться, упражняться, вооружаться. Если же организации обороны, т. е. рабочей милиции, нет, то сколько бы "Populaire" и "Humanit" ни писали статей о всемогуществе единого фронта, обе газеты окажутся беззащитными перед первым хорошо подготовленным нападением фашистов. Попробуем критически взвесить "доводы" и "теории" противников рабочей милиции, которые очень многочисленны и влиятельны в обеих рабочих партиях.

- Нам нужна самозащита масс, а не милиция, - говорят они нередко. Но что такое "самозащита масс"? Без боевой организации, без специальных кадров,

без вооружения? Переключившись на неорганизованные, неподготовленные, предоставленные самим себе массы оборону от фашизма значило бы сыграть роль неизмеримо более низкую, чем роль Понтия Пилата⁴⁸⁹. Отрицать роль милиции, значит отрицать роль авангарда. К чему тогда партия? Без поддержки масс милиция – ничто. Но без организованных боевых отрядов самая героическая масса будет разбита по частям фашистскими бандами. Противопоставлять милицию самозащите – бессмыслица. Милиция есть орган самозащиты.

– Призывать к организации милиции, – говорят некоторые, правда, наименее серьезные и честные противники, – значит заниматься "провокацией". Это не довод, а ругательство. Если необходимость обороны рабочих организаций вытекает из всей обстановки, как же можно не призывать к созданию милиции? Может быть, нам хотят сказать, что создание "провоцирует" фашистов на нападения, а правительство – на репрессии? Тогда это насквозь реакционный аргумент. Либерализм всегда говорил рабочим, что своей классовой борьбой они "провоцируют" реакцию. Реформисты повторяли это обвинение по адресу марксистов. Меньшевики – по адресу большевиков. Эти обвинения сводятся в последнем счете к той глубокой мысли, что, если бы угнетенные не шевелились, то угнетатели не были бы вынуждены бить их. Это философия Толстого и Ганди, но никак не Маркса и Ленина. Если "Humanit" хочет и впредь развивать учение о "непротивлении злу насилием", то ей следовало бы символом своим избрать не серп и молот, эмблему октябрьской революции, а ту благочестивую козу, которая питает Ганди своим молоком.

– Но вооружение рабочих уместно только в революционной ситуации, которой еще нет! – Этот глубокомысленный довод означает, что рабочие должны давать бить себя до тех пор, пока ситуация не станет революционной. Вчерашние проповедники "третьего периода" не хотят видеть того, что творится у них перед глазами. Сам вопрос о вооружении встал практически только потому, что "мирная", "нормальная", "демократическая" ситуация уступила место бурной, критической и неустойчивой, которая может одинаково перейти как в революционную, так и в контрреволюционную. Эта альтернатива зависит прежде всего от того, позволят ли передовые рабочие безнаказанно громить себя по частям или же будут на каждый удар отвечать двумя ударами, поднимая дух угнетенных и объединяя их вокруг себя. Революционная ситуация не падает с неба. Она складывается при активном участии революционного класса и его партии.

Французские сталинцы ссылаются теперь на то, что милиция не оберегла от поражения немецкий пролетариат. Еще вчера они вообще отрицали поражение в Германии и утверждали, что политика германских сталинцев была правильна с начала до конца. Сегодня они видят все зло в немецкой рабочей милиции (Rote Front)⁴⁹⁰. Так из одной ошибки они попадают в противоположную, не менее чудовищную. Милиция не решает вопроса сама по себе. Необходима правильная политика. Между тем политика сталинизма в Германии ("социал-фашизм – главный враг", раскол профсоюзов, заигрывание с национализмом, путчизм) фатально вела к изоляции пролетарского авангарда и к его крушению. При никуда не годной стратегии никакая милиция не могла спасти положение.

Вздор, будто организация милиции сама по себе ведет на путь авантюры, провоцирует врага, заменяет политическую борьбу физической и прочее. За всеми этими фразами нет ничего, кроме политической трусости. Милиция как крепкая организация авангарда есть на самом деле наиболее надежное средство против авантюры, против индивидуального терроризма, против кровавых стихийных вспышек. Милиция есть в то же время единственное серьезное средство свести к минимуму ту гражданскую войну, которую фашизм навязывает пролетариату. Как только рабочие, невзирая на отсутствие "революционной ситуации", проучат несколько раз по-свойски патристических папенькиных сынков, рекрутирование новых фашистских банд сразу станет неизмеримо труднее.

Но тут запутавшиеся стратеги выдвигают против нас еще более поразительные доводы. Процитируем дословно. "Если мы отвечаем на револьверные выстрелы фашистских банд такими же револьверными выстрелами, – пишет "Humanit" (23 окт[ября]), – мы теряем из виду то, что фашизм есть продукт капиталистического режима, и что, борясь против фашизма, мы должны метить во всю систему". Трудно в нескольких строках нагромоздить больше путаницы и ошибок. Нельзя обороняться от фашистов, потому что они представляют собою... "продукт капиталистического режима". Это значит, что надо вообще отказаться от борьбы, ибо все современные социальные бедствия

представляют собою "продукт капиталистической системы", Когда фашисты убивают революционера или поджигают здание пролетарской газеты, рабочие должны философски констатировать: "Увы, убийства и пожары - продукт капиталистической системы," и разойтись со спокойной совестью по домам. Боевая теория Маркса подменяется фаталистической прострацией, выгодной только классовому врагу. Разорение мелкой буржуазии есть, разумеется, продукт капитализма. Рост фашистских банд есть, в свою очередь, продукт разорения мелкой буржуазии. Но, с другой стороны, и рост нищеты и ожесточения пролетариата есть тоже продукт капитализма, а милиция, в свою очередь, есть продукт обострения классовой борьбы. Почему же у "марксистов" из "Humanit " фашистские банды являются законным продуктом капитализма, а рабочая милиция - незаконным продуктом... троцкистов? Решительно ничего нельзя понять!

Надо, говорят нам, целиться сразу в "систему". Каким образом: через головы людей? Однако же фашисты в разных странах начинали с револьверных выстрелов, а кончали разгромом всей "системы" рабочих организаций. Как же иначе приостановить вооруженное наступление врага, если не вооруженной обороной, чтобы затем в свою очередь перейти в наступление?

Правда, "Humanit " признает теперь на словах оборону, но только как "самооборону масс": милиция вредна потому, что отрывает, видите ли, боевые отряды от массы. Но почему же у фашистов существуют самостоятельные вооруженные отряды, которые не отрываются от реакционной массы, а наоборот, своими правильно организованными ударами поднимают дух массы и укрепляют ее решимость? Или, может быть, пролетарская масса по своим боевым качествам ниже деклассированной мелкой буржуазии?

Запутавшись вконец, "Humanit " начинает колебаться: оказывается, что самозащита масс нуждается в создании особых "групп самозащиты". На место отвергнутой милиции ставятся специальные группы, или отряды. Похоже сперва, будто разница только в имени. Правда, и название, предложенное "Humanit ", никуда не годится. Можно говорить о "самозащите масс", но нельзя говорить о "группах самозащиты", ибо группы имеют своей целью защищать не сами себя, а рабочие организации. Однако дело, разумеется, не в названии. "Группы самозащиты" должны, по мнению "Humanit ", отказаться от употребления оружия, чтобы не впасть в "путчизм". Эти мудрецы третируют рабочий класс как ребенка, которому нельзя давать в руки бритву. К тому же бритвы, как известно, представляют монополию *camelots du roi*, которые, являясь законным "продуктом капитализма", опрокинули при помощи бритв "систему" демократии. Как же, однако, "группы самозащиты" станут защищаться от фашистских револьверов? Очевидно, "идеологически". Иначе сказать: им ничего не останется, как прятаться. Не имея подходящего предмета в руках, они должны будут искать "самозащиты" в ногах. А фашисты будут тем временем безнаказанно громить рабочие организации. Хотя пролетариат и потерпит при этом страшное поражение, зато он окажется неповинен в "путчизме". Ничего, кроме отвращения и презрения, не вызывает эта трусливая болтовня под флагом "большевизма"!

Еще во время блаженной памяти "третьего периода", когда стратеги "Humanit " бредили баррикадами, "завоевывали" каждый день улицу и называли "социал-фашистами" всех, кто не разделял их нелепостей, мы предсказывали: как только эти люди обожгут себе кончики пальцев, они станут самыми крайними оппортунистами. Предсказание подтвердилось ныне полностью. В то время, как в социалистической партии крепнет и растет движение в пользу милиции, вожди так называемой компартии бегают с пожарной кишкой, чтобы охладить стремление передовых рабочих строиться в боевые колонны. Можно ли представить себе более гибельную и деморализующую работу?

Надо строить рабочую милицию

В рядах социалистической партии приходится слышать иногда такое возражение: "Милицию нужно строить, но о ней не нужно говорить вслух". Можно только приветствовать тех товарищей, которые серьезно озабочены тем, чтобы оградить практическую сторону дела от непрошенных глаз и ушей. Но слишком наивно думать, будто можно создать милицию незаметно, тайно, меж четырех стен. Нам нужны десятки, а затем и сотни тысяч бойцов. Они появятся лишь в таком случае, если миллионы рабочих и работниц, а вслед за ними и крестьян, поймут необходимость милиции и создадут вокруг добровольцев атмосферу горячего сочувствия и активной поддержки. Конспирация может и должна

окутывать только техническую сторону дела. Что же касается политической кампании, то она должна развертываться открыто, на собраниях, на заводах, на улицах и площадях.

Основными кадрами милиции должны быть промышленные рабочие, связанные по месту работы, знающие друг друга и могущие оградить свои боевые отряды от проникновения агентов врага гораздо лучше и вернее, чем самые высокие бюрократы. Конспиративные штабы без открытой мобилизации масс в минуту опасности бессильно повиснут в воздухе. Нужно, чтобы все рабочие организации принялись за дело. В этом вопросе не может быть разграничительной линии между рабочими партиями и синдикатами. Рука об руку они должны мобилизовать массы. Тогда успех рабочей милиции будет обеспечен полностью.

Но где же рабочим взять оружие? - возражают трезвые "реалисты", т. е. перепуганные филистеры. Ведь у классового врага - ружья, пушки, танки, газы, самолеты. А у рабочих - сотни револьверов и перочинные ножи?

В этом возражении все сваливается в кучу, чтобы запугать рабочих. С одной стороны, наши мудрецы отождествляют вооружение фашистов с вооружением государства, с другой - они обращаются к государству с просьбой разоружить фашистов. Замечательная логика! На самом деле их позиция ложна в обоих случаях. Во Франции фашисты еще далеко не овладели государством. 6 февраля они находились в вооруженном конфликте с полицией государства. Неправильно поэтому говорить о пушках и танках, когда дело идет непосредственно о вооруженной борьбе с фашистами. Фашисты, разумеется, богаче нас, им легче купить оружие. Но рабочие многочисленнее, решительнее, самоотверженнее - по крайней мере, когда чувствуют твердое революционное руководство. Помимо других источников, рабочие могут вооружаться за счет фашистов, систематически разоружая их. Это сейчас один из самых серьезных видов борьбы с фашизмом. Когда рабочие арсеналы начнут пополняться за счет фашистских складов, банки и тресты станут осторожнее жертвовать на вооружение своей разбойничьей гвардии. Можно даже допустить, что в этом случае - но только в этом случае - встревоженные власти действительно начнут препятствовать вооружению фашистов, чтобы не доставить дополнительный источник вооружения рабочим. Давно известно: только революционная тактика порождает, в виде побочного продукта "реформы" или правительственные уступки.

Но как же разоружать фашистов? Конечно, этого нельзя сделать посредством одних только передовых статей. Нужно создать боевые дружины. Нужно создать штабы милиции. Нужно поставить хорошо службу разведки. Тысячи добровольных информаторов и пособников придут со всех сторон, когда узнают, что дело поставлено нами серьезно. Нужна воля к революционному действию⁴⁹¹.

Но фашистское оружие - не единственный, разумеется, источник. Во Франции свыше миллиона организованных рабочих. Вообще говоря, это очень мало. Но этого вполне достаточно, чтобы положить начало рабочей милиции. Если партии и синдикаты вооружат только одну десятую часть своих членов, это уже создаст милицию в 100.000 человек. Можно не сомневаться, что число добровольцев на другой же день после воззвания "единого фронта" далеко превысило бы это число. Отчисления партий и союзов, добровольные сборы и пожертвования дали бы возможность в течение месяца-двух обеспечить оружием 100-200 тысяч рабочих бойцов. Фашистская сволочь скоро поджала бы хвост. Вся перспектива развития стала бы неизмеримо благоприятнее.

Ссылаться на отсутствие оружия и на другие объективные причины в объяснение того, почему до сих пор не приступили к созданию милиции, значит обманывать себя и других. Главное препятствие, можно сказать, единственное препятствие коренится в консервативном и пассивном характере руководящих рабочих организаций. Вожди-скептики не верят в силу пролетариата. Они надеются на всякие чудеса сверху вместо того, чтоб дать выход революционной энергии снизу. Сознательные рабочие должны заставить своих вождей либо приступить немедленно к созданию рабочей милиции, либо уступить свое место более молодым и свежим силам.

Вооружение пролетариата

Стачка немислима без пропаганды и агитации, но также и без пикетов, которые, где могут, действуют убеждением, а где вынуждены, прибегают к физической силе. Стачка есть простейшая форма классовой борьбы, которая всегда сочетает в разной пропорции "идеологические" приемы с физическими.

Борьба с фашизмом есть в основе своей политическая борьба, которая нуждается, однако, в милиции, как стачка в пикетах. По существу дела, пикет и есть зародыш рабочей милиции. Кто считает, что надо отказаться от "физической" борьбы, тот должен отказаться от всякой борьбы, ибо дух не живет без плоти.

По великолепному выражению военного теоретика Клаузевица, война есть продолжение политики другими средствами. Это определение относится полностью и к гражданской войне. Физическая борьба есть только "другое средство" политической борьбы. Нельзя противопоставлять их друг другу, ибо нельзя по произволу приостановить политическую борьбу, когда она силой внутренней необходимости превращается в физическую борьбу. Долг революционной партии - предвидеть заранее неизбежность превращения политики в открытое военное столкновение и изо всех сил готовиться к этому моменту, как готовятся к нему господствующие классы.

Милицейские отряды для обороны от фашизма есть первое слово на пути вооружения трудящихся, но не последнее. Наш лозунг: вооружение пролетариата и революционных крестьян. Народная милиция должна в конце концов охватить всех трудящихся. Выполнить эту программу полностью можно будет только в рабочем государстве, в руки которого перейдут все средства производства, а следовательно, и средства истребления, т. е. все оружие и все заводы, производящие оружие.

Однако прийти к рабочему государству нельзя с голыми руками. О мирном, конституционном пути к социализму могут теперь говорить только политические инвалиды вроде Реноделя. Конституционный путь перерыт окопами, в которых засели фашистские банды. Таких окопов немало впереди. Буржуазия не остановится и перед десятком государственных переворотов при помощи полиции и армии, лишь бы не допустить пролетариат к власти. Рабочее, социалистическое государство не может быть создано иначе, как путем победоносной революции. Всякая революция подготавливается ходом экономического и политического развития, но она всегда разрешается открытым вооруженным столкновением враждебных классов. Революционная победа становится возможной лишь благодаря долгой политической агитации, воспитательной работе, организации масс. Но и само вооруженное столкновение должно быть подготовлено задолго. Рабочие должны знать, что им придется драться не на жизнь, а на смерть. Они должны стремиться к оружию, как к залогому своего освобождения. В такую критическую эпоху, как нынешняя, партия революции должна неутомимо проповедовать рабочим необходимость вооружения и должна делать все, чтоб обеспечить вооружение по крайней мере пролетарского авангарда. Без этого победа немыслима.

Последние крупные избирательные победы британской Labour Party несколько не ослабляют сказанного. Если предположить даже, что ближайшие парламентские выборы дадут рабочей партии абсолютное большинство, - что во всяком случае не обеспечено; если допустить далее, что партия действительно вступит на путь социалистических преобразований, - что маловероятно, - она немедленно же встретит на своем пути такое бешеное сопротивление верхней палаты, короля, банков, биржи, бюрократии, большой прессы, что раскол во фракции станет неизбежным, и левое, более радикальное крыло окажется парламентским меньшинством. Одновременно с этим фашистское движение получит небывалый размах. Напуганная муниципальными выборами британская буржуазия уже и сейчас, несомненно, деятельно готовится ко внепарламентской борьбе, тогда как верхи рабочей партии убаюкивают пролетариат избирательными успехами и вынуждены, к несчастью, глядеть на британские события через розовые очки Жана Лонге⁴⁹². На самом деле британская буржуазия навяжет пролетариату тем более жестокую гражданскую войну, чем меньше вожди Labour Party готовятся к ней.

- А где же вы возьмете оружие для всего пролетариата? - снова возражают скептики, которые свою внутреннюю несостоятельность принимают за объективную невозможность. Они забывают, что тот же вопрос стоял перед всякой революцией на всем протяжении истории. И тем не менее победоносные революции отмечают важнейшие этапы в развитии человечества.

Пролетариат производит оружие, перевозит его, строит здания, где оно содержится, охраняет эти здания от самого себя, служит в армии и создает все ее оборудование. Не замки и не стены отделяют оружие от пролетариата, а привычки повиновения, гипноз классового господства, националистическая

отрава. Стоит разрушить эти психологические стены – и никакие каменные стены не устоят. Стоит пролетариату захотеть оружия – и он найдет его. Задача революционной партии – пробуждать в нем эту волю и облегчать ее осуществление.

Но тут Фроссар и сотни других перепуганных парламентариев, журналистов и синдикальных чиновников выдвигают свой последний, самый тяжеловесный довод: разве могут вообще серьезные люди надеяться на успех физической борьбы после трагического опыта в Австрии и Испании? Подумайте о нынешней технике: танки! Газы!! Аэропланы!!! Этот аргумент показывает лишь, что некоторые "серьезные люди" не только ничему не хотят учиться, но со страху позабывают даже то немного, что знали раньше. История последних двадцати лет особенно ярко свидетельствует, что основные вопросы во взаимоотношениях между классами, как и между нациями, решаются физической силой. Пацифисты долго надеялись, что рост военной техники сделает невозможной войну. Филистеры уже много десятков лет повторяют, что рост военной техники делает невозможной революцию. Однако войны и революции идут своим чередом. Никогда не было столько революций, в том числе и победоносных, как со времени последней войны, раскрывшей всю мощь военной техники.

Под видом новейших откровений Фроссар и К° преподносят старые клише, заменив лишь ссылку на автоматические ружья и митральезы ссылкой на танки и бомбардировочные самолеты. Мы отвечаем: за каждой машиной стоят люди, которые связаны не только техническими, но и социальными и политическими связями. Когда историческое развитие ставит перед обществом неотложную революционную задачу, как вопрос жизни и смерти; когда налицо есть прогрессивный класс, с победой которого связано спасение общества, тогда сам ход политической борьбы открывает перед революционным классом самые разнообразные возможности – то парализовать военную силу врага, то прямо овладеть ею, хотя бы отчасти. Сознанию филистера эти возможности представляются всегда "счастливой случайностью", которая больше не повторится. На самом деле в самых неожиданных сочетаниях, но вполне закономерно по существу такого рода возможности открываются в каждой великой, т. е. истинно народной революции. Но победа не дается все же сама собою. Чтобы использовать благоприятные возможности, нужна революционная воля, железная решимость победить, смелое и дальновзорное руководство.

"Humanit" на словах признает лозунг "вооружения рабочих", но только для того, чтобы отказаться от него на деле. Сейчас, в настоящий период, по утверждению этой газеты, недопустимо выдвигать лозунг, который уместен только "во время полного революционного кризиса". Опасно заряжать ружье, – говорит слишком "осторожный" охотник, – пока не показалась дичь. Но когда дичь покажется, заряжать будет поздно. Неужели же стратеги "Humanit" думают, что во время "полного революционного кризиса" они смогут без подготовки мобилизовать и вооружить пролетариат? Чтобы достать много оружия, нужно хоть некоторое количество оружия. Нужны боевые кадры. Нужно несокрушимое стремление масс овладеть оружием. Нужна неустанная подготовительная работа, не в гимнастических залах только, а в неразрывной связи с сегодняшней борьбой масс. Это значит: нужно немедленно строить милицию и в то же время вести пропаганду в пользу всеобщего вооружения рабочих и революционных крестьян.

Но поражения в Австрии и в Испании...

Бессилие парламентаризма в условиях кризиса всей социальной системы капитализма так очевидно, что вульгарные демократы в рабочем лагере (Ренодель, Фроссар и их подражатели) не находят ни одного довода, чтобы защитить свои окостеневшие предрассудки. Тем охотнее хватаются они за все неудачи и поражения на революционном пути. Ход их мыслей таков: если чистый парламентаризм не открывает выхода, то и с вооруженной борьбой дело обстоит не лучше. Поражения пролетарских восстаний в Австрии и в Испании являются сейчас для них, разумеется, излюбленным доводом. На самом деле в критике революционного метода теоретическая и политическая несостоятельность вульгарных демократов обнаруживается еще ярче, чем в защите ими методов гниющей буржуазной демократии.

Никто не говорит, что революционный метод автоматически обеспечивает победу. Решает не голый метод, а его правильное применение, марксистская ориентировка в событиях, сильная организация, завоеванное долгим опытом

доверие масс, пронизательное и смелое руководство. Исход каждой данной битвы зависит от момента и условий столкновения, от соотношения сил. Марксизм очень далек от мысли, будто вооруженное столкновение есть единственный революционный метод, или панацея, пригодная при всяких условиях. Марксизм вообще не знает фетишей, ни парламентарных, ни инсurreкционных. Все хорошо на своем месте и в свое время. Одно можно сказать с самого начала: на парламентарном пути социалистический пролетариат нигде и никогда еще не завладевал властью и даже не приближался к ней. Правительства Шейдемана, Германа Мюллера, Макдональда не имели ничего общего с социализмом. Буржуазия подпускала социал-демократов и лейбористов к власти лишь на том условии, что они будут защищать капитализм от его врагов. И они ревностно выполняли это условие. Чисто парламентарный, антиреволюционный социализм нигде и никогда не приводил к социалистическому министерству; зато он с успехом воспитывал презренных ренегатов, эксплуатировавших рабочую партию для министерской карьеры: Мильеран⁴⁹³, Бриан, Вивiani⁴⁹⁴, Лаваль⁴⁹⁵, Поль Бонкур⁴⁹⁶, Марке⁴⁹⁷.

С другой стороны, доказано историческим опытом, что революционный метод может привести к завоеванию власти пролетариатом: Россия - в 1917 г., Германия и Австрия - в 1918 г., Испания - в 1930 г.⁴⁹⁸ В России была сильная большевистская партия, которая в течение долгих лет готовила революцию и сумела прочно овладеть властью. Реформистские партии в Германии, Австрии и Испании не готовили революцию и не руководили ею, а претерпевали ее; испугавшись власти, которая против их воли попала к ним в руки, они добровольно передали ее буржуазии. Таким путем они подорвали доверие пролетариата к самим себе, и еще более - доверие мелкой буржуазии к пролетариату. Подготовив условия роста фашистской реакции, они пали ее жертвой.

Гражданская война, сказали мы вслед за Клаузевицем, есть продолжение политики, только другими средствами. Это значит: результат гражданской войны только на 1/4, если не на 1/10, зависит от хода самой гражданской войны, от ее технических средств, от чисто военного руководства; на 3/4, если не на 9/10 - от политической подготовки. В чем же состоит политическая подготовка? В революционном сплочении масс; в освобождении их от рабских надежд на милость, великодушье, лояльность "демократических" рабовладельцев; в воспитании революционных кадров, умеющих презирать официальное общественное мнение и способных проявить по отношению к буржуазии хоть десятую долю той беспощадности, какую буржуазия проявляет по отношению к трудящимся. Без такого закала гражданская война, когда обстоятельства навяжут ее, - а они ее все равно навяжут, - развернется в самых неблагоприятных для пролетариата условиях, будет зависеть от многих случайностей, причем даже в случае военной победы власть может ускользнуть из рук пролетариата. Кто не предвидит, что борьба классов неизбежно ведет к вооруженному восстанию, тот слеп. Но не менее слеп и тот, кто за вооруженным столкновением и его исходом не видит всей предшествующей политики борющихся классов.

В Австрии потерпел поражение не метод восстания, а австромарксизм, в Испании - беспринципный парламентарный реформизм. В 1918 году австрийская социал-демократия за спиной пролетариата передала завоеванную им власть буржуазии. В 1927 г. она не только трусливо отшатнулась от пролетарского восстания⁴⁹⁹, которое имело все шансы на победу, но направила рабочий Шуцбунд⁵⁰⁰ против восставших масс. Этим она подготовила победу Дольфуса. Бауэр и К° говорили: "Мы хотим мирного развития; но если враги потеряют голову и нападут на нас, тогда..." Эта формула кажется очень "мудрой" и "реалистической". К сожалению, по этому австро-марксистскому шаблону строит свои рассуждения и Марсо Пивер⁵⁰¹. "Если... тогда." На самом деле эта формула представляет логику для рабочих: она их успокаивает, усыпляет, обманывает. "Если" означает: формы борьбы зависят от доброй воли буржуазии, а не от абсолютной непримиримости классовых интересов. "Если" означает: если мы будем мудры, осторожны, уступчивы, то и буржуазия будет лояльна, и все обойдется мирно. Гонясь за призраком "если", Отто Бауэр и другие вожди австрийской с[оциал]-д[емократии] пассивно отступали перед реакцией, сдавали ей одну позицию за другой, деморализовали массы, снова отступали, пока не оказались окончательно загнаны в тупик; здесь, на последнем редуте, они приняли сражение и - потеряли его.

В Испании события шли иным путем, но причины поражения в основном те же

самые. Социалистическая партия, подобно русским эсерам и меньшевикам, разделила власть с республиканской буржуазией, чтоб помешать рабочим и крестьянам довести революцию до конца. В течение двух лет социалисты у власти помогали буржуазии отделяться от масс крохами аграрных, социальных и национальных реформ. Против наиболее революционных слоев народа социалисты применяли репрессии. Результат был двоякий. Анархо-синдикализм, который при правильной политике рабочей партии растаял бы в огне революции как воск, на самом деле окреп и сплотил вокруг себя боевые слои пролетариата. На другом полюсе социально-католическая демагогия искусно использовала недовольство масс буржуазно-социалистическим правительством. Когда социалистическая партия оказалась достаточно скомпрометированной, буржуазия отбросила ее от власти и перешла в наступление по всему фронту. Социалистической партии пришлось обороняться в тех крайне неблагоприятных условиях, какие подготовила ее собственная предшествующая политика. Буржуазия имела уже массовую опору справа. Анархо-синдикалистские вожди, совершившие в течение революции все ошибки, какие только доступны этим профессиональным путаникам, отказались поддержать восстание, руководимое предателями - "политиками". Движение получило не всеобщий, а спорадический характер. Правительство направляло удары на отдельные шахматные клетки. Так навязанная реакцией гражданская война закончилась поражением пролетариата.

Из испанского опыта нетрудно сделать вывод против социалистического участия в буржуазном правительстве. Вывод сам по себе бесспорный, но совершенно недостаточный. Мнимый австро-марксистский "радикализм" несколько не лучше испанского министрализма. Разница между ними техническая, а не политическая. Оба ждали, что буржуазия ответит им "лояльностью" на "лояльность". И оба довели пролетариат до катастрофы. В Испании, как и в Австрии, потерпели поражение не методы революции, а оппортунистические методы в революционной обстановке. Это не одно и то же!

* * *

Мы не останавливаемся здесь на политике Коминтерна в Австрии и Испании, отсылая читателя к комплектам "Verit" за прошлые годы и к ряду изданных нами брошюр. В исключительно благоприятной политической обстановке австрийская и испанская компартии, обремененные теорией "третьего периода", "социал-фашизма" и пр., оказались обречены на полную изоляцию. Компрометируя методы революции авторитетом "Москвы", они преграждали вместе с тем путь подлинно марксистской, подлинно большевистской политике. Основное свойство революции в том, что она подвергает быстрой и беспощадной проверке все доктрины и все методы. Наказание следует почти немедленно за преступлением. Ответственность Коминтерна за поражения пролетариата Германии, Австрии, Испании неизмерима. Недостаточно вести "революционную" (на словах) политику. Нужна правильная политика. Другого секрета победы еще никто не выдумал.

Единый фронт и борьба за власть

Мы уже сказали: единый фронт социалистической и коммунистической партий заключает в себе грандиозные возможности. Если он только серьезно захочет этого, он станет завтра хозяином Франции. Но он должен этого захотеть.

То обстоятельство, что Жуо и вообще бюрократия С.Ж.Т. остаются вне единого фронта, охраняя свою "самостоятельность", как бы противоречит нашим словам. Но это только на первый взгляд. В эпоху великих задач и великих опасностей, поднимающих на ноги массы, перегородки между политическими и синдикальными организациями пролетариата стираются. Рабочие хотят знать, как им спастись от безработицы и фашизма, и они очень мало заботятся о "независимости" Жуо от пролетарской политики (от буржуазной политики Жуо - увы - весьма зависим). Если пролетарский авангард в лице Единого фронта наметит правильный путь борьбы, то все межевые знаки, установленные синдикальной бюрократией, будут опрокинуты живым пролетарским потоком. Ключ к позиции сейчас у Единого фронта. Если он этим ключом не воспользуется, он сыграет ту же печальную роль, какую неизбежно сыграл бы в русской революции единый фронт меньшевиков с эсерами, если бы... если бы им не помешали большевики.

Мы говорим не о социалистической и коммунистической партиях в отдельности, потому что политически обе они отказались от самостоятельности

в пользу Единого фронта⁵⁰². Раз две рабочие партии, жестоко конкурировавшие в прошлом, отказались критиковать друг друга и отвоевывать друг у друга сторонников, тем самым они перестали существовать как отдельные партии. Ссылка на сохранившиеся "принципиальные разногласия" не меняет дела. Раз принципиальные разногласия не проявляются откровенно и активно в такой ответственный момент, как ныне, то они тем самым политически перестают существовать; они похожи на клад, покоящийся на дне океана. Закончится ли совместная работа слиянием или нет, мы не предугадываем. Но для данного периода, имеющего решающее значение в судьбах Франции, Единый фронт действует как одна несовершенная партия, построенная на принципе федерации.

Чего хочет Единый фронт? Он до сих пор этого не сказал массам. Борьбы с фашизмом? Но Единый фронт до сих пор не разъяснил даже, как он думает бороться с фашизмом. К тому же чисто оборонительный блок против фашизма был бы, может быть, достаточен в том случае, если бы во всем остальном обе партии сохраняли полную самостоятельность. Но нет, мы имеем такой Единый фронт, который охватывает почти всю открытую деятельность обеих партий и исключает их взаимную борьбу за большинство пролетариата. Из этого положения надо сделать все выводы. Первый и важнейший из них: борьба за власть. Целью Единого фронта может быть лишь правительство Единого фронта, т. е. правительство социалистов и коммунистов, министерство Блюма-Кашена. Это надо сказать открыто. Если Единый фронт берет себя всерьез, - а только при этом условии его возьмут всерьез народные массы, - он не может уклониться от лозунга завоевания власти. Какими средствами? Всеми средствами, какие ведут к цели. Единый фронт не отказывается от парламентской борьбы. Что он пользуется парламентом прежде всего для того, чтобы раскрыть бессилие парламента и разъяснить народу, что нынешнее правительство имеет внепарламентскую базу и что опрокинуть его можно только могущественным движением масс. Борьба за власть означает использование всех возможностей, какие открывает полупарламентарно-бонапартистский режим, чтобы опрокинуть этот режим революционным напором, чтобы заменить буржуазное государство рабочим государством.

Последние кантональные выборы дали рост социалистических и особенно коммунистических голосов. Сам по себе этот факт ничего не решает. Германская компартия накануне своего крушения имела несравненно более бурный приток голосов. Новые широкие слои угнетенных толкаются влево всей обстановкой, даже независимо от политики крайних партий. Французская коммунистическая партия выиграла больше голосов, ибо по традиции она, несмотря на нынешнюю свою консервативную политику, остается "крайней левой". Массы показывают этим свое стремление дать рабочим партиям толчок влево, ибо массы неизмеримо левее своих партий. О том же самом свидетельствуют и революционные настроения социалистической молодежи. Не надо забывать, что молодежь представляет собою чуткий барометр своего класса и его авангарда! Если Единый фронт не выйдет из пассивности, или еще хуже, начнет недостойный роман с радикалами, "слева" от Единого фронта начнут усиливаться анархисты, анархо-синдикалисты и подобные им группировки политического распада. Одновременно усилится индифферентизм, предтеча катастрофы. Зато с другой стороны, если Единый фронт, обеспечив свой тыл и свои фланги от фашистских бандитов, откроет широкое политическое наступление под лозунгом завоевания власти, он встретит такой могущественный отклик, который превзойдет самые оптимистические ожидания. Не понимать этого могут лишь опустошенные болтуны, для которых великие движения масс навсегда останутся книгой за семью печатями.

Не программа пассивности, а программа революции

Борьба за власть должна исходить из той основной идеи, что, если сопротивление против дальнейшего ухудшения положения масс на почве капитализма еще возможно, то никакое действительное улучшение их положения немислимо без революционного вторжения в права капиталистической собственности. Политическая кампания Единого фронта должна опираться на хорошо разработанную переходную программу, т. е. систему мероприятий, которые - при рабочем и крестьянском правительстве - должны обеспечить переход от капитализма к социализму⁵⁰³.

Но программа нужна не для успокоения совести, а для революционного действия. Какая цена программе, если она остается мертвым документом?

Бельгийская рабочая партия приняла, например, широковещательный план де Мана со всякими "национализациями"; но какой от этого толк, если она не хочет ударить пальцем о палец для его осуществления? Программы фашизма фантастичны, лживы, демагогичны. Но фашизм ведет бешеную борьбу за власть. Социализм хочет выдвинуть самую научную программу; но ценность ее будет равна нулю, если авангард пролетариата не развернет смелой борьбы за овладение государством. Социальный кризис в политическом выражении своем есть кризис власти. Старый хозяин общества – банкрот. Нужен новый хозяин. Если революционный пролетариат не овладеет властью, ею неотвратимо овладеет фашизм!

Программа переходных требований для "средних классов" может, конечно, получить большое значение, если эта программа будет отвечать, с одной стороны, действительным нуждам средних классов, с другой – потребностям движения к социализму⁵⁰⁴. Но опять-таки, центр тяжести сейчас не в особой программе. Программ "средние классы" видали много. Им нужно доверие к тому, что программа будет выполнена. В тот момент, когда крестьянин скажет себе: "На этот раз рабочая партия, видимо, не отступит", – дело социализма будет выиграно. А для этого необходимо проявить на деле несокрушимую готовность сломить на нашем пути все препятствия.

Способы борьбы нет надобности изобретать: они даны всей историей мирового рабочего движения. Концентрированная кампания рабочей печати, бьющей в одну точку; подлинно социалистические речи с парламентской трибуны не в качестве ручных депутатов, а в качестве вождей народа; использование всех избирательных кампаний с революционными целями; непрерывные митинги, куда массы приходят не просто послушать ораторов, а получить очередные лозунги и директивы; создание и укрепление рабочей милиции; умело организованные манифестации, сметающие с улиц реакционные банды; стачки протеста; открытая кампания за объединение и расширение рамок профсоюзов под знаком решительной классово-борьбы; упорные и хорошо рассчитанные действия для завоевания армии на сторону народа; более широкие стачки; более могущественные манифестации; всеобщая стачка трудящихся города и деревни; всеобщее наступление на бонапартистскую власть во имя власти рабочих и крестьян.

Для подготовки победы еще есть время. Фашизм еще не стал массовым движением. Неизбежный распад радикализма будет, однако, означать сужение базы под бонапартизмом, рост крайних лагерей и приближение развязки. Дело идет не о годах, а о месяцах. Срок этот, конечно, нигде не записан. Он зависит от борьбы живых сил, в первую очередь от политики пролетариата и его Единого фронта. Потенциальные силы революции во много раз превосходят силы фашизма и всей вообще объединенной реакции. Скептиков, считающих, что дело погребено, надо немилосердно гнать из рабочих рядов. Низы жадно откликаются на каждое смелое слово, на каждый действительный революционный лозунг. Низы хотят борьбы.

Не умничанье парламентариев и журналистов, а законная и творческая ненависть угнетенных к угнетателям есть сейчас единственно прогрессивный фактор истории. Надо повернуться лицом к массам, к самым глубоким их слоям. Надо воззвать к их страстям и к их разуму. Надо отвергнуть ту фальшивую "осторожность", которая есть псевдоним трусости и которая на великих исторических поворотах равносильна предательству. Единый фронт должен взять своим девизом формулу Дантона: "Смелости, еще раз смелости, и опять смелости!"

Правильно понять обстановку и сделать из нее все практические выводы, – смело, бесстрашно, до конца, – значит обеспечить победу социализма.

"Веритэ"

11 октября 1934 г.

Украинским товарищам в Канаде. Редакции "Робитничі висті"⁵⁰⁵

Дорогие друзья!

С большим интересом и горячим сочувствием я слежу за вашими усилиями распространить среди украинских пролетариев в Канаде идеи и методы нефальсифицированного марксизма (ленинизма).

Теория и практика "социализма в отдельной стране" находится в особенно остром противоречии с интересами украинского пролетариата. Основная причина, задерживающая развитие богато одаренного украинского народа, - его национальное расчленение, которое сопровождалось и ныне сопровождается в капиталистических странах жестоким национальным угнетением. Октябрьская революция дала несомненно могущественный толчок развитию украинской культуры. Но если трудящиеся массы Советского Союза терпят много ущерба в своем развитии от нынешнего советского бюрократизма, то украинские рабочие и крестьяне продолжают свеж того тяжело страдать вследствие своего национального расчленения. Какая огромная выгода получилась бы, если бы украинский народ был целиком объединен в Советской Украине! Какое мощное развитие получила бы украинская культура! Принести украинскому народу полное национальное объединение и освобождение может только европейская и международная революция, начиная с Польши. Передовые украинские рабочие меньше, чем какие бы то ни было другие рабочие, могут мириться с теорией "социализма в отдельной стране". Эта консервативная теория не открывает перед ними даже перспективы национального освобождения, которая является, однако, элементарной предпосылкой социалистического общества. Вот почему я с радостью наблюдаю ваши усилия разъяснить украинским рабочим, что их судьба, как и судьба всего трудящегося украинского народа, кровно и неразрывно связана не только с судьбой Советского Союза, но и с судьбой международной пролетарской революции.

Я очень жалею, что не могу написать вам это письмо по-украински. Хотя с детства я знал украинский язык и упивался стихами великого Шевченко⁵⁰⁶, заучивая их наизусть; хотя и сейчас я понимаю вашу печать, но мой собственный украинский словарь слишком беден, чтобы я мог решиться писать непосредственно по-украински. Належусь, однако, что эти строки дойдут до вас в хорошем украинском переводе.

Братски преданный вам

Л.Т[роцкий]

20 октября 1934 г.

[Письмо М.Истмену]⁵⁰⁷

т[оварищу] М.Истмену

2/XI 1934 [г.]

Дорогой друг,

Вы должны принять во внимание, что я получаю письма с большим запозданием (хуже, чем на Принкипо!), но не имею секретаря и для отправки писем должен ждать okazji. На скорые ответы рассчитывать нельзя!

Найти какую-нибудь подходящую цитату из самого себя я затрудняюсь: ведь я еще не вышел из юности Ленина. Боюсь, что книга разрастется. Не издать ли двумя томами: 1 т. - молодость Ленина, примерно до 1905 г., а 2-й т. 1905-1924 гг.? Это дало бы мне возможность лучше обработать теоретическую часть. К январю я доставил бы первый том, примерно 250 страниц. Как Вы думаете?

Теперь щекотливый вопрос о плате. Лучше всего было бы - ей-богу - ввести почасовую плату: оказалось бы наверняка, что моя плата за час значительно ниже хорошей оплаты переводчика, если вычесть, конечно, расходы на получение книг, выписок в библиотеках (на расстоянии), работу сына и пр. Нынешнее мое финансовое положение крайне неблагоприятно. Книга поглощает у меня 12 часов в день почти непрерывного труда. Тираж "Истории" совсем не оправдал ожиданий (помните, вы уверяли, что книга с лихвой покроет все расходы и пр.). Боюсь, что с "Лениным" будет еще хуже; мир стал беднее. Вот почему я сейчас абсолютно лишен возможности брать на себя какие бы то ни было денежные обязательства. В таком категорическом смысле я писал Либери с самого начала, считая Ваше участие в работа исключенным. Только благоприятная перемена рынка и серьезный успех книги могли бы позволить мне впоследствии выделить часть моего гонорара - разумеется, не в таком размере, как на "Историю". Но сейчас я, к великому своему сожалению, не свожу концов с концами, несмотря на в два-три раза более скромный образ жизни, чем на Принкипо.

Переписчик пошлет Вам дополнительные и необходимые поправки к первым двум главам – получились новые материалы, которые позволят, в частности, исправить одну грубую ошибку (возраст матери).

К следующим главам поправок не будет: наибольшие трудности представляли две первые главы за недостатком достоверных данных.

Крепко жму руку. Привет Р.508

Ваш

Л.Т[роцкий]

Ответы на вопросы Луизы Брайант509

- Верно ли, что Вы во Франции занимались строительством IV Интернационала?

- Мой ответ зависит от того, что понимать под словом "строительство". По всем условиям моего существования во Франции я не мог заниматься "строительством", поскольку не участвовал в политической жизни страны. Но верно, что, как до приезда во Фр[анцию], так и во время пребывания во Фр[анции] я опубликовал ряд статей, развивающих ту мысль, что и II и III Интерн[ационалы] исчерпали свои исторические миссии, стали тормозом мирового рабочего движения и должны будут уступить свое место IV Инт[ернационалу], одинаково независимому как от реформизма, так и от советской бюрократии.

- Как же Вы думаете этого достигнуть?

- Дело идет вовсе не о моих личных усилиях. В нескольких десятках стран, в том числе в С[оединенных] Шт[атах], Канаде, Кубе, почти во всех странах Ю[жной] Америки существуют сплоченные пропагандистские группы, которые можно назвать пионерами IV Интер[национала]. Одни ведут самостоятельное существование, другие входят в качестве фракций в более массовые партии. В общем эти инициативные организации уже сейчас несравненно однороднее и сильнее, чем иниц[иативные] группы III Инт[ернационала] в годы империалистической войны.

- Вы считаете, следовательно, что советская бюрократия неспособна более руководить международным рабочим движением? Почему?

- Она стала привилегированным слоем, который требует от рабочих только повиновения. Но революц[ионная] дисциплина не имеет ничего общего со слепым повиновением. Советская бюрократия стала чисто национальной и консервативной силой. Рабочее движение имеет интернациональный и революционный характер. Руководимый советской бюрократией Коминтерн в течение последних девяти лет давал рабочем клуссу одни поражения.

- Вы считаете, следовательно, что интересы СССР и интересы рабочего движения других стран противоположены?

- Нет, Вы меня неверно поняли. Нельзя отождествлять советское государство как новую общественную систему с советской бюрократией как социальным наростом на этой системе. Интересы советской бюрократии во многом противоречат интересам советского государства.

- В каком смысле считаете Вы политику советской бюрократии консервативной?

- В том самом смысле, в каком ее считает консервативной руководящая французская печать. Посмотрите хотя бы "Temps"! Советская дипломатия защищает status quo, тогда как революционное движение стремится его ниспровернуть.

- Но, может быть, советская дипломатия лишь временно вынуждена приспосабливаться к статус кво?

- Так ей самой казалось сначала. Но время изменило ее психологию. Мы, марксисты, считаем, что сознание определяется бытием. Условия существования бесконтрольного привилегированного слоя, привыкшего только командовать, приводят к тому, что он неизбежно становится консервативным. Советские дипломаты, политики и журналисты делают на каждом шагу такие заявления, какие были совершенно невозможны, если бы авторы их думали о том, что их слушают также и рабочие массы всего мира.

- Считаете ли Вы сближение СССР и Франции реальным?

- Да, в силу указанных только что причин оно может получить вполне реальный характер.

- Думаете ли Вы, что убийство сербского короля⁵¹⁰ есть дело рук венгерского и итальянского правительств, как утверждают "Populaire" и "Humanit" ?

- Вполне допускаю закулисное участие этих правительств в лице тех или других органов. Но рассматривать хорватских и македонских террористов как простых агентов фашистского правительства совершенно нелепо. Террористы преследуют цели собственного национального освобождения и ищут при этом опоры в антагонизмах между государствами. Это старая традиция, особенно на Балканах. В борьбе против турок балканские революционеры не раз хранили свои бомбы в царских консульствах, что не мешало этим террористам при первом удобном случае выступать в качестве непримиримых врагов царизма.

- Каковы будут, по вашему мнению, последствия террористического акта?

- Из трудно предсказать. Индивидуальный терроризм есть авантюристская тактика, последствий которой почти никогда нельзя предвидеть.

- Считаете ли Вы возможной войну в Европе в ближайшие год-два?

- Я ее не считаю исключенной.

- Чем Вы лично заняты в настоящее время?

- Я пишу книгу о Ленине, историю его жизни и изложение его теории и стратегии. Книга поглощает мое время целиком.

[Л.Д.Троцкий]

(Декабрь 1934 г.)

Примечания

1 Бернштейнианство - комплекс социально-экономических и политических взглядов германского социал-демократа Э.Бернштейна и его последователей, которые Ленин и другие левые социал-демократы оценивали термином "ревизионизм", придавая ему резко отрицательный смысл.

2 Троцкий имеет в виду городок Кротон-на-Гудзоне, где в 20-30-е годы каждое лето собирались ньюйоркские радикалы. Истмен жил и работал здесь, когда он переводил на английский язык книги Троцкого.

3 Имеется в виду доклад Сталина 7 января 1933 г. "Итоги первой пятилетки" на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7-12 января 1933 г. См.: Сталин И. Соч. - Т. 13. - С. 161-215).

4 У Троцкого оговорка. Он имел в виду не продовольственный налог, а продовольственную разверстку периода военного коммунизма.

5 Кронштадтское восстание - вооруженное выступление моряков и гражданского населения военноморской крепости Кронштадт 28 февраля - 18 марта 1921 г., являвшееся продолжением волнений рабочих Петрограда в конце зимы. Восстание было проявлением массового недовольства населения, в частности военных моряков, всевластием компартии, которая, по их убеждениям, изменила своим обещаниям и установила антинародную диктатуру. Были выдвинуты лозунги "Советы без коммунистов" и "Власть Советам, а не партии". Выдвигались требования свободы торговли и отмены продразверстки. 1 марта 1921 г. кронштадтцы приняли резолюцию с требованиями перевыборов Советов тайным голосованием, свободы слова и прессы для рабочих и крестьян, свободы рабочих профсоюзов и крестьянских организаций, освобождения заключенных деятелей социалистических партий, предоставления крестьянам возможности свободно распоряжаться своей землей и т. д. Стихийное недовольство большевистской диктатурой было в Кронштадте настолько всеобщим, что выступление поддержала часть большевистской организации крепости. Первая попытка захватить Кронштадт атакой с материка провалилась. В конечном счете восстание было подавлено в крови Красной Армией при участии делегатов X съезда РКП(б) под непосредственным руководством М.Н.Тухачевского. Руководитель восстания С.М.Петриченко вместе с частью восставших (около 8 тыс. человек) ушел в Финляндию. Многие участники выступления были расстреляны.

6 См.: Ленин В.И. Письмо к съезду. - Соч. - Изд. 5-е. - Т. 45. - С.

7 Имеется в виду "Sozialistische Arbeiterzeitung" ("Социалистическая рабочая газета") - орган Социалистической рабочей партии Германии.

8 Брошюра Троцкого "Sowjetwirtschaft in Gefahr" была впервые выпущена в Берлине в 1932 г. В следующие годы была опубликована в ряде других стран на разных языках. На русском языке появилась в виде статьи "Советское хозяйство в опасности. (Перед второй пятилеткой)". - Бюллетень оппозиции. - 1932. - No 31. - С. 2-13.

9 Троцкий неточен. В 1922 г. "левая оппозиция" еще не существовала.

10 Имеется в виду "Die Permanente Revolution" - бюллетень германской секции Интернациональной левой оппозиции (1931-1933). Прекратил выход после прихода к власти нацистов.

12 Гугенберг Альфред (1865-1951) - германский промышленник и газетный магнат, в 1928-1933 гг. председатель правой Немецкой национальной народной партии. В январе 1933 г. стал в правительстве Гитлера министром продовольствия. Выражение "правительство Гитлера-Гугенберга" показывает, что Троцкий воспринял образование правительства во главе с Гитлером 30 января 1933 г. не как установление нацистской диктатуры, а как образование крайне правого конституционного кабинета, что соответствовало действительности. В правительство входили всего два нациста (кроме Гитлера министр внутренних дел В.Фрик). Большинство постов занимали беспартийные.

13 Распространенные суждения о мелкобуржуазном характере нацистской партии не подтверждаются анализом документов, как не подтверждается и бытовавшее в коммунистической среде мнение, что нацисты являлись орудием монополистического капитала. Нацисты смогли обеспечить себе поддержку во всех слоях общества от рабочих и крестьян до крупных предпринимателей.

14 Штернберг Фриц - в 1933 г. член Социалистической рабочей партии Германии, экономист. В сентябре 1933 г. посетил Троцкого во Франции. Между ними шли переговоры о подготовке Штернбергом экономической части программы нового Интернационала. Однако при обсуждении конкретных вопросов возникли разногласия. Вскоре Штернберг порвал с Троцким. После второй мировой войны Штернберг опубликовал воспоминания о встрече с Троцким ("Survey". - 1963. - No 47. - P. 146-159).

15 Термины происходят от французских слов *defence* (оборона) и *offence* (наступление).

16 Прилагаемая рукопись представляет собой первую часть брошюры для социал-демократических рабочих. Вторая часть будет выслана завтра (несколько больше, чем сегодня, по размеру). Часть посылаемой сегодня рукописи можно в виде отдельной статьи напечатать в "Перманенте". Я предлагаю напечатать в виде статьи "Пакт о взаимном нападении" (начиная с 4-й страницы и до конца рукописи). Эта статья будет иметь злободневный характер. 23 февраля 1933 г. В Берлин. - Примеч. автора.

17 Веймарская республика - государственно-политический режим в Германии в 1919-1933 гг., созданный на базе Веймарской конституции 1919 г., носившей демократический характер.

18 Имеется в виду брошюра Л.Д.Троцкого "Die Wendung der Komintern und die Lage in Deutschland". - Berlin, 1930). На русском языке см.: Поворот Коминтерна и положение в Германии. - Бюллетень оппозиции. - 1930. - No 17-18. - С. 45-54.

19 "Vorwärts" ("Вперед") - германская газета, центральный орган социал-демократической партии в 1876-1933 гг. Возобновила выход в 1948 г. в Западной Германии. Выходит по настоящее время. С 1989 г. является общегерманской газетой.

20 25 июля 1932 г. был подписан договор между СССР и Польшей об отказе от агрессии. Аналогичные пакты были подписаны тогда же СССР с Эстонией, Латвией и Финляндией, а 28 ноября 1932 г. с Францией.

21 Штампфер Фридрих (1874-1967) - деятель Социал-демократической партии Германии. Редактор ее газеты "Vorwärts".

22 Имеется в виду договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Германией, подписанный 24 апреля 1926 г. Договор был пролонгирован в июне 1931 г.

23 Мюллер Герман (1876-1931) - германский социал-демократ. С 1906 г. член правления партии. В 1918-1919 гг. член Совета народных уполномоченных (правительства). В 1919-1920 гг. министр иностранных дел. В 1923 и 1928-1930 гг. рейхсканцлер (глава правительства).

24 Ашингер - собственник промышленного предприятия в Берлине.

25 Носке Густав (1868-1946) - германский социал-демократ. Член Совета народных уполномоченных во время Ноябрьской революции 1918 г. В феврале 1919 - марте 1920 г. военный министр. Руководил подавлением попытки коммунистического путча в январе 1919 г.

26 Гжезинский Альберт (1879-1948) - германский социал-демократ. В конце 20-х годов полицейский комиссар Берлина. Приказал разогнать первомайскую демонстрацию 1929 г. с применением оружия, что дало повод германским коммунистам значительно активнее использовать в пропаганде сталинскую оценку социал-демократии как "социал-фашизма".

27 Кайзер Вильгельм II Гогенцоллерн (1859-1941) - германский император и прусский король в 1888-1918 гг. Был свергнут Ноябрьской революцией 1918 г. В следующие годы жил в Голландии.

28 Людендорф Эрих (1865-1937) - германский генерал. Во время первой мировой войны руководил военными действиями на восточном фронте. В 1916-1918 гг. фактически командовал всеми вооруженными силами Германии. Руководил вместе с Гитлером "пивным путчем" в Мюнхене в ноябре 1923 г.

29 Гренер Карл Эдуард (1867-1939) - германский генерал и политический деятель. С 1918 г. генерал-квартирмейстер. В 1919 г. ушел в отставку. Был министром путей сообщения, министром обороны, министром внутренних дел. Выступал против инфильтрации нацистов в вооруженные силы. Автор нескольких книг по военной истории.

30 Железный фронт сопротивления фашизму был образован в декабре 1931 г. в качестве коалиции Социал-демократической партии, ее молодежной организации, Всеобщего германского рабочего союза (объединения профсоюзов) и "рейхсбаннера" (отрядов самообороны социал-демократов). Существовал до прихода к власти нацистов. Попытка привлечь к "железному фронту" католическую Партию центра окончилась неудачей.

31 Вельс Отто (1873-1939) - германский социал-демократ. Военный комендант Берлина в конце 1918 - начале 1919 г. Был одним из руководителей подавления вооруженного коммунистического выступления в январе 1919 г. Был председателем социал-демократической фракции рейхстага перед приходом к власти нацистов.

32 Имеется в виду Ф.Эберт.

33 Брейтшейд Рудольф (1874-1944) - германский социал-демократ, депутат рейхстага в начале 30-х годов. После установления нацистской диктатуры эмигрировал во Францию. В 1941 г. был выдан правительством Петена германским властям. Погиб в концлагере Бухенвальд.

34 После VI конгресса Коминтерна (1928) компартии начали создание фактически сепаратных профсоюзных организаций, вносивших раскол в профсоюзное движение. РГО (Красная профсоюзная оппозиция) Германии формально входила в объединение профсоюзов, но фактически являлась самостоятельной организацией.

35 Зейдевиц Макс (1892 - ?) - германский левый социал-демократ, депутат рейхстага. Исключен из партии в 1931 г. Был одним из основателей Социалистической рабочей партии. В 1933 г. эмигрировал в Швецию. После второй мировой войны возвратился в Восточную Германию, стал членом Социалистической единой партии и занимал административные посты в Германской Демократической Республике.

36 Лейпарт Теодор (1867-1947) - германский социал-демократ и профсоюзный деятель, председатель Всеобщего германского рабочего союза. После второй мировой войны, находясь в восточной части страны, примкнул к Социалистической единой партии.

37 4 августа 1914 г. социал-демократическая фракция германского рейхстага проголосовала за одобрение военного бюджета правительства Германии, поддержав этим военные усилия своей страны. Голосование противоречило предвоенным решениям этой партии и Второго Интернационала о борьбе против войны и милитаризма. В этот же день французская и бельгийская социалистические партии выступили с заявлениями о поддержке своих правительств в войне.

38 Эльзас-Лотарингия (точнее Эльзас и Лотарингия) - две исторические провинции на востоке Франции, в бассейне Рейна и Мозеля. Главные города Страсбург и Нанси. Области входили в состав Священной Римской империи. В XVI в. Эльзас, а в XVIII в. Лотарингия перешли к Франции. В 1871 г. они были

отторгнуты Германией и возвращены Франции в 1919 г. В 1940 г. аннексированы нацистской Германией и освобождены в 1944 г.

39 Мальмеди – городок в Бельгии на германской границе. До 1919 г. входил в состав Германии. Согласно Версальского мирного договора 1919 г. район Мальмеди вместе с районом г. Эйпена (округ Эйпен-Мальмеди) был передан Бельгии.

40 Верховный суд Германии находился в г. Лейпциге. Именно в нем происходил провокационный судебный процесс по делу о поджоге рейхстага в сентябре-декабре 1933 г.

41 Международная предварительная конференция Интернациональной левой оппозиции состоялась в Париже 4-8 февраля 1933 г. Она утвердила написанный Троцким в декабре 1932 г. документ "Интернациональная левая оппозиция, ее задачи и методы" (Бюллетень оппозиции. – 1933. – No 33. – С. 12-18). В документ были включены "11 пунктов", суммировавших политическую платформу сторонников Троцкого. Пункт 10 предусматривал реформирование Коминтерна. Летом 1933 г. Троцкий написал дополнение к этому пункту, содержавшее утверждение о необходимости создания нового Интернационала.

42 Для опубликования только во внутренних "Бюллетенях". – Примеч. автора. См.: Интернациональная левая оппозиция, ее задачи и методы. (К предстоящей интернациональной конференции). – Бюллетень оппозиции. – 1933. – No 33. – С. 12-18.

43 Свабек Арне (1890-1986) – один из основателей Коммунистической партии Соединенных Штатов. В конце 20-х годов стал сторонником Троцкого и был исключен из партии. Участвовал в деятельности Коммунистической лиги и Социалистической рабочей партии США. В 1967 г. покинул Социалистическую рабочую партию и стал сторонником маоизма.

44 Цитируется сборник статей Л.Д.Троцкого "Что и как произошло?" (Париж, 1929. – С. 49-50).

45 Нириг Скотт (1883 – 1983) – американский писатель и журналист, политолог. Автор многочисленных книг по социально-политическим вопросам радикально-демократической направленности. В данном случае имеется в виду брошюра С.Нирига: Fascism. – New York, 1933.

46 Диаграмма в архивном тексте отсутствует.

47 Вельзевул – в Новом Завете Библии имя главы демонов.

48 Цитируется статья Л.Д.Троцкого "Поворот Коминтерна и положение в Германии". – Бюллетень оппозиции. – 1930. – No 17-18. – С. 47.

49 Цитируется статья Л.Д.Троцкого "Ключ к международному положению – в Германии". – Бюллетень оппозиции. – 1932. – No 25-26. – С. 6.

50 Имеется в виду Эрнст Тельман. Цитируется выступление Тельмана на XI пленуме Исполкома Коминтерна (25 марта – 14 апреля 1930 г.). Пленум рассмотрел, в частности, вопрос о положении и задачах компартии Германии. 14 сентября 1930 г. в Германии состоялись выборы в рейхстаг, на которых нацисты провели 107 депутатов, получил 6,4 млн голосов.

51 ИЛО – Интернациональная левая оппозиция.

52 Статья Л.Д.Троцкого "Трагедия немецкого пролетариата. Немецкие рабочие поднимутся. Сталинизм – никогда!" была опубликована в "Бюллетене оппозиции". – 1933. – No 34. – С. 7-11.

53 Слухи о Раковском в 1933 г. – его болезни, хирургической операции, отправлении в Якутск, попытке бегства и, наконец, смерти не имели под собой никаких оснований. Они, по всей видимости, распространялись советскими властями, тогда как Раковский продолжал находиться в ссылке в Барнауле. Но с самого начала 1933 г. он был полностью отрезан ОГПУ от внешнего мира. Сведения о нем стали появляться только после того, как 20 февраля 1934 г. в печати было опубликовано его заявление о подчинении воле партии.

54 Раковски Георги (1821-1867) – болгарский национальный революционер и писатель. Основал в 1861 г. Первый Болгарский легион. Был организатором (1866-1867 гг.) партизанских отрядов для борьбы против турецкого ига. В поэтических произведениях воспел национально-освободительную борьбу. Был дедом Х.Г.Раковского.

55 Вазов Иван (1850-1921) – болгарский писатель. Автор патриотических стихов, цикла поэм "Эпопея забытых" (1881-1884), романа "Под игом" (1889-1890), посвященных национально-освободительной борьбе. Выступал также с рассказами и драматическими произведениями.

56 Антифашистский конгресс в Праге не состоялся. Он был проведен в

Париже.

57 Бурбоны - королевская династия во Франции, Испании и Италии. Французские Бурбоны правили в 1589-1792, 1814-1815 и 1815-1830 гг.

58 Имеется в виду статья Л.Д.Троцкого "Сигнал тревоги" (Бюллетень оппозиции. - 1933. - № 33. - С. 1-10), в которой был дан анализ положения в СССР.

59 Хук Сидней (1902-1989) - американский философ, профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк). С 1973 г. сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира. Странник "демократического социализма". В 30-е годы был членом Американской рабочей партии и казначеем Американского комитета помощи заключенным и депортированным большевикам. Автор ряда работ с критическим анализом марксизма и идеологических основ коммунизма. Хук прошел сложный путь от активного коммуниста, симпатизировавшего оппозиционерам, до одного из ведущих участников атак на левые силы во время маккартизма в США.

60 Профессор Сидней Хук, Колумбийский университет, Отделение [...], Нью-Йорк, Н[ью] Й[орк] (англ.)

61 Имеется в виду книга С.Хука: Towards the Understanding of Karl Marx: A Revolutionary Interpretation. - New York, 1933.

62 Ферзен Л. (настоящие фамилия и имя Сендон Энрике Фернандес) - один из лидеров испанской группы сторонников Троцкого. В 1934 г. выступил против предложения Троцкого о вхождении его сторонников в Испанскую социалистическую рабочую партию. Позже, однако, присоединился к этой партии.

63 4-8 февраля 1933 г. в Париже состоялась международная предконференция организаций Интернациональной левой оппозиции. Встрече было дано такое название, так как предполагалось созвать более широкую и представительную конференцию в том же году. Созвать таковую конференцию не удалось.

64 КПГО - Коммунистическая партия Германии (оппозиция) - официальное наименование группы Г.Брандлера, которую Троцкий считал "правой" коммунистической группой, родственной течению, представленному в ВКП(б) Бухариным, Рыковым, Томским и др.

65 Имеется в виду Кантонское (Гуанчжоуское) восстание 11-13 декабря 1927 г. Было организовано под непосредственным руководством эмиссаров Коминтерна Гейнца Неймана и Виссариона (Бесо) Ломинадзе. Ответственность за восстание взяла на себя компартия Китая. Направленное против власти Гоминьдана, восстание носило авантюристический характер и было легко подавлено.

66 Имеется в виду деятельность англо-русского профсоюзного комитета в 1925-1927 гг.

67 Дольфус Энгельберт (1892-1934) - австрийский государственный деятель. Федеральный канцлер и министр иностранных дел с 1932 г. Один из лидеров Христианско-социальной партии. Был убит сторонниками аншлюсса (присоединения Австрии к Германии).

68 Адлер Макс (1873-1937) - австрийский философ, социал-демократ. Один из теоретиков австро-марксизма.

69 Австро-марксизм - система взглядов австрийской социал-демократии в конце XIX - начале XX в. Получил выражение в работах К.Реннера, О.Бауэра, М.Адлера, Ф.Адлера и других деятелей. Австромарксисты занимали левые позиции в международной социал-демократии. Они особенно были известны своей программой культурно-национальной автономии, с помощью которой считали возможным разрешить национальные противоречия, в частности в многонациональной Австро-Венгерской империи.

70 Даннеберг Роберт (1885-1942) - австрийский социал-демократический деятель, юрист. Секретарь Социал-демократической партии во второй половине 20-х - 30-е годы. Автор ряда популярных книг по вопросам социалистической теории. Арестован нацистами в 1938 г., скончался в концлагере Освенцим..

71 Зейц Карл (1869-1950) - деятель Социал-демократической партии Австрии. Мэр Вены до 1934 г. Был также губернатором Венской провинции.

72 Hoover Institution Archive, В.И.Nicolaevsky Collection, box 350.

73 Секретное письмо Л.Д.Троцкого в Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 марта 1933 г. см.: Троцкий Л. Дневники и письма. - М., 1994. - С. 54-56.

74 Конникова Антуанетта (1869-1946) - русская революционерка, участница учредительного конгресса Второго Интернационала. Позже эмигрировала в США,

жила в Бостоне. Член компартии США до 1928 г. Была исключена из партии за поддержку Троцкого. Позже являлась членом Коммунистической лиги США.

75 Ванцлер Джозеф (псевдоним Райт Джон) (1902-1956) - деятель Коммунистической лиги США. Переводил работы Троцкого на английский язык. Автор дискуссионной статьи о положении на Кубе, опубликованной в "The Militant" 28 сентября 1933 г., которую Троцкий счел односторонней.

76 Hoover Institution Archive, В.I.Nicolaevsky Collection, box 307.

77 "Unzer Wort" ("Наше слово") - еженедельная газета германских сторонников Троцкого, находившихся в эмиграции после прихода к власти нацистов. Газета нелегально ввозилась в Германию.

78 Речь идет, по-видимому, о Карле Фридберге (псевдоним Эрде) (1896-1979) - германском коммунисте, исключенном из партии. С 1930 г. Фридберг был сторонником Троцкого. В августе 1933 г. он посетил Троцкого во Франции. Фридберг руководил международными связями германских оппозиционеров-коммунистов.

79 Речь идет о компартии Германии.

80 Имеется в виду попытка коммунистического восстания в г. Гуанчжоу (Кантоне) в декабре 1927 г.

81 Речь идет о террористическом акте, организованном в церкви Св. Воскресения в Софии (Болгария) руководством нелегальной компартии 16 апреля 1925 г. В это время в церкви происходило отпевание убитого генерала Георгиева, на котором должны были присутствовать царь Борис III и премьер-министр А.Цанков. Несколько десятков человек были убиты, но царь и премьер не пострадали. За взрывом последовала серия бессудных убийств коммунистических деятелей, представителей левой интеллигенции и других лиц.

82 Речь идет о Клементе Рудольфе (1910-1938) - немецком студенте, стороннике Троцкого. Клемент был секретарем Троцкого на Принкипо в 1933 г. и затем во Франции. Во второй половине 30-х годов он продолжал работать в альтернативных коммунистических организациях во Франции. Был убит агентами советских спецслужб, по-видимому, в качестве своего рода угрозы Троцкому.

83 Речь идет о Жане ван Хейженоорте.

84 О каком предстоявшем съезде идет речь, установить не удалось.

85 Очевидно, речь идет о П.Франке.

86 Имеется в виду судебный процесс над Генрикусом Снивлитом, которого голландские власти обвинили в подстрекательстве к мятежу военных моряков. Во время процесса Снивлит был избран в парламент и получил депутатскую неприкосновенность.

87 Селин Луи-Фердинанд (настоящие фамилия и имя Дестош Шарль) (1894-1961) - французский врач, писатель и драматург, профессор. Автор многочисленных романов и повестей социально-психологического жанра. Стал известным благодаря роману "Путешествие вглубь ночи" (1932).

88 Луи-Фердинанд Селин. "Путешествие вглубь ночи". Париж, Деноель и Стеель (фр.)

89 Латинский квартал - район Парижа, в котором находятся Сорбонна (Парижский университет) и Пантеон (место захоронения великих людей). Латинский квартал - место сходов парижских студентов.

90 Дантон Жорж Жак (1759-1794) - деятель Французской революции 1789-1799 гг., один из руководителей якобинцев. С 1793 г. занимал позицию, примиренческую по отношению к жирондистам. Был осужден революционным трибуналом и гильотинирован.

91 Лебрен Альбер (1871-1950) - французский политический деятель. Был сенатором. В 1932-1940 гг. президент Франции. Был лишен власти после капитуляции Франции перед гитлеровской Германией. В 1944 г. признал Шарля де Голля временным президентом Франции.

92 Френология - теория, согласно которой на основании краниологических данных (то есть системы измерений черепа с помощью антропологических инструментов) можно, якобы, судить о психологических особенностях человека.

93 Людвиг Эмиль (1881-1948) - немецкий писатель и публицист. Автор книг о Гете, Наполеоне I, Бисмарке, Иисусе Христе. В декабре 1931 г. посетил СССР и имел беседу со Сталиным. В 1945 г. Людвиг завершил своей роман о Сталине, заявив себя в нем в качестве непримиримого противника социализма, но не опубликовал это произведение, скорее всего побоявшись мести советского диктатора.

94 Речь идет об оккупации Рурской промышленной области Германии

французскими и бельгийскими войсками 1 января 1923 г. Цель оккупации состояла в том, чтобы заставить Германию исправно вносить репарационные платежи. Правительство Германии ответило провозглашением пассивного сопротивления – призывом к прекращению всей экономической деятельности. Возникла чудовищная инфляция (1 марта 1923 г. 1 доллар продавался за 4,6 млн марок). Последствием экономических неурядиц стал серьезный политический кризис. Франко-бельгийские войска были выведены из Рура после утверждения плана Дауэса, реулировавшего вопрос о германских репарациях, в 1924 г.

95 Третья республика во Франции – республиканский государственный строй, существовавший со времени свержения Наполеона III в 1870 г. и закрепленный серией конституционных законов в 1875 г. Третья республика была ликвидирована в результате капитуляции Франции перед нацистской Германией в 1940 г.

96 Декарт Рене (1596–1650) – французский философ, математик и физик. С 1629 г. жил в Нидерландах. Заложил основы аналитической геометрии, сформулировал закон сохранения движения, был автором теории, объяснявшей движение небесных тел вихревым движением частиц. Материю он отождествлял с пространством, движение сводил к перемещению тел. Был родоначальником рационализма и сторонником учения о врожденных идеях.

97 Орден Белого Слона – награда Датского королевства. Им награждались главы дружественных государств.

98 Елисейский дворец – резиденция президента Франции. Находится на Елисейских полях – одной из главных магистралей Парижа.

99 Сильвио Пеллико (1789–1854) – итальянский писатель, национальный революционер, карбонарий. 15 лет провел в австрийском заключении. Автор автобиографических записок "Мои темницы" (1832).

100 Массонство или франкомассонство (от французского слова franc ma on – вольный каменщик) – нравственно-политическое течение, возникшее в начале XVIII в. в Англии и получившее распространение во многих других странах. Массоны объединялись в ложи, заимствуя традиции у средневековых цехов строителей-каменщиков. Они стремились создать тайную организацию с целью мирного объединения человечества. В массонские ложи входили политические деятели многих стран, стремившиеся зачастую использовать их в своих целях.

101 Архимед (ок. 287 – 212 до н. э.) – древнегреческий ученый. Жил в г. Сиракузы (Сицилия). Разработал методы нахождения площадей, поверхностей и объемов фигур и тел. Применил математические методы к статике и гидростатике, в частности сформулировал знаменитый закон, получивший его имя. Автор многих изобретений. Был организатором инженерной обороны Сиракуз против римлян.

102 "Coci t g n rale" – банк, основанный в 1864 г. Был национализирован в 1946 г., в 1987 г. реприватизирован.

103 Панама – обычное условное наименование жульнической аферы правления французской компании, созданной в 1879 г. для строительства Панамского канала на перешейке того же наименования в его наиболее узкой части на территории Колумбии. Хищения и злоупотребления привели к тяжелому финансовому положению компании. Она пыталась преодолеть его при помощи подкупа министров, парламентариев, редакторов газет. В 1888 г. компания потерпела крах, разорив десятки тысяч держателей акций. Начавшееся строительство канала было прервано. Оно было возобновлено в 1901 г. Соединенными Штатами. В переносном смысле слова "панамой" называют любое крупное политическое или финансовое мошенничество.

104 Процесс Дрейфуса (дело Дрейфуса) – сфабрикованное в 1894 г. реакционерами и антисемитами судебное дело по ложному обвинению офицера французского генерального штаба еврея Альфреда Дрейфуса в шпионаже в пользу Германии. Несмотря на отсутствие доказательств, Дрейфус был приговорен к пожизненной каторге. Борьба вокруг дела Дрейфуса привела к политическому кризису. В 1899 г. он был помилован, а в 1906 г. реабилитирован.

105 Дело Рошетта и дело газеты "Франк" – скандалы, связанные с коррупцией в Третьей республике.

106 Марк Аврелий (121–180) – римский император с 161 г. Восстановил римский протекторат над Арменией и захватил Месопотамию. Автор философского сочинения "Наедине с собой".

107 Куртуазность (от французского слова courtois – учтивый, рыцарский) – традиция придворного рыцарства, восходящая к XII–XIV вв.

Элементами куртуазности считались воинские подвиги, рыцарская честь, служение даме.

108 Аргонавты - в древней мифологии герои, отправившиеся на корабле "Арго" под руководством Ясона в Колхиду за золотым руном, которое охранялось драконами. В данном случае Троцкий применяет термин саркастически.

109 Бурбонский дворец в Париже на площади Конкорд был сооружен в 1722 г. После возникновения Третьей республики во дворце заседал французский парламент. Дворец является резиденцией парламента по настоящее время.

110 Имеется в виду Французская Академия - объединение выдающихся представителей национальной культуры, науки, а также политических деятелей. Основана в 1635 г. Имеет постоянный состав ("бессмертные"). Основная задача - совершенствование французского языка, издание французских словарей. Является составной частью Института Франции - основного официального научного учреждения страны (входят также четыре другие академии).

111 Темницы Св. Маргариты и Шпильберга - австрийские тюрьмы, описываемые в автобиографии Сильвио Пеллико.

112 Рабле Франсуа (1494-1553) - французский писатель. Роман Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль" (1532) - крупнейший памятник культуры Французского Возрождения. В гротескной форме в нем раскрываются образы, навеянные фольклором (великаны Гаргантюа и Пантагрюэль, философ-правдоискатель Панург и др.)

113 "The Red Flag" ("Красный флаг") - бюллетень небольшой английской коммунистической группы, отказавшейся от вхождения в Независимую рабочую партию. Выходил в 1933-1935 гг.

114 "The Communist" - бюллетень британской коммунистической оппозиционной группы, руководимой Мартином Апхемом. Выходил в первой половине 30-х годов.

115 Hoover Institution Archive, В.I.Nicolaevsky Collection, box 307.

116 Европейский антифашистский конгресс состоялся в Париже 4-6 июня 1933 г. в зале "Плейель". Фактически он был проведен под эгидой компартии. Инициаторами конгресса были писатель А.Барбюс и председатель Международной рабочей помощи В.Мюнценберг. После конгресса возникло объединенное антифашистско-антивоенное движение "Амстердам-Плейель" (имелся в виду состоявшийся ранее антивоенный конгресс в Амстердаме).

117 Серж (настоящая фамилия Кибальчич) Виктор (1890-1947) - потомок известного российского изобретателя и революционера Н.И.Кибальчича. Родился в Бельгии. В юности был анархистом. Был приговорен к пятилетнему тюремному заключению. После 1917 г. выступил в поддержку советской России, приехал в Петроград, стал большевиком, работал в Коминтерне. В 1927 г. был исключен из партии и арестован, но вскоре освобожден. Поддержал Троцкого. В 1933 г. был вновь арестован и освобожден в 1936 г. благодаря ходатайству Романа Роллана. Выехал в Бельгию, где присоединился к Интернациональной левой оппозиции. Вел активную переписку с Троцким. Постепенно от Троцкого отошел. Автор "Мемуаров революционера" и нескольких книг по истории революции в России, а также книги о Троцком, написанной в соавторстве с его вдовой Н.И.Седовой.

118 Шварц - псевдоним Л.Л.Седова.

119 "Rundschau" ("Обозрение") - информационный бюллетень Коминтерна. Выходил на немецком языке с 1933 г. взамен бюллетеня "Internationale Presse-Korrespondenz".

120 В отношении Болгарии Троцкий ошибся: он имел в виду организацию взрыва в софийской церкви Св.Воскресения 16 апреля 1925 г. Эстонской авантюрой он называет Перводекабрьское восстание 1924 г. в Таллинне, организованное коммунистами, которое не было подготовлено и было легко подавлено властями.

121 Г.Димитров находился в Германии нелегально в качестве руководителя Западноевропейского бюро Коминтерна, был арестован в начале марта 1933 г. и обвинен в поджоге здания германского рейхстага, которое произошло 27 февраля того же года.

122 Имеется в виду документ "Левая оппозиция и САП", опубликованный в данном томе, с. 142-152.

123 Отто - швейцарский сторонник Троцкого. В марте 1933 г. посетил Троцкого в Турции совместно с деятелем Коммунистической лиги США А.Свабеком.

124 Шафхаузен - кантон в Швейцарии, в котором в 1930 г. вся организация компартии поддержала правую оппозицию. В 1933 г. Троцкий получил информацию

об интересе к деятельности Интернациональной левой оппозиции в Шафхаузене, связанном с приходом нацистов к власти в Германии.

125 По-видимому, имеется в виду Шюсслер Отто (1905-1984) - немецкий сторонник Троцкого, деятель лейпцигской оппозиционной группы. В 1932-1933 гг. был секретарем и охранником Троцкого на о. Принкипо.

126 Речь идет о Жане ван Хейженоорте.

127 Сименон Жорж (1903-1989) - французский писатель и журналист. Автор детективно-психологических романов и автобиографических книг. В июне 1933 г. посетил Троцкого на о. Принкипо и затем опубликовал интервью с ним в газете "Paris soir" ("Вечерний Париж") 16 июня 1933 г.

128 Газета "Paris soir" - французская ежедневная газета. Выходила в 1923-1940 гг.

129 Mixim compositum (лат.) - смесь разнородных частиц.

130 Митральеза - французское название картечины в XIX в., а затем станкового пулемета.

131 Антропозитики - древние люди, предшественники современного человека.

132 Цитируется сборник статей Л.Д.Троцкого "Что и как произошло?" (Париж, 1929. - С. 49-50).

133 Примо де Ривера Эстелья Мигель (1870-1930) - испанский генерал, с сентября 1923 г. глава правительства и фактический диктатор Испании (до января 1930 г.)

134 Возможно, имеется в виду О.Шюсслер.

135 Hoover Institution Archive, В.I.Nicolaevsky Collection, box 360.

136 Гуль Роман Борисович (1896-1986) - русский писатель и журналист. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. Автор многочисленных романов, повестей, рассказов, воспоминаний, исторической публицистики, в том числе книг о М.А.Бакуanine, Е.Азефе, Ф.Э.Дзержинском.

137 Буденный Семен Михайлович (1883-1973) - советский военный деятель, маршал Советского Союза (1935). Командовал конным корпусом и Первой Конной Армией во время гражданской войны. После войны занимал ряд высших военных постов. Во время советско-германской войны проявил отсутствие способностей военачальника, однако после войны его продолжили прославлять как полководца. Он был трижды удостоен звания героя Советского Союза.

138 Котовский Григорий Иванович (1881-1925) - советский военный деятель. Участник гражданской войны в Молдавии, командир кавалерийской бригады, дивизии и корпуса.

139 Копия в архиве отсутствует.

140 Вильямс Альберт Рис (1883-1962) - американский публицист. В июне 1917 - августе 1918 г. находился в России. Участвовал в гражданской войне на стороне советской власти. Автор книг: "Ленин: Человек и его дело" (1918), "Народные массы в русской революции" (1921), "Русские: Страна, народ и за что он сражается" (1943).

141 Вернадский Георгий Владимирович (1887-1973) - русский историк, сын академика В.И.Вернадского. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. С 1927 г. профессор Йельского университета (США). В эмиграции опубликовал многочисленные исследования по истории средневековой Руси, российского государства и права, истории Украины, а также труды с анализом развития России после 1917 г. Автор пятитомной "Истории России".

142 У Троцкого, по-видимому, оговорка. Речь идет не о "разгроме Шанхая", а о событиях в районе г. Нанкин. В марте 1927 г. к Нанкину подошли войска Гоминьдана. Во время волнений в городе было убито несколько иностранцев. Город был занят армией Гоминьдана, но после этого Нанкин был обстрелян английскими военными судами. 11 апреля 1927 г. Великобритания, Франция, США, Япония и Италия выступили с нотой, в которой требовали наказать виновников нападения на иностранцев в Нанкине. 18 апреля в Нанкине было сформировано новое правительство Гоминьдана без участия коммунистов. Что же касается Шанхая, то там 12 апреля 1927 г. были разоружены рабочие отряды.

143 Гомункул (гомункулус) (от лат. Homunculus - человек) - по представлениям средневековых алхимиков, существо, подобное человеку, которое, якобы, можно получить искусственно, в пробирке.

144 Штурмовые отряды (Sturmabteilungen, SA) - полувойсковые соединения Национал-социалистической партии Германии в 1921-1945 гг., орудие расправы с

противниками нацизма. После "ночи длинных ножей" (30 июня 1934 г.), когда Гитлер расправился с непокорными руководителями штурмовых отрядов, СА в основном потеряли влияние.

145 Имеется в виду Немецкая национальная народная партия А.Гугенберга.

146 Преторианцы (преторианская гвардия) - в Древнем Риме охрана полководцев, затем императорская гвардия. Преторианцы активно участвовали в дворцовых переворотах. В переносном смысле - наемные войска, служащие опорой власти, основанной на грубой силе.

147 Речь идет о созданной Г.А.Гапоном организации "Собрание русских фабрично-заводских мастеров Санкт-Петербурга".

148 "New York World Telegram" ("Ньюйоркская ежедневная телеграмма") - ежедневная газета, выходившая в 1931-1950 гг.

149 В резолюции Президиума Исполкома Коминтерна "О современном положении в Германии" (апрель 1933 г.) была предпринята попытка оправдать политику компартии Германии и Коминтерна в период перед приходом к власти нацистов и всю ответственность за этот факт возложить на руководство социал-демократии.

150 Имеется в виду поджог германского рейхстага 27 февраля 1933 г. В большинстве работ, посвященных этому событию, которые были написаны болгарскими, немецкими, советскими, американскими историками как марксистского, так и других направлений, поджог рейхстага рассматривался как заранее подготовленная нацистами провокация. В последнее время появился, однако, ряд работ, содержащих обоснованные суждения, что рейхстаг был подожжен маньяком-одиночкой Маринусом ван дер Люббе (принятая версия фамилии голландского люмпена, подлинная фамилия которого была ван дер Леббе). Герман Геринг (1893-1946) - германский нацистский деятель. Во время первой мировой войны военный летчик. С 1922 г. руководитель штурмовых отрядов. С 1933 г. глава правительства Пруссии и имперский министр авиации. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни. Покончил жизнь самоубийством. Согласно мнению ряда авторов, рейхстаг был подожжен отрядом штурмовиков, проникших в него через подземный ход из резиденции главы прусского правительства, то есть резиденции Геринга. В настоящее время эта версия убедительно опровергнута германскими и другими исследователями.

151 "Справедливость и Свобода" - антифашистское итальянское движение, основанное в Париже в 1920 г. Руководитель Карло Росселли. Движение пыталось сочетать идеи либерализма и социализма, отвергая марксизм, необходимость классовой борьбы и революции. Во время второй мировой войны активно участвовало в организации партизанского движения. После войны прекратило существование.

152 "Gegen den Storm" ("Против бури" - нем.). Так назывался сборник, изданный в 1933 г. в эмиграции коммунистической группой Г.Брандлера.

153 См.: Ленин В.И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии. - Соч., изд. 5-е. - Т. 36. - С. 53-54.

154 Бауэр Эуген (настоящие фамилия и имя Аккеркнехт Эрвин) (1906-1988) - участник германской коммунистической оппозиции. В 1933-1934 гг. член Интернационального Секретариата оппозиции. В 1934 г. перешел в Социалистическую рабочую партию.

155 Имеется в виду международный антифашистский конгресс.

156 19 августа 1933 г. состоялся пленум Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции, на котором было принято решение обратиться с воззванием о создании нового Интернационала.

157 Вместе с женой Н.И.Седовой, М.Шахтманом, секретарями ван Хейженоортом, Клементом и Сарой Вебер Троцкий на пароходе выехал во Францию 17 июля 1933 г. и 24 июля прибыл в Марсель. По прибытии ему была передана официальная бумага об отмене приказа о его высылке из страны в 1916 г. и о разрешении въезда во Францию.

158 Литвинов Максим Максимович (настоящие фамилия и имя Валлах Меир) (1876-1951) - советский государственный деятель. Социал-демократ с 1890 г. С 1918 г. член коллегии наркомата иностранных дел РСФСР, в 1920 г. полпред РСФСР в Эстонии, с 1921 г. заместитель наркома, в 1930-1939 гг. нарком иностранных дел СССР. В 1941-1943 гг. посол в США. Затем был отстранен от работы, хотя формально числился заместителем министра иностранных дел.

159 Макстон Джеймс (1885-1946) - лидер Независимой рабочей партии Великобритании в 30-е годы, пацифист. Одобрил Мюнхенское соглашение с

Германией в 1938 г.

160 Онкен - один из многих псевдонимов Троцкого.

161 Конференция независимых левосоциалистических и коммунистических организаций состоялась в Париже 27-28 августа 1933 г. На конференции сформировались три группы - группа, подписавшая "декларацию четырех", левые центристы (британская Независимая рабочая партия, шведская Независимая коммунистическая партия) и правые (Норвежская рабочая партия, Французская партия пролетарского единства, итальянские социалисты-максималисты, Независимая социалистическая партия Румынии и группа российских левых эсеров). Конференция приняла решение с призывом к созыву международного конгресса всех революционных социалистических партий и организаций. Конференция отказалась присоединиться к призыву "декларации четырех" о создании IV Интернационала.

162 АСП - Рабочая социалистическая партия Германии (обычно ее именуют сокращенно САП - Sozialistische Arbeiterpartei), РСП - Рабочая социалистическая партия Голландии, ОСМП - Объединенная социалистическая партия Голландии, ЛО - Левая оппозиция.

163 Кильбом Карл (1885-1961) - лидер шведской Независимой коммунистической партии, исключенной из Коминтерна в 1929 г. Партия была переименована в Социалистическую партию Швеции в 1934 г.

164 "Мот Даг" ("Рассвет") - норвежская центристская группа, в которую входили бывшие коммунисты, исключенные из компартии.

165 Пюписты - члены французской Партии пролетарского единства - существовавшей в течение короткого времени в первой половине 30-х годов мелкой группы во французском рабочем движении.

166 ILP - Independent Labor Party (англ.) - Независимая рабочая партия Великобритании.

167 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 351. Написанный Троцким проект заявления был одобрен лишь частью партий, участвовавших в Парижской конференции 27-28 августа 1933 г. Он вошел в историю как "декларация четырех". В окончательный текст документа были внесены существенные изменения (см.: Бюллетень оппозиции. - 1933. - No 36-37. - С. 12-13).

168 Слово "для" исправлено на "над".

169 Слово "пункты" исправлено на "принципы".

170 Вычеркнуты слова "перед международным пролетариатом".

171 Слово "способа" исправлено на "пути".

172 Вычеркнуто слово "превращения".

173 Слова "Восставая и завоеывая власть в отдельных странах, перенося революцию из страны в страну" вычеркнуты и восстановлено "Перенося революцию из страны в страну".

174 Слово "Коммунистический" заменено словом "Третий".

175 Слово "пролетарский" заменено словом "революционный".

176 Вычеркнуто "и его ор".

177 Слова "революционного подъема" заменены словами "победы над капитализмом".

178 Вычеркнуто слово "полное".

179 Слово "Коммунистического" заменено словом "Третьего".

180 Слово "угроза" заменено словом "перспектива".

181 Слово "ряда" заменено словом "цикла".

182 Слова "Нижеподписавшиеся организации намерены с самым товарищеским вниманием относиться к" заменены словами "готовые к сотрудничеству".

183 Вычеркнуты слова "Все такого рода прогрессивные организации очень скоро убедятся на опыте, что их место в наших рядах. С другой стороны,"

184 Вычеркнуто слово "демократии".

185 Слова "Советское государство" заменено словом "СССР".

186 Вычеркнуты слова "хотя и крайне ослабленным гибельной политикой сталинской бюрократии".

187 Вычеркнуто слово "пролетарская".

188 Слова "Советского государства" заменены словом "СССР".

189 Вычеркнуты слова "и дипломатии".

190 Слово "беспощадного" заменено словом "неутомимого".

191 В оригинале пропуск.

192 Броквей Арчибалд Феннер (1888-1988) - секретарь Независимой рабочей

партии Великобритании в 30-е годы и председатель ее Лондонского бюро.

193 Кооперативная партия Великобритании - небольшая партия, коллективный член Лейбористской партии. Рассматривала постепенное кооперативное объединение населения как путь к созданию в конечном счете социалистического общества.

194 См. Декларацию левой оппозиции (большевиков-ленинцев) на парижской конференции. - Примеч. автора. Декларация опубликована в "Бюллетене оппозиции". - 1933. - No 36-37. - С. 12-13.

195 Окончательный текст резолюции см.: Бюллетень оппозиции. - 1933. - No 36-37. Пленум Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции, состоявшийся 19 августа 1933 г., одобрил решения, принятые предварительной конференцией оппозиции в феврале 1933 г.

196 Заявление делегации Интернациональной левой оппозиции (большевиков-ленинцев) на Парижской конференции 27-28 августа 1933 г. "Крушение обоих Интернационалов" см.: Бюллетень оппозиции. - 1933. - No 36-37. - С. 14-17.

197 Занимая эту позицию, пленум делает лишь употребление из того права, которое самой конференцией представлено всем участвующим партиям до 15 октября: ратифицировать или, наоборот, отклонить резолюции конференции. - Примеч. автора.

198 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 303.

199 Marseille (фр.) - Марсель.

200 Если я упоминаю об этом, то для того, чтобы показать, что дело организовано не полицией. Всякий имеет право остановить п[аро]х[од] за определенную плату. - Примеч. автора.

201 Несколько слов причитать не удалось.

202 S ret G n rale (Служба всеобщей безопасности) - французская политическая полиция.

203 Троцкий жил во Франции в 1914-1916 гг. в качестве военного корреспондента российской газеты "Киевская мысль". В основном он занимался, однако, изданием российской социал-демократической газеты "Наше слово". В сентябре 1916 г. он был выслан из Франции за антивоенную пропаганду. Он выехал в Испанию, а затем в США и возвратился в Россию в мае 1917 г. Постановление о высылке Троцкого из Франции оставалось в силе и было отменено, как уже отмечалось (см. примеч. 157), только в 1933 г.

204 Крук Иозеф (Шая) (1898-1942) - польский социалистический деятель, руководитель небольшой центристской группы под названием Независимая социалистическая рабочая партия. Позже стал сионистом, в 1939 г. бежал в Палестину.

205 Имеется в виду российская Партия левых социалистов-революционеров (левых эсеров), которая образовалась в результате раскола партии эсеров в 1917 г. и окончательно оформилась непосредственно после Октябрьского переворота. Издавала газету "Земля и воля". Левые эсеры вошли в коалицию с большевиками. Представители партии вступили в правительство Ленина и другие органы советской власти, заняв второстепенные посты. Лидерами партии были М.А.Спиридонова, Б.Д.Камков, М.А.Натансон, П.П.Прошьян. Левые эсеры выступили против Брестского мира. В июле 1918 г. лидеры партии были арестованы и партия фактически запрещена. Разрозненные группы левых эсеров в 1918 и 1920 гг. присоединились к большевистской партии. Партия продолжала функционировать в эмиграции, примкнув к Социалистическому Рабочему Интернационалу, в деятельности которого участвовал И.Г.Штейнберг. Штейнберг Исаак Захарович (1888-1957) в декабре 1917 - марте 1918 г. был наркомом юстиции РСФСР. После разрыва левых эсеров с большевиками участвовал в подпольной деятельности. Затем эмигрировал. Жил в Германии, Франции, США. Возглавлял группу левых эсеров, входивших во Второй с Половиной Интернационал. Затем участвовал в деятельности Социалистического Рабочего Интернационала. Автор книги "От Февраля к Октябрю 1917".

206 Транмель Мартин (1879-1967) - деятель норвежского социалистического движения. В 1918-1921 гг. секретарь Норвежской рабочей партии, сторонник вступления в Коминтерн. Позже центрист. Под его руководством партия в 1923 г. покинула Коминтерн. В 1921-1946 гг. член руководства Центрального объединения профсоюзов Норвегии.

207 В первые месяцы своего пребывания во Франции Троцкий жил в местечке Сен-Пале вблизи г. Руайана. В начале сентября 1933 г. Н.И.Седова выехала в

Париж для консультаций с врачами в связи с заболеванием рук. В Париже она пробыла около месяца.

208 Куродо Марсель - водитель такси во французском городе Руайян, коммунист. Симпатизировал Троцкому. Осенью 1933 г. посещал Троцкого в Сен-Пале.

209 Мартен де Пейлер Жанна (1897-1961) - жена Р.Молинье, ставшая затем женой Л.Л.Седова. Была членом компартии Франции с 1921 г. В 1929 г. исключена из партии за сочувствие идеям Троцкого.

210 Ланис Вера (1906- ?) - в 1933 г. сожительница Р.Молинье. Родом из Бессарабии. Владела русским языком. Во время пребывания Троцкого во Франции вместе с Ж.Мартен вела домашнее хозяйство в его доме.

211 Речь идет о Л.Л.Седове.

212 Rue Lavando 4 (ул. Лавандо 4) - место в Париже, где произошла первая встреча Л.Д.Троцкого и Н.И.Седовой в 1902 г. Пожились они в следующем году.

213 Борьба эта запечатлена, однако, в ряде исследований и документов, опубликованных отчасти и на иностранных языках. Для английских товарищей имеют большое значение издания американской Лиги (Пионер Паблшерс). Кто хочет серьезно изучить десятилетнюю борьбу левой оппозиции за преобразование и оздоровление Коминтерна, тот должен изучить все эти документы. - Примеч. автора. "Pioneer Publishers" - издательство, выпускавшее литературу Коммунистической лиги США. Существует по настоящее время, издавая главным образом литературу неотроцкистских организаций.

214 "Гнилые местечки" - обезлюдившие в конце XVIII - начале XIX в. в условиях промышленной революции деревни и городки в Англии, сохранившие вплоть до избирательной реформы 1832 г. представительство в парламенте, что отвечало интересам земельной аристократии.

215 Ad hoc (лат.) - относящееся именно к данному случаю или созданное специально для данной цели.

216 В начале октября 1933 г. Троцкий поехал в поселок Батнер де Бигор в Пиринеях, где провел три недели отдыха, продолжая, однако, переписку и работу над книгой о Ленине. Затем он переехал в г. Барбизон под Парижем.

217 Речь идет о Вебер Сара (1900-1976) - деятельнице оппозиционного коммунистического движения. Она была женой деятеля компартии США Луиса Джекобса, ставшего затем участником Коммунистической лиги США. В конце 1933-1934 г. Сара Вебер являлась секретарем Троцкого.

218 Автаркия - политика хозяйственного обособления страны. Являлась официальной экономической доктриной германского национал-социализма.

219 Троцкий имеет в виду политику "нового курса", проводившуюся в США с 1933 г., в условиях экономического кризиса, новым президентом страны Ф.Д.Рузвельтом. Весьма неточно называть эту политику "государственным планированием при сохранении частной собственности". Включавший в себя несколько государственных программ (по оздоровлению промышленности, восстановлению сельского хозяйства, сокращению безработицы, установлению твердого курса доллара, введению социального обеспечения и урегулированию отношений с профсоюзами), "новый курс" был направлен не на планирование, а на введение осторожных мер государственного регулирования в экономической и социальной областях.

220 Имеется в виду международная экономическая конференция в Лондоне 12 июня - 27 июля 1933 г. На конференции был поставлен вопрос об отмене долгов и репараций, связанных с первой мировой войной. Предлагалось заключить международное соглашение о стабилизации валют. Правительство США отнеслось к этим предложениям отрицательно. Конференция завершилась, не приняв никаких решений.

221 Либер Максим - в первой половине 30-х годов американский литературный агент Троцкого. Работал в Нью-Йорке.

222 Николаевский Борис Иванович (1887-1966) - российский социал-демократ и видный историк. Меньшевик. Член РСДРП(о) с 1918 г. В 1918-1921 гг. член петроградской комиссии по проверке архивов охранки. В 1919-1921 гг. директор Архива истории революционного движения в Москве. В 1921-1922 гг. находился в заключении, а затем был выслан из страны. Некоторое время являлся представителем Института Маркса-Энгельса в Берлине. В 1933 г. активно содействовал спасению архивов германской социал-демократии от нацистов. Автор многочисленных исследовательских трудов по истории

русского революционного движения. Во второй половине 30-х годов работал в Амстердамском международном институте социальных исследований. В 1940 г. переехал в США. Был сотрудником Гуверовского Института войны, революции и мира. Являлся куратором собственно коллекции, переданной им в этот институт. Книга Николаевского о провокаторе Евно Азефе вышла несколькими изданиями. Последнее издание: Nicolaevsky V. Aseff the Spy: Russian Terrorist and Police Stool. - Hattiesburg, 1969 (первое издание: Nicolaevsky V. Aseff: Russian Juda. - London, 1934).

223 Напомним, что книга Троцкого о Ленине так и не была написана. Автору удалось написать только первые разделы и отдельные фрагменты следующих глав, которые публикуются в последнем томе данного издания.

224 Речь идет об американском издательстве, с которым вел переговоры литературный агент Троцкого.

225 Nijol, Lastobil - названия лекарств.

226 Разногласия по вопросу о профсоюзах, по-видимому, утратили свою прежнюю остроту, если не окончательно сошли на нет. - Примеч. автора.

227 21 условие приема в Коминтерн - документ, написанный Г.Е.Зиновьевым и позже приписанный В.И.Ленину (последний действительно редактировал и дополнял текст). Условия были утверждены II конгрессом Коминтерна в 1920 г. в качестве барьера, преграждавшего допуск в Интернационал партиям, не желавшим беспрекословно выполнять директивы большевистского руководства. В числе условий были требования безоговорочного разрыва компартий с реформизмом и центризмом, безоговорочной поддержки советской России, введения "демократического" централизма как организационной основы, установления жесткой дисциплины. Коминтерн рассматривался как всемирная компартия. Каждая партия должна была принять наименование: Коммунистическая партия такой-то страны, секция Коммунистического Интернационала.

228 Ледебур Георг (1850-1947) - германский социал-демократ. Один из основателей и лидеров Независимой социал-демократической партии Германии. В 30-е годы выступал за единый фронт социалистов и коммунистов.

229 Гофман Адольф - германский социал-демократ. Участвовал в Циммервальдской конференции 1915 г.

230 Бурдерон Альбер (1859-1930) - французский профсоюзный деятель, секретарь синдиката бондарей. В годы первой мировой войны стоял на пацифистских позициях. Участвовал в Циммервальдской конференции 1915 г. После войны поддерживал реформистское руководство Всеобщей конфедерации труда.

231 Гримм Роберт (1881-1958) - швейцарский социал-демократ. В 1915-1919 гг. председатель Циммервальдского объединения. В 1945-1946 гг. председатель парламента Швейцарии.

232 Кстати: кое-какие мудрецы ни к селу, ни к городу вспоминают "августовский блок" 1912 года, имевший чисто национальные рамки, но оставляют без внимания международную конференцию в Циммервальде, аналогия с которой напрашивается сама собой. - Примеч. автора. Августовский блок - объединение нескольких групп РСДРП, в состав которого вошли часть меньшевиков, бундисты, небольшая группа сторонников Л.Д.Троцкого, который был инициатором объединения. Блок прекратил существование в 1914 г.

233 "Наше слово" - ежедневная газета, издававшаяся в Париже в 1914-1916 гг. Издатели, включая Троцкого, защищали антивоенные позиции, несмотря на цензуру. Газета была закрыта французскими властями и Троцкий депортирован в сентябре 1916 г.

234 Гетье Федор Александрович (1863-1938) - русский врач, терапевт. Главный врач Басманной, а затем Боткинской больниц. Один из основателей Лечебно-санитарного управления Кремля. Был личным врачом В.И.Ленина и его семьи, врачом Л.Д.Троцкого и его семьи в 20-е годы.

235 В Сен-Пале, Багнер де Бигор и затем с 1 ноября 1933 г. в г. Барбизоне Троцкий жил полулегально, скрываясь от нежелательных посетителей, предохраняя себя от вовлечения во внутриполитические тяжбы во Франции. Разумеется, его настоящее имя и место пребывания были известны властям. Однако в апреле 1934 г. его пребывание в Барбизоне стало по чистой случайности известно общественности и вокруг него разгорелись политические страсти. Троцкий был вынужден переехать в Париж, затем в отдаленную деревушку в Альпах, а в июле 1934 г. в Домейн, вблизи Гренобля, где находился около года. В июне 1935 г. Троцкий переехал в Норвегию.

236 Письмо в архиве отсутствует.

237 Александров - врач, лечивший Троцкого в Москве.

238 Солоу Герберт (1903-1964) - радикальный американский журналист. Посетил Троцкого в Турции в 1932 г. Симпатизировал левой оппозиции. В первой половине 30-х годов был членом Рабочей партии США. Активно выступал в защиту Троцкого во время московских политических судебных процессов периода "большого террора" 1936-1938 гг. Позже порвал с левыми и стал редактором популярного американского журнала "Fortune" ("Судьба").

239 Гурбиль Жан - секретарь ячейки французской компартии в г. Руайян. Во второй половине 1933 г., будучи оппозиционно настроенным к сталинистскому руководству партии, регулярно посещал Троцкого в Сен-Пале.

240 По-видимому, речь идет о сестре А.Е.Клячко.

241 Крепо Ивон (1912 - ?) - французский сторонник Троцкого, руководитель молодежной организации Коммунистической лиги Франции. В 1946 г. порвал с последователями Троцкого. Затем был членом нескольких центристских групп.

242 Вальхер Якоб (1887-1970) - деятель германского коммунистического движения, журналист. По происхождению рабочий-металлист. В 1924-1926 гг. работал в Профинтерне. С 1927 г. находился на партийной работе в Германии. Был депутатом рейхстага. Исключен из компартии за участие в группе Брандлера. Являлся членом Социалистической рабочей партии. Во время второй мировой войны находился в США. После войны возвратился в Восточную Германию. Был членом Социалистической единой партии. В 1949 г. исключен из партии, в 1956 г. восстановлен.

243 Фрелих Пауль (1884-1953) - лидер меньшинства в германской коммунистической оппозиции. С 1932 г. один из руководителей Социалистической рабочей партии. В 1933 г. эмигрировал. После войны возвратился в Западную Германию. Присоединился к Социал-демократической партии. Под его редакцией был издан ряд сочинений Р.Люксембург.

244 Томас (настоящие фамилия и имя Рейх Яков) (1886-1956) - функционер Коминтерна. Работал в Германии в 20-е годы. Был членом компартии, поддержал Брандлера. В 1932 г. перешел в Социалистическую рабочую партию. Эмигрировал в Прагу после прихода к власти нацистов.

245 Речь идет об итальянце Марио Бавассано (1895-1964), выступавшем под псевдонимом "Джанко".

246 Строка приписана после написания письма.

247 Речь идет о Э.Аккеркнехте.

248 Имеется в виду Л.Л.Седов.

249 Проект не публикуется. См.: НУ.НЛ. - bMS Russ 13. - Т-7996.

250 Шваб Джим - псевдоним Я.Вальхера.

251 Имеется в виду А.Молинье.

252 "Die Neue Weltb ne" ("Новая всемирная трибуна") - газета германских политэмигрантов. Выходила в Праге в 1933-1939 гг. Являлась преемником газеты К.Осецкого "Werltb ne".

253 Имеется в виду внук Л.Д.Троцкого Сева Волков.

254 Шмидт - германский сторонник Троцкого, его секретарь во Франции в 1933 г.

255 Имеется в виду Шмидт.

256 "Возрождение" - газета на русском языке, выходившая в 20-30-е годы в Париже. Формально была независимой, но финансировалась полпредством СССР и проводила соответствующий курс.

257 См.: Ленин В.И. В.М.Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б). - Соч., изд. 5-е. - Т. 54. - С. 136.

258 На IV конгрессе Коминтерна (ноябрь 1922 г.) Ленин выступил с докладом "Пять лет российской революции и перспективы мировой революции".

259 В феврале 1933 г. правительство СССР внесло на рассмотрение конференции по разоружению, созванной Лигой Наций, предложение об определении агрессии. Указывалось, какие действия следует считать агрессией, перечислялись известные уже поводы, использовавшиеся нападавшими странами, для оправдания нападения. Конференция не приняла советского предложения.

260 Фиш Гамильтон (1888 - 1996) - член Палаты представителей США, а затем сенатор в 1919-1944 гг. Выступал против признания СССР и сотрудничества с ним, за изоляционистскую политику США. Во время второй мировой войны был инициатором создания воинских частей в составе

афроамериканцев. В 1944 г. потерпел поражение на выборах и сошел с исторической сцены.

261 Речь идет о политике "нового курса" Ф.Рузвельта.

262 "Adelphi" - английский журнал. Выходил в 1923-1954 гг.

263 Витте (настоящие фамилия и имя Гиотопулос Деметриус) (1901-1965) - греческий коммунистический деятель, сторонник Троцкого, лидер группы архивомарксистов. В 1932-1933 гг. был членом Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции. В 1933 г. порвал с Троцким.

264 "The New Leader" ("Новый руководитель") - английская газета. Орган Независимой рабочей партии.

265 Смит Чарлз Эдрю (1895 - ?) - врач, член Независимой рабочей партии Великобритании. По поручению руководства своей партии посетил Троцкого в Сен-Пале и взял у него интервью, опубликованное газетой "The New Leader" (1933, October 13th).

266 Приложение отсутствует.

267 Фуртмюллер Люкс (1880-1951) - германский сторонник Троцкого, эмигрант. В годы второй мировой войны и после нее жил в США. См. письмо Троцкого Фуртмюллеру: HU.NL. - bMS Russ 13. - T-8223.

268 Предложение не окончено.

269 Видимо, имеется в виду Леон Лезуаль.

270 Выписка в архиве отсутствует.

271 Имеется в виду статья Л.Д.Троцкого "Классовая природа Советского государства. (Проблемы Четвертого Интернационала)". - Бюллетень оппозиции. - 1933. - No 36-37. - С. 1-12.

272 Толлер Эрнст (1893-1939) - германский писатель-экспрессионист, активный участник рабочего движения. В 1919 г. был членом правительства Баварской Советской Республики. С 1933 г. находился в эмиграции.

273 Верекен Жорж (1896-1978) - бельгийский сторонник Троцкого, лидер крайне левого крыла в бельгийской секции Интернациональной левой оппозиции. В 1935 г. осуществил в секции раскол, отказавшись одобрить вступление в Бельгийскую рабочую партию. В 1938 г. отказался поддержать создание Четвертого Интернационала.

274 "Чи-жа-ло" - искажение слова "тяжело".

275 По всей видимости, Троцкий имел в виду сонату Бетховена для фортепиано "Апассионата".

276 Речь идет о книге Э.Эррио "Жизнь Бетховена", изданной на французском языке в Париже в 1929 г. и неоднократно переиздававшейся в разных странах.

277 Статья Троцкого "Задушенная революция" (о романе А.Мальро "Завоеватели") впервые была опубликована в качестве одного из приложений к книге: Trotsky L. La r volution permanente. - Paris, 1932. Новую статью о творчестве писателя Троцкий, по-видимому, не написал.

278 Дата пропущена.

279 "Daily Worker" ("Ежедневный рабочий") - английская газета, орган компартии Великобритании. Выходила в 1930-1966 гг.

280 2 Интернационал - организация, официально называвшаяся Международным объединением социалистических партий. Была создана на учредительной конференции в Вене в феврале 1921 г. Объединение рассматривалось как временное и должно было послужить инструментом для создания единого Интернационала. В качестве непосредственных были выдвинуты задачи защиты русской революции, ликвидации Версальского договора и освобождения колониальных народов. 2 Интернационал существовал два года. В начале 1923 г. было принято решение о его слиянии с II Интернационалом, которое произошло на объединительном конгрессе в Гамбурге 21-26 мая 1923 г. Объединенная международная организация получила наименование Социалистический Рабочий Интернационал.

281 Декларация четырех партий "О необходимости нового Интернационала и его принципах" была подписана Интернациональной коммунистической лигой, Революционной социалистической партией и Независимой социалистической партией Голландии и Социалистической рабочей партией Германии 26 августа 1933 г., накануне открытия в Париже конференции независимых левых социалистических партий и коммунистических групп. Остальные партии и организации, участвовавшие в конференции, декларацию не поддержали.

282 Конференция революционно-социалистических и коммунистических

молодежных организаций была открыта 9 декабря 1933 г. в Амстердаме. Однако она была разогнана полицией. Конференция состоялась 28 февраля 1934 г. в Бельгии. Она приняла резолюцию с призывом вести борьбу за создание нового Интернационала.

283 Изер – река на юге Франции. Троцкий ошибся – во время первой мировой войны на Изере военных действий не было.

284 Верден – крепость на реке Мез (Маас). В феврале-декабре 1916 г. в районе Вердена происходили ожесточенные бои. Германские войска пытались прорвать фронт французской армии, но встретили ожесточенное сопротивление. Обе стороны понесли тяжелые потери. В декабре 1916 г. французские войска восстановили положение, существовавшее перед началом немецкого наступления.

285 Имеются в виду евреи.

286 Меттерних Клеменс (1873-1859) – австрийский государственный деятель, князь. Министр иностранных дел и фактический глава правительства в 1803-1821 гг., канцлер в 1821-1848 гг. Противник объединения Германии. Один из организаторов Священного союза Австрии, Пруссии и России.

287 Макиавелли Никколо (1469-1527) – итальянский политический мыслитель и писатель. Автор трактата "Государь", в котором выступал за сильную государственную власть. Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства.

288 Дарвинизм – теория эволюции органического мира Земли, основанная на воззрениях Чарльза Роберта Дарвина (1809-1882) – английского естествоиспытателя, автора труда "Происхождение видов путем естественного отбора" (1859). Согласно Дарвину, эволюция основана на изменчивости, наследственности и естественном отборе.

289 Гобино Жозеф Артур де (1816-1882) – французский социолог и писатель, один из основоположников расизма. Автор этнографических работ по Востоку.

290 Фауст – герой немецких народных легенд и произведений мировой литературы и искусства. Прототипом был легендарный доктор Иоганнес Фауст – бродячий астролог, якобы живший в конце XV – первой половине XVI в. Ходили легенды о союзе Фауста с дьяволом (Мефистофилем). Всемирно известны "Фауст" И.В.Гете, одноименная опера Гуно, "Доктор Фаустус" Т.Манна.

291 Гамлет – герой одноименной трагедии У.Шекспира. Его имя стало символом человека, полного внутренних противоречий и сомнений. Отсюда термин "гамлетизм".

292 Эйнштейн Альберт (1879-1955) – физик-теоретик, один из основоположников современной физики. Жил в Германии, в 1933 г. эмигрировал в США. Создал частную и общую теорию относительности. Автор трудов по фундаментальным проблемам физики. Лауреат Нобелевской премии (1921).

293 Розенберг Альфред (1893-1946) – деятель Национал-социалистической партии Германии. С 1923 г. редактор ее газеты "F lkischer Beobachter" ("Народный наблюдатель"). С 1933 г. руководил внешнеполитическим отделом партии. С 1941 г. министр по делам оккупированных территорий. Один из идеологов нацизма. Автор книги "Миф XX века" (1930), рассматривавшейся как идейное обоснование нацизма. Казнен по приговору Международного трибунала в Нюрнберге.

294 Гесс Рудольф (1894-1987) – деятель Национал-социалистической партии Германии. С 1925 г. личный секретарь Гитлера, с 1933 г. заместитель Гитлера по партии. В мае 1941 г. перелетел в Великобританию с предложением мира. Был интернирован. На Нюрнбергском процессе 1945-1946 гг. симулировал потерю памяти. Был приговорен к пожизненному заключению. Покончил самоубийством в берлинской тюрьме "Шпандау".

295 Horse d'oeuvre (О-девр – фр.) – закуска, подаваемая перед более обильной едой.

296 Вандервельде Эмиль (1866-1938) – бельгийский социалист, адвокат. С середины 90-х годов XIX в. руководитель Бельгийской рабочей партии. С 1900 г. председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. Неоднократно был министром (многостранных дел, юстиции и т. д.)

297 Hoover Institution Archive, В.И.Nicolaevsky Collection, box 351.

298 Название романа пропущено. Очевидно, имеется в виду роман А.Мальро "Королевская дорога" (1930).

299 Слово "искусства" исправлено на "мастерства".

300 Вычеркнуто слово "нынешних".

- 301 Слово "проблемы" исправлено на "вопросы".
302 Зачеркнуто слово "Именно".
303 Слово "Это" исправлено на "Подобное".
304 Зачеркнуто слово "совершенно".
305 Зачеркнуты слова "и психологически".
306 Зачеркнуто слово "этом".
307 Слово "личных" исправлено на "человеческих".
308 Зачеркнута часть слова "идей".
309 Зачеркнуто "и".
310 Зачеркнуто "Мальро".
311 Зачеркнуто слово "над".
312 Зачеркнуты слова "этого замечательного".
313 Зачеркнута подпись "Л,Троцкий".

314 Активно-социалистичеакый фронт - группа политэмигрантов из Германии, проживавших во Франции. Четкого оформления не получила и почти сразу после создания прекратила существование. Проект программы этой группы предусматривал использование психологии как политического оружия.

315 Павлов Иван Петрович (1849-1936) - российский физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности. Академик Петербургской Академии Наук с 1907 г., затем академик АН СССР. Лауреат Нобелевской премии (1904).

316 Троцкий полемизировал с Павловым в 1923 г. в "Письме академику И.П.Павлову" и статье "К первому всероссийскому съезду научных работников" (Соч. - Т. 21. - М., 1927. - С. 260, 264-266).

317 Бреннер Анита (1905 - 1974) - американская писательница и журналистка. Родилась в Мексике. С 1910 г. жила в США. Автор ряда произведений о Мексиканской революции XX в. Корреспондент газеты "The New York Times".

318 Отсутствие вопросов не дает возможности в этом и в некоторых других случаях уяснить смысл ответов.

319 Берлин - корреспондент американского журнала "Jewish Periodical" ("Еврейская периодика").

320 Речь идет о результатах референдума 12 ноября 1933 г. в Германии, на котором 93% голосовавших одобрили выход Германии из Лиги Наций, объявленный Гитлером 14 октября.

321 См.: НУ.НЛ. - bMS Russ13. - Т-10748.

322 О ком идет речь, установить не удалось.

323 Энно Адемар (1899-1977) - бельгийский коммунист. В середине 20-х годов краткое время был генеральным секретарем партии и редактором ее газеты. В конце 20-х годов исключен из партии за поддержку Троцкого. В 1930 г. был инициатором создания Бельгийской лиги коммунистов-интернационалистов. Вскоре порвал с Троцким.

324 A'la (фр.) - подобно.

325 Имеется в виду позиция Сталина и Каменева непосредственно после Февральской революции 1917 г. в России. Она состояла в необходимости условной поддержки Временного правительства в том случае, если его политика будет соответствовать интересам социал-демократии. Позиция Сталина и Каменева была близка к курсу меньшевиков. Апрельская конференция большевиков 1917 г. согласилась с ленинской концепцией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и отказалась от какой-либо поддержки Временного правительства.

326 См.: Trotsky L. Ma vie. - Paris, 1930. - 3 vol.

327 Письмо Л.Д.Троцкого ЦК ВКП(б) от 11 января 1933 г. см.: Бюллетень оппозиции. - 1933. - № 33. - С. 29-30.

328 Проект письма Интернационального Секретариата партиям и рабочим организациям по поводу единого фронта, подготовленный Троцким, см.: On a Fighting Agreement of Proletarian Organizations against Fascism. - Writings of Leon Trotsky. Supplement (1929-33). - New York, 1979. - P. 334-336.

329 Национальная рабочая организация (НАС) - небольшая левая профсоюзная организация в Голландии, основанная в 1893 г. В 30-е годы поддерживала связь с Революционно-социалистической партией Голландии, руководимой Х.Снивлитом.

330 Hoover Institution Archives, В.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

331 Осецкий Карл фон (1889-1938) - германский публицист. Автор острых политических статей, разоблачавших национал-социалистов. Погиб в концлагере

Дахау. Лауреат Нобелевской премии (1936).

332 Имеется в виду книга Гитлера "Моя борьба" (1925).

333 Имеется в виду Геббельс Иозеф (1897-1945) - один из лидеров Национал-социалистической партии Германии и нацистского режима. В 20-е годы примыкал к левому крылу нацистов, позже стал ближайшим сторонником Гитлера. С 1933 г. до конца нацистской власти министр просвещения и пропаганды. В 1944 г. имперский уполномоченный по тотальной мобилизации. Когда Гитлер покончил жизнь самоубийством (30 апреля 1945 г.), в течение двух суток был рейхсканцлером. После вступления советских войск в Берлин также покончил жизнь самоубийством.

334 Лейпцигский процесс 21 сентября - 23 декабря 1933 г. - судебная провокация, организованная нацистами по делу о поджоге здания германского рейхстага 27 февраля 1933 г. В качестве обвиняемых фигурировали председатель Западноевропейского бюро Коминтерна Георгий Димитров (нацисты не знали, что он занимает этот пост), его помощники болгары Благой Попов и Васил Хаджитанев (на суде Танев), председатель коммунистической фракции германского рейхстага Эрнст Торглер и голландец Маринус ван дер Люббе (точнее Леббе), который и был собственно поджигателем или участником поджога. Он был приговорен к смертной казни. Остальных подсудимых суд был вынужден оправдать. Г.Димитров вел себя мужественно и использовал суд для разоблачения нацизма. Вопрос о том, действительно ли нацисты подожгли рейхстаг или лишь умело использовали поджог, до настоящего времени остается дискуссионным, но большинство современных исследователей пришли к выводу, что единственным поджигателем был ван дер Люббе, а нацистские руководители воспользовались случаем для расправы с оппозицией.

335 Открытое письмо Гитлера рейхсканцлеру Ф.Папену от 16 октября 1932 г. было издано в том же году отдельной брошюрой. Текст см.: Hitler A. Reden, Schriften, Anordnungen. - Bd. V. - München, 1998. - S. 29-63. В письме по существу дела излагалась правительственная программа Национал-социалистической партии.

336 "Париж стоит мессы" - легендарное высказывание французского короля Генриха IV (Генриха Наваррского) (1553-1610, король с 1589 г. официально, с 1594 г. фактически). Во время религиозных войн он был главой гугенотов. После перехода в католицизм в 1593 г. был признан королем. В 1598 г. издал Нантский эдикт, завершивший религиозные войны. Католицизм оставался государственной религией, но гугеноты получили свободу вероисповедания. В переносном смысле выражение "Париж стоит мессы" означает выгодный компромисс.

337 Процесс Бейлиса (дело Бейлиса) - антисемитское дело, сфабрикованное в Киеве в 1913 г. Еврей М.Т.Бейлис был обвинен в ритуальном убийстве христианского ребенка Вышинского. Расследование и суд сопровождались выступлениями протеста по всей стране. Бейлис был оправдан.

338 Герострат - грек из г. Эфес (Малая Азия), стремившийся обессмертить и действительно обессмертивший свое имя актом сожжения в 356 г. до н. э. храма Артемиды Эфесской, считавшегося одним из семи чудес света. В переносном смысле Герострат - честолюбец, готовый любой, даже самой скандальной, ценой добиться славы.

339 Речь идет о Маринусе ван дер Люббе (Леббе) - голландском безработном, арестованном 27 февраля 1933 г. в горящем здании германского рейхстага в Берлине и обвиненном вместе с Г.Димитровым и другими в поджоге рейхстага. Был единственным, чью вину Лейпцигский суд признал доказанной. Был приговорен к смертной казни и гильотинирован.

340 Речь идет о Торглере Эрнсте (1893-1963) - деятеле Коммунистической партии Германии. В 1933 г. Торглер был председателем коммунистической фракции рейхстага. Он был одним из подсудимых на Лейпцигском судебном процессе по делу о поджоге рейхстага. Был оправдан, но находился в заключении до 1935 г. Затем освобожден и сотрудничал с нацистскими властями. Был исключен из компартии в 1935 г. После второй мировой войны был членом Социал-демократической партии Германии.

341 Речь идет о Г.Димитрове, Б.Попове и В.Хаджитаневе, привлеченных нацистами к суду по делу о поджоге рейхстага.

342 Парижская Коммуна - захват власти в Париже во время франко-прусской войны 1870-1871 гг. политическими группами, стоявшими на социалистических и радикальных позициях. Парижская Коммуна фактически возникла 18 марта 1871 г.

и была официально провозглашена 28 марта после выборов в Совет Коммуны. В Совете шла острая борьба между большинством (бланкисты и неоякобинцы) и меньшинством (в основном прудонисты). 28 мая Коммуна была разгромлена армией, сохранявшей верность правительству Адольфа Тьера, находившемуся в Версале. Попытки последовать примеру Парижской Коммуны в провинциальных городах были незначительны и легко разбиты. В марксистско-ленинской традиции повторялось произвольное утверждение В.И.Ленина, что Парижская Коммуна была первым опытом диктатуры пролетариата.

343 Реезе Мария (1889–1958) – деятельница компартии Германии, депутат рейхстага. В 1933 г. порвала с компартией и присоединилась к левой оппозиции. В 1934 г. перешла к нацистам.

344 Манос – греческий коммунист-оппозиционер, участник группы Витте.

345 По-видимому, речь идет о резолюции пленума Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции в августе 1933 г. о создании Четвертого Интернационала и временном изменении названия международного объединения на Лигу коммунистов-интернационалистов (большевиков-ленинцев).

346 Имеется в виду появление течений большевиков и меньшевиков на II съезде РСДРП в 1903 г. Разногласия проявились при обсуждении устава партии, первый параграф которого был принят в формулировке, против которой резко выступил Ленин. Однако при выборах центральных органов партии (ЦК и редакция центрального печатного органа) победу одержали сторонники Ленина, откуда и пошло название обоих течений.

347 "L'Internationale" – созданный в 1933 г. журнал Союза коммунистов – группы, отколовшейся в 1931 г. от Французской коммунистической партии. Существовал, как и группа, краткое время.

348 Имелась в виду V конференция РСДРП 5–17 января 1912 г., проходившая в Праге. Принимали участие большевики. Конференция приняла резолюцию об исключении из партии ликвидаторов. Троцкий неточен в том смысле, что на Пражской конференции окончательный раскол партии не произошел. Он имел место после Февральской революции 1917 г. и был зафиксирован Апрельской конференцией большевиков в том же году.

349 После II съезда РСДРП в руководящих партийных органах (ЦК, редакция центрального печатного органа, Партийный Совет) шла борьба за преобладание между большевиками и меньшевиками. В начале 1904 г. Плеханов, совместно с Мартовым и Аксельродом, стали представителями газеты "Искра" в Партийном Совете, по существу дела обеспечив преобладание меньшевиков над большевиками в центральных партийных органах. Ленин фактически был отстранен от участия в ЦК.

350 Текст в косых скобках в оригинале вычеркнут.

351 Проект, подготовленный Л.Д.Троцким.

352 Порцсольд Ладислаус – германский коммунист. Был близок к группе Брандлера. В начале 30-х годов сблизился со сторонниками Троцкого.

353 IV (Объединительный) съезд РСДРП состоялся 10–25 апреля 1906 г. в Стокгольме. Съезд обсудил вопросы о пересмотре аграрной программы, современном моменте и классовых задачах пролетариата, отношении к Государственной Думе, вооруженном восстании и др. На съезде в соответствии с требованиями Второго Интернационала произошло объединение большевиков и меньшевиков. В состав РСДРП были приняты Социал-демократия Королевства Польского и Литвы и Бунд.

354 Николай II (1868–1918) – последний российский император (1894–1917). Был свергнут Февральской революцией 1917 г. Находился в ссылке в Тобольске, а затем в Екатеринбурге. Был расстрелян вместе с семьей и близкими по приказу высших большевистских властей (Ленин, Свердлов), оформленному решением Уральского Совета.

355 См.: Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. – Соч. – изд. 5-е. – Т. 26. – С. 354–355.

356 Работа Л.Д.Троцкого "Уроки Октября" была опубликована в качестве предисловия к т. 3 его собрания сочинений, посвященному событиям 1917 г. ("От Февраля к Октябрю") в 1925 г. В качестве брошюры была выпущена в Ленинграде в 1924 г., то есть до публикации тома, а затем многократно переиздавалась. Одной из важнейших тем работы были уроки революционных выступлений в Германии и Болгарии в 1923 г.

357 Переворот Пилсудского – военный переворот в Польше в мае 1926 г., приведший к установлению авторитарной власти маршала И.Пилсудского.

358 Луи Поль (1872-1948) – французский историк-социалист. Автор книг по истории национального рабочего социалистического и профсоюзного движения, а также по истории международного рабочего движения.

359 См. предыдущий документ.

360 Hoover Institution Archive, В.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

361 Работа Л.Д.Троцкого о революции 1905 г. была впервые выпущена в 1906 г. ("Наша революция: Итоги и перспективы"). В 1910 г. вышло немецкое издание ("Russland in der Revolution. – Drezden, 1910). Затем работа неоднократно переиздавалась. В Советской России была впервые издана в 1922 г. под названием "1905".

362 Hoover Institution Archive, В.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

363 Троцкий неточен. Книга вышла в 1910 г. (см. примеч. 361).

364 Брошюра Л.Д.Троцкого "Туда и обратно" была издана в Петербурге в 1907 г. и переиздана в 1919 г. Затем была включена в книгу "1905".

365 Германия покинула Лигу Наций 14 октября 1933 г. в знак протеста против отказа западных держав согласиться на ее равенство в вооружениях. Япония ушла из Лиги Наций ранее – 27 мая 1933 г., после оглашения доклада комиссии Литтона, признавшего, что она совершила агрессию против Китая.

366 Клаузевиц Карл (1780-1831) – немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (1818). Участвовал в войнах с Францией. В 1818-1830 гг. начальник военного училища в Берлине. В работе "О войне" разработал ряд принципов стратегии и тактики, сформулировал положение о войне как о продолжении политики иными средствами.

367 Политика "блестящей изоляции" Великобритании – внешнеполитический курс британских правящих кругов во второй половине XIX в. Заключался в отказе от участия в длительных международных соглашениях. Благодаря этому Великобритания сохраняла свободу действий с целью укрепления своих международных позиций.

368 Имеется в виду дипломатическое признание СССР правительством Ф.Рузвельта и установление советско-американских дипломатических отношений, а затем подписание торгового соглашения в 1933 г.

369 "Staat, greif zu!" (нем.) – "Государство, будь эффективным!"

370 Война Франции против национально-освободительного движения в Марокко началась в апреле 1925 г. в связи с тем, что восставшие племена риффов провозгласили Республику Рифф. Военные действия велись совместно с испанскими войсками. В Марокко была направлена 200-тысячная армия. Восстание в основном было подавлено к весне 1926 г., но сопротивление отдельных риффских племен продолжалось еще длительное время.

371 Status quo, status quo ante (лат.) – сложившееся положение, положение, существовавшее перед войной или перед другим крупным событием.

372 Имеется в виду подготовка к присоединению СССР к Лиге Наций (СССР вошел в Лигу Наций 18 сентября 1934 г.). Это означало крупное изменение направленности советской внешней политики. В предыдущие годы советская пропаганда не жалела красок для изображения международной организации в самом неприглядном свете в качестве "агентуры империалистических государств Антанты". Однако приход нацистов к власти в Германии привел к повороту внешней политики СССР. После принятия в Лигу Наций СССР стал членом Совета этой организации и принял участие в ее коллективных мерах против агрессии.

373 Так в тексте.

374 Саар (Сарская область) – земля (автономная область) в составе Пруссии (с 1871 г. в составе Германской империи). В 1919 г. была передана под управление Лиги Наций (угольные копи Саара были отданы Франции). В 1935 г. после плебисцита Саар был возвращен Германии. В настоящее время входит в состав Федеративной Республики Германии.

375 Потемкинские деревни – термин, который обозначал попытки российского государственноло деятеля князя Г.А.Потемкина-Таврического ввести в заблуждение императрицу Екатерину II с тем, чтобы создать у нее впечатление процветания северного Причерноморья, захватом которого у Турции и освоением которого он руководил. В переносном смысле – создание иллюзии процветания при фактическом отсутствии такового.

376 В начале августа 1914 г. социал-демократическая фракция IV Государственной Думы, в которую входили большевики и меньшевики, выступила с декларацией, которая осуждала войну и призывала международный пролетариат бороться за ее прекращение. Декларация была оглашена на заседании Думы.

377 Большевистские депутаты IV Государственной Думы были арестованы в конце 1914 г. во время нелегальной конференции под Петроградом, созванной для обсуждения тезисов В.И.Ленина о войне (Ленин занял в них пораженческую позицию). В 1915 г. депутаты были приговорены (вместе с Каменевым, также арестованным во время конференции) к ссылке в Сибирь. Меньшевики продолжали участвовать в работе Думы.

378 Муранов Матвей Константинович (1873-1959) - советский деятель. Социал-демократ с 1904 г. Депутат IV Государственной Думы. После Октябрьского переворота 1917 г. работал в аппарате ЦК РКП(б). В 1923-1934 гг. член Верховного Суда СССР.

379 В начале первой мировой войны Ленин объявил, что война носит империалистический и несправедливый характер с обеих сторон. Он выдвинул лозунги поражения своего правительства в империалистической войне и превращения империалистической войны в войну гражданскую.

380 Франко-прусская война 1870-1871 гг. была войной между Францией, стремившейся сохранить свою гегемонию в Европе и препятствовавшей объединению Германии, и Пруссией, стремившейся к объединению с рядом других германских государств, которые в войне выступали совместно с ней. В сентябре 1870 г. французская армия потерпела поражение под Седаном. Император Франции Наполеон III, командовавший армией, сдался в плен. Прусские войска оккупировали часть французской территории. Война завершилась подписанием Франкфуртского мира, по которому Германия (ее воссоединение произошло в 1871 г.) получила Эльзас, Восточную Лотарингию и 5 млрд франков контрибуции.

381 Проект Л.Д.Троцкого.

382 См. выше, с. 530-579.

383 Hoover Institution Archive, В.I.Nicolaevsky Collection, box 306

384 Речь идет о библиотеке Э.Бернштейна, скончавшегося в 1932 г.

385 Hoover Institution Archive, В.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

386 Статья Л.Д.Троцкого "Анатолий Васильевич Луначарский" была опубликована в "Бюллетене оппозиции". - 1934. - No 38-39. - С. 19-20.

387 Пэрри Мэтью Колбрайт (1794-1858) - военно-морской деятель США, коммодор (1841). Под угрозой военных действий вынудил правительство Японии подписать договор 1854 г., положивший конец изоляции Японии от внешнего мира и открывший японские порты для американских судов.

388 Колумб Христофор (1451-1506) - мореплаватель. Родился в Генуе. Руководил испанскими экспедициями для поиска кратчайшего пути в Индию. В 1492 г. достиг острова Сан-Саолявадор. Эта дата считается датой открытия Америки.

389 Речь идет о Нидерландской революции 1566-1609 гг., сочетавшей антифеодальную борьбу с национально-освободительным восстанием против Испании. Началом революции было Иконоборческое восстание 1566 г., за которым последовал ряд других восстаний и создание Утрехтской унии (1579). Революция завершилась освобождением от испанского господства северных провинций (территории современных Нидерландов) и образованием Республики Соединенных Провинций.

390 Имеется в виду революция в Северной Америке XVIII в. (война североамериканских колоний за независимость от Великобритании).

391 Имеется в виду гражданская война в США между прогрессивным капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом в 1861-1865 гг.

392 Ложе Прокруста (Прокрустово ложе) - в греческой мифологии ложе, на которое разбойник Прокруст укладывал свои жертвы - путников, оказавшихся в его руках. Тому, кому ложе было коротко, он обрубал ноги; тех, кому оно было длинно, - вытягивал. В переносном смысле Прокрустово ложе - искусственная мерка, не соответствующая сущности явления.

393 Анабиоз - состояние организма, при котором резко замедляются все жизненные процессы, что способствует выживанию в крайне неблагоприятных условиях.

394 Стоики - сторонники стоицизма (от греческого слова, обозначающего портик - галерею с колоннами в Афинах, где учил основатель течения Зенон. Возникло в III в. до н. э. Сторонниками позднего стоицизма были древнеримские философы Сенека, Эпикур, Марк Аврелий. В основе учения - представление о мире как о живом организме, пронизанном творческим первоогнем. Этика стоицизма, согласно которой все люди - граждане космоса как мирового государства, равны перед законом, пользовалась большим влиянием

в эпоху Возрождения. Стоицизмом называют также стойкость и мужество в жизненных испытаниях.

395 Имеется в виду библейское сказание о толковании сна фараона Египта находившимся в тюрьме рабом Иосифом, согласно которому тощие коровы - это неурожайные годы, а тучные - урожайные. Для подготовки к неурожайным годам следовало копить запасы провизии (Бытие, 41).

396 Имеется в виду агрессия Японии против Китая.

397 Макговерн Джон (1887-1968) - деятель Независимой рабочей партии Великобритании. Участвовал в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев. В 1947 г. порвал с Независимой рабочей партией. В последние двадцать лет жизни занимал резко выраженную антикоммунистическую позицию.

398 Ленсбери Джордж (1859-1940) - британский политический деятель, лейборист, депутат парламента, редактор газеты "Daily Herald" ("Ежедневный глашатай"). В 1935 г. выступил против санкций Лиги Наций против агрессии фашистской Италии в Эфиопии по пацифистским соображениям.

399 "Lasciate ogni speranza" (ит.) - "Оставьте все надежду".

400 Лондонское бюро (известно также под названиями Интернациональное бюро революционно-социалистических партий и Лондонско-Амстердамское бюро) - международное объединение, зародившееся в 1934 г. и оформившееся в 1935 г. Являлось организацией центристских партий, не связанных с Социалистическим Рабочим Интернационалом и выступавших против создания нового Интернационала. В объединение входили Независимая рабочая партия Великобритании, Норвежская рабочая партия, Социалистическая рабочая партия Германии, Независимая социалистическая партия Голландии.

401 "Peuple" ("Народ") - бельгийская ежедневная газета, центральный орган Бельгийской рабочей партии.

402 Ман Хенрик де (1885-1953) - руководитель правого крыла Бельгийской рабочей партии. В 1933 г. выдвинул "рабочий план" преодоления экономического кризиса. Этот план был поддержан профсоюзами и имел последователей в других странах.

403 Эмиль Вандервельде участвовал в московском процессе 1922 г. над лидерами партии эсеров вместе с другими зарубежными адвокатами. Однако они были вынуждены выступить против многочисленных нарушений правопорядка в зале суда, а также вокруг него и покинуть Москву.

404 Спаак Поль-Анри (1899-1972) - один из лидеров Бельгийской рабочей партии, неоднократно министр иностранных дел. В 1957-1961 гг. был Генеральным секретарем НАТО. В молодости примыкал к левому крылу Социалистической рабочей партии Бельгии и сотрудничал с Троцким.

405 "La mouvement syndicale belge" ("Бельгийское профсоюзное движение") - бельгийский журнал, связанный с Рабочей партией Бельгии.

406 "Il y a fagots et fegots" (фр.) - слова Мольера (драма "Медичи"). Буквально: "Есть вязанки хвороста и вязанки хвороста", то есть "Существуют различные вязанки хвороста". Ирония в том смысле, что между лицами, входящими в определенный класс, имеются различия, что в у каждой категории людей имеются свои особенности.

407 Мольер (настоящие фамилия и имя Поклен Жан Батист) (1622-1673) - французский драматург, актер, реформатор сценического искусства. Создал жанр социально-бытовой комедии. Творчество Мольера оказало огромное воздействие на развитие мировой драматургии и театра.

408 "Action Socialiste" - газета Движения революционных социалистов Бельгии в первой половине 30-х годов.

409 Правильно ИКЛ (ICL, International Communist League) - Международная коммунистическая лига - название Интернациональной коммунистической оппозиции с 1933 г.

410 Ad hominem (лат.) - буквально "к человеку" - аргументация, обращенная к человеческим предрассудкам или эмоциям, не носящая логического характера.

411 Проект, подготовленный Л.Д.Троцким.

412 Hoover Institution Archive, В.И.Nicolaevsky Collection, box 364.

413 Слово "зачисленные" исправлено на "отчисленные".

414 Адрес пропущен.

415 Фамилия густо зачеркнута. Прочитать ее не удалось. Скорее всего речь идет о Ф.Пфемферте.

416 Имеется в виду Socialist Worker Party (SWP) (Социалистическая

рабочая партия). Аббревиатура неточна.

417 Масте Абрахам Джоаннес (1885-1967) - священник, руководитель Рабочей партии США, которая в 1934 г. слилась с Коммунистической лигой США под названием Рабочая партия. В 1936 г. Масте порвал с этой партией и перешел на религиозно-пацифистские позиции.

418 Hoover Institution Archive, В.І.Nicolaevsky Collection, box 364.

419 XIII пленум Исполкома Коминтерна состоялся в декабре 1933 г. Пленум сохранил тактику "класс против класса", полагая, что мировой кризис приведет к дальнейшим потрясениям капиталистической системы. Несмотря на приход нацистов к власти в Германии, оценка социал-демократии как "социал-фашизма" не была отменена. В то же время на пленуме было дано определение фашизма, которое несколько суживало это понятие и в дальнейшем послужило базой для обоснования курса Коминтерна на создание народного фронта.

420 Шкандера (Скандера) Вацлав (1902- ?) - один из лидеров коммунистической оппозиционной организации в Праге.

421 Биробиджан - центр Еврейской автономной области в Хабаровском крае. Создание еврейской автономии в 1934 г. в глухом углу страны, не имевшем никакого отношения к еврейскому населению, находилось в прямом противоречии с большевистской концепцией ассимиляции евреев с окружающим населением, на которой, в частности, весьма энергично ранее настаивал Сталин.

422 Так в тексте.

423 Гласс Франк (1901-1988) - южноафриканский коммунист. Был исключен из компартии за поддержку Троцкого. Выехал в Китай в качестве журналиста, где в течение ряда лет участвовал в революционном движении под именем Ли Фучжен.

424 Айзекс Гаролд (псевдоним Робертс) (1910-1986) - американский журналист, сочувствовавший компартии. В 1932-1934 гг. находился в Китае, где издавал журнал "China Forum". В 1934 г. перешел на сторону Троцкого. Автор книги "Трагедия Китайской революции" (1938). Троцкий написал к этой книге предисловие.

425 "China Forum" ("Китайский форум") - еженедельный журнал на английском языке. Выходил в 1932-1934 гг. под редакцией Г.Айзекса в Китае. Поддерживал компартию. Прекратил выход в связи с переходом Айзекса на позиции поддержки Троцкого.

426 Аберн Мартин (1898-1949) - деятель компартии США со времени ее основания в 1919 г. Был исключен из партии за поддержку Троцкого. Участвовал в создании Коммунистической лиги США. Затем был деятелем Социалистической рабочей партии, с которой порвал в 1940 г. и принял участие в основании Рабочей партии, одним из лидеров которой оставался до смерти.

427 Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству) - квазиобщественная организация, существовавшая в СССР в 1927-1948 гг.

428 Речь идет о XVII съезде ВКП(б), состоявшемся 26 января - 10 февраля 1934 г. Съезд рассмотрел второй пятилетний план и другие вопросы. Был принят новый устав ВКП(б). Сталинская пропаганда навала этой съезд "съездом победителей".

429 Кот Пьер (1895-1977) - французский политический деятель, радикал, затем беспартийный. В 1933-1935 гг. министр. После второй мировой войны примкнул к коммунистам, став одним из организаторов инициированного Москвой всемирного движения сторонников мира. Лауреат Международной Сталинской премии мира (1953).

430 "Daily Mail" ("Еждневная почта") - английская газета. Основана в 1896 г. Выходит в Лондоне и Манчестере.

431 В 1925 г. был подписан Женевский протокол о запрещении применения химического оружия как оружия массового поражения.

432 Тухачевский Михаил Николаевич (1893-1937) - советский военный деятель, маршал Советского Союза (1935). Командовал войсками Красной Армии во время гражданской войны в военных действиях против Деникина и в советско-польской войне 1920 г. Руководил подавлением Кронштадтского восстания 1921 г. и крестьянского восстания в Тамбовской губернии в 1921-1922 гг. В 1925-1928 гг. начальник штаба Красной Армии. С 1931 г. заместитель председателя Реввоенсовета. С 1934 г. заместитель, с 1936 г. первый заместитель наркома обороны. Автор трудов по военной теории. Арестован во время "большого террора" и расстрелян как руководитель

фиктивного "военного заговора".

433 Имеется в виду Наполеон I (Наполеон Бонапарт).

434 Кромвель Оливер (1599-1658) - деятель Английской революции XVII в., руководитель движения индипендентов (независимых). Один из организаторов парламентской армии, одержавшей победы в двух гражданских войнах. С 1650 г. лорд-генерал. В 1653 г. установил режим военной диктатуры - протекторат и стал лордом-протектором.

435 Суворов Александр Васильевич (1729 или 1730 - 1800) - российский полководец, генералиссимус (1799). Одержал многочисленные победы в войнах с Турцией и Францией. Разработал наступательную стратегию, которую успешно применял в сражениях.

436 Екатерина II (1729-1796) - российская императрица с 1762 г. При Екатерине окрепло российское государство, были присоединены Северное Причерноморье, Крым, Северный Кавказ и польские земли. Было разгромлено крестьянское восстание Пугачева (1773-1775).

437 Павел I (1754-1801) - российский император с 1796 г. Вводил прусские порядки в армии. Ограничил дворянские привилегии. Был убит заговорщиками.

438 Хаяси Сенжуро (1876-1943) - японский генерал, военный министр (1934-1935), премьер-министр (1937).

439 Особая Краснознаменная Дальневосточная армия была сформирована в 1929 г. в связи с обострением советско-китайских отношений. В 1929-1938 гг. ею командовал В.К.Блюхер. После его расстрела армия была расформирована.

440 Русско-японская война 1904-1905 гг. происходила за господство в Северо-Востоочном Китае и в Корее. Россия потерпела ряд поражений. Война завершилась Портсмутским мирным договором, подписанным в США, по которому Россия лишилась Южного Сахалина, Курильских островов и права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним (Дайреном).

441 Аннибал (Ганнибал) (247 или 246 до н. э. - 183 до н. э.) - карфагенский полководец. В ходе Второй Пунической войны (218-201 до н. э.) совершил переход через Альпы, одержал ряд побед над римлянами, в частности при Каннах (216 до н. э.). В 202 г. был побежден римлянами.

442 Кузнецкая военно-промышленная база - промышленная область в районе города Новокузнецк (Кемеровская область), развитие которой началось в первой пятилетке. Основными промышленными объектами были разработка угольного бассейна и строительство металлургического комбината, введенного в действие в 1932 г.

443 БАМ (Байкало-Амурская магистраль) - второй магистральный железнодорожный выход СССР к Тихому океану. Строительство было начато в первой пятилетке, но прекращено и возобновлено только в 1974 г.

444 Бурея - река на Дальнем Востоке, левый приток Амура. Малый Хинган - горная система на Дальнем Востоке в пределах России и Китая. Угольные и металлургические месторождения Буреи и Малого Хингана оказались скудными и их активная разработка начата не была.

445 Проект, подготовленный Л.Д.Троцким.

446 На протяжении 1933 г. правительство канцлера Дольфуса в Австрии постепенно сокращало политические и гражданские права населения, устанавливая авторитарный режим. В феврале 1934 г. Социал-демократическая партия Австрии призвала рабочих к всеобщей стачке. 11-16 февраля 1934 г. в Вене имели место столкновения рабочих и их вооруженной организации Шуцбунд с правительственными войсками и полицией. Выступление было разгромлено. Несколько сот человек были убиты. Правительство объявило Социал-демократическую партию вне закона.

447 Троцкий преувеличивает, упоминая о "кровавых боях в Париже". 6 февраля 1934 г. правые экстремистские организации предприняли поход на Бурбонский дворец (место работы Палаты депутатов). Пользуясь недовольством дороговизной, коррупцией и спекуляцией, они стремились вызвать стихийное возмущение населения для дестабилизации обстановки и собственного прихода к власти. Левые силы призвали парижан к сопротивлению. В нескольких местах произошли вооруженные стычки. Вступление правых явилось стимулом к созданию единого фронта левых сил, а затем к образованию народного фронта, зачатки которого проявились уже в проведении 12 февраля 1934 г. всеобщей забастовки протеста против правой опасности.

448 Ренодель Пьер (1871-1935) - французский политический деятель,

социалист, руководитель газеты "L'Humanit " ("Человечество") в 1915-1918 гг. Позже независимый.

449 Продиктовано непосредственно Л[ьвом] Т[роцким]. Замечание о переводе с французского включено по соображениям безопасности. (Это информация Ж[ана] в[ан] Х[ейженпорта]. - Англ.

450 В верхней части письма приписано зеленым карандашом почерком Н.И.Седовой: "1934, апрель".

451 Hoover Institution Archive, В.І.Nicolaevsky Collection, box 307.

452 "Humbles" ("Покорные") - журнал, издававшийся М.Парижанином.

453 "Superbes" ("Великолепные") - приложение к журналу "Humbles".

454 Имеется в виду Французская национальная библиотека - основное хранилище и депозитарий печатных изданий Франции.

455 NRA (National Recovery Administration) - Национальная администрация оздоровления - чрезвычайная государственная организация, созданная Ф.Рузвельтом в 1933 г. для реализации закона о восстановлении промышленности, принятого в том же году в условиях экономического кризиса. Закон предусматривал создание отраслевых хозяйственных групп и введение в них "кодексов честной конкуренции", которые должны были стимулировать промышленное развитие.

456 Очевидно, имеется в виду одно из подразделений корпорации по восстановлению финансов, созданной президентом США Г.Гувером в начале 1932 г. для преодоления экономического кризиса. В числе мер намечались стандартизация и рационализация производства. Существенных результатов деятельность корпорации не дала.

457 Евангелия - раннехристианские сочинения о "земной жизни" Иисуса Христа. Различают канонические (от Марка, Матфея, Луки и Иоанна) Евангелия, которые входят в Новый Завет и апокрифические (не признанные). Сложились в конце I - начале II в.

458 Доктрина Монро - внешнеполитическая программа правительства США, провозглашенная в 1823 г. в послании президента Джеймса Монро конгрессу. Декларировался принцип взаимного невмешательства стран американского и европейского континентов во внутренние дела друг друга. Одновременно провозглашалась необходимость присоединения к США новых территорий и фактически оправдывалась возможная экспансия в Латинской Америке.

459 Имеется в виду американский (известный также как лысый или белоголовый) орел, являющийся государственной эмблемой США. Изображение орла имеется на американских долларах. В этом смысле его скорее следовало бы называть не голубым, а зеленым орлом.

460 Brain trust (англ. - мозговой трест, неофициальная консультативная группа, образованная Ф.Рузвельтом после избрания президентом США в 1932 г. "Мозговой трест" разрабатывал реформы "нового курса", проводившегося Рузвельтом в следующие годы.

461 Last but not least (англ.) - последнее по месту, но не по значению.

462 Квакеры - члены религиозной христианской общины, основанной в XVII в. в Англии. Общины квакеров получили распространение в США и Великобритании. Они отвергают институт священников, церковные таинства, проповедуют пацифизм, занимаются благотворительностью.

463 Картезианство - направление в философии и естествознании XVII-XVIII вв., теоретическим источником которого были идеи Р.Декарта (его латинизированное имя Картезий). Основа картезианства - дуализм (разделение мира на две самостоятельные субстанции - протяженную и мыслящую).

464 Аристотель был создателем силлогистики - учения о логической дедукции, в котором рассматриваются рассуждения в форме силлогизмов, то есть двух посылок, объединенных общим термином, за которым следует логическое заключение.

465 Тевтобургский Лес - горная гряда в составе Везерских гор (Германия). В Тевтобургском Лесу германские племена во главе с Арминием уничтожили римские легионы, что остановило продвижение римлян на Рейн.

466 Chewing gum (англ.) - жевательная резинка.

467 Джексон Эндрю (1767-1845) - президент США (1829-1837). Стремился к установлению в стране так называемой "джексоновской демократии" - расширению прав низших слоев общества.

468 Икслагор - иммигрант из России, проживавший в г. Капштадт (Южно-Африканский Союз). Член компартии. В конце 20-х годов был исключен из

нее за поддержку Троцкого. В следующие годы член группы сторонников Троцкого.

469 Hoover Institution Archive, В.І.Nicolaevsky Collection, box 353.

470 Вычеркнуто слово "область".

471 Синильный - старческий (от английского слова senile).

472 Лига патриотов (Патриотическая лига, Молодые патриоты) - правая националистическая и монархическая организация во Франции. Руководитель Пьер Теттенже. Была образована в середине 20-х годов. Было запрещена после прихода к власти народного фронта в 1936 г.

473 Огненные кресты - правая националистическая организация во Франции. Создана в 1927 г. как военнизированная организация бывших фронтовиков на средства парфюмерного фабриканта Ф.Коти. Руководитель полковник Франсуа де ля Рокк. Организация пользовалась антикапиталистической демагогией. Являлась главной движущей силой выступления правых сил в Париже в феврале 1934 г. Была запрещена правительством народного фронта в 1936 г.

474 Имеется в виду "Camelots du roi" (буквально "королевские разносчики", "разносные торговцы", то есть уличные торговцы, получившие королевскую лицензию). Так называлась ультраправая военнизированная организация, название которой обычно переводится "Королевские молодцы".

475 Французская радикальная партия (правильное название Партия радикалов и радикал-социалистов) - политическая партия, образованная в конце XIX в. Выражала интересы средних слоев. Представители партии многократно входили в правительство.

476 В первом случае Троцкий под радикалами имеет в виду правых экстремистов, во втором случае Радикальную партию.

477 Даладьё Эдуар (1884-1970) - французский политический деятель, член Радикальной партии. Многократно был министром. Премьер-министр в 1933-1934 и 1938-1940 гг.

478 Революция 1848 г. во Франции - демократическая революция, свергнувшая монархию и установившая республиканский строй. Началась в феврале 1848 г. На выборах в Законодательное собрание в мае того же года победила "Партия порядка". В декабре 1848 г. президентом был избран Луи Бонапарт, организовавший в 1851 г. государственный переворот, а через год после этого провозгласивший себя императором. Под идеями революции 1848 г. Троцкий имеет в виду демократические идеи, которые он считает "буржуазными".

479 Марен Луи (1871-1960) - французский правый политический деятель, в течение многих лет депутат парламента.

480 Картель (часто именуется также левым блоком) - соглашение радикалов, республиканцев и социалистов Франции о сотрудничестве, заключенное в начале 1924 г. В мае 1924 г. после парламентских выборов было образовано правительство Картеля. В 1924-1925 гг. правительство возглавлял Э.Эррио. Его правительство провело некоторые реформы (частичная амнистия политических заключенных, признание права государственных служащих на объединение в профсоюзы и др.) При преемниках Эррио (с апреля 1925 г.) были подписаны Локарнские договоры, гарантировавшие западную границу Германии. В июне 1926 г. к власти пришло правоцентристское правительство Национального единения во главе с Р.Пуанкаре. В правительство вошли радикалы.

481 Национальный блок во Франции был образован в 1919 г. В него вошли ряд правых и центристских партий и организаций. Примкнула также партия радикалов. Программа Национального блока предусматривала строгое выполнение Версальского договора с Германией, объединение граждан в рамках "социального и религиозного мира", защиту цивилизации против большевизма, сотрудничество буржуазии и пролетариата, проведение финансовой реформы. На выборах 1919 г. Национальный блок одержал победу и стоял у власти до 1924 г.

482 Шотан Камиль (1885-1963) - французский политический деятель, один из руководителей Радикальной партии. Премьер-министр в 1930, 1933-1934 и 1937-1938 гг.

483 Фроссар Луи-Оскар (1889-1946) - деятель французского социалистического и коммунистического движения. Член Социалистической партии с 1905 г. Во время первой мировой войны стоял на центристско-пацифистских позициях. В 1920 г. поддержал коммунистическое крыло Социалистической партии и после образования компартии в 1920 г. стал ее генеральным секретарем (до 1923 г.). В 1921 г. подверг критике политику Коминтерна, в частности по вопросу о едином фронте. В январе 1923 г. вышел из партии. Пытался создать

альтернативную коммунистическую организацию, но вскоре отказался от этого и возвратился в Социалистическую партию. Избирался депутатом парламента. С середины 30-х годов занимал министерские посты. После оккупации Франции Германией занимался журналистской деятельностью. Когда Франция была освобождена, привлекался к суду как коллаборационист, но был оправдан. Опубликовал книги "От Жореса до Ленина" (1930) и "Под сенью Жореса" (1943).

484 Деа Марсель (1894-1955) - французский профессор философии и правый политический деятель. Сочувствовал германскому нацизму. После оккупации Франции в 1940 г. коллаборационист. В 1941 г. основал партию Народное национальное собрание, являющуюся одной из основных коллаборационистских организаций. Участвовал в организации Легиона французских добровольцев, посланном на германо-советский фронт. В 1944 г. член правительства Виши. В том же году бежал в Италию, где скрывался до смерти.

485 Статья была опубликована в качестве редакционной в газете "La Verit " 9 ноября 1934 г.

486 Котерия (от французского слова coterie) - группа лиц с общими интересами. Обычно термин применяется в отношении политической партии или группы, иногда с презрительно-уничижительным оттенком, имеющим смысл "клика".

487 "Populaire" ("Народная") - ежедневная французская газета, центральный орган Социалистической партии. Выходила в 1918-1970 гг.

488 Так в тексте. Имеется в виду поворот.

489 Понтий Пилат - римский наместник Иудеи в 26-36 гг. Отличался жестокостью. Согласно Новому Завету, приказал распять Иисуса Христа.

490 Rot Front (Красный фронт) - сокращенное наименование Союза красный фронтовиков - вспомогательной организации, основанной компартией Германии в 1924 г. Представляла собой вооруженную организацию партии, сосредоточенную в промышленных районах. В 1929 г. численность составляла около 100 тыс. человек. Организация вступала в кровавые столкновения с полицией и вооруженными формированиями правых партий, в частности со штурмовыми отрядами нацистов. В 1929 г. была запрещена и существовала нелегально до 1933 г.

491 В "Humanit " от 30 октября Вайан-Кутюрье очень неплохо доказывает, что требовать разоружения фашистов от правительства бессмысленно, что разоружить их может только движение масс. Так как речь идет, очевидно, не об "идеологическом", а о физическом разоружении, то мы хотим надеяться, что "Humanit " признает ныне необходимость рабочей милиции. Мы готовы искренно приветствовать каждый шаг сталинцев на правильном пути.

... Но увы, 1 ноября Вайан-Кутюрье делает решительный шаг назад: разоружать фашистов будет не Единый фронт, а полиция Думерга, "под давлением и контролем" Единого фронта. Замечательная идея: без революции, одним лишь "идеологическим" давлением превратить бонапартистскую полицию в исполнительный орган пролетариата! К чему завоевание власти, когда тех же результатов можно достигнуть мирным путем? "Под давлением и контролем" Единого фронта Жермен-Мартен национализировал банки, а Маршандо посадит в "Санте" реакционных заговорщиков, начиная со своего коллеги Тардые. Идея "давления и контроля", взамен революционной борьбы, не выдумана Вайаном-Кутюрье, она позаимствована им у Отто Бауэра, Гильфердинга и русского меньшевика Дана. Назначение этой идеи: отвращать рабочих от революционной борьбы. На самом деле в сто раз легче разгромить фашистов собственными руками, чем руками враждебной полиции. А когда Единый фронт станет достаточно могуществен, чтобы "контролировать" аппарат государства, - следовательно, после захвата власти, никак не раньше, - он попросту разгонит буржуазную полицию и поставит на ее место рабочую милицию. - Примеч. автора. Вайан-Кутюрье Поль (1892-1937) - французский политический деятель и писатель, коммунист. С 1926 г. главный редактор газеты "Юманите". Жермен-Мартель (правильно Жермен Мартель) - французский политический деятель, занимал министерские посты. "Санте" - тюрьма в Париже.

492 Лонге Жан (1876-1938) - французский политический деятель, руководитель центрального крыла Социалистической партии. Внук К.Маркса. Во время первой мировой войны пацифист. Выступал против военной интервенции в советской России. В 30-е годы сторонник сплочения сил, выступавших против нацизма и войны.

493 Мильеран Александр (1859-1943) - французский политический деятель.

В конце XIX в. один из руководителей социалистического движения. В 1899 г. вошел в правительство Вальдека-Руссо в качестве министра. Этот "казус Мильерана" (первое в истории вхождение социалиста в "буржуазное" правительство), который породил "термин "мильеранизм", вызвал острую борьбу тенденций в международном социалистическом движении. Революционные течения остро осуждали этот поступок как форму политического сотрудничества с буржуазией. В 1904 г. Мильеран был исключен из Социалистической партии и продолжал политическую деятельность как независимый. В 1920-1924 гг. был президентом Франции.

494 Вивиани Рене (1863-1925) - французский политический деятель, социалист. Депутат парламента в 1893-1902 гг. Неоднократно входил в правительство в качестве независимого социалиста. В начале первой мировой войны премьер-министр. Был представителем Франции в Лиге Наций в 1920-1921 гг. С 1922 г. сенатор.

495 Лаваль Пьер (1883-1945) - французский политический деятель, премьер-министр в 1931-1932 и 1935-1936 гг. Министр иностранных дел в 1934-1935 гг. В 1942-1944 гг. глава коллаборационистского правительства Виши. Казнен как национальный предатель.

496 Поль-Бонкур Жозеф (1873-1972) - французский социалист. Занимал различные министерские посты (иностраннх дел, труда, военный министр). Был постоянным представителем Франции в Лиге Наций. Автор ряда книг по социально-политической тематике и воспоминаний.

497 Марке Адриен (1884-1955) - французский политический деятель, неосоциалист, мэр г. Бордо. В 1934 г. министр труда в правительстве Г.Думерга. В следующие годы перешел на правоконсервативные позиции.

498 Троцкий оговорился. Имеется в виду революция 1931 г.

499 Речь идет о вооруженных столкновениях в Вене 15-16 июля 1927 г. Перед этим Венский уголовный суд оправдал группу членов правой вооруженной организации Хеймвер, совершивших нападение на рабочую демонстрацию и убивших двух ее участников. В столкновениях с правыми силами и полицией участвовала вооруженная организация Социал-демократической партии Австрии Шуцбунд. Выступление было подавлено.

500 Шуцбунд (Союз обороны) - 20-30-е годы военнизированная организация Социал-демократической партии Австрии, созданная в 1923 г. для борьбы против реакции, в защиту республики. Шуцбундовцы активно участвовали в вооруженных столкновениях в Вене в 1927 и 1934 гг. После выступления 1934 г. многие из них эмигрировали в СССР. Значительная часть была арестована и расстреляна во время "большого террора".

501 Пивер Марсо (1895-1958) - руководитель левой группы во Французской социалистической партии. В 1938 г. стал инициатором образования Рабоче-крестьянской социалистической партии.

502 27 июля 1934 г. был подписан пакт о единстве действий Коммунистической и Социалистической партий Франции, предусматривавший борьбу за ропуск и разоружение "фашистских" лиг, защиту демократических свобод, отмену чрезвычайных декретов, против подготовки войны и др. Предусматривалось создание Комитетов координации действий. Этот пакт стал основой народного фронта, образованного в следующем году и пришедшего к власти в 1936 г.

503 На содержании самой программы мы здесь не останавливаемся, отсылая читателей к нашей брошюре "Programme d Action", которая представляет собой проект такой переходной программы. - Примеч. автора. Имеется в виду брошюра: Trotsky L. Programme d'action. -Paris, 1937.

504 В "Ecole emancip e" т. Ж.Серрэ опубликовал интересный вопросник по поводу экономического положения разных слоев крестьянства и их политических тенденций. Народные учителя могли бы стать незаменимыми агентами Единого фронта в деревне и сыграть в ближайший период историческую роль. Но для этого они должны выйти из своей скорлупы. Поистине, время неблагоприятно для маленьких экспериментов в маленьких лабораториях. Революционные учителя должны вступить в социалистическую партию, чтобы укрепить ее революционное крыло и связать ее с крестьянскими массами. Преступно упускать время! - Примеч автора. Серрэ Жильбер - один из лидеров французской Унитарной федерации учителей, связанной с компартией. "Ecole emancip e" ("Освобожденная школа") - журнал этой федерации. В августе 1934 г. совместно с другими деятелями учительской коммунистической организации

Серре участвовал в дискуссии с Троцким.

505 Hoover Institution Archive, В.І.Nicolaevsky Collection, box 303.
"Робітничі вісті" ("Рабочие известия") - канадская профсоюзная газета на украинском языке.

506 Шевченко Тарас Григорьевич (1814-1861) - украинский поэт и художник. Из семьи крепостных. В 1847 г. был арестован за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе и отправлен рядовым в Оренбургский округ. После окончания службы жил в Петербурге. Автор многочисленных поэм, стихотворений, пьесы "Назар Стодоля".

507 Hoover Institution Archive, В.І.Nicolaevsky Collection, box 307.

508 Скорее всего речь идет о Дунаевской (девичья фамилия Шпигель) Рае (1910-1987) - американской стороннице Троцкого, дочери русских эмигрантов. Позже, в 1937-1938 гг. Дунаевская была секретарем и стенографисткой Троцкого в Мексике.

509 Брайант Луиза (1890-1936) - американская журналистка. В 1917 г. находилась в России вместе со своим мужем Джоном Ридом. Была автором публицистической книги "Шесть красных месяцев в России" (1919).

510 Речь идет об убийстве в Марселе югославского короля Александра I Карагеоргиевича, а также министра иностранных дел Франции Луи Барту, осуществленном хорватской националистической организацией усташей и Внутренней македонской революционной организацией, членом которой был убийца Владо Черноземский.

Указатель имен

Аберн М.
Адлер М.
Адлер Ф.
Айзекс Г.
Аксельрод П.В.
Александр I Карагеоргиевич
Александров
Альфонсо XIII
Аристотель
Арминий
Архимед
Ашингер
Балабанова А.
Барбес А.
Барту Л.
Бауэр О.
Бауэр Э. (Аккеркнехт Э.)
Бебель А.
Бейлис М.Т.
Берлин
Вернштейн Э.
Ветховен Л.
Бисмарк О.
Бласко (Треско П.)
Блюм Л.
Блюхер В.К.
Бонифаций VII
Борис III
Бородин М.М.
Брайант Л.
Брандлер Г.
Брейтшейд Р.
Бреннер А.
Бриан А.
Броквей А.Ф.
Брюнинг Г.
Буденный С.М.

Бурбоны
Бурдерон А.
Буриан В.
Бухарин Н.И.
Бэм
Вазов И.
Вайан-Кутюрье П.
Вальхер Я.
Ван см. Хейженоорт Ж. Ван
Вандервельде Э.
Ван Цзинвей
Ванцлер Д.
Вареекен Ж.
Вебер С.
Вейсборд А.
Вель см. Соболевичус П.
Вельс О.
Вера см. Ланис В.
Вернадский В.И.
Вкрнадский Г.В.
Вивиани Р.
Вильгельм II
Вильямс А.Р.
Витте
Войовой
Волков С.
Ворошилов К.Е.
Врангель П.Н.
Вышинский
Г.
Ганди М.К.
Ганнибал
Гапон Г.А.
Гендерсон А.
Георгиев
Геринг Г.
Герострат
Гесс Р.
Гессен
Гете И.В.
Гетье В.А.
Гжезинский А.
Гильфердинг Р.
Гинденбург П.
Гитлер А.
Гласс Ф.
Гобино Ж.А.
Гофман А.
Гренер К.Э.
Гримм Р.
Гувер Э.
Гугенберг А.
Гуль Р.Б.
Гурбиль Ж.
Гуров см. Троцкий Л.Д.
Даладье Э.
Дан Ф.И.
Даннеберг Р.
Дантон Ж.Ж.
Дарвин Р.Ч.
Дауэс Ч.Г.
Деа М.
Декарт Р.
Деникин А.И.

Джекобс Л.
Джексон Э.
Димитров Г.
Дольфус Э.
Дрейфус А.
Думерг Г.
Дунаевская Р.
Екатерина II
Жанна см. Мариен де Пейлер Ж.
Жермен М.
Жорес Ж.
Жуо Л.
Засулич В.И.
Зейдовиц М.
Зейц К.
Зиновьев Г.Е.
Икслагор
Истмен М.
Кайо Ж.
Каменев Л.Б.
Камков Б.Д.
Каун А.Д.
Кашен М.
Кибальчич Н.И.
Кильбом К.
Клаузевиц К.
Клемент Р.
Клинг Л.
Клячко А.К.
Клячко С.К.
Коллонтай А.М.
Колумб Х.
Колчак А.В.
Конникова А.
Корнилов Л.Г.
Кот П.
Коти Р.
Котовский Г.И.
Крепо И.
Криспин А.
Кромвель О.
Крук И.
Кун Б.
Куродо М.
Лаваль П.
Лакруа (Гарсиа Л.Ф.)
Ландау К.
Ланис В.
Лассаль Ф.
Лебрен А.
Ледебур Г.
Лезуаль Л.
Лейпарт Т.
Ленин В.И.
Ленсбери Д.
Либер М.
Либкнехт В.
Либкнехт К.
Линколн А.
Литвинов М.М.
Ломинадзе В.В.
Лонге Ж.
Луначарский А.В.
Луи П.

Людвиг Э.
Людендорф Э.
Люббе (Леббе) М. ван дер
Люксембург Р.
Маймон
Макговерн Д.
Макиавелли Н.
Макстон Д.
Мальро А.
Ман Х. де
Манн Т.
Манос
Мануильский Д.З.
Марен Л.
Марк Аврелий
Марке А.
Маркс К.
Мартен де Пейлер Ж.
Мартов Л.
Маслов А.
Масте А.Д.
Маурин Х.
Мергейм А.
Меттерних К.
Милль М.
Мильеран А.
Молинье А.
Молинье Р.
Молотов В.М.
Мольер
Монатт П.
Монро Д.
Мосли О.
Муранов М.К.
Муссолини Б.
Мюллер Г.
Мюнценберг В.
Навилль Д.
Навилль П.
Наполеон I
Наполеон III
Натан
Натансон М.А.
Нейман Г.
Николаевский Б.И.
Николай II
Нин А.
Нириг С.
Носке Г.
Онкен см. Троцкий Л.Д.
Осецкий К.
Отто
Павел I
Павлов И.П.
Папен Ф.
Парижанин М.
Певзнер М.И.
Пеллико С.
Перре Р.
Перри М.К.
Петриченко С.М.
Пивер М.
Пилсудский И.
Плеханов Г.В.

Поль-Бонкур Ж.
Понтий Пилат
Попов Б.
Порцсольд Л.
Потемкин Г.А.
Потресов А.Н.
Примо де Ривера Э.М.
Прошьян П.П.
Пуанкаре Р.
Пфемферт А.И.
Пфемферт Ф.
Пьер см. Франк П.
Пэтон Д.
Рабле Ф.
Раковский Г.
Раковский Х.Г.
Реезе М.
Рейх Я.
Реннер К.
Ренолдель П.
Рид Д.
Розенберг А.
Розенфельд К.
Рокк Ф. де ля
Росмер А.
Роселли К.
Рошетт
Рудольф см. Клемент Р.
Рузвельт Ф.Д.
Рыков А.И.
Свабек А.
Свердлов Я.М.
Седов Л.Л.
Седова Н.И.
Селин Л.-Ф.
Селье Л.
Сенека
Серрэ Ж.
Серж В.
Сименон Ж.
Ситрин У.М.
Смит С.А.
Смит Ч.Э.
Снивлит Г.
Соболевичус Р.
Солоу Г.
Спаак П.А.
Спиридонова М.А.
Сталин И.В.
Суварин Б.
Суворов А.В.
Сунь Ятсен
Сфорца К.
Тальгеймер А.
Тардье А.
Тельман Э.
Толлер Э.
Томас см. Рейх Я.
Томский М.П.
Торглер Э.
Транмель М.
Тухачевский М.Н.
Тьер А.
Урбанс Г.

Устрик А.
Ф.В.
Ферзен Л.
Филипп IV
Фиш Г.
Фишер Р.
Форд Г.
Фостер У.
Франк П.
Франкель Я.
Френкель Л.
Фрелих П.
Фридберг К.
Фрик В.
Фроссар Л.-О.
Фуртмюллер Л.
Хаджитанев В. (Танев)
Хаяси С.
Хейженнорт Ж. Ван
Хук С.
Цанков А.
Чан Кайши
Ш.
Шамбеллан М.
Шахтман М.
Шварц см. Седов Л.Л.
Шааб см. Вальхер Я.
Шевченко Т.Г.
Шейдеман Г.
Шекспир У.
Шкандера В. (Скандера)
Шмидт
Шотан К.
Штампфер Ф.
Штейнберг И.З.
Штернберг Ф.
Шустер
Шюсслер О.
Э. см. Энно А.
Э. см. Фридберг К.
Эберт Ф.
Эйнштейн Э.
Энгельс Ф.
Энно А.
Эпикур
Эррио Э.
Юз А.
Hennot см. Энно А.
Jackson A. см. Джексон Э.
Molinier R. см. Молинье Р.
Ponchelli

Указатель географических названий

Австрия
Австро-Венгрия
Азия
Алма-Ата
Альпы
Аляска
Америка
Америка Северная

Америка Центральная
Америка Южная
Амстердам
Амур
Англия см. Великобритания
Арктика
Армения
Атлантический океан
Африка
Багнер де Бигор
Байкал
Барбизон
Барселона
Берлин
Барнаул
Бельгия
Бессарабия
Биробиджан
Болгария
Бостон
Британия см. Великобритания
Брюссель
Буря
Везерские горы
Великобритания
Вена
Верден
Версаль
Германия
Голландия
Горн, мыс
Гренобль
Греция
Гуанчжоу
Дальний Восток
Детройт
Домейн
Европа
Европа Западная
Женева
Забайкалье
Изер
Индия
Иркутск
Испания
Италия
Иудея
Канада
Канны
Кантон см. Гуанчжоу
Капштадт
Касис
Каталония
Кембридж
Киев
Китай
Колумбия
Константинополь
Корея
Кронштадт
Кротон-на-Гудзоне
Куба
Кузнецкий промышленный район
Лейпциг

Лондон
Лотарингия
Мальмеди
Маньчжурия
Марокко
Марсель
Мез (Маас)
Месопотамия
Мозель
Москва
Нанкин
Нидерланды см. Голландия
Норвегия
Нормандия
Нью-Йорк
Палестина
Пало-Алто
Панама (Панамский канал)
Париж
Пачука
Петербург
Пиренейский полуостров
Польша
Прага
Примортье
Принкипо
Причерноморье
Пруссия
Реймс
Рейн
Рим Древний
Ричмонд
Россия
Руайян
Румыния
Рур
Саар (Саарская область)
Сан-Сальвадор
Святой Елены остров
Седан
Сен-Пале
Сибирь
Сиота
Сиракузы
Сицилия
София
Средиземное море

СССР

Стокгольм

США

Таллинн
Тевтобургский Лес
Теннеси
Тихий океан
Турция
Украина
Урал
Франция

Хабаровск
Хабаровский край
Хинган Малый
Циммервальд
Чертов остров
Шанхай
Шафхаузен
Швейцария
Швеция
Эйпен
Эльзас
Эстония
Эфес
Югославия
Якутск
Якутская область
Япония
Marseille см. Марсель
New York см. Нью-Йорк

Содержание

Предисловие 2

1933

Письмо в редакцию газеты "The Militant". 3 января 22
Опасность термидора. (К последней речи Сталина). 11 января 23
Советское хозяйство в опасности. (Письмо в редакцию "САЦ").
26 января 38
Привет немецким большевикам-ленинцам. 2 февраля 45
Правлению левой оппозиции в Германии. 6 февраля 46
Беседа с социал-демократическим рабочим: О едином
фронте обороны. 24 февраля 50
Изъятые страницы из тезисов предконференции, не
вошедшие в русский "Бюллетень". Об испанской
секции левой оппозиции. Февраль 89
По поводу положения в Американской лиге.
(Интернациональному Секретариату). 7 марта 95
Германский фашизм у власти, причины и перспективы.
10 марта 104
Германия и СССР. (В порядке информации секций ИЛО).
17 марта 111
Письмо болгарским единомышленникам. 21 марта 116
Экономическое наступление контрреволюции и профсоюзы.
Заявление делегатов, примыкающих к Международной
левой оппозиции (большевиков-ленинцев) на Пражском
конгрессе против фашизма. Март 118
Письмо А.Д.Кауну. 6 апреля 124
Письмо С. Хуку. 10 апреля 126
По поводу проекта резолюции правления немецкой секции
о новой партии. 21 апреля 129
Всем членам испанской левой оппозиции. 24 апреля 136
Левая оппозиция и САП. 27 апреля 142
Ответ австрийским левым социал-демократам. 3 мая 152
Письмо в редакцию "Бюллетеня оппозиции". 3 мая 157
Письмо А.Конниковой. 6 мая 158
Письмо Л.Френкелю. 8 мая 160
Селин и Пуанкаре. 10 мая 162
Письмо английской левой оппозиции. 19 мая 182

Что с Раковским? 25 мая 185
Письмо Я. Франкелю. 26 мая 187
Ответы на вопросы г. Сименона, представителя газеты
"Пари-Суар". 6 июня 191
Письмо Р.Молинье. 8 июня 198
Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову. 10 июня 200
Письмо А.Д.Кауну. 18 июня 201
Немецкие перспективы. 22 июня 203
Ответы на вопросы Алис Юз, корреспондентки "Нью Йорк
Верлд Телеграмм". 4 июля 222
Фашизм и лозунги демократии. 14 июля 226
Набросок. 7 августа 239
Заявление для печати. 9 августа 246
Правлению Независимой рабочей партии Великобритании.
9 августа 247
В Интернациональный Секретариат. О недопустимом
образе действий тов. А.Нина 10 августа 250
Сталин подготавливает вероломный удар против
большевиков-ленинцев. 23 августа 254
Строительство нового Интернационала и политика
единого фронта. (К предстоящей конференции
левосоциалистических и коммунистических организаций
в Париже). 24 августа 258
Заявление. До 26 августа 263
По поводу предполагаемого участия в Парижской конференции
так называемой Партии "пролетарского единства" (пюписты).
26 августа 267
Куда идет НРП Великобритании? 28 августа 268
Резолюция пленума Интернациональной
левой оппозиции (большевики-ленинцы) по поводу
конференции левых социалистических и
оппозиционных коммунистических организаций в
Париже 27-28 августа 1933 г. Проект. 31 августа 278 Записка Л.Л.Седова.
Август 282
По поводу Парижской конференции 27-28 августа. 1 сентября 284
Письмо Н.И.Седовой. 3 сентября 292
Еще раз о британской НРП. 4 сентября 294
Письмо Н.И.Седовой. 6 сентября 306
Успех или неудача? 7 сентября 308
Письмо М.Либеру. 7 сентября 321
Письмо Н.И.Седовой. 8 сентября 323
Еще раз о Парижской конференции. (Шаг вперед
или шаг вправо). 10 сентября 325
Письмо Н.И.Седовой. 11 сентября 336
Письмо Н.И.Седовой. 12 сентября 338
Письмо Н.И.Седовой. 13 сентября 340
Письмо Н.И.Седовой. 15 сентября 341
Британской секции большевиков-ленинцев. 16 сентября 343
Письмо Н.И.Седовой. 17 сентября 349
Пленуму Интернационального Секретариата. 18 сентября 351
Пора кончать! 18 сентября 354
Письмо Н.И.Седовой. 19 сентября 361
Письмо Н.И.Седовой. 20 сентября 363
В Интернациональный Секретариат. 22 сентября 364
Письмо Н.И.Седовой. 22-23 сентября 364
СССР и Коминтерн. 24 сентября 368
Американской секции. 25 сентября 379
Письмо британским сторонникам. 25 сентября 383
Письмо Н.И.Седовой. 25 сентября 385
По поводу попыток гальванизировать труп Контрольной
Комиссии. (Проект постановления Исполнительной
Комиссии Лиги). 27 сентября 388
Проект устава пленума Интернационального
Секретариата. 27 сентября 389

По поводу нарушений тов. Витте основных организационных принципов большевизма (демократического централизма). 28 сентября 392

Письмо Н.И.Седовой. 28-29 сентября 398

О предстоящей конференции революционно-социалистической и коммунистической молодежи (в Амстердаме 9-10 декабря 1933 г.). 6 октября 409

Что такое национал-социализм? 10 июня, 2 ноября 415

Вместо предисловия. 7 ноября 432

Письмо американским издателям Саймону и Шустеру. 9 ноября 440

Замечания по поводу декларации "Активно-социалистического фронта". 13 ноября 442

Ответы на вопросы Аниты Бреннер, "New York Times". 13 ноября 447

Ответы на вопросы Берлина, "Jewish Periodical", New York 451

Проект письма Интернационального Секретариата британской секциилевой оппозиции. 14 ноября 454

В Интернациональный Секретариат. 15 ноября 457

Бельгийской секции большевиков-ленинцев. 16 ноября 459

Послесловие к французскому изданию книги "Моя жизнь". 16 ноября 465

Интернациональному Секретариату. 22 ноября 471

Письмо В.Буриану. 22 ноября 472

Чего хочет Гитлер? 23 ноября 474

Политический процесс без политической оси. 26 ноября 480

Всем членам греческой секции Международной лиги большевиков-ленинцев. Ноябрь 490

О боевом соглашении пролетарских организаций против фашизма. Ноябрь 502

Замечания по поводу тезисов тов. Ладислауса Порцсольда. 4 декабря 505

Письмо Коммунистической лиге США. 5 декабря 522

Письмо Интернациональному Секретариату. 5 декабря 523

Письмо В.Буриану. 8 декабря 524

Письмо Натану. 12 декабря 525

Письмо В.Буриану. 19 декабря 527

Предисловие к чешскому изданию. 19 декабря 528

Четвертый Интернационал и война. 27 декабря 530

Письмо британским сторонникам. 27 декабря 579

Предложение делегации коммунистов-интернационалистов. 30 декабря 581

Всем секциям Лиги коммунистов-интернационалистов (большевиков-ленинцев). 30 декабря 586

Письмо Л.Л.Седова Л.Д.Троцкому. Дата не установлена 587

1934

Письмо В.Буриану. 1 января 589

Национализм и хозяйство. 4 января 590

За Четвертый Интернационал! (Письмо члену британской Независимой рабочей партии). 5 января 606

Письмо в редакцию "Пэпль". 9 января 615

"План труда". Бельгийской секции коммунистов-интернационалистов (большевиков-ленинцев). 9 января 617

САП, ЛКИ и Четвертый Интернационал. 11 января 637

Резолюция Интернационального Секретариата по поводу постановления Национального Комитета большинства Британской секции от 17 декабря 1933 г. 23 января 652

Письмо В.Буриану. 23 января 656

Комитету меньшинства британской секции. 23 января 658

Серьезный успех! 23 января 660
Письмо В.Буриану. 26 января 665
Письмо Л.Клингу. 28 января 666
Письмо Ф.Глассу. 29 января 667
Красная Армия. 13 марта 670
Большевики-ленинцы - мировому пролетариату. За
Четвертый Интернационал! 705
Письмо Н.И.Седовой. Апрель 720
Письмо М.Парижанину. 9 июля 721
Советы в Америке? 17 августа 722
По поводу письма т. Икслагора из Капштадта. 28 сентября 742
Куда идет Франция? 11 октября 743
Украинским товарищам в Канаде. Редакции "Робитничи висти".
20 октября 804
Письмо М.Истмену. 2 ноября 806
Ответы на вопросы Луизы Брайант. Декабрь 808
Примечания 813
Указатель имен 918
Указатель географических названий 936